

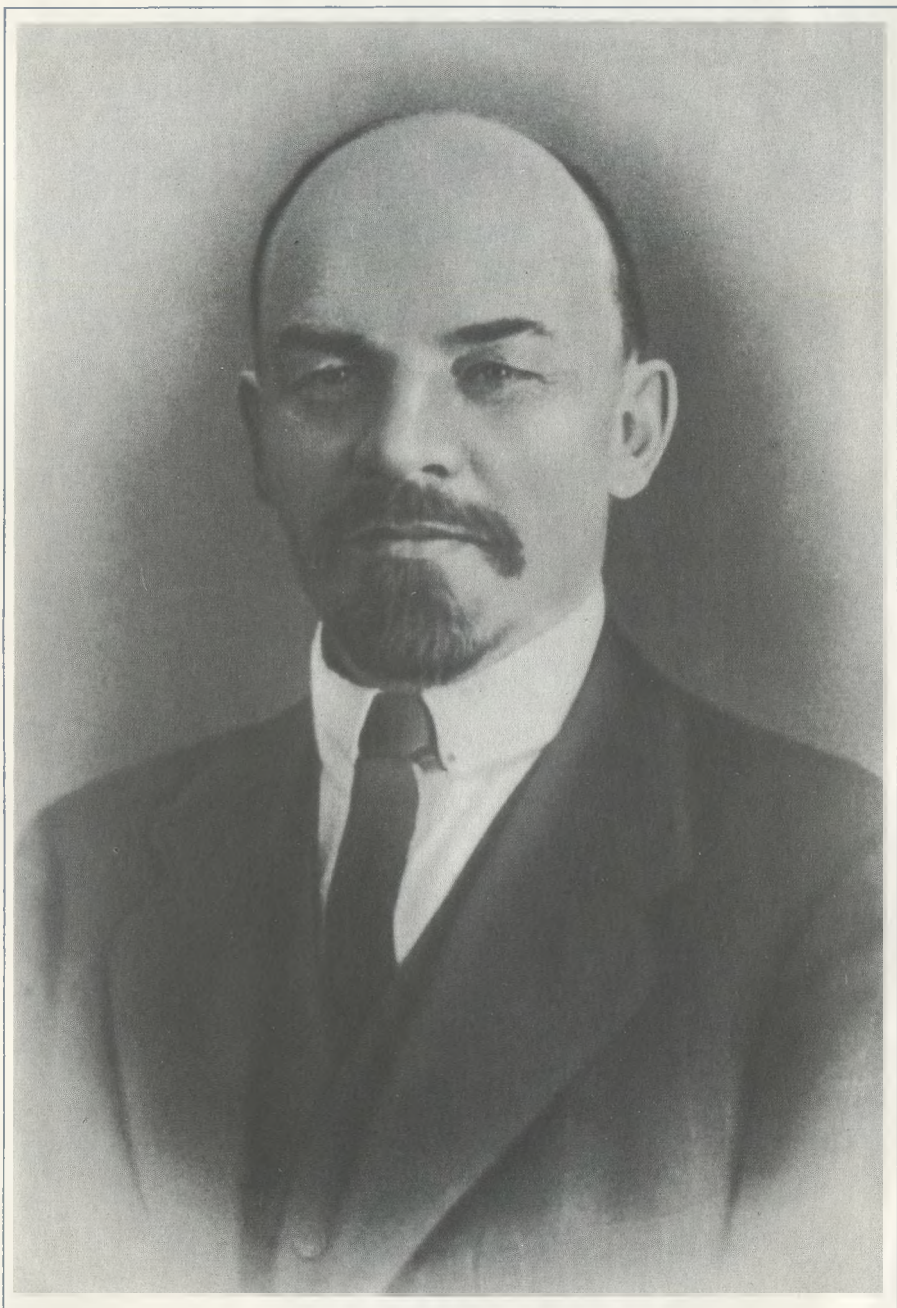
ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ

ТОМ 2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Портрет В. И. Ленина
Фото 1916 г.

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В пяти томах

Издание
второе

ТОМ 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Г. Н. ГОЛИКОВ, Г. Д. ОБИЧКИН,
М. Я. ЦАНКРАТОВА, Н. В. ТРОПКИН.*

ПОДГОТОВИТЕЛИ ВТОРОГО ТОМА:

В. А. ЧАНОВА, К. А. ОСТРОУХОВА.

В77

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : В 5-ти т./Ип-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол. Г. Н. Голиков и др. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1979. —

Т. 2. 1979. 496 с., ил.

Второй том отражает дореволюционный период биографии В. И. Ленина. В него включены воспоминания видных деятелей большевистской партии и активных участников рабочего движения в России.

В $\frac{10102-015}{079(02)-79}$ 82-79 0103020000

13.5
3К26.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том пятитомного издания «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине» содержит мемуары, освещающие период с 1891 г. до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Это воспоминания ближайших соратников Владимира Ильича, старейших деятелей нашей партии, которым посчастливилось на протяжении многих лет вести революционную борьбу под его непосредственным руководством, а также воспоминания рабочих, часто встречавшихся с Лениным или слышавших его выступления на собраниях и митингах. Они освещают разные периоды жизни и самые различные стороны многогранной деятельности В. И. Ленина — великого мыслителя, пламенного революционера, посвятившего себя служению народу, мудрого вождя Коммунистической партии Советского Союза, рабочего класса и многомиллионных трудящихся масс в их борьбе против самодержавия и капитализма.

Том открывается воспоминаниями Г. М. Кржижановского — старого большевика, друга Владимира Ильича, — освещающего его роль в становлении и развитии марксистского движения в России. О деятельности В. И. Ленина в Самаре, в Петербурге, о его борьбе за революционный марксизм, за соединение научного социализма с рабочим движением и создание марксистской партии в России рассказывается также в воспоминаниях М. П. Голубевой, И. В. Бабушкина, В. А. Шелгунова, М. А. Сильвина.

Опубликованные в томе воспоминания агентов «Искры» Ц. С. Бобровской (Зеликсон), Р. С. Землячки, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен, Л. А. Фотевой показывают деятельность В. И. Ленина по руководству газетой «Искра» и петровскими организациями в России, его борьбу с оппортунистами на II съезде и за созыв III съезда РСДРП, его руководство подготовкой нарастающей революции.

Находясь за границей, В. И. Ленин внимательно следил за развертыванием революционного движения в России, был тесно связан с партийными комитетами, руководил их работой, разрабатывал стратегию и тактику большевиков в революции. Об этом говорится в воспоминаниях М. И. Васильева-Южина, Е. Д. Стасовой, К. Е. Ворошилова, А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского, которые рассказывают о Ленине как вдохновителе, организаторе, вожде рабочего класса и широких трудящихся масс в революции 1905—1907 годов.

Поражение революции сопровождалось разгулом черносотенной реакции, ренегатством, предательством временных попутчиков революции, отходом от партии ряда неустойчивых элементов. О том, как в этих тяжелых условиях В. И. Ленин, твердо убежденный в неизбежности новой революции, вел беспощадную борьбу за партию против меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и других оппортунистов, за собиранье и сплочение подлинно революционных сил, рассказывается в воспоминаниях А. М. Горького, С. И. Голлер, Т. Ф. Людвигской. Деятельность В. И. Ленина по созыву и проведению Пражской конференции, имевшей значение съезда партии, его руководство газетой «Правда» и большевистской фракцией IV Государственной думы отражены в воспоминаниях Н. А. Семашко, Е. П. Онуфриева, С. Ю. Багоцкого, А. Е. Бадаева, Г. И. Петровского.

Эта борьба не прекратилась и с началом мировой империалистической войны 1914—1918 годов. Воспоминания старых большевиков Я. С. Гапецкого, В. А. Карпинского, Ф. Н. Самойлова, М. Н. Покровского освещают titаническую работу Ленина по выработке тактики партии по отношению к войне, налаживанию прерванных войной связей с партийными организациями России и руководству их работой, по изданию центрального органа партии — газеты «Социал-демократ». Они воссоздают образ Ленина как подлинно революционного интернационалиста, непримиримого борца против империалистической войны, против пре-

дателей интересов рабочего класса — социал-шовинистов и центристов, как вождя международного революционного рабочего движения.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России положила начало новому этапу революционного движения. О возвращении В. И. Ленина из эмиграции в Россию, о волнующей встрече его в Петрограде, о значении ленинских Апрельских тезисов, о руководстве им борьбой партии за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, о деятельности его в подполье после польских дней рассказывает в воспоминаниях Ф. П. Самойлова, С. И. Гопнер, Н. А. Емельянова, С. Я. Аллилуева, М. В. Фофановой и других. Большой интерес представляют мемуары участников Октябрьского вооруженного восстания: А. С. Бубнова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, Н. И. Подвойского, Е. Д. Стасовой, А. В. Луначарского, А. В. Шотмана, Э. А. Рахы. Они содержат яркий материал, характеризующий Ленина как вдохновителя, организатора, бесстрашного вождя партии и народа, гениального стратега революции, возглавившего самоотверженную борьбу рабочих-красногвардейцев, солдат, матросов за свержение в России власти помещиков, капиталистов и создание первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян.

В воспоминаниях показана обстановка, в которой В. И. Ленин жил, работал, создавал теоретические труды, определявшие пути революционной борьбы. В них отмечаются присущие Ленину характерные особенности: глубокое знание марксистской теории, творческое применение и разработка ее, оптимизм, основанный на понимании объективных законов общественного развития, твердая вера в силы рабочего класса, в победу социалистической революции.

Воспоминания воссоздают образ Владимира Ильича как человека, сочетавшего в себе высокую принципиальность, необыкновенное трудолюбие, скромность, простоту, чуткое, заботливое отношение к товарищам, к людям труда.

* *
*

Большая часть включенных в том воспоминаний печатается или по последним, прижизненным публикациям или заново просмотренным и исправленным авторам; отдельные материалы

даны с небольшими сокращениями. В томе воспоминания расположены в хронологическом порядке, позволяющем наиболее полно и последовательно проследить жизнь и деятельность В. И. Ленина. Все они тщательно сверены с источниками. Необходимые к тексту пояснения даны в виде подстрочных примечаний. В конце тома даются краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, указатель имен, упоминаемых в тексте воспоминаний, и хронологический указатель.

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

При жизни Владимира Ильича всем нам, имевшим счастье близко стоять к нему, пожалуй, самой отрадной темой было бы говорить именно о нем, потому что мы, жившие и работавшие рядом с ним, конечно, ранее других должны были понять и почувствовать, что за человек в его лице работает рядом с нами. Но великая скромность, которая была присуща этому человеку, не позволяла нам в то время говорить о нем.

Теперь, когда для всех ясно, какие могучие скрепы связывали его с широчайшими народными массами, когда о нем говорит весь мир, нам трудно говорить о нем по совершенно другой причине: мы никак не можем примириться с мыслью, что он навеки ушел от нас.

Теперь, конечно, многим и многим ясно, что в лице Владимира Ильича мы потеряли человека, необычайно близкого миллионам трудящихся масс, личность, совершенно исключительную по своим дарованиям, прошедшую такой исторический путь, великое значение которого не подлежит спору, как не подлежит спору и тот факт, что равного ему человека до сих пор не давала наша страна.

Однако не так-то легко проникнуть в тайну гениальности этого человека и выявить основные черты его личности так, чтобы правдиво охарактеризовать те его особенности, которые высоко-высоко поднимали его над всеми нами.

Когда временами в истории человечества появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей. Вспомним, в самом деле, как характеризуют гениального человека.

Есть, например, такое определение: гений — это своеобразно удачное накопление положительных свойств в человеческой личности. Гений — это наглядный пример того, как количество превращается в качество. Вот перед нами просто хороший,

способный, талантливый человек; прибавьте сюда нечто сравнительно немногое, но для данной комбинации качеств особенно веское, и перед вами уже не просто талантливый человек, а человек, гениально одаренный. Однако сказать так общо — значит ничего не сказать. Никакого объяснения тайны гениальности вы здесь не находите.

Есть и такое определение: гениальность — это особый вид трудоспособности, это почти всегда результат громадной, концентрированной энергии труда. Однако нам сейчас приходит на память, что мы знаем много больших труженников, ничего общего с гениальностью не имеющих. Приходится, по-видимому, признать, что общее определение гениальности — неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала. Задача эта большая и трудная: «Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». На первый взгляд он не imponировал. Но припомните, как говорил Маркс об отличительных свойствах пролетарских революций по сравнению с буржуазными. Если верно, что самая сущность движения пролетариата исключает внешнюю фееричность и показной драматизм в действиях главного героя этих революций — народной массы, то не вправе ли мы ожидать выявления особой, так сказать, простоты и в тех лицах, на долю которых выпадает крупная историческая роль истинных вождей пролетариата? Во всяком случае, это отсутствие внешнего, показного блеска было отличительной чертой Владимира Ильича.

Начнем хотя бы с простой, скромной внешности Владимира Ильича. Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, — было в его облике именно нечто как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови. Но стоило взглядеться в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пропизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности, как

только вы начинали несколько ближе всматриваться в его облик. Недаром один известный французский скульптор, вероятно не предчувствовавший дальнейшей исторической деятельности Владимира Ильича, тем не менее был так поражен и восхищен превосходными очертаниями его лба, что буквально преследовал его в Париже своими предложениями вылепить его голову, обладавшую, по мнению этого художника, особой духовной красотой. Он находил громадное сходство в очертаниях лба Владимира Ильича со скульптурами, изображавшими великого мыслителя древности Сократа¹.

Однако с гораздо большей силой сказывалась духовная сущность Владимира Ильича не в его внешности, а в процессе общения с людьми. Неоднократно бывая с Владимиром Ильичем в таких коллективах, которые не имели возможности знать о нем ранее, я всегда наперед предвидел то несомненное, что должно было случиться. Это несомненное заключалось в том, что, где бы ни появлялся Владимир Ильич и в каком бы окружении он ни появлялся, раз только его посещение было связано с необходимостью высказаться по существу, заранее можно было сказать, что он немедленно станет центром общего внимания. Никаких крикливых, громких слов он не скажет, но все, что он скажет, будет так веско и многозначительно, так метко и выразительно, что исключительная одаренность человека, могущего говорить так, станет для всех очевидной.

Вспомнив о Л. Н. Толстом, иногда подчеркивают, что Толстой, в некоторые нужные моменты, переходя на изощренные английский и французский языки, умел дать почувствовать собеседникам, которые неряшливо посягали на интимную близость с ним, все то расстояние, которое отделяло его от такого рода обывателей. Владимир Ильич, не переходя на английский или французский языки, тем не менее обладал аналогичным даром, но в еще большей степени: верный друг и чуткий товарищ для своих подлинных друзей, для работников той пролетарской партии, интересам которой он посвятил безраздельно всю свою жизнь, он был всегда и всюду непримиримейшим врагом всякого филлистерства и обывательщины, всякого примиренчества с болотной обстановкой среды, в какие бы оболочки это примиренчество ни закутывалось. В присутствии Владимира Ильича без всяких видимых усилий с его стороны создавалась всегда какая-то особая атмосфера чистоты и подъема, как-то само собой выходило, что там, где он, неуместны ни праздный разговор, ни пустое и тем более пошлое слово.

Простая на первый взгляд внешность, но именно только на первый взгляд, а затем та же внешность, необычайно привле-

¹ Подробнее об этом написано в воспоминаниях А. В. Луначарского «Из встреч с Владимиром Ильичем в эмиграции» (см. настоящая том, с. 141). *Ред.*

кательная по своему озарению особой духовной красотой, простые слова его речи, но в таком сочетании, в котором немедленно сказывается концентрированная, необычайная мощь его интеллекта,— это, конечно, лишь некоторые отдельные штрихи гениальной личности Владимира Ильича. Несомненна и его громадная трудоспособность, и наличность многосторонней одаренности (недаром — первый ученик в гимназии на протяжении многих лет), и большой запас органических сил. Как-то даже странно читать, и читать неоднократно, в биографических заметках о Владимире Ильиче упоминания о его мощном организме. Некрупная фигура Владимира Ильича как будто не вяжется с обычным представлением о мощности. И тем не менее это так: в этом небольшом компактном теле действительно ключом была жизненная энергия не только духа, но и крепкого, здорового, нормального физически человека. Вспоминаю, что, когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичем я рассказал ему об определении здорового человека, данным известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

«Вот именно так,— говорил он,— если здоровый человек хочет есть,— так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит,— так уж тоже по-настоящему...» Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека.

Коротки, однако, наши земные пути. Поэтому большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя и свои основные целевые устремления. Не в этом ли вообще и заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере. Он говорил мне, что уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор. А когда я его впервые встретил молодым 23-летним человеком, это был еще не отграшенный, но уже вполне отчетливо обрисовывающийся тип человека-мополита, которому суждено было в дальнейшем перед всем миром выявить необычайную силу своей внутренней целостности.

Перед моим умственным взором пропоясаты картины Петербурга и петербургских студенческих революционных кружков начала 90-х годов прошлого века. Попытаюсь на примере первого периода деятельности Владимира Ильича в Петербурге показать, в чем именно заключались целевые устремления этого необычайного юноши. И мне кажется, что тогда до некоторой степени станет ясной та особая складка его исключительной ин-

дивидуальности, которая делала из фигуры весьма одаренного, полного жизненной энергии Владимира Ильича Ульянова гениального Ленина.

Учение научного социализма мы считаем самой великой и самой важной для трудящихся наукой. Эта наука дает ключи к пониманию важнейшего: она показывает, как надо жить, как надо бороться, чтобы изменить, перестроить самую жизнь так, чтобы она из борьбы всех против всех превратилась в гармонический, радостный, братский строй. Именно работы Маркса и Энгельса приуготовили для трудящихся могучие средства борьбы за осуществление трудного перехода от капитализма к социализму. Однако политические события Западной Европы сложились таким образом, что 80-е и 90-е годы явились годами сравнительного затишья на фронте классовой борьбы. Правда, Энгельс утверждал, что за эти годы медленной эволюции социал-демократическая партия Германии нагуливала себе красные щеки, но в последнем счете оказалось, что драгоценное оружие, выкованное такими великими кузнецами будущего, какими были Маркс и Энгельс, было трудами той же социал-демократии размещено в качестве запасного в безобидных арсеналах этой «легальной оппозиции».

И вот на наших северных равнинах появляется необычайный человек, который, как никто, отдает себе отчет в разящей силе того оружия, которое выковано гением Маркса. Для него марксист — прежде всего революционер. Бурно врывается он в этот арсенал запасного оружия немецкой социал-демократии, срывает боевые доспехи со стен, распахивает окна и двери, ударяет в набат и созывает к себе миллионы трудящихся, вооружая их Марксовым оружием для борьбы с капитализмом и его слугами не на жизнь, а на смерть. Таким человеком был В. И. Ульянов-Ленин.

Самая лучшая политика — принципиальная политика. В этом смысле, будучи прекрасно вооружен руководящими принципами учения Маркса, Владимир Ильич был превосходным политиком.

Но хороший политик должен также обладать тем особым чувством, которое называется чутьем действительности. Владимир Ильич примером своей деятельности на протяжении трех российских революций наглядно показал нам высший образец такого проникновеннейшего охвата и понимания действительности.

В 1889 году, 17-летним юношей, духовно еще совершенно не оперившимся, приехал я в Петербург и определился студентом Петербургского технологического института. На втором году своего пребывания в институте я примкнул к левому крылу тогдашнего студенчества. Вспоминаю, что и я и мои новые друзья на первых порах были полны каким-то неопределенным, но вла-

ственным стремлением «сжечь свои корабли», т. е. порвать с той обывательщиной, которая вскармливала нас, собравшихся под одной крышей из различных уголков провинции. Различными путями до нас доходили струйки, так или иначе связывавшие нас с теми воспоминаниями борьбы революционеров-героев, которые славно прошли свой «доблестный и благородный путь» вот здесь, в стенах этого же города. Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолюбивые блестящие публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюрки из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», — вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса — его «Капитал»...

Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами и находили опорные пункты для критического отношения к народничеству всевозможных оттенков, какими бы революционными красками оно ни прикрывалось. Скоро в нашей группе, состоявшей по преимуществу из студентов-технологов, создался специфический культ Маркса¹.

Встречаясь с новыми людьми, мы прежде всего осведомлялись об их отношении к Марксу. Я лично, например, был глубоко убежден, что из человека, который не проштудировал два или три раза «Капитал» Маркса, никогда ничего путного выйти не может... К сожаленью, почти такую же требовательность мы предъявляли не только к студенческим головам, но и к мозгам тех рабочих, с которыми мы уже тогда стремились завязать регулярные сношения, группируя их в определенные пропагандистские кружки. Вспоминая, как терзали мы наших первых друзей из рабочего класса «сюртуком» и «холстом» из первой главы «Капитала», я и по сие время чувствую немалые угрызения совести. Наши революционные рабочие кружки были перегружены и работой культурнического оттенка, чему в немалой степени способствовала та громадная духовная жажда, которую были преисполнены передовые рабочие того времени.

Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозным раз-

¹ В этой группе были С. И. Радченко, Г. Б. Красин, А. А. Вапеев, В. В. Старков, Н. К. Крупская, П. К. Запорожец, А. Л. Малченко, М. А. Сильвин, М. К. Названов, З. П. и С. П. Невзоровы, А. А. Якубова и другие. Г. К.

рядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского приема в нашей среде... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-прежнему связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более imponировало в нем удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «О рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их путаные, искусственные построения о развитии капиталистической экономики¹.

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой Старик, находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая споровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих, к ко-

---

¹ Материалы прочитанного В. И. Лениным доклада «О рынках» были положены в основу написанной им работы «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 67—122). *Ред.*

торым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ,— все это прочно закрепляло за ним придуманную нами кличку¹. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как я уже начал уплывать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

Освоившись в нашей среде, Владимир Ильич не замедлил революционизировать наши порядки. Он прежде всего потребовал перехода от «переуглубленных» занятий с небольшими кружками избранных рабочих к воздействию на более широкие массы пролетариата Петербурга, т. е. перехода от пропаганды к агитации. С этой целью он объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Начиная с зимы 1894 года шпионско-полицейскому механизму Петербурга пришлось в усиленном масштабе познакомиться с той «возмутительной» литературой «подметных листов», которые, несмотря на примитивную гектографскую форму своего производства, весьма заметно стали распространяться именно с этого времени в стенах главнейших петербургских фабрик и заводов. В этих листовках, составленных на основании наших бесед с рабочими, мы старались исходить из повседневных пужд, из данной конкретной обстановки той или другой фабрики, возможно более быстрым темпом переходя к лозунгам политического характера, явно вытекавшим из тех препятствий, которые царское правительство громоздило на путях борьбы рабочих за чисто экономические блага. Летучие митинги, регулярные мавенки, наконец, создание постоянного литературного органа — вот что должно было с естественностью возникнуть из тех заданий, к которым приводил лозунг агитации. Мы, конечно, знали, что сношения с рабочими даже при кружках пропагандистского характера неминуемо должны были закончиться для нашей инициативной группы большими потерями в неравной схватке с тем изоциренным полицейским механизмом, живым олицетворением которого был тогдашний «официальный» Питер. Переход к более широким связям с рабочими массами, на которые толкал нас Владимир Ильич своей проповедью об агитации, конечно, чреват был еще большими опасностями в этом направлении, и можно было заранее сказать, что арест и тюрьма падали на нас в качестве непреодолимого рока. Тем более был прав Владимир Ильич в своих нападениях на нас за ту интел-

¹ Имеется в виду речь Н. К. Крупской на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 г. (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленинце. В пяти томах. Т. 1. М., 1979, с. 590—591). *Ред.*

лигентскую расхлябанность, которую мы допускали в своих личных отношениях. Мы явно грешили тем, что частенько заживали друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы «отвести душу», причем приемы нашей тогдашней конспирации отличались крайней примитивностью.

В 1895 году Владимир Ильич перенес воспаление легких в тяжелой форме, и для поправки ему пришлось выехать на некоторое время за границу. Однако главной задачей этой поездки было вступление в непосредственную связь с группой «Освобождение труда». Можно себе представить, как многозначительна была для нас эта поездка и с каким нетерпением мы поджидали его возвращения. Вот наконец наступил желанный день, и наш «Старик», стремительный и подвижной, как ртуть, вновь вернулся в нашу среду¹. Он живо рассказывал нам о тех впечатлениях, которые вынес от знакомства с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Однако в памяти моей с гораздо большей яркостью живет его описание встреч с парижским пролетариатом. Французский рабочий-массовик своим общим культурным уровнем, своей живой восприимчивостью и своей товарищеской общительностью, по словам Владимира Ильича, представлял как раз тот человеческий материал, с которым наиболее естественным образом могли связываться упования марксистов-революционеров. Как раз к этому времени и к этой поездке Владимира Ильича за границу относится письмо Плеханова к Струве, ставшее нам впоследствии известным, в котором сообщалось, какое впечатление произвел Владимир Ильич на группу «Освобождение труда». Г. В. Плеханов писал в нем, что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню, он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию.

Эта поездка Владимира Ильича за границу отнюдь не носила платонического характера. С этого момента мы вступили в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и, конечно, с помощью этой связи не замедлили расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с Мартовым, доктором Ляховским, а также с социал-демократическими кружками в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильно и в некоторых волжских городах. Чрезвычайно порадовал нас тогда Владимир Ильич и еще одним заморским подарком: ему удалось при помощи двойной стенки в чемодане провезти через границу начинавший в то

---

¹ В. И. Ленин выехал за границу из Петербурга 25 апреля (7 мая); возвратился в Петербург 7 (19) сентября 1895 г. *Ред.*

время входить в употребление мимеограф¹. Этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата.

Как литератор Владимир Ильич и в то время был чрезвычайно плодovit и быстро покрывал своим бисерным мелким почерком толстые тетради, в которых в особенности доставалось печальным «героям» тогдашнего народничества. Наши агитационные листки также предьявляли нам немалый спрос, да к тому же обеспечивалась возможность литературного сотрудничества с группой «Освобождение труда». Таким путем мы, естественно, пришли к мысли об издании специальной рабочей газеты. К сожалению, первый номер «Рабочего дела», тщательно проредактированный и на три четверти составленный самим Владимиром Ильичем, попал не в типографию, а прямо в руки жандармов². А между тем уже этот номер намечал совершенно правильно линию социал-демократической работы на целое десятилетие. На конкретном материале той информации, которая шла к нам с фабрик и заводов Петербурга, мы старались поднять самосознание петербургского пролетариата до того пункта, на котором необходимость революционной политической рабочей партии становится самоочевидной, и делали это, как мне кажется и теперь, в достаточно умелой форме. Насколько я знаю, материал этого номера «Рабочего дела» большей частью не уцелел, как не уцелели и другие рукописи Владимира Ильича, обращавшиеся в то время в революционных кругах Петербурга. Но, по счастью, сохранилась на три четверти брошюра Владимира Ильича, носящая заглавие «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»³. Этот трактат Владимира Ильича по яркости и силе своего анализа, по своему прозорческому предвидению является поистине изумительным. Когда вы читаете его сейчас, он еще весь дышит свежестью, а между тем строки эти написаны были более 60 лет назад. Роль рабочего класса в России и в судьбах российской революции, связь его с крестьянством, прямая, открытая дорога политической борьбы и предвидение победоносного итога коммунистической революции в России, немишуемая связь нашей революции с судьбами мировой пролетарской революции — все это вы найдете на страницах брошюры в ярком и живом изложении. Но в ней также сказывается и другая сильная сторона Владимира Ильича — перед нами грозный полемист, гневно ищеревергающий всех тех, кто становится на пути пробуждения само-

¹ См. об этом воспоминания М. А. Сильвина (настоящий том, с. 50). *Ред.*

² Подробнее о первом номере «Рабочего дела» написано в воспоминаниях М. А. Сильвина «В дни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»» (см. настоящий том, с. 51). *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. *Ред.*

стоятельной революционной пролетарской мысли, кто так или иначе искажает правильное понимание пролетариатом его великой исторической роли.

Таким отразился Владимир Ильич в моем сознании за первый период моей петербургской встречи с ним. Мы видим, что он рано нашел самого себя, нашел ту линию, неуклонное следование которой сделало его великим другом и вождем трудящихся масс. Всю свою удивительную работоспособность, всю энергию своей страстной души он умел сосредоточить для служения одной всепоглощающей цели организации и подъема масс революционного пролетариата, действенного подъема для немедленного преобразования самых основ жизни, тех отношений, в которых стоит человек к человеку в общественном процессе производства.

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ¹

К концу зимы 1895 года тучи явно сгущались над нами. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараешься замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-нибудь отдаленном этапе своего пути внезапно видишь как из-под земли выросшую фигуру явно выслеживающего шпиика. Впоследствии при наличии таких примет мы, конечно, поступали гораздо более практично: меняли паспорта и район действия. Но в те времена мы были еще неискушенными новичками. Прибавьте к этому еще и тот естественный молодой задор, который так влечет к отважным операциям прямой лобовой атаки и с такой неохотой считается с компромиссами, идущими от «холодного разума». Так или иначе, но 8 (20) декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось петербургской «Предварилкой» (Дом предварительного заключения). В стенах этого дома нам предстояло провести целых 14 месяцев. Переход от активной революционной деятельности к мучительному режиму абсолютно одиночного заключения с томительными мыслями о злоключениях близких лиц и с весьма невеселыми перспективами на ближайшее будущее, конечно, не мог быть легким.

Двоих из нас это тюремное заключение сломало навсегда: А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу, а П. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования. Для меня лично и для большинства других товарищей неоценимым спасительным и подкрепляющим средст-

---

¹ Подзаголовки даны по изданию 1933 г. *Ред.*

вом была дружба с Владимиром Ильичем. Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «Предварилки», нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом...

Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом другого человека, что уже одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем.

Окошки в камерах Дома предварительного заключения расположены таким образом, что видеть через их решетку тюремный двор можно было только несколько подтянувшись, что делает такую операцию не особенно легкой, тем более, что сквозь тюремные окошко тяжелой запертой двери надзиратели почти непрерывно следят, чтобы такие манипуляции заключенными не производились. Тем не менее никакие силы зла не могли бы удержать меня от подобного рода маневра в те часы, когда, по моим наблюдениям, в той клетке для прогулок, которая была видна из окна моей камеры, должен был находиться Владимир Ильич. Он точно так же был убежден в том, что вероятность такого свидания на расстоянии в некоторых случаях велика, и мы немедленно вступали в переговоры путем сигнализации пальцами по тюремной азбуке. И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на ходящего в центре круга прогулок угрюмого часового. Вот глядит он на меня с какой-то особо веселой напряженностью и спешно телеграфирует: «Под тобой хохол!» Я бросаюсь на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, пронизывающую пол моей камеры, кричу своему соседу... Увы, наш самый изощренный конспиратор, теперь уже тоже умерший, — С. И. Радченко полузадушенным голосом приветствует меня: «Неужели это ты здесь?» Да, тюремное начальство на этот раз действительно дало маху: однопроцессники очутились рядом, без прослоя уголовного элемента, как это делалось обычно, и Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию. А прокурору и жандармам, вероятно, пришлось немало удивляться той согласованности показаний вновь арестованного С. И. Радченко с нашими показаниями и такой его ориентированности в ходе нашего процесса, которые могли получиться только в результате такого удачного соседства.

Ведя со всеми нами самые деятельные сношения, Владимир Ильич не оставлял без своего воздействия и «волю». Он написал за это время целый ряд листков, брошюру о стачках, к сожалению не увидевшую света вследствие провала Лахтинской типографии партии «Народной воли», и начал писать обширную работу «Развитие капитализма в России», законченную им уже во время ссылки и вышедшую в свет под псевдонимом В. Ильин¹.

За все 14 месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичем в каком-нибудь из длинных коридоров «Предварилки». Выход каждого из нас на прогулку или на допрос сопровождался целой стратегией предупредительных на этот счет средств, вплоть до длительного посвиста, предупреждавшего тюремных надзирателей других поперечных флангов здания об опасности встречи. Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич. Он обладал каким-то удивительным свойством с невероятной скоростью интимно знакомиться с книгой даже при беглом ее просмотре: как говорится, на ловца и зверь бежит. Перелистает, бывало, на твоих глазах объемистый том и немедленно подхватит такие цитаты, которые выводят автора на чистую воду. А если берешь книгу, прочитанную им и всю испещренную замечаниями на полях и удачными подчеркиваниями, то уже никак не сможешь отделаться от той критики Владимира Ильича, которая сквозила в этих ядовитых и до чрезвычайности метких междометиях: «Гм-гм!», «Ха-ха!» и т. п.

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учебы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать свое узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако еще большую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке.

Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия. Но среди всех нас особо ярко окрашенной фигурой нового типа политических борцов был именно Владимир Ильич.

Владимир Ильич, В. В. Старков и я были определены на трехлетнее пребывание в Минусинском округе. Мы со Старковым были назначены в село Тесинское, а Владимир Ильич — в село Шушенское, расположенное от нас на расстоянии свыше 100 верст. Это не мешало нам находиться в постоянном общении, причем особенно аккуратным корреспондентом был, конечно, Владимир Ильич. Примерно два раза в неделю мы получали

---

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3. *Ред.*

от него письма, благодаря которым были в курсе его собственных работ и тех сведений, которые он получал в результате обширной переписки. Эта переписка возникла не только потому, что письма Владимира Ильича всегда были по существу, всегда давали в сжатой и лаконичной форме глубоко обдуманнные ответы по самой сути затрагиваемых тем, но также и вследствие необычайной аккуратности и самодисциплины Владимира Ильича в этом отношении: он мог послать резкий, полемический ответ на полученное письмо, но замолчать или тем более «захалатить» ответ на те запросы, которые к нему поступали, он считал совершенно недопустимым.

Горько мне подумать, что эта груда писем Владимира Ильича, полученная мною за время ссылки, погибла в результате тех мытарств и непрерывных полицейских опасностей, которым пришлось подвергаться в дальнейшем. А между тем эти письма могли бы послужить ценным материалом для характеристики той мощной подготовительной работы, в которую погрузился Владимир Ильич во время своей ссылки. Мы обсуждали с ним и те вопросы, которые были связаны с многообразными темами писавшейся им в то время книги «Развитие капитализма в России», и различные новинки доходившей до нас и русской и немецкой литературы, и все то, что по тому времени казалось нам существенным и злободневным. Думаю, что эта переписка могла бы недурно характеризовать и ту особенность Владимира Ильича, которая сказывалась в его особом навыке и умении прямо и без всяких околичностей подходить к сути любого вопроса. Именно эта особенность обуславливала исключительную простоту и, так сказать, прозрачность его литературного языка. И, вероятно, трудно найти другого писателя, который в такой степени строго следовал бы совету Некрасова: «Мысли просторно — словам тесно».

По воспоминаниям крестьян села Шушенского, опубликованным в печати, видно, какое впечатление производил на них тот исключительно трудовой и правильный образ жизни, который вел Владимир Ильич в ссылке. Его юридическое образование и постоянное корпение над книгами, умение ответить на всякий вопрос и дать вовремя юридический совет быстро создали ему репутацию необычного человека.

Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в течение нескольких недель в селе Шушенском, и эта совместная жизнь с Владимиром Ильичем ярко живет в моей памяти. В ту пору он жил еще в полнейшем одиночестве и его рабочий день, продуманный до последней минуты, составлял превосходные чередования крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрез необходимого отдыха. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и

энергии, весьма не прочь был побороться и повозиться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единоборство, пока он не уймется при самом активном сопротивлении с моей стороны. А затем, после короткой утренней прогулки, начинались графы нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы, как нашей, так и западной, а на отдых полагалось и чтение беллетристики.

Газеты мы получали, конечно, с громадным запозданием и сразу целыми пачками. Но Владимир Ильич ухитрился систематизировать и чтение этих газет: он распределял их таким образом, что каждый день прочитывал только номера, соответствующие темпу запоздания, но именно приходящиеся только на определенный день. Выходило, что он каждый день получает газету, только с большим опозданием. А когда я пытался портить этот газетный ритм, злонамеренно выхватывая сообщения позднейших номеров, он затыкал уши и яростно защищал преимущества своего метода.

Владимир Ильич был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!

Так шли недели за неделями нашей ссыльной жизни, и напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько продвинуться вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку.

Я здесь не имею в виду описывать «времена и нравы» минусинской ссылки тех времен. Отмечу только, что в последнем счете наша социал-демократическая компания с Владимиром Ильичем во главе послужила некоторым яблоком раздора среди ссыльных. Весь этот мирок раскололся на две части, причем вся рабочая публика очутилась на нашей стороне. Когда до наших минусинских степеней дошло послание госпожи Кусковой, ее известное «Кредо» («Верую»), в котором она старалась доказать неосмотрительность политической проповеди среди пролетариата, которому-де на ближайшее время уготованы лишь пути экономической борьбы, а вся борьба политического характера должна быть отнесена на иждивение «белой кости», т. е. господ либералов и всякого рода разночинной интеллигенции,— отношение к этому посланию среди наших ссыльных было весьма

различное. Но лишь один Владимир Ильич правильно оценил всю ту губительность искривления сознания пролетариата, которое могло быть связано с таким хвостизмом и пресмыкательством перед куцым российским либерализмом, и всю близорукость этих якобы практических сторонников чисто экономической борьбы. Энергичная отповедь автору «Кредо», которая затем разошлась по всей России в виде письма за подписью 17 ссыльных Восточной Сибири, целиком принадлежит его перу¹. В такие моменты Владимир Ильич всегда был начеку, всегда кипел негодованием по адресу такого рода противников.

Ссылка приближалась к концу. Еще до окончания ссылки я получил разрешение работать на Сибирской железной дороге. Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата, — вот что было в центре его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты и что это происходит лишь потому, что за длительный срок пребывания в ссылке ему самому поневоле приходилось делать односторонний пажим лишь в сторону литературной деятельности.

Жизнь показала всю правильность намеченного Владимиром Ильичем пути.

ПЕРИОД «ИСКРЫ»

Когда Владимир Ильич по окончании своей сибирской ссылки перебрался за границу и приступил к изданию «Искры», этот момент был поворотным пунктом в судьбах нашей партии. Как известно, в подзаголовке «Искры» был эпиграф: «Из искры возгорится пламя!». Это пламя на наших глазах действительно возгорелось в гигантский октябрьский пожар, зажегший красную зарю над всем поработенным миром. Если теперь пробежать по страницам номеров старой «Искры», можно убедиться в том громадном значении, которое имела ее пламенная отповедь в пробуждении революционной воли российского пролетариата. Вы увидите, как среди всей фаланги блестящих литераторов, собранных по мысли Владимира Ильича под знаменем

---

¹ Имеется в виду «Протест российских социал-демократов» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176). *Ред.*

«Искры», ярко выделяется его центральная направляющая фигура, его простые и ясные мысли, его пламенные слова, преисполненные гнева и отваги и непрестанно зовущие на новые битвы с врагами пролетарского дела. Старая «Искра» навсегда останется поучительным образцом того, как надо вести орган партии, чтобы он был одновременно и путеводным, зовущим к себе и предупреждающим об опасностях маяком, и боевым набатом, властно будящим революционную страсть и волю к действию. Под ее знаменем в России стали накапливаться те силы, которым впоследствии пришлось в небывалом историческом масштабе выявить всеокрушающую мощь ленинской тактики, ленинского «марксизма в действии». Именно под этим знаменем происходили первые группировки «железной когорты большевиков».

Я миую первые российские ячейки организации «Искры», являвшиеся прообразом будущих комитетских организаций; миую союзничество с «Южным рабочим», деятельность первого организационного комитета по созыву съезда партии (ОК), работу в самарском центре и перехожу к воспоминаниям, связанным с киевским периодом моей революционной деятельности (1903—1905 годы).

Вспоминается II съезд партии в 1903 году и первый раскол в рядах только что сложившейся РСДРП. По воле этого съезда мне пришлось быть в рядах ЦК первого созыва и поэтому в самом деятельном контакте с женевским центром.

В тогдашнем Киеве, где поместилась основная ячейка ЦК, нам на первых порах приходилось крайне туго.

На ЦК лежала ответственность за постановку работы во всероссийском масштабе, нужно было спаять разрозненные клубочки впервые образовавшихся комитетов в единое целое, поддержать силы борющихся товарищей в условиях крайне неравной борьбы с зубатовщиной и изощренным полицейским механизмом уже чужавшего свою гибель, но еще сильного громадной исторической инерцией царизма.

Великие освободительные цели, все более и более заметно приходящая в движение стихия народных миллионов и небольшая горстка профессиональных революционеров, скудные средства, непрерывный процесс «палаживания» и непрерывные провалы — вот обстановка, в которой приходилось впервые строить партийный аппарат во всероссийском масштабе. Трудно переоценить то гигантское значение, которое имело для нас в этой борьбе за первичные основы партии регулярное появление «Искры». Уже самая мысль о том, что вопреки всем нашим провалам за пределами полицейской досягаемости работает «шестерка», состоящая из Плеханова, Аксельрода, Засулич, Ленина, Мартова и Потресова, поддерживала нас в самые трудные минуты. Судите сами, какое тягостное впечатление произвело на

нас сообщение о том, что первейшим результатом партийного съезда 1903 года оказался раскол именно в этой «шестерке», причем Владимир Ильич, первенствующая и решающая роль которого в редакции центрального органа для нас была давно ясна, должен был очутиться в полнейшем одиночестве.

Ответственная деятельность в Киеве при таких условиях представлялась для меня очень трудной, и, добыв себе нелегальный паспорт, я немедленно перебрался за границу. В Женеве я очутился в настоящем кипящем котле эмигрантской склоки. Встречаясь со своими старыми друзьями, я не узнавал их при том градусе взаимного озлобления, до которого они дошли. Большинство жал этого муравейника было направлено против Владимира Ильича. Особенно памятны жалобные филиппики Плеханова, убеждавшего меня в том, что ради сплоченности старой редакции «Искры», представлявшей, по его мнению, «непобедимую армаду», стоило идти на гораздо большие жертвы, чем та или иная уступка в толковании параграфа о членстве в партии.

Само собой разумеется, что в эти суматошные дни наибольшее число часов я проводил с Владимиром Ильичем, а он-то как раз среди всех этих мягущихся людей отличался наибольшим спокойствием и выдержанностью. Я ясно замечал, что он намеренно старался в минимальной степени «агитировать» меня, предоставляя мне самому беспристрастно разобраться в обстоятельствах происшедшего раскола. Судьба на этот раз была крайне немилостива ко мне и уготовила для меня, еще не разорвавшего со специфическим практицизмом той нашей революционной российской обстановки, о которой я говорил ранее, крайне неблагоприятную буферную роль. Я стал напрягать поистине величайшие усилия в целях примирения недавних друзей.

Владимир Ильич при всей удивительной цельности своего внутреннего «я» был, по сути дела, на редкость скромным и несамовлюбленным человеком. Вспоминаю, что один из моих споров с Владимиром Ильичем затянулся до глубокой ночи. Зная, какое значение он придает нуждам именно нашей, российской революционной практики, я старался убедить его в необходимости примирения, обрисовывая убийственное значение раскола именно для этой практики. «Наконец, — говорил я, — обратите внимание, Владимир Ильич, какая получается ситуация. Ведь, по сути дела, все, решительно все против вас! Даже среди тех немногих лиц, которые голосуют с вами, на мой взгляд, находятся такие, которые делают это главным образом по личной преданности вам. Выходит так, что вы один против всех».

Известно, что некоторое перемирие между Лениным, Плехановым и Мартовым в этот период жепевских переговоров было заключено. Личной спайке этих лиц я придавал особое значение, и личный момент, казалось, был улажен. Но как жестоко

пришлось мне поплатиться за переоценку этого момента и близорукость политического расчета!

Спустя короткий срок я уже вновь был в Киеве и уверял своих киевских друзей, что опасность раскола миновала и что наша старая «Искра» по-прежнему «непобедимая армада». Увы! Прошло еще несколько недель, и мы получили в Киеве целый ряд писем из-за границы с приложением надлежащей литературы, которые свидетельствовали о бесповоротном разрыве между сторонами. Бой вновь разгорелся по всей линии с той лишь разницей, что обе стороны изрядно и поделом поливали меня за мою «болотную» попытку, а дальнейшие события наглядно показали, что зорким в историческом смысле оказался действительно только один Владимир Ильич. И если гениальность заключается именно в предвидении событий, когда таковые признаются за много и много лет до понимания их сущности обычной массой средних людей, то именно в этом раннем распознавании революционного грехопадения меньшевиков с особой наглядностью сказалась гениальная историческая прозорливость Владимира Ильича.

Большевизм и меньшевизм представляли два диаметрально противоположных восприятия объективной сущности вещей. Но с непреложной ясностью это выявилось лишь с дальнейшим течением событий, лишь по мере того, как росли и ширились баррикады народных восстаний на равнинах России.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

События 1905 года застали меня еще в Киеве, где я принимал деятельное участие в большой железнодорожной забастовке, воспользовавшись тем, что при помощи некоторых личных связей мне удалось найти занятие в управлении Юго-Западных железных дорог. В последний период забастовки я был председателем забастовочного комитета, к большому неудовольствию железнодорожного начальства, которому так неприятно было видеть в этой роли дипломированного инженера. Опираясь на громадный отряд железнодорожных рабочих и служащих, мы бодро вели свое наступление и скоро были господами положения не только на линиях железных дорог, но и в самом городе. Власти растерялись, однако нельзя сказать, что и мы видели ясно перед собой предстоящий путь, и глухая тревога все больше и больше охватывала нас, не знавших, каким образом правильно завершить цепь наших бесконечных митингов. Манифест 17 октября появился в то время, когда в рядах железнодорожников и примыкавших к ним различных революционных организаций Киева начиналась уже заметная растерянность. Так, по сути дела, обывательская масса, которая была захлестнута гигант-

ской волной всероссийского забастовочного движения, жаждала причалить к самым ближайшим берегам, обеспечивавшим элементарный прибавок к сумме тех скудных экономических и политических прав, которыми она располагала ранее. Легко понять, как трудно было действовать в этой среде с призывами не верить этим конституционным иллюзиям и деятельно готовиться к неминуемой вооруженной борьбе с коварным противником.

Октябрьские празднества в Киеве закончились расстрелом и кавалерийской атакой против многотысячной толпы, собравшейся на Крещатике и около здания городской думы. Затем последовал гигантский еврейский погром, а немного спустя — еще более кровавое усмирение восставших саперов. Я спасся от ареста только путем отъезда в Петербург, в тот самый Петербург, где в то время находился Владимир Ильич и откуда шли к нам красноречивые предупреждения о том, что прежде всего необходимо держать порох сухим в пороховницах.

Переход от погромного Киева к утопавшему еще в «конституционных свободах» Петербургу был прямо поразителен. В Киеве я уже привык к тому, чтобы не расставаться с револьвером и быть всегда наготове к акту нападения черносотенцев, — недаром черносотенная газета «Киевлянин» почти ежедневно обличала нас, стоявших во главе бастующих железнодорожников, в государственной измене, а здесь, на улицах Петербурга, — обилие самой резкой обличительной литературы, и мальчишьи газетчики, бойко торгующие многочисленными по тому времени газетами и юмористическими журнальчиками, приплясывают на одной ноге и распевают про премьер-министра: «Витте пляшет, Витте скачет, Витте песенки поет...»

Картины киевского погрома, еще до сих пор ярко живущие в моей памяти, аресты близких мне лиц — все это, конечно, не могло способствовать оптимистическому восприятию мной этих петербургских благ. Не всем дано орлиным полетом перекрывать тяжелые провалы действительности. Оглушенный киевскими событиями, я более всего боялся переоценки наших собственных сил и возможностей. Вспоминаю, что на этой почве у меня было немало споров с Владимиром Ильичем. Но одновременно я не мог не восхищаться и не удивляться той гигантской энергии, которую он развил в этот период в Петербурге. Это был, так сказать, его первый, «пробный» выход из подполья на широкую историческую арену, но для всех, имевших глаза, уже стало ясно, какой гигантской исторической фигурой может стать этот человек в условиях именно такой шириной, открытой деятельности. Казалось, что это зарево крестьянских восстаний, что эти первые ласточки грозных военных восстаний, что эти волны бурно разметывавшихся стачек в нем одном находят такой центр, который сможет мудро подсчитать их итоги и, не сму-

щаясь никакими потерями и колебаниями весов изменчивого в повстанческой борьбе счастья, направить корабль революции именно в ту гавань, которая обеспечит с минимумом потерь максимум революционных достижений.

Еще не всеми признанный, еще только полуразгаданный, Владимир Ильич, однако, уже для весьма большого круга лиц являлся вполне признанным капитаном корабля российской пролетарской революции. «День за год!» — вот тот лозунг, которому обязаны подчиняться в период революций борцы за великие достижения этих революций. И Владимир Ильич неуклонно следовал этому лозунгу. Он не только сам всюю использовал своим острым печатным словом открывшуюся возможность говорить в прессе, не прибегая ни к каким эзоповским терминам, — это именно он толкал и организовывал всю нашу партийную пишущую братию, чтобы она не теряла драгоценных минут в борьбе за широкое и истинно революционное просвещение народных масс. Перелистывая сейчас многочисленные работы Владимира Ильича, относящиеся к периоду первой русской революции, поражаешься и восхищаешься зоркостью его взглядов, меткостью его ударов, пророчеством его предвидения и всей той гигантской работой по срыву всех и всяких масок, в которые так любят облекаться враги народа в тот период, когда пробуждается в этом народе революционная воля к действию.

Мне вспоминается одно выступление Владимира Ильича на колоссальном митинге в Народном доме графини Паниной¹. На трибуне последовательно сменяются одна за другой фигуры известных всему Петербургу ораторов. Выступают лучшие силы кадетов и трудовиков. И вот на той же трибуне новая фигура неизвестного широкой толпе оратора. Бросается в глаза только необычайно выпуклая линия лба и пронизывающий блеск слегка косящих глаз. Он говорит только какой-нибудь десяток минут, но вы ясно видите, что этот оратор уже вполне завладел и по-своему зачаровал эту массу впившихся в него с напряженным выражением тысяч и тысяч глаз... Перед нами, несомненно, грозный народный трибун. С железной логикой развертывает он перед слушателями анализ протекающих на их глазах событий, и всем становится ясно, что другого толкования этих событий дать нельзя, как нельзя сомневаться в том, что дважды два — четыре. А если это так, с каким негодованием должен обрушиться суд истории на головы тех, которые не уразумели ясного смысла этих событий и прозевали в них решающую роль движения народных низов. Но еще большее презрение должно пасть на головы тех, которые сознательно стараются затушевать

---

¹ 9 (22) мая 1906 г. В. И. Ленин под фамилией Карпова выступил на народном митинге в доме графини Паниной по вопросу об отношении к Государственной думе. Собрание приняло резолюцию, предложенную В. И. Лениным (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 93—94). *Ред.*

истинный смысл событий, тщатся извратить самосознание трудящихся масс, усыпить их волю побасенками о якобы уже достигнутой мирной пристани. Кто же эти предатели и изменники, обращающие в ничто те громадные жертвы, которые принесены уже пролетариатом в его освободительной борьбе не только за себя, но и за дело всех трудящихся? На поверку оказывается, что под покровом более или менее красивых слов такую измену совершают все партии, до меньшевиков включительно, и лишь одни большевики держат железный курс на неуклонное достижение подлинных, а не фальсифицированных завоеваний революции.

За каждым словом этого оратора чувствуется такая глубокая продуманность до конца, такая страстная убежденность, которые покоряют сильнее всяких словесных красот и изысканных голосовых модуляций. Он сходит с трибуны под гром аплодисментов, переходящих в овацию, и нам приходится наблюдать, что в этом единодушном порыве участвуют даже те, которых он только что обличал. Но ведь в этом-то и сила народного трибуна, могущего покорить массу вопреки ее разнокалиберному составу. Таким трибуном был наш Владимир Ильич, и много нужно было употребить конспиративных уловок, чтобы при таких ярких выступлениях по возможности меньше оглашалось имя В. И. Ульянова-Ленина.

Московское декабрьское восстание было подавлено. Петербург мрачно молчал. Почва под ногами Владимира Ильича становилась все более и более горячей. Расправа с выдающимися деятелями первой российской революции намечалась во все более явной форме. В интересах партии было решено как можно скорее отправить Владимира Ильича за границу; но каких трудов нам стоило это сделать! Как капитан корабля, он оставил его, можно сказать, в буквальном смысле последним. На первых порах с большим трудом мы уговорили его поселиться по крайней мере в Финляндии¹.

Мне памятен один разговор с Владимиром Ильичем незадолго до его отъезда. Как-то вечером он пробрался в мою квартиру после трудного рабочего дня, но такой оживленный, такой приподнятый... Разумеется, разговор был о последних событиях. Я доказывал, что убыль в движении масс после гигантского размаха дает нездоровую почву для отдельных партизанских выступлений и что весь этот частичный террор и разнообразные «эксы» знаменуют спад революционного подъема. Он, наоборот, видел в этом легкую возможность организовывать решительные революционные двойки и тройки — залог новой восходящей волны массовых движений. В последнем счете совершенно правым

¹ В. И. Ленин переехал из Петербурга в Финляндию после 20 августа (2 сентября) 1906 г. и поселился в местечке Куоккала, на даче «Ваза», которую занимал большевик Г. Д. Лейтейзен с семьей. *Ред.*

оказался все же Владимир Ильич, говоривший, что посев 1905 года слишком реален и произведен именно в таких почвенных слоях, признать бесплодность которых — это все равно что признать прекращение биения пульса жизни преисполненной сил огромной страны. Если события 1905 года наглядно показали, как немногие тысячи профессиональных революционеров привели в движение сотни тысяч пролетариев и ближайших попутчиков пролетариев, то в следующий раз десятки тысяч организованных под знаменами партии приведут в движение десятки миллионов, и победа будет несомненна.

Кржижановский Г. Великий Ленин. М., Госполитиздат, 1956, с. 16—44

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

С Владимиром Ильичем Ульяновым я познакомилась осенью 1891 года в Самаре, куда я была выслана под гласный надзор полиции. По тогдашнему обычаю у меня было несколько адресов к лицам, на которых я могла рассчитывать как на товарищей. В числе этих лиц был старый народник Николай Степанович Долгов. Он-то впервые мне и сообщил, что в Самаре живет семья Ульяновых. Об Александре Ульянове я, конечно, имела представление, но Долгов и всю семью Ульяновых изобразил в симпатичных для меня красках, причем сразу же выделил Владимира Ульянова как необыкновенного демократа. На мой вопрос, в чем заключается демократизм Владимира Ульянова, Долгов ответил: «Да так, во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, — ну, словом, во всем». Помню простую обстановку квартиры Ульяновых, просторную столовую, где стоял рояль и большой стол, покрытый белой скатертью... Но даже среди этой простой обстановки Владимир Ильич выделялся своей простотой. Иначе как в блузе или косоворотке я его тогда не видала. Обычный костюм его в то время — ситцевая синяя косоворотка, подпоясанная шурком.

Семья Ульяновых встретила меня очень радушно, но после рассказов Долгова мне, конечно, хотелось прежде всего увидеть Владимира Ульянова. Признаться, в первый момент я несколько даже разочаровалась: невидный, выглядевший старше своих лет молодой человек; хотя должна сказать, что прищуренные, с каким-то особенным огоньком глаза бросались с первого взгляда. Почти весь вечер он молчал, играя с Долговым в шахматы. Когда я собралась уходить домой, Мария Александровна очень забеспокоилась, как я пойду одна на другой конец города, и Владимир Ильич вызвался меня проводить.

Я хорошо помню это первое путешествие мое с Владимиром Ильичем по грязным и темным улицам Самары. Я говорю — первое, потому что потом мы часто так путешествовали: вся-

кий раз, как я уходила от Ульяновых вечером, Владимир Ильич шел провожать меня, и вот тогда-то мы с ним и вели бесконечные разговоры и споры; впрочем, спорила больше я. Но вернусь к первому путешествию. Владимир Ильич очень подробно расспросил меня, как и зачем я очутилась в Самаре, и когда узнал, что я выслана по делу якобинцев-бланкистов, что я якобинка¹, он очень заинтересовался этим обстоятельством и, по-видимому, взял меня как объект для изучения. Вообще, припоминая Владимира Ильича в Самаре, я прихожу к заключению, что он изучал не только Маркса, но, пользуясь всяким случаем, всяким знакомством, впитывал в себя опыт прошлого революционного движения. Владимир Ильич не только проводил меня до дому, но и зашел ко мне, и мы в этот первый вечер долго еще спорили с ним. От якобинцев перешли к Чернышевскому, от Чернышевского к Марксу. Помню, что я сгордила какую-то ужасную пеллепость насчет научного социализма и никак не хотела отказаться от своего мнения, а Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня и сразу же дал мне маленький, но хороший урок. Расстались мы дружески. Я, конечно, решила, что буду обращать его в якобинскую веру, попробовала за это приняться, но скоро убедилась, что это более чем трудно. Все же дружеские отношения наши не прекращались. Видались мы с Владимиром Ильичем раза два в неделю. В те дни, когда я бывала у Ульяновых (а это было в воскресенье), Владимир Ильич обычно шел провожать меня, заходил и в середине недели, приносил мне книги Н.— она, читал иногда какие-то свои заметки. Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» — ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пристрастно разъяснять, что народ не есть нечто целое и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п.

Меня, помню, страшно изумляла необычайная работоспособность Владимира Ильича. К Ульяновым я приходила обычно вечером, вечер проводила в обществе Анны Ильиничны и Марии Александровны, Владимира Ильича почти не видела, он сидел и работал в своей комнате, выходил только к чаю и ужину. Я в его комнате почти не бывала, и вообще в его комнату редко кто входил и из домашних; помню только, что чаще других ходила туда Мария Ильинична, 12—14-летняя девочка, потому что Вла-

¹ Под именем якобинцев-бланкистов известна группа П. Г. Заичневского, в которую входили А. И. Романова, Л. Г. Романов, В. П. Арцыбушев, А. И. Орлов, С. И. Мицкевич, М. П. Голубева-Яснева, Троеперстов и другие. *Ред.*

дмир Ильич, бывало, заберет ее и уведет к себе. Комнату Владимира Ильича все же я хорошо помню: небольшая комната, где прежде всего бросались в глаза письменный стол и книги, много книг; но что меня поразило, так это то, что на его письменном столе наряду с Марксом я увидела статистические сборники и, между прочим, издания земской статистики. В воскресенье Владимир Ильич тоже работал в своей комнате, выходил только к обеду; за обедом перекидывался словом-другим с М. Т. Елизаровым (мужем Анны Ильиничны), расспрашивал меня о новостях. После обеда обычно кто-нибудь приходил, и Владимир Ильич садился играть в шахматы; пробовал меня обучить игре в шахматы, но на этот счет я оказалась плохой ученицей. Владимир Ильич сначала сердился, а потом бросил. Иногда в эти воскресные дни мы целой компанией, т. е. Елизаровы, Владимир Ильич, я и молодежь, бывавшая у Ульяновых (А. П. Скляренко, А. А. Беляков и А. М. Лукашевич), отправлялись к А. И. Ливанову и его жене В. Ю. Виттен (бывшие ссыльные по процессу 193-х). Инициатором этих визитов был Владимир Ильич, и я, помню, удивлялась, с каким вниманием и как серьезно Владимир Ильич слушал незатейливые, а иногда и курьезные воспоминания В. Ю. Виттен.

Помню еще, что раза два Владимир Ильич ходил к губернскому земскому статистику Ивану Марковичу Красноперову. Я у Красноперовых давала уроки детям, и вот, помню, уходя однажды с урока, я в передней столкнулась — и очень этому удивилась — с М. Т. Елизаровым и Владимиром Ильичем. Помню, как, здороваясь с Красноперовым и показывая на Владимира Ильича, Елизаров сказал: «Идем на вас». При разговоре Владимира Ильича с Красноперовым я не присутствовала, но слышала тогда же от Елизарова, что Владимир Ильич здорово пощипал старого народника Красноперова. Красноперов даже в 1917 году не забыл этого.

Любопытно отметить, что некоторые идейные противники Владимира Ильича с первого же раза начинали к нему относиться неприязненно, хотя Владимир Ильич в спорах с ними не допускал никаких личных выпадов. Может быть, они чувствовали его превосходство и не хотели с этим мириться. Владимир Ильич, наоборот, как настоящий стратег, с большим вниманием и интересом относился к каждому новому человеку, расценивая его как солдата, с точки зрения пригодности для будущего боя, и в своей оценке редко ошибался. Вспоминается мне по этому поводу один эпизод из самарской жизни. Весной 1892 года приехала ко мне моя близкая приятельница и единомышленница, в то время якобинка, Романова. Романова была умная женщина, хороший оратор, но со слабой сравнительно теоретической подготовкой и потому в спорах больше отделивалась общими местами. Когда она приехала ко мне в Самару,

я, натурально, повела ее прежде всего к Ульяновым, пропел по дороге дифирамбы Владимиру Ильичу. За эти дифирамбы она обозвала меня изменницей якобинским принципам, но все же заинтересовалась Ульяновым. Видалась она с Владимиром Ильичем раза два: один раз мы были у Ульяновых, другой раз при ней ко мне заходил Владимир Ильич.

Были среди идейных противников Владимира Ильича и такие, которых он не то что не любил, а мало интересовался ими. К числу последних можно отнести Василия Васильевича Водовозова. Водовозов тоже был наш товарищ по несчастью, т. е. тоже отбывал административную ссылку в Самаре. Он был полной противоположностью Владимиру Ильичу. В то время как Владимир Ильич весь свой умственный багаж претворял в жизнь, Водовозов был скучной ходячей энциклопедией; это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало кому. Мне как-то досадно было, что капитал пропадает даром, и я подбила однажды Водовозова выступить перед самарской молодежью с каким-либо рефератом. Насколько мне помнится, он зимой на своей квартире сделал доклад о германской социал-демократии. На этом докладе был и Владимир Ильич. Он выступал как оппонент Водовозова, оспаривая слишком «парламентаристскую» (не подберу другого выражения) точку зрения последнего. Особенных резкостей со стороны Владимира Ильича не помню, но помню, что Водовозов остался недоволен этим диспутом. У Ульяновых первое время, т. е. с осени 1891 года, Водовозов бывал сравнительно часто, потом стал ходить гораздо реже и на мой вопрос, почему он редко ходит к Ульяновым, ответил, что у них ему «скучно».

Владимир Ильич, по-моему, мало интересовался обществом Водовозова, ему тоже с Водовозовым было скучно.

*В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893.
Сборник воспоминаний. М., Парт-
издат, 1933, с. 63—68*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Увлечшись революционной деятельностью и все увеличивающимися знакомствами, мы положительно поглотились работой и не заметили, как наступил момент открытия воскресных школ¹. Ждали с нетерпением дня открытия, и наконец он наступил. Конечно, мы все до одного записались в школу, которая являлась в одно и то же время и сильным культурным учреждением, и тем решетом, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств. К этому же времени у нас подготавливался к систематическим занятиям кружок, может, были и другие кружки, но я их не знал и не допытывался о них. Как только настала питерская осень, со всех сторон понаехала интеллигенция и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый, назовем его Н.², рабочий, поселившийся за Невскою заставой, связанный с интеллигенцией, которая имела, видимо, широкий круг своих работников и потому желала и за Невской вести кружковые систематические занятия, организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составиля из шести человек и седьмого лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор³ излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили харак-

¹ Речь идет о начале занятий вечерних воскресных школ в Петербурге осенью 1893 г. *Ред.*

² Это был В. А. Шелгунов. *Ред.*

³ Лектором кружка был В. И. Ленин. *Ред.*

тер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собою, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле — за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда, при удобном случае, и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской. Разумеется, главным препятствием ко всякого рода собиранию сведений служило отсутствие сколько-нибудь свободного времени, но все же дело подвигалось, хотя не так полно и энергично, как следовало бы.

Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900 гг. М., Госполитиздат, 1955, с. 43—44

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ПЕТЕРБУРГЕ

К приезду Владимира Ильича в 1893 году в Петербурге уже существовала марксистская группа, причем интеллигенция и рабочие группировались каждые отдельно. У рабочих существовал центральный кружок, в который входили Фишер, Кейзер, Норинский и Шелгунов; из марксистской интеллигенции в этот кружок входили Старков, Кржижановский, Радченко.

Петербургские рабочие уже пережили маевки 1891 и 1892 годов. Рабочих кружков уже было порядочно в Петербурге, но все это носило какой-то случайный характер. Вот что было в Петербурге к приезду Владимира Ильича.

Я в то время ходил на занятия к студенту-технологу Герману Борисовичу Красину. В один из моих приходов к Красину он мне заявил, что приехал очень интересный человек, волжанин, который хочет со мной познакомиться. Я, конечно, изъявил согласие. И мы с Германом условились, что он мне сообщит, когда к нему прийти. В назначенный день я пришел к Герману Борисовичу. Он в это время жил где-то в Семеновском полку. Минуты через три туда же пришел и Владимир Ильич. Здесь у Германа мы обменялись двумя-тремя словами, что-то по поводу одной из вышедших недавно книжек, и Владимир Ильич пригласил меня к нему зайти.

Недели через две или три я отправился к Ильичу в Казачий переулочек. Он встретил меня словами: «Вот кстати пришел, у меня есть интересная книга». И тут же показал мне книжку, которая, как я увидел, была написана на немецком языке. Я сказал Владимиру Ильичу, что немецкого языка не знаю. Он ответил: «Ничего, мы будем читать по-русски». Книжка называлась «Промышленные синдикаты, картели и тресты» — Бруно Шёнлапка. На чтение этой книжки Владимир Ильич затратил около трех часов. По прочтении ее стал задавать мне вопросы. И когда он их задавал, а на некоторые вопросы требовал письменного ответа, я увидел, что он читал эту книжку не с пропагандистской целью, а для того, чтобы меня на этой книжке

испытать. В особенности это стало ясно, когда он спросил: «А сколько здесь в Петербурге среди ваших знакомых таких рабочих вот, как вы?» Я ему назвал товарищей по центральному кружку, и он тут же попросил, чтобы я его с ними познакомил.

Владимир Ильич с первых же шагов старался основательно изучить всю нашу организацию. Он охотно ходил на кружки и пылливо присматривался к каждому рабочему-революционеру.

В 1894 году уже среди нас, рабочих, ставился вопрос о наиболее целесообразном распределении сил по заводам, т. е. если на каком-нибудь заводе не было нашего человека, а завод был крупный, то мы старались туда определить кого-нибудь из наших товарищей, чтобы на всех крупных заводах было хотя бы по одному нашему человеку.

* *
*

К весне 1895 года в Петербурге появилась брошюра об агитации¹. Эта брошюра была зачитана на собрании на квартире Сильвина. Из интеллигенции здесь было человек семь-восемь, были тут Владимир Ильич, Старков, Кржижановский, Ванеев и другие. При чтении этой брошюры некоторая часть интеллигенции высказалась за то, что к печатной агитации переходить еще рано. Приводился тот мотив, что если на каком-нибудь заводе будет выпущена прокламация, а у нас наших рабочих еще очень мало, то их переарестуют и работа остановится.

Владимир Ильич доказывал, что бояться этого не нужно, потому что прокламации сделают то, что вместо одного арестованного появятся десятки новых таких же и еще более сильных рабочих. Все присутствовавшие на собрании рабочие были за переход к печатной агитации.

Марксистские печатные прокламации стали появляться только с осени 1895 года. Их было выпущено четыре или пять. Печатались они, насколько мне помнится, в Лахтинской (Ергинской) типографии. Под ними обычно стояла подпись: «Группа социал-демократов». После выхода нескольких прокламаций Владимир Ильич поставил вопрос о том, что нужно создать организацию. «Группа социал-демократов» — это ничего не говорит, заявлял он, рабочий должен знать, что есть определенная организация.

По поручению Владимира Ильича еще в августе 1895 года мною была создана конспиративная квартира, хозяином которой был один из семнадцати рабочих, по фамилии, кажется, Афанасьев. Эту квартиру посещали довольно часто Владимир

¹ Имеется в виду брошюра «Об агитации», написанная А. И. Кремезом в 1894 г. и изданная «Союзом русских социал-демократов» в Женеве в 1896 г. с послесловием П. Б. Аксельрода. *Ред.*

Ильич, Ляховский, Тахтарев, Старков и другие. Я в то время был за Невской заставой чем-то вроде организатора, а потому тоже ходил довольно часто на эту квартиру. Здесь закладывались основы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич обращал наше внимание на то, что мы должны принять меры к тому, чтобы наша молодая организация не пошла по пути английских тред-юнионов. Здесь уже было видно, что Владимир Ильич особенно заботится о том, чтобы организация шла революционным путем. Хотя мы были вынуждены при подходе к рабочему говорить больше об экономике и сплачивать рабочих на почве насущных экономических интересов, но Владимир Ильич говорил, что политическую сторону дела никогда забывать не надо.

За Невской заставой кроме вышеуказанной квартиры Владимир Ильич посещал квартиры Фунтикова, Бодровых и мою на Александровской улице, дом 23. Был я с Владимиром Ильичем еще где-то около Александровской улицы, в поселке по названию «Корабли», но где, в каком доме, сейчас вспомнить не могу.

То, что Владимир Ильич с первых же шагов «Союза борьбы» направил его на рельсы революционного марксизма, сыграло в будущем большую организующую роль. Несмотря на то что в декабре 1895 года вся руководящая верхушка марксистской интеллигенции, а также большое количество рабочих были арестованы, все-таки в мае 1896 года в Петербурге вспыхнула небывалая в России забастовка, охватившая свыше тридцати тысяч рабочих. Основным требованием рабочих было требование об уплате за коронационные дни, которые рабочие вынужденно прогуливали, а следовательно, не получали зарплаты. В то время короновался Николай II. Эта забастовка была небывалым явлением. В самом требовании уплаты за коронационные дни сказалось непочтительное отношение рабочих к «высокой особе» царя.

Эта забастовка, которая была вызвана работой «Союза борьбы», сыграла ту роль, что рабочее движение из тайного стало явным. И так как большое количество рабочих познакомилось с прокламациями, с нелегальной литературой вообще, то о социалистах уже заговорили вслух. И если революция 1905 года была генеральной репетицией 1917 года, то забастовку 1896 года надо считать одной из важнейших репетиций в подготовке к революции 1905 года.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Я работал в порту нового адмиралтейства в слесарной мастерской учеником с 1884 года, а в 1889 году вышел в мастера. Работа в порту шла тихо и примитивно — не пользовались даже и станками, какие были в мастерской. Спросишь, бывало, у указателя (мастера) наждачной бумаги отшлифовать медную вещь, а он в ответ: «Эх, плохой ты мастеровой! Захотел наждачной бумагой, а ты возьми щепочку, насыпь наждаку, да и протри». Так и шла работа — больше проводили времени, чем работали.

Но вот с Балтийского завода перешли в мастерскую несколько молодых мастеровых; впоследствии оказалось, что они были уволены с Балтийского завода как «опасный элемент». Они внесли в порт живую струю. Сейчас же пустили в ход стоявшие без работы станки, поденную работу перевели на штучную, благодаря чему заработки повысились.

Вместе с тем эти мастеровые повели среди рабочих социалистическую пропаганду, выбирая лучшие элементы из заводской молодежи. Началась организация кружков, в один из которых попал и я. Получив в кружке кое-какие познания, я сейчас же стал распространять среди своих друзей то, что узнал в кружке. Кроме устной пропаганды раздавались по рукам книжки, в которых высказывались идеи социализма. Изредка к нам попадала и нелегальная литература. Но она плохо «прививалась», так как ее трудно было хранить.

В целях правильного политического развития рабочих у нас в порту устраивались так называемые в те времена «демократические университеты» при слушателях не более 5 человек. При этом говорили так: «Если рабочий не может прийти в университет сам, то университет придет к нему». И действительно, работа по развитию членов кружка шла быстро.

Руководителями наших кружков были студенты высших учебных заведений, они же были и организаторами кружков.

Когда в 1894—1895 годах Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем и Старковым составили программу занятий,

работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной.

Я помню, что когда я организовал несколько рабочих кружков на Петербургской стороне, на Васильевском острове, на Выборгской стороне и в посаде Колпино и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали: «Хорошо, к вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными».

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих, более мне известных: Ильина, Астафьева, Крылова, Нилянтера, сам же был пятым. Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петербургской стороне, в доме на углу Съезжинской и Большой Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с пронизательными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще — на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком. Войдя в комнату, он спросил: «Здесь живет Князев?» На мой утвердительный ответ заметил: «А я — Николай Петрович». — «Мы вас ждем», — сказал я. — «Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну как, все налицо?» — спросил он, снимая пальто.

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришли и можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы нетерпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретая знания, они

смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. п.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня: «Кто это такой? Здорово говорит».

Но я им объяснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал. Он посещал нас часто — раз в неделю. Посещал он также и другие кружки, которые ему указывали. Удалось организовать кружок на Черной речке и у рабочего П. Дмитриева. Николай Петрович посещал и этот кружок, несмотря на дальность расстояния. Посещал он кружок и на 7-й линии Васильевского острова у Крочкина-Федорова. Этот кружок был для Николая Петровича роковым: его там проследили. Кружок этот — пять человек — был арестован в ноябре 1894 года.

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков и интеллигенты. Эти собрания были еще более конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему, никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что читать в них.

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны товарищей, как мне поступить, с тем чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня отправили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется, записать условно, прибавив к числам № дома и № квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулок, в квартиру № 13, я отыскал по данному мне плану эту квартиру. На звонок дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался: «Что это за адвокат, и возьмется ли он за мое дело...» Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина. «А, вы уже ждете?» — сказал он мне, при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак. — «Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся».

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да это же ведь Николай Петрович! Пока я приходил в себя, передо мною появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне: «Вы расскажите мне все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных».

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок¹. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

— Ну, а теперь перейдемте к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах? — стал спрашивать меня Николай Петрович. Я едва успевал ему отвечать. «Вы, — сказал он мне, — как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виновен. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти».

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться.

— Вот, — продолжал он, — вы организовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте — надо работать всюю. Вы должны развиваться политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением...

Мы расстались. От мысли о возложенных на меня обязанностях мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я стал обдумывать, как все выполнить. Встретясь дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем — В. И. Ульяновым — и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал: «Ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему».

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

---

¹ Переписи податного населения. Последняя перепись была проведена при отмене крепостного права. *Ред.*

— Погодите, погодите,— говорил он,— придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим.

Говорил это В. И. Ульянов с большим оживлением. Я уходил от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я в свою очередь старался рассказывать обо всем, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но не долго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до пачальства, и мне пришлось уйти с завода.

Придя как-то к В. И. Ульянову, я услышал от него вопрос: «А что?! Если бы вас арестовали, вы знаете, как держаться на допросе, на суде?» — «Да»,— ответил я... Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний. «Ну, так вот,— продолжал он,— если знаете, то объясните и всем товарищам. Имеется ли у вас касса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо организовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства. Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств».

Владимир Ильич старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все по возможности выполнить.

А вскоре узнал, что он был арестован. Вскоре же после его ареста был арестован и я, а затем выслан в Вятскую губернию.

Об Ильиче. Сборник статей, воспоминаний, документов и материалов. Л., «Прибой», 1924, с. 112—117

В ДНИ «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Владимир Ильич посещал наши групповые собрания, где мы обменивались своим опытом, и очень скоро предложил нам заняться вопросами теории, начав с докладов или рефератов, которые члены кружка читали бы по очереди. Я вызвался первым сделать доклад.

— Но какую же тему вы можете предложить? — спросил я.

Владимир Ильич указал только что вышедшую книжку В. В. (Воронцова) «Наши направления», и я взялся за нее. Реферат я написал, насколько теперь помню, хлесткий, но мало-содержательный. Читал я его у себя же в комнате. Были кроме Владимира Ильича Кржижановский, Старков, Малченко, Ванеев и Г. Б. Красин. Ввиду очевидной убогости содержания доклада особых прений или обмена мыслями не последовало, все неловко молчали, больше всех был смущен сам автор своим полным провалом и с отчаяния порвал свой реферат на мелкие куски, как только публика разошлась.

Молчаливо признанным лидером кружка был Г. Б. Красин, он-то и решил спасти положение, предложив представить к ближайшему собранию реферат о рынках. Владимир Ильич, в портфеле которого нашелся бы, вероятно, не один реферат, коварно молчал. Он, очевидно, хотел сначала узнать, с кем имеет дело.

Собрание состоялось у С. И. Радченко, который к тому времени женился и имел собственную отдельную квартиру где-то на Песках. Народу собралось довольно много. Кроме старых знакомцев были и новые для меня лица. Владимир Ильич сидел в тени, в сторонке, у окна, вдали от большого чайного стола, за которым сидел референт и многие из нас. Г. Б. Красин был плохой оратор и читал по тетрадке в форме четвертушки листа, перегнутой вдвое, так что образовались поля в полстраницы, и на этих полях рукой Владимира Ильича, который заранее ознакомился с рефератом, были написаны возражения. Эта тетрадка затем обошла всех нас; мы читали и тезы и возражения. Но

то, что говорил Владимир Ильич в опровержение реферата, было гораздо полнее. Он говорил долго со свойственным ему мастерством, стараясь не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным, как это чувствовали и все мы. Речь Владимира Ильича могла быть названа программой. Он без всяких статистических цифр и без всяких ссылок на Маркса заявил, что надо быть реалистами, исходить не из схем, а из изучения нашей действительности, и яркими штрихами обрисовал нам картину процесса экономического развития страны и роста капиталистического производства именно на почве разорения и расслоения крестьян, на почве вытеснения натурального хозяйства денежным.

Все эти соображения были впоследствии подробно развиты Владимиром Ильичем и стали теперь общеизвестны, но тогда они звучали откровением.

«Вот он, наш вождь, наш лидер, наш теоретик, за ним мы не пропадем» — так думал каждый, и нас наполняла буйная радость, что именно в нашем кружке, в нашей организации мы имеем эту светлую голову. Было решено устроить еще одно собрание для продолжения дебатов. Красин пробовал возражать, но его уже не слушали. Лидерство Красина было низвергнуто.

Со времени этого диспута я зачастил к Владимиру Ильичу на Малый Казачий переулок, № 7¹, где он вскоре поселился и жил до самой весны 1895 года. Его обширный ум, его знания, его сильный характер импонировали мне. Я смотрел на него снизу вверх. Я видел в нем огромную одухотворенную силу для того дела, которому я хотел отдать свою жизнь, и я был ему предан всецело. Он знал это и ценил мою преданность, платя мне за нее доверием в революционных делах и дружеской снисходительностью ко многим моим большим и малым слабостям. Человек он был удивительно деликатный, любезный собеседник, верный товарищ, простой и ясный в личных отношениях, непринужденно веселый, когда товарищи собирались изредка повеселиться. Раза два в Петербурге, несколько раз у себя дома и в ссылке я видел его в обществе друзей в интимной, частной обстановке. Совершенно иной он был как политик: сосредоточен, неуступчив, суров до жестокости, чужд сантиментов.

— Революция не игра в бирюльки, — говорил он, — в ней нет места обывательским соображениям.

Он был прямой человек, чуждый всякой аффектации, рисовки, позы. Он говорил с рабочими и писал для них обыкновенным своим языком, без всякой подделки под простоту народной речи, без этой вульгарной манеры приспособляться к «низшим», без дешевой популярности в изложении своих мыслей якобы

---

¹ В. И. Ленин жил по адресу: Б. Казачий переулок, д. 7/4, кв. 13. *Ред.*

для большей понятности их, как это замечалось у некоторых товарищей.

Он не был сухим и черствым книжником, замкнутым в себе анахоретом, любил людей, любил жизнь и ее радости, но главной из них была борьба и стремление к победе. Он отдал себя всецело революции. Для него не было других интересов, другой жизни кроме той, которая была связана с революцией. Владимир Ильич недолго любил людей, приходивших в рабочее движение не целиком, не окопчательно порвавших связи с враждебными пролетариату классами. Профессионального революционера он предпочитал всякой другой разновидности марксиста.

В это время в пароднических журналах, особенно же в «Русском богатстве», появились одна за другой статьи разных авторов и больше всего Михайловского против марксизма и марксистов. Все мы стали настаивать, чтобы Владимир Ильич отозвался на них, и обещали приложить все усилия к размножению его работы хотя бы на гектографе, чтобы она проникла по возможности шире за пределы нашего небольшого кружка. Владимир Ильич засел за работу, и весной 1894 года книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» была готова. Работал он быстро. «Михайловский» был окончен уже в апреле. Никакого коллективного чтения этой работы не было, по крайней мере, я этого не помню. Лично я читал ее в рукописи большею частью у автора же на дому, урывками. Технику печатания первого издания организовал Радченко. Кто именно печатал, я не знаю. Отпечатанные на гектографе листы приносились к нам на квартиру пачками по мере изготовления, и мы с Ваневым собирали и брошюровали их, а затем Ванев относил все это в Технологический институт, откуда наши товарищи-технологи пускали их в обращение. По условиям техники выпуск первого издания не мог быть больше 50 экземпляров. Сомневаюсь, чтобы была обработана более чем одна гектографская масса.

Мы, естественно, были в полном восхищении от работы Владимира Ильича. Я настаивал, чтобы экземпляр ее непременно был послан Михайловскому. Владимир Ильич заметил мне по этому поводу:

— Я пишу не для Михайловского, а для того, чтобы, во-первых, разъяснить возможно более широким кругам читателей, что такое марксизм, и, во-вторых, вскрыть буржуазный характер пародничества, как идеологии мещанства, как апологии мелкого производителя.

Вторая часть была пачата в Петербурге же, в апреле. Третья часть Владимир Ильич написал летом в Москве или под Москвой.

Весной 1894 года первый выпуск был пущен в публику од-

повременно в Петербурге и в Москве. Несколько экземпляров было разослано по редакциям, в том числе в «Русское богатство». Продажную цену не назначали, брали, сколько кто даст. Выручка поступила в кассу нашей группы, но едва ли она покрыла даже расходы на печатание. Успех был огромный, издание разошлось моментально, и было задумано второе.

Ванеев в середине сентября занялся печатанием третьего (если третьим считать московское издание Ганшина — Масленникова, то это будет четвертое) издания, датированного сентябрем 1894 года с пометкой: «Издание провинциальной группы социал-демократов».

Второй выпуск, о Южакове, был готов у Владимира Ильича еще в мае и был нам знаком; третий он написал летом. Но он хотел прежде издать третий выпуск (о Кривенко).

Когда мы справились с печатанием четвертого (а нашего петербургского — третьего) издания первой части и первого, единственного, издания третьей части, мы просили разрешения Владимира Ильича приступить к печатанию второй части (о Южакове).

Но это было уже в октябре 1894 года, а в это время возникли обстоятельства, побудившие Владимира Ильича отказаться от печатания нашими средствами работы о Южакове.

Литературные дела и заботы не отрывали Владимира Ильича от подпольной работы нашей организации. Наоборот, его главное внимание было сосредоточено именно здесь.

Наша конспирация в то время была довольно примитивна. Многие из нас были связаны узами личной дружбы. Осторожно-ети ради мы, однако, завели себе клички. В. В. Старков назывался Земляпика, Запорожец — Гуцул, Г. М. Кржижановский — Суслик, Ванеев — Минин, я — Пожарский и т. д. Это были шуточные клички, которые так и остались неизвестны жандармам.

Но позже, в 1895 году, с переходом к «агитации», когда организация разрослась и наряду с центральным кружком старых товарищей образовалась большая «периферия» — несколько побочных кружков пропагандистов, техников, хранителей и переносчиков нелегальной литературы, людей связи и пр., — Владимир Ильич настоял: 1) на группировке членов организации по районам; 2) на строгом разграничении функций, партийных обязанностей членов; 3) на прекращении обывательских хождений друг к другу; 4) на сокращении до минимума частной переписки с кем бы то ни было, так как любители писать письма, особенно в провинцию, никак не могли воздержаться от различных более или менее прозрачных намеков на добрых знакомых, на развитие дела и т. п.

Владимир Ильич расширял свою и нашу кружковую работу, следил за ростом организации, преобразовывал ее, выделив центральную рабочую и литературную группы, ввел подразде-

ления на районы. Он поставил перед нами вопрос об оторванности нашей работы от движения масс.

У нас были, между прочим, связи на Семянниковском заводе за Невской заставой. В конце 1894 года или в самом начале 1895 года на этом заводе произошла забастовка, сопровождавшаяся бурными волнениями. Рабочие разгромили заводскую контору, избили кое-кого из старших служащих, бросали камнями в полицию, явившуюся для усмирения. В ближайшее же посещение кружка (один из кружков на этом заводе вел сам Владимир Ильич) он спросил своих слушателей, в чем дело и почему они никак не сигнализировали о назревающих событиях и не дали вовремя знать о них, когда они произошли. Кружковцы дали общие пояснения на тему о том, что движение должно идти сначала вглубь, а потом вширь и т. п. Еще раз подтвердилось, что наши кружковые рабочие далеки от массы. Собрав материал о событиях, Владимир Ильич написал листок — воззвание к забастовщикам с формулировкой их требований — и отправился к Запорожцу, также имевшему кружок у семянниковцев, выяснить, нет ли какой возможности его размножить. Таких возможностей не было. Дело было спешное, и они вдвоем переписали от руки печатными буквами несколько экземпляров листка, которые затем и передали в семянниковский кружок для распространения. Он, конечно, запоздал; вся история была уже кончена, завод успокоился. Листок, однако, читали вслух в разных местах на заводе — он оказался интересным, понравился и вызвал разговоры¹.

Около этого времени появилась брошюра «Об агитации», вызвавшая много разговоров. Ее идея отвечала самому острому вопросу в нашей деятельности: как перейти от кружковой работы к массовой, как вовлечь в движение эти массы?

Вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе был уже поставлен Владимиром Ильичем. Теперь он составил подробный «вопросник», который интересно было бы разыскать где-нибудь в старых жандармских архивах. Вопросник этот занимал несколько более четырех четвертушек листа, исписанных его убористым почерком. Этот вопросник имелся у каждого из нас. Мы размножили его и раздавали пропагандистам других кружков. Мы так увлеклись собиранием сведений, что на некоторое время забросили всякую пропаганду. Владимир Ильич тоже занялся этим делом очень ретиво. Кто-то из наших рабочих, Шелгунов или Меркулов, посещал его на дому, и он до седьмого пота доводил их своими рассказами.

---

¹ Листок к рабочим Семянниковского завода, в составлении и распространении которого деятельное участие принимал И. В. Бабушкин (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 79), до настоящего времени не разыскан. *Ред.*

Получить точные ответы на простые, казалось бы, вопросы о рабочей жизни было не так легко. Мы спрашивали, например, чем особенно недовольны рабочие в данный момент, на что они жалуются, что они хотели бы устранить на заводе, и получали иногда неожиданный ответ: «Перестали давать кипяток, вот и волнуются по этому поводу, требуют кипятку». Или из другой области: «Убавлена расценка на пяточок, предвидится из-за этого пяточка забастовка». Эти «кипяток» и «пяточок» были у всех на языке и испортили нам впоследствии немало крови, после того, как агитация развернулась. Оппоненты против нового метода подпольной работы, главным образом С. И. Радченко и Г. Б. Красин, приводили то возражение, что мы размениваемся на мелочи, революционную работу сводим к борьбе за кипяток и вместе с тем проваливаем дело социалистической пропаганды, потому что с переходом к широкой агитации все наши кружковые рабочие, конечно, очень быстро будут выхвачены жандармами и все дело приостановится.

Как практически использовать полученный путем расспросов материал, мы пока еще не решили, и Владимир Ильич выдвинул новую идею: начать агитацию на почве «законных» требований. Собранные по вопросу сведения по каждому заводу показывали, насколько и в каких отношениях нарушаются уже существующие законы. Агитация должна была начаться на почве требований соблюдения закона. Владимир Ильич указывал при этом на тактику Моисеенко и его товарищей во время орехово-зуювской забастовки 1885 года. Большинство членов кружка явно склонялось к решению испробовать новую тактику на деле. Было созвано собрание для оформления этого решения, были приглашены представители от рабочих.

Это знаменательное собрание состоялось у нас, на Троицком проспекте, № 3, где мы жили с Ваневым, и было это в зиму 1894/95 года. Кроме нас двоих были Владимир Ильич, Н. К. Крупская, Г. Б. Красин, Старков, Запорожец, Радченко, Якубова, Шелгунов, Бабушкин, Меркулов и несколько других кружковцев. Владимир Ильич доложил вопрос, были прочитаны выдержки из брошюры «Об агитации», были еще раз заслушаны возражения «староверов» и аргументы в защиту нового метода и принято большинством голосов против Красина и Радченко решение перейти от кружковой пропаганды, не прекращая ее, однако, к агитации в массах на почве их насущных требований. О каком-либо отступлении от политических задач движения, от старых принципов группы «Освобождение труда» не было речи. Предполагалось, что политическая сторона движения найдет себе выражение в кружковой пропаганде и в тех лозунгах, которые будут брошены в агитацию, когда вожаки движения, рабочие, найдут это подходящим.

Весной 1895 года к агитации мы, строго говоря, еще не приступили, но работа тем не менее ширилась. Сеть кружков в районах разрослась, организация обнимала уже довольно обширный круг как рабочих, так и интеллигентов. Был поставлен вопрос о слиянии по возможности всех групп, работавших в том же направлении в Петербурге. Завязывались сношения с народовольцами на предмет использования их техники. Владимир Ильич, ввиду решения об агитации на почве соблюдения существующих законов, написал уже брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», которая и была напечатана народовольцами¹.

Наблюдение политической полиции за нами явственно усиливалось. Владимир Ильич собирался за границу, чтобы установить более тесную связь с группой «Освобождение труда» и сделать что-нибудь для более регулярного снабжения нас нелегальной популярной литературой. На пасху ко мне в Царское Село съехались товарищи, и Владимир Ильич, обрисовав положение дела, наметил дальнейший план работы и разделение обязанностей между нами в случае его ареста. Это было в апреле. В мае он уехал за границу.

Владимир Ильич вернулся из-за границы в начале сентября. Зная нашу нужду в литературе, он, как и всякий рядовой член организации, захватил оттуда чемодан с двойным дном, набитый нелегальной литературой. Чемодан он благополучно провез; может быть, его и намеренно пропустили, с целью выследить дальнейшее. Впоследствии этот чемодан доставил нам много хлопот. Надо было припрятать и чемодан и его содержимое как можно скорее. Полицейские ищейки потеряли след чемодана.

Осенью, с появлением в Петербурге Мартова, произошло сближение с ним. За Мартовым стояла целая группа, у которой были прочные связи на границе и, кроме того, был мимеограф, это новое благодетельное для нас изобретение, важное для печатания листовок. Их теперь не надо было писать от руки, а можно было печатать на пишущей машинке и без хлопотливой варки гектографа и пр. быстро размножать в сравнительно приличном и удобочитаемом виде. Впервые мы испробовали мимеограф уже в ноябре, а в декабре пустили его полным ходом в работу.

Идеей Владимира Ильича стало затем полное объединение всех работавших в Петербурге социал-демократических групп, но осуществить это удалось уже после его ареста в связи с большой забастовкой. Пользуясь притоком новых сил и соглашением с народовольцами, Владимир Ильич решил поставить издание газеты «Рабочее дело». По этому поводу были созваны два рас-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60. *Ред.*

пиренных собрания нашей организации в квартире Радченко (Симбирская, № 12) ¹. Одно, так сказать, конституционное, где было оформлено слияние с группой Мартова и образован центр из пяти членов (Ульянов, Мартов, Кржижановский, Старков, Ванеев, как представители районов) и упорядочена самая организация. Здесь же были намечены кандидаты в центральный кружок, состоявший пока из 17 человек. Другое собрание было редакционное, дня за три до ареста. На нем Владимир Ильич в качестве редактора «Рабочего дела» читал нам все статьи, предназначенные для первого номера. Четыре статьи в этом первом и единственном номере принадлежали Владимиру Ильичу: передовая — общеполитического содержания, «Ярославская стачка 1895 года» ², статья, посвященная смерти Ф. Энгельса ³, и статья по поводу циркуляра Дурново («О чем думают наши министры?» ⁴). За несколько дней до того Запорожец убедил Владимира Ильича не отдавать в типографию статей, написанных его характерным почерком, и предварительно переписал их. Вследствие этого жандармы приписали Запорожцу авторство этих статей, усмотрели в нем главаря и приговорили к значительно большему сроку ссылки. Тут же после собрания Владимир Ильич передал весь материал Ванееву, на котором лежали обязанности по сношению с типографией; у него и были они захвачены при обыске в ночь на 9 декабря.

Между тем агитационная кампания шла полным ходом. Рабочие Путиловского завода Борис Зиновьев и Петр Карамышев с подобранной ими группой молодежи агитировали открыто всюду, где возможно, разбрасывали листки прямо на улицах, в толпе рабочих, при выходе с заводов и в других местах. Листок обычно касался какого-нибудь частного случая: злоупотреблений, нарушения закона, сбавки платы без предупреждения и т. п. Приезжал фабричный инспектор, начиналось расследование, полиция вела свое дознание. Все это было событием в однообразной заводской жизни, вызывало толки, будило интересы. Напряженно ждали, каков будет результат вызванной листком шумихи. Уже самое распубликование злоупотребления или случая произвола, казавшегося своим, домашним, внутренним делом, порождало само по себе возбуждение.

— Ловко продернули! — говорили в толпе, читая свежий, только что подобранный листок.

---

¹ Собрания происходили на квартирах С. И. Радченко (Выборгская сторона, Симбирская ул., д. 12/4) и Н. К. Крупской (угол Гродненской пер. и Знаменской ул., д. 7/36). *Ред.*

² Упоминаемые автором статьи В. И. Ленин до настоящего времени не разысканы. *Ред.*

³ См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 2, с. 1—14. *Ред.*

⁴ См. там же, с. 75—80. *Ред.*

Читали его теперь уже громко, т. е. публично, чаще всего те же рабочие, которые дали для него материал и распространяли его.

Приходя в кружок, пропагандист теперь не выскивал наиболее развитых, интеллигентных рабочих, способных усвоить теорию прибавочной стоимости. Он искал живых, деятельных, развитых товарищей, которые способны были бы стать агитаторами, улавливать настроения, подмечать важные факты. «Агитация» так захватила нас, что скоро нам просто некогда стало заниматься кружковой работой, тем более что и полицейское наблюдение за нами усилилось.

Заветным нашим желанием было внести в массовое движение сознательную политическую идею, идею борьбы за низвержение самодержавия, за политическую свободу. Но из опасения сделать преждевременный, тактический ошибочный шаг мы бессознательно скатывались к «экономизму», который через два года и развился пышно в «Рабочей мысли».

Этот элемент «хвостизма», эта тенденция обслуживать движение, а не руководить им замечается во всех наших листках и заявлениях 1896 года. Она объясняется недостаточной нашей теоретической подготовленностью к той серьезной роли, в которой мы с арестом Владимира Ильича оказались, — к роли руководителей движения.

Мне вспоминается, как в начале моего знакомства с Владимиром Ильичем в минуты тяжких раздумий я приходил к нему и он ободрял меня:

— Вы увидите, мы скоро вырастем в настоящую партию. Революция придет, и мы выйдем на свет как коммунистическая партия, готовая выполнить свою задачу.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1. М., Госполитиздат, 1936, с. 141—149

В. И. ЛЕНИН И ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ
МАРКСИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
1893—1895 ГОДОВ

Первый раз я встретился с В. И. Лениным в августе 1893 года в Нижнем Новгороде (ныне город Горький). Произошло это при следующих обстоятельствах. Я был тогда студентом-медиком 5-го курса Московского университета и работал летом на эпидемии холеры на Сормовском заводе, близ Нижнего Новгорода. Я был уже тогда марксистом и встречался с нижегородскими марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, участниками первого марксистского кружка в Казани, называвшегося Федосеевским, по имени самого выдающегося его члена Н. Е. Федосеева.

В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к Скворцову и застал у него незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и с Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, где он решил обосноваться; заехал он сюда, чтобы познакомиться со Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», первым русским легальным марксистским статьям по экономике России. Решил он заехать после Нижнего еще во Владимир, чтобы повидаться с Федосеевым, которого, по его сведениям, должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Но Владимиру Ильичу тогда не пришлось повидаться с Федосеевым, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Зашел разговор о Федосееве. Скворцов и Григорьев, которые его хорошо знали, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Потом беседа наша с Ильичем перешла на другие вопросы: мы рассказали ему о наших связях среди интеллигентской молодежи, о начинающейся работе среди рабочих в Москве и Нижнем. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочной организации, установления связей между городами. Владимир Ильич дал мне московский адрес своей сестры Анны Ильиничны, на квартире которой он собирался встречаться, приезжая из

Петербурга, с московскими марксистами. Говорили также о перспективах развития капитализма в России, о крестьянстве, о борьбе с народниками, о рабочем движении на Западе.

У нас во время беседы было приподнятое настроение: марксистов было тогда еще мало в России, мы были единицами, по мы сознавали, что великое учение Маркса дает нам ключ к разрешению «проклятых вопросов» и что будущее принадлежит нам.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ему ехать на вокзал.

В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

В начале сентября я приехал в Москву и первым делом пошел по адресу, данному мне Ильичем,— знакомиться с Анной Ильиничной и ее мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в управлении Курской железной дороги. Жили они тогда, помнится, в Яковлевском переулке, близ Курского вокзала. У них жили еще брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич, тогда студент 1-го курса медицинского факультета, и младшая сестра, Мария Ильинична, гимназистка 5-го или 6-го класса. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор всю жизнь поддерживал с ней дружеские отношения. Они оказывали мне всяческое содействие во время моей работы в Москве и помогли установить некоторые ценные связи. У них я познакомился с железнодорожным служащим Окуличем, который имел знакомства среди рабочих, а через него — с приехавшим из Вильно Е. И. Спonti, который играл потом видную роль в московской марксистской организации.

Анна Ильинична принимала активное участие в работе этой организации, она была средоточием всех связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вповь приезжающих работников между собой и с рабочими. Анна Ильинична переводила также пропагандистские брошюры с немецкого, перевела драму Гауптмана «Ткачи», которая была напечатана на гектографе, популярно изложила книгу Дементьева «Фабрика» и пр. В 1898 году она вошла в состав первого Московского комитета, образовавшегося после I съезда Российской социал-демократической рабочей партии в Минске.

Д. И. Ульянов, тогда юный марксист, принимал участие в студенческих марксистских кружках, а вскоре стал работать и среди рабочих; в ноябре 1897 года он был арестован по делу Московского рабочего союза.

Вскоре после моего знакомства с Анной Ильиничной в Москве образовалась (в конце сентября 1893 года) первая мар-

ксистская группа из шести лиц («шестерка») для систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Я был в составе этой «шестерки». Наша группа все время своей работы поддерживала связь с Владимиром Ильичем.

В конце декабря 1893 года я поехал на рождественские каникулы в Нижний Новгород и возвратился оттуда в Москву 12 (24) января 1894 года.

Здесь шли разговоры о недавней дискуссии между известным литератором В. В., автором книги «Судьбы капитализма в России», и петербуржцем-марксистом¹. От А. И. Елизаровой я узнал, что выступавший с огромным успехом против В. В. петербуржец был Владимир Ильич, который теперь поехал в Нижний. Я, таким образом, с ним разминулся и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична подробно рассказала мне об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье.

«Помню... дебаты, — пишет Анна Ильинична, — принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде в «красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов², заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало особенно после второго в ответ солидному народнику слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смущали брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и наконец ступешался.

¹ Имеется в виду выступление В. И. Ленина 9 (21) января 1894 г. против народника В. В. (В. П. Воронцова) на нелегальном собрании в Москве. *Ред.*

² — реплик. *Ред.*

Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которых Владимир Ильич переубедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах.

М. П. Голубева об этом же выступлении вспоминает: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили как о новой звезде, появившейся на горизонте, — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет».

Это выступление отмечено и в летописях охранки, в сообщении начальника Московского охранного отделения Бердяева от 20 января (1 февраля) 1894 года о наблюдениях агентов за И. М. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрева в Москву:

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Мордухов Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных. Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа этого месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защите взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела...»¹

После этого выступления Ильич поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе:

«...местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской... интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений»².

Выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно усилили позиции марксистов в этих городах.

¹ Красный архив, 1934, № 62, с. 76. С. М.

² Пролетарская революция, 1924, № 4 (27), с. 103. Ред.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали вместе у А. Н. Винокурова, который тоже входил в руководящую московскую марксистскую группу. Мы рассказали Ильичу о наших московских рабочих кружках, о нашем намерении в ближайшее время перейти к массовой агитации путем выпуска листовок. Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения и особенно одобрял наше намерение перейти от кружковой работы к агитации.

Владимир Ильич побыл тогда в Москве недолго. Приезжал он еще раз в эту зиму, помнится, в конце февраля, на масленице, я виделся с ним, ходили опять к Винокурову, там встретили А. С. Розанова, марксиста, приехавшего из Нижнего.

Летом 1894 года наша организация развила значительную по тому времени работу среди рабочих: были установлены связи на ряде московских фабрик, было выпущено несколько агитационных листов, имевших большой успех среди рабочих, организовано несколько стачек на московских и подмосковных фабриках¹.

В период этой напряженной горячей работы я часто встречался с Ильичем. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминках. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с ним по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он спрашивал о нашей работе, говорил о вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Однажды Владимир Ильич дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой — разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся. Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли», экономической частью которой ведал Н. А. Каблуков. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участи этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказав, что она не будет напечатана, как не подходящая по направлению для их журнала.

Статья осталась у меня и была взята при обыске 3 декабря 1894 года. В 1923 году, т. е. почти через 30 лет, я нашел ее в архиве, в «вещественных доказательствах» по моему делу, и в том же году она была напечатана в сборнике Истпарта

¹ См. об этом подробнее в моей книге «Революционная Москва». Гослитиздат, 1940. С. М.

«К 25-летию I съезда партии» и вошла в 1-й том Сочинений Ленина¹.

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление.

Надо сказать, что в течение зимы 1893/94 года в либеральных и либерально-народнических журналах появилось несколько статей против марксизма и русских марксистов. Кампания в печати против марксистов не встречала отповеди со стороны марксистов ни в легальной, ни в нелегальной прессе, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакуниц, Ткачев, Лавров), идеи которого уже не были тогда актуальны; его эпигоны отказались от идей революционного народничества и распространяли идеи народничества оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь яростным нападкам критиков-народников, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу, основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и здесь же намечено их решение в духе революционного марксизма. В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

И вот в моих руках была рукопись этой замечательной работы, ответившей в основном на все наболевшие вопросы того времени. Понятно было мое волнение. Учитывая огромное значение этой работы, я решил, что ее нужно во что бы то ни стало размножить. За это взялись братья А. Н. и В. Н. Масленниковы, студенты Московского высшего технического училища, и их двоюродный брат А. А. Ганшин, студент Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну; Ганшин знал и Ильич по петербургской организации. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Владимир Ильич уехал в конце августа или в начале сентября в Петер-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 1—66. *Ред.*

бург, а у них все еще работа не была окончена. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Владимира Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в 50 экземплярах весной 1894 года; второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июле, тоже на гектографе (значит, тоже не более 50 экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска. В своих воспоминаниях Сильвин рассказывает, что Владимир Ильич, убедившись в том, что в Москве «то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода... огорченный всем этим... и найдя, что у нас дело подвигается, по крайней мере, не хуже, сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи».

Группа Сильвина отпечатала третий выпуск, пометив его сентябрем 1894 года и снабдив для конспирации надписью: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в ноябре того же года. Таким образом, первый выпуск был издан в трех изданиях, причем несомненны только два первых, так как они найдены в царских архивах, а третий — в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором пишет Могилянский («Былое» № 23), вышло в свет (первый выпуск) только в 20—25 экземплярах. Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве¹. Во всяком случае, он до сих пор не найден.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Первое упоминание о нем в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 году и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 году. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 году, когда первый и третий выпуски были найдены в Петрограде, в Публичной библиотеке, и почти одновременно в Берлине, в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение вышло в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в 1-м томе Сочинений Ленина².

Так же как и первая статья Ленина, книга «Что такое «друзья народа»...» задержалась печатанием на 29 лет. Но, во вся-

¹ См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1895 года. Красный архив, 1934, № 62, с. 82. С. М.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. *Ред.*

ком случае, руководящие партийные работники того времени почти все читали это гениальное произведение.

После выхода этой книги Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что пашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Но в памяти людей, которые его знали, Владимир Ильич сохранился не только как великий теоретик и вождь, но и как жизнерадостный, веселый, живой человек. Он умел так внимательно слушать и расспрашивать, что казалось, он хочет до дна исчерпать своего собеседника, а его острые реплики сразу раскрывали по-новому содержание беседы. Разговоры с ним доставляли истинное удовольствие и всегда вносили точность и ясность в обсуждаемый вопрос. Когда впоследствии мы встречались с каким-либо новым вопросом теории или практики политической работы, мы всегда живо интересовались, как на это смотрит Ильич, каково его мнение, и всегда оказывалось, что его мысли, его директивы бывали самыми мудрыми, самыми правильными, ведущими партию и пролетариат к неуклонному росту и к конечной победе.

В декабре 1894 года я был арестован; вместе со мной были арестованы еще два члена нашей «шестерки», А. Н. и П. И. Випокуровы; остались на свободе М. Н. Лядов, Е. И. Спонти и рабочий С. И. Прокофьев. К этому времени в организацию был уже привлечен ряд новых лиц, пропагандистская и агитационная работа продолжала расширяться. На маевке в 1895 году московская организация приняла название «Рабочий союз».

Ильич продолжал поддерживать связь с московской организацией через Спонти и братьев Масленниковых.

После летних провалов в Москве, когда были арестованы Лядов, братья Масленниковы и многие другие, Ленин старался восстановить свои связи с московской организацией, как это видно из его письма к Аксельроду в Цюрихе в ноябре 1895 года: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни»¹ ни слуху ни духу. Цел ли он? (он был арестован 12(24) декабря 1895 года. С. М.). Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек»².

Вскоре после этого письма Ленин был арестован (9(21) декабря 1895 года)³.

*Исторический журнал, 1941, № 1,
с. 11—15*

¹ Речь идет о Е. И. Спонти. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 8. *Ред.*

³ В. И. Ленин и его соратники по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 г. *Ред.*

КАК БЫЛИ ИЗДАНЫ СТАТЬИ
В. И. УЛЬЯНОВА
«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА»
И КАК ОНИ ВОЮЮТ
ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»

Ранней весной в 1894 году я узнал от своих родственников-друзей братьев Масленниковых, что им удалось, после долгих попыток, приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Владимиру Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Вансееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», причем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня.

Приехав в Москву, я узнал от братьев Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий испугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня-завтра достать; время шло, а шрифта не было. Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем в квартире С. П. Мицкевича на Садовой, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом. Решено было ехать в город Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись, или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решили отпечатать «Что такое «друзья народа»...».

Местом для работы выбрали имение моего отца «Горки», Переяславского уезда Владимирской губернии, в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски, валик и пр., перебрались мы с В. Н. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить не удалось. Тогда

В. Н. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и пр., начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на пол-листа, делаем новый — в лист. К концу августа напечатали одну только первую часть в количестве 100 экземпляров, форматом в $\frac{1}{4}$ листа, черной краской, стараясь придать внешность типографской работы. С начала сентября продолжаем работу в Москве, на 1-й Мещанской, в доме Зайцевского, в квартире моего отца, куда приезжал из Петербурга А. Л. Малченко, забрал все готовые экземпляры и рукопись в Петербург, где она была вскоре издана на гектографе (сипими чернилами) полностью. Насколько помню, в этом издании и принимал участие А. А. Ванеев. На этом издании, по-видимому ради конспирации, т. е. чтобы отвлечь внимание жандармов от петербургской организации, была сделана пометка: «Издание провинциальной группы социал-демократов». В ноябре я привез из Петербурга несколько экземпляров этого издания для братьев Масленниковых и С. И. Мицкевича.

В «Горках» и в Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первые части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенке не успели издать. Рукописи о Южакове и Кривенке я получил от Владимира Ильича в Люблино, где он жил лето 1894 года на даче у А. И. Елизаровой. Двадцатидевятилетняя давность не изгладила из памяти тех бесед, которые вел со мной Владимир Ильич, гуляя по берегу пруда в Кузьминках; уже тогда чувствовалось, что пред тобой могучая умственная сила и воля, в будущем великий человек.

Р. С. Помню, что когда приехал Владимир Ильич в Петербург из Самары в 1893 году, то привез с собой рукопись, кажется под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В.»; о дальнейшей судьбе этой рукописи мне ничего не известно ¹.

Пролетарская революция, 1923,
№ 2, с. 73—74

---

¹ Упомянутая автором работа В. И. Ленина до настоящего времени не разыскана. *Ред.*

ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА
ПО ВОПРОСАМ ФИЛОСОФИИ,
ПИСАННЫЕ МНЕ В 1898—1899 ГОДАХ

Письма эти, к великому сожалению, утеряны во время моих скитаний после сибирской ссылки¹. Я думаю, что они были отняты у меня во время обыска в 1901 г. в Самаре...

В сибирской ссылке я стал интересоваться вопросами философии и, между прочим, также философией Юма и Канта. Скептицизм Юма особенно, по-видимому, гармонировал с той безнадежной обстановкой, в которой протекала тогда сибирская ссылка... Философия же Канта была мне привита еще с детства вместе с германскими классиками, из которых особенно Шиллер, как известно, был пламенным энтузиастом кантианства.

Владимир Ильич, вероятно от товарищей, узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживленная переписка по философским вопросам. Я старался его обратить в свою веру, излагал ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауэра, который тоже привлек мое скучающее в ссылке внимание. В своих ответных письмах Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса. Он с жаром доказывал, что *не может быть никаких границ человеческому знанию*, которое должно прогрессировать и *отделаться от идеалистической, буржуазной шелухи по мере роста революционного рабочего движения*, которое должно определить не только поведение и мирозерцание самого рабочего класса — *насквозь ясное, жизнерадостное и захватывающее своей простой красотой*, — но и поведение и мирозерцание своих классовых противников и

---

¹ Письма В. И. Ленина Ф. В. Ленгнику по вопросам философии до настоящего времени не разысканы. *Ред.*

заставит их вместо туманных, заоблачных теорий и мечтаний говорить языком фактов и огнем баррикад...

Через несколько уже писем Владимира Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма, для которой мои увлечения были уже далеким-далеким прошлым. «Анти-Дюринг» стал моей настольной книгой, и этим избавлением на всю жизнь от идеалистического плена я всецело обязан дорогому, милому, бесценному Владимиру Ильичу...

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ

Впервые я увидел Владимира Ильича в конце 1898 года в Минусинске, куда съехались многие ссыльные товарищи под предлогом встречи нового года.

Еще раньше, близко сойдясь с членами организованного Владимиром Ильичем кружка в Питере (я ехал в ссылку по этапу в 1897 году вместе с Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым, Ю. О. Цедербаумом, А. А. Ваневым и Запорожцем), я много слышался в высшей степени почтительных отзывов о Старике (т. е. Владимире Ильиче) как о революционном деятеле очень крупного масштаба, с исключительно светлым умом, как о чрезвычайно образованном марксисте, имеющем бесспорное право на роль вождя русской социал-демократии. Но наряду с этой характеристикой я почему-то составил себе о нем представление как о человеке, мало доступном для простых смертных.

Такое предвзятое и совершенно не соответствующее действительности мнение мое об Ильиче впервые подверглось серьезному испытанию, когда я получил от жены, выехавшей ранее меня в ссылку, письмо, в котором она описывала свою поездку на пароходе по Енисею из Красноярска в Минусинский уезд. Ехала она вместе с Владимиром Ильичем, который на время этого переезда взял ее и жену Старкова, Антонину Максимилиановну, под свое особое покровительство. Произвел он на нее обаятельное впечатление. Такого милого, деликатного, обходительного человека ей никогда не приходилось встречать. Он, казалось, только и думал о том, какую бы услугу оказать и ей, и Старковой, и прочим пассажирам, с которыми судьба свела его в течение долгих шести или семи дней путешествия по безлюдной пустынной местности. Когда на пароходишке, шлепавшем по Енисею, оказался продовольственный кризис, Ленин вызвался раздобыть продуктов в соседней деревушке у крестьян и стал быстро взбираться по крутому берегу реки на высокую гору.

Первая же встреча моя с Владимиром Ильичем в Минусинске окончательно рассеяла мои представления о нем как о «генерале». Своей приветливостью и простотой он производил чарующее впечатление. Он совершенно не давал чувствовать своего интеллектуального превосходства, охотно делился с нами своими задушевными мыслями и настроениями, своими взглядами на ту или иную только что прочитанную им книжку, сведениями о политических новостях. Но этого мало сказать, что он делился с нами своими интеллектуальными богатствами: он обычно страстно желал, чтобы мы сами стали полными обладателями этих интеллектуальных благ, ему хотелось бы, чтобы мы столь же страстно, с таким же горением пламенной мысли воспринимали тот или иной теоретический вклад в наше мировоззрение, с каким обычно и он искал новое в прочитываемой или изучаемой им книжке.

Я помню, например, что в это время он штудировал «Логiku» Гегеля. И он с увлечением говорил нам, окружающим его товарищам, о богатстве мыслей в этом трактате, не замечая, по-видимому, того, что многие из нас (по крайней мере, о себе смело могу это сказать) еще не были подготовлены к пониманию идей гегелевской философии.

Всякий товарищ, с которым его свела судьба и общее революционное дело, был для него предметом нежных забот и внимания. Об этой черте характера Владимира Ильича существует много множество трогательных рассказов. Я со своей стороны приведу один пример из жизни моей семьи, который никогда не изгладится из нашей памяти.

В 1921 году здоровье моей дочери, которую Владимир Ильич и Надежда Константиновна знали, когда она была еще ребенком, сильно пошатнулось. Можно было предполагать острую форму туберкулеза. Тоскливое настроение воцарилось в нашей семье. Одолевали горькие думы. Была цель пробраться всем нам на Кавказ и пожить там летние месяцы в условиях благодатного теплого климата, но пугала мысль о трудности этого дела, о нехватке средств и т. д.

Знавший наше положение М. С. Ольминский решился, не спрашивая нашего согласия и конспиративно от нас, поговорить о наших затруднительных обстоятельствах с Ильичем. Впоследствии из рассказов Ольминского мы узнали, что, как только он заикнулся Ильичу о трудностях переживаемого нами момента, Владимир Ильич тотчас же схватил перо и листочек бумаги, набросал на нем несколько строк и передал Ольминскому записку. В немногих строках сказался весь Ильич, с его нежной заботливостью о старых товарищах.

Заботливое и дружеское отношение к товарищам, в особенности к тем, которых Ленин считал своими полными единомышленниками, не распространялось, однако, у него на лиц, идеоло-

гически ему чуждых и враждебных марксистскому мировоззрению. Тут он был сдержан, сух, а в процессе борьбы даже и суров.

Что прежде всего бросалось в глаза при первом знакомстве с Владимиром Ильичем, — это его темперамент, его необычайная динамичность, постоянная напряженность всей нервной системы. Если он читал книгу, его зрительный и умственный аппарат работал с такой быстротой, которая посторонним людям казалась просто чудом. Восприимчивость его при чтении книги была феноменальной.

Жена моя имела возможность наблюдать Ильича за чтением книги, когда ехала с ним на пароходе из Красноярска в Минусинск. Вот что она вспоминает по этому поводу.

Ее койка находилась по соседству с койкой Владимира Ильича. В руках у него была какая-то серьезная книга (кажется, на иностранном языке). Не проходило и полминуты, как его пальцы уже перелистывали новую страницу. Она поинтересовалась, читает ли он строчку за строчкой или скользит лишь глазами по страницам книги. Владимир Ильич, несколько удивленный ее вопросом, с улыбкой ответил:

— Ну, конечно, читаю... И очень внимательно читаю, потому что книга стоит того...

— Но как же вы успеваете так быстро прочитывать страницу за страницей?

Владимир Ильич ответил, что если бы он читал более медленными темпами, то не успел бы прочесть всего того, с чем ему нужно ознакомиться.

Да я и сам вспоминаю факты, которые врезались мне в память. Помню, как в Женеве однажды в разговоре со мной, увлеченный какой-то идеей, он стал подкреплять ее цитатами из какой-то книжонки. Быстро-быстро прочитывал он без запинки по полстранице текста, производившего на меня впечатление очень складной и гладкой в литературном отношении речи. Когда я заинтересовался книжкой и, подсев к Ильичу поближе, заглянул в нее, то, к моему величайшему изумлению, я увидел, что это не русская, а немецкая книга.

Отдых или наслаждение никогда не представляли для Ленина самоцели, чего-то особого от всего его трудового режима. Цель и стихия его жизни — неустанная борьба за партию, за дело пролетариата, за революционное переустройство мира в интересах трудящихся. Преследуя эту цель, он не щадил ни своих сил, ни здоровья, ни даже жизни. Но время от времени утомленный организм и истрепанная нервная система настойчиво требовали отдыха и заставляли отрываться от перегружающей его силы напряженной работы. И если не зависевшие от его воли обстоятельства (например, в ссылке) позволяли ему побаловаться досугом более, чем в какое-либо другое время, он

п эти, так сказать сверхсметные часы отдыха старался превратить в деятельные периоды укрепления здоровья, тренируя свои силы для предстоящей в будущем страды.

Из всех видов физического спорта он особенно любил охоту. Результаты его охотничьих экскурсий — в смысле количества подстреленной дичи — обычно были не блестящи. Но это обстоятельство отнюдь не обескураживало Владимира Ильича. Он все-таки успевал удовлетворять присущий ему инстинкт охотника, когда хитро подкрадывался к намеченной жертве, бесечно сидящей на ветке дерева, когда измерял «привычным» взглядом пространство, отделяющее несчастного дятла от дула ружья, и всеми фибрами своей души предвкушал счастливые последствия от «верного» прицела, не особенно, впрочем, огорчаясь, если приговоренная к смерти дичь после «смертельного выстрела» устремлялась не вниз кувыркком, а ввысь, утопая в сиянии голубого дня.

В редкие дни по предварительному сговору вся наша ссыльная социал-демократическая братия собиралась в определенном пункте, чтобы совместно, в своей тесной товарищеской семье провести время.

Обыкновенно собирались в Минусинске, иногда же и в Шуше¹, у гостеприимного Ильича, а раза два или три — в селе Ермаковском, где проживали я с женой, семья Ванеевых, Сильвиных, Курнатовский, Панин.

Квартира, в которой скучивались съездовцы, наполнялась шумом, гамом и веселым смехом. Все спешили наговориться, нахохотаться, наспориться. Ильич был наиболее подвижным, наиболее оживленным, наиболее жизнерадостным членом этого общества. У него за последние недели накопилось много вопросов, которые он хотел бы сделать предметом общего суждения. Не мало внимания нужно отдать последнему номеру «Рабочей мысли», где «молодые» договорились уже черт знает до каких геркулесовых столпов оппортунистических благоглупостей. Ну и «Антибернштейн» Каутского тоже не последний из источников для оживленной беседы. А тут еще это пресловутое неокантианство, о котором нужно основательно повести речь, особенно с Фридрихом Вильгельмовичем Ленгником, который не разбирался еще в этом ложном поветрии и готов был брать под свою защиту неокантианцев...

Одним словом, два-три дня, отведенные судьбою в лице минусинского исправника, для Владимира Ильича проходят как один счастливый час.

Но не все же дискутировать и без умолку говорить. Если это лето, то Владимир Ильич в компании с другими охотниками отправлялся на охоту. Если это зима, то очень кстати было бы

¹ Шуша — сокращенное название села Шушенское. *Ред.*

погиганить на коньках по замерзшей реке, причем Ильич, отчаянный спортсмен, прекрасно бегал на коньках.

На почве выбора номеров для нашей вокальной программы у него частенько происходили споры со Старковым, который не прочь был бы поразнообразить программу. Ильич резко протестовал против измены нашим вокальным традициям и, чтобы прекратить дальнейшие споры, торопился затянуть:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

И когда ему кажется, что остальные исполнители недостаточно темпераментно фразируют козырные места в песне, он с разгоревшимися глазами начинает энергично дирижировать, размахивая руками, нетерпеливо притопывать ногой и подчеркивать правящиеся ему места напряжением своих голосовых средств, причем очень часто, к ужасу В. В. Старкова, с повышением какой-нибудь ответственной ноты на полтона, а не то и на целый тон:

И водрузим над землею
Братское знамя труда!

Ярче всего натура Ильича как прирожденного спортсмена сказывалась в шахматной игре. Как известно, и Маркс, и Энгельс, и Либкнехт очень любили шахматную игру, причем проигрыш партии для Маркса был источником сильного нервного возбуждения и раздражения. Владимир Ильич никогда не раздражался и не ругался по поводу своих шахматных неудач, но любил эту игру не меньше Маркса.

Когда я впервые познакомился с Владимиром Ильичем в Минусинске, то сразу же, чуть ли не через полчаса после первых минут встречи с ним, мы выступили на шахматном поле. До сих пор всегда побеждаемые мною Старков и Кржижановский были очень высокого мнения о моем шахматном искусстве и торопились «сравнить» двух шахматных «гроссмейстеров». Да я и сам лелеял в себе надежду, что положу на лопатки этого нового противника. Но и первую, и вторую, и третью, и четвертую партию подряд я проиграл, после чего смиренно должен был признать явное превосходство своего противника и согласиться на игру с компенсацией с его стороны, то есть с уступкою им в начале игры легкой фигуры, слона или коня, что уравнивало мои шансы на выигрыш партии.

Но одним из самых приятных для меня воспоминаний является моя игра с Владимиром Ильичем по переписке. Аккуратно, с каждым приездом почтаря я получал письмо, в котором помимо очередного шахматного ответа Ильич не забывал поделиться своими литературными планами. Эти письма, которых у меня накопилось десятка два, жандармы впоследствии, во

время одного из обысков, отобрали, и они так где-то и погибли в охранке.

Но и шахматам, этой любимой своей игре, Владимир Ильич посвящал только крохи времени. Помню, например, как я попал в Петроград в конце ноября 1917 года. Октябрьская революция застала меня в провинции (в городе Орше), где я с группой товарищей напрягал силы, чтобы задержать в местном железнодорожном узле многочисленные вооруженные эшелоны, направляемые с Западного фронта сторонниками свергнутого буржуазного правительства в помощь Керенскому. Я не виделся с Владимиром Ильичем со дня его отъезда во вторую эмиграцию, и поэтому можно себе представить, с каким нетерпением я жаждал увидеть его снова, выпросив у Ильича позволения на 10—15 минут свидания с ним в Смольном.

Нужно было многое множество мыслей уложить в этот 15-минутный разговор; в душе копошился страх, что короткое время свидания пройдет как один миг и в течение его ничего значительного и путного не успеешь сказать. И вот язык выкрикивает какие-то незначительные фразы со справками о здоровье, о самочувствии и т. п., и только глаза не теряют даром времени и стараются пылливо прочесть на дорогом ильичевском лице повесть о пережитых волнениях, о бессонных ночах, о чувстве великой ответственности перед историей за «дерзкий» «штурм неба» и об испытанных Ильичем революционных восторгах.

— А что, Владимир Ильич,— спрашиваю я шутливо,— не сыграть ли нам как-нибудь в шахматышки, а? Помните старье-то времена?

Боже мой, какой веселый взрыв раскатистого хохота удалось мне исторгнуть своей фразой из груди Ильича! Его глаза перестали смотреть вдаль и привычно залукавились, оглядывая того чудака, который так «вовремя» вспомнил о шахматах.

— Нет,— сказал он наконец серьезным тоном, немного успокоившись от охватившего его смеха.— Теперь уж не до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется.

Вернусь ко времени нашей минусинской ссылки.

В те времена на очереди стояла проблема борьбы с откровенным и наглым «экономизмом» — разновидностью оппортунизма отечественного происхождения, который был сколком с заграничного бернштейнианства. «Экономисты» типа «рабочемысленцев» (слывших в партийных кругах под кличкой «молодых», объявлявших себя идеологами, пришедшими на смену «старикам», т. е. тому течению, которое возглавлял Владимир Ильич) окончательно распоясались. В руки Владимира Ильича через сестру его Анну Ильиничну попал набросок с платформой «молодых», автором которого была пресловутая Кускова (быть может, вкупе с Прокоповичем). Неважно, что Кускова не получила от своей братии официального полномочия выступать с

такого рода платформой. Документ, попавший в руки Ильича, прекрасно и достаточно стильно выражал не особенно грамотное в политическом отношении «Кредо» «экономистов», как назвала этот документ Анна Ильинична.

Ильич тотчас же списывается с ссыльными социал-демократами Минусинского уезда и назначает день съезда их в селе Ермаковском для коллективной выработки протеста против этого «символа веры» российских бернштейншланцев. В мемуарной литературе уже достаточно установлены точные факты относительно места, времени и состава «съездовцев», подписавших «Протест», и этой стороны дела я касаться здесь не буду.

Приблизился наконец последний день нашей ссылки.

Владимир Ильич, полный нетерпения, радостный и оживленный, не хотел терять ни одного дня, ни одного часа на сборы в длинную дорогу и после окончания ссылки, в феврале 1900 года, двинулся в путь в Россию.

Вместе с ним уехали Кржижановские и Старковы. Только я с женой, задержанные болезнью нашей маленькой дочери, с грустью проводили отъезжавших товарищей и отстали от компании. И лишь летом 1900 года нам удалось вернуться в Европейскую Россию.

По дороге в Псков, куда Владимир Ильич «посадил» меня для выполнения функций агента будущей «Искры», я из Москвы заехал к Ильичу в Подольск (это было в середине июня 1900 года) за получением от него точных инструкций относительно выполнения моих новых партийных обязанностей.

В течение последовавших затем трех лет я не видел Ленина, поддерживая связь с ним лишь путем переписки, корреспонденций в «Искру» и деловых информаций о ходе нашей работы как искровских «агентов».

Новая встреча моя с Владимиром Ильичем произошла только в начале 1904 года, когда я, не прельщаясь перспективой шестилетней отсидки в гиблых местах далекой Якутии, бежал из Минусинска (куда был отправлен предварительно, до вынесения мне приговора) в Женеву.

В Женеве я знал только адрес Плеханова и по приезде в этот город с вокзала отправился прямо к нему. Он любезно принял меня, угостил кофе со сливками, но в завязавшемся разговоре сразу же хватил меня, что называется, обухом по голове.

— Э-е, батенька, да вы, видно, не знаете, что у нас тут после съезда произошла свалка такая, что скоро обе половины друг друга съедят и от них останутся одни только хвосты.

Оказалось, что я, по иронии судьбы, попал не к своим, не к Ленину, а в лагерь врагов, ибо и Плеханов, несмотря на его гордое заявление, что он стоит вне драки и якобы поставил перед собою неблагодарную задачу развести в разные стороны разъя-

рившихся «драчунишек», на самом деле уже целиком и полностью ушел «по ту сторону баррикады».

Всякий товарищ, приехавший за границу, становился предметом «обхаживаний» и «улещивания» со стороны меньшевиков. Дан и Мартов проявили величайшее усердие, чтобы внушить мне твердое убеждение в том, что Ленин был причиной злоключений на съезде, поставивших партию под угрозу раскола. Оба приятеля, соревнуясь в «накачивании» меня бесчисленными анекдотами из съездовских бытовых картинок, перебивая друг друга, — ни дать ни взять Бобчинский и Добчинский из бессмертной комедии Гоголя — стараются как можно скорее «освоичить» меня и присоединить мой голос к хору меньшевистских запевал.

Только что они ушли, как ко мне стучится в дверь новый визитер — П. А. Красиков. Посмеивается по поводу того, что я по приезде сразу попал в объятия меньшевиков. Затем начинается посвящение меня в эпизоды разгоревшейся борьбы.

— Да что тут толковать, идемте сейчас к Владимиру Ильичу. Он быстро вас отшлифует, — догадывается наконец Петр Ананьич.

И вот я опять вижу Ильича. Вид у него усталый, измученный.

Задал он мне несколько вопросов о том, как я поживаю, где сейчас находится моя семья и т. д.

Наконец Красиков спохватился:

— Владимир Ильич, я же к вам привел сего мужа, чтобы вы разрешили все его сомнения.

— Зачем? — улынулся Ленин. — Пусть сам разберется. Есть печатные протоколы съезда. Пусть внимательно прочтет и сделает свои выводы.

Его совет был самым разумным.

Я раз и навсегда стал в ряды большевиков.

Невеселую улыбку возбуждала у Ленина подлинно гнусная картина той анархической борьбы с партией и с постановлениями ее съезда, которую повели меньшевики со времени съезда. Удручающую повесть об этой наезднической, наглой и узурпаторской тактике меньшевиков, главными моментами которой были постоянные ультиматумы меньшевистских лидеров о кооптации во все центральные органы партии их сторонников, что было полным отрицанием ясно выраженной воли II съезда, дает Владимир Ильич в своем обращении «К партии», написанном в начале февраля 1904 года.

Владимир Ильич в этом обращении писал:

«Возбуждение «Искрой» вопроса о кооптации в ЦК разрушает эту надежду (на ослабление кризиса партии. — П. Л.). Мы не считаем уже возможным снова начинать торговлю из-за мест, вызывающую в нас безразличие. Мы предпочли бы даже,

при отсутствии иного исхода, передачу *всех* дирижерских палочек меньшинству, если уже оно решительно не способно работать в партии иначе, как на высших местах. Готовность к такому шагу усиливается у нас по мере того, как новая, отвратительная болезнь нашего движения принимает затяжные формы, — по мере того, как эти мелкие дрязги, невыносимые тем более, чем они мельче, становятся хроническими.

Но, — пишет Ленин, — мы хотели бы сначала узнать возможно более определенно мнение партии, мы хотели бы считаться и с общественным мнением революционной среды, в особенности в России»¹. А именно этого меньшевистские главари пуще всего боялись.

Мысль о созыве III съезда партии созрела в голове Ильича уже в начале 1904 года. Вот почему он возлагал огромные надежды на очередную сессию Совета партии в конце января 1904 года. Не то чтобы он рассчитывал на какую-нибудь удачу при выработке резолюций Совета, — он хорошо знал, что по каждому вопросу меньшевистская тройка (Плеханов, Мартов, Аксельрод) станет издевательски обходить большевистскую двойку (Ленина и Ленгника), так что ни одно предложение большевиков не имеет никаких шансов быть принятым на Совете. Поэтому Ленин шел на Совет, заранее подготавливая свои нервы к ряду издевательств над ним со стороны язвительного крючкотвора Мартова и вечно играющего свою коронную роль величественного Юпитера — Плеханова. Ленину важно было заручиться документальными материалами, высказываниями меньшевистских вождей на Совете партии, — заручиться в интересах мобилизации общественного мнения партии и для агитации за новый съезд.

Очень важным вопросом для большевистской стороны был вопрос о секретаре на Совете. Против секретарства Блюменфельда Ленин и Ленгник решительно протестовали, мотивируя свой протест недостаточной конспиративностью его и большой экспансивностью.

Со своей стороны Ленин и Ленгник выдвинули кандидатуру на роль секретаря — Бычкова (я эмигрировал за границу с фальшивым паспортом на имя Бычкова и некоторое время за границей носил этот псевдоним).

В ответ на это Плеханов, соглашаясь на секретарство Бычкова «с вашей стороны», то есть со стороны большевистских членов Совета, предлагает от имени редакции кандидатуру Ф. И. Гурвича (т. е. Дана). Но и от Дана Ленин и Ленгник отрекаются. Мотив отказа — недопустимое отношение Дана к ЦК; о поведении Дана большевистская сторона намерена возбудить вопрос в Совете.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 168—169. *Ред.*

«...Цени значение Совета,— пишет Ленин Плеханову при переговорах о секретарях,— как орудия объединения и согласования (а не разъединения и раздора), мы сразу предложили такого секретаря, который *никакого* участия в раздорах не принимал и который не был опротестован и другой стороной»¹.

Чем же объясняется такая разборчивость Ленина в выборе секретарей? Очень просто: для Ленина, возлагавшего надежды на протоколы как на документ, который должен сказать правду всей партии, вопрос о лице или о лицах, которые будут протокольно отображать прения сторон на Совете, был вопросом первостепенной важности. Для Плеханова же и других меньшевистских членов Совета, твердо решивших не допускать опубликования протоколов Совета, этот вопрос не имел большой важности. Все равно, мол, протоколы пойдут в партийный архив, и не важно, что там секретари своим пером настраивают.

Я не буду рассказывать о тех заседаниях Совета (15—17 (28—30) января 1904 года), когда мне пришлось вести записи прений в качестве секретаря со стороны большевиков. Интересно познакомиться с этим эпизодом читателю я могу порекомендовать познакомиться с этими протоколами, напечатанными в X Ленинском сборнике (стр. 181—277). Протоколы чуть ли не со стенографической точностью отображают речи участников Совета, и этим лично я могу гордиться. Но я никак не могу простить себе одного ротозейства, которое вызвало у Владимира Ильича взрыв гнева и величайшей досады. Вот как это случилось.

Я привел в порядок свои протокольные записи, согласовал их с замечаниями меньшевистского секретаря и отдал на просмотр и на подпись толстую тетрадищу Владимиру Ильичу.

Ленин сделал кое-какие исправления и дополнения в записи своих выступлений и протокол подписал. Ленгник тоже свою руку приложил. Оставалось получить подпись Плеханова, Мартова и Аксельрода. При этом Владимир Ильич советовал соблюдать большую осторожность, когда я буду иметь дело с этой теплой компанией, и не терять из поля своего зрения драгоценного документа.

Я отправился к Мартову.

— Вот, Юлий Осипович, протоколы Совета... Мы их составили с NN (меньшевистским секретарем), и вряд ли могут быть какие-нибудь сомнения в их объективности. Подпишите, пожалуйста.

— Оставьте мне протоколы, я просмотрю и завтра вам верну их.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 349. Ред.

— Нет, Юлий Осипович, я очень прошу вас просмотреть сейчас... Я тороплюсь свалить с плеч это дело... Зайду после вас еще к Плеханову на подпись.

— Но я могу и сам вместо вас дать на подпись и Плеханову и Аксельроду. Что же вас, собственно говоря, смущает?..

— Да видите ли... протоколы имеются в единственном экземпляре... могут как-нибудь затеряться... А я, как секретарь, считаю себя ответственным за судьбу этого документа...

— Как затеряться?! Ведь я не ротозей, чтобы терять нужные документы. Я вам сказал, что скоро протоколы вам верну... Даю вам честное слово, если хотите... Что же вам еще больше нужно?..

Мартовское честное слово выбило у меня пöхву из-под ног. Я выпустил драгоценный документ.

С тяжелым сердцем я пришел на доклад к Ленину.

Узнав, что протоколы я оставил Мартову «до завтра», он пришел в такое бешенство, в каком я его никогда не видал ни до, ни после этого. Он подверг меня самой жестокой словесной экзекуции.

— Если у вас такая невинная младенческая душа, — бросал он по моему адресу, — зачем же вы беретесь за серьезное политическое дело?!

— Но ведь Мартов же дал мне честное слово, — упавшим голосом, чуть не плача, робко пытаюсь я оправдаться.

— О-о, молчите, пожалуйста!.. Какая свя-та-я простота!..

И как вы думаете, читатель, сдержал Мартов свое «честное слово»? Ну, конечно, нет. Он даже не пожелал с этих пор со мной вступать в объяснения по этому поводу.

Так я узнал, какова подлинная природа и какую цену может иметь плевый, ничего не стоящий термин «честное слово» меньшевика...

В 1904 году женевская группа большевиков решила отпраздновать годовщину Парижской коммуны особенно торжественно. Ведь это был наш праздник, на который новоискровцы — меньшевики — даже не покушались, ибо что им Коммуна?! — ничтожная историческая дата, крошечный эпизод, паки и паки доказавший всему миру, что коммунарам не нужно было браться за оружие.

Для митинга мы выбрали большой зал, который в праздничный час оказался переполненным до отказа. Наша группа поручила мне председательствовать и провести митинг, причем я, открывая собрание, должен был, по наперед выработанной программе, выступить с речью о революции 1848 года в Германии. Оратор я был плохой; я по-ученически повторял мысли Маркса перед двухтысячной толпой. Помню только, что в каком-то месте моего выступления Ильич вдруг вскинул на меня свои глаза, в которых я усмотрел знак вопроса. Очевидно, я где-то

проврался и резанул ухо Ильича. Смущенный и обескураженный, я кое-как закруглил свою речь и, получив свою долю жиденьких аплодисментов, поспешил предоставить слово Владимиру Ильичу. А он как раз был в ударе, и чувствовалось, что он хотя на один час рад забыть о женевской склоке, о кооптационных дрязгах, об истерических выходках Мартова, о мерзком политиканстве Дана, о бесповинии самовлюбленного Нарцисса — Троицкого, о талмудистских прорицаниях Аксельрода, забыть обо всем этом, погружая свои мысли в оценку деяний Парижской коммуны.

Когда толпа расходилась после митинга, то я сам слышал отзывы некоторых рядовых меньшевиков о выступлении Ленина:

— Да,— говорили они,— вот это настоящий вождь! Э-эх, кабы нам такой!

По написании брошюры «Шаг вперед, два шага назад» Владимир Ильич почувствовал такую потребность в отдыхе, что немедленно отправился с Надеждой Константиновной в горы побродить пешком с котомками за плечами.

Мы, рядовые большевики, инстинктом чуяли, что в сложившейся картине фракционной драки были бы уместны ответные удары в физиономию меньшевиков теми самыми приемами «бокса», которыми отличались выходки меньшевиков. Они изволят подшучивать над нами на страницах новой «Искры», ну и мы будем наносить удары в зубы противника злой шуткой, памфлетами, карикатурами!

«Искра» позволяет себе третировать заграничных большевиков, как людей, все присвоивших себе звание членов партии. И вот Лядов пишет открытое письмо Плеханову (собственно говоря, весь наш коллектив сочиняет в каком-то кафе это письмо — ни дать ни взять картина Репина, изображающая запорожцев при составлении ими письма к турецкому султану), и раздраженный медведь вылезает из своей берлоги и начинает своим рыком «пужать»: «Я, нижеподписавшийся тамбовский дворянин, Георгий Валентинов, сын Плеханов...» А наша ватага подхватывает: «Ура тамбовскому дворянину! Шире дорогу тамбовскому дворянину!»

Но самым неистовым, самым невыносимым для меньшевиков насмешником был неутомимый памфлетист Галерка (Ольминский), литературное ампула которого в этот период хорошо известно всем, изучающим историю нашей партии.

Нащупал себе некоторую специальность в этой кампании литературной борьбы с меньшевиками и пишущий эти строки.

В приложении к № 67 «Искры» от 1 июня 1904 года была напечатана статья Л. М. (Мартова) под заглавием: «Вперед или назад?», с подзаголовком: «Вместо надгробного слова». В этой статье Мартов корчит веселое лицо при плохой игре и делает

вид, что книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (а выхода этой брошюры новоискровцы ждали с превеликим страхом) якобы не попала в цель.

В далекой юности я забавлялся рисованием карикатур на своих учителей. И вот теперь я снова схватился за перо. «Надгробное слово» Мартова, вздумавшего политически хоронить Ленина, навело меня на мысль о мышах, хоронивших повешенного за лапки кота. Через полчаса карикатура «Как мыши кота хоронили» была набросана. Эффект для меня получился неожиданный. Ильич хохотал над моим рисунком до упаду и потребовал, чтобы я издал своих «мышей» с помощью литографского камня.

С этих пор ни одна моя последующая карикатура, издаваемая на средства нашей большевистской кассы, не проходила без советов и санкции Владимира Ильича, который, по-видимому, одобрительно отнесся к нашим методам борьбы с меньшевиками (посредством едких сарказмов Галерки, карикатур Олина-Лепешинского и т. д.), требуя только, чтобы мы не переходили за грань политических выпадов и не опускались до уровня обывательского хихиканья по поводу каких-нибудь личных качеств того или иного противника. Я помню, например, как, просматривая с улыбкой мой рисунок с мышами, заготовленный уже для воспроизведения его на литографском камне, он вдруг стал серьезен, нахмурил брови и сказал мне:

— Товарищ Олин, что же тут политического в этом намеке: «испить бы кефирцу»? Это место обязательно надо переделать.

Дело в том, что в третьей части серии карикатур «Как мыши кота хоронили» старой мыши с лицом Аксельрода, издыхающей от расправы воспрянувшего кота, я вложил в уста предсмертный вопль: «испить бы кефирцу», намекая на то, что Павел Борисович Аксельрод имел в Швейцарии собственное кефирное заведение, дававшее ему средства к жизни. Этот глупый намек Ильичу сильно резанул ухо своей бестактностью и отсутствием какого-либо политического смысла. Сконфуженный, я поторопился исправить свою ошибку.

Особенно ненавистен был нам Троцкий, автор брошюры «Наши политическис задачи», в которой этот скоропалительный ренегат шельмует старую «Искру», характеризуя ее как демократическую газетку, предназначенную для буржуазно-радикальной интеллигенции, и всячески клеветца на Ленина. Поэтому в своих политических карикатурах я с особенным удовольствием изображал Троцкого, этого Балалайкина и самовлюбленного Нарцисса, то в виде разыгравшегося мышонка, отплясывающего канкан над трупом готового воскреснуть кота, то в образе мелкого полицейского чина, висящего по поручению «их благородий» (участкового начальства) на телефоне, и т. д. и т. п.

После выхода «Шагов» Ленин созвал в Женеве совещание 22 единомышленников, с тем чтобы на этом совещании была выработана платформа большевиков под лозунгом борьбы за созыв III съезда¹.

Дела большевиков пошли в гору. Они обзавелись своим органом и своим практическим центром (Бюро комитетов большинства), объединяли вокруг себя все здоровые элементы партии, готовили созыв III съезда. А меньшевики в то же время все более и более компрометируют себя, договорившись до чудовищного тактического оппортунизма.

Однажды осенью, в ноябре 1904 года, мы, женевские большевики, получаем приказ собраться днем такого-то числа в столовой Олина (место, игравшее роль нашего партийного клуба). Столовая оживилась. Вся группа женевских большевиков была налицо. Явился Ленин.

Давно уже мы не видели на его лице такой светлой, радостной улыбки. Он потирал руки от удовольствия, он посмеивался своим гортанным смешком, и глаза его — прежние, настоящие ильичевские глаза, полные веселого юмора и вспыхивающие огоньками сарказма. Он своим видом напоминал счастливого охотника, который долго выслеживал и охотился за редкой птицей и наконец поймал ее в свои силки.

И в самом деле, на этот раз он изловил меньшевиков на очень показательном оппортунистическом вранье. Редакция «Искры» опубликовала письмо к партийным организациям только для членов партии, в котором излагала свой знаменитый «банкетный» план земской кампании. Не буду здесь излагать содержание этого письма и ответа на него Ленина: «Земская кампания и план «Искры»»². Партия могла убедиться и имела впоследствии все большие и большие поводы убедиться в том, что меньшевики к разногласиям с большинством партии по *организационным* вопросам добавили новые разногласия — по тактическим вопросам, в чем В. И. Ленин сразу их изобличил.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 216—230

---

¹ О совещании 22 большевиков см. написанное В. И. Лениным и принятое совещанием обращение «К партии» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 13—21). *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98. *Ред.*

ОБ ИЛЬИЧЕ

Трудно говорить об Ильиче вообще, и особенно отдельными эпизодами его жизни. Он весь стальной, из одного куска вылитый, впитавший в себя единую волю и мозг всего пролетариата. Железная логика его мысли, последовательность в каждом движении его воли, гармоничность всей этой жизни гиганта глубоко запечатлелись в моей памяти.

Первые мои воспоминания о Ленине относятся к искровскому периоду нашей партии, когда в 1901 году я была вызвана за границу, не то в Цюрих, не то в Берн, чтобы сообщить о ходе борьбы за «Искру» в Одессе, где я тогда работала в качестве агента «Искры». Меня тогда больше всего поразила в Ильиче его необыкновенная мягкость и внимательность, с которой он относился к новому человеку. Он изучал вас, но делал это так, что вы чувствовали какую-то особенную, ему лишь свойственную деликатность. Позже я очень хорошо узнала, как прощупывает Ильич своего идейного противника, как умеет он отбрасывать не только активного врага, но и все дряблкое, колеблющееся, все, что часто в огне сражений наносит вред не меньший, чем враг.

Вспоминаю идеально чистую кухню Ильича, где мы пили чай и обедали. Хлопотавший по хозяйству Владимир Ильич много и жадно расспрашивал меня о России, о каждой мелочи борьбы.

До сих пор я не могу забыть этой первой личной встречи с Лениным. После двух-трех замечаний, сделанных им, для меня в новом свете предстали перспективы организационной борьбы и самые отдаленные формы ее получили реальность. Уже тогда я убедилась, как прекрасно знает Ильич рабочее движение и как на основе этого знания он мастерски намечает великие перспективы будущих революционных схваток.

Второй мой приезд к Ильичу, перед вторым съездом, был вызван моим провалом в Екатеринославе, откуда мне пришлось

бежать. Я провела тогда в обществе Ильича не много времени, так как меня вместе с С. И. Гусевым направили в Брюссель для подготовки к съезду. Но те несколько совещаний, на которых Ильич излагал нам сущность работ съезда, отчетливо рисовали картину неминуемого раскола. Мы жили это короткое время как в лихорадке, отдавая себе ясный отчет во всей важности этого съезда для партии. Линия, намечавшаяся в рядах наших будущих противников, вызвала величайшие опасения у Ильича, заставляя его с особенной, ему только одному свойственной энергией организовывать, разъяснять и убеждать, чтобы своевременно подготовить наши ряды к предстоящей борьбе. Таким озабоченным я видела его только позже, когда появились на политической арене ликвидаторы, отзовисты.

И в эти дни Ильич был для меня не только милым, предупредительным и мягким товарищем, внимательно прислушивающимся к тому, что подсказывает российская действительность. Ильич в ту пору, накануне съезда, жестоко бичевал, бил молотом своей железной логики все дряблое и колеблющееся, выковывая большевистское понимание, большевистскую последовательность и выдержку. Никто не умел так, как Ленин, беспощадно отметать все, что вредно или бесполезно для революции, и в то же время с таким неустанным вниманием и упорством разъяснять, доказывать и привлекать все живое, необходимое для борьбы.

Я помню, какое впечатление производили речи Ильича на наших противников. Вялость их ответов после отповедей Ильича говорила о той оцепенелости мысли, которую они испытывали от железной и ничем не опровержимой логики Ильича. Мне говорили бундовцы и меньшевики на втором съезде, а в последующее время и другие его противники, что после речей Ильича, ясных и простых, нужно некоторое время, чтобы снова собрать свои растерянные во время этих речей мысли.

Второй съезд начался в Брюсселе, откуда нас выселили полицейским порядком. Мы перебрались в Лондон. И вот не то по пути в Лондон или оттуда в Женеву нас настигла буря на море. Корабль качало как щепку. Мы с Надеждой Константиновной жестоко страдали от морской болезни. А Ильич, нахлобучив свою неизменную кепку, ходил в это время по палубе, ежеминутно заглядывая в каюту, чтобы осведомиться о нашем самочувствии. И он очень рассердился, когда кто-то из товарищей сказал, что он только крепится, а на самом деле должен был бы лечь. Тогда или в другой переезд я наблюдала его на палубе корабля тоже во время качки. Нас, по обычаю англичан, привязали к креслам, укутали пледами. Ильич же решительно отказался от этой операции. И предо мною вырисовывается крепкая фигура Ленина, борющегося с ветром и качкой и изредка обращающегося с вопросом к тому или иному матросу.

Незадолго до третьего съезда раскол в партии настолько на-
зрел, что он стал ясен для широких партийных масс. В этот пе-
риод я вышла из состава ЦК, который под давлением Коняги-
Гальперина, И. Ф. Дубровинского (Иннокентия) и Л. Б. Кра-
сина занял примиренческую позицию на своем заседании в
Вильно. Я была вызвана в Женеву на совещание. Достаточно
связанная с партийной массой, чтобы чувствовать почву для
крепкой организации и решительных действий, я отправлялась
туда тем не менее с некоторой робостью за свой поступок, опа-
саясь, что Ильич на меня накричит за слишком решительный и
самовольный уход из ЦК. Но Ильич, сидя в Женеве, на рас-
стоянии правильно учел ситуацию. Совещание было целиком по-
священо тому, чтобы выяснить силы и наметить Бюро комите-
тов большинства. Через несколько дней я мчалась обратно в
Россию, окрыленная верой в победу, которую так крепко вдох-
нул в меня Ильич. Несмотря на то что до меня комитеты объ-
ехали примиренцы, комитеты один за другим присоединились
к резолюции 22-х, заседавших в Женеве и так хорошо нащупав-
ших настроение организаций в России. Бюро комитетов боль-
шинства, намеченное к организации на совещании в женевской
группе, оправдало себя. Через несколько месяцев третий съезд
партии принес нам полную победу, показав, что масса безогово-
рочно идет за большевиками.

В конце марта 1906 года, сидя в тюрьме по делу московской
организации, мы узнали о приезде Ильича в Москву. Это беско-
нечно обрадовало нас, так как мы знали, что Ленин подымет
настроение у товарищей, которые после поражения Декабрь-
ского восстания были настроены пессимистически. Но мы все
сразу замкнулись в себе, не вылезали из камер, боялись друг
другу сказать, какой страх за Ленина жил в душе каждого
из нас. Его тогда чуть не арестовали. Не то Ильичу благополу-
чно удалось уйти с собрания, которое провалилось, не то он не
дошел до него — не помню. Арест его вверг бы в отчаяние ор-
ганизацию.

Чтобы закончить свои воспоминания об Ильиче подпольного
периода, мне хочется остановиться на тяжелом периоде после
1907—1908 годов, периоде ликвидаторства и отзовизма, бегст-
ва из партии интеллигенции и пр. В конце 1909 года я вынуж-
дена была уехать в Париж из Баку, где рабочая масса нашла
уже выход, отчаянно борясь с тяжелым безвременьем. Ильич
был счастлив, слушая мои рассказы о Баку, о балаханских ра-
бочих, начинавших нащупывать почву для ликвидации ликви-
даторов, о Сталине, который организовал разгром меньшевиков
и обеспечил победу большевиков. Но никогда я не видела Иль-
ича таким озабоченным, осунувшимся, как тогда. Травля мень-
шевиков, отход многих близких и дурные вести из России пре-
ждевременно состарили его. Мы, близкие ему, с болью следили

за тем, как он изменился физически, как согнулся этот колосс. Парижская эмиграция травила его, и вокруг него осталась только маленькая горсточка.

Но так изменившийся физически Ленин с той же глубокой верой и энергией продолжал разъяснять, доказывать и убеждать, ни на йоту не усомнившись в грядущей победе рабочего класса. Я собралась в Россию, серьезно заболев от переутомления и тяжелой переживаний. И тогда я близко узнала заботу Ильича о больном товарище. Эту заботливость ощутили на себе многие и многие товарищи, когда Ленин после Октябрьского восстания стал руководителем Советского государства.

Когда я уезжала в Россию, Ильич напутствовал меня, указывая, что в дальнейшей моей работе я должна уделить максимум внимания связи с интеллигенцией. Мне было очень горько сознавать, что состояние здоровья не позволяет наметить для меня более низовую работу. Позже, однако, я убедилась в том, что эта задача была одной из важнейших, которые вставали перед партией.

Хочется остановиться еще на одной прекрасной черте Ильича — на его необыкновенном чутье к людям.

В 1918 году Ильич неожиданно приехал в Замоскворецкий райком (Москва). Собрались партийные делегаты от предприятий. Подавляющее большинство состояло из рабочих. Обсуждался вопрос об организации продовольственных отрядов. Делая доклад, я заметила какое-то движение в конце зала, но не обратила на это внимания. Вдруг раздался гром аплодисментов. Ильич потихоньку вошел и сел в уголке. Но его узнали.

Когда начался обмен мнениями по докладу, обнаружилась любопытная деталь. Рабочие, чуя в своей среде родного, бесконечно любимого человека, наперебой стремились перед ним высказать все свое заветное. Было очень интересно их слушать. Интеллигенты же (тогда в Замоскворечье их было изрядное количество) робели, и их выступления были гораздо менее содержательны, чем обычно. Ильич сел поближе, ладонью придерживая ухо, чтобы не проронить ни одного слова из речей рабочих. В то же время он шепотом делился со мною своими впечатлениями и выводами, требуя, чтобы я брала себе на заметку того или иного рабочего, очень подходящего, по его мнению, для руководства продотрядами. Между прочим, на этом собрании он особенно отметил одного старого рабочего-булочника, очень обстоятельно развивавшего свой взгляд на организацию продотрядов и взаимоотношения с крестьянством. Позже этот товарищ проделал большую работу на продовольственном фронте, где он и погиб: его растерзали в одной деревне кулаки. Рабочие-булочники Замоскворечья называли один из своих клубов именем дедушки Чучкова.

Ильич уезжал с этого собрания какой-то особенно удовлетворенный и говорил мне, когда я его провожала, что давно так хорошо себя не чувствовал.

В конце 1918 года, после первой моей поездки на фронт (Северный), меня очень потянуло поделиться с Ильичем впечатлениями о фронте, о только что организованной Красной Армии и о жизни прифронтовой полосы. После заданных мне нескольких вопросов Ильич высказал свои соображения о положении на фронтах и о будущих перспективах с такой ясностью, что казалось, он был на фронте, а я сидела безвыездно в Москве.

Правда, 1940, 22 апреля, с. 4

В. И. ЛЕНИН В ЛОНДОНЕ
(1902—1903 годы)

В конце февраля или начале марта 1902 года я получил письмо от Ю. О. Цедербаума (Мартова) из Мюнхена, где тогда издавалась «Искра», в котором он сообщал, что по некоторым соображениям дальнейшее печатание «Искры» в Германии неудобно и редакция подумывает о переселении в Лондон, если только можно будет печатать газету в типографии английской социал-демократической федерации. Насчет этой возможности он просил меня переговорить с тов. Гарри Квелчем, редактором английского с.-д. еженедельника «Джастис». К письму Ю. О. Цедербаума было приложено письмо В. И. Засулич к тов. Квелчу — нечто вроде мандата на мое имя для ведения переговоров. При первом же свидании с тов. Квелчем выяснилось, что печатать «Искру» в типографии «Джастис» будет возможно, несмотря на тесноту помещения, если у нас будут свои наборщики.

О результате переговоров я немедленно сообщил Ю. О. Цедербауму и получил извещение, что искровцы в непродолжительном времени переселяются в Лондон. О том же мне написал и В. И. Ульянов, которого я до того времени лично не знал. Владимир Ильич писал, что на мое имя будут приходить письма для некоего Якоба Рихтера и что эти письма будут для него¹. Вскоре Владимир Ильич приехал в Лондон вместе с Надеждой Константиновной. Ю. О. Цедербаум приехал недели на две позже. Это было за несколько дней до убийства Балмашевым министра внутренних дел Силягина. «Чисто сделано», — сказал Владимир Ильич, когда, зайдя к нему однажды утром, я сообщил ему об этом событии. Как известно, оно послужило поводом к ожесточенной полемике «Искры» с социалистами-революционерами по вопросу о терроре.

---

¹ Упоминаемое автором письмо В. И. Ленина до настоящего времени не разыскано. *Ред.*

Около недели с небольшим Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили в одной из многочисленных в Лондоне «спальных комнат», сдаваемых от себя небогатыми квартирохозяевами, затем нашли себе две комнаты без мебели, недалеко от станции городской железной дороги — Кингс-Кросс-Род. В этих двух комнатах, для которых пришлось приобрести самую скромную меблировку (кровати, столы, стулья и несколько простых полок для книг), Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили все время до переселения «Искры» в Швейцарию (весной 1903 года). Помнится, чересчур незатейливая обстановка комнат вызвала недоумение у хозяйки квартиры. Особенно смущало ее отсутствие занавесок на окнах, и она настояла, чтобы какие-нибудь занавески непременно были куплены, иначе у нее выйдут неприятности с домовладельцем, который от всех жильцов своего дома требует известной респектабельности. Еще более смутило мистрис Йо (такова была фамилия хозяйки квартиры) отсутствие у Надежды Константиновны обручального кольца. Но с этим последним обстоятельством ей пришлось примириться, когда ей объяснили, что ее жильцы вполне законные супруги, и если она толкует отсутствие кольца в предосудительном смысле, то подвергается риску привлечения к суду за диффамацию. После такого объяснения, сделанного мистрис Йо не Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, а К. М. Тахтаревым, жена которого (покойная А. А. Якубова) была очень дружна с Надеждой Константиновной, мистрис Йо успокоилась и в респектабельности своих жильцов больше не сомневалась.

Надежда Константиновна сама вела свое скромное хозяйство — покупала провизию, готовила на керосинке обеды, мыла полы и т. д. Ее хозяйственные хлопоты несколько облегчала старушка мать, приехавшая в Лондон позже и чувствовавшая себя очень уютно на чужбине. Владимир Ильич объяснил мне тотчас по приезде, что прочие искровцы будут жить коммуной, он же совершенно неспособен жить в коммуне, не любит быть постоянно на людях. Предвидя, что приезжающие из России и из-за границы товарищи будут по русской привычке, не считаясь с его временем, надоедать ему, он просил по возможности ограждать его от слишком частых посещений.

Из редакции «Искры», в состав которой тогда входили Владимир Ильич, Ю. О. Цедербаум, В. И. Засулич, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и А. Н. Потресов, поселились в Лондоне только первые три. Плеханов и Потресов приезжали только на время. Аксельрод за лондонский период «Искры» не приезжал ни разу. На Сидмаузс-стрит, недалеко от квартиры Ульяновых, было снято пять небольших комнат в двух этажах: одна служила столовой, другая была предназначена для приезжающих, в остальных трех поселились В. И. Засулич, Ю. О. Цедербаум и я.

Газовая плита позволяла нам без особых хлопот готовить поочередно обеды. Порою, впрочем, мы утоляли голод в одном из простеньких ресторанов на Грейс-Инн-Род. Обстановка нашей коммуны была самая неприспособленная. Сидмаузс-стрит — одна из труппных улиц Лондона. Наши соседи по дому принадлежали к низам английского общества и относились к нам, как к иностранцам, довольно враждебно, хотя абсолютно никаких неудобств мы им не причиняли. Быть может, их шокировало то, что у нас постоянно жили приезжавшие в Лондон товарищи. Квартирная плата в Англии обычно уплачивается помесячно, с нас же домовладелец потребовал плату за три месяца вперед и в середине второго триместра предложил нам очистить квартиру. Коммуна распалась. Впрочем, члены ее к этому времени достаточно освоились с английскими бытовыми условиями и могли в дальнейшем жить порознь.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна вели в Лондоне жизнь довольно уединенную. Владимир Ильич еще до приезда в Лондон подробно изучил план его и удивлял меня, который мог считать себя до известной степени старожилом, уменьем выбирать кратчайший путь, когда нам приходилось куда-нибудь ходить вместе (пользоваться конкой или городской железной дорогой мы по возможности избегали по финансовым соображениям). Хорошо зная еще до приезда в Лондон английский язык, Владимир Ильич решил в нем усовершенствоваться и с этой целью напечатал объявление (кажется, в еженедельнике «Атенеум»), что «русский доктор прав и его жена желают брать уроки английского языка в обмен на уроки русского». После этого объявления у Владимира Ильича и Надежды Константиновны появилось три учителя-ученика из англичан. Одним был некий мистер Реймент, почтенный старик, внешним обликом напоминавший Дарвина, служащий известной издательской фирмы «Джордж Белл и сыновья»; другим — конторский служащий Вильямс; третьим — рабочий Йонг. Кажется, этими лицами и ограничивался круг английских знакомств Владимира Ильича. Время от времени он бывал у немецкого социал-демократа М. Бера, корреспондента с.-д. газет, впоследствии автора «Истории социализма в Англии» и других книг.

Из русских эмигрантов в то время постоянно проживали в Лондоне П. Кропоткин, Н. В. Чайковский, Ф. Волховский, Черкезов, А. Л. Теплов, Ф. А. Ротштейн и группа бундовцев, издававших «Известия бунда» — маленький листок преимущественно информационного содержания, выходивший довольно часто. И с этой публикой, особенно со старыми эмигрантами, Владимир Ильич почти не встречался. Впрочем, два раза ему пришлось выступать на больших русских собраниях в Уайтчепеле, главным образом перед рабочей аудиторией из русско-еврейских рабочих. В первый раз он выступил с рефератом-критикой про-

граммы и тактики эсеров, во второй раз он выступал в годовщину Парижской коммуны в 1903 году вместе с другими ораторами (из которых помню члена Польской социалистической партии Варского) и произнес блестящую речь, которая, к сожалению, осталась незаписанною. В Лондоне тогда существовало русское лекторское общество, организованное при ближайшем участии А. А. Якубовой, К. М. Тахтарева и моем. Еженедельно устраивались лекции в Уайтчепеле по общественным вопросам с оживленными дебатами, в которых принимали участие и анархисты, и бундовцы, и социал-демократы искровского и других толков. Однажды мы устроили лекцию Ю. О. Цедербаума, темы которой не помню, сняв для нее комнату в одной из пивных. Лекция прошла очень удачно, но, расходясь, мы должны были выслушать ряд ругательств от кабатчика, который очень негодовал на то, что наша публика оказалась непьющей.

Владимир Ильич ежедневно заходил на полчаса — час в коммуны по редакционным и другим делам. Время от времени к нам наезжали россияне. Вскоре по переезде искровцев в Лондон приезжали П. Г. Смилович (принявший деятельное участие в мебелировке коммуны), месяца полтора пробыла его сестра И. Г. Леман (Димка). Ее муж, М. Н. Леман, носился с мыслью печатать «Искру» в России в целлулоидных клише и сделал в одной из лондонских типографий несколько опытов с изготовлением таких клише. Приезжали киевляне А. П. Тарасевич и В. М. Сапезко, очень настаивавшие на издании помимо «Искры» еще более доступной по характеру изложения для рабочих масс газеты. С их доводами в пользу издания такой газеты соглашался Плеханов, но прочие члены редакции были против, особенно Ю. О. Цедербаум, который позицию Плеханова в этом вопросе объяснял тем, что он все равно сам писать ничего не будет. Особое оживление внес в жизнь искровцев приезд группы товарищей, совершивших знаменитый побег из киевской тюрьмы (Н. Э. Бауман, В. Н. Крохмаль и другие). Довольно долго жил Л. Г. Дейч, неоднократно выступавший публично со своими сибирскими воспоминаниями. Из других россиян вспоминаю покойного доктора Краснуху и Добровольского.

Не могу не упомянуть еще об одном визитере — П. Н. Милюкове. Он тогда носился с мыслью объединения всей русской оппозиции. Я встретился с ним у Ф. А. Ротштейна, пригласившего кроме меня еще К. М. Тахтарева и несколько бундовцев, из которых помню Александра Кремера. Узнав от меня, что в Лондоне находится В. И. Засулич и некоторые члены редакции «Искры», П. Н. Милюков пожелал повидаться с ними и с этой целью зашел к нам в коммуны. Беседовали с ним главным образом Ю. О. Цедербаум и В. И. Засулич. Милюков, отмечая

огромную популярность марксизма, очень упрекал искровцев за полемику против террора после убийства Балмашевым Сипягина и уверял нас, что еще один-два удачных террористических акта — и мы получим конституцию...

Надежда Константиновна постоянно сидела за расшифровкой и зашифровкой корреспонденции из России и в Россию. Помнится, мне пришлось списать не один десяток писем с немецкого письменника, чтобы Надежда Константиновна могла потом написать между строк шифром симпатическими чернилами. Владимир Ильич работал в читальном зале Британского музея или у себя дома. Иногда они ездили за город или посещали лондонские музеи. Великолепный естественнонаучный музей в Южном Кенсингтоне не произвел на него особенного впечатления, зато лондонский Зоологический сад весьма ему понравился: живые животные занимали его больше, нежели чучела. Иногда удавалось вытащить Владимира Ильича и Надежду Константиновну на какое-нибудь английское собрание. Из этих собраний помню ирландский митинг, на котором выступал тогдашний вождь ирландцев Джон Редмонд, и маленькое собрание в одном из социалистических полурбочих клубов.

Дорожа своим временем, Владимир Ильич не особенно долюбивал тех из приезжавших россиян, которые с этим не считались. Помню его негодование на ежедневные визиты покойного Лейтейзена (Линдова), приезжавшего из Парижа и зачастившего к нему. «Что у нас, праздники, что ли?» — говорил Владимир Ильич, жалуясь на это в коммуне.

Но при всем своем стремлении экономить время Владимир Ильич охотно принял предложение вести занятия с кружком русских рабочих-эмигрантов, организованным при моем ближайшем участии еще до приезда искровцев в Лондон. Он много раз ездил со мною в Уайтчепель объяснять кружку программу РСДРП, выработанную редакцией «Искры». Он читал эту программу кружку фразу за фразой, останавливаясь на каждом слове и разъясняя все недоумения слушателей. Этот рабочий кружок представлял по своему составу маленький интернационал; среди участников его были: русский англичанин Робертс, молодой слесарь, родившийся и выросший в России и приехавший в Лондон из Харькова, где он работал на машиностроительном заводе Гельфериха-Саде; русский немец Шиллер, переплетчик из Москвы, работавший в «Искре» в качестве наборщика; резчик по дереву Сегал из Одессы; слесарь точной механики Михайлов из Петербурга и другие. Почти все они позже уехали в Россию и работали в партийных организациях.

Как-то в разговоре с Владимиром Ильичем я посмеялся над одной статьей в лондонской «Джастис» о близости социальной революции («Джастис» любила кстати и некстати делать подобные предсказания); Владимир Ильич был недоволен моей

иронией. «А я надеюсь дожить до социалистической революции», — заявил он решительно, прибавив несколько нелестных эпитетов по адресу скептиков.

Разногласия среди искровцев, приведшие к расколу на II съезде партии в 1903 году, начались по выходе брошюры Владимира Ильича «Что делать?», но за тесные пределы редакции не выходили. Вероятно, эти редакционные разногласия и послужили причиной переселения «Искры» в Швейцарию весной 1903 года, где постоянно проживали Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод, редко когда выступавшие в «Искре» со своими статьями. Уже после раскола Владимир Ильич писал мне из Женевы, отзываясь неодобрительно о швейцарской атмосфере: «Недаром я один был против переезда из Лондона».

*Пролетарская революция, 1924,
№ 3, с. 148—154*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

(Отрывки)

Познакомился я с Лениным весной 1902 года. В конце лета 1901 года я поехал за границу, чтобы пройти курс электричества в одном из бельгийских университетов и прежде всего отдохнуть, так как до этого я много работал на заводе и сильно устал. Для этого я поехал в Швейцарию. В Шпице я встретился с сестрой Владимира Ильича Анной Ильиничной и через нее быстро установил связь и переписку с Надеждой Константиновной, с которой мы были старые приятели еще с 90-х годов, когда часто встречались на работе в Петербурге, хотя находились тогда в разных революционных лагерях: она была ревностной и упорной марксисткой, а я работал в то время еще в организации «Народной воли». Мы вели с ней тогда бесконечные споры, которые и сблизили нас. В 1901 году я вступил в Заграничную лигу социал-демократов, которую Ленин старался использовать в борьбе против «экономистов», группировавшихся вокруг «Рабочего дела». Мне пришлось остаться жить в Бельгии, и я был назначен представителем Лиги для Бельгии.

Ленин, как и прочие из редакторов «Искры», жил тогда в Мюнхене. Там были Мартов, Вера Засулич и Парвус. Все они были уверены, что этот небольшой городок на юге Германии не будет привлекать внимания, так как там никогда русские не создавали своих революционных организаций. Но было упущено из виду русское студенчество, которого в Мюнхене было очень много. Студенты узнали, что в городе находятся крупные революционеры, заинтересовались ими, и за искровцами стали ходить студенческие хвосты. Искровцы идут в ресторан или еще куда-нибудь — за ними тащатся студенты; вслед за студентами, конечно, заинтересовалась полиция. В результате пришлось бросить Мюнхен, как сравнительно маленький город, где известен каждый более или менее крупный житель, и выбрать другой пункт, где можно было бы потонуть в общей массе населения и где полиция меньше преследовала бы их, чем в монархической Германии. Этим пунктом был выбран Лондон, куда вся

компания искровцев переселилась весной 1902 года. Они проехали через Бельгию и остановились в том городке, где я жил.

До этого я не видел не только Ленина, но даже его портретов. Помню, когда я встретился с ним в первый раз, то был разочарован, так как увидел далеко не романтическую фигуру. Это было самое обыкновенное русское, несколько восточное лицо. Единственное, что поражало в нем, — это глаза. Мимо его глаз пройти было невозможно. Они были чрезвычайно пронзительны.

Эта встреча продолжалась два дня в Льеже, а затем мы вместе направились в Брюссель.

Мы попали туда во время маленькой революционной вспышки. То была борьба за всеобщее избирательное право, происходившая в довольно скромных размерах, как это умеют делать заграничные революционеры. Попав в Брюссель, я повел Владимира Ильича показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показались толпы рабочих. Это были участники революционной вспышки; собирались толпы демонстрантов; они разгонялись полицией и тут же обращались в бегство, ибо вожди рабочей партии старались всячески удержать рабочих в рамках умеренности и аккуратности.

Была объявлена забастовка, которая во всеобщую не вылилась. Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь замедлить его движение. Тут как раз сбоку появилась полиция и отрезала нас от толпы. В Брюсселе Ленин оставался недолго и оттуда проехал в Лондон.

Незадолго до этого в Брюсселе был Плеханов, с которым я ездил по Бельгии. Плеханов, как только кончались революционные собрания, тащил меня осматривать картинные галереи, которых он был большой любитель. Я помню, как, приехав в Льеж, он спрашивал меня о какой-то знаменитой картине какого-то художника. Я не знал ни картины, ни художника, хотя жил здесь раньше года четыре. Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощен рабочим движением.

Цявловский, издавший в свое время книгу «Большевики» по документам охранки, сообщил мне, что, просматривая бумаги охранного отделения 1917 года, он нашел два дела о Ленине. Одно дело заключало составленный на границе одним жандармом список книг, которые увез с собою за границу Ленин. Из этого списка видно, что из художественной литературы им были взяты только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гёте. Остальные книги были по экономике...

Следующая встреча произошла осенью 1902 года в Лондоне. Мне надо было возвращаться в Россию по окончании курса, и я поехал в Лондон, чтобы взять инструкции для предстоящей революционной работы. В этот раз наша встреча была очень долгая. Я прожил в нескольких шагах от Ленина в продолжение двух недель и встречался с ним ежедневно и даже по несколько раз в день.

Всем известно, что Ленин вел очень скромный образ жизни как за границей, так и в России. Жил он невероятно скромно. Он любил порядок, царивший всегда в его кабинете и в его комнате, в отличие, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок — всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич. У Ленина, напротив, был необыкновенный порядок, воздух в комнате всегда чистый. Если у него в комнате закуривали, он хотя в то время еще и не запрещал курить, но начинал морщиться, открывал форточки и вообще обнаруживал большое неудовольствие. Жизнь Ленина в Лондоне протекала чрезвычайно однообразно. Утром он вставал и направлялся в Британский музей, где работал, потом отправлялся обедать в какой-нибудь ресторанчик, после обеда совещался с Засулич, Мартовым, Надеждой Константиновной, а затем отправлялся домой и проводил вечер опять за работой.

Приехав в Россию, Ленин продолжал жить так же скромно. Отчего это происходило? Может быть, этот человек был аскет по натуре? Нет, Ленин не был таковым по натуре, да он и не мог им быть. Пролетариат борется за то, чтобы жизнь была красивее, богаче, полнее, чтобы люди могли жить, наслаждаясь всеми благами жизни. Ленин отличался чрезвычайной разносторонностью. Беря с собой за границу экономические книги, он захватил все-таки Некрасова и Гёте. Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием. Он очень любил музыку. Ради музыки, ради того, чтобы в течение часа послушать хорошего музыканта, он отвлекался иногда даже от работы, чем его близкие пользовались, чтобы заставить его отдохнуть хоть немного. Он любил охоту и был страстным охотником. Любил природу вообще и прогулки по швейцарским горам в особенности. Был очень хорошим шахматным игроком, играл, не глядя на доску. В Горках я провел с ним два лета, и мы занимались порой игрой в городки. Этот человек — председатель Совнаркома, мировой вождь пролетариата — забавлялся даже этой простой игрой.

В игре в городки всегда участвовал Бухарин. Ленин играл

плохо, а Бухарин был у нас лучшим игроком и гордился этим, кажется, больше, чем своей литературной работой. Ленин всегда язвительно подсмеивался над ним. У Бухарина бывало так, что если он делал промах, то палка у него летела всегда слева, и Ленин говорил, что это оттого, что Бухарин еще не расстался с левым коммунизмом.

* *

*

После пребывания за границей в течение года я вернулся в Россию. Вскоре я был арестован в Москве и после годичного пребывания в тюрьме был направлен в Якутск. Никакой серьезной революционной работы в Якутске не было, а потому я и не возобновлял переписки с Надеждой Константиновной, которая тогда была секретарем «Искры».

Живя в якутском улусе, я однажды получил письмо из-за границы. Под письмом подпись, мне совершенно незнакомая. По почерку узнаю руку Надежды Константиновны. Письмо самое бессодержательное. Но химическое исследование дало другие результаты и ряд революционных новостей, о которых она извещала меня, а через меня и других товарищей, временно оторванных от революционной работы. Завязалась переписка, и Надежда Константиновна все время держала меня, а через меня и остальную часть ссыльных в курсе революционных дел того времени. Я привожу этот факт для того, чтобы показать, как внимательны были эти два человека — Ленин и Надежда Константиновна, — как внимательно они относились всегда к товарищам. Второй раз, когда я попал в ссылку в Енисейскую губернию, опять Надежда Константиновна отыскала меня, и снова завязалась переписка. Это — характерная черта Ленина: не оставлять товарищей, которые попали в ссылку. Вот еще пример. Товарищ И. А. Теодорович попал на каторгу. Ему совершенно нечем было жить, а между тем у него были жена и дети. И вот однажды он получает перевод в сумме, кажется, 10 рублей, которые были присланы ему от Ленина. Время от времени Ильич снабжал Теодоровича, пока тот не стал на ноги. Теодорович был страстный любитель книг, и Ленин все время снабжал его литературой.

В то время, когда Ленин был уже председателем Совнаркома, он точно так же трогательно заботился обо всех старых товарищах. Когда умер Гольденберг (был старым большевиком, но с начала Февральской революции ушел из рядов большевиков к новожизнямцам, а потом опять перешел к нам), то Ганецкий показывал мне письмо Ленина, в котором он писал: «Товарищ Гольденберг работал у вас в Наркоминделе и нуждался. Сделали ли вы что-нибудь для этого человека? Это надо было сделать. А теперь, когда он умер, вспомнили ли вы об его жене? Этот человек совершенно непрактический, и нужно ока-

зять ей возможную помощь»¹. У товарища Енукидзе имелся целый пакет всяких записок Ленина, в которых он его просил о разных мелких услугах для товарищей: одного надо немного подкормить, ибо он сильно изголодался, другому помочь найти комнату и т. п. В таких делах Ленин никогда не приказывал; он только просил.

Я нашел у себя одну очень характерную для Ленина записку, в которой Владимир Ильич просил нас не издавать никогда его сочинений без его разрешения, ибо, по его словам, его речи записываются очень плохо. Повторяю, что во всех этих записках не было ни одного приказа, а только просьбы.

Надо сказать, что некоторые очень злоупотребляли готовностью Владимира Ильича всегда помочь товарищу и обращались к нему со всякими пустяками. Надо получить обед в столовой Совнаркома, получить комнату или еще что-нибудь — обращались к Ленину и никогда не слыхали от него отказа. Мне тов. Невский рассказывал, как он говорил с Лениным во время голода. Когда разговор был окончен, Невский, прощаясь с Лениным, извинился, что он оторвал его от работы. «Это ничего, об этом надо было поговорить», — ответил Ленин, — но вот телефоны, телефоны... Из-за всякого пустяка обращаются ко мне».

* *
*

Приведу еще несколько воспоминаний о встречах с Лениным.

Весной 1906 года Ленин приехал в Москву, чтобы обсудить здесь с товарищами тезисы большевиков к Стокгольмскому съезду. Я в то время был членом Московского окружного комитета. Хотя громадное большинство и в комитете и в организации было на стороне большевиков, мы повели по отношению к меньшевикам слишком нерешительную, соглашательскую тактику. Эта тактика дала самые скверные результаты по отношению к выборам в I Думу. Кое-где бойкот был проведен при нашем участии, кое-где мы участвовали в выборах на первой стадии...

Владимир Ильич явился на заседание Московского окружного комитета. На этом собрании мы горько каялись в сделанных нами ошибках. Владимир Ильич слушал и упорно молчал. «Да выругайте вы нас получше», — шутя сказал ему один из товарищей. — «Поздно, товарищи, — ответил ему Ленин. — Надо было посильнее ругать вас раньше, да, по-видимому, никто этого не делал. А теперь дело так испорчено, что никакой руганью не вернешь сделанного. Теперь надо думать, как в будущем исправить ваши ошибки».

¹ Об этом В. И. Ленин писал также Л. Б. Каменеву (см. Полн. собр. соч., т. 54, с. 104). *Ред.*

При обсуждении в Москве проектов большевистских резолюций для Стокгольмского съезда много споров вызвал проект резолюции о Советах рабочих депутатов. На меня эти споры произвели глубокое впечатление. Я принадлежал к числу тех, которые с большой опаской глядели на участие в Советах рабочих элементов, боялись мелкобуржуазного засилия последних. Я боюсь сделать ошибки, излагая теперь эти прения. Но, во всяком случае, могу сказать, что я ушел с собрания с вполне ясным убеждением, что Ленин рассматривает Советы не только как органы борьбы, но и как органы власти. Я думаю, что мысль о Советском правительстве уже тогда была в голове Владимира Ильича...

* *

*

В своей московской жизни Ленин был чрезвычайно скромным человеком. Жил он в Кремле, в помещении, которое примыкает к Совнаркому. Это пять небольших комнат, из которых Ленин выбрал себе самую маленькую — площадью около 36 квадратных аршин, проходную, да, кроме того, как говорят, в ней были скрипучие полы, так что всякий, кто проходил мимо, отрывал его от работы. Но он не соглашался ни на перемещение, ни на ремонт.

Помню, как-то, кажется в 1919 году, я зашел вечером по делу к Надежде Константиновне. Показываю часовому пропуск, звоню, отворяется дверь — открывает ее сам Ленин. Он повел меня к Надежде Константиновне, а сам пошел работать. Потом подали чай; пришел Владимир Ильич. Но тут обнаружилось, что у них не хватило ложечек: на четырех человек их было только две, и приходилось их переключивать из стакана в стакан. К чаю не было дано ничего, кроме черного хлеба и масла.

Еще один факт: как-то к Ленину явилась группа крестьян. В Совнарком было довольно холодно, и по окончании разговора один крестьянин спрашивает его: «Что же у тебя, Владимир Ильич, как холодно?» «Да дров, — говорит, — нет, надо экономить». Через некоторое время в Москве был получен на имя Ленина вагон дров, который прислали ему крестьяне, и письмо, в котором было сказано: «...вот посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, напиши, мы пришлем своего; у нас в деревне такой есть».

Вот какие изумительные взаимоотношения существовали между этим человеком и народной массой.

* *

*

Прибавлю несколько слов о работе Ленина. В Совнарком разрешалось говорить докладчику пять минут, а ораторам только три минуты. «Тут, товарищи, не митинг; агитацией зани-

маться нечего, нужно говорить только дело», — говорил Владимир Ильич. Поэтому Ленин всегда держал в левой руке часы. С одним товарищем вышел такой случай. Он хотел опровергнуть противника и начал свою речь издали: начал излагать мысли противника, на это ушли все его три минуты. «Ваше время окончено», — прервал его Ленин. — «Как, я сказал только то, что думает противник, я еще не успел изложить свои мысли». — «Ничего не поделаешь». — Страшный хохот, в котором принял участие и Владимир Ильич. Товарищу пришлось записаться во вторую очередь, чтобы сказать уже то, что он думает по этому делу.

Слушая оратора, В. И. Ленин в это же время просматривал ипостранные газеты или какие-то корректуры. Затем время от времени схватывал бумагу и писал кому-нибудь записку. Потом получал ответные записки, читал их. И все время внимательно прислушивался к тому, что говорит каждый товарищ. В своем заключительном слове он великолепно резюмировал все речи, все существенное, что было в них сказано, и предлагал обдуманное и обоснованное решение. По отношению к своим речам Владимир Ильич был так же суров: и их он сокращал до установленного регламентом времени.

Была сделана колоссальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина. Стенографировались только его большие речи на больших собраниях. Между тем эти маленькие речи по три — пять минут были блестящими речами, полными содержания... Если бы все это записывалось, то мы имели бы богатую сокровищницу. Но все это пропадало, а вспомнить эти многочисленные речи, конечно, нет никакой возможности. Такая же судьба постигла его записки, которых он писал множество. Эти записки или тут же разрывались, по старой конспиративной привычке, или клались в карман и там затирались, или просто терялись. Большая часть записок, к сожалению, потеряна.

* *
*

Строя колоссальные планы электрификации всей России, которые потребовали бы десятков миллиардов рублей, Ленин был вместе с тем удивительно экономным, бережливым хозяином там, где расходы не вызывались необходимостью. Вспомните его проект о вывешивании на улицах газет для чтения и о том, что эти газеты должны прибиваться к доске деревянными колышками, чтобы сэкономить железные гвозди, ибо железа в то время у нас было совсем мало.

Помню еще такой случай. В Горках, в парке, было несколько сухих деревьев; решили их срубить. Владимиру Ильичу показалось, что одно из срубленных деревьев не совсем сухое.

Из-за этого дерева он поднял целый скандал. Нашли виноватого. «А ты сам вырастил хоть одно такое дерево?» — спрашивает Ленин.— «Нет».— «А сколько было труда положено на него, сколько оно росло? Посадите его под арест». В конце концов удалось убедить Владимира Ильича, что он ошибается, что дерево было действительно сухое.

Ленин иногда ругал за ошибки, но его слова не оставляли в душе обиды...

* *
*

Еще одна характерная черта. Владимир Ильич страшно не любил, когда по отношению к нему проявляли заботу: после покушения на Ленина в 1918 году была установлена слежка агентов, которые следили за ним, чтобы предохранить его от нападения. Им приходилось от него буквально прятаться. Например, отправляется в Горках Ленин погулять; за ним отправляются чекисты, но им надо идти так, чтобы Ленин не видел их; если увидит, то пошлет назад. Когда Ленин жил в Кремле, он часто выходил гулять по Кремлю, причем к нему могли обращаться все, кто хотел. Обыкновенно красноармейцы обращались к нему по своим делам; он охотно вступал с ними в разговоры.

Меня всегда удивляло, как человек, который сидит в Кремле, видит рабочую массу только на митингах да на съездах, между тем так прекрасно знает, что думает и что чувствует эта рабочая или крестьянская масса. В разговорах с товарищами Ленин удивительно умел расспрашивать их о настроении масс. Как живут рабочие в этой местности? Что думают? Чем интересуются? — вот вопросы, которыми засыпал Владимир Ильич приехавшего из провинции собеседника в начале своего разговора. И только выспросив все по этим вопросам, он переходил к разговору о местных руководящих работниках. Это всегдашнее прощупывание масс было одной из характернейших и изумительнейших черт Ленина.

*Печать и революция. кн. 2, 1924,
с. 1—14*

СТРАНИЦЫ
ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

В октябре 1903 года в Женеве происходили бурные заседания съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Острая борьба между большевиками и меньшевиками разгорелась здесь сразу же после отчетного доклада В. И. Ленина, который имел мандат на II съезд РСДРП от этой Лиги.

В такой обстановке свежему человеку, недавно еще оторванному тюрьмой от партийной работы, трудно было сразу разобратся. Однако при первом ознакомлении с документальной стороной дела внимание работника-практика привлекали ленинские строки из рукописного документа под названием «Рассказ о II съезде РСДРП», где говорилось о необходимости сузить понятие члена партии, чтобы была возможность во избежание организационного хаоса отделять работающих от болтающих¹.

По вопросу о формулировке первого пункта Устава — кого считать членом партии — работнику-практику нельзя было не стать на сторону В. И. Ленина. Слишком много хлопот и недо-разумений бывало у нас на местах с «сочувствующими» из буржуазной интеллигенции: им была органически чужда партийная дисциплина; они пугливо дорожили своим покоем, своей легальностью, и не в интересах партии было предоставлять им возможность считаться членами партии.

Вот почему аргументы тех, кто примкнул к меньшевикам, несмотря на горячую защиту ими своей позиции, оказались малоубедительными, и меня потянуло к большевикам. В. И. Ленина я тогда еще лично не знала, но с момента появления «Искры», оказывавшей организующее влияние на весь строй нашей партийной жизни, и особенно с появлением знаменитой ленинской работы «Что делать?» все было связано с его именем. Сама я до своего ареста в Петербурге работала как агент

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 1—20. *Ред.*

«Искры» и, получая письма-шифровки от Надежды Константиновны за подписью «Катя», знала, что работаю по его прямым указаниям.

И вот настал желанный час, когда я увидела В. И. Ленина, а увидев, убедилась, что он именно такой, каким он рисовался в моем воображении — великий и простой. Эта первая моя встреча с В. И. Лениным произошла в кафе «Ландольт», где обычно в то время происходили встречи В. И. Ленина с товарищами, временно застрявшими в Женеве: кто после съезда, кто после побега из ссылки, после выхода из тюрьмы. Все это были товарищи, которые тяготились этой временной эмиграцией и стремились уехать в Россию на нелегальную работу, но средств для их отправки у большевиков тогда не было. Большевики после II съезда захватили в свои руки центральные учреждения партии, а вместе с тем и все технические возможности общения с партийными организациями на местах, в России. Они захватили полиграфическую базу, а также и денежные средства, принадлежавшие партии.

В «Ландольт» я пошла с несколькими хорошо известными мне по партийной работе товарищами-искровцами, тоже временно застрявшими в Женеве. Это были Николай Бауман (он же Грач), Максим Литвинов (он же Папаша), Владимир Бобровский (он же Ефрем), все трое — участники смелого побега из киевской тюрьмы в августе 1902 года. Кроме них со мною отправился и старый мой товарищ по работе в «Северном союзе» — путиловский рабочий, высланный из Петербурга в Кострому, — Иван Александров (он же Макар). Страдая тяжелой формой туберкулеза легких, он приехал в Женеву на поправку.

Все мои провожатые уже давно определились, как тогда говорили, стали убежденнейшими ленинцами, души не чаяли в Ильиче, а по адресу меньшевиков метали громы и молнии, особенно по адресу Плеханова, который изменил В. И. Ленину.

Само собой разумеется, что общение с такими товарищами очень скоро помогло и мне определиться, так что в вечер первой встречи с В. И. Лениным я уже была всецело на его стороне, несмотря на то что накануне меня усердно приводили в свою веру лидеры меньшевиков.

В «Ландольте» мы уже застали небольшую группу людей, ожидавших В. И. Ленина. Вскоре он быстрыми шагами вошел в сопровождении Надежды Константиновны Крупской и, здороваясь на ходу с товарищами, сразу приступил к беседе с нами по наболевшим вопросам, связанным с внутрипартийным положением. Большевики, говорил он, отравляют партию сплетнями, распространяют всякие небылицы про большинство съезда, дискредитируют избранных съездом членов Центрального Комитета — большевиков. Созданшееся в партии положение

ние связано с шатанисм мысли и интеллигентским индивидуализмом, проявившимися на съезде при обсуждении первого пункта Устава партии. Обрисовав тяжелое для большевиков положение, Владимир Ильич указывал, что он тем не менее возлагает большие надежды на отправку наших людей в Россию, с тем чтобы они правильно информировали местные парторганизации. Но так как средства сейчас у большевиков весьма ограничены, то отправлены пока будут немногие, а остальные товарищи должны терпеливо дожидаться своей очереди.

Когда по окончании выступления В. И. Ленина мои товарищи познакомили меня с ним и Надеждой Константиновной, Владимир Ильич, уже зная, что меня навещали лидеры меньшевиков, в шутку спросил меня, не боялась ли я прийти сюда — ведь здесь «страшный Ленин». Услышав, что никаких страхов я не испытываю, пригласил меня запросто заходить, к чему присоединилась и Надежда Константиновна. Ясно, что долго меня упрашивать им не пришлось. Побеседовать с В. И. Лениным в частном порядке, у него на квартире — об этом я могла только мечтать, и чуть ли не назавтра после первой встречи я отправилась в Сешерон — пригород Женевы, где на небольшой даче жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее старая мать — Елизавета Васильевна Крупская, никогда не расстававшаяся с дочерью: ни в ссылке, ни в эмиграции.

На даче внизу была кухня, рядом — небольшая комнатка, где жила постоянно хлопотавшая по своему несложному хозяйству Елизавета Васильевна. Деревянная лестница вела наверх, в две более просторные комнаты. Мебель в них состояла из большого стола в комнате Владимира Ильича и стола поменьше в комнате Надежды Константиновны; в каждой комнате было по простой железной кровати, застланной пледом, по несколько стульев и грубо сколоченных полок для книг. Стол Владимира Ильича был завален вырезками из газет и рукописями, различными статистическими сборниками, таблицами.

Владимир Ильич одет был в темно-синюю косоворотку на выпуск, которая придавала всей его коренастой фигуре какой-то особо «русский» вид. Да и вся обстановка здесь как-то не увязывалась с чинным укладом жизни в Швейцарии. Недаром острый на язык Макар, придя сюда в первый раз, воскликнул: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

Встретили меня и Надежда Константиновна и Владимир Ильич очень приветливо, и тем не менее получилось не то, чего я ожидала от этой встречи. Я рассчитывала услышать от Владимира Ильича еще что-нибудь кроме того, что слышала в «Ландольте», а вышло так, что он больше всего меня расспрашивал, интересуясь даже малейшими подробностями партий-

ной работы в России, а также и тем, как мы, профессионалы, попав в тюрьму, используем это время для чтения, если только к тому предоставляется возможность.

Услышав от меня, что в 1901 году, когда я сидела в харьковской тюрьме, мне удалось достать вышедшую легально под именем Ильина книгу «Развитие капитализма в России»¹, Владимир Ильич заметно обрадовался, но, пытаясь скрыть свою радость, стал надо мною трюнить: «Несчастливая Вы, несчастная, в тюремной камере пришлось Вам копаться в моих длинных скучных таблицах. Как мне Вас жаль!»

Владимир Ильич подробно расспрашивал о повседневной жизни тверской организации. Особенно заинтересовался он моим сообщением, что эта организация имеет связь с деревней, а когда я сказала, что его брошюра «К деревенской бедноте»² оказала нам большую помощь в закреплении связи с деревенскими кружками, то на этот раз он даже и не пытался скрыть своего удовольствия.

Один мелкий факт, о котором я для курьеза рассказала Владимиру Ильичу, дал ему повод заговорить на тему о необходимости досконально знать среду, в которой приходится действовать. В условиях подполья это было тем более необходимо, что партийный работник должен предусматривать все мелочи, должен быть всегда начеку.

Случай, так заинтересовавший Владимира Ильича, произошел незадолго до моего отъезда из Твери. Направив в деревню для занятий с кружком одного опытного старого товарища, мы на завтра увидели его вернувшимся отсюда с запечатанным письмом на имя Тверского комитета. В этом письме организатор кружка конфиденциально просил больше этого пропагандиста не присылать, так как он «не свой человек», «барин он». Доказательством служил тот факт, что, переночевав в крестьянской избе, он утром, когда стал умываться, вытащил из кармана не только мыло, но и зубную щетку, которой «стал тереть зубы, а так умываются только бары, мы в деревне никаких щеток не знаем».

Таков был культурный уровень населения деревни Тверской губернии, считавшейся тогда одной из «передовых» губерний царской России.

Нас постоянно тянуло к Владимиру Ильичу как к естественному центру, и поэтому почти не проходило дня, чтобы кто-нибудь из нас, в одиночку или небольшими группами, не отправлялся к нему на дачу и не мешал бы Владимиру Ильичу работать. Однако, несмотря на то что наши посещения отнимали у Владимира Ильича много времени, прием мы всегда встречали

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 129—203. *Ред.*

самый теплый, вплоть до кормления нас скромным обедом, приготовленным матерью Надежды Константиновны. Обедали на кухне, и там же по вечерам, когда нас приходило несколько человек, происходили беседы с чаепитием.

Канун нового, 1904 года... Наступающий новый год, говорил нам Владимир Ильич, принесет дальнейший подъем революционного движения в нашей стране, он поведет нас к решающим битвам, а потому давайте, товарищи, как-нибудь весело проведем новогоднюю ночь. И вот целой группой отправились мы в оперу, на «Кармен». После спектакля зашли в наше излюбленное кафе «Ландольт», выпили по кружке пива или чашке кофе и отправились бродить по ярко освещенным в эту ночь улицам Женевы, где происходил традиционный новогодний карнавал. Это хорошая демократическая традиция старой Швейцарии. Весь народ выходит на улицу, многие в масках, горят разноцветные огоньки, незнакомые люди весело заговаривают друг с другом, играет музыка, молодежь танцует. Весело на народе и нам.

Шагая по площади Плен Пале, набрали мы на группу меньшевиков, с которыми уже не здороваемся. Из их рядов кто-то ехидничает по нашему адресу: «Твердокаменные пошли!», а мы вдогонку им: «Дорогу мягкотелым!»

Как-то особенно радостно было нам всем в ту новогоднюю ночь. С нами был Владимир Ильич...

С наступлением нового, 1904 года дела большевиков пошли на улучшение. Открылись некоторые возможности для отправки наших людей на работу в Россию. В. И. Ленин прежде всего отправил туда одного из своих ближайших помощников в период создания «Искры» и главного организатора смелого побега искровцев из киевской тюрьмы в августе 1902 года — Николая Эрнестовича Баумана. Владимир Ильич знал его еще с 1896 года как организатора и пропагандиста петербургских рабочих кружков.

Бауман получил задание создать в Москве Русское бюро ЦК — большевистский центр, куда должна была стекаться информация о положении на местах и который помогал бы доводить указания В. И. Ленина до местных парторганизаций.

Второму участнику киевского побега, Литвинову, была поручена «граница», т. е. организация транспорта, перевозка при содействии контрабандистов нашей большевистской литературы, правильное снабжение ею парторганизаций на местах, а также организация нелегального перехода границы нашими людьми.

Владимир Бобровский был направлен на Кавказ в распоряжение Кавказского союзного комитета партии. Кавказские организации в тот момент, после произведенных там арестов, особенно нуждались в подкреплении большевистскими силами.

Там все еще орудовали меньшевики, и борьба с ними была трудная.

Мартыну Лядову Владимир Ильич поручил осесть в Берлине для организации сношений с немецкими социал-демократами.

После отъезда всех этих товарищей стала я с нетерпением дожидаться отправки в Россию. Наконец пришла и моя очередь, но ехать пришлось пока не в Россию, а в Берлин — обстоятельство, которое меня сильно разочаровало. В Берлине я должна была служить связующим звеном между Женева и нашими «пограничниками». Царское правительство не скупилось на содержание шпионов за границей. Женева — город небольшой, и за нами там очень следили, а потому уезжать нашим людям в Россию на пелегальную работу прямо из Женевы было нецелесообразно. Надо было перед отъездом в Россию еще потолкаться некоторое время за границей, затеряться в большом городе и уже оттуда незаметно исчезнуть.

Для такой цели подходящим городом был Берлин. Там учились в университете или просто болтались под видом студентов и студенток тысячи молодых людей из России, проживавших здесь годами, людей, которые уже примелькались полиции и не вызывали особого подозрения. Живший уже в Берлине Мартын Лядов был на виду. Его знали многие немецкие социал-демократы как представителя В. И. Ленина. Его могла знать и полиция, поэтому отъезжавшие должны были иметь дело со мною, человеком совершенно «чистым», никому здесь не известным.

Тяжело было уезжать из Женевы в какую-то другую, новую эмиграцию, где нет Владимира Ильича. Все же еще до отъезда посчастливилось мне обратиться к нему за советом по наиболеешему для меня вопросу. Мучили меня тогда сомнения, имею ли я право называться профессиональным революционером, представителем большевистского центра, не обладая ни солидными теоретическими знаниями, ни особыми агитаторскими способностями. Ведь когда приезжаешь в местную партийную организацию посланцем из центра, от В. И. Ленина, на тебя смотрят снизу вверх, чего-то ждут и т. д.

Внимательно выслушал меня Владимир Ильич, так внимательно, как только он умел слушать, и ответил, что право называться профессиональным революционером остается за теми, кто прежде всего беззаветно предан партии и рабочему классу. Этим правом должны пользоваться люди, у которых собственная жизнь сливается с жизнью партии. Суживать круг организации революционеров до узкого круга вождей не следует, нужны работники постоянные, неутомимые, непосредственно связанные с массой.

С большой неохотой отправилась я в Берлин, снабженная паспортом студентки — дочери уральского заводчика Харито-

нова. Был ли это настоящий паспорт или «липовый», я не знаю, но, приехав в Берлин и сняв комнату в Шарлоттенбурге, где обычно ютились русские студенты, я сдала паспорт на прописку, и все обошлось как будто бы благополучно. Однако через несколько дней я была вызвана в полицейский участок, где мне был задан вопрос: почему я — дочь заводчика — поселилась в такой дешевой комнате и почему я так скромно одета. На это я ответила, что мой папаша-заводчик был против того, чтобы я уезжала в Берлин учиться, поэтому на его помощь я рассчитывать не могу. Мой ответ показался резонным, и меня оставили в покое.

Здесь, в Берлине, дел у меня оказалось мало, а времени свободного много, и я старалась использовать это время, посещая всякие митинги и открытые собрания немецких социал-демократов, особенно те, на которых выступал Бебель, пользовавшийся огромной популярностью среди берлинских рабочих. Клару Цеткин приходилось слышать больше на женских собраниях. Выступления ее по яркости немногим отличались от выступлений Бебеля. Однако все это мало удовлетворяло. Тянуло домой, в Россию, к настоящей, активной партийной работе. Поэтому я испытала большую радость, когда меня известили, что моя миссия здесь кончается и в ближайшие недели я буду отправлена на Кавказ.

Летом того же 1904 года я вернулась в Россию в распоряжение Кавказского союзного комитета, находившегося в Тифлисе.

Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Страницы из революционного прошлого (1903—1908). М., Госполитиздат, 1955, с. 9—16

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

С Владимиром Ильичем Лениным я встретила впервые в 1902 году в Женеве.

В далекую Якутию, где я до того отбывала ссылку, стали приходить номера газеты «Искра», всколыхнувшие всю нашу жизнь. В «Искре» развертывался грандиозный план создания подлинно революционной рабочей социалистической партии. В «Искре» велась борьба за революционный марксизм, против оппортунистов, искажавших и вульгаризировавших основы научного марксизма. Каждый номер «Искры» с жадностью перечитывался и горячо обсуждался. Марксисты понимали, что «Искра» становится живой организующей силой, что она положит конец кустарничеству, шатаниям, брожению и разброду и создаст единую сплоченную могучую партию.

Всем захотелось немедленно включиться в одну из искровских организаций, стать одним из звеньев ее. Сидеть годы в ссылке, пассивно выжидать ее конца стало невыносимо. Мы говорили о побегах, заторопились в путь. Мне удалось бежать из ссылки, и после ряда мытарств я очутилась в Женеве.

С Владимиром Ильичем я виделась тогда много раз, и беседы с ним помогли разобраться во всем плане работы «Искры», выяснить детально ее задачи и цели. Основная задача, которую ставил Ленин перед нами, профессиональными революционерами, заключалась в создании на местах искровских организаций, завязывании прочных связей с рабочими, организации на предприятиях — заводах, фабриках — своей искровской ячейки. Ленин много говорил о том, что надо привлекать рабочих к непосредственной революционной руководящей работе, что их надо обязательно вводить в комитеты. «У нас должны быть свои Бебели», — говорил Ленин.

Ленин считал неправильной практику некоторых комитетов замыкать работу в ограниченные рамки пропагандистских кружков. Он говорил, что настало время придать рабочему движению более широкий размах, что политические забастовки,

демонстрации организуют массы и мы должны приучить рабочих к открытым выступлениям.

Лозунг открытых выступлений, выдвинутый Лениным, был воспринят и с 1902 года все более широко осуществлялся в крупных промышленных центрах. Первомайские демонстрации стали устраиваться на центральных улицах больших городов, рабочие выходили на улицу с красными знаменами, революционными песнями и лозунгами, получали боевое крещение при стычках с полицией и жандармерией, учились открыто отстаивать свои требования. Наряду с пропагандистской работой широко разворачивалась агитационная работа. Выпускались воззвания и листовки, устраивались митинги, появлялись свои ораторы.

Беседы с Лениным, его исключительно внимательное отношение к членам партии, его умение всесторонне исчерпать весь круг вопросов, связанных как с теорией марксизма, так и практикой революционной борьбы, крепко нас вооружили. Эти беседы для нас, рядовых членов партии, были настоящей марксистской школой. Все это мы как будто знали и раньше — что надо сочетать революционную теорию с революционной практикой, — но в общении с Лениным это положение наполнилось живым содержанием, стало ближе, понятнее. Влившись в ряды искровских организаций, мы почувствовали себя по-настоящему спаянными членами одной партии, глубоко осознали значение преемственности в работе, правильной расстановки сил, поняли, как надо строить партию, как организовать борьбу.

Ленина в этот период я встречала почти исключительно на небольших собраниях. Я не слышала его тогда ни разу как оратора, мало еще была знакома с его теоретическими работами, и все же он с первой же встречи произвел впечатление настоящего вождя, человека огромного ума, знаний и воли и замечательного товарища, с которым сразу чувствуешь себя просто и непринужденно.

Задачи, поставленные перед нами Лениным, заключались в основном в следующем: 1) создать, усилить и укрепить в крупных промышленных центрах искровские комитеты; 2) вовлечь передовых рабочих в руководящие партийные органы; 3) внедрить в сознание рабочих принципы революционного научного марксизма; 4) развернуть и усилить борьбу со всякого рода оппортунистическими направлениями: «легальным марксизмом», «экономизмом» и другими мелкобуржуазными течениями; 5) вести агитацию среди рабочих масс о необходимости открытых выступлений, демонстраций, забастовок и других форм революционной борьбы с самодержавием и господствующими классами; 6) готовить II съезд партии.

По всем идеологическим, программным и организационным вопросам Ленин выступал перед нами с обстоятельными и

краткими докладами, неизменно переходившими в оживленную беседу. Он не любил молчаливых слушателей и умел как пикто оживлять аудиторию. Поблескивая своими умными, пытливыми и насмешливыми глазами, Владимир Ильич метко брошенным острым словом, дельным замечанием, наводящим вопросом вовлекал в обсуждение доклада, принимая сам в нем активное участие. И товарищи лезли из кожи, чтобы переспорить друг друга, доказать свою правоту. Было так оживленно, так весело и интересно на этих занятиях, что никому не хотелось уходить, у всякого возникали новые мысли, новые аргументы. «Да,— говорили товарищи,— на таких занятиях не соскучишься, не задремлешь». И мы сами старались усвоить и запомнить этот метод Ленина вести живые и активные занятия.

Втягивая нас в споры, Ленин имел возможность определить не только степень нашей подготовленности, но и характерные особенности каждого, что учитывалось им при отправке на ту или иную работу. Когда решался вопрос об отъезде в Россию, Ленин беседовал с каждым из нас отдельно, учитывая желание и настроение товарища, не насилуя его воли. Он говорил обычно: «Подумайте, какая работа вас больше привлекает, в которой вы чувствуете себя более уверенным и куда бы вы хотели поехать. Работы непочатый край, и люди везде нужны».

Я до того работала в Саратове, Одессе, Киеве, на Урале, и меня тянуло в Питер. Ленин догадывался об этом и предложил мне поехать именно в Петербург и заняться постановкой там пропагандистской работы. Я с радостью согласилась и с конца 1902 года до мая 1903 года работала в Петербурге в искровском комитете. Затем меня арестовали на собрании, обсуждавшем вопрос о первомайской демонстрации, и я была освобождена еще после II съезда РСДРП.

Выйдя из тюрьмы, я поехала в Киев, где находились избранные II съездом партии члены ЦК (Кржижановский, Ленгник и Носков), чтобы ознакомиться с материалами съезда и получить направление на работу. Работа развертывалась огромная, и ЦК кооптировал в члены ЦК Красина, Гусарова, Землячку и меня. Мне поручили объезд комитетов с докладом о решениях съезда и о разногласиях, приведших к разрыву.

Меньшевики повели борьбу против решений съезда и тоже объезжали комитеты, выступая с докладами. В своих докладах они извращали события, критиковали неумодные им решения съезда, жаловались на то, что «обидели стариков» — не выбрали в ЦО Аксельрода и Засулич. Выступления меньшевиков успеха не имели, почти всюду они встречали довольно дружный отпор. Для большинства социал-демократов в России было ясно, что если съезд решил, что целесообразнее иметь в составе редакции не шестерых, а трех человек, то этому пужно подчиниться. По вопросу о тактических и организационных разногла-

сиях, о которых меньшевики умалчивали, комитеты признавали правильной линию большевиков, линию Ленина. Нам удалось собрать резолюции 20 комитетов, одобряющих решения съезда и признающих ЦК; только 5 комитетов поддержали линию меньшевиков.

По окончании объезда комитетов было решено, что я поеду в Женеву информировать Ленина, как партийные организации приняли решение II съезда.

Сообщение о твердом настроении партийных организаций в России Ленин встретил радостно. Это было уже после его выхода из редакции «Искры». Борьба с меньшевиками разгорелась вовсю, и Ленин поставил вопрос о необходимости создания печатного органа большевиков и подготовки III съезда партии.

Авторский кризис у нас был значителен. Владимир Ильич перебирал имена товарищей, которые могли бы подойти для литературной работы. Кандидатуры Богданова и Луначарского ставились им на первый план. В редакцию «Вперед» вошли также товарищи Ольминский и Воровский.

Я была послана в Париж с поручением от ЦК найти Богданова, Луначарского и Ольминского, живших тогда в Париже, и сговориться с ними относительно времени их приезда в Женеву для встречи с Лениным.

Помню, перед отъездом я спросила Владимира Ильича:

— А что мне посмотреть в Париже?

— Прежде всего пойдите к стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, в музей революции 1789 года и в музей восковых фигур Гравена. В смысле художественного выполнения музей, говорят, немногого стоит, но по содержанию интересен.

— А еще?

— Обязательно сходите в Зоологический сад, у вас будет такое ощущение, точно вы совершили кругосветное путешествие.

И заметив, что я жду еще чего-то, добавил:

— Ну, насчет музеев, выставок и всего прочего обратитесь к Жоржу (Плеханов), он все это здрово знает и даст вам все нужные указания.

Мысль Владимира Ильича часто обращалась к Плеханову. Но Плеханов в это время занял такую позицию, что подступить к нему было невозможно. Характерен для его тогдашних настроений такой эпизод. Первого мая 1904 года мы решили выступить единым фронтом перед лицом международного пролетариата. Решено было большевикам и меньшевикам издать совместно один листок. Проекты листов написали Владимир Ильич и Мартов. В конечном счете был принят листок Ленина¹, и я для согласования была послана с этим листком к Плеханову.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 181—184. Ред.

Плеханов принял меня довольно благосклонно, но не скрывал своего превосходства. Помню его фразу: «Ну что же, прекрасно, худой мир лучше доброй ссоры». Но от тона добродушного благожелательства он отошел весьма быстро и начал разносить ЦК: «Ну какой это ЦК, мыши не раздавит».

Я возражала, подчеркивая, что при поддержке опытных товарищей за границей можно надеяться наладить партийную работу. Рассказала ему о настроении партийных организаций в России, о резолюциях, принятых почти повсеместно. Он меня слушал более чем холодно и недоверчиво. Я ссылаясь на то, что партия, руководимая таким товарищем, как Ленин, прекрасным организатором и блестящим теоретиком, обеспечивает нам правильное руководство, и притом партия уже не в пеленках и умеет сама разбираться в вопросах партийного строительства.

Я говорила спокойно и осторожно, ибо имела задание Ленина не раздражать Плеханова, а постараться заинтересовать его нашей работой. Но Плеханов пришел в ярость. Больше всего его возмутило, что партия считает Ленина блестящим теоретиком.

Конечно, мои дипломатические способности были довольно слабы, да никакой дипломатии и не нужно было. Плеханов, привыкший считать себя центральной фигурой в партии, не допускал и мысли о том, что кто-то может стать рядом с ним или иметь свое мнение.

Владимир Ильич расспрашивал меня подробно, заставляя повторять, что сказал Плеханов.

Сравнивая эти две фигуры, такие крупные, яркие, одаренные, всегда видишь разницу характеров. Ничто личное, мелкое не доходило до Ленина. Он любил и ценил Плеханова и неизменно возвращался к мысли о том, что его нужно сохранить для партии. А Плеханов? Он точно боялся «соперничества», никого не признавал рядом с собой. С ним нельзя было говорить, как с равным.

Плеханов как-то жаловался, что его одолевают умники, которые приходят к нему и нудно, тягуче, длинно излагают свои теории, от которых веет затхлым чеховским провинциализмом. Это зло, но верно, и виноват в этом был сам Плеханов. Конечно, товарищи тянулись к нему, но их встречал такой холодный прием, такое подчеркнутое превосходство, что и неглупый человек терялся, начинал лепетать всякие несуразности, чтобы показать, что и он не чужд разных теорий.

Один товарищ рассказывал, что, приехав в Женеву, он отправился к Плеханову. Тот встретил его снисходительно-любезно и задал вопрос, как к нему (к Плеханову) относятся в России. «Товарищи считают вас оппортунистом», — выпалил приезжий. Плеханов расвирепел: «Скажите вашим товарищам,

что, когда их папеньки ухаживали за их маменьками, Плеханов уже был ортодоксальным марксистом». Это не анекдот.

Хотел ли Плеханов отпугивать людей? Конечно, нет. Но своей манерой держаться он ставил грань между собой и другими членами партии. Он как бы говорил: «Я — автор «Монистического взгляда на историю» и целого ряда ученых трудов и монографий, а вы — просто ученики и слушатели». И когда Плеханов чувствовал, что ему благоговейно внимают, он становился изумительно милым, доступным, блестящим собеседником. Несколько раз мне пришлось видеть его именно в такой обстановке, и трудно передать, до чего он бывал тогда блестящ, остроумен и ярко интересен. У Плеханова была манера говорить в небольшом кружке так, как он говорил бы на большом собрании. Всю свою эрудицию, исключительную начитанность, широту энциклопедиста, юмор, ораторское искусство — все он вкладывал в свою речь. Начитанность Плеханова поражала. Особенно хорошо он знал XVIII и XIX века. Энциклопедисты были им изучены полностью, и ум его находил больше всего пищи и удовлетворения в изучении философов и мыслителей того времени. И сам он, со своими вкусами, энциклопедичностью, был бы блестящей фигурой именно той эпохи.

Не то Ленин. Весь ушедший с головой в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по камешку сколачивал эту партию. Тысячами нитей Ленин был связан с партией, с рабочим классом. У него подход к людям был совсем иной, чем у Плеханова. Он, как хороший хозяин, подбирал все, что годилось для стройки. Иногда поражало, до чего Ленин был внимателен и терпелив с каждым товарищем.

С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки. Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичем надо говорить только просто, щеголять не нужно.

Сколько раз мне приходилось присутствовать при его беседах с товарищами, и меня всегда поражало, с каким доверием и вниманием он всех слушал. Это был такт большого человека: ободрить работника, поднять в нем веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией. Не в этом ли исключительный успех и влияние Ленина, что он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятенной энергией. Каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли.

Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве, когда он делал доклад о Парижской коммуне. Ленин на трибуне весь преобразился. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделан-

ный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе.

Мне приводилось тогда слышать очень крупных ораторов, которые говорят точно для того, чтобы поразить слушателей, блеснуть яркой фразой, остроумной шуткой, умеют использовать силу и гибкость голоса, плавный жест, красивую позу. Таковы были Плеханов, Жорес, Вандервельде, считавшиеся мировыми ораторами. В их выступлениях было много эффектного, но мне никогда не удавалось отрешиться от впечатления какой-то искусственности их речей.

Не то Ленин. Непередаваема сила его речей. В них нет как будто никакого внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая Ленина, забываешь обо всем. Он овладевает слушателем всецело. И тут разница между Лениным и Плехановым разительна.

Плеханов любил красиво отточенные фразы. Он знал цену своему таланту, знал, когда повысить и понизить голос, умел вовремя блеснуть остроумием, поднять утомленное внимание аудитории к стати рассказанным анекдотом. Но его слушали спокойно, он волновал в меру.

У Ленина нет этого внешнего блеска, он не оттачивает фразы, но тем не менее именно его слушают, затаив дыхание, слушают так, точно он раскрывает твои самые сокровенные мысли, заветные мечты. Другие ораторы восхищаются, но слушаешь их точно со стороны, — Ленин зовет к действию. Его речи зажигают энтузиазмом и желанием действовать. Речи Ленина нельзя забыть: все чувствуют, что он сказал самое важное и нужное.

Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни, как первый опыт рабочих взять власть в свои руки. Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели.

Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас.

С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина:

— Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся:

— А вы сделали такой вывод из моего доклада?! — спросил он.

— Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня.

Слушать Ленина на собраниях, видеть его за работой, углубленного в книги, или за разрешением политических вопросов, слушать его планы поражения противников, его уничтожающие характеристики — все это давало яркую картину его многогранности. Но тот не знает Ленина, кто не видел его и в обычной домашней обстановке.

Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен — «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки» и других. С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири — «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине — «Есть на Волге утес». Особенно отчетливо пелся куплет:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет:
И утес-великан все, что думал Степац,
Все тому смельчаку перескажет...

Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, дописанный М. С. Ольминским к «Дубинушке»:

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали призывом к восстанью.

Утомившись и перепев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был сочный голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии торсадора из «Кармен». Каким отдыхом, ка-

ким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались.

Надежда Константиновна, вспоминая впоследствии об этих вечерах, шутливо писала: «Зверь, вырвавшаяся из ссылки, на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрязги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне¹ раз в неделю «журфиксы», для сближения большевиков. На этих «журфиках», однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел, — но ушел он от Плеханова разочарованным, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку», — наша возьмет», — утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения»².

Иногда на вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже.

Часто на прогулках или сидя за вечерним чаем Владимир Ильич любил поговорить о литературе, о его любимых писателях Щедрина, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем. Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова.

— Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет. Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли, — говорил Ленин.

Идейную направленность в художественных произведениях Ленин ставил выше всего, и потому он так ценил и любил Некрасова, которого почти всего знал наизусть. Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму «Русские женщины». Я ответила: знаю, но никогда не могу прочитать ее вслух, душат слезы.

---

¹ Séchéron (Сешерон) — рабочий поселок в Женеве, где поселились В. И. Ленин и Н. К. Крупская в апреле 1903 года после переезда из Лондона. М. Э.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 277—278. *Ред.*

— Вот в этом и сила художника,— сказал Ленин,— берет за живое.

Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей (я тогда жила в семье Ленина) и возвращались домой притихшие, усталые и несколько грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем. Владимир Ильич заканчивал книжку «Шаг вперед, два шага назад» и обычно присаживался к рабочему столу на часок, что-то дописывая и исправляя. Надежда Константиновна ложилась спать, а мы с Елизаветой Васильевной усаживались на скамеечке в садике и шепотком беседовали, чтобы не мешать Владимиру Ильичу. Иногда он спускался к нам на минутку перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, сверху зашумит, чтобы ложиться спать.

Владимир Ильич в этот период борьбы с меньшевиками, между II и III съездом партии, был настроен исключительно оптимистически и воинственно. Это настроение нашло полное отражение в книге «Шаг вперед, два шага назад». Полный уверенности в правоте большевиков, он подверг безжалостной критике оппортунизм меньшевиков, вскрыл их идеологическую несостоятельность, фальшь, противоречия и путаность.

Владимир Ильич весь горел, работая над книгой. Как ясно встает перед глазами весь облик Ленина и вся обстановка борьбы, когда сейчас перечитываешь эту книгу! Читая нам отдельные, особенно удавшиеся ему места, Владимир Ильич весь точно внутренне светился, был такой задорный, живой, яркий.

Замечательная была черта у Ленина — он никогда не давал чувствовать своего превосходства, не давил своим авторитетом, считался с мнением других, видел в каждом товарище равного себе. Оттого так легко было с ним, так радостно и свободно дышалось около него. Он умел внимательно выслушать собеседника, втянуть в спор, заставить высказаться до конца, а если видел, что собеседник не сводит концов с концами, путается в противоречиях, он, добродушно посмеиваясь над зарвавшимся спорщиком, доведшим свою мысль до логического абсурда, направлял его на правильный путь, не задевая самолюбия, не обескураживая, как делал бы обязательно в таком случае Плеханов. Тот доводил иногда застенчивых людей до желания провалиться сквозь землю. Владимир Ильич никогда не спрашивал, что вы читали, как усвоили прочитанное, а просто беседовал с вами по поводу отдельных вопросов и сразу видел и пробелы, и слабые места, причем и собеседнику становилось ясно, над чем надо ему поработать.

В присутствии Ленина мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и главное — работать. От одной мысли, что Ленин знает о твоей работе, удесятерялись силы.

Владимир Ильич был безгранично внимателен к тем, кто

шел в ногу с партией, кто боролся за революционный марксизм, за дело освобождения рабочего класса, за социализм, но был беспощаден к своим политическим противникам, был непреклонен при защите своих принципиальных позиций. Ненависть меньшевиков, их нападки Владимир Ильич принимал как доказательство своей правоты. Эти нападки свидетельствовали о меткости и верности удара, наносимого им противнику. Недаром Ленин любил цитировать стих Некрасова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Закончив книгу «Шаг вперед...», Ленин отправился в горы на отдых и, вернувшись, с новой энергией, новым приливом сил взялся за дело восстановления партии, создания большевистского органа, подготовки к III съезду партии.

Много рассказывала мне Елизавета Васильевна о жизни Ленина и Надежды Константиновны в ссылке. Еще больше я слышала о Владимире Ильиче от Анны Ильиничны, с которой я встречалась на подпольной работе в конце 90-х годов. Помню, как изумила она меня и рассмешила, рассказав, что Ленин, узнав в тюрьме на свидании о том, что его дело будет скоро разрешено, воскликнул: «Рано! Я не успел еще материал весь собрать»¹.

В 1903 году я познакомилась со всей семьей Ульяновых. Что это была за изумительная семья! Связанная огромной любовью друг к другу, общностью интересов, подчинившая раз и навсегда свою жизнь, свои интересы делу партии, делу революции, это была настоящая семья, какой она рисовалась нам в далеком будущем. Любовь Владимира Ильича к семье, нежная забота о матери подчеркивали исключительную связь этой семьи, которая никогда не прерывалась и проходит через всю жизнь Ленина. Когда я впервые попала к Ульяновым, я поняла, сколько радостей может дать такая семья, сколько счастья в этих заботах друг о друге, в этом взаимном понимании, любви и дружбе.

Мать Ульяновых, Марию Александровну, все мы полюбили с первой встречи. До сих пор стоит перед глазами ее милое, ясное лицо с такими молодыми, блестящими, бесконечно добрыми глазами. Только узнав Марию Александровну, я поняла секрет обаяния Владимира Ильича. Забота о людях проявлялась в Марии Александровне и всей семье Ульяновых с исключительной силой. Сколько горя пало на плечи этой женщины, и с каким мужеством она его переносила! Трудно было выразить Марии Александровне сочувствие — она никогда не жалова-

¹ В начале января 1896 года, находясь в петербургской тюрьме (в Доме предварительного заключения), В. И. Ленин приступил к подготовке книги «Развитие капитализма в России». М. Э.

лась, никогда не говорила о том, что ей трудно. Владимир Ильич понимал, как тяжело она переживала и казнь старшего сына Александра, и смерть дочери Ольги, как страдала от постоянных арестов других своих детей. Страдала, но никогда не протестовала, никогда не останавливала их. Мария Александровна жила интересами детей не только в обычном житейском смысле — она была их товарищем и другом и мужественно несла все тяготы.

Я приехала в Женеву вскоре после ареста Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Владимир Ильич подробно расспрашивал о матери, и столько сдержанного горя и скорби было в его глазах, когда он говорил об ее одиночестве и беспокойстве! Анна Ильинична не раз говорила, что Владимир Ильич настаивал, чтобы кто-нибудь был постоянно при матери, и что эта роль падала обычно на нее.

Перед отъездом из Киева я забегала несколько раз к Марии Александровне: она вся отдалась заботам о том, чтобы улучшить тюремную жизнь детей, и целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами для них. Невозможно было забыть ее измученного лица, печальных, скорбных глаз, усталого вида, когда она возвращалась из тюрьмы.

Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича. Он еле переносил посещение музеев и выставок. Он любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе.

Неутомим бывал Ленин на прогулках. Одна прогулка мне особенно запомнилась. Это было весной 1904 года. Я должна была уже вернуться в Россию, и мы решили на прощанье «кутнуть» — совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монтрё. Побывали в мрачном Шильонском замке — в темнице Бонивара, — так красочно описанном Байроном («На лоне вод стоит Шильон...»). Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном.

Из мрачного sklepa вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был легок и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице.

Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от Владимира Ильича.

Наконец добрались. Ландшафт беспредельный, неопишуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все клима-

ты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!..» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно, выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в обычном порядке.

Из этой прогулки удержалась в памяти еще одна трогательная подробность. Мы наткнулись на целое поле цветов. Владимир Ильич стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы», — сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку цветов.

Больше всего трогало меня в Ленине его какое-то поразительное внимание, которым он окружал своих близких. Особенно внимателен он был к Надежде Константиновне и ее матери, с которой у него была большая дружба.

Слаженность жизни, сходство вкусов Владимира Ильича и Надежды Константиновны были исключительны. Меня вначале изумляла их обстановка. В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминавшем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку — небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху — спальня, она же рабочая комната Ильича: две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Мне вначале показалась серой эта обстановка, но, побыв там раз, другой, не хотелось уходить, так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло. Эта простота обстановки особенно хорошо действовала на рабочих. Все чувствовали себя как дома.

Владимир Ильич не был аскетом: он любил жизнь во всей ее многогранности, но внешняя обстановка, еда, одежда и пр. не играли никакой роли в его жизни. Тут не было лишений, сознательного отказа, а просто не было в этом потребности. Не помню, чтобы когда-либо, даже шутя, говорилась о вкусном блюде, чтобы придавалось значение платью. Пили, ели, одевались, но эта сторона жизни ничьего внимания не привлекала.

Обычная дневная обстановка такова. Владимир Ильич сидит, углубленный в работу, или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или

шифрует письма, мать возится с несложным хозяйством, на которое все же тратится много забот и труда. Вспоминая эту прекрасную женщину, понимаешь, как много облегчения и уюта внесла она в жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Она не расставалась с ними всю жизнь. Вместе с ними была в ссылке, в эмиграции, в 1905 году приехала вместе в Россию и вновь эмигрировала. Владимир Ильич относился к ней с нежной заботливостью.

Получив задание вести подготовку к III съезду партии, я, ободренная новыми перспективами и освеженная отдыхом, поехала в Россию. Мне не повезло. Я на границе была арестована. В тюрьме я получила письма от Ленина и Крупской, из которых узнала о положении дел в партии, о начавшемся подъеме.

Вот письмо от 24 декабря 1904 года:

«Давно собираюсь написать Вам, да мешает сутолока. У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Накопец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть. Центральный Комитет, предавший нас, потерял всякий кредит, кооптировал (подло — гайком) меньшевиков и мечется в борьбе против съезда. Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немпожко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары, — все еще впереди...

Ваш Ленин»¹.

После такого письма пребывание в тюрьме стало особенно невыносимым. Мучительно потянуло на волю, на работу. А события разворачивались с каждым днем, и вести о них проникали в стены тюрьмы, волнуя и выбивая нас из колеи. Наступили и прошли знаменитые январские дни 1905 года. Мы ночами не спали, ожидая развертывания революции и мечтая о том, как раскроются тюремные двери и нас освободит восставший народ. Увы, двери тюрьмы раскрывались, но пока лишь для новых пришельцев. Однако тюремный режим был сломлен и нарушен. Тюрма гудела, и мы узнавали все более волновавшие нас новости.

Наши дела спешно рассматривались, и в мае 1905 года я была приговорена к 5 годам ссылки на крайний север Архан-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 429. Ред.

гельской губернии. Мне удалось бежать с дороги, и в сентябре я вернулась в Питер и приступила к работе.

В Петербург я мчалась, как на крыльях, боясь запоздать к событиям, которые мне представлялись в виде подготовки к вооруженному восстанию, к активному осуществлению лозунгов Ленина. Застала же иную обстановку. Богданов, Красин и некоторые другие члены ЦК считали эти лозунги преждевременными, реально неосуществимыми и всячески урезывали их. Богданов утверждал, что события будут скорей благоприятствовать осуществлению меньшевистских идей и что-де нам, большевикам, надо стараться сохранить лишь идейную цельность и сплоченность. Товарищи, члены Петербургского комитета, поручили мне написать Ленину, обрисовать создавшееся положение и просить дать указания, как действовать, заверив его, что Петербургский комитет целиком стоит на его линии, полностью присоединяется к лозунгам «Пролетария» и осуждает урезанные лозунги ЦК. На мое письмо я получила ответ Ленина от 26 октября. Он писал: «Насчет дел в партии, мне кажется, Вы немного преувеличиваете в пессимизме. Сужу по здешнему. Я постоянно слышу здесь от «периферии», что «Пролетарий» явно приходит в упадок, что дела идут из рук вон плохо, газета опускается и пр. и пр. Страшен сон, да милостив бог. С таким гигантским движением, как теперь, ни единому ЦК в мире при нелегальной партии не удовлетворить и $\frac{1}{1000}$ доли запросов. И что наши лозунги, лозунги «Пролетария», не остаются гласом вопиющего в пустыне — это мы видим ясно даже из легальных газет, сообщающих о митингах в 10—15 тысяч человек в Университете и т. д. Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой». О времени вооруженного восстания Владимир Ильич замечал: «Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии, я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают. Возьмите теперешнюю грандиозную стачку».

Письмо заканчивалось словами:

«...вообще значение заграницы теперь *ежечасно* падает, и это неминуемо. Конечно, мы ни в каком случае не бросим «Пролетария», пока не удастся печатать его в Питере на Невском. Но на легальную газету теперь тоже надо обратить много внимания. Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература), — скоро закроем совсем и откроем в Питере.

В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень маленьких (от *трех* человек), которые бы сами вооружались кто чем может и го-

товились всячески. Момент восстания я бы, повторяю, *охотно оттянул* до весны, но конечно, мне издали судить трудно.

Крепко жму руку. Ваш *Н. Ленин*¹.

Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» вышла в Петербурге 9 ноября, т. е. через две недели после написания Владимиром Ильичем этих строк. Из цитированного письма и из письма в ЦК, написанного Лениным на следующий день, явно следует, что Владимир Ильич обладал уже сведениями из Петербурга о палажешном издании легальной газеты.

Но пока шли письма, события нарастали. Много изменилось, и отпал ряд опасений, высказанных в моем письме.

Мы ждали с огромным нетерпением приезда Ленина. Наконец, он приехал и в тот же день пришел на заседание Петербургского комитета. Он сразу понял и нашу горячность, наше революционное настроение, готовность к борьбе, но сразу увидел и нашу неопытность, неумение по-настоящему организовать работу, осудил нашу заседательскую суету и здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики. Наша борьба за Советы с приездом Ленина развернулась с большой активностью.

Владимир Ильич подробно расспрашивал о нашей работе, о связях в рабочих районах, о запросах рабочих, о борьбе нашей с меньшевиками и эсерами. Детально знакомился с тем, как идет вооружение рабочих и подготовка боевых дружин. Расспрашивал о всех деталях и характере этой работы, стараясь не упустить ни одной подробности, давая советы, указания. Спрашивал, умеем ли мы сами стрелять, тренируемся ли. Был озабочен вопросом вооружения рабочих настоящим оружием, предлагал взять на учет все арсеналы, оружейные магазины, интересовался, изготавливаются ли и как бомбы. Особое внимание уделял он работе большевиков в армии, предлагая выделять на нее наиболее подготовленных товарищей. Не меньшее значение Владимир Ильич придавал работе среди крестьян. Была создана комиссия для работы в деревне. Мы посылали агитаторов в деревни для завязывания связей с крестьянами.

Вспоминаю выступление Ленина на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов 13(26) ноября 1905 года. Это было в день, когда правительство объявило локдаун и 100 тысяч рабочих Петербурга оказались выброшенными на улицу.

Как жалки были выступления по этому поводу Троцкого, Мартова и других лидеров меньшевиков! Какая растерянность, какое ничтожное содержание пустозвонной речи Балалайкина-Троцкого, прятаншего свое бессилие за громкими бессодержа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100—101. *Ред.*

тельными фразами! Какое капитулянтское настроение! Троцкий предлагал вступить в переговоры с военным министром и предпринимателями об условиях открытия заводов.

И вот выступил Ленин. Весь зал насторожился и притих. Поваяло настоящим воздухом революции, будто раздвинулись тесные стены зала заседания и перед нашими глазами развернулся безбрежный мир огромных революционных перспектив. Поваяло воздуху Коммуны.

Ленин вскрыв политическое содержание тактики правительства, которое локаутom стремилось нанести решающий удар революции, рабочему классу. Правительство, говорил Ленин, надеется сломить дух рабочих угрозой голода, смирить его или вызвать на немедленное выступление и раздавить силой оружия. Ленин предлагал не уступать, но и не поддаваться на провокацию, не принимать боя в невыгодных условиях, а начать усиленную подготовку к объединению всех революционных сил. Ленин говорил, что надо не просить, не договариваться, а требовать открытия заводов и в случае отказа призвать всех к всеобщей забастовке и другим решительным мерам борьбы. Ленин предлагал готовить силы для всеобщего наступления и принять бой, когда он будет выгоден революции, восставшему народу, а не правительству. Для осуществления же плана подготовки восстания — немедленно связаться с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, с армией и флотом.

Выступление Ленина, его насыщенная революционным энтузиазмом речь наэлектризовала весь зал, а когда он развернул перед слушателями четкий, ясный план и программу действий дальнейшего развития революции, в зале пронесся гул одобрений, переросший в бурную овацию.

Предложенная Лениным резолюция была принята единодушно под несмолкаемый гром аплодисментов, под восторженные крики собравшихся.

— Да, — говорили рабочие, расходясь, — вот этот знает, что надо делать, как вести рабочий класс. А эти брехуны — Хрусталиев, Чернов, Троцкий, — им бы только болтать да красоваться, а толку от них никакого, один вред.

Никогда не забыть выражения лиц рабочих, слушающих Ленина. На лицах радостный восторг, который охватывает всех и роднит с Лениным аудиторию. Незнакомый угрюмый товарищ, стоящий рядом с тобой, вдруг весь меняется, лицо расплывается в радостную улыбку, глаза загораются, и видишь рядом с собой похорошевшее и помолодевшее лицо, преобразенное до неузнаваемости; угрюмый человек становится вдруг общительным, делится своим восторгом, загорается пафосом борьбы, точно частица гениальности Ленина передалась и ему.

Рабочие, послушав Ленина, переходили навсегда в наши ряды. Помню, как один рабочий корил меня: «Эх вы, научились бы, как Ленин, объяснять свою программу,— небось ни одного рабочего не одурачили бы меньшевики. Ведь вот как все у него ладно и правильно выходит!»

Научиться говорить, как Ленин, быть, как Ленин,— это была страстная мечта всех большевиков.

Владимира Ильича рвали на части, все большевики хотели его видеть, слушать, говорить с ним, получать указания.

Нам, знавшим его по периоду II съезда партии и борьбы с меньшевиками после II съезда, удавалось встречаться с ним и обсуждать волнующие нас вопросы. Конечно, и речи не было, чтобы встречаться так, как в Женеве, но все же не только на собраниях удавалось видеться с Владимиром Ильичем. Забежишь, бывало, утром, условиться, скажем, об его очередном выступлении или о партийном собрании и, конечно, используешь это посещение, чтобы поговорить вообще. Если Ленин не был чрезмерно занят, он довольно охотно, запросто беседовал с нами, и эти беседы заряжали нас новым приливом энергии и энтузиазма. Признаться, довольно частенько мы злоупотребляли своей близостью и бегали к нему даже тогда, когда это и не представлялось крайне необходимым. Но чувствовалось, что это ему не было в тягость. Я не помню ни одного недовольного выражения или досадливого жеста Владимира Ильича. Впрочем, этого и не нужно было: он умел как-то погружаться в свои мысли, отходить от беседы, и собеседник тут же чувствовал, что надо ступешаться.

Ленин сразу отрывался от беседы, задумывался и, очевидно, прежде чем приступить к разработке охватившей его идеи, мысленно набрасывал основные ее положения. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин шепотком, прежде чем засесть за работу, на ходу излагал свои мысли. При нас, посторонних, он этого не делал, но как-то сосредоточивался и отходил от нас. Это всегда было так заметно, что не пужно было никакого напоминания, чтобы раскланяться, причем Ленин прощался уже рассеянно, точно не видя тебя. Надежда Константиновна, зная эту черту Ленина, спрашивала иногда, не обижаются ли на это товарищи. Обижаться! Такого понятия вообще не существовало. Мы любили Ленина, с восторгом ловили каждое его слово, каждый готов был умереть за него.

Хотя разногласия с меньшевиками со времени II съезда усилились, все же вопрос об объединении с ними стал в порядок дня. Владимир Ильич не возражал против объединения, хотя лучше всех нас понимал, насколько оно непрочно.

Объединение началось в районах раньше, чем его решили в центре. Помню, как-то утром мы были у Дяденьки (Лидии

Михайловны Книпович, в то время бывшей секретарем Петербургского комитета партии) и говорили с Владимиром Ильичем о слиянии. Лидия Михайловна была твердокаменной большевичкой и слышать не хотела о том, чтобы можно было поднять вопрос о слиянии без решения съезда.

— Да как же устраивать съезд, когда сейчас железнодорожная забастовка! — кричу я ей истошным голосом (она была глуховата).

— Все равно не имеете права, ждите съезда.

— Да какой вам съезд, когда государство рухнет, троны трещат! — кричу я во все горло.

Владимир Ильич слушает, как мы петушимся, и хохочет.

Ленин не пропускал почти ни одного собрания Петербургского комитета и требовал от каждого из нас подробного отчета о проделанной работе, подвергая критике всякое упущение или неверно понятое решение партии.

Как-то я пожаловалась на то, что жены рабочих не всегда ласково встречают нас, а порой откровенно дают понять, что наши визиты им не по душе. Ленин так и вскипел и стал настойчиво расспрашивать, как мы себя ведем, когда приходим в семью рабочего. Пришлось признаться, что мы мало обращаем внимания на быт и обстановку домашней жизни рабочего, выказываем иногда нетерпение, если дети поднимают шум и мешают нашей беседе; что жены иногда начинают ворчать насчет незваных гостей и что рабочие теряются и конфузливо предлагают не обращать внимания на бабьи глупости. Ох, и досталось же нам от Ленина...

— Да я бы на месте этих жен вытурил бы вас из квартиры! Да подумали ли вы о том, как тяжела жизнь женщин, обремененных работой на заводе, домашними делами, возней с детьми и беспокойством о судьбе мужа, если он попадет в тюрьму? Ведь надо все это понять по-настоящему и найти пужные слова и поступки, чтобы расположить к себе этих женщин, обремененных трудом, заботой о семье, живущих в тяжелой нужде и вечном страхе за мужа, пошедшего в революцию!

Мы поняли, что в квартиру рабочих должны входить не с пренебрежительной миной или равнодушным лицом, а с вниманием и уважением к их жизни и показать не на словах, а на деле нашу готовность быть полезными.

— Приходило ли вам в голову, — говорил Ленин, — предложить свои услуги, если вы видите, как они мечутся между кормежкой детей, стиркой белья и другими домашними делами, не успевая сами ни поесть, ни присесть на минутку, чтобы перевести дух?

На всю жизнь запомнились нам эти слова Ленина. Мы изменили свое поведение, нашли дорогу к сердцам работниц, и несколько времени спустя мы уже рука об руку с ними и их

мужьями дружно шагали в рядах демонстрантов, неся революционные знамена, вышитые их умелыми и трудолюбивыми руками.

Ленин пробуждал в нас не просто добрые чувства, но политическое сознание, т. е. именно то, без чего бесплодна политическая деятельность.

Летом 1906 года, после разгона I Государственной думы, я была послана Московским комитетом (я уже работала в Москве) за директивами к Ленину, который жил тогда в Финляндии, на станции Куоккала на какой-то нелепой даче, носившей название «Ваза» и походившей на узкий и длинный чердак. Я подробно рассказала Ленину о московских настроениях после разгрома декабрьского восстания, об упадочных настроениях среди интеллигенции и даже некоторой части рабочих, о том, что революция, видимо, идет на убыль, что реакция поднимает голову, начинаются репрессии, что понемпогу вся работа суживается.

Владимир Ильич слушал внимательно и, мне показалось, как-то недовольно и отчужденно.

— Ну что же, — сказал он, — если это и так, то я буду последним, который об этом скажет. Пока идет борьба, а она идет, что бы вы там ни говорили, надо не ныть, а действовать.

Даже после разгрома вооруженного восстания в Москве Ленин не считал еще, что революция разбита. Он видел, что пролетариат не желает складывать оружия, что крестьянство продолжает борьбу, что в армии и флоте неспокойно, а главное — он был твердо убежден, что всколыхнувшая всю страну революция не утихнет, не может утихнуть. Владимир Ильич был полон новыми планами, готовился к очередному съезду партии, кипел энергией. Его не обескуражило временное поражение. Он предлагал извлечь из этого урок для дальнейшего наступления.

Ленин всегда был полон глубокой веры в творческие силы революционного рабочего класса. В 1911 году я видела его в Женеве. Он выступал с докладом, и меня изумил бодрый и, я бы сказала, вещий тон доклада. В то время как иные из нас переживали настроение сумерек, считая, что реакция укрепилась надолго, Ленин утверждал, что близок новый подъем, что рабочий класс сейчас более созрел для революции, чем в 1905 году, что крестьянство поняло необходимость совместных действий с пролетариатом, учло неорганизованность и разрозненность своих выступлений, что правительство и правящие классы не в силах разрешить ни одного вопроса, что объективные и субъективные предпосылки для революции налицо и что она неизбежна и успех ее обеспечен, ибо партия, рабочий класс и крестьянство не повторят ошибок 1905 года, а извлекут из этих ошибок надлежащий урок.

Это выступление Ленина тогда произвело на всех нас потрясающее впечатление. Он, точно сказочный богатырь, приложил ухо к земле и услышал подземные гулы революции. Все чувствовали, что он говорит это не для того, чтобы поднять настроение слушателей, а именно потому, что он сам глубоко убежден в том, что революция близка и что налицо имеются все предпосылки для ее осуществления. И он привел в своем докладе ряд фактов, свидетельствующих о том, что рабочий класс борется, что число стачечников увеличивается с каждым годом и что называют события, которые покажут силу и мощь рабочего класса, его политическую зрелость и волю к борьбе.

Эта его речь вспомнилась особенно сильно в 1912 году, когда после ленинских событий по всей стране прокатилась волна рабочих забастовок и демонстраций, когда в ответ на ленинские расстрелы рабочий класс заявил о своей солидарности, о своей готовности продолжать борьбу. Последующие события подтвердили полностью вещи слова Ленина о том, что рабочий класс созрел для революции и что революция близка.

Теперь, когда о Ленине знает весь мир, когда вокруг его имени слагаются легенды, всем хочется проникнуть в его внутренний мир, понять, откуда эта гениальная прозорливость, эта могучая воля, эта титаническая сила.

«Из глухих деревень Индии,— писал Горький,— проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что такое Ленин?»

Сердце Владимира Ильича «билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам...» — сказала Надежда Константиновна на II съезде Советов СССР¹. Этими словами охарактеризован весь духовный облик Ленина. Никогда никто не слышал от Ленина слов о его любви к народу, но все знали и чувствовали эту горячую любовь, понимали, что сердце Ленина бьется в такт с сердцами миллионов людей.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 284—304

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 590. *Ред.*

И. В. СТАЛИН

О ЛЕНИНЕ

*Речь на вечере кремлевских курсантов
28 января 1924 года*

Товарищи! Мне сказали, что у вас тут устроен вечер воспоминаний о Ленине, а я приглашен на вечер в качестве одного из докладчиков. Я полагаю, что нет необходимости представить связный доклад о деятельности Ленина. Я думаю, что было бы лучше ограничиться сообщением ряда фактов, отмечающих некоторые особенности Ленина как человека и как деятеля. Между этими фактами, может быть, и не будет внутренней связи, но это не может иметь решающего значения для того, чтобы получить общее представление о Ленине. Во всяком случае, я не имею возможности в данном случае дать вам больше того, что обещал выше.

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, гордый орел, не знающий страха в

борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось мое знакомство с Лениным.

СКРОМНОСТЬ

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, цо-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое

положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «шизов» человечества.

СИЛА ЛОГИКИ

Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головомешательных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всемогущие щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

БЕЗ ХНЫКАНЬЯ

Второй раз встретил я Ленина в 1906 году на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было поглядеть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском съезде — Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин в своей беспощадной критике меньшевизма не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозила усталость, уныние. Помнится, как Ленин в

ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

«Не хныкать по случаю поражения» — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему спланировать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

БЕЗ КИЧЛИВОСТИ

На следующем съезде в 1907 году в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и пастороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено». Ему нетрудно было доказать, что меньшевики все еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умеючи, всячески избегая переоценки своих сил и, особенно, недооценки сил противника.

«Не кичиться победой» — это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство — это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы пролетариата приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, он не боялся выступать

в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, как он часто говорил об этом, что: «принципиальная политика есть единственно правильная политика».

Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909—1911 годов, когда партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддавался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Известно, что в этом споре за партийность Ленин оказался потом победителем.

Второй факт. Период 1914—1917 годов, период разгара империалистической войны, когда все, или почти все, социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамена перед капиталом, когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гед и другие. Ленин был тогда единственным, или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гедов и Каутских и клеймил половинчатость межееумочных «революционеров». Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика есть единственно правильная политика.

Известно, что и в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика» — это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоеывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата.

ВЕРА В МАССЫ

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, по призванному ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут «поломать много лишнего», желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс,— такова основа этого рода аристократизма.

Ленин представлял полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Помнится, как во время одной беседы, в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции.

ГЕНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он бук-

важно расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

Отсюда «поразительная» ясность тактических лозунгов и «головокружительная» смелость революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия готовили военную диктатуру в интересах «войны до коща»; когда все так называемое «общественное мнение», все так называемые «социалистические партии» стояли против большевиков, третируя их «немецкими шпионами»; когда Керенский пытался загнать в подполье — и отчасти уже успел загнать — партию большевиков; когда все еще могучие дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западноевропейские «социалисты» благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах «войны до полной победы»...

Что значило поднять восстание в такой момент? Поднять восстание в такой обстановке — это значило поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духошина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кро-

ме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у проводка лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию,— сказал Ленин,— она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоеует мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, М., Госполитиздат, 1957, с. 60—67

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ ¹

Ленинизм превратился в совершенно определенную школу *революции, школу жизни* для целых поколений. Учение Ленина стало основой всей будущей истории человечества. Короткие минуты моего личного общения с товарищем Лениным — это капля в море по сравнению с исполинским трудом его жизни. И все же хочется упомянуть о них, хотя они порой касаются лишь некоторых мелких черточек личности Ленина. Может быть, та или иная черточка неизвестна товарищам, не испытавшим счастья встречаться с Лениным. Поэтому хочу их здесь отметить.

Впервые я встретил товарища Ленина летом 1904 года в Швейцарии. В мае этого года в Москву приехали члены тогдашнего ЦК партии, чтобы создать там местный партийный центр, подготовить условия для укрепления партийного органа и предпринять шаги для подготовки к назревающей революции...

Приехавшие товарищи, среди которых были погибший в 1905 году тов. Николай Бауман, а также Красиков, Ленгвик, Смидович и Стасова, часто собирались у меня на квартире, которая уже в то время сделалась весьма подходящим местом для встреч нелегальных лиц. Я жил в центре города, где у меня как у популярного зубного врача была очень широкая практика. В течение дня через мою квартиру проходили десятки людей, так что лишние 5—6 человек никому не бросались в глаза. Очень часто у меня в приемной сидело с полдюжины пациентов, а в соседнем помещении незаметно для всех происходило партийное совещание.

В конце мая я перебрался на дачу. Совещания были перенесены туда. Между тем за Ленгником началась слежка. Вокруг моей дачи стали бродить подозрительные лица. В начале июня мне пришлось уехать за границу, и я покинул товарищей и свою семью в довольно сомнительном положении.

---

¹ Воспоминания печатаются с некоторыми сокращениями. *Ред.*

Перед отъездом товарищи дали мне несколько партийных поручений. Между прочим, в Швейцарии я должен был найти товарища Ленина и информировать его о положении в Московской организации.

Числа 8—9 июня я приехал в Швейцарию. Адрес мне был дан в русскую эмигрантскую колонию. Там я встретил товарищей Лядова, Лепешинского, Бонч-Бруевича и других. Ленина не было. Он к этому времени уехал в «отпуск» недели на три в Лозанну¹.

В Женеве я застал товарищей в очень наэлектризованном состоянии. После знаменитого Лондонского съезда 1903 года в эмиграции происходили ожесточенные прения между обеими фракциями, зачастую принимавшие весьма острый характер. Для товарища Ленина это были тяжелые месяцы. Резкое столкновение с Плехановым, к которому он всегда относился с величайшим уважением, бесчисленные собрания, настоящие агитационные поездки, огромная работа для печати, обширные научные занятия в связи с укреплением занятой позиции — все это сильно утомило крепкий организм Ленина. Поэтому он считал необходимым устроить себе «каникулы».

К своему отдыху он отнесся с такой же серьезностью, с какой выполнял свою работу... Он решил основательно отдохнуть, подышать свежим воздухом гор и озер...

В Лозанне я застал его за дружеской беседой с русским товарищем — Ниной². Разговор был самый обычный. Не о политике. О погоде, о природе, о купанье или о чем-то подобном.

Меня товарищ Ленин принял очень сердечно и просто, как старого знакомого. Гарантией послужили отзывы московских товарищей. С большим любопытством выслушал Ленин мой рассказ. Я рассказал ему о Москве, Латвии, российской социал-демократической интеллигенции, об оппортунистическом направлении в ее среде. Между прочим, я ознакомил его с письмом о фракционных разногласиях в российской партии, которое я написал в Женеве и собирался послать К. Каутскому для журнала «Neue Zeit». Письмо Ленину понравилось. Оно было отслано нами Каутскому, но тот его отверг...

В Лозанне я провел с товарищем Лениным дня три. Мы гуляли, беседовали, шутили, купались в Женевском озере. Но о фракционных спорах, о политике Ленин за все время не обмолвился ни словом. Он копил силы для более важных задач.

Мы расстались как старые друзья, и я уехал в небольшой санаторий на берегу Цюрихского озера. Мы не переписывались, но мой московский адрес Ленин отметил, чтобы воспользоваться им позднее в случае необходимости.

¹ В. И. Ленин выехал из Женевы в Лозанну 12 или 13 (25 или 26) июня. *Ред.*

² Нина — М. М. Эссен. *Ред.*

Недели через две я получил из дому неприятное известие о провале вышеупомянутых членов Центрального Комитета. Моя семья находилась в очень опасном положении. Вокруг дачи все лето бродили шпики, и только находчивость жены помогла ей спасти и перевезти в город чемодан с литературой и документами, которые были у нее оставлены товарищами. Ленгника и Баумана арестовали. Не помню, как ускользнули другие товарищи.

Настал 1905 год с его знаменитыми декабрьскими днями. Но уже летом чувствовалось приближение бури. В рабочих массах царило возбуждение, зашевелились также либеральная буржуазия и интеллигенция. Эмиграция покидала свои насиженные места. Кто только имел хоть малейшую возможность, отправлялся на родину. Началось широкое земское движение, усилилось брожение в крестьянстве, эсеры были в то время на вершине своей популярности. В Москву явились милюковы, водозововы, буняковы, алексинские, а также и наши. Разумеется, еще нелегально. Либеральная интеллигенция предоставляла свои квартиры для самых разнообразных политических собраний. Происходили оживленные дебаты, причем фракции и партии стали все определеннее обособляться. Шатун Алексинский тогда был большевиком. Мы работали рука об руку. Ленин оказывал сильное воздействие на течение политической жизни. Мы с нетерпением ждали выхода его статей и указаний.

Лозунг вооруженного восстания не был еще выдвинут. Но уже была четко сформулирована аграрная программа большевиков. Всеобщий основной политический аккорд звучал тогда так: «Врозь идти, а вместе бить», т. е. прежде всего бить по царизму. По мере приближения декабря политическая линия пролетариата прояснялась все больше и больше, и руководство с каждым днем все определеннее переходило к большевикам. Ведущая рука Ленина ощущалась всюду. Направляя свой удар против царизма, товарищ Ленин уже тогда ясно предвидел, что революция не остановится на свержении царизма, а рано или поздно перейдет в социалистическую революцию. Поэтому он ни на секунду не забывал разоблачать в глазах пролетариата мелкобуржуазную сущность меньшевиков и эсеров.

За эти месяцы я впервые прошел школу ленинизма на практике. Так сохранялась моя духовная связь с товарищем Лениным, между тем как практическая связь продолжалась через товарищей, которых Ленин направлял ко мне довольно часто.

В январе 1907 года мне удалось во второй раз лично встретиться с товарищем Лениным¹. Накануне рождества и

¹ В воспоминаниях о В. И. Ленине, с которыми П. Г. Дауге выступил на заседании Всесоюзного общества старых большевиков 7 февраля 1924 г., он отмечал, что его вторая встреча с Владимиром Ильичем произошла летом 1907 г. (Сокращенная стенограмма этого выступления впер-

уехал на несколько дней отдохнуть в Финляндию. Там в то время находился и товарищ Ленин. Он жил на небольшой даче близ станции Куоккала. Разумеется, нелегально.

Несмотря на поражение революции 1905 года, дух нашего великого вождя не был сломлен. Он продолжал работать, готовя революцию, стараясь в практической деятельности использовать все возможности, легальные и нелегальные, чтобы воспитывать пролетариат для предстоящей борьбы.

Тогда уже работала Государственная дума и думская социал-демократическая фракция. Последняя получала основные директивы от товарища Ленина. Дачка в Куоккале была главным штабом революции.

Московская организация была сильно ослаблена. Разумеется, в подполье работа продолжалась. Появилась и своя легальная печать. Все же общее настроение в эти годы разгуда реакции было довольно подавленным. Из моих ближайших друзей почти все были в ссылке, тюрьмах, эмиграции. Я чувствовал себя очень оторванным от масс. Неудовлетворенность профессиональной работой родила во мне надежду обрести душевное равновесие в широкой литературной деятельности. Я задумал издать на русском языке сочинения рабочего-философа Иосифа Дицгена.

Эта работа в известной степени снова свела меня с товарищем Лениным. Ленин был одним из тех очень немногих русских товарищей, которые читали и понимали Дицгена. Он был, пожалуй, единственным, умевшим правильно оценить Дицгена, — как революционную диалектику его сочинений, так и его слабые стороны.

В Куоккале я беседовал с Лениным об издании Дицгена. Он одобрил мой замысел.

Вскоре после этого я, между прочим, издал брошюру американского социалиста Унтермана, для которой написал небольшое революционное предисловие в большевистском духе. Ленину это предисловие очень понравилось, что он подтвердил в одном из писем. Вскоре он написал превосходное предисловие к одному из моих изданий, а именно: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»¹. Предисловие это не утратило своей свежести и до наших дней.

вые опубликована в журнале «Коммунист Советской Латвии», 1968, № 9, с. 13—20). Однако в данных воспоминаниях, опубликованных в журнале «Darbs» в 1925 г., а также в различных вариантах воспоминаний, написанных после 1925 г., автор относит свою вторую встречу с В. И. Лениным к январю 1907 г. Во время этой встречи речь шла о задуманном автором издании сочинений немецкого рабочего-философа И. Дицгена. Первые тома сочинений И. Дицгена вышли в свет весной 1907 г. Следовательно, указанная встреча действительно могла состояться в январе 1907 г. и в своем публичном выступлении П. Г. Дауге мог допустить неточность. *Ред.*

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 229—249. *Ред.*

Интересно отметить, что одновременно с моим изданием эту книгу выпустили меньшевики с предисловием известного меньшевистского лидера Аксельрода. Если сравним эти издания сегодня, то в их предисловиях чрезвычайно наглядно отразятся два совершенно противоположных мировоззрения... Аксельрод тщательно выбрасывает из Маркса, Энгельса, Беккера и Дидгена то, что в них есть *революционного*, и цитатами из их писем пытается оправдать оппортунистические, ликвидаторские тенденции меньшевиков... Ленин каким был, таким и остается — глубоким, серьезным ученым, абсолютно объективным, *пасквозь революционным* от первой написанной строчки до последнего часа жизни.

В упомянутый период мне довелось также короткое время переписываться с Лениным, но письма у меня не сохранились...

Ленин известен всем как экономист, как политик, как революционер. Но лишь немногие знают, что он был также крупным, серьезным философом, который не нахватался одних верхушек, но глубоко и серьезно знал как классическую, так и современную философию во всех ее характерных течениях. Совсем недавно мы узнали из писем тов. Ленгника, что Ленин в свое время философски его «проработал» и вывел из кантианства. Так же серьезно Ленин знал и Дидгена и сумел четко и правильно уловить сущность диалектической философии Дидгена, т. е. ее революционное ядро. Последнее как раз и послужило причиной моего сильного увлечения Дидгеном...

У Ленина была своя кристально ясная линия в философии. Он *инстинктивно* улавливал все то, что в речах или учении другого было неопределенно, шатко, могло увлечь с революционного пути в сторону.

Больше всего обращает на себя внимание идеально прекрасное сердце Ленина-товарища. Посмотрите только, какой глубоко серьезной, какой товарищеской и справедливой является его критика, направленная против меня.

Он знает и верит, что я люблю Дидгена. Но в то же время он чувствует, что я кое-где ошибся. Он боится, что и я — увы! — могу увязнуть в «болоте», как это случилось не с одним марксистом, поддавшимся влиянию Маха, Авенариуса, имманентов. И он еще раз предостерегает меня от «болота». Но, предостерегая, он вместе с тем ищет для меня оправданий, *пытается* объективно установить причину моей ошибки. Щадя мое самолюбие, он добавляет: «Возможно, что Дауге повторил чужой отзыв об имманентах и Леклере, не будучи сам лично знаком с писаниями этих реакционеров»¹.

Он был прав. Действительно, я ни до, ни после того не читал и, вероятно, уже никогда не прочту этих леклеров и им

---

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 261. *Ред.*

подобных. У меня на плечах другое, более важное дело. Моя же ошибка состояла в том, что я цитировал авторов из вторых или третьих уст. Такую небрежность, надо признаться, мы позволяем себе часто. *Мы недостаточно серьезно относимся к науке*, не изучаем ее как следует, но часто пережевываем чужие слова.

Большое счастье для нашей партии, что у нее был Ленин — наша живая, глубокая *совесть*, который учил быть справедливыми, серьезными, *уверенными* в себе.

Не одного только меня взял товарищ Ленин за шиворот и встряхнул — *многих* товарищей спас он от «болота». Видя, что кое-кто начинает увязать, он иногда вынужден был прибегать к еще более резким приемам, чем в случае со мной... Он был *великим воспитателем*, великим учителем жизни и в то же время *образцовым товарищем*. Однако гораздо выше личного самолюбия товарища и его чувствительности стояла для него *конечная цель революции*... Лично я могу только благодарить товарища Ленина за предостережение.

В 1907 году Ленин покинул Финляндию, так как его нелегальное положение становилось все ненадежнее.

Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига: изд-во «Лиезма», 1969, с. 60—67

ИЗ ВСТРЕЧ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ В ЭМИГРАЦИИ

Едва после ссылки, в конце 1904 года, приехал я в Киев, как получил от Бюро комитетов большинства предписание немедленно выехать за границу и вступить в редакцию Центрального органа партии. Я выехал за границу.

Несколько месяцев я прожил в Париже, отчасти потому, что хотел ближе разобраться в разногласиях. Однако в Париже я все-таки стал немедленно во главе тамошней очень небольшой большевистской группы и начал уже воевать с меньшевиками.

Ленин писал мне раза два короткие письма, в которых звал торопиться в Женеву. Наконец, он приехал сам.

Приезд его для меня был несколько неожидан. Ничего определенного Владимир Ильич не говорил, только настаивал на немедленном отъезде в Женеву.

На отъезд я согласился.

В то же время Ленин решил прочесть большой реферат в Париже на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства.

На этом реферате я в первый раз услышал его как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперешины в толпу слушателей глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора, то вперед, то назад, эта плавно текущая и вся насквозь заряженная волей речь.

Я понял, что этот человек должен производить, как трибун, сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист своим необыкновенно ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

Уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей чертой его характера, тем, что составляло половину его облика, была

воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, начертанной сильным умом, воля, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в одной огромной цепи, ведущей к мировой политической цели.

Кажется, на другой день после реферата мы, не помню по какому случаю, попали к скульптору Аронсону, с которым я был в то время в довольно хороших отношениях. Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить, по крайней мере, хотя медаль с него.

Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена. В то время карьеровский портрет Верлена в гравюре вышел только что, и тогда же был выставлен известный бюст Верлена, купленный потом в Женевский музей.

Впрочем, было отмечено, что и Верлен был необыкновенно похож на Сократа. Главное сходство заключалось в великолепной форме головы.

Строение черепа Владимира Ильича действительно восхитительно. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить, я бы сказал, какое-то физическое излучение света от его поверхности.

Скульптор, конечно, отметил это сразу.

Рядом с этим, более сближающие с Верленом, чем с Сократом, глубоко впавшие, небольшие и страшно внимательные глаза. Но у великого поэта глаза эти мрачные, какие-то потухшие (судя по портрету Каррьера); у Ленина они насмешливые, полные иронии, блестящие умом и каким-то задорным весельем. У Ленина глаза так выразительны, так одухотворенны, что я потом часто любовался их непреднамеренной игрой.

У Сократа, судя по бюстам, глаза были скорей выпуклые.

В нижней части лица опять значительное сходство, особенно, когда Ленин носит более или менее большую бороду. У Сократа, Верлена и Ленина борода росла одинаково, несколько запущенно и беспорядочно.

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Опа в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки, Ленину должно быть уже 50 лет, по он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тону. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая склонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями! В самые страшные минуты, которые нам приходилось переживать,

Ленин был неизменно ровен и так же склонен к веселому смеху.

Его гнев также необыкновенно мил. Он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутиливую форму. Этот гром, «как бы резвяся и играя, грохочет в пебе голубом». Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии, и рядом был тот же смехок в глазах и способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто сама разыгрывается Лениным, потому что так нужно. Внутри же он остается не только спокойным, но и веселым.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит то же благотворное обаяние жизни. Пишет он страшно быстро, размашистым почерком, без единой поправки набрасывает он свои статьи, которые не стоят ему никакого усилия. Сделать это он может в любой момент, обыкновенно утром, но и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно...

Трудоспособен Ленин в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутомимым; если я не могу этого сказать, то потому, что знаю, что в последнее время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу каждой недели несколько надламывают его силы и заставляют его отдыхать¹.

Но ведь зато Ленин умеет отдыхать. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей жизнеспособности составляет рядом с прочной шириной ума и напряженной волей, о которой я говорил выше, очарование Ленина. Очарование это на людей, попадающих близко в его орбиту, колоссально. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений — от такого

---

¹ Пересмотрев эти строки в марте 1923 года, во время тяжелой болезни Ленина, я склонен был признать, что ни он себя, ни мы его не берегли достаточно. Тем не менее я был убежден, что богатырская природа Владимира Ильича пересилит его болезнь и что недалеко то время, когда он вновь вернется к руководству РКП в Россней. Увы, не только в марте, но еще за какую-нибудь неделю до смерти Владимира Ильича мы все надеялись на это. Решительно все врачи, которые его лечили, заверяли его семью и ближайших его друзей, что дело идет быстро на поправку. В этом смысле в марте мы относились к делу несколько пессимистичнее, чем, скажем, в декабре 1923 года. Между тем неизлечимый недуг продолжал свое дело. Врачи ошибались, и в заблуждение их вводило то, что великий мозг Владимира Ильича, несмотря на ужасные изъятия, папесенные ему болезнью, так энергично боролся с ее симптомами, что приводил иногда к обнадеживающим улучшениям. А. Л.

тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губернии, от первоклассных политических умов до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, — готовых во всякое время сложить свои буйные головы за «вождя мировой революции — Ильича».

Это фамильярное название «Ильич» привилось так широко, что его повторяют и люди, никогда не видевшие Ленина.

Вернусь к линии моих воспоминаний о Ленине до великой революции.

В Женеве мы работали вместе с Лениным в редакции газеты «Вперед», потом «Пролетарий». Ленин был очень хорошим товарищем по редакции. Писал он много и легко, как я уже говорил, и относился очень добросовестно к работам своих коллег: часто поправлял их, давал указания и очень радовался всякой талантливой и убедительной статье.

В первой части нашей жизни в Женеве, до января 1905 года, мы отдавались главным образом внутренней партийной борьбе. Здесь меня поражало в Ленине глубокое равнодушие ко всем полемическим стычкам; он не придавал большого значения борьбе заграничную аудиторию, которая в большинстве своем была на стороне меньшевиков. На разные торжественные дискуссии он не являлся и мне не особенно это советовал. Предпочитал, чтобы я выступал с большими цельными рефератами.

В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником, пользовался каждым их промахом, ловил всякие намеки на оппортунизм, в чем был, впрочем, совершенно прав, потому что позднее меньшевики и сами раздули все тогдашние свои искры в достаточное оппортунистическое пламя. Отношения наши с меньшевиками были довольно-таки испорчены, и мало кому из политических противников удавалось в то же время сохранить сколько-нибудь человеческие личные отношения. Меньшевики обратились для нас во врагов. Особенно отравил отношения меньшевиков к нам Дан. Дана Ленин всегда очень не любил, Мартова же любил, но считал его политически безвольным.

Ленин в то время был великолепен. С величайшим увлечением развешивал он перспективы дальнейшей революционной борьбы и страстно стремился в Россию.

Но тут я уехал в Италию ввиду нездоровья и усталости и с Лениным поддерживал только письменные сношения, большей частью делового политического характера, поскольку дело шло о газете.

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ В ЖЕНЕВЕ И ПАРИЖЕ

Ранней весной 1904 г., после семимесячного заключения, я была освобождена из пермской тюрьмы, где сидела одновременно с братом и другими товарищами по обвинению в принадлежности к пермской социал-демократической организации, и сразу снова включилась в революционную работу. Однако уже через месяц стало несомненным, что неизбежен новый арест, и пермские товарищи помогли мне бежать за границу. От них я получила явку в Самару. В Самаре мне дали направление в пограничный городок Сувалки, где мне должны были устроить переправу через границу.

Переход через границу совершился до смешного просто и стоил 15 рублей, из которых немалую часть получил начальник пограничной заставы, а солдатiku на самом рубеже досталось 20 копеек на бутылку водки, как сказал мне проводник. Я перешла небольшой ручеек и буквально через несколько минут оказалась на территории Германии. Мой проводник довел меня до немецкого городка Гольдап, где я направилась по указанному мне в Сувалках адресу немецкого социал-демократа портного, у которого переночевала. На другой день, получив при его помощи железнодорожный билет, я отправилась в Берлин, а затем выехала в Женеву.

Не сразу по приезде в Женеву я встретила с В. И. Лениным. Явившись по данному мне адресу на Rue de Carouge, я нашла там товарища В. Д. Бонч-Бруевича, которого приняла за Ленина; но он назвал себя и сказал мне, что Владимира Ильича и Надежды Константиновны сейчас нет в Женеве, но они скоро приедут.

В. Д. Бонч-Бруевич встретил меня очень приветливо и предложил работать в большевистской экспедиции партийной литературы, которой по поручению Центрального Комитета он заведовал. Экспедиция помещалась тоже на Rue de Carouge (на «Каружке», как мы говорили). Здесь я встречалась с В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич), с М. Н. Лядовым и его женой

Л. П. Мандельштам, с Ф. Ф. Ильиным, с П. Н. и О. Б. Лепешинскими и многими партийными работниками — большевиками. Это были прекрасные товарищи, и общение с ними было мне не только приятно, но и полезно, так как помогало разобраться в сложных условиях жизни политэмигрантской колонии.

До приезда в Женеву у меня еще не было ясного представления о сущности и размерах разногласий между большевиками и меньшевиками. Но и то немногое, что доходило до нас, склоняло нас на сторону большевиков. Поэтому, когда я приехала в Женеву, быть может скорее инстинктивно, чем по полному разумению, все мои симпатии были на стороне большевиков, и я сразу вошла в их среду. Только в Женеве, читая партийную литературу, на которую я с жадностью накинулась, особенно работу Ленина «Шаг вперед, два шага назад», и беседуя со старшими товарищами, я полностью поняла всю глубину и непримиримость разногласий между большевиками и меньшевиками.

Обстановка в политэмигрантской колонии в Женеве была исключительно напряженной и сложной. Шла острая борьба большевиков с меньшевиками за созыв III съезда партии. Меньшевики вели раскольническую политику. Идеиная беспринципность позиции меньшевиков определяла линию их поведения как в заграничных политэмигрантских колониях, так и в России. В печати и на собраниях они всячески клеветали на большевиков, обвиняли Ленина в диктаторстве, в стремлении захватить всю власть в партии, в бонапартизме и вообще во всех смертных грехах, обманывали русские партийные организации, делали попытки срывать собрания, организованные большевиками в Женеве, подтасовывали итоги голосования при принятии резолюций на собраниях. Словом, они создавали бесконечную склоку, мелочные фракционные дрязги, порой невыносимые. Меньшевики охотились за каждым работником, приехавшим из России, стараясь перетянуть его на свою сторону, не пренебрегая при этом и демагогическими приемами.

Вот в такой напряженной и тяжелой обстановке жизни эмигрантской колонии летом 1904 г. довелось мне очутиться сразу по приезде в Женеву.

Вскоре вернулись в Женеву Владимир Ильич и Надежда Константиновна и произошла моя первая встреча с Лениным, встреча, о которой я мечтала, к которой готовилась с сердечным трепетом. Она стала незабываемой в моей жизни. Меня поразила выдержка и постоянная бодрость Ленина, его сила воли. Ленин был как бы вне этой склоки, бесконечно выше ее. Беспринципности меньшевиков он противопоставлял высокую принципиальность, твердую убежденность в правоте отстаиваемых взглядов. Он разъяснял сущность большевистских позиций,

идеологическую несостоятельность и оппортунизм меньшевистских взглядов.

Во время пребывания в Женеве я почти ежедневно встречалась с Владимиром Ильичем в разной обстановке и не переставала восхищаться им и как мудрым руководителем и как чудесным товарищем, его тактом и какой-то особой деликатностью, с которой он относился к людям в такой сложной обстановке.

Надежда Константиновна вела конспиративную переписку с большевистскими комитетами и другими большевистскими организациями, находившимися в России. В своих воспоминаниях она пишет, что количество писем (в период борьбы за III съезд) доходило до 300 в месяц¹. Она предложила мне быть ее помощницей в этой работе, на что я с радостью согласилась.

Работая с Н. К. Крупской, я полюбила ее. Она была всегда ровная, спокойная, приветливая и неизменно заботливая, готовая помочь каждому товарищу. Надежда Константиновна обладала большими теоретическими знаниями и солидным опытом партийной работы и, живя в эмиграции, все свои силы отдавала большой и важной работе по переписке с нелегальными партийными организациями, которую вела изо дня в день под непосредственным руководством и по прямым указаниям Ленина.

Получая многочисленные письма и корреспонденции, приходившие из России в адрес Ленина, Надежда Константиновна подробно информировала его о положении дел в наших нелегальных организациях. Она была лучшим помощником Владимира Ильича, хорошо знала кадры профессиональных революционеров, помнила имена и партийные клички товарищей, умела оценить по достоинству каждого партийного работника.

Переписка с Россией была тяжелой и трудоемкой работой. Она состояла из ряда операций: прежде всего полученные письма следовало разобрать, каждое письмо проявить, расшифровать зашифрованную часть текста и переписать. Затем надо было написать текст письма, направляемого в Россию, зашифровать наиболее секретную часть его, вписать все письмо химическим способом между строк заготовленного заранее и написанного обыкновенными чернилами письма, которое по содержанию не могло бы вызвать подозрения охранки. Нередко в шифровке полученных писем встречались ошибки, и приходилось долго биться над их расшифровкой. Случалось также, что в результате пропажи предыдущего письма или провала организации полученное письмо было зашифровано новым, неизвестным шифром, и нелегко было выяснить, каким именно. Ино-

---

¹ См. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 281. *Ред.*

гда написанный «химией» текст не проявлялся: тогда приходилось через «Почтовый ящик» просить повторения письма.

Владимир Ильич внимательно следил за перепиской с Россией. Текст писем обыкновенно писала Надежда Константиновна от имени Ленина или Владимир Ильич писал сам. Остальную, техническую часть работы во время моего пребывания в Женеве Надежда Константиновна делила со мной.

Трудно переоценить значение писем Владимира Ильича для партийных комитетов. Они сплачивали и объединяли комитеты общим руководством, их с нетерпением ждали и с волнением читали большевики-подпольщики в России.

Надежда Константиновна с Владимиром Ильичем вели также «Почтовый ящик», который был очень важен в условиях конспиративной работы. В нем в лаконичной форме и в выражениях, понятных только адресату, давались указания и советы, запрашивались сведения, сообщалось о получении или о длительном неполучении писем, о невозможности расшифровать то или другое письмо и т. д. В период, когда у большевиков не было своей газеты (с ноября 1903 г. до конца 1904 г.), «почтовые ящики» печатать было негде, но с выходом газеты «Вперед» снова почти в каждом номере стали появляться «почтовые ящики». Иногда они были очень обширны. Например, в № 9 газеты «Вперед» «Почтовый ящик» содержит около 29 строк. Вот для примера небольшой «Почтовый ящик», напечатанный в № 15 газеты «Вперед» 21 апреля 1905 г.:

Нате. Письмо не проявилось, слаб раствор... *Спице.* Письмо с резолюцией не проявилось. *Коле.* Письмо с оказией и адреса получены. *Владимиру.* Письмо получено, спасибо. *Одесса.* «Одному из периферии». Ваше письмо очень интересно. Продолжайте писать. *Т — ре.* Письма № 1, 2, 3 и 4 получены. 2-й и 3-й в двух экземплярах. Повторите адрес для писем. *Лоле.* Получили ли деньги и письмо? *Антону.* Письмо получено. *Ф. С. III* адрес вполне хорош. *Авгору протеста против «Искры».* Благодарим, но печатать не стоит: на всякое чиханье не наздравствуешься. *С. С. II.* Письмо и резолюцию получили. *Антонине.* Получаем».

Я приходила к Надежде Константиновне каждый день с утра и работала большую часть дня. «Ильичи» жили в то время на Rue de Dovidе (на «Давидке», как говорили мы). В скромной квартире из двух комнат (каждая в одно окно) и кухни жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна, очень симпатичная старушка, которая почти никогда не расставалась с Надеждой Константиновной и жила с ней до своей смерти. Владимир Ильич относился к ней очень хорошо, а она души в нем не чаяла.

Быт семьи Владимира Ильича был самый скромный. Елизавета Васильевна вела все хозяйство, покупала продукты, го-

товила, убирала комнаты. Она была всегда спокойна, не суетлива и очень заботлива в отношении Надежды Константиновны и Владимира Ильича. Надежда Константиновна, урывая свободные от работы минуты, помогала ей. Она часто говорила мне, что ее не так тяготит выполнение домашней работы, — это бы ничего, — как тяготит необходимость думать о пей.

В одной комнате жили Надежда Константиновна с матерью, в другой — Владимир Ильич. Обставлены обе комнаты были очень скромно, как квартира простого рабочего. В комнате Владимира Ильича стояли железная кровать с мочальным матрацем, небольшой стол и два или три стула. Здесь Владимир Ильич принимал товарищей, приезжавших из России, беседовал с ними, а работал он в общественной библиотеке и в Société de lecture, где были очень хорошие условия для этого. Он уходил туда с утра и возвращался к обеду и потом уходил снова до вечернего чая. Насколько я помню, обедали «Ильичи» в 4 часа дня. Изредка я принимала их радужные приглашения и оставалась обедать у них, а когда работы было особенно много, то оставалась и пить вечерний чай. Эти дни были для меня особенно дороги. Владимир Ильич был обычно весел, шутил, поддразнивал Елизавету Васильевну, уверяя ее, что самое большое наказание за двоеженство — две тещи. Ни за обедом, ни за чаем Владимир Ильич не вел деловых разговоров, ел с аппетитом, никогда не предъявляя никаких претензий и, казалось, не разбирался в том, что ест.

Я наслаждалась какой-то особенно дружной слаженностью этой семьи, в основе которой лежала высокая идейность, общность духовных интересов, взаимное доверие и уважение.

Обедала я обычно, как и большинство русских политэмигрантов, в столовой Лепешинских, где с утра до вечера толпился народ. Фактически это был большевистский клуб. Сюда приходили для встречи с товарищами, поделиться новостями, поспорить, поиграть в шахматы, послушать доклад. Приезжавшие из России товарищи шли прежде всего в столовую Лепешинских. Здесь стояло пианино, взятое напрокат, и по вечерам мы часто слушали пение С. И. Гусева, игру на скрипке П. А. Красикова. Я аккомпанировала им обоим и иногда играла на пианино какую-нибудь фортепьянную пьесу. Приходил сюда и Владимир Ильич. Гусев, один из активнейших большевиков, делегат II съезда партии, обладал красивым баритоном и был очень музыкален. С удовольствием слушал Владимир Ильич исполняемые им романсы Даргомыжского, Рубинштейна, Чайковского.

Из фортепьянных произведений, исполняемых мною, Владимир Ильич больше всего любил слушать Патетическую сонату Бетховена (№ 8, оп. 13, так называемая «Малая Аппассионата»). Однажды, прослушав эту сонату, Владимир Ильич по-

дошел ко мне и сказал: «Вам надо учиться». Эти слова поразили меня. «Значит, можно?!» — подумала я. В ранней юности, увлекаясь сочинениями Писарева, я вычитала у него такую фразу: «Общество, которое занимается искусством, имея хотя бы одного неграмотного, похоже на дикаря, который ходит голым и носит золотые браслеты на руках» (привожу по памяти). Это произвело на меня неизгладимое впечатление, и, перейдя с отличием на старший курс консерватории, где я тогда училась, я вышла из нее и поступила на Бестужевские курсы. И вдруг — кто же?! — ЛЕНИН сказал: «Вам надо учиться...» Но к музыке мне пришлось вернуться лишь лет десять спустя.

Красиков хорошо исполнял на скрипке незамысловатые пьесы — «Серенаду» Брага и «Каватину» Раффа. П. А. Красиков приехал в Женеву в конце июня после больших арестов в Москве, случайно избежав провала. Я увидела его, когда он, только что приехав с вокзала, шел с П. Н. Лепешинским, неся маленький чемоданчик и скрипку в футляре. Профессиональный революционер, вырвавшийся из лап шпиков и жандармов, перешедший нелегально границу со скрипкой в руках, — это показалось мне чем-то необычным. Красиков рассказывал много интересного о II съезде партии, на котором он был делегатом, о работе в России, о Сибири, где родился и вырос. Он удачно выступал в полемике с меньшевиками, умел нащупать их самое слабое место и метко наносил удары, был остроумен, находчив, в меру язвителен. Недаром его так не любили меньшевики и одной из его партийных кличек была «Шпилька».

Однажды Красиков предложил мне организовать небольшой кружок из 3—4 товарищей и взялся обучать нас писать листовки и прокламации на заданные темы. В этот кружок кроме меня вошли Соня Афанасьева — моя соседка по киевской тюрьме, Валя Касаткина, которая в то время была студенткой медицинского факультета Женевского университета, а позже, в 1905 г., стала секретарем Совета рабочих депутатов в Питере, и еще кто-то. Никто из нас не собирался долго засиживаться в Женеве, а в России умение хорошо написать листовку очень пригодилось бы, и мы охотно согласились на предложение Красикова. Но занятия продолжались недолго: было что-то искусственное в этой затее.

По вечерам мы иногда засиживались в кафе «Ландольт», где для русских политэмигрантов был отведен небольшой кабинет с отдельным выходом в какой-то переулок. Здесь за кружкой пива сидели мы по вечерам, беседуя, споря или играя в шахматы. Бывали в «Ландольке» только большевики, по крайней мере, я ни разу не встречала здесь ни одного меньшевика. Чаще всего в шахматы играла я с Гусевым, а Красиков присутствовал в роли болельщика и отчаянно мешал нам. Иногда заходил сюда на партию шахмат Владимир Ильич. Случалось нам вдвоем с Марией Ильиничной проводить здесь часок-другой.

Мария Ильинична Ульянова приехала в Женеву во второй половине сентября или в начале октября 1904 г., вскоре после освобождения из тюрьмы. Познакомившись, мы сразу и крепко подружились с ней, и эта дружба сохранилась до конца ее жизни. В 1905 г. я часто встречалась с ней по революционной работе в Петербурге. После Октябрьской революции, с переездом Советского правительства в Москву, Мария Ильинична жила в квартире Владимира Ильича; она его безгранично любила и была близким другом. В эти годы мы ежедневно виделись. Мария Ильинична рассказывала мне, как заботился о ней Владимир Ильич. В сырую погоду проверял, надела ли она калоши, если видел ее утомленной, спрашивал, не очень ли она «перестала». Однажды во дворе Кремля я встретила Владимира Ильича и Марию Ильиничну на прогулке. Мы с Марией Ильиничной затеяли игру в снежки. Веселая игра продолжалась до тех пор, пока мои снежки не засыпали воротник Марии Ильиничны. Владимир Ильич подошел к ней и заботливо стряхнул снег, чтобы он не попал ей за воротник. Во время болезни Владимира Ильича Мария Ильинична вместе с Надеждой Константиновной не отходили от него до последних минут его жизни. Профессиональная революционерка, беспредельно преданная партии, отдавшая революционной работе все силы и всю свою жизнь, она буквально сгорела на работе. В первых числах июня 1937 г. Мария Ильинична внезапно тяжело заболела и, не приходя в сознание, умерла 13 июня.

Частенько мы с Марией Ильиничной (партийная кличка ее была Медвежонок) совершали прогулки на велосипедах в окрестностях Женевы, иногда к нам присоединялся Владимир Ильич. Однажды вечером мы втроем ехали где-то за пределами города, полем, по узкой тропинке, по обеим сторонам которой были неглубокие канавы; Владимир Ильич впереди, я за ним, Мария Ильинична сзади. Тропинка слегка спускалась под уклон. Я только что научилась ездить на велосипеде и не имела понятия о существовании заднего тормоза, а передний отказывал, и я не смогла сдержать велосипед, который все быстрее и быстрее нагонял Владимира Ильича. На мой крик «наезжаю!» Владимир Ильич обернулся и, заметив опасность, свернул в канаву. Владимир Ильич успел соскочить, но велосипед его упал в канаву и был испорчен: скривился руль, ехать дальше было нельзя. Ни малейшего выражения упрека или досады не услышала я от Владимира Ильича, и тем сильнее были мое смущение и досада на то, что я растерялась и не догадалась направить свой велосипед в канаву раньше, чем это сделал Владимир Ильич. Весело подшучивая надо мной, Владимир Ильич повел нас к скамейке, которая стояла около недалеко расположенной церкви, откуда слышались звуки фисгармонии. Посидев на ска-

мейке и послушав музыку, мы пешком, с велосипедами вернулись в город.

Владимир Ильич любил эти поездки за город на велосипеде, которые он совершал по большей части вместе с Надеждой Константиновной. Они служили для него хотя бы некоторым отдыхом от той нервной, напряженной обстановки, которая создавалась в результате все обострявшихся взаимоотношений с меньшевиками.

Некоторую разрядку нервного напряжения внесли па время известные карикатуры П. Н. Лепешинского. В июле в меньшевистской «Искре» появилась статья Мартова «Вперед или назад?», направленная против книги Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Мартов объявил Ленина политически умершим и дал подзаголовок к статье: «Вместо надгробного слова». Реакцией на меньшевистское «надгробное слово» была карикатура П. Н. Лепешинского «Как мыши kota хоронили» — одна из лучших его карикатур. П. Н. Лепешинский придал мышам почти портретное сходство с видными меньшевиками: Мартовым, Даном, Потресовым и др. Текст был удачно заимствован из конца сказки Жуковского «Война мышей и лягушек». Карикатура была широко распространена в Женеве. Отдельные фразы из текста передавались из уст в уста, вызывая смех среди большевиков и бурное негодование меньшевиков. Эта карикатура была меньшевиков смехом — убийственное оружие, против которого меньшевики были бессильны.

В июле положение в большевистской колонии стало еще тяжелее. После ареста нескольких членов ЦК в России изменился его состав. Новый ЦК занял примиренческую позицию и опубликовал заявление («Декларацию»), в котором настаивал на примирении с меньшевиками и решительно высказывался против созыва III съезда партии и против агитации за съезд. Ленин был отстранен от заведования заграничными делами ЦК, и ему запрещалось печатать что-либо без согласования со всей коллегией ЦК. Центральный Комитет запрещал отправку в Россию большевистской литературы и требовал распространения меньшевистской. Все это вело к дезорганизации партийной работы в России. Возник конфликт за конфликтом. Вся большевистская группа в Женеве крайне тяжело переживала создавшееся положение. Особенно тяжело было Владимиру Ильичу, ибо он лучше всех понимал, что все это вело к бесплодной растрате сил, дезорганизации всей партийной работы в России, и это в то время, когда рост революционного движения в стране требовал от нашей партии максимального напряжения сил.

Владимиру Ильичу и его ближайшим товарищам было ясно, что нельзя оставить без ответа раскольническую «Июльскую декларацию» ЦК. Так возникла мысль о созыве совещания группы большевиков, бывших в то время в Женеве, получившего

название «Совещания 22-х». На нем было обсуждено и принято обращение «К партии», написанное В. И. Лениным¹. Обращение с начала до конца проникнуто горячей верой в силу партии, которая так характерна для Владимира Ильича, верой в способность партии преодолеть тяжелый кризис и, несмотря ни на что, выйти на правильный путь.

Совещание проходило за городом, где-то в окрестностях Женевы, не помню, в каком помещении, но это было на втором этаже и в довольно просторном зале. Я не могу точно восстановить в памяти имена всех, кто был на этом совещании. В Женеве летом 1904 г. я встречалась со многими большевиками-подпольщиками. Среди них были Луначарский, Богданов, Малинин, Воровский, Карпинский, Ильины, Первухины и др. Кто из них приехал до совещания и, следовательно, участвовал в нем, а кто после, я точно сказать не могу, но отчетливо помню в числе присутствовавших Владимира Ильича, Надежду Константиновну, В. Д. Бонч-Бруевича, В. М. Величкину, Лепешинских, Лядовых, Первухиных, П. А. Красикова, С. И. Гусева, Лизу Кнуныанц.

Обращение «К партии» разъясняло необходимость немедленного созыва III съезда партии, как единственно возможного выхода из кризиса, и призывало партийные организации к борьбе за съезд. Оно сыграло огромную роль в деятельности большевистских партийных комитетов в России, дало им в руки боевое оружие, программу борьбы за III съезд. В октябре по инициативе Ленина в России было создано Бюро комитетов большинства для подготовки созыва III съезда партии.

Большое затруднение в работе большевистских организаций создавало отсутствие газеты. Особенно это отражалось на руководстве партийными организациями в России.

Мысль об издании большевистской газеты все больше и больше захватывала Владимира Ильича и его ближайших товарищей. Большевистское издательство («Издательство В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина») выпустило ряд брошюр, написанных Лениным, Ольминским, Воровским, Лядовым, Богдановым и другими для посылки в Россию. Но этого было явно недостаточно. Нужен был руководящий периодический печатный орган, тесно связанный с партийными организациями, живо откликающийся на события революционной жизни в России.

Крайнее нервное переутомление вынудило Владимира Ильича и Надежду Константиновну выехать из Женевы на отдых. Примерно с середины июля и до середины сентября они бродили пешком в горах Швейцарии и жили в деревне около озера Лас де Врѳ. Все это время, особенно в августе, Владимир Ильич был тесно связан перепиской с оставшимися в Женеве загра-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 13—21. *Ред.*

ничными агентами ЦК: В. Д. Бонч-Бруевичем, М. Н. Лядовым, П. Н. Лепешинским; он руководил их работой, получал через них корреспонденцию из России.

В это время у Владимира Ильича, по-видимому, уже вполне определенно созрел план издания большевистской газеты. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях пишет, что август она и Владимир Ильич провели в глухой деревушке около озера Lac de Vré вместе с Богдановым, Ольминским и Первухиным. Здесь они сговорились с Богдановым о плане литературной работы, «наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд»¹.

Об этом же косвенно свидетельствует и письмо, которое я получила в конце августа от Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Владимир Ильич просил «возможно скорее (желательно бы сегодня)» послать письмо «всем нашим друзьям в России». Далее идет текст письма, написанный рукой Владимира Ильича, который надо было послать в Россию: «Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и отсылке всех и всяческих корреспонденций по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются. Меньшицтво явно готовит переворот по сделке с частью ЦК. Мы ждем всего худшего. Подробности на днях». Владимир Ильич повторяет, что это письмо надо послать немедленно. Далее рукой Надежды Константиновны написано 10 адресов, куда надо было послать письмо: «...и вообще по всем адресам друзей, в которых вполне можно быть уверенными»². По-видимому, Владимир Ильич собирал корреспонденции как материал для новой большевистской газеты. Препятствием для ее издания было отсутствие денежных средств. Но в ноябре В. Д. Бонч-Бруевичу удалось договориться с одной французской фирмой о кредите на бумагу и на печатание газеты, а М. Н. Лядову — достать некоторую сумму денег на первые расходы. Кроме того, в перспективе была возможность получения денег от продажи газеты за границей и в России.

Все это уже позволяло поставить издание газеты на деловую, практическую почву. В связи с этим в начале декабря 1904 г. в Женеве состоялось собрание группы большевиков, на котором вопрос об издании нового органа был решен окончательно, единогласно были приняты его название — «Вперед» — и предложенный В. И. Лениным текст извещения о выпуске газеты. Кроме того, были решены вопросы редакционного порядка и определен состав редакции: Ленин, Воровский, Ольминский и Луначарский. Настроение на этом собрании было приподнятое. Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки!

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 280. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 372. *Ред.*

Я присутствовала на собрании и видела, как радостно взволнован был Владимир Ильич, да и не он один. У всех точно гора свалилась с плеч.

Газета «Вперед» продолжала линию старой, ленинской «Искры». Она сыграла огромную роль в борьбе за III съезд и в руководстве большевистскими подпольными организациями в России, в разъяснении сущности и принципиальности разногласий большевиков с меньшевиками. 24 декабря 1904 г. Владимир Ильич писал М. М. Эссен: «У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить!»¹.

Принятие обращения «К партии» подняло настроение большевиков; но не разрядило обстановку. Не проходило ни одного собрания с докладами большевиков без организованных меньшевиками скандалов. Запомнилось одно устроенное большевиками собрание с рефератом, на котором дело дошло чуть ли не до драки. Меньшевики учинили обструкцию, хотели захватить кассу. Ушли мы с этого собрания в отвратительном настроении и до рассвета бродили с Красиковым, Гусевым и еще несколькими товарищами по улицам Женевы, взвинченные до последней степени, возмущенные, негодующие.

Последнее выступление Владимира Ильича, на котором я присутствовала в Женеве, был его реферат на тему «Земская кампания и план «Искры»». Оно проходило в «Café Caserne». На входном билете напечатано: «Café Caserne. Начало ровно в 8½ час. вечера. Входной билет № 12. На реферат тов. Ленина. Тема «Земская кампания и план «Искры»». Вход только по этим билетам; входн. плата 20 сантимов. Бюро по организации рефератов большинства. Председатель собрания Вл. Бонч-Бруевич. Женева».

Реферат Ленина был посвящен критике письма редакции «Искры» к партийным организациям («Для членов партии»), опубликованного в ноябре 1904 г. В этом письме меньшевики выдвигали целый план политической кампании для воздействия на либеральную буржуазию, ходатайствующую о конституции. Меньшевики предлагали организацию многолюдных манифестаций рабочих для придания храбрости либеральной буржуазии. Вместо рабочих демонстраций с революционными требованиями они предлагали поддержку либерального конституционного движения.

Ленин разоблачал меньшевиков как прихвостней буржуазии, стремящихся подчинить пролетариат буржуазии и в своем усердии перед буржуазией требующих даже «уменьшения храбро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 429. *Ред.*

сти пролетариата». Не соглашение с земцами, а массовый натиск на правительство — так определил Ленин ближайшие цели борьбы пролетариата. Жизнь очень скоро подтвердила верность ленинских установок. В революции 1905—1907 г. либеральная буржуазия разоблачила себя как контрреволюционная сила. Владимир Ильич прочитал этот реферат с большим воодушевлением. Он раздал меньшевиков, как мы говорили, «под орех». Меньшевики буквально неистовствовали. Реферат Владимира Ильича был напечатан отдельной брошюрой и послан в Россию.

И вот наконец, к общему нашему восторгу, 4 января 1905 г. вышел первый номер газеты «Вперед»¹. Я получила его уже в Париже.

В декабре 1904 г. П. А. Красиков был послан Владимиром Ильичем в Париж для укрепления русской большевистской группы в качестве ее секретаря. Недели через две переехала в Париж и я. На первых порах Париж ошеломил меня. Огромный город с оживленной уличной жизнью, множество исторических памятников, музеи, Лувр, Люксембург, выставки живописи и скульптуры в Салоне... Все было ново и захватывающе интересно. Но скоро первые впечатления потусквели, и в громадном, многолюдном городе стало как-то пусто и тоскливо. Русская эмигрантская колония была немногочисленна. Из старших товарищей в Париже долгие годы жил товарищ Филатов, из молодых помню товарищей Бера, Инбера, Надю Шевелину, Рахиль Ривлин.

Здесь не было такого напряжения организационной борьбы, как в Женеве, и встречи с меньшевиками были реже. Но не было и того биения пульса русской революционной жизни, который так ощущался в Женеве; не было Ленина, к которому, как к центру, тянулись нити от партийных организаций России.

Связь с Женевой, то есть с заграничным центром, осуществлялась преимущественно через Марию Ильиничну. Она осведомляла нас о всех партийных новостях. Переписка с ней была оживленной. Она писала большие письма, сообщала сведения, получаемые из России, и о том, что делалось в Женеве, присылала литературу, в том числе брошюры, издаваемые женевским большевистским издательством, и газету «Вперед» для парижской группы и для отправки в Россию «в конвертах». Время от времени из Женевы приезжал кто-либо из товарищей, привозил литературу и картины (репродукции), в которые искусно были вклеены большевистские печатные издания для отправки их почтой в Россию. Все эти издания печатались в то время на очень тонкой, почти папиросной бумаге, что значительно облегчало отправку их в Россию. Приезжали в Париж Воровский,

---

¹ Из-за задержки набора первый номер газеты «Вперед» вышел в свет не 22 декабря (4 января) 1904 г., как указано в газете, а на два дня позднее. *Ред.*

Бонч-Бруевич, Луначарский, Эссен (Барон и его брат Бур) и др.

В одном из писем ко мне из Женевы в Париж в январе или феврале 1905 г. Мария Ильинична делилась сведениями о неважном положении в некоторых партийных организациях в России и выражала надежду, что «Вперед» изменит положение вещей на местах. Важно побольше отправить людей в Россию, писала Мария Ильинична, есть надежда получить деньги, но пока их нет.

«В Питере, слышно, был провал человек 17-ти меньшевиков. В Одессе дела обстоят недурно, там теперь Дяд-ка¹. Меньшевик там понаехало человек 14, между прочим и маленький мышонок в пенсне Д². Образована там агитгруппа в 8 человек — 4 меньшевика и 4 большевика, но, видимо, дело все больше идет к тому, что всюду будут образовываться, путем раскола, отдельные комитеты меньшевиков и большевиков.

Из местной жизни новости вот какие: в Женеве был реферат Мартова о либерализме и социализме страшно жалкий и бессодержательный, точно для гимназистов пятого класса читался. Всякая полемика и новые планы новой «Искры» в нем старательно были обойдены, так что Воинов³, собиравшийся говорить, при всем желании не мог этого сделать, так как не на что было возражать... Наша публика устроила ряд кружков: организационный, агитаторский, пропагандистский и технический. Дело идет живо, ведутся протоколы собраний. Пока интересно и плодотворно, не знаю, как дальше пойдет...»

Мария Ильинична выражала надежду, что мы хорошо поставим рассылку конвертов с литературой. «Это было бы очень важно, тем паче, что в других колониях это дело идет, как оказывается, очень плохо. Лейпциг, на который возлагались также большие надежды, рассылает главным образом «Искру» (!!). Лондон совсем молчит и т. д.». Далее Мария Ильинична просит сообщить все адреса, по которым рассылается большевистская литература из Парижа, и, если отмечается, то также что и куда разослано, обещает прислать и новые адреса, «только важно, чтобы они использовались...»⁴

Рассылать литературу в конвертах и бандеролью даже из такого большого города, как Париж, можно было лишь малыми дозами, по 1—2 пакета в день, во избежание провала их на границе. Сейчас трудно себе представить, какое значение имела систематическая, изо дня в день посылка «конвертов», а значит, и получение русскими партийными органами свежих по-

¹ Дяденька — Л. М. Книпович. Л. Ф.

² Так изображена на карикатуре Лепешинского «Как мыши kota хорошили» И. Г. Смидович-Леман (Димка). Л. Ф.

³ А. В. Луначарский. Л. Ф.

⁴ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 25, оп. 1, д. 135. Ред.

меров газеты с руководящими статьями Ленина. Этот «малый транспорт» был очень важной составной частью нашей работы в Париже. Выполняли мы ее добросовестно.

В наши обязанности входило также распространение большевистской литературы в политэмигрантской колонии, встречи и устройство приезжавших (чаще всего из Женевы) товарищей, организация платных вечеринок с буфетом, доход от которых поступал в партийную кассу, всегда скудную.

События 9 января всколыхнули всю эмигрантскую колонию. С нетерпением ждали мы все новых и новых вестей из России. Почти напролет гурьбой бродили по «Большим бульварам» Парижа, освещенным, как днем. Время от времени мы заходили в редакции газет в ожидании свежих телеграмм из России. Казалось, нельзя было расстаться с товарищами, нельзя было спокойно сидеть дома или спать. Еще сильнее потянуло в Россию.

Через несколько дней после 9 января мы присутствовали на митинге в Большом зале дворца Трокадеро, где выступил Жорес с речью, посвященной событиям 9 января. Зал, в котором помещалось до 10 тысяч человек, был битком набит. Жорес быстро ходил, почти бегал по эстраде, по французской манере ораторских выступлений он говорил с большим пафосом и нараспев, точно декламируя. Это было непривычно для русского слуха, но горячая речь наэлектризовала аудиторию, и, когда Жорес кончил, весь зал с воодушевлением в течение нескольких минут скандировал: «Assasin Nicolas! Assasin Nicolas!» («Убийца Николай!»). Впечатление получилось очень волнующее, но когда мы выходили из дворца, то увидели, что перед входом шпалерами была выстроена конная полиция. Французская конституция разрешала какой угодно шум и революционные речи в закрытых помещениях, но на улицах надо было вести себя пристойно... Спокойно, не торопясь, выходила на улицу десятитысячная толпа; расходились каждый по своим делам.

В течение нескольких дней мы на вечерах и концертах, обходя с кружками публику, производили сборы «в помощь жертвам 9 января». Каждое утро мы с нетерпением хватали свежие газеты, чтобы скорее узнать, что происходит в Питере. Расстрел безоружных рабочих, огромные цифры убитых и раненых — чудовищное злодеяние царских палачей потрясло нас. Мысли наши все время обращались к Женеве. Хотелось знать: как жевевские товарищи встретили вести из России? Как оценивал Владимир Ильич происходящие в России события? Что это? Начало революции?

Значительно позже Надежда Константиновна записала в своих воспоминаниях: «Весть о событиях 9-го января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александров-

ны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточенны. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны пути веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол и восстанет народ, великий, могучий, свободный...»

Мы зажили той своеобразной жизнью, какой жила в то время вся женевская эмиграция: от одного выпуска местной газеты «Трибунки» до другого.

Все мысли Ильича были прикованы к России»¹.

Через несколько дней мы с восторгом читали передовицу № 4 «Вперед». Сообщение и анализ происходящих событий в Петербурге в изложении Ленина звучали как революционная прокламация. Кто мог еще писать так, как Ленин? Никто!

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни... Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию»².

Передовица звала к немедленному вооружению всех граждан, к подготовке, организации и объединению всех революционных сил для борьбы с самодержавием.

С появлением и распространением большевистской газеты «Вперед» позиции большевиков в России все больше крепились. Яснее и понятнее становились местным комитетам идейные разногласия между большевиками и меньшевиками, которые меньшевики пытались смазать беспринципной склокой, дезорганизацией и дезинформацией русских комитетов. Меньшевики же теряли свои позиции шаг за шагом. Они кричали, что съезд обязательно приведет к расколу.

12 (25) марта 1905 г. примиренческий Центральный Комитет в России, учитывая положение в русских партийных организациях, все настойчивее требовавших созыва съезда, договорился с Бюро комитетов большинства и выпустил совместно с ним обращение «К партии», в котором сообщал, что они пришли к соглашению относительно совместной организации съезда. В последнем пункте этого соглашения говорится: «Опубликованную в № 89 «Искры» резолюцию Совета партии против

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 282—283. *Ред.*
² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201—202, 203. *Ред.*

созыва III партийного съезда ЦК и БКБ не признают основанием для приостановки работы по организации съезда». Это была полная моральная победа большевиков, победа партийности над кружковщиной.

Обращение ЦК и БКБ «К партии» было напечатано в № 13 «Вперед» 5 апреля 1905 г. и отдельным оттиском. Из письма Марии Ильиничны видно, как реагировали на это обращение Владимир Ильич и его ближайшие товарищи. Она писала:

«Как-то Вам нравится оттиск из 13 №? Вот-то неожиданный пассаж — правда? Кто мог этого ожидать?! Оставшиеся двое ЦК кооптировали двух примиренцев и двух (очень «паршивых», по словам русского товарища) меньшевиков, и, несмотря на это, *«резолуция Совета, напечатанная в 89 номере «Искры», не признается основанием для приостановки работы по организации съезда?!»* Наши все были немало аффрашированы¹ таким известием. Теперь возможны самые непредвиденные результаты съезда, пойдут на него, вероятно, все русские комитеты, пойдет, надо думать, и Совет — что же ему другое остается делать?! Положение сго глупо до невероятности, но без борьбы он едва ли захочет сдаться — придется, верно, в первую голову себя отлучать от партии, как он сердито грозился на тех, кто осмелится пойти на съезд. М-ки² здорово повесили носы, одни говорят: «Да, вы победили», другие откровенно заявляют: «Ну, что-нибудь еще придумаем!» Старейшие пока молчат.

Наши находятся в сильнейшей ажитации, отбились, конечно, от всяких занятий и все только судят да рдят, что-то будет. Ильич был совсем «бешен» (из текста к карикатуре Лепешинского «Как мыши kota хоронили», Л. Ф.). Первое время только хохотал целыми днями — всех взбаламутил, — давно я его таким не видела. Болотистых комитетов будет, вероятно, все же большинство, многое будет зависеть от состава делегатов, и что сулит нам судьба — Аллах ведает...»³

Владимир Ильич вел усиленную подготовку съезда, особенно интенсивно был он занят этим в марте и апреле 1905 г. Он выступает в Женеве по вопросам подготовки III съезда, пишет статьи в газету «Вперед», подготавливает резолюции съезда, посылает письма партийным комитетам в Россию о выдвижении кандидатов на съезд, предлагает пригласить на съезд как большевистские, так и меньшевистские комитеты, участвует в Женеве на заседаниях Организационного комитета по созыву III съезда. В то же время Владимир Ильич изучает и обдумывает технику уличной борьбы: в России развергивалась народная революция.

¹ — поражены, удивлены. *Ред.*

² Меньшевики. *Ред.*

³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 25, оп. 1, д. 361. *Ред.*

5 апреля Владимир Ильич пишет в Париж Красикову, который до своей поездки на съезд делегатом от Комитета заграничной организации должен был поехать в Льеж для выступления о подготовке съезда. Владимир Ильич советует ему «взять круговой билет на 45 дней Париж — Льеж и т. д. — Париж» и намечает линию поведения с делегатами: «Наша линия с делегатами должна быть сугубо мирная: нам «терять пехого, выигрываем же (при победе) все», у противников наоборот»¹.

25 апреля Владимир Ильич уезжает в Лондон на III съезд партии, имея мандаты с решающим голосом от Курского и Одесского комитетов²; Надежда Константиновна также уезжает на съезд делегатом с совещательным голосом.

Весной 1905 г., по-видимому, во время пребывания Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Лондоне, Мария Ильинична приехала в Париж. Я не помню, с чем была связана эта поездка и сколько времени Мария Ильинична пробыла в Париже. Запомнились только наши частые прогулки на кладбище Пер-Лашез, где мы подолгу сидели на холме против Стены коммунаров, у которой версальцы в 1871 г. расстреляли более полутора тысяч парижских рабочих, последних защитников Парижской коммуны. Мы делились своими самыми сокровенными мыслями и планами будущей работы. Мария Ильинична много рассказывала о Владимире Ильиче.

Вернувшись в Женеву, Владимир Ильич сделал instructивный доклад о III съезде партии и о конференции меньшевиков.

В начале июня Владимир Ильич приехал в Париж. Этому предшествовало его письмо ко мне следующего содержания:

«Сейчас послал Вам телеграмму. На всякий случай поясню, в чем дело. Меня вызвали в Париж по одному делу. Мне непременно хочется не терять поездки только из-за этого, а прочесть реферат. Тема: «Третий съезд и его решения». Содержание: параллельный разбор наших и меньшевистских решений: у них только что вышло извещение об их конференции, и я буду его разбирать. Могу читать только во *вторник* (я приеду в понедельник, но вечер у меня будет занят) и непременно должен кончить в один день. Если можно, снимите самый большой зал (где я читал против Струве — Филатов и др. знают) и оповестите *maximum* публики. Если еще не телеграфировали мне ясно своего ответа, то телеграфируйте завтра, чтобы я *точно* знал: сняли ли залу? Может быть, даже успеете написать мне *express*’ом (чтобы я получил не позже воскресенья утром),

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 28. *Ред.*

² Курский комитет послал мандат В. И. Ленину на тот случай, если делегат, посланный от курской организации, по не зависящим от него обстоятельствам на съезд не попадет. Но курский делегат на съезд прибыл, и В. И. Ленин представлял на III съезде только Одесский комитет. *Ред.*

но если что-либо важное сообщить надо, непременно телеграфируйте.

Сегодня читаю здесь то же.

Жму руку. Ваш *Ленин*

Tournez s'il vous plaît! ¹

Если бы, паче чаяния, оказалось, что нельзя читать реферата, то я бы, может быть, вовсе не приехал. Поэтому непременно ответьте» ².

Зал был спят, и доклад Владимира Ильича состоялся. Я не знаю, по какому делу, кроме доклада о III съезде, приезжал Владимир Ильич. Пробыл он в Париже в этот раз не меньше трех дней. Два свободных вечера он побывал в театрах. Первый раз по совету товарища Филатова, хорошо знавшего Париж, Владимир Ильич пошел на какую-то оперу в театр Grand Opera, но остался недоволен, проскучал. На другой день Владимир Ильич был в театре Folies Bergères. Я и Красиков были с ним вместе. Показывали коротенькие сценки легкого жанра. Запомнилась одна: «Ноги Парижа». Из-под опущенного до уровня колен занавеса видны были ноги проходящих по сцене людей разных профессий и общественного положения. Один за другим шли: рабочий, ламповщик, гризетка, священник, полисмен, мелкий лавочник, парижский денди и т. п. Ноги были так подчеркнута типичны, что нельзя было не узнать, кому они принадлежали, невольно рисовался весь облик данного лица. Это получалось очень смешно. Владимир Ильич хохотал так заразительно, как только он один умел, и хорошо отдохнул в этот вечер.

Вскоре после отъезда Владимира Ильича Красиков был послан в обезд по некоторым заграничным колониям с докладами о III съезде партии и конференции меньшевиков, а я вернулась в Женеву с намерением в ближайшее время выехать в Россию. И действительно, через некоторое время в Женеве мне вручили паспорт на имя Сарры Юдковны Дербариндикер, жительницы города Николаева. Паспорт был просрочен лет на пять, и на границе пришлось бы заплатить за него много денег. Но товарищи посоветовали мне дать первый попавшийся, вымышленный адрес в Николаеве, где я якобы живу, и заявить, что заплачу по приезде, когда буду менять паспорт для прописки.

В июле 1905 г. я выехала через Берлин в Россию, снабженная некоторой дозой нелегальной литературы. На границе пришлось пережить несколько тревожных минут. «Что-то будет, не подведет ли паспорт?» Но все обошлось благополучно, и я снова была на родине. После короткого свидания с родными в Пскове я приехала в революционный Питер.

Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., Политиздат, 1967, с. 5—31

¹ — Смотрите на обороте! *Ред.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 34—35. Ред.*

ЛЕНИН КАК РЕДАКТОР

С Владимиром Ильичем я познакомился осенью 1904 года. Дело было в отдельном зале швейцарской пивной на *Rout des asacias*, в предместье Женевы, где обычно собирались большевики, — своего конференц-зала у нас, понятно, не было. Вхожу, ищу глазами Ленина по описаниям товарищей... Вот он! Сидит в уголке; под электрической лампочкой блестит его огромный лоб; опершись локтем на стол, приставил ко лбу ладонь и поглядывает с усмешечкой на собирающихся, постукивая карандашом. Вот образ, навсегда запавший мне в душу. Будь я художником, хоть сейчас бы мог, как живым, нарисовать его.

Товарищи подходили к Владимиру Ильичу, запросто здоровались, беседовали. Скоро начался его доклад — реферат, как тогда говорили. Темы не помню. Но впечатление от первой встречи было неизгладимое.

— Вот это действительно *вождь партии* и вместе с тем такой *простой товарищ*, к которому можно пойти и выложить все, что есть на душе! — так говорил я себе.

В то время дезорганизаторы партии, меньшевики, благодаря измене Плеханова захватили в свои руки ЦО (Центральный орган партии) — «Искру». Получилось положение нетерпимое: подавляющее большинство партии — революционно-марксистское, большевистское, а ЦО — оппортунистический, меньшевистский.

Совет партии, также оказавшийся в руках меньшевиков, запретил большевистской литературной группе даже ставить название партии на изданиях группы.

Положение еще больше ухудшилось, когда (в июле 1904 года) большинство ЦК пошло на примирение с редакцией «Искры», с Советом партии и потребовало от Ленина прекращения борьбы против меньшевиков. Плеханов через третьих лиц «дружески» советовал Ленину «бежать от сраму в Америку».

Но не таков был Владимир Ильич, чтобы сдавать позиции, которые он считал принципиально правильными. Именно летом

1904 года он и решил поставить издание своего, большевистского органа.

Выходу нашей газеты предшествовало такое событие.

Однажды, в декабре 1904 года, созывается женевская группа большевиков, в которой тогда было человек двадцать пять. Владимир Ильич сообщает нам о предстоящем выходе газеты и представляет по очереди тут же присутствующих редакторов. Одного из них мы хорошо знали. Он всегда выступал на социал-демократических собраниях во время жарких схваток с меньшевиками от имени большевистской «галерки» — так называлась у нас большевистская «масса», в отличие от верхушки партии, которая тогда почти целиком в лице самых выдающихся лидеров оказалась в меньшевиках. Товарищ так и звался: *Галерка* — имя, мало говорящее теперешним партийцам. А был это один из старейших большевиков *М. С. Ольминский*. Других редакторов мы видели впервые. Это были специально вызванные Лениным за границу молодые большевики-литераторы.

— Товарищ *Шварц!* — провозглашает Владимир Ильич.

При этих словах поднимается и комически раскланивается перед нами молодой, худой и длинный товарищ в пенсне — *В. В. Воровский*. Затем мы знакомимся тем же порядком с *Воиновым* — *А. В. Луначарским* и с *Рядовым* — *А. Богдановым* (*А. А. Малиновским*)¹.

После этого Владимир Ильич развил программу нашего печатного органа и предложил назвать его «Вперед».

— Хорошее название, — сказал он.

Затем были зачитаны все статьи первого номера и открылась дискуссия. Группа, конечно, горячо приветствовала выход своей большевистской газеты. Название ее всем понравилось.

Товарищи наводили критику, делали замечания, высказывали пожелания.

Признаться, на нас, «галерку», такая внутривнутрипартийная демократия произвела очень сильное впечатление.

«Вот как с нами считаются! — думали мы. — Не то что «генералы» у меньшевиков».

Такое отношение к делу действительно ярко характеризовало Владимира Ильича как редактора. Он всегда очень дорожил мнением партийной массы. Ленинское отношение к организации партийного органа нашло прямое отражение и в редакционном извещении о выходе «Вперед». В этом извещении, между прочим, говорилось:

«Руководящий орган должен находиться в тесном общении с партией, в неразрывной связи с движением пролетариата, идя

¹ Богданов скоро уехал в Россию и вообще не являлся руководящим работником редакции. Не он вел нашу газету, а она его вела, как выразился о нем впоследствии Владимир Ильич. *В. К.* (Об этом см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 103. *Ред.*)

вперед, освещая путь, предостерегая от ложных шагов. Лишь как результат коллективного творчества партии, может он выполнить свое назначение»¹.

Партийный орган, как плод коллективного творчества партии, — вот замечательный принцип, лежавший в основе редакторской работы Владимира Ильича.

Организационно-редакторские функции в газете выполнял М. С. Ольминский. Через него я и приобщился постепенно к работе в партийной газете. Начал я с корректуры. Эту работу я очень ценил. Выход каждого номера был целым событием в партийной жизни. А будучи корректором, я задолго еще до выхода номера мог читать и «смаковать» все статьи «Вперед». Главное же — я мог часто видеть Владимира Ильича.

И вот однажды за правкой корректурного оттиска какой-то статьи втемяшилось мне в голову, что одно место в статье изложено плохо, неправильно изложено. Читаю, перечитываю: нет, положительно никуда не годное место! Волнуюсь, советуюсь с товарищами и, наконец, решаю:

— А пойду-ка я к Ленину и скажу!

Бегу, показываю, объясняю. Владимир Ильич посмотрел оттек, секунду подумал:

— Мы сейчас обсудим.

И скрылся в редакционной комнате.

Минуты показались мне вечностью. Но вот выходит Владимир Ильич с листком:

— Нет, мы решили оставить так, как есть.

Признаться, такое решение меня просто ошарашило. Настолько уверен я был в своей правоте и так позорно провалился со своей критикой! Я даже не попросил Владимира Ильича объяснить, как и что, повернулся и пошел...

Но подавленное состояние быстро прошло, сменилось совсем другим:

«А все-таки тебя *выслушали* и твое замечание *обсудили!* — с удовлетворением думал я. — И все так просто, по-хорошему!»

Такое внимание к последнему виптику в газетном аппарате очень характерно для Владимира Ильича. Оно всегда проявлялось в его редакторской работе.

* *
*

В качестве корректора, а впоследствии и выпускающего ЦО мне довелось близко познакомиться с Владимиром Ильичем как редактором. Я видел, как любил он эту работу, как высоко це-

---

¹ Извещение написано Луначарским, редактировано, конечно, Лениным. Первый номер «Вперед» вышел 22 декабря 1904 года (4 января 1905 года). В. К. (См. подстрочное примечание на с. 155 настоящего тома Ред.)

нил значение печати в борьбе партии за ее цели. Известно, что Владимир Ильич, будучи уже главой Советского государства, в анкетах на вопрос о профессии писал: «журналист», «литератор». С глубоким уважением относился сам Владимир Ильич к печатному слову и такого же отношения требовал от других.

Нечего и говорить, что прежде всего он требовал от автора основательного марксистского знакомства с освещаемым вопросом. Всезнайства Владимир Ильич терпеть не мог.

Второе его требование: умей излагать мысли своими собственными словами! Он искал в статье, в корреспонденции живую, свежую мысль, живое, яркое слово, искорку таланта, интересные факты. И если находил их, то уж не жалел ни труда, ни времени на обработку такой статьи, на беседу и переписку с автором ее.

Очень строгим редактором был Владимир Ильич, но отнюдь не придирчивым. Редактируя статью, он ограничивался минимумом безусловно необходимых поправок. Очень интересно в этом отношении его письмо по поводу одной брошюры Луначарского. Брошюра понравилась Владимиру Ильичу, хотя он и нашел в ней много неосторожно сформулированных мест, к которым могли придаться противники. Однако он не стал «ретушировать», «исправлять» рукопись.

«...Уже очень жаль стирать Ваши краски и портить живо написанную вещь», — писал он Луначарскому¹.

Однако, если было необходимо, Владимир Ильич требовал и многократной переделки статьи. Так было, например, со статьей того же Луначарского. Ему было поручено написать извещение об издании газеты «Вперед». Статья имела программный характер. Здесь были недопустимы хотя бы малейшие неточности. Автор должен был по замечаниям Владимира Ильича трижды ее перерабатывать.

Владимир Ильич всегда проявлял неослабное внимание ко всем мелочам газетной работы.

«Каждый номер ЦО, — пишет Надежда Константиновна, — продумывался до малейшей детали, до последней буквы».

Ясность, краткость, точность изложения, выразительность и точность заголовков, выбор шрифта, правка корректуры, выход газеты в срок — всему этому Владимир Ильич придавал огромное значение и лично следил за этим. Ни один «пустяк» не мог укрыться от его зоркого взгляда.

Владимир Ильич сам с карандашом в руке высчитывал, сколько букв влезет в номер тем или иным шрифтом, огорчался, что мало петиту, старался экономить как можно больше на полях, требовал, чтобы заголовок занимал поменьше места, выжимал досуха «воду» из статей.

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 121. *Ред.*

А как он сам правил материал! Несмотря на то что у него был мелкий, «бисерный» почерк, все его поправки, вставки, корректурные знаки всегда были написаны самым тщательным образом. Владимир Ильич относился с уважением к труду наборщика, переписчика, корректора, как ко всякому труду, и для него было просто немыслимо «черкануть» в рукописи такое словцо, такую строчку, которую потом часами разбирали бы со-трудники.

Я видел, с каким увлечением работал Владимир Ильич над письмами читателей. Сначала пробежит письмо быстро-быстро. Потом накроет листки рукою, посмотрит прямо перед собой, прищурившись, и, вероятно, решив, что это интересно, важно, начнет читать строку за строкой. А надо сказать, что в те времена приходилось читать материал, не перепечатанный на машинке, написанный нередко неразборчивым почерком рабочего.

Иное письмо так взволнует Владимира Ильича, что он встает и пройдет по комнате, говоря как бы про себя:

— Здорово! Вот это так!

Подойдет к столу, еще раз пробежит отдельные строки и, наконец, начинает писать.

Владимир Ильич старался сохранить своеобразный язык рабочего корреспондента, его манеру изложения, его подход к вопросу, своеобразие его аргументации.

— Как они умеют просто и хорошо писать! Вот бы нам так научиться! — говаривал Владимир Ильич. — Чем ближе к разговорному языку, тем лучше! Ничего, что автор подошел к вопросу с такой стороны, употребил такие выражения и аргументы, какие нам с вами никогда и в голову не пришли бы. Тем лучше, — лишь бы по существу было правильно!

Иногда Владимир Ильич прибавит словечко, вставит фразу, даст короткую концовку, — и вся корреспонденция сразу «заиграет», получит острую политическую направленность, обобщающую мысль.

О том, как работал Владимир Ильич над своими произведениями, сохранилось много документов. Обыкновенно написанию статьи предшествовал период обдумывания ее, когда она была еще «в чернильнице», по выражению Владимира Ильича. Нередко он набрасывал план или конспект работы. Среди рукописей Владимира Ильича немало таких, что написаны без единой помарки. Но он мог и целыми неделями работать над уже готовой рукописью. Правда, работа, которую я имею в виду, была первой большевистской брошюрой об империалистической войне и социализме, этой брошюре Владимир Ильич придавал особо важное значение ¹.

---

¹ Имеется в виду брошюра «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 307—350). *Ред.*

28 июля 1945 года Владимир Ильич сообщал мне:

«Брошюра у ж е написана в с я».

И в следующем письме:

«Повторяю, она вполне готовая лежит у меня. Пришлю к середине будущей недели, а если можно ускорить выход, то и неделя пришлю, по Вашей телеграмме».

И тем не менее вполне готовую брошюру Владимир Ильич держал у себя. Почему? Он хотел использовать каждый час для того, чтобы еще раз просмотреть ее, еще и еще раз обдумать, переделать в ней те или иные места. Только около половины августа Владимир Ильич отправил мне начало брошюры.

«В брошюру надо бы кое-что вставить и исправить», — писал он 16 августа¹.

В разное время он прислал три вставки, одно примечание и три приложения к брошюре. Кроме того, он требовал себе лично корректуру и вносил исправления. Вообще он очень беспокоился за брошюру, всячески торопил с ее выпуском и сам входил в такие мелочи, как шрифт подотделов книжки. В общем мы возились с этой небольшой книжкой с 21 июля до 11 октября, и за это время Владимир Ильич прислал мне по поводу нее одиннадцать писем.

* *

*

С моей корректорской работы я постепенно перешел, не бросая ее, на правку корреспонденций, потом на составление заметок и, наконец, на литературное сотрудничество.

Мысль написать статейку для нашей газеты преследовала меня днем и ночью. Я гнал ее прочь от себя. «Ты, конечно, писал прокламации, — говорил я самому себе, — а это ведь газета, и какая газета! Фактически — ЦО партии, в котором пишут лучшие наши литераторы и сам Ленин! Да ты что, с ума сошел?!»

Но я никак не мог отделаться от этой навязчивой идеи. Я начал писать — просто для себя, для себя, не для газеты! — статейку на злободневную тогда тему об эсерах, в которой старался отразить нашу тогдашнюю борьбу против этой партии. Писал и рвал и снова писал и постоянно носил в кармане испанные листочки.

И вот однажды я не удержался — перед началом собрания тайношвенно отвел Владимира Ильича в отгороженный при зале уголок и давай читать ему свою статью об эсерах!

Читал я с большим жаром, можно сказать, с трепетом душевным. Владимир Ильич внимательно слушал. Я листал страничку за страничкой.... Но тут неожиданно случилось что-то странное: я вдруг почувствовал, что мысли мои, казавшиеся

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 110, 113—114, 122. Ред.

мне такими ясными и логически последовательными, вовсе не так уж ясны и последовательны, что они ведут меня к каким-то новым, еще не продуманным вопросам, заводят в тупик... Жар мой стал постепенно спадать, и я остановился в смущении, с тревогой ожидая увидеть ироническую усмешку на лице моего терпеливого слушателя.

— Это все? — спросил он помолчав, совершенно серьезно.

— Нет... во... видите ли... тут у меня еще недоработано немало...

— А... Так обдумайте хорошенько тему. Пишите, пишите! У вас должно выйти!

Как ошпаренный, выскочил я с собрания. Мне было и стыдно — стыдно за то, что я совался к Ленину со своей никудышной работенкой, и хорошо-хорошо от того серьезного, ободряющего отношения, какое проявил ко мне Владимир Ильич.

Скоро в № 3 газеты «Вперед» появилась статья Ленина о проекте программы партии эсеров. Мне эта статья дала очень много. После нее я написал статью «Социалисты-революционеры за работой», которая была напечатана. Так я стал сотрудничать в газете «Вперед», а потом и в «Пролетарии», который начал выходить вместо «Вперед» по решению III съезда партии.

Я писал под псевдонимом «В. Калинин». И каждый раз Владимир Ильич, здороваясь со мной в редакции, неизменно употреблял именно этот псевдоним, а не мою партийную кличку, подчеркивая его особой интонацией:

— Ну, товарищ *Калинин*, что новенького написали?

И при этом поглядывал с усмешечкой: то ли слегка, по-дружески пронизировал, то ли хотел ободрить нового сотрудника: старайся, дескать, из тебя, может быть, еще толк выйдет!

* *

*

На литературной работе я получил возможность еще ближе узнать Владимира Ильича как редактора. И должен прямо сказать: такого внимания ко всем деталям редакторской работы и к самим работникам я не встречал ни у кого и никогда.

Для каждого сотрудника редакции Владимир Ильич был хорошим товарищем, всегда готовым помочь советом и указанием. Не могу забыть такого факта. В конце марта 1917 года Владимир Ильич послал мне из Цюриха в Женеву с обязательством срочного возврата копии своих статей — знаменитых «Пишем из далека» — «для осведомления, для спевки», как он сообщал.

Или вот, например, удивительнейшая история с газетными вырезками. По просьбе Владимира Ильича я послал ему вырезанные из женевской газеты, нашумевшие тогда статьи Ромена Роллана с просьбой вернуть их при случае (они необходимы

были мне для одной работы). Но вырезки почему-то долго не возвращались. Я напомнил о них и потом горько жалел об этом. Думая, что они потеряны, Владимир Ильич «страшно обеспокоился», просил проверить, не получил ли их кто-нибудь без меня, и собирался... знаете что сделать? — Купить мне соответствующие номера газеты, а если их нет в продаже, то списать лично в библиотеке копию для меня! Пришлось умолять Владимира Ильича, чтобы он не тратил своего драгоценного времени на столь неподходящее занятие. Неизвестно, чем кончилась бы эта история, если бы злополучные вырезки не нашлись. Об этом Владимир Ильич поспешил сообщить мне в таких словах:

«Ужасно рад, что нашлось и что я не оказался совсем свиньей перед Вами»¹.

* *
*

С 1912 года новый подъем революционного движения открыл некоторую возможность для легального издания партийных органов. Однако преследования большевистской печати со стороны царской власти продолжались. Отдельные партийные литераторы стали использовать в качестве «легальной трибуны» печать левой радикальной интеллигенции, которая охотно соглашалась помещать их статьи. Надо заметить, что левые издания имели тогда большой успех среди революционно настроенной части общества, особенно среди молодежи. В частности, журнал «Современник» был «модным» крайне «левым» органом, своего рода «знаменем» передовой интеллигенции.

Таким образом возник вопрос о допустимости участия членов партии в левобуржуазной печати. С таким вопросом я и обратился к Владимиру Ильичу. Он мне ответил так:

«Очень рад, что Вы не сочувствуете «Современнику»: это поганое предприятие блока двух сволочей, ликвидаторов и народников, мы будем ругать жестоко. (Г-н Станкевич звал меня; я ответил: «Будучи не согласен в основном, должен отказаться от сотрудничества»)»².

Не пожалел Владимир Ильич крепкого словца. Это случилось с ним, когда он был сильно раздосадован, когда надо было «перешибить» широко распространенное, но неправильное отношение к чему-либо. «Передовой», «революционный» журнал, «знамя»? Может быть, но с какой точки зрения? С партийной — это никакое не знамя, а «поганое предприятие»!

Как будто вопрос решен категорически в отрицательном духе? Не совсем так. Владимир Ильич продолжал:

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 143, 147. *Ред.*

² Там же, т. 48, с. 292. *Ред.*

«Конечно, из-за заработка иногда приходится всем нам работать в буржуазных изданиях! Но гг. Мартов и Дан учинили «демонстрацию»!! И Плеханов в этом позорном месте!»¹.

Таким образом, отрицательное отношение Владимира Ильича к сотрудничеству в левой буржуазной печати не означало запрещения вообще всякого участия членов партии в этой печати. Сотрудничество допустимо, но лишь в такой форме, в таких областях, в таких вопросах, чтобы оно не получало характера беспринципного блока с другими партиями, — вот как разрешал Владимир Ильич этот вопрос в то время.

Владимир Ильич обладал замечательным умением давать свои руководящие указания в простой, одному ему свойственной товарищеской форме, без малейшей тени какого-либо поучения, наставления. Ярким примером этому может служить следующий случай.

В 1912 году — Владимир Ильич жил тогда в Кракове — я обратился к нему с вопросом относительно участия социалистов в конгрессах буржуазных пацифистов. В тогдашней нашей литературе я не находил нужных мне указаний, а требовалось написать статью в легальную печать о происходившем тогда в Женеве конгрессе пацифистов. Замечу, что перед этим я побывал у Плеханова, который жил тогда в Женеве изолированно от эмигрантской массы, на положении, так сказать, «аристократа». Когда я звонил у двери богатой квартиры Плеханова, у меня было примерно такое чувство, какое испытывали, бывало, гимназисты, когда им доводилось зачем-либо пойти на квартиру к классному наставнику. Один из товарищей описывал в своих воспоминаниях, как у него даже дрожали колени во время разговора с Плехановым. Насчет колен я не могу сказать про себя ничего такого. Но, хотя Плеханов принял меня любезно и на разговор не поскупился, длинная, сухая, «официальная» какая-то беседа с ним совершенно не удовлетворила меня. Не нашел я у него, чего искал. Тогда я и обратился к Владимиру Ильичу.

От него скоро пришло коротенькое, простое и дружеское письмо. Он писал:

«Дорогой К.! За последними конгрессами мира я не следил. Про участие социалистов — и про оппортунистический характер его — слышал, но только *слыхал*»².

Как вам нравится такое начало? Прошу вдуматься. Вы, молодой писатель, обнаруживаете пробел в ваших знаниях, вы решаетесь обратиться за консультацией к самому знающему, авторитетному товарищу. И вдруг что же оказывается? Этот товарищ откровенно признается вам, что и он по данному вопросу

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 292—293. *Ред.*

² Там же, с. 95. *Ред.*

ничего не знает! Каким тонким психологом и великолепным педагогом проявил себя в данном случае Владимир Ильич!

И позвольте уж спросить: много ли найдется среди редакторов таких, кто не постеснялся бы открыто признать свою некомпетентность в том или ином вопросе?

Далее в том же коротком письме читаем:

«Я не возьмусь высказаться решительно по этому вопросу, не прочитав отчетов хотя по одному съезду. Вопрос сложный».

Какой поучительный пример! Изучи сначала первоисточники! Поработай да поработай, а потом уже берись за перо!

Вот, наконец, главные строки все из того же письма:

«Несомненно, что общий рост оппортунизма и «уравновешение» его сил с революционной социал-демократией в крупных странах рабочего движения (Германии) должно сказаться и здесь. Пусть Бебель дипломатничает с оппортунистами — ежели это надо (???), — а нам сие не пристало. Вот все, что пока могу сказать»¹.

Как коротко, скупо сказано! И вместе с тем в этих нескольких словах дана со всей четкостью и принципиальная установка и практическая директива. Оставалось лишь, пользуясь этими указаниями, проработать вопрос на конкретном материале.

Так была написана под руководством Владимира Ильича не одна статья, сыгравшая свою роль для партии.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. I, с. 321—330

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 96. *Ред.*

ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мне приходилось встречаться с Владимиром Ильичем начиная с 1904 года, когда я впервые попал за границу. Весной 1904 года мое знакомство с Владимиром Ильичем началось, когда я стал читать его речи в протоколах II съезда. Речи эти сразу же привлекли мое внимание и покорили меня своей логикой, ясностью и последовательной революционностью. Живую речь Владимира Ильича я услышал впервые на собрании, посвященном памяти Парижской коммуны, 9 (22) марта 1904 года, происходившем в одной из женевских зал (кажется, Handwerk на Plainpalais).

Председателем этого собрания был, помнится, т. Лепешинский. Как оратор, Владимир Ильич мне очень нравился простотой своей речи, отсутствием каких-либо искусственных приемов.

В то же время, весной 1904 года, Владимир Ильич вел кружок по изучению Устава партии. Помню хорошо, что Владимир Ильич, видимо, скучал в своей роли руководителя кружка. В мае 1904 года я поехал в Казань, нагруженный особо приготовленными альбомами, бюварями и пр. Картон, из которого были сделаны эти вещи, был склеен из множества тончайших листов нелегальной литературы. Домой ехал я определенным сторонником большевизма.

Еще раз попасть за границу мне удалось в марте — апреле 1905 года, после 8 месяцев работы в Казанском комитете РСДРП. В этот второй приезд я познакомился с Владимиром Ильичем уже лично, видался с ним несколько раз и имел с ним продолжительный разговор. В первой же беседе с ним я почувствовал сразу, что это совершенно необыкновенный, выдающийся, прямо гениальный человек. Мне в моей жизни никогда не приходилось встретить другого человека, равного ему по силе ума. Личное общение с Владимиром Ильичем, даже самый короткий разговор с ним давали всегда что-то новое, необыкновен-

ное, чего другим путем нельзя было получать так легко и просто.

Есть писатели, которые дают в своих произведениях все, что они вообще могут дать. Личное общение с такими людьми не прибавляет ничего нового. Владимир Ильич был больше своих литературных работ, несмотря на все богатство их содержания и их глубину. Затем необходимо отметить необычайную способность дать собеседнику за очень короткий разговор чрезвычайно много. Во время разговора он мне сказал, что считает ошибкой свой выход из редакции «Искры». И как-то само собой вышло, что он это говорил для того, чтобы я и все другие товарищи воспользовались его опытом и не повторяли раз уже сделанные ошибки.

По поводу полемики с Плехановым он сообщил интересную подробность, которая также имела практическое значение. Плеханов в своих полемических статьях прибегал к резкостям и обидным выпадам, чтобы разозлить противника. Владимир Ильич, смеясь, говорил, что он этот прием хорошо знает: цель этого приема состоит в том, чтобы заставить противника в злобе наговорить лишнего, написать в состоянии раздражения какие-нибудь глупости. После того как противник на такую удочку попался, — тут-то его и можно разделать.

Владимир Ильич говорил, что *пока* он решил молчать. Это было весной 1905 года. Стратегический план Владимира Ильича состоял в том, чтобы самих меньшевиков поймать в ту же самую ловушку. Это ему в значительной степени удавалось с помощью известных карикатур тов. П. Н. Лепешинского и брошюр Галерки (М. С. Ольминского).

Во время разговора, узнав, что я окончил юридический факультет Казанского университета, Владимир Ильич стал спрашивать о профессорах, читавших там еще в те времена, когда он в осенний семестр 1887 года был в Казанском университете. Некоторые из этих профессоров читали лекции еще и в начале 900-х годов¹.

Владимир Ильич вспомнил между прочим один случай в связи со студенческими беспорядками, происходившими в конце 1887 года. Он помнил один разговор с арестовавшим его приставом, который вез его на извозчике. Владимир Ильич так живо рассказал этот разговор, что он мне врезался в память. Видимо, приставу, судившему по наружности молодого студента, которому было тогда всего 17 лет, показалось, что этот молодой человек попал в историю случайно, благодаря «дурным» влияниям товарищей. Пристав заговорил: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, — ведь стена!». Ответ, однако, полу-

¹ Помнится, он вспоминал Н. П. Загоскина (профессор истории русского права), а также Рейнгарда — присяжного поверенного и редактора казанской газеты «Волжский вестник». В. А.

чился совершенно неожиданный: «Стена, да *гнилая*, — тщи и развалится!» — отвечал Владимир Ильич.

Во время нашего разговора, который был очень оживлен, удалось коснуться и некоторых интересовавших меня тогда теоретических вопросов, бывших для меня неясными. Несколько замечаний Владимира Ильича дали мне тогда чрезвычайно много.

Если чтение его речей, статей и брошюры «Что делать?» сразу же сделало меня его горячим сторонником, то после этого личного знакомства я был им совершенно очарован. Владимир Ильич обнаружил необычайную осведомленность в самых разнообразных областях, очень широкий круг интересов.

Узнав, что я ходил по Швейцарии пешком, руководясь Бедкером¹, Владимир Ильич очень сочувственно к этому отнесся. По его словам, такие пешие прогулки по новым местам доставляли ему громадное удовольствие. Он рассказал мне, как он, живя в Самаре, совершал так называемую «кругосветку» — путешествие по Волге в лодке вниз до конца Самарской луки, переправа с лодкой в речку, которая течет на север, сплав по ней до Волги, принимающей в себя эту речку у начала Жигулей, и возвращение обратно в Самару опять-таки вниз по течению.

После личного, более близкого знакомства с Владимиром Ильичем я стал видеть в нем не только гениального вождя, которому можно смело верить, который поведет правильным путем, — он стал для меня дорогим человеком, к которому я почувствовал неизменную личную привязанность, для которого я готов был выполнить все что угодно.

Позднее, летом 1905 года, когда мы, казанские партийные работники, всем комитетом читали его замечательную брошюру «Две тактики», мы все чувствовали, что нельзя более правильно, более последовательно и более талантливо защищать интересы развития революции, чем это делал Владимир Ильич. Он умел зажигать сердца всех, кому было дорого дело революции. Помнится, приблизительно около того же времени, летом 1905 года, как-то вечером, между несколькими товарищами был разговор о Владимире Ильиче: сможет ли он быть вождем победоносной революции? Тогда мы формулировали так: сможет ли он быть Робеспьером? В разговоре тогда принимал участие и Г. И. Крамольников. Помнится, что восторжествовало мнение, что, конечно, сможет и выполнит свою роль, вероятно, еще лучше. По крайней мере, таково было мое твердое убеждение.

Мне хотелось бы отметить вообще могучее влияние личности Владимира Ильича на всех, кто имел счастье лично столкнуться с ним. В 1911 году мне пришлось много ходить по Парижу вместе с одним молодым соромовским рабочим, товарищем Н., который, пройдя школу в Болонье, был пропитан бог-

¹ Имеется в виду путеводитель по Швейцарии, составителем которого был Карл Бедкер (Baedeker). *Ред.*

дановскими идеями и к Владимиру Ильичу относился несколько скептически. Меня с этим рабочим познакомила Надежда Константиновна, для того чтобы он вместе со мной мог осматривать Париж и его достопримечательности. И в Россию он должен был ехать вместе со мной, так как иностранными языками он не владел, а я как раз должен был возвращаться в Россию. В наших разговорах по вопросам философии и тактики тов. Н. не очень-то поддавался моим убеждениям, когда я старался доказать ему правоту Ленина и неправильность точки зрения Богданова.

Наконец наступил день отъезда, и мы условились, что встретимся на вокзале, куда тов. Н. должен был приехать прямо от Владимира Ильича, у которого должна была с ним быть беседа. Владимир Ильич должен был проверить, насколько он усвоил проработанные им материалы, и, кроме того, дать ему различные инструкции.

Уже сидя в вагоне, Н. много и восторженно говорил мне о том громадном впечатлении, которое произвело на него напутственное слово Владимира Ильича. В речи, длившейся около часа, Владимир Ильич успел развернуть перед Н. такие перспективы и дать ему столько, сколько тот не получил за весь курс, прослушанный им в школе, в Болонье. Так уверял меня сам Н., таковы были — почти буквально — его слова.

Владимир Ильич был такой сильной индивидуальностью, что влияние его не ограничивалось одной идейной стороной. Мне приходилось потом встречать много товарищей, которые как будто даже внешне становились похожими на Владимира Ильича, повторяя, видимо, невольно и безотчетно его жесты, его выражения, его интонации, вплоть до выражения глаз.

II

Следующий раз мне пришлось встретиться с Владимиром Ильичем в Швейцарии, в Женеве, в 1908 году, где я жил с 1906 года, отбывая высылку за границу. Весной 1908 года на лекции о Шекспире, которую читал лектор английского языка в Женевском университете m-r Mobbis и на которой присутствовал и я, сидя в одном из задних рядов, в зал вошел человек и сел рядом со мной. Это был Владимир Ильич, но я сразу его не узнал — он был без бороды. К концу лекции мы стали посматривать друг на друга, и Владимир Ильич заговорил со мной. Он припомнил наше знакомство. Нечего и говорить о том, как я обрадовался такой неожиданной встрече. Мы вышли на улицу, и я проводил его до квартиры.

Я задал ему вопрос, о чем он вспоминает с наибольшим удовольствием из всего того, что он делал в России в этот его проезд. Он рассказал мне, что огромное удовлетворение доставил ему один большой митинг, на котором ему удалось единствен-

ный раз выступить и где он провел свою резолюцию, разъяснив ее во всех подробностях, так что принята она была вполне сознательно, т. е. растолкована и разъяснена до конца. Его рассказ об этом митинге мне отчетливо врезался в память. Это, по-видимому, был митинг в доме графини Паниной.

Еще остался у меня в памяти рассказ Владимира Ильича о том, как его на Невском окружили четыре шпика и готовы были уже арестовать, но он все-таки от них ушел.

На мой вопрос, что он думает о будущем, когда наступит снова революция, Владимир Ильич отвечал, что «мужик сосет лапу», — когда он перестанет этим заниматься, тогда наступит революция. Владимир Ильич возмущался кадетами, которые, в сущности, дали царю заем, потому что — выступи они во Франции с решительным заявлением о том, что заем, совершенный без согласия Думы, не будет признан народным представительством, — тогда царь не получил бы французских денег помимо Думы.

Я должен был вскоре уехать в Россию, так как кончался срок моей высылки из пределов России. До отъезда я заходил несколько раз к Владимиру Ильичу. Он заставил меня написать подробные воспоминания о 1905 годе, об октябрьских днях и особенно о тех уроках, которые относились к вопросам о вооружении рабочих, о боевых дружинах, об организации восстания и о взятии власти.

В один из вечеров, когда я пришел к Владимиру Ильичу, он пригласил меня пойти в шпывую. Мы сели за столик, спросили себе пива и начали разговор. Владимир Ильич интересовался моими занятиями. Я тогда усердно изучал социологическую и историческую литературу и пытался самостоятельно выбраться из сетей юридической идеологии. Вдруг Владимир Ильич прервал разговор словами: «This man is suspicious»¹ и сделал незаметный жест в сторону некоего субъекта, только что подсевшего к нам, по-видимому, шпика. Мы немедленно встали и выпили.

Готовясь уезжать из Женевы, я ликвидировал все свое небольшое квартирное оборудование и был очень рад, когда Владимир Ильич выразил согласие, чтобы я поставил к нему мою книжную полку. Я ему отвез ее дня за два до моего отъезда из Женевы...

Мне удалось после этого попасть за границу только в январе 1911 года. Я поехал туда с наброском моей работы о государстве, в которой я старался преодолеть буржуазное идеологическое понимание государства. Мне хотелось посоветоваться об этой работе и выяснить ряд теоретических сомнений. В Берлине я был у Каутского, беседа с которым для разрешения моих воп-

¹ «Этот человек подозрителен». *Ред.*

росов решительно ничего не дала. Приехав в Париж, я прямо с вокзала отправился к Владимиру Ильичу на Rue Marie-Rose. Владимир Ильич встретил меня очень радушно, указал дом, где можно было поблизости поселиться. Я прожил с неделю в Париже. Несколько раз я был у Владимира Ильича, один вечер просидели довольно долго в разговорах. Владимир Ильич просмотрел мою рукопись и заинтересовался ею. Говоря о юристах, Владимир Ильич вспомнил удачное выражение Бебеля: «Juristen sind durchaus reaktionäre Leute»¹ и выражение Маркса: «Juristisch — also falsch»². Я этих выражений не знал. Последнее особенно мне понравилось, так как целиком подтверждало мои выводы.

Мне было тогда не вполне ясно все громадное историческое значение той как будто мелкой повседневной работы, которую вел тогда Владимир Ильич, т. е., вернее сказать, я понимал, что она чрезвычайно нужна, но мне было как-то обидно, что такая теоретическая сила, как Владимир Ильич, такой гениальный ум (я был увлечен его работой «Материализм и эмпириокритицизм», которая, по моему мнению, равняется по своему значению «Анти-Дюрингу»), мыслитель с таким образованием должен тратить свои силы и время на то, чтобы растолковывать такие вещи, спрavedливость которых можно было легко понять без особого напряжения ума, а именно: что в период реакции нелегальная организация должна быть сохранена во что бы то ни стало, несмотря ни на какие трудности, и что легальные возможности должны быть самым тщательным образом использованы для развития политического сознания масс и т. д. Когда я высказал Владимиру Ильичу свои соображения на эту тему, говоря, что ведь вот масса важных теоретических вопросов не разработана и что он должен заняться ими, Владимир Ильич ответил: «Может быть, вы и правы». Но я почувствовал, что иначе он поступать не может и что то дело, которое он делает, и есть самое важное и необходимое. Особенно ясно это стало впоследствии.

Перед отъездом моим в Лондон Владимир Ильич прямо строгогал меня своим заботливым отношением. Он дал мне множество полезных советов, начиная с того, что сообщил мне, что место хранения ручного багажа называется по-английски cloakroom, что ехать из Парижа в Лондон лучше всего через Boulogne — Folkestone, что в Лондоне мне придется сойти с поезда на вокзале Charing Cross Station и т. д. Он дал мне также адрес т. Литвинова (Папаши), который жил тогда в Лондоне.

На обратном пути в Россию, возвращаясь из Лондона, я снова недели две-три задержался в Париже. За это время я мог ви-

¹ «Юристы — крайне реакционные люди». *Ред.*

² «Юридически — значит фальшиво». *Ред.*

деть, с какой заботой Владимир Ильич относился к рабочим, приезжавшим за границу, как он следил за их занятиями, проверял их знания. Я выше уже рассказывал о сормовском рабочем Н.

При отъезде моем в Россию Владимир Ильич дал мне адрес В. Д. Бонч-Бруевича в Питере, для того чтобы он помог мне напечатать мою работу о государстве. Но тогда мне это сделать так и не удалось, я напечатал ее только в 1923 году в издании Социалистической академии.

При расставании Владимир Ильич дал мне, между прочим, полезный совет. Видя, что мои книги исписаны на полях иногда английскими фразами (я усиленно занимался тогда английским языком, стараясь им овладеть), Владимир Ильич, лукаво улыбаясь, заметил, что фразы эти имеют иногда своеобразную орфографию; он посоветовал мне делать различные заметки для памяти, выписки из резолюций и подобный материал, который нежелательно было бы показывать жандармам, по-английски, придавая им вид цитат из Диккенса, Теккерея или из Библии. Жандармы, действительно, на такие вещи не обращали внимания.

III

Зиму 1911/12 года я жил с семьей, женой и дочерью, в Берлине. Приезжая за границу, я всегда сообщал Владимиру Ильичу свой адрес; так же я сделал и в этот раз. В это время как раз тянулась история с деньгами нашего ЦК, которые очутились в руках «держателей» — германских социал-демократов, и именно в руках Каутского. И германские социал-демократы вообще, и в частности Каутский, совсем не разбираясь в русских делах, воображали тем не менее, что они призваны играть роль третейских судей. Владимир Ильич писал мне, что необходимо информировать Каутского, и предлагал мне взять на себя это дело. Он писал, что информация Каутского исходит от разного рода интриганов, которые, будучи сами политическими нулями, стараются играть роль и занимаются всевозможными интригами.

Я бывал раза два у Каутского, но мне было там не по себе. Там бывал Гильфердинг, имевший вид скорее банкира, чем революционера. Кроме того, я в то время не вполне еще владел немецким языком, чтобы выдержать конкуренцию с меньшевистскими информаторами Каутского. Я счел себя для этой роли неподходящим и написал об этом Владимиру Ильичу.

Однажды, когда меня не было дома, к нам позвонил Владимир Ильич. Жена, которая ему отперла, сначала его не узнала. Но когда он сел писать мне записку и она увидела подпись «Ленин», она стала упрашивать его остаться, говоря, что я буду прямо в отчаянии, если его не увижу. Тогда Владимир Ильич, улыбаясь, обещал обязательно зайти немного позднее.

Действительно, некоторое время спустя Владимир Ильич зашел снова. Я был уже дома. Оказалось, что он приехал, чтобы лично переговорить с Бебелем и Каутским. В тот же день ему это сделать не удалось и приходилось переночевать в Берлине. Я решительнейшим образом запротестовал против того, чтобы он шел в гостиницу, и он согласился переночевать у нас. Он расспрашивал меня о моей работе. Помню, как, перебирая мои книги, он очень заинтересовался двухтомным словарем Weigand'a «Deutsches Wörterbuch» (прекрасный словарь немецкого языка с множеством филологических и исторических сведений).

Вечером Владимир Ильич пошел смотреть драму в театре Рейнгардта, а затем переночевал у нас на диване (Ильич спал, закрывшись с головой пледом, причем около дивана стоял игрушечный деревянный щелкунчик с саблей наголо, поставленный там моей маленькой дочкой, которая заботилась, чтобы «Ленину не было скучно»).

Наутро после кофе Владимир Ильич пошел по делам, а днем у него было назначено свидание с тов. В. Слуцкой, которая должна была прийти ко мне. Владимир Ильич, вернувшись, раздраженно рассказывал, что Бебель принял его очень нелюбезно — «смотрел зверем», как выразился Владимир Ильич. По поводу Каутского Владимир Ильич отзывался весьма непочтительно и с возмущением говорил, что тот «суется» решать вопросы, абсолютно не будучи в состоянии разобраться в русских делах. Действительно, Каутский, совершенно не зная русского языка, не мог знать толком положения ни в России, ни в русской партии и был совсем некомпетентен, чтобы «соваться» со своими решениями.

Уехав из Берлина, Владимир Ильич решил предъявить Каутскому иск и взыскать с него деньги судом. Владимир Ильич письмом просил меня отыскать хорошего адвоката в Штутгарте — место издания журнала «Die Neue Zeit», редактировавшегося Каутским. У меня в Берлине никого знакомых из немцев не было, кроме самого Каутского. Тогда Владимир Ильич рекомендовал мне такой способ: подписаться на «Vossische Zeitung» — буржуазную газету, вроде старых «Русских ведомостей». У этой газеты есть, конечно, свой юрисконсульт из числа видных адвокатов; как подписчик газеты я получу право пойти к нему за советом, он отнесется ко мне не как к первому встречному с улицы и даст адрес хорошего адвоката в Штутгарте.

Я все это проделал, был у юрисконсульта «Фоссово́й газеты» и, действительно, после разговора с ним получил от него требующийся адрес, который немедленно и был мною сообщен Владимиру Ильичу. Воспользовался ли Владимир Ильич штутгартским адвокатом, я не помню. Помню только, что им была выпущена статья на немецком языке, напечатанная отдельной

листовкой, где излагались подробно все обстоятельства этого спора о деньгах.

Когда я весной 1912 года снова доехал в Россию, Владимир Ильич дал мне поручение непременно принять участие в выборах в IV Государственную думу и постараться провести депутата от рабочих, воспользовавшись тем, что в Казани выборщики — кадеты и черносотенцы — были почти одинаковы по численности. Попытка моя потерпела неудачу.

IV

Попав за границу летом 1914 года, я опять немедленно списался с Владимиром Ильичем, который тогда жил в Порошице. Меня интересовал тогда национальный вопрос, и, помнится, Владимир Ильич в своем письме рекомендовал мне брошюры Паннекука и Штрассера. Мне очень хотелось съездить к Владимиру Ильичу, но заставшая нас внезапно война помешала мне. Я на целых четыре года застрял в Германии в положении гражданского пленного вместе с женой и дочерью.

Только в августе 1918 года мне удалось вернуться в Россию, после того как приехала в Германию наша миссия. Я немедленно же написал Иоффе, прося его дать мне возможность вернуться в Россию, на время же до моего отъезда я выражал свою полную готовность, если это нужно, взять на себя обязанности консула в Мюнхене. За справкой обо мне я просил обратиться к Владимиру Ильичу.

Разрешение выехать с первым эшелоном русских гражданских пленных пришло скорее, чем выяснился вопрос, нужен ли в Мюнхене консул, и в первых числах августа я был уже в Москве.

По приезде я первым же долгом пошел к Владимиру Ильичу. Пришел я к нему около 4-х часов. Написал ему записку. Меня немедленно пропустили к нему. Он стоял в своем кабинете на стуле у карты Европейской России и рассматривал северную ее часть. Я не видал его с 1912 года. На мой взгляд, он несколько не изменился. Это был тот же веселый, милый, простой Владимир Ильич. Мы с ним поцеловались. Он меня усадил и, по-видимому, поразился моим истощенным видом. Он сказал, что получил запрос обо мне по поводу возможности назначения меня консулом в Мюнхене, на этот запрос он немедленно ответил согласием и рекомендовал меня как человека, ему известного, поэтому думал, что я получил уже это назначение. Вошел Я. М. Свердлов, которого я знал как т. Андрея еще по работе в Казани в 1905 году. Разговор зашел о Германии и о будущей германской революции. Я сообщил те факты, которые были мне известны. Настроение в Германии тогда начинало отдаленно напоминать настроение в России кануна 1905 года.

По состоянию своего здоровья, сильно надорванного систематическим голоданием в последние годы германского плена, я не мог заняться какой-либо работой, кроме чисто кабинетной. С Владимиром Ильичем мне приходилось встречаться только изредка.

Зиму 1919/20 года я провел в Казани. Владимир Ильич несколько раз справлялся о том, как я живу, не нужно ли мне чего-нибудь, просил писать ему, пересылая письма через военные власти. В письме от 6 апреля 1920 года Владимир Ильич писал:

«т. Адоратский!

Я передал тов. Ходоровскому, прося помочь Вам насчет пайка, дров и пр.

Он обещал это сделать.

Пишите мне с оказией (через военных лучше)

1) сделано ли что-либо для помощи Вам? пайком? дровами?

2) не надо ли еще чего?

3) можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?

Можно ли вообще собрать в Казани эти материалы? Могу ли я помочь?

Комплекты «Известий» и «Правды»? Многого не хватает?

Могу ли я помочь достать недостающее?

Прошу Вас написать мне, дать Ваш адрес.

Лучшие приветы!

Ваш Ленин¹.

Заваленный массой работы, Владимир Ильич находил время помнить о тех разговорах, которые мы с ним вели перед моим отъездом в Казань, и думать о том, как помочь товарищу и не нужно ли ему чего.

V

В августе 1920 года я был вызван в Москву, для того чтобы работать по собиранию материалов по истории Октябрьской революции. Приехав в Москву и не увидев Владимира Ильича около года, я, конечно, счел себя вправе пойти к нему. Он расспрашивал меня о работе, о моей жизни в Казани. Я рассказал ему между прочим, что весной 1920 года я провел с большим удовольствием в течение приблизительно месяца один созыв Губпартшколы, но что состав этой школы был несколько ниже созыва 1919 года, на котором я тоже читал лекции. Услышав об этом понижении уровня состава, Владимир Ильич сейчас же забеспокоился и просил меня через секретаря губкома выяснить причины этого.

Речь зашла у нас о переписке Маркса и Энгельса. Мне ее не удавалось до сих пор прочесть целиком, а я, конечно, ею очень

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 176. *Ред.*

интересовался. Владимир Ильич стал развивать мне план работы, которую, по его словам, необходимо было произвести возможно скорее. «Бebelь и Бернштейн,— говорил Владимир Ильич,— похоронили богатейшее наследство Маркса и Энгельса в четырех толстых томах, которые будут читать только ученые дураки, вроде нас с Вами». Необходимо сделать выборку важнейшего, сделать это доступным широким кругам рабочих, сделать так, чтобы действительно подлинного Маркса читали. Такой относительно небольшой сборник необходимо перевести на европейские языки, потому что Маркса на Западе знают, может быть, еще меньше, чем у нас, в России. По словам Владимира Ильича, «Критика Готской программы» во Франции, например, совсем неизвестна.

Я, конечно, с восторгом согласился заняться этой предложенной мне работой. Владимир Ильич поспешно пошел к себе на квартиру и вернулся оттуда с четырьмя томами переписки. Кроме того, он дал мне еще различной литературы и разрешил пользоваться его библиотекой. Он хотел мне дать также свои заметки, оставшиеся у него еще от 1913 года, когда он впервые читал все четыре тома переписки, но тетрадка эта не находилась. Она все же потом нашлась, и Владимир Ильич прислал мне ее, когда у меня все уже письма были прочитаны. Я все тщательно пересмотрел снова. Целый ряд замечаний в его тетради мной был использован. Переписав себе все заметки Владимира Ильича, я вернул ему его тетрадь¹.

Вначале и Владимиру Ильичу и мне казалось, что всю работу можно будет выполнить очень быстро, месяца в три. Но прошел год после первого нашего разговора, а я подготовил только еще сырой материал. Правда, все отрывки, выбранные мной, были уже переведены, но все в целом нуждалось еще в серьезной проработке. Владимир Ильич, интересовавшийся все время моей работой, писал после беглого просмотра всего материала в письме 2 августа 1921 года:

«На письма мог лишь взглянуть. Конечно, придется Вам еще сильно сократить, связать, разместить, 2 и 3 раза обдумать, потом *кратко* комментировать. Работы, видимо, больше, чем казалось сначала.

Порядок (пожалуй, Вы правы) хронологический едва ли не удобнее»².

Это обдумывание два и три раза и комментирование заняло у меня всю зиму 1921/22 года. Ускорить эту работу я не мог, потому что был занят еще и другими делами.

---

¹ Тетрадь В. И. Ленин, содержащая материалы четырехтомного издания переписки Маркса и Энгельса, была издана Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1959 г. отдельной книгой под заглавием «Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»». *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 87. *Ред.*

В апреле 1922 года я получил от Владимира Ильича записку, где он писал следующее:

«Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду. Черкните, как Ваши дела. В частности, черкните насчет писем Маркса. (Я уеду на много недель; может быть, «забэту» о сем передать т. Каменеву, если он согласится?) Надо это дело двигать и довести до конца.

Ваш Ленин»¹.

Когда я получил эту записку, у меня сжалось сердце, я почувствовал, что положение Владимира Ильича серьезно. В ответе ему я писал, что работа по письмам Маркса у меня все время идет и что до конца я ее доведу во что бы то ни стало, но, к сожалению, целиком заняться этим делом не позволяют обстоятельства. В ответе Владимир Ильич писал между прочим:

«Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело. Выберите *важнейшее*. Примечания должны быть кратки, ясны, точны (+ сопоставлять отзывы Маркса с *такими-то «авторитетными» буржуазными учеными-реакционерами*).

Привет! Ваш Ленин»².

В конце апреля Владимир Ильич как-то вызвал меня к себе. Он, одетый, лежал в постели и читал. Это было вскоре после операции. Владимир Ильич начал расспрашивать меня о работе, причем интересовался мельчайшими подробностями: каковы условия, в каких я живу, могу ли работать дома или в библиотеке и т. д. Узнав, что я сдал в печать рукопись моей книжки «Программа по основным вопросам марксизма», Владимир Ильич без моего ведома произвел нажим, и благодаря этому книжка была очень быстро отпечатана.

В последний раз я видел Владимира Ильича в конце 1922 года, когда он, вернувшись было к работе, снова почувствовал себя плохо и по предписанию врачей должен был ослабить напряженность своих занятий. Владимир Ильич позвонил как-то вечером ко мне по телефону и позвал зайти к нему. Он сидел у себя в кабинете. Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса. Владимир Ильич заглянул в него и смеялся по поводу помещенного в конце вводной статьи письма Энгельса Марксу, где Энгельс советует Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл.

Владимир Ильич выглядел бодрым и оживленным, но все же с грустью сказал мне, что теперь он инвалид и не может уже заниматься работой вплотную. Я не хотел думать, что вижу его в последний раз...

Адоратский В. В. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина. М., 1933, с. 61—75

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 228—229. Ред.

² Там же, с. 234. Ред.

В ОГНЕ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЖИЗНЬ В ЖЕНЕВЕ. ЗНАКОМСТВО С ТОВ. ЛЕНИНЫМ

Швейцарская таможня и пограничная охрана никаких неприятностей мне не преподнесли. У меня не спросили ни паспорта, ни имени, ни какой я национальности и только полюбопытствовали, не везу ли я при себе много папирос или табаку. Очевидно, просто в фискальных интересах.

И вот я в Женеве¹, в той самой Женеве, в которой организовалась первая группа российской рабочей партии (группа «Освобождение труда»), где были заложены основы русской марксистской школы и вспыхнула «Искра», долженствовавшая вызвать пламя революционного пожара в огромной стране буржуазно-помещичьего произвола; я — в Женеве, в которой живет едко-остроумный, глубоко образованный Плеханов, так много поспособствовавший тому, что я и многие другие товарищи стали марксистами, и еще мало знакомый, но странно привлекательный, мощно притягивающий к себе своей энергией, революционной страстностью, огромным умом и безграничной верой в рабочий класс — Ленин.

Было еще не поздно, и я прямо с вокзала со своим скромным багажом отправился на Rue de Carouge, знаменитую «Каружку», на которой и в районе которой по преимуществу ютились русские политические эмигранты. Первый встреченный мною русский — а их нетрудно было узнать по обличью, костюму и манере держать себя — указал мне, где найти большевистскую столовую и библиотеку-читальню, нечто вроде большевистского клуба. Там меня встретили очень радушно, и я, кажется, в тот же день познакомился с тов. Ольминским, памфлеты которого под псевдонимом «Галерка» я хорошо знал и высоко ценил; познакомился с товарищем Бонч-Бруевичем и его на редкость милой женой В. Величкиной, позже — с Луначарскими, Воровским, Бранденбургским, Ильиным, Кнунянцем (Радиным) и другими товарищами. Мне помогли дешево и удобно устроиться.

¹ М. Васильев-Южин приехал из России в Женеву в конце марта 1905 г. *Ред.*

На следующий день я отправился к Владимиру Ильичу. Как и большинство, вероятно, товарищей, знавших Ильича только по его литературным трудам, речам на втором съезде партии и полемическим выступлениям, я представлял себе его наружность совсем иной, чем было в действительности. Мне казалось, что он должен быть высоким брюнетом с живыми, непременно черными глазами и мощной фигурой. Та сила и страстность, которыми, как электричеством, были насыщены каждая написанная им строка, каждая высказанная мысль, невольно материализовались в такую же огненную и могучую внешность их автора. К моему удивлению, меня встретил коренастый рыжеватый человек среднего роста, с лицом монгольского типа, с добродушно-насмешливой улыбкой на губах и в хитро прищуренных светло-карих глазах. Эти умные, живые, пронизательные глаза и большая, характерная, уже тогда лысая, голова с огромным лбом сразу приковывали к себе внимание, но лукавая усмешка, искрящаяся в прищуренных глазах, вынуждала вместе с тем подтягиваться и держаться настороже.

«Хитрый мужик!» — невольно подумал я.

Встретил меня Владимир Ильич с обычным для него радушьем, теплотой и товарищеской простотой.

Сначала он спросил меня, что делается в Петербурге и как я перебрался через границу. Когда я рассказывал ему о своих мытарствах и приключениях, он, явно сочувствуя моим переживаниям, вместе с тем весело и заразительно — «по-ильичевски» — хохотал, особенно когда я передал свой разговор с немецкими жандармами.

— Следовало бы все это записать и послать в «Vorwärts», — посоветовал он.

А затем начались расспросы про события в Баку и о положении дел вообще на Кавказе. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, время от времени задавая вопросы, чтобы получить особенно интересовавшие его сведения. Ответов он добивался ясных и точных, по возможности — с цифровыми данными. Наша беседа продолжалась довольно долго. Кажется, в этот же раз я познакомился и с Надеждой Константиновной, доброе лицо и внимательное, сердечное отношение которой привлекало к ней всех после первой же встречи.

— Хорошо, — сказал при прощании Ильич, — вам непременно нужно сделать доклад о бакинских событиях в эмигрантской колонии, сначала здесь, а потом и в других городах Швейцарии. Может быть, устроим поездку в Париж. Кроме того, извольте писать во «Вперед». Темы пока выбирайте сами, но было бы хорошо заняться периодическим обзором стачечного и революционного движения в России. Русская легальная пресса дает теперь много материала об этом движении.

Ушел я от Ленина уже с твердым убеждением, что это действительно крупнейший человек и настоящий политический вождь.

Мне очень хотелось познакомиться лично и поговорить о некоторых теоретических, очень интересовавших меня вопросах с Г. В. Плехановым, которого, несмотря на некорректное его поведение по отношению к большевикам после второго съезда партии, я очень любил и ценил как чрезвычайно талантливого марксиста-публициста, марксиста-философа, как своего первоначального учителя, наконец. Но его в это время не было почему-то в Женеве. Женевские товарищи старались охладить мой пыл, предупреждая, что Плеханов очень часто держит себя в отношении молодых товарищей как важный генерал и большой барин. Мне рассказали даже следующий, по моему мнению, анекдот, хотя меня уверяли, что это правда.

С Плехановым познакомили недавно приехавшего из России молодого социал-демократа, очень словоохотливого, который в разговоре с ним то и дело повторял:

— Товарищ Плеханов! Товарищ Плеханов!..

Плеханов некоторое время слушал его, а затем неожиданно и насмешливо оборвал:

— Заметьте и запомните, молодой человек, следующее: товарищ министра — министру товарищ, но министр товарищу министра — отнюдь не товарищ!..

Если это и анекдот, то весьма характерный; о Ленине подобных анекдотов даже сочинить никто, вплоть до самых озлобленных меньшевиков, не решился бы.

Через несколько дней я выступил с докладом о бакинских событиях¹ перед многочисленными эмигрантами и русскими студентами, учившимися в Женеве. В своем докладе мне пришлось коснуться также отношений между большевиками и меньшевиками в Баку, и я резко отозвался о действиях меньшевистских лидеров, особенно Ильи Шендрикова. Меньшевики подняли дикий вой, некоторые бросились на меня с кулаками — одним словом, устроили мне шумный скандал. Особенно неистовствовал известный меньшевик (бывший «экономист») Мартынов, позже ставший коммунистом, а также Исув, с которым мы впоследствии довольно мирно сотрудничали в Московском Федеративном Совете и в Совете рабочих депутатов. Нужно заметить, что в это время большевиками готовился третий съезд партии и меньшевики были вообще крайне озлоблены против нас.

Уже после Октябрьской революции я как-то встретился с одним из бывших меньшевиков, принимавших деятельное участие в обструкции против меня.

---

¹ Речь идет о стачке бакинских рабочих в декабре 1904 года. *Ред.*

— А ведь вы были тогда правы! Илья Шендриков действительно оказался мерзавцем, находившимся в сношениях с царским правительством,— напомнил он мне мое женевское столкновение с меньшевиками.

Владимир Ильич, узнав об этом устроенном меньшевиками скандале и полагая, что я очень огорчен им, поспешил на следующий день выразить мне свое сочувствие и сожаление, но, увидя, что я отношусь к событиям спокойно и со смехом, сам стал смеяться над истерикой меньшевиков, расспрашивая о подробностях инцидента.

Свой доклад я повторил затем в Цюрихе и Берне, где он прошел без всяких осложнений.

Я с жадностью набросился на книги, которых оказалось довольно много в нашей женевской библиотеке. Огромное большинство их в то время в России почти невозможно было достать. Дни и ночи просиживал я над этими книгами, удивляясь, как это товарищи, давно или постоянно жившие в Женеве, не ценят такие сокровища, находившиеся в их распоряжении. А я скоро убедился, что многие из заграничных товарищей, и не только студенты, но и эмигранты, были удивительно невежественны по самым основным вопросам политики и экономики. Убедился я в этом, занимаясь с кружком, образованным из женевских товарищей.

Заезжали в Женеву некоторые из товарищей, избранных на третий съезд партии, вспыхивали горячие споры по боевым вопросам момента. Я тогда познакомился с Землячкой (Р. С. Залкинд) и А. А. Богдановым. Небольшая группа меньшевиков, избранных на съезд, в Лондон не поехала и осталась в Женеве, где меньшевики устроили свою конференцию, громко, по обыкновению мелкобуржуазных революционеров, назвав ее «Первой общерусской конференцией партийных работников».

В первый раз я был свидетелем «свободного» празднования дня Первого мая. С утра по городу стали проходить рабочие процессии с многочисленными красными знаменами и флагами. Гремели оркестры, и по крайней мере на четырех языках распевался гимн «Интернационал», который в России знали тогда еще очень немногие. У нас преимущественно пели тогда рабочую марсельезу «Отречемся от старого мира» и т. д. Женеве — интернациональный город, там довольно много рабочих не только французов, но также итальянцев и немцев, а русская колония, как я уже говорил, была в Женеве очень значительная по численности. Мы, конечно, вышли тоже со своим знаменем. Пение «Интернационала» на разных языках производило особенно внушительное впечатление. Но слишком уж мирный, почти обывательский характер празднования боевого рабочего дня — дня смотра революционных рабочих сил совершенно не удовлетворил меня. Спокойно и чинно двигалась процессия:

принарядившиеся полицейские и жандармы, правда в несколько усиленном составе, козыряли красным знаменам, а на балконах и у открытых окон стояли сытые буржуа, самодовольно и спокойно посмеиваясь и разглядывая рабочую демонстрацию.

Вспомнились празднования этого дня там, в далекой России... Разве посмели бы у нас буржуа и чиновники так благодушно глазеть на рабочую демонстрацию? Нет, они трусливо захлопнули бы окна и крепко-накрепко заперли бы двери и ворота. И с обнаженными пашками, с поднятыми нагайками выскочили бы из засады казаки и жандармы, и полетели бы камни, затрещали бы выстрелы! И брызнула бы кровь, горячая рабочая кровь!.. А все-таки у нас было бесконечно лучше, ярче, ценнее, чем это вот хилое демонстрирование собственного бессилия перед лицом наглого, уверенного в себе и своей безопасности классового врага.

Вечером в закрытом помещении состоялось торжественное собрание русских социал-демократов. Выступали с речами ораторы от меньшевиков, бундовцев и большевиков. От имени последних по поручению нашей женевской организации говорил я, ибо Ильич выехал уже в Лондон на партийный съезд. Даже общий праздник не мог заглушить нашей взаимной розни.

Большевики и меньшевики держались отдельными группами. Я начал уже тосковать по России, где неудержимо и бурно продолжала развиваться борьба, настоящая борьба со свирепыми классовыми врагами. Чтобы отдохнуть от местных дрызг, я внимательно следил за развитием этой борьбы и стал помещать сначала в нашей газете «Вперед», а затем, после третьего съезда партии, в газете «Пролетарий» обзоры этой борьбы под заглавиями «Рабочие и самодержавие», «Рабочий класс и его враги» и т. п. Но этого было, конечно, мало. Меня неудержимо тянуло назад в Россию, хотелось самому принять участие в горячих схватках, вмешаться в самую гущу жизни и борьбы. И не раз просил я Владимира Ильича отправить меня поскорее обратно в Россию. Рвались обратно и другие товарищи, которым также до тошноты опротивели заграничные дрызги, склоки и болтовня.

Я решительно примкнул к большевистской фракции в 1903 году, как только разобрался в сущности разногласий, вспыхнувших на втором съезде партии, но настоящим твердоканонным большевиком, большевиком на всю жизнь, я стал только в Женеве, близко ознакомившись с учением, взглядами и тактикой Ленина не только по его литературным трудам и полемическим статьям, но и по живым, непосредственным беседам с ним, по его выступлениям на враждебных и дружеских собраниях, по его жизни, по его поступкам, отношению к врагам и друзьям, к рабочему классу и к враждебным или чуждым

классам. Какой это был уже тогда огромный, ясный, кипучий и удивительно логический ум, сочетавшийся с могучей волей, настойчивостью и последовательностью во всем, что он начинал! Какой непоколебимой верой в рабочий класс и его историческую миссию был пропитан он уже тогда!

Живо помню его доклад на совместном собрании большевиков и меньшевиков в Женеве после третьего съезда и меньшевистской конференции. Меньшевики в Женеве было значительно больше, чем нас. Первым делал доклад Мартов. Меньшевики встретили его громкими аплодисментами, похлопывая часто и во время речи, ибо Мартов явно волновался и ему необходимо было сочувствие аудитории. Сутулясь и непрерывно куря, он вяло и длинно, глухим и слегка хриплым голосом защищал якобы марксистские резолюции меньшевистской конференции и критиковал «якобинские» резолюции третьего съезда.

Я посмотрел на Ильича. Он сидел на эстраде в противоположной от докладчика стороне, облокотившись на стол и прикрывая ладонью свой большой характерный лоб и глаза. Лицо его было спокойно и внимательно. Только временами по губам пробегала ироническая усмешка.

Но вот Мартов закончил свою тягуче-унылую речь. Гром аплодисментов со стороны меньшевиков. К кафедре подходит с несколькими листками в руках Владимир Ильич. В своей речи он стал сравнивать резолюции, принятые третьим съездом партии, с резолюциями по тем же вопросам меньшевистской конференции. Подробно отметив ясность, точность, последовательность и революционно-классовую выдержанность резолюций съезда, он с такой всеокрушающей критикой обрушился на половинчатые, туманные и трусливые резолюции меньшевиков, с такой иронией и сарказмом высмеивал их, что присутствовавшие меньшевики буквально корчились и бесновались от бесильной злобы и... вместе с тем невольно восхищались необычайной логичностью и силой доводов Ильича. Моментами некоторые из них аплодировали Владимиру Ильичу вместе с нами. Тут я впервые особенно близко наблюдал общеизвестную способность Владимира Ильича необыкновенно просто излагать самые сложные вопросы, почти гипнотизировать слушателей своей могучей логикой, самих наталкивать на определенные и ясные выводы.

«Вот то, что и я думал», — казалось в результате каждому слушателю...

А революционные события в России развертывались своим чередом. Меня неудержимо тянуло туда. Неожиданно приехала в Женеву моя жена, которой бакинская охранка буквально не давала покоя, устроив за ней назойливую слежку. Не зная ни одного иностранного языка, она с большим трудом добралась до Женевы. А недели через две я вернулся в Россию.

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН». МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Легко себе представить, какую сенсацию произвела за границей, особенно в среде эмигрантов, весть о восстании на броненосце «Потемкин Таврический». Известие о нем пришло, разумеется, с некоторым запозданием, многое было передано неверно, перепутано, извращено, преувеличено, но мы поняли и почувствовали, что вспыхнуло действительно серьезное вооруженное восстание, первое настоящее восстание.

Хотелось верить, что оно увенчается успехом, что его поддержит вся угнетенная, рвущая вековые оковы Россия, поддержит в первую очередь героический пролетариат, уже проявивший в борьбе свою беспредельную самоотверженность, уже получивший великое крещение огнем и кровью. И снова неудержимо потянуло назад в Россию. В нашем кружке вопрос о возвращении был главной темой разговоров, обсуждался ежедневно и на разные лады.

Я решил обратиться еще раз к самому Ильичу с просьбой отправить меня немедленно в Россию на какую угодно работу. И вдруг мне передают, что Владимир Ильич сам ищет меня по очень важному и срочному делу. Немедленно собираюсь идти к нему, но он предупредил меня и зашел сам или встретил меня на дороге — точно не помню. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу, — начал Ильич.

Я вспыхнул от радости:

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлеклся. В таком состоянии я раньше никогда не

видел его. Особенно меня поразили и, каюсь, очень удивили тогда дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Далее необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, — уверенно и твердо повторил он.

Впоследствии я убедился, что Владимир Ильич был во многом прав и верно оценивал положение. Но тогда, в Женеве, у меня такой уверенности не было. Года за три до того я жил в районе Одессы и несколько знал тамошние условия и обстановку. Настоящих рабочих-пролетариев в торговой Одессе было сравнительно немного, а херсонские крестьяне, особенно вблизи Одессы, представляли собой далеко не надежный в революционном отношении элемент. На легкое завоевание Черноморского флота я тоже не рассчитывал. Но я вполне разделял мнение Ильича, что нужно было действовать решительно, смело и быстро. Восстание «Потемкина» необходимо было использовать всемерно. Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессу, направиться с «Потемкиным» к кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Наконец, крестьяне Гурии (грузинская провинция) и других ближайших районов были настроены чрезвычайно революционно и шли за социал-демократами. Правда, там орудовали преимущественно меньшевики, но грузинские крестьяне, находившиеся, собственно, еще в крепостной зависимости у своих князей, по моему мнению, легко и охотно поддержали бы восстание. Мне казалось, что Батум как революционная база был наиболее надежным районом на всем черноморском побережье.

Я, разумеется, повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич еще раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно необходимо заручиться активной поддержкой крестьян.

— Пусть они захватывают помещичьи, церковные и другие земли. Призывайте и помогайте им делать это.

Я всецело был согласен с такой политикой и тактикой в отношении крестьян, но все-таки напомнил Владимиру Ильичу только что принятую на III съезде партии резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению». В этой резолюции говорилось только, что «социал-демократия ставит своей задачей са-

мую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель»¹. *О призыве к революционному захвату этих земель в ней ничего не говорилось.*

— Ваше предложение, Владимир Ильич, идет дальше этой резолюции. Я с ним целиком согласен. Но является ли оно общей директивой при агитации среди крестьян? И есть ли это директива Центрального Комитета?

Владимир Ильич ответил не сразу. Он немного подумал, а потом сказал более осторожно:

— Нет, такой общей директивы Центральный Комитет пока не дает. Все зависит от общей ситуации, а также от условий и обстановки в каждом данном случае. В Одессе сейчас такая обстановка, когда нужно поднять на борьбу все революционные силы.

Я передаю, разумеется, не дословно, а лишь приблизительно мой разговор на эту тему с Владимиром Ильичем, но за сущность, за содержание его я ручаюсь. Порученное мне дело было слишком серьезно, и я на всю жизнь запомнил все сопровождавшие его обстоятельства. Мы сердечно простились с Владимиром Ильичем; я обещал аккуратно и подробно извещать его о ходе событий. Обещал прислать за ним в Румынию не только миноносец, а даже крейсер или броненосец, если восстание окажется действительно победоносным.

Теперь мы все прекрасно понимаем, какое огромное, можно сказать, решающее значение имел и имеет для пролетарской революции дружный союз рабочих и крестьян. В эпоху революции 1905 года это было далеко не ясным даже для многих большевиков. У западноевропейской социал-демократии с давних пор сложилось весьма скептическое отношение к крестьянству. Российские социал-демократы, с одной стороны, следуя в этом вопросе за своими западноевропейскими товарищами, с другой — в пылу полемики с народниками, «боготворившими» крестьянство и отводившими ему главную роль в социалистической революции, тоже недооценили политическое и революционное значение крестьянства. Несмотря на то что беспощадно разоряемые и эксплуатируемые крестьяне еще в 1901—1902 годах весьма энергично напомнили о себе бурными аграрными волнениями, второй съезд нашей партии в следующем, 1903 году принял весьма умеренную, чтобы не сказать резче, аграрную программу, сулившую крестьянам лишь возвращение из помещичьего владения «отрезков», захваченных при освобождении крестьян от крепостной зависимости. Социалисты-революцио-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, т. 1. М., 1970, с. 117. *Ред.*

неры, как известно, весьма демагогически использовали эти «отрезки» и приобрели на них за счет социал-демократов. большой капитал популярности не только среди крестьян, но и среди многочисленных рабочих; не порвавших еще с землей и деревней.

Теперь нам известно, что тов. Ленин еще в 1902 году предлагал ввести в аграрную часть программы партии требование национализации земли. К сожалению, его предложение не прошло. Но уже с 1904 года он стал все настойчивее говорить и писать о крупной роли, которую должны сыграть русские крестьяне в предстоящей революции, а в 1905 году он уже ребром поставил вопрос о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». И главным образом по настоянию Владимира Ильича третий съезд партии вынес вышеуказанную резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению». Конечно, и эта резолюция была еще недостаточно решительна. Нужно было не только «поддерживать» крестьян в их стремлении захватить всю землю, а призывать к такому захвату, как мы сделали это впоследствии — в 1917 году. Однако и эта резолюция была огромным шагом вперед. Уже в конце 1905 года В. И. Ленин предложил сделать следующий шаг, т. е. изменить нашу аграрную программу, выставив требование национализации земли. По вопросу же о диктатуре пролетариата и крестьянства между большевиками (главным образом Лениным) и меньшевиками немедленно загорелась ожесточенная полемика. История на деле показала, кто был прав.

Продолжаю мое повествование. На следующий же день после предложения со стороны Владимира Ильича я выехал курьерским поездом через Австрию в Россию. Для безопасности меня снабдили настоящим заграничным паспортом, выданным на имя какого-то генеральского сына (фамилию забыл). С этим паспортом я мог спокойно и открыто перебраться через границу. Для прописки же и проживания в России мы соорудили, кажется с Ильичем, очень примитивную фальшивку на имя рыбийского мещанина Михаила Андреевича Конкина. Действительно, пограничные жандармы предупредительно козыряли мне, принимая меня, очевидно, за подлинного генеральского сына. Мои вещи подверглись самому поверхностному осмотру.

Я опять в России! С радостью и волнением сажусь в вагон поезда, направляющегося в Одессу. Осторожно спрашиваю спутников, что происходит в Одессе. Никто толком не знает. Говорят о каких-то расстрелах и пожарах, об обстреле «Потемкиным» города из орудий. Ладно, скоро узнаю все в точности на месте.

В Одессу я приехал, к сожалению, ночью. Искать нелегальные квартиры по данным мне адресам было и рискованно и просто невозможно. Волей-неволей мне пришлось остановиться в

гостинице и дать для прописки свою фальшивку. В городе было введено военное положение, однако моя фальшивка прошла совершенно благополучно; без всяких сомнений ее прописали, и я затем довольно долго пользовался ею как видом на жительство.

На следующий день я связался с нашей одесской организацией. Хорошо помню, что встречался и говорил с тов. Емельяном Ярославским. Других одесситов сейчас припомнить не могу.

Выяснилось, что я опоздал. Броненосец «Потемкин» уже ушел из Одесского порта, а в Одессе вместо восстания вспыхнул пьяный погром.

Как мне передавали (за историческую точность не ручаюсь), дело происходило приблизительно так. В Черноморском флоте давно уже велась успешная пропаганда и агитация. Особенно много распропагандированных матросов находилось на броненосце «Екатерина Вторая», на который и возлагались главные надежды во время готовившегося восстания. Предстояли летние практические занятия эскадры. Она собралась в плавание и на маневры, погрузив значительное количество боевых снарядов. Перед плаванием вся эскадра собиралась обыкновенно у маленького островка Тендер. На этот раз первым отправился к острову броненосец «Кн. Потемкин», остальная же эскадра задержалась в Севастополе.

Матросы «Потемкина» давно ненавидели своего командира Голикова и других офицеров за исключительно жестокое обращение и крайне бесцеремонное обворовывание команды. В первый же день плавания матросам приготовили обед из тухлого, кишящего червями мяса. Матросы стали выражать недовольство и заявили протест. Офицеры набросились на них с грубой бранью и угрозами, а командир Голиков убил выстрелом из револьвера популярного среди матросов протестанта Вакуленчука. Матросы под предводительством Матюшенко и других более сознательных товарищей схватились за винтовки и в течение нескольких минут перебили и выбросили за борт офицеров. Для управления восставшим судном был выбран комитет во главе с Матюшенко. Броненосец снялся с якоря и направился в Одессу.

Прибыв в Одессу, команда «Потемкина» обратилась к «господам одесситам» с воззванием, в котором изложила, что произошло на броненосце, и призывала одесское население поддерживать их. Одновременно была послана делегация к местным властям с требованием не препятствовать похоронам убитого матроса и с предупреждением, что броненосец немедленно обстреляет город, если будут чиниться препятствия или задержат делегацию. И действительно, когда полиция по приказу градоначальника попыталась задержать делегатов, броненосец дал несколько выстрелов. Я сам видел брешь на одном из зданий в

центре города. К сожалению, вследствие, по-видимому, измены прицел был взят неправильно и снаряды попали не в правительственные здания. Однако задержанных делегатов немедленно освободили.

Затем устроили демонстративные похороны убитого матроса Вакуленчука. С речами выступали матросы и представители местных революционных организаций. Были речи, были споры, слишком много речей и споров, но, очевидно, слишком мало было действий, решительных революционных действий. А между тем нужно было прежде всего действовать, и именно тем способом, который указывал, который намечал мне В. И. Ленин. Он оказался прав даже относительно возможности перехода на сторону «Потемкина» остального Черноморского флота.

Адмирал Чухнин выслал против «Потемкина» целую эскадру. Не помню теперь, был ли при эскадре сам Чухнин. Узнав об этом, «Потемкин» смело вышел навстречу идущему на него флоту. В ответ на требование о сдаче он выкинул боевой флаг, приготовил орудия и продолжал двигаться вперед. Вдруг от эскадры отделяется броненосец «Георгий Победоносец» и, выкинув красный флаг, присоединяется к «Потемкину!» Еще два небольших судна следуют его примеру. С некоторых судов остальной эскадры слышатся крики «ура», несутся горячие приветствия. Адмирал сигнализирует флоту команду повернуть назад. Весьма вероятно, что и другие суда, а может быть, и вся эскадра присоединилась бы к восставшим броненосцам, если бы они бросились преследовать отступающую эскадру, поддерживая своими решительными действиями колеблющихся. «Смелость, еще раз смелость, всегда смелость!» (*De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace!*) — повторял когда-то великий мастер революции Дантон.

Но смелости, решительности и находчивости не было проявлено до конца. «Потемкин» и «Георгий Победоносец» дали спокойно отступить расстроенной, волновавшейся эскадре, а сами направились в злосчастный Одесский порт. Между тем одесская полиция не дремала. Она мобилизовала и подпоила подонки одесских босяков, которых в этом торговом городе всегда было много. В районе порта начались грабежи и погромы, кончившиеся грандиозным пожаром порта.

Я приехал к концу пожара. Портовые постройки еще дымилась. В порту «Потемкина» уже не было и стоял на якоре один «Георгий Победоносец». Оказывается, на этом броненосце матросы только арестовали, а не уничтожили командный состав. Среди матросов было много колеблющихся. Нерешительные действия, вернее, бездействие восставших броненосцев и пожар в Одесском порту усилили эти колебания. Арестованные офицеры со своей стороны стали агитировать за сдачу, обещая исходатайствовать полное помилование добровольно сдавшимся.

Матросы «Георгия Победоносца» решили сдаться. Тогда «Потемкин» снялся с якоря и вышел в открытое море.

— Куда же он направился и что намерен предпринять? — попытывался я у одесских товарищей.

Мне ответили, что броненосец, видимо, пошел к кавказскому побережью, а каковы его планы, толком сказать никто не мог. У меня мелькнула надежда, что, может быть, «Потемкин» сам догадался попытаться счастья у Батума, куда я предполагал в случае неудачи в Одессе направить его. Я узнал пароль, дававший возможность попасть на броненосец, и с первым же пароходом отправился на Кавказ. Но уже в Новороссийске я узнал, что «Потемкин» повернул на запад, к берегам Румынии. Как известно, в Румынии команда неудачно восставшего броненосца, этой «плавающей республики», высадилась на берег, сдав судно румынским властям. Так кончилось это первое вооруженное восстание 1905 года.

Я написал В. И. Ленину о постигшей нас неудаче, а сам решил направиться в Москву, не без оснований полагая, что одним из главных центров революционного движения в ближайшее время должна стать Москва и вообще Центральный промышленный район. Московский пролетариат принимал пока очень слабое участие в революционном движении, но, что он в конце концов раскачается и двинет всей своей тяжелой массой, было несомненно для всякого революционера, знающего пролетариат.

Мои расчеты и надежды оказались правильными. В Москве началась октябрьская забастовка 1905 года, в Москве же организовалось крупнейшее вооруженное восстание 1905 года — историческое Декабрьское восстание.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ
В 1905 ГОДУ

Всякий раз, когда ко мне обращаются с просьбой сообщить что-нибудь из моих воспоминаний о Ленине, я испытываю гнетущую тоску. Я не могу простить себе, что как-то, в каком-то порядке, хотя бы самом конспиративном (поскольку дело идет о временах, небезопасных для записей), я не вел какого-то дневника, не делал каких-то заметок, которые помогли бы позднее моей памяти.

Огромное количество интереснейших личных переговоров, всякого рода заседаний и коллективных работ, при которых я очень близко наблюдал Ленина, всякого рода событий, участниками которых мы так или иначе являлись вместе, что позволяло мне наблюдать совершение им его исторической задачи, прошли, оставив во мне лишь бледный след, иногда даже не поддающийся хронологическому определению.

Постараюсь вкратце поделиться с читателями тем важнейшим, что сохранилось в моей памяти об участии Ленина в событиях 1905 года,— известным не из литературы, а по свидетельству моих собственных глаз и ушей.

Из великих событий 1905 года за границей я пережил в близости к Ленину 9 января. Недавно я уже написал небольшую статью о великом 1905 году¹, где я более или менее подробно описываю впечатления, произведенные на редакцию «Вперед» и окружавших ее большевиков известием о 9 января, отклики Ленина на эти грандиозные события и посещение Ленина и всей редакции «Вперед» Гапоном в сопровождении Рутенберга.

К этому я не возвращаюсь. Не останавливаюсь также на III партийном съезде. В личных и живых сношениях моих с Лениным наступил потом довольно длительный перерыв. Вскоре после возвращения нашего из Лондона, где происходил

---

¹ Имеется в виду статья А. В. Луначарского «9 января и ленинская эмиграция», опубликованная в «Красной газете» 22 января 1927 г. *Ред.*

съезд, в Женеву я с разрешения редакции поехал в Италию ввиду страшного переутомления от большой политической работы по подготовке к созыву съезда и по объезде всех эмигрантских колоний со всякого рода докладами и диспутами и в связи с вообще покачнувшемся здоровьем. Поселился я во Флоренции и оттуда вел только переписку с редакцией, иногда получая личные письма или заказы статей от Владимира Ильича, чаще — от других членов редакции, в особенности от Воровского.

Уже во Флоренции застали меня бурные события осени. В конце октября или в самом начале ноября я получил категорическую телеграмму от Ленина из Петербурга о немедленном выезде моем в Россию, именно в Петербург, где я нужен был в качестве члена редакции большой газеты «Новая жизнь», которая возникла, как известно, под редакторством Минского и Горького и была предоставлена в распоряжение большевистского центра.

Я, конечно, немедленно выехал и в первый же день после приезда в Петербург явился в редакцию.

Первое время мои непосредственные встречи с Лениным происходили почти исключительно на почве интенсивной работы в газете. Владимир Ильич чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении. Но от него, конечно, не ускользала опасность положения, значительная шаткость добытых завоеваний.

В тогдашнем Петербургском Совете Ленин непосредственно не работал, но руководил работой входивших в состав Совета большевиков — Постолюковского, Кнунянца и Богданова, с которыми поддерживал постоянный контакт.

Владимир Ильич вел, конечно, очень разностороннюю и кипучую работу, так как и Петербург, и Москва, и целый ряд провинциальных городов жили интенсивнейшей жизнью между революционной встряской и грядущей реакцией, часто обливаясь кровью и загораясь пожарами черносотенных погромов и с трепетом прислушиваясь к слухам о судьбе Восточной армии, которую правительство старалось рассосать, чтобы ее откатывающаяся лавина не соединилась с расходившимися волнами рабочей революции и крестьянских бунтов.

У меня лично тоже было очень много работы, и литературной и пропагандистской, но по отношению к огромным граням тогдашней деятельности Ленина моя работа приходила в соприкосновение — первое время, повторяю, — только в газетной работе.

Владимир Ильич придавал «Новой жизни» большое значение. Надо вспомнить, что эта большая легальная газета расходилась более чем в 50 тысячах экземпляров. Такого тиража большевики до тех пор никогда не имели. Газета сперва была

крайне странно скроена. Рядом с нами, большевиками, там работало большое количество непосредственных друзей Минского, поэтов с декадентским вкусом, анархистов из кафе и всякой богемы, считавшей себя «необыкновенно крайне левой» и находившей союз с большевиками делом весьма пикантным.

Большевицкая часть редакции, однако, скоро пришла к совершенно ясному пониманию того, что запрячь «большевицкого коня» в одну колесницу с полудекадентской «трепетной ланью» никак «не можно». В результате произошел ряд конфликтов.

Я должен отметить, что Владимир Ильич по отношению к Минскому и даже всяким относительно мелким интеллигентским сошкам, попавшим в «Новую жизнь», вел себя с чрезвычайным тактом и предупредительностью. Вместе с тем он весело хохотал над разными выходками отдельных наших сотрудников, столь необычными для нас, и повторял часто:

— Это же действительно исторический курьез!

Впрочем, как раз вскоре после того, как мы закончили внутреннюю чистку «Новой жизни», эта газета, приобретшая чрезвычайно большое количество подписчиков и читателей и начавшая играть очень большую роль не только в Петербурге, но и в стране, была закрыта.

Тут уже наступили сумерки нашей работы. Впоследствии, отнюдь не желая остаться без печатного органа, мы стали заменять одну газету другой¹, вернее, одно заглавие другим, причем каждое из них недолго оставалось в заголовке нашего легального центрального органа.

Владимир Ильич все время продолжал оставаться главным редактором и по-прежнему с величайшим вниманием следил за всеми отделами. Как в «Новой жизни», так долгое время и в этих небольших, сменявших друг друга газетках я вел отдел обзора печати, и не было ни одной самой маленькой моей заметки или вырезки, которая не была бы просмотрена Владимиром Ильичем. В большинстве случаев весь материал, кроме телеграмм, хроники и т. д., зачитывался вслух на редакционном совещании под руководством Ленина. Он и сам также читал нам свои статьи и чрезвычайно охотно выслушивал всякие замечания и советы.

Ленин вообще очень любил коллективную работу в самом подлинном смысле этого слова, т. е. выработку формулировок на основе некоего черновика, путем непосредственной работы многих голов.

---

¹ «Новая жизнь» была закрыта 3 (16) декабря 1905 г.; первой большевицкой газетой в Петербурге в 1906 г. была «Волна», выходившая с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня); ее сменила газета «Вперед» — с 26 мая (8 июня) по 14 (27) июня, затем «Эхо» — с 22 июня (5 июля) по 7 (20) июля 1906 г. *Ред.*

Конечно, редакция газеты была вместе с тем пунктом, куда сходилась наибольшее количество самых разнообразных новостей и откуда легче всего было обозревать поле брани.

В течение всего этого времени Ленин был, конечно, мозгом и сердцем этих газет, и, работая, как прежде во «Вперед» и «Пролетарии», с большой интенсивностью, коллективно и дружно, мы испытывали огромное наслаждение от этого всегда живого, находчивого, пламенеющего руководства. Умение вдруг сопоставить несколько фактов, казавшихся очень разнородными, отдаленными друг от друга, поразительная быстрота ориентирования, меткость формулировок — вот что поражало нас в нашем вожде. И это было сдобрено непередаваемым, очаровательным лукавством по отношению к противнику (ко всем противникам, а их было много, и они были разнообразны).

Я уже сказал, что в первое время мое соприкосновение с Лениным ограничивалось работой в газетах. Но это было только в первое время. Дальше наступили некоторые события, которые позволили мне соприкоснуться с работой Ленина и в других областях.

По причинам главным образом конспиративного характера Владимир Ильич в продолжение всего 1905 года избегал широких публичных выступлений, что не мешало ему выступать достаточно часто на закрытых собраниях партийного характера, хотя бы довольно многочисленных. Единственным его открытым выступлением перед широкой публикой была энергичная политическая речь, произнесенная им 9 (22) мая 1906 года на митинге в доме графини Паниной под псевдонимом Карпов. Я на этом собрании не был и говорю об этом со слов присутствовавших товарищей. Они рассказывали, что по залу с молниеносной быстротой разнеслось, что этот никому не ведомый Карпов не кто иной, как знаменитый Ленин. Поэтому Владимиру Ильичу был принят несмолкаемой овацией. Его речь беспрестанно прерывалась громкими аплодисментами, и такой же бесконечной овацией его проводили.

Влияние Ленина и большевиков было очень велико. Оно усиливалось крупным резонатором, каким являлись в их руках легальные газеты. Однако надо прямо сказать, что рабочий класс не был в это время сколько-нибудь четко организован, несмотря на наличие Петербургского Совета и целого ряда Советов провинциальных. Равным образом и партия имела еще весьма хрупкий аппарат. Поэтому события шли в гораздо большей мере самотеком, чем, скажем, при подготовке Октябрьской революции и в особенности после Октября, когда уже ясно чувствовалось, что партийный механизм является руководящим и что гигантская революционная стихия чем дальше, тем больше повинуетя рулю.

Между тем события шли с огромной быстротой. Неодно-

кратно Ленин указывал нам на то, что революция находится в величайшей опасности. Как всякий знает из публичных его выступлений, статей и т. д., Ленин придавал уже в то время огромное значение вовлечению в революцию крестьянских масс в деревнях и солдат армии, в особенности рассасывавшейся в то время Восточной армии.

Большевики вели линию на прочный союз рабочих и крестьян и на осуществление тогдашнего лозунга, который давался Лениным: «Революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства».

3 (16) декабря весь первый состав Петербургского Совета был арестован. Этот арест чрезвычайно встревожил всех, в том числе, конечно, и Ленина. Уже тогда я помню глубоко озабоченный вид Ленина, его встревоженные речи.

Как известно, Декабрьское восстание, осуждавшееся меньшевиками (Плехановым, например), находило в большевиках и их вожде самое полное сочувствие. Ленин считал вполне правомерной и вполне естественной эту попытку перед лицом наступления правительства перевести движение в более высокую форму. Я помню те бесконечно тревожные и сумрачные дни. Не всегда вовремя приходили вести из Москвы. Ленин с жадностью глотал каждую строку приходивших сообщений, каждое слово приезжавших оттуда товарищей.

Большевистский аппарат в Петербурге под руководством Ленина сделал все от него зависящее, чтобы помочь московскому восстанию, по крайней мере по прекращению сообщения между Петербургом и Москвой. От этого в то время многое зависело.

Я не был непосредственным участником тех выделенных большевиками групп, которые должны были употребить все усилия для организации забастовки на Николаевской железной дороге или во всяком случае для разбора пути. Волнения на дороге были огромные, путь разбирался, но силы наши оказались недостаточными. Семеповцы перекатили в Москву и предприняли разгром героических рабочих Красной Пресни.

После закрытия «Новой жизни» и «Начала» была сделана попытка создания общей социал-демократической газеты, которую назвали «Северным голосом». Одновременно с этим начались длительные переговоры между большевистским и меньшевистским центром по вопросу об объединении.

Вот тут-то я часто стал встречать Ленина и наблюдал его в этой фазе развития нашей партии как тактика и стратега боев внутри РСДРП. Я хорошо помню эти собрания. Они обыкновенно имели место в частных квартирах. В них участвовало человек 25—30. Большевики колебались, боялись решительных обещаний, старались удержать возможно большую полноту самостоятельности. Я помню, что товарищ Мартынов угощал нас

невероятно длинными речами, часто затягивавшими и запутывавшими самые простые вопросы.

На большинстве этих собраний председательствовал я, но линию нашей партии вел почти исключительно Ленин. Он только время от времени поручал кому-нибудь отдельные выступления или заявления, большей частью П. П. Румянцеву. Главным же образом борьбу с меньшевиками вел он.

Проходило собрание за собранием, и дело долго не двигалось вперед. Часто после собраний мы собирались в одном ресторанчике и обсуждали создавшееся положение. Некоторые из нас (в том числе Румянцев и я), считая очень важным как можно скорее прийти к соглашению, готовы были идти на некоторые уступки. Но Ленин заранее поставленные рамки возможного соглашения ни за что не хотел изменить ни на йоту. Кроме того, он требовал от меньшевиков обязательной подписи на маленьких документиках (бумажечках, которые он сам составлял). Они казались насмешливыми набросанными в сравнении с теми, по всем правилам составленными, длинными резолюциями с оговорками и оговорочками, которые предлагали нам меньшевики.

В коротких и определенных выражениях меньшевики ставились перед дилеммой: либо сорвать переговоры и обнаружить плохо спрятанные оппортунистические рожки, либо идти за большевиками.

Я хорошо помню, что, несмотря на общую серьезность положения (ведь все это происходило в обстановке Декабрьского восстания) и несмотря на большое напряжение, с которым шли эти переговоры, Ленин бывал постоянно бодр. Я тогда видел его смех, который потом описал Рансом,— смех, вытекавший, по моему, из глубокой уверенности в правильности своего анализа событий и неизбежности победы. Владея истиной данного времени, видя перед собой далекие перспективы, Ленин находил, конечно, смешными все блуждания и ошибки меньшевиков и вообще своих менее зорких современников. На этих собраниях к определенному заключению мы не пришли. Подготовлен был только материал для соглашения. Потом созданный таким образом материал подвергался обсуждению на отдельных конференциях: на конференции большевиков в Таммерфорсе и на меньшевистской конференции в Петербурге.

В результате, как известно, возник объединенный Центральный Комитет и объединенная редакция центрального органа, в которую Ленин вместе с Базаровым и Воровским направили и меня.

Почти непосредственно вслед за этим неудача Декабрьского восстания опять изменила политическую ситуацию. Сперва большевистский центр (и в первую очередь сам Ленин) не считал московскую победу правительства фактом столь решитель-

ным, чтобы менять основную тактику партии и пролетариата. Наоборот, Ленин стоял на точке зрения необходимости продолжать боевой характер нашей борьбы. Если не ошибаюсь, на Васильевском острове произошло то большое партийное большевистское собрание, на котором Ленин впервые выступил с речью о необходимости партизанской войны против правительства, об организации пятерок и десятков, которые в виде героических групп дезорганизовали бы жизнь государства и давали бы таким образом разрозненным строем гигантский арьергардный бой, перебрасывая его как мост к новому подъему революции. Этой речью он произвел на собравшихся огромное впечатление.

Я помню, мы возвращались с одного собрания как раз с Базаровым и Воровским. Мы были в большом восхищении от твердой веры вождя в то, что революция продолжается, несмотря ни на что, и от его стремления перевести значительную часть всей работы партии на боевые рельсы.

Само собой разумеется, меньшевикам не осталась безызвестна речь Ленина. Они отнеслись к ней с самым решительным осуждением. Они увидели в этом переход к бланкизму, приступ отчаяния разбитых, но упрямых революционеров.

В дальнейшем по мере упрочения реакции бывали моменты, когда раздосадованные необходимостью отступления, полные революционного пыла рабочие и старые революционеры на различных собраниях и конференциях делились чуть не пополам между старой тактикой, недавно еще провозглашенной самим Лениным, и новым курсом, который он стал постепенно брать,— курсом на сохранение нелегальной партии во всей ее неприкосновенности и в то же время на необходимость использовать все легальные возможности, остатки свободы думской трибуны и т. д. в целях подготовки нового наступления, новой революции.

Часть из нас, продолжавших находиться под впечатлением революционных событий, не сумевших вовремя понять необходимость радикального изменения тактики, к которому обязывали события и которое было намечено Лениным, пошли тем ложным путем, который некоторых из нас вывел потом за пределы нашей партии, а других заставил вернуться в нее с повинной головой и признать всю мудрость ленинской тактики.

Что касается меньшевиков, то они лияли, каялись в своих революционных увлечениях, теряли веру в революционные возможности. Среди них уже начали чумными пятнами выступать те самые цвета предательства, в которые потом оделось их ликвидаторское крыло, заразившее постепенно своим крайним оппортунизмом и всю меньшевистскую партию, так что даже Плеханов вынужден был ринуться вон из меньшевистской организации...

IV, так называемый Объединительный съезд партии не входит в рамки этой статьи, так как попадает за хронологические рамки 1905 года, по переходом к нему явилась избирательная предсъездовская кампания.

Во время этой кампании мне приходилось очень часто сопутствовать Ленину. Я думаю, не менее чем на десяти собраниях выступали мы с ним вместе. В большинстве случаев до заранее установленному плану я излагал основную нашу платформу. С меньшевиками мы резались люто. Хотя съезд должен был быть «объединенным», но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде «объединенная» партия получит ту или другую физиономию.

Ленин со своей тонкой усмешкой говорил мне тогда:

— Если в ЦК или в центральном органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Тем хуже, если их мелкобуржуазная сущность не позволит им идти вместе с нами. Пускай берут на себя одним разрыва единства партии, доставшегося такой дорогой ценой. Уж конечно из этой «объединенной» партии они при этих условиях уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели.

Я спрашивал Владимира Ильича:

— Ну, а что, если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?

Ленин несколько загадочно улыбался и говорил так:

— Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке.

Отсюда видно, с какой трудностью велись дебаты. Каждый лишний голос в самом Петербурге, которому суждено было позднее стать Ленинградом, был очень важен. Та же борьба, конечно, велась всюду. В этом отношении, как известно, потом стукнул нас в особенности Кавказ. Мы постарались ответить меньшевикам Уралом.

С соответственной платформой, с исчислением всяких грехов и ошибок меньшевизма в прошлом, с установлением явной шаткости их нынешней программы выступал на выборных собраниях я. Помнится, неоднократно оппонентом моим в этом отношении являлся младший брат Мартова.

Ленин, беря заключительное слово, каждый раз, с обычной меткостью, пользуясь всеми промахами, какие меньшевики делали на данном собрании, высмеивал противника.

Я и сейчас еще с величайшим восхищением вспоминаю тогдашние бои в разгоряченной революционной обстановке. Даже общее чувство того, что волна революции начинает ниспадать,

не заслоняло счастливого обладания подлинно революционной, подлинно марксистской тактикой.

Я думаю, что, несмотря на мою тогдашнюю тесную дружбу с Богдановым, я не сделал бы впредь ошибок, если бы обстоятельства не заставили меня почти непосредственно после возвращения со Стокгольмского съезда эмигрировать. Мне был предъявлен чрезвычайно тяжелый обвинительный акт, а моему адвокату, которого рекомендовал мне тогдашний партийный комитет, Чекеруль-Кушу, был сделан тонкий намек, что мне лучше всего покинуть страну. После совещания с товарищем Воровским, которому поручено было выяснить со мной этот вопрос, решено было способствовать возможно быстрому моему побегу через Финляндию. Иначе мне, несомненно, грозило многолетнее тюремное заключение.

Это установило некоторое расстояние между мной и партийным центром, крайне, конечно, неприятное и чреватое последствиями. Хорошо, что после дальнейшего блуждания по «левым» ошибкам подход новой грандиозной революционной волны бросил меня опять на правильные пути, на которых и нашел приветливый прием со стороны Ленина.

Должен сказать, что в промежутках между этим огромным революционным подъемом мне приходилось еще, несмотря на начавшееся, а потом разросшееся разногласие, работать в очень тесном контакте с Лениным на международных конгрессах в Штутгарте и в Копенгагене, но это не входит, конечно, в пределы настоящей статьи.

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Обаяние великого Ленина, обаяние его гения было настолько велико, что не раз в трудные минуты жизни только воспоминание о нем вызывало новые силы, рождало энтузиазм и оптимизм, без которых нет подлинного большевика.

Первая моя личная встреча с Ильичем была во время III съезда РСДРП. Это было в апреле — мае 1905 года. До открытия съезда Ленин мне говорил о перспективах нашей работы, просил не отказываться, если организационной комиссией мне будет предложено открыть съезд. Сформировали президиум съезда во главе с Ильичем. Он же сделал основной политический доклад на съезде.

Я его слушал первый раз. Он начал свой доклад совершенно просто. Ленин с гневом подчеркивал оппортунистические положения в статьях меньшевистской «Искры» и противопоставлял гнилым идеям меньшевиков твердую революционно-марксистскую установку. Он богато иллюстрировал свои мысли фактами из истории международного рабочего движения и особенно из текущей борьбы рабочих России в первые месяцы революционного 1905 года. К концу речи весь съезд стоя слушал его в глубочайшем молчании, так как железная логика теоретика, трибуна и организатора революции увлекла всех делегатов¹.

Когда Ильич кончил, аплодисментам и овациям не было конца. Перед нами стоял великий революционер, теоретик и трибун.

В послесъездовские дни мне удалось познакомиться с Ильичем поближе и испытать на себе чуткость и необычное внимание, которое он оказывал окружающим его людям. Я никогда не забуду, как перед отъездом из Лондона Ильич водил нас осматривать зоологический сад, Британский исторический му-

¹ Имеется в виду «Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве» (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 126—141). *Ред.*

зей. То же самое он сделал и в Париже, показав мне Эйфелеву башню, мировой музей живописи — Лувр и Стену коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Сам он все это видел много раз и ходил специально с целью показать мне.

Были мы и на могиле Карла Маркса в Лондоне. У ворот кладбища стоял директор в высоком цилиндре. Кладбище представляло собой огромный парк с узкими аллеями, с массой капитальных, дорогих монументов, вплоть до изваяния любимой собачки какого-то лорда или леди. Но могилу великого мыслителя XIX века, творца научного коммунизма и основателя I Интернационала нельзя было найти без помощи работавших на кладбище каменщиков, которые, убедившись, что мы из России, тотчас же догадались, что мы непременно ищем могилу Карла Маркса, и показали ее. Мы долго стояли вокруг могилы, потом сели, не спеша уходить. Ильич иронически напомнил о директоре, который, вероятно, волнуется, что мы так долго здесь, у какой-то могилы незнакомого ему человека:

— Несчастный буржуа не догадывается, что все нетленное, все бессмертное Маркса и Энгельса мы несем с собой и воплощаем даже в отсталой царской России, к ужасу буржуев всех стран.

По окончании съезда возвращались мы из Лондона в Женеву через Париж — Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. На границе Франции, в Булони, с нами произошел обычный для того времени эпизод. Французская полиция по просьбе агентов царя решила якобы проверить, нет ли в наших чемоданах (где находились протоколы III съезда) контрабандного табака. Осмотр предполагаемой «контрабанды» производился в присутствии русского провокатора. Положение спасла решительность Ильича, который не позволил развязать папки с протоколами, категорически заявив:

— Никакого там табака нет, мы некурящие и не коммерсанты. Там только рукопись, манускрипт.

И не солоно хлебавши они оставили нас в покое.

* * *

*

Вспоминая о таком необычном человеке, как Владимир Ильич Ленин, нельзя, конечно, охватить полностью всю многогранность его гения, исключительную человечность, сочетающуюся с железной волей, целеустремленностью и трудолюбием.

Вспоминаю случай, когда Ильич в 1908 году, спешно заканчивая книгу «Материализм и эмпириокритицизм», нуждался в некоторых произведениях английских физиков и философов XIX века. Но их не оказалось в швейцарских библиотеках. Ильич специально ездил из Женевы в Лондон для работы в Британском музее. Так мог работать только человек необы-

чайно добросовестный, великий ученый-революционер, вооружавший партию острым оружием марксистско-ленинской теории.

Весной 1916 года, в первую империалистическую войну, я жил в Женеве. Надежда Константиновна из Цюриха сообщила мне письмом, что «Ильич сейчас в Лозанне, а завтра-послезавтра будет в Женеве читать реферат о международном положении. И он очень, очень хочет вас видеть...».

Несмотря на нездоровье, я поспешил на его реферат. Народу, по обыкновению, было много. Ильич явился, как всегда, точно в назначенное время, ровно в восемь часов вечера. Он никогда не опаздывал. Перед тем как подняться на трибуну, он разыскал меня. И мы условились встретиться в ту же ночь, после реферата. Реферат затянулся и превратился, как это обыкновенно бывало с Ильичем при встрече с его непримиримыми врагами из меньшевистско-эсеровского лагеря, в настоящую политическую дискуссию. Выслушав ряд оппонентов и полуоппонентов, Ильич в заключительном слове с присущим ему неподражаемым искусством разбил наголову своих противников и рассеял все недоумения колеблющихся, вызвав громадный энтузиазм в подавляющем большинстве слушателей. Сила воздействия ленинской речи заключалась в простоте и ясности его формулировок, в блестящем умении разоблачать лжепоследователей марксизма, выделить основное и убедить под конец даже явных противников...¹

После реферата мы встретились на улице. Он долго ходил по берегу реки. С нами был еще один молодой эмигрант товарищ Жорж. Была чудесная лунная ночь. Кругом тишина, покой. Ленин заговорил о близком и волнующем всех нас — о положении дел в России, о вызванных войной затруднениях в связях с подпольем. Ильич сидел рядом со мной на скамье, товарищ Жорж стоял перед нами, облокотясь на перила набережной.

Я спросил Ильича:

— Дождемся ли мы с вами, Ильич, очередной революции в России?

Мой вопрос, очевидно, прервал течение его мысли, и Ильич, слегка удивленно взглянув на меня, не ответил на вопрос прямо, а в свою очередь спросил:

— Сколько вам лет, товарищ Миха?

Я ответил:

— С лишним пятьдесят. А вам?

— Не так далеко от вас, более сорока пяти, — и добавил: — Что ж, если мы не дождемся революции, то вот он, — Ильич указал на товарища Жоржа, — во всяком случае дождется. Мы

¹ Имеется в виду реферат на тему «Два течения в международном рабочем движении», прочитанный В. И. Ленинским в Женеве 20 мая (2 июня) 1916 г. *Ред.*

В. И. Ленин в самарском марксистском кружке
С картины художника А. Моравова

Первая листовка
С картины художника Ф. Голубкова

В. И. Ленин среди членов петербургского
«Союза борьбы за освобождение рабочего класса»
Фото 1897 г.

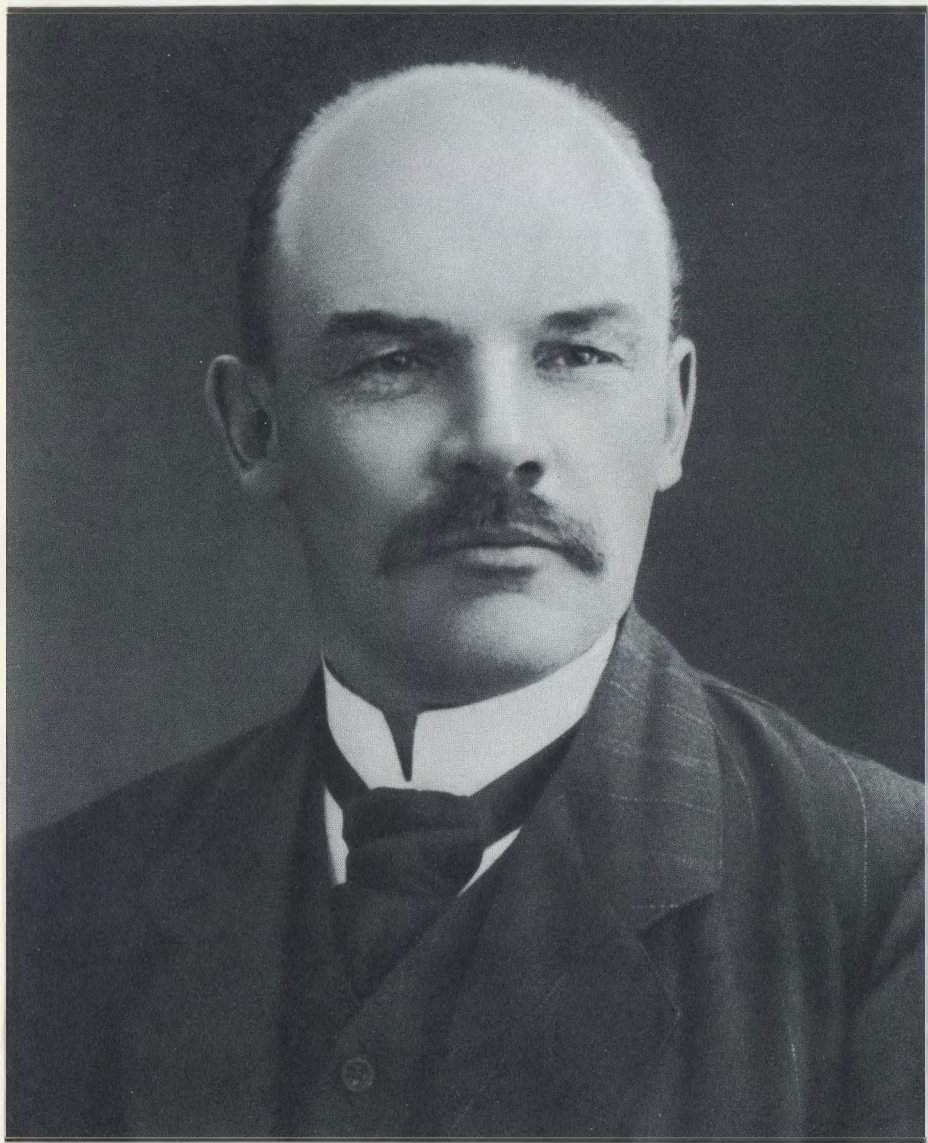

Общий вид села Шушенского,
в котором жил во время ссылки В. И. Ленин
Фото

Портрет В. И. Ленина
Фото 1910 г.

1

Совещание ЦК. Росс. С. Д. Раб.
Партии с партийными работниками.

В преддверии наступающего года
создается совещание Ц. К. Росс. С. Д.
П. Р. с партийными работниками. К со-
вещанию удалось привлечь членов киев-
ских, партийных организаций Киев-
щины (поезда), Волынской области (Вол-
ынь), Юга (Донец), Урала и Кавказа. Упо-
мянуты выборы в состав от шестерых организа-

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Извещение»
о Краковском совещании ЦК РСДРП
с партийными работниками.
Январь 1913 г.

В. И. Ленин на прогулке в окрестностях Закопане
Фото 1914 г.

Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

**ИМПЕРІАЛИЗМЪ,
КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ
КАПИТАЛИЗМА.**

(Популярный очеркъ)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42
1917 г.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина
«Империализм, как высшая стадия капитализма»

Выступление В. И. Ленина с броневика
у Финляндского вокзала 3(16) апреля 1917 г.
С картины художника И. Тоидзе

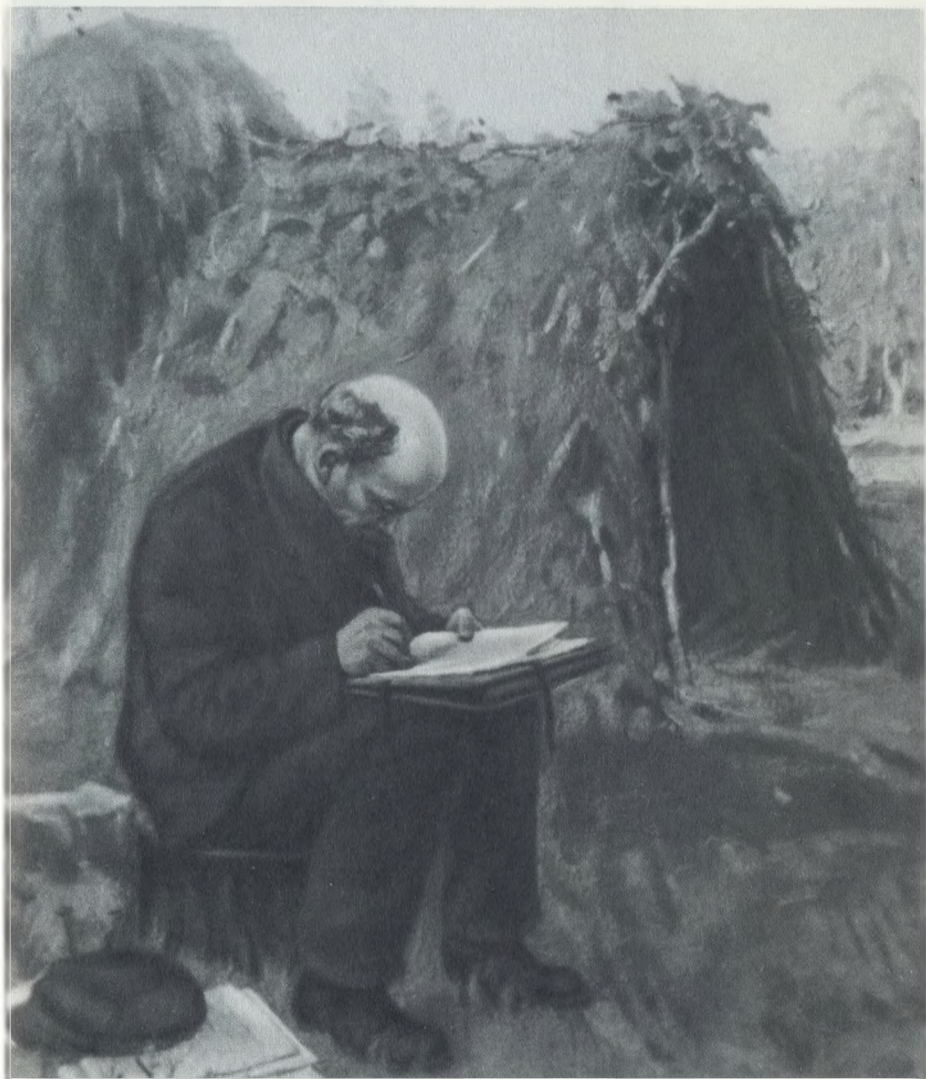

В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце
Фото 1917 г., апрель

Выступление В. И. Ленина на митинге
рабочих Путиловского завода в мае 1917 г.
С картины художника И. Бродского

В. И. Ленин у шалаша
С картины художника М. Соколова

Удостоверение на имя рабочего К. П. Иванова,
по которому В. И. Ленин жил нелегально
после июльских дней 1917 г.

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть
С картины художника В. Серова

свое все же будем продолжать, а что не закончим мы, продолжат они, наша молодежь.

Я ответил:

— Дорогой Ильич! Я все-таки думаю, что мы с вами тоже увидим революцию, она может быть скорей, вот увидим.

Он захохотал и прервал меня:

— Товарищ Миха, хорошо, очень рад, что вы в таких условиях себя так хорошо чувствуете. Это здоровый, правильный оптимизм...

После Циммервальда и Кинталя Ильич думал уже об устройстве съезда или конференции большевиков России. Я его спросил: сколько нужно делегатов, чтобы можно было объявить о созыве съезда или конференции? Он мне ответил:

— Хоть десять, даже семь, даже и пять, но только чтобы они действительно были настоящими представителями масс, настоящими революционерами, большевиками и подпольщиками. Хотя бы по одному делегату от Петрограда, Москвы, Кавказа, Урала, Донбасса, Сибири — и почти довольно. Мы объявим наше собрание настоящим всероссийским съездом и вынесем соответствующие нашей эпохе резолюции. На войне как на войне, — добавил он. — Раз мы правильно и в соответствии с движением масс трудящихся решили все вопросы войны и революции, количество делегатов не будет играть такой большой роли, ибо каждый из членов такого съезда, будь он хоть из десяти настоящих большевиков, даже меньше десяти, будет ценнее десятков и даже сотен делегатов других съездов другого периода.

В течение ночи Ильич много говорил также о том, что, если невозможно будет добиться более широкой связи с Россией, необходимо, не теряя времени, бить прямо в цель, организовать здесь, в Западной Европе, революционную работу как следует, помочь немцам, французам и т. д. подготовить их массы к революции. Ведь кризисы в этой войне не только возможны, но и неизбежны. А резолюция Штутгартского конгресса II Интернационала (1907 г.), казалось бы, обязывает нас действительно объявить войну войне и ускорить катастрофу и крах капитализма.

Эти слова Ильича означали: упорно и неустанно работать на революцию, всегда, везде и при всяких условиях...

Мы расстались почти на заре. Расстались, обнявшись и крепко пожав друг другу руки, с тем чтобы по крайней мере не позже чем через год встретиться и вместе ехать в Россию.

— В революционную Россию, — добавил он...

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

С Владимиром Ильичем я познакомилась через Надежду Константиновну Крупскую. Мы обе были учительницами воскресных школ, а затем вместе с ней работали в Подвижном музее учебных пособий, который учительницы сами и основали. После ссылки Владимир Ильич, а потом и Надежда Константиновна выехали за границу. Мы стали переписываться, и до 1905 года у нас все время шла очень активная переписка по партийным делам.

Помнится, как Ленин в период между II и III съездами партии на нас нападал, когда мы недостаточно энергично привлекали новых людей. Следует сказать, что действительно мы с большой осторожностью подбирали работников, опасаясь проникновения в наши ряды противников. В случае провалов мы обычно жаловались на недостаток людей.

И вот в одном из своих писем Владимир Ильич писал:

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее...* Бросьте все старые привычки неподвижности, чиновничества и пр. Основывайте из молодежи *сотни* кружков впередовцев и поощряйте их работать вовсю»¹.

В этих замечательных ленинских словах выражается глубокая и страстная вера в могучие революционные силы русского пролетариата.

В 1904 году я была арестована по делу Северного бюро ЦК. В то время в Таганской тюрьме были заключены товарищи Ленгник, Кнунянц, Бауман и другие большевики.

В ноябре 1904 года после голодовки мне удалось выйти из тюрьмы под залог. Но часть товарищей, арестованных по нашему делу, осталась в неволе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 247. *Ред.*

По новому уголовному уложению наше дело должно было рассматриваться судебной палатой в открытом заседании, а не в административном порядке — жандармерией, как прежде. В связи с этим возник вопрос: как себя вести на суде, какой держаться тактики? По поручению товарищей я обратилась с этими вопросами к Владимиру Ильичу. В своем ответном письме («Письмо к Абсолюту») Владимир Ильич Ленин высказал свои, как он говорил, «предварительные соображения». Приписка к этому письму полна большой заботы, стремления ободрить нас:

«Большой, большой привет Курцу, Рубену, Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем... Желаю здоровья и бодрости!!»¹

В сентябре 1905 года меня послали в Женеву для заведования там всеми техническими делами Центрального Комитета. Приехав в Женеву, я сразу пошла к «Ильичам» — на квартиру, где Владимир Ильич жил вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Когда я пришла, то застала только Владимира Ильича. Он сразу повел меня в общую комнату, которая была одновременно кухней и столовой, и засыпал вопросами о том, что творится в Питере, в России, в Петербургском и Центральном комитетах. Потом вдруг вскочил и говорит: «Подождите!» Я подумала, что поступила в чем-то неправильно. А Владимир Ильич подошел к буфету, вынул оттуда чайник, налил в него воду, зажег газовую плиту, накрыл стол и приготовил все к чаю и уже после этого продолжал беседу со мной. Владимир Ильич часто сам хозяйничал. Так было принято в их семье: хозяйничал тот, кто был свободен.

Семья Лениных была всегда очень дружной. Вспоминаю, что Надежда Константиновна Крупская рассказала мне незадолго до своей смерти. Речь шла о том времени, когда Владимир Ильич сидел в Петербурге в тюрьме. В те дни партия организовывала для связи с политическими заключенными фиктивных женихов и невест. Через этих «женихов» и «невест» поддерживалась связь с заключенными, и они не были оторваны от политической жизни.

Как-то Владимир Ильич через одну из своих сестер передал Надежде Константиновне, чтобы к нему пришла «невеста».

— И вот я не знала, — говорила Надежда Константиновна, — я ли должна пойти или кто-нибудь другой? Я пошла, и оказалось, что действительно Владимир Ильич хотел, чтобы я пришла.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 172—173. *Ред.*

Владимир Ильич высоко ценил Надежду Константиновну как марксиста и, как правило, не выпускал в свет своих статей, не посоветовавшись с нею.

Манера слушать и расспрашивать у Владимира Ильича была особенная: задавая вопросы, он направлял рассказывающего по тому пути, который был ему нужен, заставлял затрагивать те вопросы, какие его интересовали. И в эту нашу первую в Женеве беседу Владимир Ильич таким образом узнал все важное, что я могла сообщить о положении в России.

Как раз весной и летом 1905 года проходили съезды врачей, учителей, адвокатов и других групп интеллигенции; они создали союзы, образовавшие Союз союзов. Я рассказала Владимиру Ильичу, как мы боролись с либералами на этих съездах и в союзах. Владимир Ильич выслушал меня и сказал:

— Знаете что, вы должны сделать доклад об этом нашей здешней русской колонии¹.

Я растерялась, так как никогда не выступала с докладами. Но Владимир Ильич убедил меня, что доклад этот нужен. В процессе подготовки доклада я увидела, каким замечательным учителем и товарищем был Владимир Ильич. Он терпеливо указывал мне на недостатки в плане, а затем в тезисах доклада. На собрании он председательствовал и по окончании доклада снова в нескольких словах указал на мои ошибки.

На собрании русских социал-демократов 20 октября (2 ноября) 1905 года я впервые услышала Владимира Ильича как оратора. Ленин выступал с рефератом о политических событиях в России. Что поразило меня в докладе Владимира Ильича? На докладе присутствовали не только большевики, но и меньшевики и эсеры. Однако во время всего доклада не было ни одной реплики, никаких возгласов. Когда доклад кончился и председатель спросил, имеются ли вопросы, то никаких вопросов задано не было. Что же, в самом деле у меньшевиков и эсеров было полное согласие с положениями доклада? Конечно, нет! Но сила ленинской логики была такова, что все ей подчинялись. Лишь на следующий день меньшевики, опомнившись, горячо оспаривали положения, высказанные в докладе Ильича.

Внешне Владимир Ильич говорил очень просто. Он обычно похаживал назад и вперед, иногда закладывал большие пальцы рук за проймы жилета, иногда выбрасывал вперед правую руку с вытянутым указательным пальцем. Слушая впоследствии Плеханова, я невольно сравнивала его с Владимиром Ильичем. Плеханов был блестящим оратором, говорил красиво, с повышением и понижением голоса и многочисленными жестами, как

---

¹ Русской колонией Владимир Ильич называл всех русских, которые либо учились в высших учебных заведениях Женевы, либо проживали там как эмигранты. *Е. С.*

актер, но у него не было ленинской силы логики, силы убеждения.

Владимир Ильич всегда был исключительно внимателен к товарищам. Расскажу об одном случае из моей личной жизни, имевшем место в конце октября того же 1905 года. Я жила тогда в пансионе в Женеве. Однажды Владимир Ильич зашел ко мне и стал расспрашивать, как мы работали с Бауманом в Москве, как вместе сидели в тюрьме. Я рассказала, что Бауман сидел в изоляторе и мы в тюрьме искали способа, чтобы связаться с ним и держать его в курсе всех событий. После того как судебная палата отклонила слушание нашего дела, мы хлопотали, чтобы Баумана выпустили на поруки, но добиться этого не удалось. Выслушав меня, Владимир Ильич сказал:

— А Наде¹ удалось добиться, чтобы Николая Эрнестовича выпустили, но это не было к счастью, потому что вскоре же после освобождения из тюрьмы он был убит черносотенцами.

Только после этого Владимир Ильич передал мне английскую газету, в которой сообщалось об убийстве Баумана. Зная о моей дружбе с Бауманом, Владимир Ильич не хотел, чтобы я узнала о его смерти из газеты.

Мне пришлось очень недолго работать с Владимиром Ильичем в Женеве, потому что в России началась революция, и Ленину не сиделось за границей. Он уехал при первой возможности и через Финляндию вернулся в Россию. Первое, что он сделал, приехав в Петербург, — направился на Преображенское кладбище, где были похоронены жертвы Кровавого воскресенья. Этим Владимир Ильич показал, какое большое значение он придавал событиям 9 января 1905 года.

Вновь я увидела Владимира Ильича только в январе 1906 года, так как при отъезде в Россию он возложил на меня ликвидацию всех технических дел в Женеве.

Из воспоминаний периода 1906 года особенно живо в моей памяти возвращение Владимира Ильича со Стокгольмского съезда. По пути из Стокгольма Ленин остановился на некоторое время в Ханко, где работал над своей статьей о кадетях.

Мне приходилось в это время переправлять делегатов съезда за границу и обратно, в Россию, а также переправлять через Швецию тех товарищей с юга, которые направлялись за границу для покупки оружия, ввиду того что на юге России большевики еще готовились к вооруженному восстанию.

В числе тех товарищей, которые приехали из Закавказья, был, между прочим, один грузин. Он рассказал мне о том, как действовали кадеты в Тифлисе. Выслушав его, я подумала, что этот материал пригодится Владимиру Ильичу для статьи, и я

¹ Речь идет о жене Н. Э. Баумана Капитолине Поликарповне Медведевой, которая носила кличку Надежда Константиновна Кузьмина. Е. С.

направила товарища к Ленину, не сказав, к кому я его направляю. Через некоторое время товарищ приходит ко мне и говорит:

— Почему ты не сказала, что посылаешь меня к Ленину?
Я ответила:

— Узнав, что я посылаю тебя к Ленину, ты стал бы сочинять свой доклад, вместо того чтобы все рассказать ему просто и ясно.

Вспоминается мне партийная конференция, происходившая сперва на Загородном проспекте, в Петербурге, а затем в Териоках. На заседании в Териоках выступали ораторы — и большевики, и меньшевики¹. Вспоминаю выступление Федора Дана. Он обращался к слушателям подобно тому, как говорил бы старый царский генерал с солдатами: снисходил до них. Вслед за ним выступил Владимир Ильич. Он говорил ярко, образно. После выступления его со всех сторон обступили товарищи. Помимо того что Владимир Ильич был нашим руководителем, он вместе с тем был для нас самым близким другом, к которому мы могли прийти со всякой нашей бедой, со всеми недоумениями, со всяким вопросом — не только политическим, но и личным.

В 1906 году состоялись выборы в Государственную думу². Петербургский комитет был объединенным, так же как и Центральный Комитет. Мы вели агитацию за бойкот виттевской думы. В списке агитаторов, который находился у меня, был и Владимир Ильич Ленин. Вспоминаю, как меньшевики досадовали, что у них нет такого оратора в Петербурге.

Следует отметить исключительную дисциплинированность В. И. Ленина. Когда я вызывала его на явку (мы ведь работали нелегально), чтобы сообщить, куда он должен пойти для выступления, для доклада, то не было такого случая, чтобы он не пришел, точно так же как не было случая, чтобы он опоздал. На следующий день Ленин всегда сообщал очень точно: сколько народу было на его докладе, какие вопросы были заданы и какие недостатки в той организации, куда мы его послали.

Приведу еще один пример дисциплинированности Ленина, относящийся совсем к другому времени. Это было в 1918 году, вскоре после приезда Владимира Ильича из Петрограда в Москву, когда он поселился в Кремле.

В том коридоре, который вел в квартиру Владимира Ильича, комендант Кремля установил пост курсантов школы ВЦИК. Там было много молодежи, не знавшей Владимира Ильича в лицо. Комендант дал приказ: никого не допускать в квартиру Ленина без пропуска. И вот однажды Владимир Ильич пошел в свой кабинет в Совнарком, а постоянный пропуск забыл дома. Днем ему что-то понадобилось в квартире, и он пошел к себе,

¹ Так как после Стокгольмского съезда все организации были объединены. *Е. С.*

² В 1906 г. проходила избирательная кампания по выборам во II Государственную думу. Выборы состоялись в феврале 1907 г. *Ред.*

подошел к дежурному курсанту, а тот спросил у него пропуск. Владимир Ильич указал на дверь в свою квартиру и говорит:

— Вот же дверь в мою квартиру...

Курсант отвечает:

— Не могу знать. Есть приказ: никого не пускать без пропуска.

Владимир Ильич повернулся, пошел в комендатуру, взял разовый пропуск и пришел к себе домой.

Кончилось суточное дежурство. Дежурный пришел к своему командиру и доложил об инциденте с человеком без пропуска. Тот уже знал об этом. Выслушав курсанта, командир спросил его:

— А знаешь, кого ты не пропустил?

— Не знаю.

— Председателя Совнаркома Ленина.

Курсант схватился за голову и побежал к Владимиру Ильичу извиняться.

Но Владимир Ильич сказал:

— Нет, вам извиняться нечего. Распоряжение или приказ коменданта на территории Кремля — это закон. Как же я, Председатель Совета Народных Комиссаров, мог этот закон нарушить? Я был виноват, а вы — правы.

Мы, близко знавшие Ленина, поражались необычайному трудолюбию Владимира Ильича. Вспоминаются случаи периода 1917—1920 годов, когда я работала секретарем ЦК партии. Надежда Константиновна или Мария Ильинична приходили ко мне или сообщали по телефону:

— Надо принять какие-либо меры, Владимир Ильич доработался до бессонницы.

Тогда приходилось по телефону звонить членам ЦК и выносить постановление об отпуске Владимиру Ильичу, а когда постановление принято — сообщать ему по телефону:

— Владимир Ильич, имеется постановление ЦК, чтобы предоставить вам отпуск на столько-то дней.

И в ответ очень сердитый голос говорил по телефону:

— Когда прикажете приступить к отпуску?

Владимир Ильич не спорил, когда было соответствующее постановление ЦК. Получив отпуск, он ходил на охоту, собирал грибы, ловил рыбу, но ни в коем случае не работал, строго выполняя постановление ЦК партии. Вообще к постановлениям Центрального Комитета Ленин относился более чем серьезно.

Ленин трогательно заботился о здоровье товарищей. Вот, например, как относился он к А. Д. Цюрупе. Товарищ Цюрупа не берег своего здоровья, а Владимир Ильич не допускал этого. Он говорил, что коммунисты — казенное имущество, и растрачивать его не позволено. Сперва Ленин мягко писал Цюрупе, что тот «становится совершенно невозможным в обращении с казенным

имуществом». Когда это не подействовало, Ильич написал суровое предписание:

«За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе

1-е предостережение и предписывается немедленно ехать домой... Ленин»¹.

Когда В. И. Ленин узнал, что Ф. Э. Дзержинский доработался до кровохарканья и не хочет отдыхать, он позволил мне и предложил принять решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается пойти на две недели в отпуск в Нарофоминск. Тогда в Нарофоминске был лучший под Москвой совхоз, и Дзержинский мог получить там хорошее питание. Владимир Ильич, продумывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе отсутствовал телефон, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому лучше сможет отдохнуть.

В. И. Ленин заботился о том, чтобы во всех помещениях Совнаркома были поставлены графины с водой и стаканы для посетителей.

В то время секретарю Центрального Комитета приходилось заниматься не только политическими делами, но и снабжением. Владимир Ильич часто звонил мне о том, чтобы такому-то товарищу достать шапку, такому-то — сапоги, третьему — еще что-либо. На следующий день он обязательно проверял, выполнено ли его указание.

Скромнен был Владимир Ильич необычайно. В связи с этим мне хочется привести несколько фактов.

В одной из анкет на вопрос «Какие языки знает?» Владимир Ильич отвечал: «Английский, немецкий, французский — плохо, итальянский — очень плохо».

В 1920 году, когда происходил II конгресс Коминтерна, Владимир Ильич в своем выступлении подверг критике ошибки руководства Коммунистической партии Германии и лишью итальянца Серрати. Пока речь шла о германской коммунистической партии, Владимир Ильич говорил по-немецки, а потом, когда заговорил об ошибках Серрати, сразу же перешел на французский язык. Я была на этом заседании конгресса, которое происходило в Андреевском зале Кремлевского Дворца. Вспоминаю тот гул, который прошел по залу. Иностранцы не могли себе представить, что русский, который только что блестяще говорил по-немецки, так же свободно владеет французским языком. Вот как Владимир Ильич «плохо» знал языки!

Другой пример скромности Ленина. Он очень любил музыку. Его мать, Мария Александровна, хорошо играла на фортепьяно, и дети постоянно ее слушали. Как-то, в 1919 или 1920 году, у

---

¹ Ленинский сборник XXI, с. 280—281. *Ред.*

А. Д. Цюрупы был музыкальный вечер. Один пианист сыграл бетховенскую сонату «Appassionata», которую Ленин хорошо знал и очень любил. Я подошла к Владимиру Ильичу и спросила, доволен ли он исполнением сонаты.

— Что вы меня спрашиваете! — ответил он. — Какое значение имеет мое мнение? Ведь я только любитель музыки.

Характерная деталь стиля работы Ленина — это борьба с бумаготворчеством, писанной в аппарате. Владимиром Ильичем было дано распоряжение: все, что возможно, делать по телефону, а не заводить переписки. Сам он также, когда это можно, непосредственно давал распоряжения по телефону.

Ленин очень внимательно относился к приему посетителей и требовал такого же отношения от каждого работника. Если он назначал кому-либо прием, а утром узнавал, что в назначенный час принять товарища не сможет, тогда он лично (а не через секретаря) звонил товарищу и говорил, что принять его в установленный час не может, и договаривался о времени, когда он сможет его принять. Если же было видно, что подходил час приема товарища, а срочные дела (в то время их было очень много) не дают возможности Владимиру Ильичу принять пришедшего, то он посылал своего секретаря в приемную сказать посетителю: «Не ждите, не сидите напрасно, не теряйте времени, принять вас Владимир Ильич не сможет». А затем секретарь должен был сговориться, когда товарищ сможет прийти на прием, и записать его телефон, чтобы Владимир Ильич мог с ним созвониться.

Вспоминается еще такой характерный момент, тоже относящийся к 1919—1920 годам и касающийся журналистов. Тогда был большой недостаток в бумаге. «Правда» выходила только на двух страницах, на коричневой оберточной бумаге. А материала, писем в редакцию поступало огромное количество. И Владимир Ильич дал распоряжение, чтобы каждая статья, которая печатается в «Правде», была предельно краткой. Газетчики стали ворчать, но оказалось возможным писать лаконично.

Владимир Ильич очень ценил фактор времени. Заседание ЦК партии обычно назначалось в 10 часов утра. Владимир Ильич открывал его не позже четверти одиннадцатого. Время ораторов строго регламентировалось, обычно им давалось две минуты. Владимир Ильич следил за ораторами по хронометру. Разговоров во время заседаний Владимир Ильич не терпел. Как только кто-нибудь начинал говорить, он сразу же грозил пальцем, говорил: «Тс, тс», — и показывал: «Пишите». Если хотите сообщить что-либо товарищу, то пишите, но не мешайте другим своими разговорами. Во время заседаний поэтому происходил большой обмен записками. Руководя заседанием, Владимир Ильич одновременно делал необходимые записки для своего заключения

и обменивался записками с присутствующими. Курить на заседании было запрещено, а уходить — тем более. Тогда многие курильщики, поступая, как школьники, устраивались за стоявшей в кабинете Владимира Ильича большой голландской печью и курили в отдушину. Когда происходило голосование, Владимир Ильич, хитро прищурившись, иронически говорил:

— А как голосуют запечных дел мастера?

Я знала, как глубоко интересуется Владимиром Ильичем положение в деревне. Если приехавшие из деревни сообщали мне интересные факты, я направляла товарищей к Ленину. Владимир Ильич привык к тому, что я посылаю людей, которые могут дать ему новый материал. Его секретари мне часто звонили и говорили:

— К Владимиру Ильичу просится на прием такой-то товарищ, примите его и побеседуйте с ним. Если увидите, что он может сообщить что-нибудь новое, то пришлите его к Владимиру Ильичу, а если нет, может быть, сами удовлетворите запрос товарища.

Действительно, это была наша обязанность — по возможности разгрывать Владимира Ильича.

Надо сказать, что Владимир Ильич был очень веселым и непосредственным человеком. Часто на заседаниях Центрального Комитета можно было слышать взрывы громкого хохота, потому что Владимир Ильич начинал смеяться, заражая весельем всех остальных.

Как-то Владимир Ильич заболел, и я некоторое время его не встречала, а потом, когда пошла на очередное заседание, встретила Ленина и спрашиваю:

— Как ваше здоровье, Владимир Ильич? Впрочем, и спрашивать не надо: очевидно, хорошо, потому что глаза хитрые. Он весело рассмеялся:

— Послушайте, что Стасова-то говорит! Она говорит, что у меня глаза хитрые...

В 1919 или в 1920 году — точно не помню — Владимир Ильич вызвал меня и дал большое политическое поручение. Я стала отказываться, ссылаясь на то, что я только организатор и не чувствую себя достаточно теоретически сильной для такого поручения. Владимир Ильич хитро прищурился и стал спрашивать:

- А вы с «Рабочей мыслью» воевали?
- Воевала.
- А с «экономистами» воевали?
- Тоже.
- А с меньшевиками?
- Тоже.
- А с ликвидаторами?
- Тоже.

— Так идите и выполняйте это поручение.

Владимир Ильич показал этими своими вопросами, что мы учимся не только по книгам, но и у жизни.

Глубоко изучать жизнь, работать в гуще народа, хорошо знать интересы и запросы трудящихся, овладевать богатейшим опытом масс — этому неустанно учил нас Владимир Ильич Ленин.

В день пятидесятилетия В. И. Ленина я была больна и не могла его увидеть. Но мне хотелось сделать Владимиру Ильичу что-нибудь приятное. Разбирая свои вещи, я нашла карикатуру известного карикатуриста Каррика, на которой был изображен юбилей пародника Михайловского. За столом, покрытым сукном, стоял растроганный Михайловский. В одной руке он держал снятое пенсне, в другой — платок, которым только что утирал слезы. Михайловского окружали Южаков, Мякотин, Струве, А. М. Калмыкова, а перед столом стояло двое детей: мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это «марксята» пришли приветствовать народников. Я написала Ленину, что вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту. Ленину понравилась карикатура.

Товарищи рассказали мне, так как я на собрании Московского комитета не была, что Владимир Ильич, выступая на собрании, организованном Московским комитетом РКП(б) в честь его пятидесятилетия, показал карикатуру присутствующим. Он произнес речь, в которой высмеял юбилейное славословие, кратко обрисовал путь, пройденный нашей партией, сказал о трудностях, стоящих перед ней, призывал не увлекаться успехами, не зазнаваться. В этом выступлении В. И. Ленина, как и во всей его деятельности, ярко проявились органически присущие ему черты: исключительная скромность, трезвость в оценке положения, враждебность к восхвалениям и пышным фразам.

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

Наша партия неотделима от В. И. Ленина, как, в свою очередь, он неотделим от партии. И познать, изучить В. И. Ленина как литературного и политического деятеля — это значит в единой личности познать и изучить колоссальный революционный пролетарский коллектив.

Познать В. И. Ленина для нас означает познать самих себя. В этом законное оправдание нашего интереса к его личности. Чем больше мы сделаем для ее изучения, тем больше двинем вперед знание истории нашей партии и понимание источника наших успехов и неудач, правильных шагов и ошибок.

В. И. Ленин — неслучайный член коллектива. Это ставит его в один ряд с нами, с рядовыми членами партии. И в то же время он яркая индивидуальность: второго Ленина нет в партии. Поэтому при изучении личности этого политического и литературного деятеля необходимо всегда различать: с одной стороны, черты, общие коллективу, а с другой — индивидуальные особенности.

Первой индивидуальной особенностью, бросающейся в глаза даже человеку, наблюдающему за деятельностью В. И. Ленина со стороны, является его необычайная трудоспособность. Кажется, будто этот человек никогда не знает отдыха и не нуждается в отдыхе. Изю дня в день, целыми годами он, можно сказать, стоит у своего станка, бессменно, вечно за работой, то погружаясь в книги, то с пером в руке, то в заседании, на обсуждении создающегося нового политического положения — текущего момента.

Рядом с трудоспособностью исключительного размера идет у В. И. Ленина способность неизменно, в течение всей жизни сосредоточивать свое внимание только на одном деле — на деле революционной борьбы пролетариата. Обратите внимание на литературную его деятельность — на его бесчисленные статьи, брошюры и на его книги. Все они без исключения являются откликами только на один вопрос — на вопрос о палучших,

наиболее прямых путях пролетарской революции. Даже когда он пишет целую книгу по философии, вы сразу видите, что работа эта вызвана задачами революционной борьбы данного момента и преследует одну цель — устранить всякие помехи с прямого пути пролетарской победы.

Эти свойства ума и характера — исключительная трудоспособность и умение в течение всей жизни сосредоточивать целиком свое внимание на одной великой задаче — являются необходимыми в наше время предпосылками, для того чтобы человек выдвинулся в своей отрасли на одно из первых мест. Но, конечно, одних этих свойств недостаточно, чтобы стать великим человеком, занять по праву первое место в известной сфере деятельности и наложить свой отпечаток на жизнь целой эпохи. Нужны еще исключительные умственные способности, исключительное дарование, соответствующее тем целям, которым служит человек.

Говорить об исключительной, редкой остроте ума В. И. Ленина — значит ломиться в открытую дверь. Но стоит отметить как характерную черту его умственного дарования способность к анализу, к расчленению и выяснению смысла явлений. Наиболее всего эта способность обнаруживается в так называемых полемических произведениях.

Присмотритесь к сборникам статей В. И. Ленина «Аграрный вопрос» и «За 12 лет»¹. Это почти сплошь полемика. Форма статей почти всегда одинакова: автор приводит цитату из сочинения противника и начинает ее разбирать по косточкам. Если цитата взята из статьи писателя, который считался марксистом, то вы первое время, прочитавши цитату, не находите, что тут возразить. Но, следя шаг за шагом за аргументацией В. И. Ленина, вы ясно видите то, чего сами и не заметили бы, — отступление от марксизма, едва заметное, которое приводит или должно привести цитируемого автора к, очевидно, уже неверным, явно немарксистским выводам. Этот острый анализ погубил не одну якобы марксистскую репутацию — достаточно вспомнить П. Струве и А. Потресова, — погубил задолго до того, как эти якобы марксисты обнаружили свое подлинное лицо...

1904—1905 годы были годами расцвета политической борьбы против самодержавия. Политические события первостепенной важности, одно ярче другого, проходили перед глазами. В. И. Ленин жил за границей; он уже был вождем большевистской партии, принимая самое живое участие в политической борьбе. Сношения между Россией и заграничным центром

---

¹ Имеются в виду первый том предполагавшегося к изданию трехтомного собрания Сочинений В. И. Ленина (Вл. Ильина) под общим названием «За 12 лет», изданный в Петербурге в 1907 году (на титульном листе год издания 1908), и первая часть второго тома под заглавием «Аграрный вопрос», изданного в Петербурге в 1908 г. *Ред.*

становились все оживленнее, товарищи из России появлялись в Женеве чуть не ежедневно. В. И. Ленин расспрашивал каждого приехавшего, доходя до мельчайших подробностей местной рабочей жизни. Отъезжающим в Россию он давал наставление особенно заботиться о том, чтобы рабочие присылали в редакцию письма о фабрично-заводской жизни. Каждому приезжему из России местному работнику ставился вопрос: есть ли у вас в комитете рабочие? а если нет, то почему?

Однажды два молодых комитетчика, приехавшие из Одессы, ответили:

— Пробовали мы ввести в комитет рабочих, но неудачно.

— Почему?

— Да они сейчас же потребовали, чтобы выпускать листки о заработной плате и разных мелких нуждах отдельных заводов.

Нужно было видеть, с каким негодованием обрушился Ильич на этих комитетчиков, как он отпел их, объясняя, что это требование одесских рабочих лучше всего доказывает именно пользу и необходимость выдвигать рабочих в число членов комитета.

Прошел «красный» 1905 год, прошли годы упадка после подавления революционного движения; появилась в Петербурге первая ежедневная рабочая газета «Правда». И работники «Правды», отделенные от Ильича тысячами верст и государственной границей, не могли не чувствовать той заботливости, того внимания, с которым относился он к видоизменившимся формам рабочего движения нового периода. Мне, как литератору, особенно трогательным казалось тогда отношение Ильича к его собственным литературным работам.

Писал он часто и много. Редкий день почта не приносила статей, написанных Ильичем¹...

Помимо постоянного пристального внимания к рабочей жизни помогало В. И. Ленину и отсутствие всякого буржуазного влияния: он никогда не поддерживал никаких буржуазных знакомств, не показывался ни в каком буржуазном «обществе». К нему приходили, но он не делал ни одного шага навстречу. И весь обиход его жизни был всегда пролетарский, если не считать груды книг в комнате. В 1917 г. в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин мимоходом обмолвился о себе:

«О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы».

Это заявление способно только рассмешить всякого, кто знает жизнь Ильича. Что он никогда не думал о хлебе, о материальных интересах, это верно. Но вместо слов «не выдавший

¹ Имеется в виду посылка В. И. Лениным из-за границы в Россию статей для газет «Звезда», «Правда» и журнала «Просвещение», в редакциях которых в 1911—1914 гг. работал М. С. Ольминский. *Ред.*

нужды» несравненно уместнее было бы сказать «не выдавший сытости». Отсутствие развращающего влияния буржуазной сытости не могло не сыграть своей роли в том, что В. И. Ленин не сбивался, не в пример другим теоретикам, на буржуазную точку зрения.

В той же брошюре, на той же странице, мы имеем возможность наблюдать, как пролетарское «бытие» (а для В. И. Ленина — пристальное наблюдение за этим бытием) отражается на политическом сознании, на принятии той или иной политической линии. В. И. Ленин рассказывает:

«После июльских дней мне довелось... уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила, — продолжает В. И. Ленин, — эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению... К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса... берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят — щепки летят.

«Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обстановка» революции» — так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

«Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем» — так думает и чувствует рабочий»¹.

Этот рассказ В. И. Ленина вводит нас в сокровенную лабораторию его мысли. Голова ищет «интеллигентским» путем, путем сложного теоретического анализа «простоты и ясности» в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах, которые должны проводиться

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 322—323. *Ред.*

«с твердой решительностью». И где другой теоретик-интеллигент легко запутается в неразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений при помощи пролетарской классовой точки зрения; она стала второй природой «интеллигента» Ленина благодаря постоянному с его стороны пристальному вниманию к ходу пролетарской жизни, равно как и благодаря доведению до минимума, сведению на нет буржуазного влияния, буржуазного «бытия», в общем обиходе его личной жизни.

Конечно, не фразой рабочего о хлебе был решен в данном случае вопрос о выборе лозунгов: они определились общим результатом теоретического анализа. Но эта фраза сыграла свою роль — приблизительно такую же, какую, по преданию, сыграло падение яблока с дерева в открытии Ньютоном закона всемирного тяготения. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему нахождение простого и ясного ответа на сложнейшие политические вопросы? Истинно гениальная чуткость к пролетарской психологии, соединенная со способностью быть как дома в области труднейших теоретических построений, — таковы основы политической деятельности В. И. Ленина.

Прибавьте к этому твердую решительность, упорство в преследовании поставленной цели, и вы признаете неизбежность того первостепенного влияния, которое приобрел В. И. Ленин в российской партии пролетариата и которое он затем приобретает в среде борющегося пролетариата всего мира, по мере того как становится все более очевидной неизбежность всемирной пролетарской революции.

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Обычно, приезжая в Петербург, Максим Горький останавливался на квартире книгоиздателя Константина Пятницкого, где у него были свои две небольшие комнаты. В дни его пребывания в Петербурге вся большая квартира Пятницкого с утра до вечера была наполнена самой разнообразной публикой: литераторами, художниками, артистами драмы и оперы, студентами и рабочими, что, конечно, делало эту квартиру предметом самого откровенного наблюдения царской полиции.

Когда мы в ноябре 1905 года собрались наконец поехать в Петербург, то еще в поезде Алексей Максимович сказал мне, что прежде всего мы проедем в редакцию «Новой жизни», а уже оттуда к Пятницкому, чтобы не смущать наблюдающих за его квартирой и не водить их за собой. Вещи наши взяли встретившие нас родные и друзья, а мы с Горьким направились в редакцию, помещавшуюся неподалеку от вокзала, на Невском.

Вот тут первый раз встретились и познакомились Горький и Владимир Ильич Ленин.

Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Когда мы пришли к Пятницкому, спустя долгое время Алексей Максимович сказал мне:

— Д-да!.. Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда, очень хорош?

Конечно, я сразу догадалась, о ком он говорит, но, чтобы поддразнить его, нарочно спросила:

— Ты это о ком?

— Как о ком? Ну, конечно, о Ленине! Как хорош!.. И не хвастайся, что ты это раньше меня говорила, ты и видела его раньше меня,— совсем по-детски заключил он.

Он часто бывал похож на большое дитя.

* *
*

Помню, как Горький встретился с Лениным в Лондоне в 1907 году, приехав на V съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Ленин повез нас в гостиницу «Империал», где-то неподалеку от Британского музея. Гостиница представляла собой огромный, сырой и неуютный дом, но другого помещения почему-то найти не удалось.

Помню, как Ленин беспокоился за Горького:

— Простудим мы его! Ведь он привык к мягкому климату, хорошему уходу...

Действительно, в комнате, очень небольшой, было сыро и сумрачно, огромная кровать занимала половину места, большое окно выходило прямо в стену, газовый камин с искусственными дровами давал мало тепла. Был май месяц, но погода стояла сырая и холодная.

Ленин подошел к кровати, пощупал простыни, и зная, что Горький не любил, чтобы беспокоились о его здоровье, вполголоса сказал мне:

— Простыни-то совсем сырые, надо бы их посушить, хотя бы перед этим дурацким камином. Закашляет у нас Алексей Максимович, а это уж никуда не годится!

Удивительно трогательной показалась мне эта милая заботливость! Впоследствии я неоднократно имела возможность убедиться в том, с каким вниманием умел Ленин относиться к людям, особенно к товарищам, как он умел все видеть, все замечать и ничего не забывать.

Когда Ленин ушел, Горький долго ходил по неуютной комнате от окна к двери, мимо газового камина, крутил и покусывал по привычке кончики усов, а потом тихо и задумчиво сказал:

— Удивительный человек!

Алексей Максимович был очень взволнован и радостно возбужден, получив приглашение на съезд, да еще с правом совещательного голоса. Это как-то особенно сближало его с товарищами рабочими, приехавшими из России. Он сильно страдал от вынужденной разлуки с родиной, хотя тщательно скрывал это даже от близких людей, да и сам себя старался убедить в том, что будто бы в Россию его не тянет.

Бывая на всех заседаниях съезда, Алексей Максимович жадно впитывал в себя речи и даже отдельные слова делегатов и с каждой новой встречей все больше и больше влюблялся в Ленина.

Г. В. Плеханов произвел на него плохое впечатление.

— Барин! — резко отзывался Горький о нем.

И горячо спорил с Богдановым, Строевым и даже с Лениным, когда те говорили ему о больших заслугах, эрудиции и уме Плеханова, хотя, конечно, и сам Алексей Максимович прекрасно понимал значение Плеханова для партии.

Очень презрительно относился Алексей Максимович к Либберу и Дану. Горький вообще ненавидел меньшевиков всеми силами души, делая исключение только для Мартова, которого называл «заблудившаяся душа», да еще для Власа Мгеладзе, в просторечье именуемого «Триадзе». Этот последний нравился Алексею Максимовичу неукротимостью своей натуры и могучей внешностью. Впоследствии, когда этот Влас «Триадзе» приехал на Капри и прожил у нас довольно долгое время, Алексей Максимович сильно разочаровался в нем, и помню, как, тяжело вздохнув, однажды сказал:

— Нет, в больших дозах даже и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!

Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей, большинство которых жило впроголодь, мы организовали доставку бутербродов и пива целыми корзинами в здание той церкви, где заседал съезд.

Делегаты съезда во время перерывов много говорили о книге Горького «Мать». Рабочим она нравилась, но некоторым из них казалось, что все изображено наряднее, чем в жизни. Это огорчало Горького, и хотя он всегда ценил критику и искал ее, но в данном случае горячо спорил, доказывая, что проявление борьбы человека с неправдой жизни всегда прекрасно и потому должно быть красивым.

Ленин ценил «Мать» очень высоко, считая появление ее крупным событием, а недостатки видел больше всего в идеализации революционеров-интеллигентов.

Горький однажды рассказывал Ленину, какое впечатление произвели на него немецкие социал-демократы. Будучи в Берлине, Горький виделся с Бебелем, Каутским, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и другими. Понравились Горькому только Либкнехт и Роза Люксембург. Что касается Бебеля, то, придя в его квартиру и увидя там массу подушечек, салфеточек, занавесочек, клеточек с канарейками и прочие атрибуты немецкой мещанской обстановки, Горький сразу обозлился и держал себя по отношению к Бебелю довольно сухо.

Надо было видеть, как удивленно вспыхнули его синие глаза, когда он заметил, что Луиза Каутская, сидя рядом с Бебелем, вдруг, неизвестно почему, поцеловала тому руку.

За ужином против Горького за большим обеденным столом сидела старушка, жена Бебеля, и оживленно разговаривала о чем-то с толстым, равнодушным Зингером.

Горький спросил меня, о чем она говорит, а в это время жена Бебеля рассказывала Зингеру о том, как теперь дороги дыплята, что ее Август ничего другого, кроме дыплят, кушать не может и как сегодня ей посчастливилось купить пару дыплят очень хороших и очень дешево.

Узнав тему их разговора, Горький даже крикнул от удивления и громко вздохнул, испугав этим старика Бебеля.

Рассказы Горького о 1905 годе, о революции в Москве не производили впечатления на вождей немецкой социал-демократии. Его слушали вежливо, но скептически. Горький сразу же почувствовал это, замолчал и, к великому удивлению присутствующих, тотчас же после ужина стал прощаться, торопясь уйти.

Когда Горький в комических тонах, так, как только он один умел рассказывать, передавал Ленину об этих визитах к немецким социал-демократам, Ленин хохотал до слез и без конца выпрашивал у него о все новых и новых подробностях.

Очень интересовался Ленин встречами Горького с английскими писателями. Горький познакомился с Бернардом Шоу, виделся с Г. Уэллсом, с которым встречался еще в бытность свою в Америке, и с другими, менее известными писателями, но говорил он об этих своих встречах неохотно: он весь был поглощен впечатлениями съезда и встречами с русскими товарищами.

* *
*

В Лондоне Ленин дал Горькому обещание приехать на Капри после того, как будут закончены дела по съезду, и сдержал свое обещание.

Встречая его, Горький волновался, как мальчик. Ему страстно хотелось, чтобы Ленину понравилось у него, чтобы он отдохнул и набрался сил.

Ежедневная рыбная ловля на море ни того, ни другого не укачивала, давала им возможность беседовать друг с другом без помехи: на лодке с ними были только рыбаки-каприйцы да я.

Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о Волге, о своем детстве, о бабушке Акулине Ивановне, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Много говорил о дедушке.

Ленин слушал его с огромным вниманием, блестя прищуренными по привычке глазами, и раз как-то сказал Горькому:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...

Горький сразу осекся, замолчал, покашлял смущенно и невесело сказал:

— Напишу... Когда-нибудь.

Горький с увлечением показывал Лепину Помпею, Неаполитанский музей, где он знал буквально каждый уголок. Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя.

Горький удивительно рассказывал. Он умел двумя-тремя словами нарисовать пейзаж, обрисовать события, человека. Это его свойство особенно восхищало Ленина. Со своей стороны, Горький не переставал восхищаться четкостью мыслей и яркостью ума Владимира Ильича, его умением подойти к человеку и явлению прямо, просто и необыкновенно ясно.

Мне кажется, что именно с того времени Лепин нежно полюбил Горького. Не помню случая, чтобы Ленин сердился на него. Горький любил Ленина горячо, порывисто и восхищался им пламенно.

Уезжая в Париж, Владимир Ильич твердо обещал снова приехать на Капри вместе с Надеждой Константиновной. К сожалению, это обещание не было полностью исполнено, — во второй раз он приехал на Капри, но без Надежды Константиновны и очень ненадолго.

В то время на Капри жили А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров. Приехал из Берлина по делам издательства И. П. Ладыжников, старый друг и товарищ наш.

Еще когда мы шли от фуникулера до виллы Блезус, на которой тогда жили, Алексей Максимович заговорил с Владимиром Ильичем о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Базаров — изумительно талантливые, умные люди...

Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо отрезал:

— Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет.

Богданов, Базаров и Луначарский неоднократно делали попытки найти пути соглашения с Владимиром Ильичем, но от разговоров на философские темы Владимир Ильич, для которого ясна была полная бесполезность какой-либо дискуссии на данной стадии расхождения, определенно и твердо уклонялся, сколько ни старались втянуть его в такие беседы, в том числе и Алексей Максимович. А Горькому так хотелось понять суть разногласий, так глубоко волновало его резкое расхождение между товарищами.

В этот приезд Владимира Ильича Алексею Максимовичу редко удавалось побыть наедине с ним: мешали посторонние люди. Пробыл Владимир Ильич на Капри всего несколько дней, и после его отъезда у Горького было грустное настроение, с которым он долго потом не мог справиться.

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

Весной 1906 года я приехал из Луганска в Питер с мандатом на предстоящий очередной партийный съезд. Это был мой первый приезд в столицу.

С вокзала направился прямо на явку (явка оказалась цекистской); нужно было зарегистрироваться и получить необходимые указания и сведения, относящиеся к съезду. На явке принимал делегатов член ЦК Загорский (Крохмаль) — ярый меньшевик. Узнав, что я из Луганска, Загорский сделал кислую мину и, глядя в записную книжку, процедил сквозь зубы, сильно заикаясь: «Б-б-б-ольшевик, к-к-к-онечно». Отвечаю: «Да»... Загорский предлагает идти мне к «своим».

В этих советах я не нуждался. Я знал, куда мне идти к своим, но мне хотелось узнать (провинциальная наивность!), в Питере ли Владимир Ильич и нет ли его случайно здесь, на явке. Спрашиваю Загорского, нет ли здесь тов. Ленина? С выпученными глазами, весь взъерошенный, уже совсем не выговаривая ни одного слова, набрасывается на меня этот благообразный, адвокатского вида джентльмен, пытаюсь выпалить какую-то дерзость или ругательство. Хотя и был я не из робких, но при виде столь свирепого цекиста, никак не могущего меня выругать за мою «провинность», я немного сдрейфил и счел разумным ретироваться.

Очутившись на свежем воздухе и придя в себя, я не мог удержаться от смеха. Видно, наш Ленин заливает им за шкуру сала, как говорят у нас украинцы, подумал я. В подавленном настроении шествую по Невскому. Иду отыскивать «Вперед» — наше большевистское книгоиздательство, куда у меня есть и явки и частные письма друзей.

В Питере я впервые. Блеск магазинов и улиц, шум и тысячи празднующейся, разряженной и упитанной публики действуют ошеломляюще. Не без труда отыскиваю «Вперед». На-

хожу кого нужно и узнаю, что я приехал рановато, что хотя делегаты уже и начали съезжаться, но еще многих нет. Кроме того, здесь же мне сказали, что я должен побывать в «Техноложке» (Технологический институт) и показаться Надежде Константиновне. Бонч-Бруевич сообщил, что тов. Ленин в издательстве «Вперед» сегодня не будет.

Глубокий провинциал, все время проживший в Донбассе и кроме заводов, шахт и тюрем ничего не видавший, я немножко плохо почувствовал себя в огромном городе и в особенности после «официального» приема члена ЦК Крохмаля. Но, очутившись среди своей публики во «Вперед», я как-то ожил и уже в хорошем расположении духа направился в «Техноложку».

Надежда Константиновна с особенной мягкостью и лаской расспросила об организации, работниках, настроении рабочих и пр. Все записала, отметила в малюсенькой записной книжечке. Подробно инструктировала и сообщила все, что нужно и можно было сообщить о съезде. Не удержался и задаю вопрос, увижу ли, где и когда тов. Ленина? Надежда Константиновна, улыбаясь, говорит, что не раз увижу и услышу.

Отныне я уже тесно связался с большевистским центром. Теперь все в порядке. Отъезд за границу еще не назначен, и куда поедет, нам еще не сообщили. Приходится ждать.

Надежда Константиновна рекомендовала держаться осторожнее: «шпиков в Питере тьма тьмуцая». Сколько дней еще придется жить в Питере, неизвестно.

Из «Техноложки» иду отыскивать знакомых. Д. И. Лещенко, бывавший в Луганске от ЦК, живет в Питере. Вскоре нахожу квартиру и застаю его дома. Расспрашивает о впечатлениях от Питера. Мне все нравится. Только я хочу скорее видеть тов. Ленина. Удивляется, что я еще не видел Владимира Ильича. Он теперь почти каждый день показывается во «Вперед» и основательно «ощупывает» приезжающих делегатов съезда, говорит Лещенко.

На второй день, совсем рано, отправляюсь в издательство «Вперед». Решил сидеть целый день, если потребуются, чтобы не прозевать прихода Владимира Ильича. Вскоре у Бонч-Бруевича, заправлявшего тогда этим книгоиздательством, узнал, что Владимир Ильич обязательно должен быть: «будет совещание» с частью уже съехавшихся делегатов съезда.

Вооружаюсь терпением и жду. Через некоторое время один из делегатов, кажется сибиряк, приглашает следовать за ним. Не расспрашивая, направляюсь вслед за товарищем. Внутренними ходами и коридорчиками мы быстро попадаем в небольшую квартирку на втором или на третьем (не помню точно) этаже и проходим в совсем маленькую комнатку. Народа сидело человек десять — двенадцать. Мы втиснулись и, не на-

рушая порядка, кое-как устроились сидеть. Заседание началось, мы опоздали. Говорил один из делегатов. Речь шла о настроении рабочих масс в связи с выборами в I Государственную думу. Говоривший все время упорно смотрел на одного из товарищей, который сидел рядом с кем-то и как-то особенно, изредка сощурив глаза, бросал взоры то на оратора, то на кого-либо из сидевших в комнате.

Это он, подумал я, это Ленин. И почему-то мне показалось, что я уже где-то и когда-то видел его, что я его знаю. Стал всматриваться в лицо, фигуру, в движения. Хотелось возможно скорее и основательнее запечатлеть в памяти все, относящееся к тому, о ком так много думал и кого так хотелось видеть. Тут же представляю себе, как я, возвратясь к себе, буду описывать нашего Ленина своей пролетарской братве. Знаю, что будут требовать рассказать «все» и «подробно», и не раз придется рассказывать и на собраниях и на заводе в перерывах.

Оратор кончил. Слово получает следующий. Краткие доклады с мест, догадываюсь я, и начинаю волноваться. После двоих — моя очередь. Я должен буду отчитываться перед самим Лениным. Сразу стало как-то страшновато, даже жарко. А он спокойно слушает, изредка улыбаясь, и на бумажке быстро делает заметки.

Наконец моя очередь. Взгляд в мою сторону Владимира Ильича. Вопрос об имени и организации, мною представляемой. Помню ласковую улыбку и поощрительное какое-то замечание. Ободренный и успокоенный, я очень коротко сообщил об организации, настроении рабочих, выборах в Государственную думу и пр.

Доклады окончились. Владимир Ильич сжато сформулировал общее положение и тут же перешел к беседам с делегатами.

Совещание пошло совсем частный, предварительный характер: оно нужно было Владимиру Ильичу для ориентировки и других «ленинских» тактических и стратегических целей.

В разговорах Владимир Ильич много шутил и между шутками задавал то одному, то другому кучу разных, часто неожиданных вопросов. Его интересовало буквально все. Он с одинаковым интересом слушал и о том, как прошли выборы в Государственную думу, и о кознях меньшевиков, и о кадетях, о наших боевых дружинах, их обучении и вооружении, о казаках близлежащих от Луганска станиц и крестьянах, захвативших земли у помещиков, и пр. и пр.

Как сейчас помню, с каким воодушевлением Владимир Ильич подхватывал то или иное сообщение, которое отвечало его мыслям, подтверждало его предположения. Раза два и на мою долю выпало услышать от Ильича одобрительные замечания. Это было для меня истинным удовольствием. Я в собст-

венных глазах как-то выросстал, становился значительнее и увереннее.

Перед самым уходом Владимир Ильич заговорил о съезде и наших (большевистских) перспективах. Владимир Ильич не верил в объединительную миссию предстоящего съезда и старался подсчитать наши силы. Делегаты еще съезжались, и мы полагали, что будем иметь большинство. Но Владимир Ильич уже тогда допускал, что и меки (меньшевики) смогут иметь большинство на съезде и нам придется выдержать основательные бои с ними.

Слушали мы все Владимира Ильича и чувствовали такую громадную, мощную, титаническую силу в нем, что никакие «большинства» и махинации меньшевиков, о которых (махинациях) все присутствующие кое-что, и немало, порассказали, были нам не страшны. Теперь мы уже своими глазами видели и слышали того, кто являлся истинным стронтеlem пролетарской революционной партии и неустанным ее стражем и вождем.

Мы чувствовали, что наш Ленин точно знает пути и средства для защиты революции и революционной социал-демократии, на долю которой выпало руководить великим освободительным движением в России. Мы все верили, что революционные волны еще вздымаются и девятый вал впереди. Почти повсеместный бойкот I Государственной думы, прошедший под руководством большевиков, подтверждал это наше мнение.

С повышенным настроением расходились участники этого маленького совещания.

Я чувствовал себя превосходно. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление. Все в нем мне показалось необыкновенным. И его манера говорить, и его простота, и, главное, пронизывающие и сверлящие душу глаза.

Было хорошо и весело на душе. И я, позабыв на минуту о шпиках и прочей гадости, пошел бродить по улицам тогда еще чужого С.-Петербурга.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ РУКОВОДИТ БОЕВОЙ РАБОТОЙ ПАРТИИ

*(Страничка из истории военных
и боевых организаций нашей партии)*

Осенью 1906 года перед нами, работниками военных организаций, остро встал вопрос о дальнейших формах работы. Мы чувствовали, что у некоторой части социал-демократов начинается поворот в сторону ликвидации этой работы: дескать, все равно ничего не выйдет. А с другой стороны, мы имели огромный стихийный рост революционных настроений в армии и во флоте. Была громадная опасность, что все это революционное кипение и брожение выльется в беспорядочные и бесплодные, растрачивающие силы революционные вспышки, бунты. Это и на самом деле в значительной степени было так. Нужно было во что бы то ни стало работникам военных организаций сговориться между собой, сговориться с руководящими органами нашей партии, наметить формы связи и объединения всей этой работы. В то же время необходимо было придать большую четкость тем попыткам создать боевые организации, которые мы наблюдали в разных местах.

Вопросы вооруженного восстания стояли перед нами еще во весь рост. Лозунгу меньшевиков: «Не надо было братья за оружие» — большевики противопоставляли другой лозунг: «Надо подготовиться лучше, чем это было, к новому восстанию». В городах велась огромная работа по созданию боевых дружин. Эти боевые дружины собирали наиболее смелых, наиболее революционных, рвущихся в бой, готовых на самую решительную борьбу рабочих. Но они искали живого дела, непосредственной борьбы. Во многих местах: на Урале, в Прибалтийском крае, на Кавказе, в больших городах — эти боевики, боевые дружины пробовали свои силы в нападениях на участки, в отдельных террористических актах, в захвате оружия, в экспроприациях. Необходимо было и здесь внести ясность в задачи боевых дружин, боевых организаций.

Естественно, у рабочих боевых организаций возникла мысль о том, что надо связать воедино всю подготовительную работу к

восстанию, связать деятельность боевых организаций и военных. Многие товарищи усиленно изучали военное дело, минно-подрывное, изучали химию взрывчатых веществ (в этом отношении большую помощь нам оказывал покойный товарищ Павел Карлович Штернберг, кажется, бывший тогда профессором астрономии). В отдельных городах, как в Москве например, возникли во второй половине 1906 года такие объединяющие центры, как военно-техническое бюро.

Одновременно у разных товарищей возникла мысль о созыве всероссийской конференции военных и боевых организаций. Мы несколько раз собирались и после одного из совещаний наметили, что мы в конце 1906 года соберем конференцию военных и боевых организаций в Финляндии, в городе Таммерфорсе.

Всем известно, какую положительную оценку дал работам этой конференции Владимир Ильич, как он внимательно отнесся к вопросам, которые были подняты на этой конференции.

Прежде чем выехать на конференцию, я решил повидать Владимира Ильича. С большими предосторожностями, получив в столовой Технологического института, кажется, у товарища Богдановой, указание о том, как и когда с ним встретиться, я приехал в Финляндию, где и встретил Владимира Ильича, который буквально засыпал меня вопросами. Я сразу почувствовал, что передо мной товарищ, который до тонкости знает всю нашу работу и серьезно ею интересуется. Владимир Ильич не довольствовался общими ответами, он хотел знать подробности, механику всей нашей работы, дальнейшие наши планы, наши связи. Он живо интересовался нашим опытом постановки военно-инструкторской школы, где мы обучали наших боевиков обращению с взрывчатыми снарядами, изготовлению взрывчатых снарядов, обращению с пулеметами и другими видами оружия, минноподрывному делу, изучали тактику уличной борьбы — одним словом, готовили будущий командный состав наших боевых дружин для будущей революции. Чего больше всего боялся Владимир Ильич, это чтобы мы не бросились в какую-нибудь авантюру. Он самым тщательным образом расспрашивал меня, не затеваем ли мы какого-нибудь выступления, предупреждал, чтобы всякий сколько-нибудь серьезный шаг мы делали бы только с ведома большевистского центра; расспрашивал самым подробным образом о том, как мы организовали эту конференцию, нет ли опасности, что там будут проведены меньшевистские резолюции (так как мы предполагали, что на этой конференции будет и кое-кто из меньшевиков).

Я упрашивал Владимира Ильича побывать на этой конференции. Позднее мы написали даже ему письмо от имени Бюро военных и боевых организаций по созыву этой конференции. Он ответил нам на наше приглашение письмом, которое, к сожалению, не сохранилось, но содержание которого я отчетливо

помню и сейчас. Он благодарил за приглашение, высказал свое положительное отношение к конференции, считая ее чрезвычайно важной, одобрил порядок дня конференции и вместе с тем очень осторожно, но очень настойчиво предостерегал нас от каких-либо решений, которые расходились бы со всей нашей принципиальной большевистской линией. Позднее на эту конференцию Владимир Ильич все-таки послал товарища, который должен был в случае чего одернуть нас, — это был покойный товарищ Любич (Саммер), которому, однако, не пришлось внести какие-нибудь существенные изменения в наши решения.

Эта встреча с Владимиром Ильичем рассеяла у меня то настроение, с которым я ехал к нему. И мне и многим другим товарищам казалось, что мы все, боевики и военные работники, делаем какое-то дело, которое партия считает недостаточно серьезным, второстепенным, недостаточно серьезно к нему отнесется. Это объяснялось конспиративностью обстановки нашей работы. Разговор с Владимиром Ильичем убедил меня в том, что мы делаем дело нужное партии, важное для партии. Я уехал от Владимира Ильича буквально окрыленный. Мы знали, что Центральный Комитет (меньшевистский) нам будет всячески препятствовать в созыве этой конференции, что он попытается сорвать ее, что ему не по душе наша работа. Заручившись поддержкой Ильича, мы чувствовали себя уверенно, твердо. Мы знали, что наши решения найдут поддержку у большевиков, и в то же самое время мы ехали на эту конференцию с мыслью о том, что всю нашу работу мы должны строить таким образом, чтобы согласовать ее со всей нашей большевистской линией.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Мне выпало большое счастье встречаться с вождем партии и народа В. И. Лениным. Память об этих дорогих встречах навсегда осталась в моем сердце.

Впервые я увидел Ленина весной 1906 года на одном из заседаний Петербургского комитета РСДРП. Позже я слушал выступление Владимира Ильича на устроенном кадетами предвыборном собрании по выборам во II Государственную думу. Выступая под фамилией Карпова, Владимир Ильич остро и беспощадно разоблачал кадетов и эсеров как предателей интересов народа.

Каждое выступление Ленина, каждая встреча с ним учили жить и бороться, глубже и правильнее оценивать обстановку.

* *
*

В начале мая 1911 года я и еще два товарища были посланы Петербургским комитетом во Францию, в партийную школу, организованную в местечке Ложьюмо под Парижем. Недели полторы мы не начинали запятий: ждали, пока соберутся все учащиеся.

В это время готовилось заседание ЦК РСДРП. На нем ставился доклад Ленина о положении дел в партии и тактике социал-демократической партии в период своего подъема рабочего революционного движения. Владимир Ильич подготовил тезисы доклада и пригласил членов ЦК большевиков обсудить их. Пригласили и нас, учеников партийной школы. В тезисах была дана очень резкая оценка позиции меньшевиков. Каменев, Рыков и Зиновьев пытались доказать, что большевикам нельзя быть такими резкими, что этим можно сорвать работу ЦК. Но Владимир Ильич настаивал на своей оценке позиции меньшевиков. И тезисы были приняты.

И вот открылось заседание ЦК.

Владимир Ильич, в частности, очень резко критиковал одну из напечатанных тогда в «Искре» статей Мартова. Мартов под-

нялся и демонстративно покинул собрание. Ушел с собрания и Мартынов.

Закончив доклад, Ленин поставил на голосование свой проект резолюции. Он был принят большинством.

Для нас, молодых тогда членов партии, присутствие на заседании ЦК было большим уроком.

В конце мая съехались все ученики, и партийная школа в Лонжюмо начала свои занятия. Владимир Ильич преподавал политическую экономию, Надежда Константиновна — газетное издательство и связь, А. В. Луначарский — литературу и искусство. Должен был еще преподавать философию Г. В. Плеханов, но он не приехал из Швейцарии. Литературу обещал читать А. М. Горький, но тоже не смог приехать из-за болезни.

Самым замечательным лектором был Владимир Ильич. И не только потому, что он обладал глубокими знаниями политической экономики, но еще и потому, что умел излагать самый трудный материал особенно просто и ясно.

Владимир Ильич обсуждал с нами и ряд вопросов практической работы в России.

Владимир Ильич заботился о том, чтобы мы познакомились с мировым искусством. После лекций, которые нам читал А. В. Луначарский, мы часто бывали на экскурсиях в Лувре.

* *

*

В 1917 году я работал на Лысьвенском заводе тогда Пермской губернии. Недели через две после Октябрьской революции меня послали в Петроград за оружием для отрядов Красной гвардии. Приехав в Петроград, я направился в Смольный. Коридоры Смольного были переполнены матросами, красногвардейцами, рабочими.

К счастью, в это время Владимир Ильич вышел из своего кабинета, увидел меня, узнал и позвал к себе. Владимир Ильич посадил меня рядом с собой и предложил рассказать о делах на Урале. Пока я сидел, в кабинет входили отдельные товарищи и целые группы, направляемые в разные места в качестве уполномоченных по заготовкам продовольствия, топлива и многим другим делам. В. И. Ленин подписывал мандаты, давал наставления отъезжающим.

Владимир Ильич написал мне записку на получение ста винтовок и 60 тысяч патронов, потом сказал, что этого недостаточно, но в Петропавловской крепости мало оружия, а в Тульском арсенале есть, поэтому следует поехать туда. Владимир Ильич написал еще одну записку в Тулу о выдаче 250 винтовок, двух пулеметов и 12 револьверов.

Получив оружие из Петропавловской крепости и отправив его в Лысьву, я поехал в Тулу. Придя в губисполком, я встретил на посту председателя меньшевика. Я попросил председателя

написать распоряжение начальнику арсенала о выдаче оружия, сказав ему, что все равно песенка Временного правительства спета, а выдача оружия зачтется меньшевику как заслуга перед Советской властью. Распоряжение было дано.

Начальником арсенала был генерал бывшей царской армии. Принял он меня довольно вежливо. Но когда я ему подал распоряжение исполкома, он отказался выдавать оружие, заявив, что не подчинен Тульскому губисполкому. «А кому же вы подчинены?» — спрашиваю. Он сказал, что и сам не знает. «А может быть, — говорю, — подчинитесь распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров?» — и подаю начальнику арсенала записку Владимира Ильича. Прочитав ее, старый генерал вдруг опустил руки по швам и сказал: «Слушаюсь! Через два часа оружие будет отгружено». Обещание было точно выполнено.

* *
*

В январе 1919 года я приехал в Москву, пошел в Кремль.

Я искал Владимира Ильича в лучших помещениях Кремлевского дворца и не мог найти. Наконец, смотрю, открывается дверь в небольшой угловой комнате, выходит военный, а в комнате еще несколько человек. За столиком — Владимир Ильич.

В. И. Ленин стал меня подробно расспрашивать о положении на Урале. Я отвечал, что рабочие уральских заводов ведут борьбу против колчаковских властей. Колчаковская военная полиция избивает рабочих розгами и шомполами, а заподозренных в руководстве сопротивлением расстреливает. Рассказал о том, что уральские рабочие поддерживают нашу партию и с нетерпением ожидают возвращения Советской власти на Урал.

Тогда было чрезвычайно тяжелое и опасное положение: из Архангельска наступали англичане, на юге был Деникин, на востоке — Колчак. И вот я напрямик спросил: «А скажите, Владимир Ильич, победим мы или нет?» — «Обязательно победим», — с огромной убежденностью сказал он. Затем просто и убедительно объяснил: мы создали свою армию, армию Советского государства — Красную Армию; мы мобилизовали на фронт большое количество членов партии, пропитали ими все воинские подразделения так, что наша армия является по уровню политической сознательности самой лучшей армией в мире. Кроме этого, говорил Ленин, тылы у наших врагов чрезвычайно ненадежны. Народ ненавидит белогвардейцев, в тылу у наших врагов растет партизанское движение. Ленин говорил, что скоро начнется наступление Красной Армии на всех фронтах, а партизаны помогут в тылу. Кольцо из вражеских армий, сжимающее Советскую республику, лопнет и, подобно гигантской стальной пружине, выбросит всех наших врагов за границы страны.

Так и было, как сказал Владимир Ильич.

Весной началось наступление Красной Армии, а в середине июля ею были освобождены Свердловск, Челябинск. Зимой двадцатого года в Иркутске был расстрелян Колчак.

Прошли годы, Россия, как мечтал В. И. Ленин, стала могучей социалистической державой. И сегодня миллионы советских людей по заветам своего великого учителя строят светлое и прекрасное здание коммунизма.

*Челябинский рабочий, 1957,
21 апреля, с. 2*

В. И. ЛЕНИН

Владимир Ленин умер.

Даже некоторые из стаи врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, «который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность».

Немецкая буржуазная газета «Prager Tageblatt», напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления пред его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

По тону статьи ясно, что вызвало ее не физиологическое удовольствие, цинично выраженное афоризмом: «Труп врага всегда хорошо пахнет», не та радость, которую ощущают люди, когда большой беспокойный человек уходит от них,— нет, в этой статье громко звучит человеческая гордость человеком.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших выразителей воли к жизни и бесстрашия разума.

Писать его портрет — трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им.

Героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска, его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей.

То, что написано мною о нем вскоре после его смерти, — написано в состоянии удрученном, поспешно и плохо¹. Кое-чего я

---

¹ А. М. Горький имеет в виду раннюю редакцию очерка «В. И. Ленин», относящуюся к концу января — началу февраля 1924 г. *Ред.*

не мог написать по соображениям «такта», надеюсь вполне понятным. Прощателен и мудр был этот человек, а «в многой мудрости — много печали».

Далеко вперед видел он и, размышляя, разговаривая о людях в 19—21 годах, нередко и безошибочно предугадывал, каковы они будут через несколько лет. Не всегда хотелось верить в его предвидения, и нередко они были обидны, но, к сожалению, не мало людей оправдало его скептические характеристики. Воспоминания мои о нем написаны, кроме того что плохо, еще и непоследовательно, с досадными пробелами. Мне следовало начать с Лондонского съезда, с тех дней, когда Владимир Ильич встал передо мною превосходно освещенный сомнениями и недоверием одних, явной враждой и даже ненавистью других.

Я и сейчас вот все еще хорошо вижу голые стены смешной своим убожеством деревянной церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого, узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы. Это здание напоминало церковь только извне, а внутри ее — полное отсутствие предметов культа, и даже невысокая кафедра проповедника помещалась не впереди, в глубине зала, а — у входа в него, между двух дверей.

До этого года я не встречал Ленина¹, да и читал его не так много, как бы следовало. Но то, что удалось мне прочитать, а особенно восторженные рассказы товарищей, которые лично знали его, потянуло меня к нему с большой силой. Когда нас познакомили, он, крепко стиснув мою руку, прощупывая меня зоркими глазами, заговорил тоном старого знакомого, шутливо:

— Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка.

Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сузил куда-то под мышки, стоит фатром. И вообще, весь — как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя». Я — литератор. Профессия обязывает меня подмечать мелочи, эта обязанность стала привычкой, иногда — уже надоедливой.

Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу:

— Я поклонник вашего таланта.

---

¹ Впоследствии А. М. Горький в письме Институту Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) указывал на допущенную им неточность в этом месте воспоминаний (см. Октябрь, 1941, № 6, с. 22). Первая встреча А. М. Горького с В. И. Лениным состоялась в Петербурге 27 ноября (10 декабря) 1905 г. на заседании ЦК РСДРП; о первой встрече А. М. Горького с В. И. Лениным см. также в воспоминаниях М. Ф. Андреевой (настоящий том, с. 225—226). Более близко В. И. Ленин познакомился с А. М. Горьким на Лондонском съезде партии в 1907 г. *Ред.*

Кроме этого, он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желания поговорить «по душам».

А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одну рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать», оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они читают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом; смех его привлек рабочих, подошел, кажется, Фома Уральский и еще человека три.

Я был настроен очень празднично, я находился в среде трех сотен отборных партийцев, узнал, что они посланы на съезд полутораэта тысячами организованных рабочих, я видел перед собою всех лидеров партии, старых революционеров: Плеханова, Аксельрода, Дейча. Праздничное мое настроение было вполне естественно и будет понятно читателю, если я скажу, что за два года, прожитых мною вне родины, обычное самочувствие мое сильно понизилось.

Понижаться оно начало с Берлина, где я видел почти всех крупнейших вождей социал-демократии, обедал у Августа Бебеля, сидя рядом с очень толстым Зингером и в среде других, тоже весьма крупных людей.

Обедали мы в просторной уютной квартире, где клетки с канарейками были изящно прикрыты вышитыми салфеточками и на спинках кресел тоже были припилены вышитые салфеточки, чтобы сидящие не пачкали затылками чехлов. Все вокруг было очень солидно, прочно, все кушали торжественно и торжественно говорили друг другу:

— Мальцейт¹.

Слово это было незнакомо мне, но я знал, что французское «маль» по-русски значит плохо, немецкое «цейт» — время, вышло: плохое время.

Зингер дважды назвал Каутского «мой романтик». Бебель

---

¹ — На доброе здоровье (нем.). *Ред.*

с его орлиным носом показался мне человеком немножко самодовольным. Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кисло и снисходительно, а о своей, немецкой партии — очень хорошо! Вообще — все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей.

К немецкой партии у меня было щекотливое дело: видный ее член, впоследствии весьма известный Парвус, имел от «Знания» доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу «На дне». Он получил эту доверенность в 1902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть — мне, три четверти в кассу с.-д. партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его. Указал через И. П. Ладыжникова. ЦК отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее я слышал, что Парвуса лишили каких-то партийных чинов, — говоря по совести, я предпочел бы, чтоб ему подрали уши. Еще позднее мне в Париже показали весьма красивую девицу или даму, сообщив, что это с ней путешествовал Парвус.

«Дорогая моя, — подумалось мне, — дорогая».

Видел я в Берлине литераторов, художников, меценатов и других людей, они различались друг от друга по степеням самодовольства и самолюбования.

В Америке весьма часто видел Мориса Хилквита, который хотел быть мэром или губернатором Нью-Йорка, старика Дебса, который одиноко и устало рычал на всех и на все, — он только что вышел из тюрьмы, — видел очень многих и очень много, но не встречал ни одного человека, который понимал бы всю глубину русской революции, и всюду чувствовал, что к ней относятся как к «частному случаю европейской жизни» и обычному явлению в стране, где «всегда или холера или революция», по словам одной «гэнсом¹ лэди», которая «сочувствовала социализму».

Идею поездки в Америку для сбора денег в кассу «большевиков» дал Л. Б. Крассин; ехать со мною в качестве секретаря

---

¹ — прекрасной (англ.). *Ред.*

и организатора выступлений должен был В. В. Воровский, он хорошо знал английский язык, но ему партия дала какое-то другое поручение, и со мною поехал Н. Е. Буренин, член боевой группы при ЦК(б); он был «без языка», начал изучать его в дороге и на месте. Эсеры, узнав, с какой целью я еду, юношески живо заинтересовались поездкой; ко мне — еще в Финляндии — пришел Чайковский с Житловским и предложили собирать деньги не для большевиков, а «вообще для революции». Я отказался от «вообще революции». Тогда они послали туда «бабушку»¹, и перед американцами явились двое людей, которые, независимо друг от друга и не встречаясь, начали собирать деньги, очевидно, на две различных революции; сообразить, которая из них лучше, солиднее, у американцев, конечно, не было ни времени, ни желания. «Бабушку» они, кажется, знали и раньше, американские друзья сделали ей хорошую рекламу, а мне царское посольство — устроило скандал. Американские товарищи, тоже рассматривая русскую революцию как «частное и неудавшееся дело», относились к деньгам, собранным мною на митингах, несколько «либерально», в общем я собрал долларов очень мало, меньше 10 тысяч. Решил «заработать» в газетах, но и в Америке нашелся Парвус. Вообще поездка не удалась, но я там написал «Мать», чем и объясняются некоторые промахи, недостатки этой книги.

Затем я переехал в Италию, на Капри, там погрузился в чтение русских газет, книг, — это тоже очень понижало настроение. Если зуб, выбитый из челюсти, способен чувствовать, он, вероятно, чувствовал бы себя так же одиноко, как я. Очень удивляла клоунская быстрота и ловкость, с которой знакомые люди перескакивали с одной платформы на другую.

Приезжали из России случайные революционеры, разбитые, испуганные, обезленные на самих себя и на людей, которые вовлекли их в «безнадежное предприятие».

— Все пропало, — говорили они. — Все разбито, истреблено, сослано, посажено в тюрьмы!

Было очень много смешного, но — ничего веселого. Один гость из России, литератор, и — талантливый, доказывал мне, что я будто бы сыграл роль Луки из пьесы «На дне»: пришел, наговорил молодежи утешительных слов, она мне поверила и пабила себе шишек на лбу, а я — убежал. Другой утверждал, что меня съела «тенденция», что я — «конченный человек» и отрицаю значение балета только потому, что он — «императорский». Вообще было весьма много смешного, глупого, и часто казалось, что из России несетя какая-то гнилая пыль.

И — вдруг, точно в сказке, я на съезде Российской социал-демократической партии. Конечно — праздник!

¹ Имеется в виду эсерка Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934).
Ред.

Но праздновал я только до первого заседания, до споров по вопросу о «порядке дня». Свирепость этих споров сразу охладил мои восторги и не столько тем, что я почувствовал, как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, — это я знал с 903 года, — а враждебным отношением реформаторов к В. И. Ленину. Оно просачивалось и брызгало сквозь их речи, как вода под высоким давлением сквозь старую пожарную «кишку».

Не всегда важно — что говорят, но всегда важно, как говорят. Г. В. Плеханов в скюртуке, застегнутом на все пуговицы, похожий на протестантского пастора, открывая съезд, говорил, как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и пауза между словами. Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, воззал в него свой взгляд, точно гвоздь.

Одна из пуговиц на его скюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее, точно кнопку звонка, — можно было думать, что именно этот нажим прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— X-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков, Г. В. поднял брови, и у него побледнела щека; я говорю: щека, потому что сидел сбоку кафедры и видел лица ораторов в профиль.

Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то — съезжаясь, как бы от холода, то — расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе, рабочие, рядом с ним и сзади его, тоже улыбались, а из конца зала кто-то угрюмо и громко спросил:

— А по ту сторону — какие сидят?

Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина придается родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики — недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся — «все выдающиеся теоретики марксизма», сказал он.

— Вы — не марксисты, — пренебрежительно говорил он, — нет, вы не марксисты! — И толкал в воздух, направо, желтым кулаком. Кто-то из рабочих осведомился у него:

— А когда вы опять пойдете чай пить с либералами?

Не помню, выступал ли на первом заседании Мартов. Этот удивительно симпатичный человек говорил юношески пламенно, и казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий.

Он весь содрогался, качался, судорожно расстегивал воротник крахмальной рубашки, размахивал руками; обшлага, выскакивая из рукава пиджака, закрывали ему кисть руки, он высоко поднимал руку и тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место. Мне казалось, что Мартов не доказывает, а — упрасивает, умоляет: раскол необходимо изжить, партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на две, рабочий прежде всего нуждается в «свободах», надобно поддерживать душу. Иногда его первая речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое. В конце речи и как будто вне связи ее, все-таки «боевым» тоном, он все так же пламенно стал кричать против боевых дружин и вообще работы, направленной к подготовке вооруженного восстания. Хорошо помню, как на скамьях большевиков кто-то изумленно воскликнул:

— Вот те и раз!

А, кажется, М. П. Томский спросил:

— Может, нам и руки обрубить, для того чтоб т. Мартов успокоился?

Повторяю: не уверен, что Мартов говорил на первом заседании, я упомянул о нем только для того, чтоб рассказать, как говорили.

После его речи рабочие, в помещении перед залом заседания, угрюмо беседовали:

— Вот вам и Мартов! А — «искрист» был!

— Линяют товарищи интеллигенты.

Красиво, страстно и резко говорила Роза Люксембург, отлично владея оружием иронии. Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, замечая их вескими положениями, доказательст-

вами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, — все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

— Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою — силою, заключенной в нем.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для того, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи и, заикаясь, кричал:

— З-загово-орчки... в з-заговорчики играет! Б-бланкисты!

Одобрительно кивала головой Роза Люксембург; она очень хорошо сказала меньшевикам на одном из следующих заседаний:

— Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем¹.

Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Владимира Ильича. Не заметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие. Было очень странно и обидно видеть, что вражду к нему возбуждает такая естественная мысль: только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди ее. У меня образовалось такое впечатление: каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже. Кроме его речей, меня почти так же взволновала прекрасная и резкая речь против меньшевиков Розы Люксембург.

¹ Эти слова, обращенные к меньшевикам, были сказаны Л. Тышко, представителем польской социал-демократии. *Ред.*

Свободные минуты, часы он проводил среди рабочих, выспрашивал их о самых мизерных мелочах быта.

— Ну, а женщины как? Заедает хозяйство? Все-таки — учатся, читают?

В Гайд-парке несколько человек рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде. Кто-то из них характерно сказал:

— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой, такой же умный человек — Бебель или еще кто. А вот чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого, — не верится!

Другой рабочий добавил, улыбаясь:

— Этот — наш!

Ему возразили:

— И Плеханов — наш.

Я услышал меткий ответ:

— Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш.

Какой-то молодой парень юмористически заметил:

— Сюртучок Плеханова-то стесняет.

Был такой случай: по дороге в ресторан Владимира Ильича остановил меньшевик-рабочий, спрашивая о чем-то. Ильич замедлил шаг, а его компания пошла дальше. Придя в ресторан минут через пять, он, хмурясь, рассказал:

— Странно, что такой наивный парень попал на партийный съезд! Спрашивает меня: в чем же все-таки истинная причина разногласий? Да вот, говорю, ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою. Кажется — понял...

Обедали небольшой компанией всегда в одном и том же маленьком, дешевом ресторане. Я заметил, что Владимир Ильич ест очень мало: яичницу из двух-трех яиц, небольшой кусок ветчины, выпивает кружку густого, темного пива. По всему видно было, что к себе он относится небрежно, и поражала меня его удивительная заботливость о рабочих. Питанием их заведовала М. Ф. Андреева, и он спрашивал ее:

— Как вы думаете: не голодают товарищи? Нет? Гм, гм... А может, увеличить бутерброды?

Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: озабоченно щупает постель.

— Что это вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни.

Я не сразу понял: зачем ему нужно знать — какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:

— Вы должны следить за своим здоровьем.

Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное.

Известно, что строже всех судят человека его служащие. Но шофер Ленина, Гиль, много испытавший человек, говорил:

— Ленин — особенный. Таких — нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь — изломают машину, даю гудки, очень волнуюсь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофер, я знаю — так никто не делает.

Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло.

Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась острым концом в сторону классовых интересов трудового народа. В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева, объемом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич. — Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об «эксцентризме» как особой форме театрального искусства!

— Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизуток, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!

Года через два, на Капри, беседа с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!

Прощаясь, в Лондоне, он сказал мне, что обязательно придет на Капри отдыхать.

Но раньше, чем он собрался приехать, я увидел его в Париже¹, в студенческой квартирке из двух комнат, — студенческой она была только по размерам, но не по чистоте и строгому порядку в ней. Надежда Константиновна, сделав нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем. Тогда разваливалось «Знание», и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности, всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В. В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В. А. Десницкий-Строев.

Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.

Но Владимир Ильич разрушил этот план, указав на цензуру, на трудность организовать своих людей; большинство товарищей занято практической партийной работой, писать им — некогда. Но главный и наиболее убедительный для меня довод его был приблизительно таков: для толстой книги — не время, толстой книгой питается интеллигенция, а она, как видите, отстывает от социализма к либерализму, и нам ее не столкнуть с пути, ею избранного. Нам нужна газета, брошюра, хорошо бы восстановить библиотечку «Знания», но в России это невозможно по условиям цензуры, а здесь — по условиям транспорта: нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок, такую кучу нелегально не перевезешь. Подождем с издательством до лучших времен.

С поразительной, всегда присущей ему живостью и ясностью он заговорил о Думе, о кадетях, которые «стыдятся быть октябристами», о том, что «перед ними один путь направо», а затем привел ряд доказательств в пользу близости войны и, «вероятно, не одной, но целого ряда войн», — это его предвидение вскоре оправдалось на Балканах.

Встал, характерным жестом сунул пальцы рук за жилет под мышками и медленно шагал по тесной комнатке, гуржуриваясь, поблескивая глазами.

— Война будет. Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма. Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую войну. Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общеевропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованы, сознатель-

---

¹ Встречи А. М. Горького с В. И. Лениным в Париже состоялись в 1911 и в 1912 гг., т. е. после того, как В. И. Ленин ездил к А. М. Горькому на Капри, — в апреле 1908 г. и в июле 1910 г. *Ред.*

ны. Такая забастовка была бы началом гражданской войны, мы, реальные политики, не можем рассчитывать на это.

Остановясь, шаркая подошвой по полу, угрюмо сказал:

— Пролетариат, конечно, пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его — обесселят друг друга. Это — тоже неизбежно.

И, подойдя ко мне, он сказал, как бы с изумлением, с большой силой, но негромко:

— Нет, вы подумайте: чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более idiotическое и отвратительное? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории.

Он часто говорил об истории, но никогда в его речах я не чувствовал фетишистического преклонения пред ее волей и силой.

Речь взволновала его, присев к столу, он вытер вспотевший лоб, хлебнул холодного чая и неожиданно спросил:

— Что это за скандал был у вас в Америке? По газетам я знаю, в чем дело, но — как это вышло?

Я кратко рассказал ему мои приключения.

Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться.

— Ох, да вы — юморист! — говорил он сквозь смех. — Вот не предполагал. Черт знает как смешно...

И, стирая слезы смеха, он уже серьезно, с хорошей, мягкой улыбкой сказал:

— Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше.

Условились, что я зайду к нему через день, но погода была плохая, вечером у меня началось обильное кровохарканье, и на другой день я уехал.

После Парижа мы встретились на Капри. Тут у меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях.

Один Ильич, как только я встретил его на пристани, тотчас же решительно заявил мне:

— Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас преду-

предил в письме: это — невозможно! Так уж вы не делайте никаких попыток.

По дороге на квартиру ко мне и там я пробовал объяснить ему, что он не совсем прав: у меня не было и нет намерения примирять философские распри, кстати — не очень понятные мне. К тому же я, от юности, заражен недоверием ко всякой философии, а причиной этого недоверия служило и служит разноречие философии с моим личным «субъективным» опытом: для меня мир только что начинался, «становился», а философия шлепала его по голове и совершенно неуместно, несвоевременно спрашивала:

«Куда идешь? Зачем идешь? Почему — думаешь?»

Некоторые же философы просто и строго командовали: «Стой!»

Кроме того, я уже знал, что философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу. Это рассмешило Владимира Ильича.

— Ну, это — юмористика, — сказал он. — А что мир только начинается, становится — хорошо! Над этим вы подумайте серьезно, откуда вы придете, куда вам давно следует прийти.

Затем я сказал ему, что А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров — в моих глазах крупные люди, отлично, всесторонне образованные, в партии я не встречал равных им.

— Допустим. Ну, и что же отсюда следует?

— В конце концов я считаю их людьми одной цели, а единство цели, понятное и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философические противоречия...

— Значит — все-таки надежда на примирение жива? Это — зря, — сказал он. — Гоните ее прочь и как можно дальше, дружески советую вам! Плеханов тоже, по-вашему, человек одной цели, а вот я — между нами — думаю, что он — совсем другой цели, хотя и материалист, а не метафизик.

На этом беседа наша и кончилась. Я думаю, что нет надобности напоминать, что я воспроизвел ее не в точных словах, не буквально. В точности смысла — не сомпеваюсь.

И вот я увидел пред собой Владимира Ильича Ленина еще более твердым, непреклонным, чем он был на Лондонском съезде. Но там он волновался, и были моменты, когда ясно чувствовалось, что раскол в партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты.

Здесь он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно. А. А. Богданов, человек удивительно симпатичный, мягкий и влюбленный в Ленина, по немножко самолюбивый, принужден был выслушивать весьма острые и тяжелые слова:

— Шопенгауэр говорит: «Кто ясно мыслит — ясно излагает», я думаю, что лучше этого он ничего не сказал. Вы, г. Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм — революционнее марксизма?

Богданов пробовал объяснить, но он говорил действительно неясно и многословно.

— Бросьте, — советовал Владимир Ильич. — Кто-то, кажется — Жорес, сказал: «Лучше говорить правду, чем быть министром», я бы прибавил: и махистом.

Затем он азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски. Замечательно: даже и это детское уныние, так же как его удивительный смех, — не парушали целостной слитности его характера.

Был на Капри другой Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире, с поразительно мягким отношением к людям.

Как-то поздним вечером, когда все ушли гулять, он говорил мне и М. Ф. Андреевой, — невесело говорил, с глубоким сожалением:

— Умные, талантливые люди, не мало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше, а — не пойдут они с нами! Не могут. И десятки, сотни таких людей ломают, уродуют этот преступный строй.

В другой раз он сказал:

— Луначарский вернется в партию, он — менее индивидуалист, чем те двое. На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость» — черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие — от эстетизма у него.

Он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, о их заработке, о влиянии попов, о школе — широта его интересов не могла не изумлять меня. Когда ему указали, что вот этот попик — сын бедного крестьянина, он сейчас же потребовал, чтоб ему собрали справки: насколько часто крестьяне отдают своих детей в семинариумы, и возвращаются ли дети крестьян служить попами в свои деревни?

— Вы — понимаете? Если это не случайное явление — значит, это политика Ватикана. Хитрая политика!

Не могу представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к простым людям.

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шалапина и не мало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили

Ленина на особое место. Обаятелен был его смех,— «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глухости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объясняли ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь лесы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захотали и прозвали рыбака:

«Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?

Не помню, до Владимира Ильича или после его на Капри был Г. В. Плеханов.

Несколько эмигрантов каприйской колонии — литератор Н. Олигер, Лоренц-Метнер, присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи, Павел Вигдорчик и еще, кажется, двое — хотели побеседовать с ним. Он отказался. Это было его право, он — был больной человек, приехал отдохнуть. Но Олигер и Лоренц говорили мне, что он сделал это в форме очень обидной для них. Нервозный Олигер настаивал, что Г. В. сказано было нечто об «усталости от обилия желающих говорить, но не способных делать». Он, будучи у меня, действительно не пожелал никого видеть из местной колонии, — Владимир Ильич видел всех. Плеханов ни о чем не расспрашивал, он уже все знал и сам рассказывал. По-русски широко талантливый, европейски воспитанный, он любил щегольнуть красивым, острым словом и, кажется, именно ради острого словца жестоко подчеркивал недостатки иностранных и русских товарищей. Мне показалось, что его остроты не всегда удачны, в памяти остались только неудачные: «не в меру умеренный Меринг», «самозванец Энрико Ферри, в нем нет железа ни золотника» — тут каламбур построен на слове ферро — железо. И все — в этом роде. Вообще же он относился к людям снисходительно, разумеется, не так, как бог, но несколько похоже. Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем «аристо-

кратизма». Может быть, я сужу ошибочно. У меня нет особенной любви к ошибкам, но, как все люди, я тоже ошибаюсь. А факт остается фактом: редко встречал я людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это и естественно: один заканчивал свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир.

Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедует-ся как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастьям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку, — Человеку — с большой буквы.

В 17—18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными.

Он — политик. Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свиная крестьянская Россия.

У меня же органическое отвращение к политике, и я плохо верю в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности. Разум, не организованный идеей, — еще не та сила, которая входит в жизнь творчески. В разуме массы — нет идеи до поры, пока в ней нет сознания общности интересов всех ее единиц.

Тысячелетия живет она стремлением к лучшему, но это стремление создает из плоти ее хищников, которые ее же порабащают, ее кровью живут, и так будет до поры, пока она не осознает, что в мире есть только одна сила, способная освободить ее из плена хищников, — сила правды Ленина.

Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа.

Научная, техническая — вообще квалифицированная интеллигенция, с моей точки зрения, революционна по существу своему, и вместе с рабочей, социалистической интеллигенцией — для меня была самой драгоценной силой, накопленной Россией, — иной силы, способной взять власть и организовать деревню, я — в России 17 года не видел. Но эти силы, количественно незначительные и раздробленные противоречиями, могли бы выполнить свою роль только при условии прочнейшего внутреннего единения. Пред ними стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать, преобразить его хозяйство и всем этим быстро двинуть страну вперед; все это достижимо лишь при наличии подчинения инстинктов деревни организованному разуму города. Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. В этих целях я предложил устроить на Капри школу для рабочих и в годы реакции, 1907—1913, усиленно пытался всячески поднять бодрость духа рабочих.

Ради этой цели тотчас после февральского переворота, весной 17 года, была организована «Свободная ассоциация для

развития и распространения положительных наук» — учреждение, которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде. Во главе ассоциации стали крупные ученые, члены Российской академии наук В. А. Стеклов, Л. А. Чугаев, академик Ферсман, С. П. Костычев, А. А. Петровский и ряд других. Дейтельно собирались средства; С. П. Костычев уже приступил к поискам места для устройства исследовательского института по вопросам зооботаники.

Для большей ясности скажу, что меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций. Диктатура политически грамотных рабочих, в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией, была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню.

С коммунистами я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят и все «большевики», воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности. Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошастью, запряженной в тяжкий воз истории России. Несмотря на все толчки и возбуждения, испытанные им, разум народных масс все еще остается силой, требующей руководства извне.

Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть. Но — «написано пером — не вырубишь топором». К тому же: «на ошибках учимся» — часто повторял Владимир Ильич. Пусть же читатели знают эту мою ошибку. Было бы хорошо, если б она послужила уроком для тех, кто склонен торопиться с выводами из своих наблюдений.

Разумеется, после ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части спецов я обязан был переоценить — и переоценил — мое отношение к работникам науки и техники. Такие переоценки кое-чего стоят, особенно — на старости лет.

Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» — ценность человеческой жизни явно понижается, о чем неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралштов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырех лет позорной общевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне «культурные нации» оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая мещанская глупость: тугие петли ее и по сей день душат людей.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы замазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали «обыденной жизнью».

Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты»¹. Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное.

Не следует думать, что поведение «деревенской бедноты» было подчеркнуто мною по мотивам моего скептического отношения к мужику, нет, — я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное страдают и некоторые группы интеллигенции, например, те эмигранты, которые, очевидно, думают, что, если их нет в России, — в ней нет уже ничего хорошего.

Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить во что бы то ни стало человека необыкновенного. Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут — если они жаждут — вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

¹ По-видимому, речь идет о съезде комитетов деревенской бедноты Северной области, происходившем в ноябре 1918 г. в Петрограде. *Ред.*

«Не мешайте нам жить, как мы привыкли!»

Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это.

Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее спине, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. Вот он не существует физически, а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы.

Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Меня изумляла его нечеловеческая работоспособность. Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильный жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью. И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной.

Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе. Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды.

Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горьк,— до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова.

Они всегда напоминали мне холодный блеск железных стружек.

С удивительной простотой из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды.

Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял

свою роль в хаосе мира, — роль врага хаоса. Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков. А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал: — А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно «заливался» смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию «гм-гм» он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом «гм-гм» звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни.

Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви.

До 18 года, до пошлейшей и гнусной попытки убить Ленина, я не встречался с ним в России и даже издали не видал его. Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей. В ответ на мое возмущение он сказал неохотно, как говорят о том, что надоело:

— Драка. Что делать? Каждый действует как умеет.

Мы встретились очень дружески, но, разумеется, пронзительные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением.

Через несколько минут Ленин азартно говорил:

— Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их — нет, не может быть. Они никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуто в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась. Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре, а?

Ироническое, характерное:

— Гм-гм...

Острый взгляд становится еще острее, и пониженным голосом Ленин продолжает:

— Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справи-

лась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто.

— Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйста к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Он засмеялся и беззлобно сказал:

— За это мне от интеллигенции и попала пуля.

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она беспильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков.

Беседы с ним на эту тему возникали почти при каждой встрече. И, хотя на словах его отношение к интеллигенции оставалось недоверчивым, враждебным, — на деле он всегда правильно оценивал значение интеллектуальной энергии в процессе революций и как будто соглашался с тем, что, в сущности революция является взрывом именно этой энергии, не нашедшей для себя в изжитых и тесных условиях возможности закономерного развития.

Помню, я был у него с тремя членами Академии наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С таким работать — одно удовольствие. Особенно поправился мне этот...

Он назвал одно из крупных имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

— Спросите С., пойдет он работать с нами?

И когда С. принял предложение, это искренно обрадовало Лешна, потирая руки, он шутил:

— Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перенервует!

На VIII съезде партии Н. И. Бухарин, между прочим, сказал:

— Нация — значит буржуазия вместе с пролетариатом. Ни с чем не сообразно признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии.

— Нет, извините, — возразил Ленин, — это сообразно с тем, что есть. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации пролетариата от буржуазии, но — посмотрим еще, как оно пойдет.

Затем, показав на примере Германии, как медленно и трудно развивается процесс этой дифференциации, и упомянув, что «не путем насилия внедряется коммунизм», — он так высказался по вопросу о значении интеллигенции в промышленности, армии и кооперации. Цитирую по отчету «Известий» о прениях на съезде:

«Этот вопрос на предстоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средства буржуазной науки и техники сделают его более доступным массам.

А для этого надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех специалистов. Без буржуазных специалистов нельзя поднять производительной силы. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистами, поставить в такие условия, чтобы они не могли вырваться, но надо дать возможность работать им лучше, чем при капиталистах, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. Буржуазные специалисты привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, то есть обогащали буржуазию огромными материальными предприятиями и в ничтожных дозах уделяли ее для пролетариата. Но они все-таки двигали культуру — в этом их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс не только ценит культуру, но и помогает проведению ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Тогда они будут поработаны морально, а не только политически устранены от буржуазии. Надо вовлечь их в наш аппарат, а для этого надо иногда и на жертвы идти. По отношению к специалистам мы не должны придирчиваться системы мелких придирок. Мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика. Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовывали меньшевиков и левых эсеров, то через эти колебания все же идет одна самая твердая линия: контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать».

В этих прекрасных словах великого политика гораздо больше живого, реального смысла, чем во всех воплях мещанского, бессильного и, в сущности, лицемерного «гуманизма». К сожалению, многие из тех, кто должен был понять и оценить этот призыв к честному труду вместе с рабочим классом, — не поняли, не оценили призыва. Они предпочли вредительство из-за угла, предательство.

После отмены крепостного права многие из «дворовых людей», холопов по натуре, тоже оставались служить своим господам в тех же конюшнях, где, бывало, господа драли их.

Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

— Какую мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал:

— Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?

Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов пролетариата, не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головою и говорил:

— Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— Гм-гм, — скептически ворчал Ленин и указывал мне на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу.

— Между нами, — говорил он, — ведь многие изменяют, предаются не только из трусости, но из самолюбия, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент.

И все-таки я не помню случая, когда бы Ильич отказал в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех «недостатков механизма», которыми всегда изобилвала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и что-то злое нежелание

облегчить судьбу ценных людей, спасти их жизнь. Возможно и здесь «вредительство», враг циничен так же, как хитер. Мечь и злоба часто действуют по инерции. И, конечно, есть маленькие, психически нездоровые люди с болезненной жаждой наслаждаться страданиями ближних.

Однажды он, улыбаясь, показал мне телеграмму:

«Опять арестовали скажите чтобы выпустили».

Подписано: Иван Вольный.

— Я читал его книгу, — очень понравилась. Вот в нем я сразу по пяти словам чувствую человека, который понимает неизбежность ошибок и не сердится, не лезет на стену из-за личной обиды. А его арестуют, кажется, третий раз. Вы бы посоветовали ему уехать из деревни, а то еще убьют. Его, видимо, не любят там. Посоветуйте. Телеграммой.

Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность, а и забота о будущем их. Так, например, одному генералу, ученому, химику, угрожала смерть.

— Гм-гм, — сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. — Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

— А генерала вашего — выпустим, — кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

— Гомоэмulsionю...

— Да, да — карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтоб скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией.

Через несколько дней он снова спрашивал:

— А как — генерал? Устроился?

В 19 году в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

— Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

— Если это и выдуманно, то выдуманно неплохо. Шуточка революции.

Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

— Да, этим людям туго пришлось, история — мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо. Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и снова к земле не прирастут. А трансплантация, пересадка в Европу, умных не удовлетворит. Не вживутся они там, как думаете?

— Думаю — не вживутся.

— Значит — или пойдут с нами, или же снова будут хлопотать об интервенции.

Я спросил: кажется мне это или действительно он жалеет людей?

— Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума.

И, вспомнив некоторых товарищей, которые изжили классовую зоопсихологию, работают с «большевиками», он удивительно ласково заговорил о них.

Человек изумительно сильной воли, Ленин в высшей степени обладал качествами, свойственными лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева:

«Люди живут плохо — значит, я тоже должен плохо жить».

В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неудобную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам. Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Коченой рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмутив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидишь. А кругом все голодают.

Неприхотливый, чуждый привычки к вину, табаку, занятый с утра до вечера сложной, тяжелой работой, он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги:

— Здравствуйте, как здоровье? Я сейчас кончу. Тут один товарищ, в провинции, скучает, видимо — устал. Надо поддерживать. Настроение — не малая вещь!

Как-то в Москве прихожу к нему, спрашивает:

— Обедали?

— Да.

— Не сочиняете?

— Свидетели есть,— обедал в кремлевской столовой.

— Я слышал — скверно готовят там.

— Не скверно, а — могли бы лучше.

Он тотчас же подробно допросил: почему плохо, как может быть лучше?

И начал сердито ворчать:

— Что же они там, умелого повара не смогут найти? Люди работают буквально до обморока, их нужно кормить вкусно, чтобы они ели больше. Я знаю, что продуктов мало и плохи они,— тут нужен искусный повар.— И — процитировал рассуждение какого-то гигиениста о роли вкусных приправ в процессе питания и пищеварении. Я спросил:

— Как это вы успеваете думать о таких вещах?

Он тоже спросил:

— О рациональном питании?

И тоном своих слов дал мне понять, что мой вопрос неуместен.

Старый знакомый мой, П. А. Скороходов, тоже сормович, человек мягкой души, жаловался на тяжесть работы в Чеке. Я ска- зал ему:

— И мне кажется, что это не ваше дело, не по характе- ру вам.

Он грустно согласился:

— Совсем не по характеру.

Но, подумав, сказал:

— Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, ча- стенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и при- ходится, крепко сжав зубы, «держать душу за крылья» — на- силовать органический «социальный идеализм» свой ради тор- жества дела, которому они служат.

Приходилось ли самому Ленину «держать душу за крылья»?

Он слишком мало обращал внимания на себя для того, чтобы говорить о себе с другими, он, как никто, умел молчать о тайных бурях в своей душе. Но однажды, в Горках, лаская чьих-то де- тей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя в даль, на холмы, где крепко осела деревня, он до- бавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической зна- чительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жиз- ни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!

Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями.

Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я передко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаея Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого пельзя — руку откусят, и

надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!

Сам почти уже больной, очень усталый, он писал мне 9.VIII.1921 года:

Алексей Максимович!

Переслал Ваше письмо Л. Б. Каменеву.

Я устал так, что ничегошеньки не могу.

А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бесовственно и нерационально.

В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться и *втрое больше дела делать*.

Ей-ей.

А у нас ни лечения, ни дела — одна *суетня*. **Зряшная суетня**.

Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас.

Ваш Ленин¹.

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтоб я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то, где-то болен, нуждается в отдыхе?

Таких писем, каково приведенное, он написал разным людям, вероятно, десятки.

Я уже говорил о его совершенно исключительном отношении к товарищам, о внимании к ним, которое проницательно догадывалось даже о неприятных мелочах их жизни. Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам.

Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным. Я знаю, что между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знака равенства, но сам он этого как бы не знал, а вернее — не хотел знать. Он был резок с людьми, споря с ними, безжалостно высмеивал, даже порою ядовито издевался — все это так.

Но сколько раз в его суждениях о людях, которых он вчера распинал и «разносил», я совершенно ясно слышал ноты искреннего удивления пред талантами и моральной стойкостью этих людей, пред их упорной и тяжелой работой адовых условий 1918—1921 годов, работой в окружении шпионов всех стран и партий, среди заговоров, которые гнилыми нарывами вздувались на истощенном войною теле страны. Работали — без отдыха, ели мало и плохо, жили в непрерывной тревоге.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 109. Ред.

Но сам Ленин как будто не испытывал тяжести этих условий и тревог жизни, потрясенной до самых глубочайших основ своих кровавой бурей гражданской распри. И только один раз, в беседе с М. Ф. Андреевой, у него, по ее словам, вырвалось что-то подобное жалобе:

— Что же делать, милая Мария Федоровна? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!

Лично я слышал от него лишь одну жалобу:

— Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!

Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова:

«В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай».

А посмеявшись, сказал со вздохом:

— Какая умница! Эх...

Именно с уважением и удивлением он сказал, проводив из кабинета одного товарища «хозяйственника»:

— Вы давно знаете его? Он был бы во главе кабинета министров любой европейской страны.

И, потирая руки, посмеиваясь, добавил:

— Европа беднее нас талантливыми людьми.

Я предложил ему съездить в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но — поехал. В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобрительно сказал:

— Гм-гм! — и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

— А как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то, — изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что придете вы с товарищем, но умолчал, кто — товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероят-

но, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация! — Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похохатывал и говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И. есть еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто — по слухам — не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Я был очень удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого, — Владимир Ильич подметил мое удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов.

Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассалья.

Эти слова: «С нами, а — не наш» я слышал от него дважды, второй раз они были сказаны о человеке тоже крупном. Он умер вскоре после Владимира Ильича. Людей Владимир Ильич чувствовал, должно быть, очень хорошо. Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятясь к двери задом, раскланивался с Владимиром Ильичем, а Владимир Ильич, не глядя на него, писал.

— Знаете этого? — спросил он, показав пальцем на дверь; я сказал, что раза два обращался к нему по делам «Всемирной литературы».

— И — что?

— Могу сказать: невежественный и грубый человек.

— Гм-гм... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть, ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся; через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина.

О людях он думал много, обеспокоенный тем, что, по его словам:

— Аппарат у нас — пестренький, после Октября много влезло в него чужих людей. Это — по вине благочестивой и любимой вами интеллигенции, это — вследствие ее подлого саботажа, да-с!

Это он говорил, гуляя со мною в Горках. Не помню, почему я заговорил об Алексинском, кажется, он выкинул в это время какую-то дрянную штуку.

— Можете представить: с первой же встречи с ним у меня явилось к нему чисто физическое отвращение. Непобедимое. Никогда, никто не вызывал у меня такого чувства. Приходилось вместе работать, всячески одергивал себя, неловко было, а — чувствую: не могу я терпеть этого выродка!

И, удивленно пожав плечами, сказал:

— А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это темное дело, Малиновский...

Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго «заботливого друга».

— Загадочный вы человек, — сказал он мне шутливо, — в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик. У вас все — жертвы истории? Мы знаем историю, и мы говорим жертвам: опрокидывайте жертвенники, ломайте храмы, долой богов! А вам хочется убедить меня, что боевая партия рабочего класса обязана прежде всего удобно устроить интеллигентов.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что беседовать со мною Владимиру Ильичу было приятно. Он почти всегда предлагал:

— Приедете — позвоните, повидаемся.

А однажды сказал:

— Потолковать с вами всегда любопытно, у вас разнообразнее и шире круг впечатлений.

Расспрашивал о настроении интеллигенции, особенно внимательно об ученых, — я в то время работал с А. Б. Халатовым в «Комиссии по улучшению быта ученых». Интересовался пролетарской литературой:

— Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимыми организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока, — по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм, — говорил он, прищуриваясь и похохатывая. — Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой

части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо.

И жаловался:

— Читать — совершенно нет времени!

Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технической стихосложению.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу, — сказал он и пахмурился. — В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе.

Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, — издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и пудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно!

Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение, — значение вождя всемирного трудового народа.

И если бы туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душевной тьме безумевшего мира. И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память.

Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал.

Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17. М., Гослитиздат, 1952, с. 5—46

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

Первая (но мимолетная) встреча моя с Владимиром Ильичем произошла в Москве в 1895 году. Это был замечательный год. Борьба с народниками была в разгаре. Но марксисты были тогда плохо вооружены. И вот в начале года в Москве появилось нелегальное гектографированное издание «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в котором Ленин разоблачил истинное лицо народников — фальшивых друзей народа. В середине этого же года мы имели легальную книгу Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», на которой воспиталось целое поколение русских марксистов.

В один осенний день 1895 года меня пригласили вечером прийти на дискуссию между народниками и марксистами, в которой должен принять участие «один замечательный марксист, приехавший из Петербурга».

С обычными предосторожностями добрался я до нелегального собрания. Собрание происходило в роскошной барской квартире: громадный зал, уставленный богатой мебелью, рядом кабинеты поменьше. Как всегда бывает перед боем, в ожидании сражения (и приезда «замечательного марксиста») происходили стычки разведывательных частей. Народники нападали на нас. Их активно поддерживал популярный в то время блестящий молодой адвокат из радикалов — Маклаков, будущий лидер кадетов.

— Книга Бельтова — пасквильный памфлет, не больше, — волновался Маклаков.

Мы оборонялись, ожидая вождя.

Наконец приехал «замечательный марксист». Но Владимир Ильич не принял боя. Я увидел его в одном из соседних кабинетов, где он потихоньку разговаривал со стоящими около него. Очевидно, он приехал не для того, чтобы устраивать петушинный бой с либеральными краснобаями, а воспользоваться благо-

приятной конспиративной обстановкой и поговорить о важнейших задачах с нужными людьми.

Так дискуссия и не состоялась.

Близкое знакомство мое с Владимиром Ильичем состоялось в 1908 году в эмиграции, в Женеве, при следующих обстоятельствах.

В начале 1907 года я эмигрировал за границу. Женеву считалась тогда наиболее надежным убежищем для политических эмигрантов — туда я и направился. С жаром принялся я на свободе за партийную работу, и вдруг в один неприятный день меня арестовали. Посадили в огромную камеру вместе с уголовными арестантами, которые похабничали и хулиганили; питали нас бурдой с плавающей мочалкой, называя эту бурду «супом», и настоем желудей, который называли «кофе». Сiju месяц, другой, ничего не понимаю: за мои политические «преступления» в России Женеве не должна была меня арестовывать; нарушений швейцарских законов у меня не было. За что же я сiju?

Вдруг на третий месяц получаю с воли три мандарина. Это меня страшно раздосадовало: не нашли ничего лучшего послать! Я очень отощал от тюремных «супов» и «кофе». Прислали бы хлеба, колбасы! А тут присылают — тройку мандаринов! Ну что же, думаю, съем и мандарины. И каково же было мое изумление, когда из разломленного мною мандарина выпала маленькая воощеная бумажка: мандарины в том месте, где они прикрепляются к веточке дерева, имеют корочку, а внутри дупло. Корочку легко отколушнуть, в дупло заложить записочку и затем опять прилепить корочку на место. Раскручиваю записочку и читаю: «Не робей, приехал Ленин и занялся твоим делом».

Как потом выяснилось, дело обстояло так. Перед этим в Тифлисе была произведена крупная экспроприация царских денег под руководством легендарного кавказского революционера Камо. В связи с этой экспроприацией был арестован ряд революционеров за границей. Одна из арестованных, выехавшая из Женевы, была посажена в заключение в Мюнхене. И чтобы предупредить товарищей, она из мюнхенской тюрьмы решила написать в Женеву. Но на чей адрес? Наиболее солидным показался ей мой адрес. Письмо перехватили и меня посадили.

Конечно, для женевской полиции было ясно, что я никакого отношения к этой экспроприации не имел: в Тифлисе я никогда не был, по полицейским отметкам видно было, что я весь год жил в Женеве. Но, очевидно, царское правительство придраилось к этому поводу, чтобы потребовать моей выдачи и расправиться со мной за руководство Нижегородским и Сормовским восстаниями в 1905 году и за прежние дела. А «экспроприаторов» швейцарское правительство охотно выдавало царскому правительству: швейцарская буржуазия боялась: «сегодня они

грабят царя и российскую буржуазию, а завтра примутся за нас». Ясно, что мне грозила выдача в лапы царского правительства, а затем виселица «по совокупности».

Владимир Ильич развил необычайную эперию: пригласил одного из виднейших швейцарских адвокатов, кандидатура которого выставлялась тогда в президенты республики; внимательно следил за делом. И действительно, через несколько дней я был допрошен: выяснилась моя непричастность к тифлисской экспроприации, и я был освобожден.

Когда вечером я вышел из тюрьмы, то узнал, что идет заседание нашей большевистской партийной группы. Я отправился на заседание, и первые аплодисменты, которыми я был встречен, были аплодисменты Владимира Ильича.

Так товарищ Ленин спас мне жизнь.

Впоследствии мне не раз приходилось наблюдать эту ленинскую заботу о людях. Неукротимый враг в отношении врагов рабочего класса, Владимир Ильич был необыкновенно внимателен и чуток к товарищам по борьбе и по работе.

В эмиграции громадному большинству жилось очень тяжело: ложишься спать и не знаешь, что будешь есть завтра. У нас была касса взаимопомощи. Владимир Ильич всячески помогал ей. Бывало, обратятся к нему выступить с платным докладом в пользу нуждающихся товарищей. Измученный сверхчеловеческой работой: и редактированием газеты, и писанием статей, и выступлениями на собраниях, и перепиской с Россией, — Владимир Ильич никогда не отказывался и выступал с обширными, хорошо разработанными докладами перед большой аудиторией. Если он замечал, что кого-то из товарищей заела нужда, он сейчас же спешил на помощь, подыскивал работу, — так было и со мной не раз.

Но особенно широко сказалась эта его забота о людях тогда, когда он стал во главе правительства шестой части земного шара. В эпоху интервенции, голода, разрухи, занятый вопросом: отобьемся ли от врагов? удержится ли молодая Советская республика? — Ленин находил время подмечать нужды товарищей и приходил к ним на помощь. И помогать не только близким товарищам, но и рядовым трудящимся, незаметным работникам, с которыми ему приходилось случайно сталкиваться.

Еще и еще раз хочется вспомнить ряд поразительных примеров.

Недороды подорвали сельское хозяйство. Кулачье саботирует борьбу за урожай. Недостаток продовольствия резко сказывается на всей жизни страны. Из тогдашней крестьянской газеты «Беднота» сообщают Владимиру Ильичу, что приехал пожилой крестьянин-опытник Чекунов, который непременно хочет поговорить с «самим Лениным». Владимир Ильич принимает Чекунова. Во время важнейшего государственного разговора о

судьбах сельского хозяйства Владимир Ильич узнает, что у собеседника сломаны очки. И тотчас после приема — записка ко мне, тогдашнему народному комиссару здравоохранения:

«У меня сидит тов. Иван Афанасьевич *Чекунов*, очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма.

Он потерял очки, заплатил за *дрянь* 15 000 р.! Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, *удалось ли*»¹.

В этой записке все замечательно: и содержание, показывающее заботу о трудящемся, которого он видит первый раз в жизни, и стиль: «попросить Вашего секретаря»...

30 августа 1918 года. Черный день, когда эсеры устроили покушение на Ленина. После злодейских выстрелов эсерки в шею Владимира Ильича осталась пуля: пущенная сзади, она прошла в расстоянии всего 1—2 миллиметров от жизненно важных сосудов и нервов, находящихся в шее: только эластичность стенок этих крупнейших сосудов (артерий и вен) предохранила их от поражения и повреждения. Но, пройдя мимо них, вражеская пуля не вышла наружу, а осталась над ключицей, неглубоко под кожей.

В 1922 году решено было извлечь пулю. Владимира Ильича сначала рентгеноскопировали. Характерно, что такой внимательный к другим, Владимир Ильич мало заботился о себе. Тогда лучший рентген был в институте, директором которого был академик П. П. Лазарев. Решили просветить рентгеном Владимира Ильича там.

П. П. Лазарев в то время занимался изысканиями Курской магнитной аномалии и очень хотел, чтобы Ленин ознакомился с этими работами. Владимир Ильич и сам, как известно, уделял большое внимание этому делу.

Было условлено, что Лазарев сделает доклад не больше как на 20 минут, чтобы не утомлять Владимира Ильича, который уже тогда недомогал. Перед развешанной на стене картой с опознавательными значками мест бурения академик Лазарев начал доклад Владимиру Ильичу, но, увлекшись, говорил дольше 20 минут, и неизвестно было, когда он кончит. Я делаю ему устрашающие жесты и упрекающие гримасы, но он не останавливается.

Тогда я пытаюсь прервать доклад, но Владимир Ильич продолжает слушать с загоревшимися глазами и после доклада насыпает академика Лазарева массой вопросов. Он просил тогда его сообщать ему ежедневно краткой рапортчиком о ходе работ и о нуждах, и с тех пор работы быстро двинулись вперед.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 83—84. Ред.

Для операции извлечения пули Владимира Ильича положили в Боткинскую больницу. Персонал, ухаживающий за ним, был предупрежден, чтобы не беспокоить Владимира Ильича никакими просьбами, да и сам персонал это отлично понимал. Но Владимир Ильич умел помогать трудящимся не только тогда, когда они просили о помощи, но и тогда, когда скрывали нужду. Он, например, выпытал у ухаживающей за ним фельдшерницы Грешновой, что у нее большое горе: у нее больна туберкулезом девочка, но она боялась отправить девочку на лечение одну, хотела бы поехать с ней. А по общим правилам пребывание родителей в детских санаториях не допускалось. И вот Владимир Ильич пишет мне записку с просьбой помочь Грешновой.

Ближайшие сотрудники Владимира Ильича пользовались его неослабным вниманием. Он вникал во все их нужды, он заставлял товарищей беречь себя, отдыхать, лечиться. В то горячее время многие товарищи не только не слушались врачебных советов, но даже не выполняли указаний Владимира Ильича. В таких случаях у Владимира Ильича разговор был короток: через несколько дней данный товарищ получал постановление ЦК — партийная дисциплина обязывала подчиниться.

Вспоминаю такой случай. При одной из встреч Владимир Ильич говорит мне:

— Жалуются, что Чичерин (тогдашний нарком иностранных дел) устраивает заседания после 12 часов ночи и продолжает заседания до 4—5 часов. Переговорите с ним: зачем он калечит и себя, и других?

Я отправился к Чичерину и стал убеждать его в простой истине, что ночью нужно спать, а днем — работать. Но Чичерин был своеобразный человек: он стал доказывать, что именно ночью, когда никто не мешает, надо работать, а днем — спать. Он даже начал научно обосновывать это по только что вышедшей тогда книге о пении петухов, которую я перед этим перелистал, по обязанности просматривать выходящую биологическую литературу. И как я ни доказывал Чичерину, что петухи ложатся спать «по-петушину» и только потому у них к 2 часам ночи «приливает энергия», — он остался непреклонен. При следующей встрече я говорю Владимиру Ильичу:

— Что я буду делать с Чичеринным? Он явно в этом вопросе псих.

Через несколько дней я получаю постановление ЦК: Чичерину, копию — мне. Чичерину запретили устраивать заседания коллегии после 1 часа ночи.

Одним из любимых врачей в то время был доктор Ф. А. Гетье; он лечил товарищей, он был и при Владимире Ильиче до последнего дня его жизни. Гетье был на государственной службе и, казалось, был обеспечен. Но Владимир Ильич знал, как треплют старика, и в одной из записок мне пишет: «Насчет самого

Гетье. Денег он не берет. А теперь все платное. Лечит он многих. Нельзя ли ему от ЦК или от Президиума ВЦИК назначить плату и побольше помесечно? Внесите в Цека от моего имени и черкните мне»¹.

Особенно внимателен и чуток, я бы сказал нежен, был Владимир Ильич по отношению к детям. Известно, что по прямой инициативе Владимира Ильича был издан ряд декретов, охраняющих интересы детей; особенно важные декреты в пользу детей были изданы в годы голода. Ленин провел декрет о специальных судах с участием педагогов и врачей для разбора дел малолетних преступников и т. д.

Мне вспоминается целый ряд бытовых картинок, когда я жил в эмиграции под Парижем. Владимир Ильич часто на велосипеде заезжал ко мне. У меня тогда было двое малышей: мальчик лет десяти и девочка лет тринадцати. Владимир Ильич, заезжая ко мне, иногда не заставал меня дома и оставался ожидать. И вот, возвращаясь домой, я заставал картину: мальчишка сидит у него на одном колене, девочка — на другом, и, обнявши Владимира Ильича, они с разгоревшимися глазами слушают его рассказ, и я поражался, как умел Владимир Ильич говорить с детьми — просто и ясно, как друг и учитель. А после серьезных разговоров Владимир Ильич иногда говорил сыну: «Ну, Сергей, засучивай рукава, давай драться». И мой флегматик-малыш деловито засучивал рукава, серьезно становился в позу против Владимира Ильича, и они начинали боксировать.

Вспоминается такой случай. Владимир Ильич любил в дни отдыха покататься на велосипеде и подышать воздухом. Один раз под Парижем он заехал за мной, чтобы проехаться вместе. Так как и он и я были заняты в этот вечер, мы решили проехать недалеко, километров на пятнадцать — двадцать, на чудесное возвышение «Террасу», с которой открывается великолепная панорама Парижа. Узнав, что мы едем недалеко, дочка моя стала умолять взять ее с собой. Боясь, что она может стеснить Владимира Ильича, я отказал. Девочка в слезы. За нее вступился Владимир Ильич, и, несмотря на мои протесты, она поехала с нами.

Дорога, по километражу недлинная, оказалась очень тяжелой: спуск сменился подъемом, подъем — спуском.

Девочка прикустала и разомлела от жары. Это очень беспокоило Владимира Ильича. И как я ни успокаивал его: «девочка крешкая, спортсменка, устанет — отдохнет», — он все время заботился о ней. Надо было видеть, как он, сам весь мокрый от жары, не позволяя ей идти в гору, одной рукой тянул свой велосипед, а другой — ее, пот струился с его лица, и он, наклоняясь, вытирал его о рукава обеих занятых велосипедами рук.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 69. Ред.

И когда я смеялся и просил его бросить это занятие, он сердился и отвечал: «Вот у таких родителей надо отбирать детей».

Любовь к детям Владимир Ильич сохранил до последних дней своей жизни. Как известно, незадолго до смерти Владимира Ильича в его доме в Горках была устроена елка для крестьянских детей. Елка в те времена была необычайным явлением. Естественно, что крестьянские малыши, в первый раз в жизни видя блиставшую огнями и подарками елку, развеселились, расшалились. Владимир Ильич велел привезти его в зал (ходить он тогда уже не мог). Расшалившиеся ребятишки лезли к нему на колени, приставали. Надежда Константиновна и Мария Ильинична, сами очень любившие детей, пытались отстранить детей от Владимира Ильича. А он, тяжело больной, страдавший отчаянными головными болями, запрещал это делать Надежде Константиновне и Марии Ильиничне и приближал к себе детей.

Небольшой, узкий, длинный зал заседаний Совнаркома, с вдававшейся в него голландской печью, с низкими потолками, не был похож на зал заседаний правительства, которое управляет страной, занимающей шестую часть земного шара. Но эта скромность обстановки как нельзя более гармонировала с характером этого правительства и главы его — товарища Ленина.

Ровно в 6 часов, когда обычно начиналось заседание СНК, открывалась дверь сзади простого деревянного кресла председателя, и входил из своего кабинета товарищ Ленин. Все наркомы бывали уже налицо: Ленин поддерживал строго трудовую дисциплину.

Владимир Ильич беглым взглядом окидывал зал: все ли наркомы на месте, открыты ли окна, форточки или вентиляторы, садился в кресло к столу и наклонялся над бумагами, как бы освещающая рефлектором своего сократовского черепа работу собравшихся...

Владимир Ильич вел заседания так, что его примеру следовало бы подражать всем.

Он заботился об обстановке заседания — о том, чтобы оно дало при наименьшей затрате сил максимальные результаты. Забота о чистоте воздуха, о тишине во время заседания, о порядке обсуждения вопросов, о краткости и конкретности выступлений были постоянными предметами его забот. Иногда во время заседания летом он присаживался на подоконник окна, ведущего в кремлевский двор, чтобы подышать чистым воздухом. Владимир Ильич был отчаянным врагом курения: строго запрещалось курить во время заседания; наркомам, занятым курильщикам, чтобы избежать частой отлучки из зала заседаний, разрешалось курить за углом, за печкой и пускать дым в ледяную отдушину. Иногда за углом собиралось два-три курильщика, и они потихоньку затевали разговор между собой.

— Запечные тараканы, потише! — шутиливо замечал им Владимир Ильич.

Ненависть Владимира Ильича к курению послужила одним из комических эпизодов в моей жизни. Один раз при встрече он сказал мне:

— Что вы не поведете борьбу с табачным зельем? Я поддержу вас.

Ободренный этим, я, тоже враг курения, повел наступление. Все предлагавшиеся мной мероприятия распались на: 1) культурно-просветительные — пропаганда против курения в печати, через комсомол, женотделы, запрещение курения в общественных местах и т. д. и 2) народнохозяйственные — ограничение табачных культур, сокращение производства табака, торговли табаком. Характерно, что представители хозяйственных наркоматов (ВСНХ, земледелия, торговли и др.), вызванные мною на совещание, были так перепуганы, что подписались под всеми моими предложениями. Но в СНК меня встретили в штыки. На меня напали все хозяйственные наркомы. Я вижу, что хозяйственники меня проваливают, и с мольбой взираю на Владимира Ильича; но он ниже нагну голову и лукаво улыбался. Так меня хозяйственники и провалили (как и нужно было сделать), осталась только культурно-просветительная часть декрета. После я упрекал Владимира Ильича:

— Что же вы меня не поддержали?

— Ну, вы, батенька, и загнули! — ответил он мне.

На заседаниях СНК Владимир Ильич редко выступал в прениях первый (если он не был докладчиком): очевидно, он не хотел давить своим авторитетом. Он выжидал высказываний других. Если никто не брал слова, он часто даже вызывал товарищей: «Что скажет по этому поводу такой-то товарищ?» А в заключение он так убедительно резюмировал прения и вносил предложения, что они, как правило, проходили или единогласно, или громадным большинством голосов.

Вообще логика Владимира Ильича была изумительна, и против его аргументации трудно было устоять: его доказательства были удивительно просты, ясны и потому неоспоримы.

Простота логики Владимира Ильича всегда неотразимо действовала на слушателей. Помню, в 1910 году в Париже была устроена большая дискуссия с анархистами. Основной доклад делал я. Я подробно разобрал учение Кропоткина и популярных тогда западных анархистов. В прениях выступил с краткой речью Владимир Ильич. Он указал ясно и просто на то, что болтовня анархистов о «безвластии» глупа и вредна: буржуазии того и надо, чтоб «безвластных» рабочих раздавить и уничтожить всякое их сопротивление; что рабочим, наоборот, надо взять крепко власть в свои руки, установить железную диктатуру, подавить сопротивление буржуазии и строить социализм.

И я видел по глазам слушателей, как доходчивы были эти слова Владимира Ильича.

При своем бурном революционном темпераменте Владимир Ильич был на редкость сосредоточенный, четкий, собранный человек. В одном кинофильме Владимир Ильич изображен несколько суетливым человеком. Это не только неверно; этим приписываются Владимиру Ильичу такие черты, которые он всеми фибрами души ненавидел.

В руководстве Ленина партией и правительством, как, впрочем, и во всей жизни Ленина, поражала больше всего его принципиальность. К нему изумительно подходило то определение морали, которое он дал на III съезде комсомола: «...наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата»¹.

Каждый шаг в жизни Владимира Ильича был подчинен вполне интересам социализма.

Я уже говорил о ленинской заботе о человеке. Но эту заботу о трудящемся он сочетал с лютой ненавистью к врагам пролетариата.

Ленин с большим уважением относился к Плеханову. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях рассказывает, как Владимир Ильич ночей не спал после первых разговоров с Плехановым. Меня, как племянника Плеханова, одно время часто бывавшего у него (потом наши пути резко разошлись, и мы совсем не видались), Владимир Ильич подробно расспрашивал после каждого посещения Плеханова, что он говорил, как себя чувствует и т. д. И тем не менее, «вполне подчиняя себя интересам классовой борьбы пролетариата», Ленин бил Плеханова, изменившего делу рабочего класса, смертным боем и идейно уничтожил его.

И так — со всеми врагами пролетарской революции.

У меня сохранилась записка Ленина от 4 октября 1910 года. Это — письмо-открытка ко мне. Не знаю, обратил ли на это внимание Владимир Ильич, но открытка была по изображенной на ней картинке символична. Она изображала то место, где Рона уходит под землю; громадная река вдруг вся уходит, скрывается под землей, так что с поверхности ее совсем не видно; потом опять вырывается с пеной наружу, сметает все на своем пути и затем спокойно течет дальше в широком русле. Разве это не символ нашей партии, которой после 1905 года пришлось уйти в подполье, с тем чтобы через десяток лет вырваться наружу, снести с своего пути царизм и капитализм и мощно двинуться вперед к коммунизму!

Ленин был физически крепкий, сильный человек. Его коренастая фигура, крепкие плечи, короткие, но сильные руки — все

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309. Ред.

обличало в нем недюжинную силу. Ленин умел, поскольку он мог, заботиться о своем здоровье. Поскольку мог, то есть поскольку позволяла это его чрезмерно напряженная работа. Он не пил, не курил. Ленин был физкультурником в самом точном смысле слова: он любил и ценил свежий воздух, моцион, прекрасно плавал, катался на коньках, ездил на велосипеде. Будучи в петербургской тюрьме, Ленин каждый день делал гимнастику, шагал из конца в конец камеры. В эмиграции каждый свободный день мы целой компанией уезжали за город на велосипедах. В советский период он делал прогулки на автомобиле.

Если бы не железное здоровье Владимира Ильича, он не выдержал бы тяжелого ранения в результате покушения эсерки.

Ранение было исключительно тяжелое. Пуля, пронизавшая грудную клетку, залила ее кровью, порвав крупные сосуды. Пуля, попавшая в шею, прошла настолько близко от жизненно важных сосудов (сонная артерия и вена), что Владимир Ильич первые дни выделял с кашлем кровяную мокроту. И тем не менее уже через несколько дней Владимир Ильич почувствовал, что он выздоравливает, и был оптимистически настроен. Несмотря на мольбы врачей повременить с занятиями, Владимир Ильич начал рано заниматься и на упреки отвечал, улыбаясь: «Перемудрили...»

Последняя болезнь Владимира Ильича началась с незначительных симптомов: у него закружилась голова, когда он встал с постели, и он должен был ухватиться за стоявший рядом шкаф. Врачи, тотчас вызванные к нему, сначала не придали значения этому симптому. Профессор Даркшевич, известный невропатолог, вызванный к Владимиру Ильичу, считал болезнь настолько обычной («переутомление»), что позволил себе жаловаться Владимиру Ильичу, как трудно живется ученым, что приходится таскать самим дрова по лестнице и т. д.

А Владимир Ильич стал грустен и задумчив; он предчувствовал беду и на все утешения отвечал: «Нет, это первый звонок».

К несчастью всего человечества, прогноз его оправдался.

А затем потянулись кошмарные дни медленного угасания Владимира Ильича. Могучий организм его упорно боролся с тяжелой болезнью. Это была редкая в истории болезни схватка могучего мозга с разъедавшей его болезнью — артериосклерозом.

В январе и феврале 1923 года в состоянии здоровья Владимира Ильича наблюдались колебания в сторону улучшения. Владимир Ильич был еще в состоянии диктовать свои замечательные политические статьи. А 9 марта появился тяжелый приступ паралича правой стороны тела с резким поражением речи, сразу принявший стойкий характер.

В середине мая Владимир Ильич переехал в Горки, где оставался до самой смерти. В июле ему опять стало лучше.

Верный своей привычке, Владимир Ильич старался быть больше на свежем воздухе, совершал прогулки, катаясь в кресле, охотно искал грибы. Постепенно он начал ходить с посторонней помощью, а с начала августа приступил к упражнениям для восстановления утраченной речи. В октябре он уже мог самостоятельно ходить по комнате, опираясь на палку. Постепенно улучшалась речь. Владимир Ильич брал газету, просматривал ее и указывал статьи, которые должны были ему прочитываться, причем живо интересовался их содержанием. Медленно, с трудом начал писать левой рукой. Зимой, как я уже говорил, была устроена елка, на которой Владимир Ильич присутствовал.

Могучий организм боролся. Все ожидали, что состояние здоровья Владимира Ильича упрочится.

И вдруг — 21 января в 6 часов вечера разразилась катастрофа: почти в течение часа продолжался бурный припадок, с полной потерей сознания, резким общим напряжением мускулатуры. Температура тела дошла до 42,3°. Владимир Ильич умер, не приходя в сознание.

Вскрытие тела Владимира Ильича констатировало давний артериосклероз сосудов мозга. Посмертный диагноз гласил: склероз от чрезмерного напряжения. Характерно, что значительного склероза не было найдено ни в сосудах сердца, ни в сосудах других органов. Склероз от перенапряжения поразил именно мозг, орган мыслей и дум Владимира Ильича.

Склероз сосудов мозга Владимира Ильича был настолько силен, что сосуды эти обызвествились: при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько утолщились и сосуды настолько заросли, что не пропускали в просвете даже волоска. Так, целые участки мозга были лишены доступа свежей крови, оставались без питания.

Все врачи, присутствовавшие при вскрытии, удивлялись невиданному зрелищу: как мог Владимир Ильич при таком глубоком поражении таких значительных частей мозга мыслить, диктовать замечательные по глубине мысли статьи, интересоваться политикой. Даже отдельные сохранившиеся от болезни участки мозга продуцировали гениальные мысли Владимира Ильича.

В ТЕРИОКАХ И В ПАРИЖЕ

3 июня 1907 года, в день разгона в Петербурге II Государственной думы и ареста ее социал-демократической фракции, в Одессе, где я тогда работала, шла общегородская партийная конференция. Все делегаты конференции (и я в том числе) были арестованы и высланы. Вскоре я вернулась в Одессу, но так как оставаться там мне нельзя было, то Одесский комитет дал мне явку в Петербург. Легко представить себе мою радость: я буду работать в среде передового отряда нашего революционного рабочего класса, я, быть может, увижу там Ленина!

Для соблюдения конспирации я, прибыв в Петербург, сперва пошла в книжный магазин издательства «Зерно», помещавшийся на Невском проспекте, где получила адрес явочной квартиры в частной лечебнице на Литейном проспекте¹. Как и другие товарищи, получавшие туда направление, я пришла на явочную квартиру под видом больной. Меня проводили в кабинет, где находились две незнакомые женщины. Одна из них заговорила со мной. Я передала явку, и моя собеседница — сю оказалась большевичка Вера Рудольфовна Менжинская — стала задавать мне вопрос за вопросом. Тогда к нам подошла другая женщина, ранее сидевшая у окна, приветливо поздоровалась со мной и присоединилась к нашей беседе. Это была Надежда Константиновна Крупская. Она обстоятельно расспросила меня о моей партийной работе и сказала, где найти Евгения Попова, тогдашнего секретаря Петербургского комитета большевиков.

В тот же день меня снабдили «надежным паспортом» (не на мое имя) и брошюрой «О бойкоте третьей думы» со статьей В. И. Ленина «Против бойкота» и направили организатором Московского района, как тогда называли секретарей райкомов. Мне поручили связаться с одним из руководителей партийной организации Нарвского района — Александром Буйко для сов-

¹ Устройство явочных квартир у врачей, в магазинах, мастерских, лечебницах и т. п. было наиболее безопасным: туда ходило много разного народа, и это не так привлекало к себе внимание полиции. Т. Л.

местного ведения работы во время выборов депутатов III Государственной думы.

Впервые я увидела и услышала Владимира Ильича Ленина 27 октября (9 ноября) 1907 года на конференции с.-петербургской организации РСДРП. Местом ее работы был избран Терйоки — небольшой городок в Финляндии.

Мы приехали в Терйоки днем. Стояла холодная осенняя погода, накрапывал мелкий дождик. На некотором расстоянии от вокзала нас ожидали товарищи, которые узнавали прибывающих на конференцию по условному знаку. Каждый из нас имел в кармане синюю салфетку с цветной каемкой. Изредка мы вынимали ее, как носовой платок. К нам подходил встречавший, мы обменивались паролем, после чего, соблюдая осторожность, нас провожали к зданию, где должна была открыться конференция. Это было какое-то мрачное помещение, напоминающее собою сарай. Во двор вело два входа (а следовательно, и выхода), которыми можно было воспользоваться в случае появления полиции.

Делегаты прибывали постепенно. Кто разговаривал со знакомыми, кто здесь же заводил знакомство. Было довольно оживленно.

Я стояла в углу, разговаривая с одним из делегатов, когда к нам подошел незнакомый человек, небольшого роста, крепкий и широкоплечий, одетый в довольно поношенное темное пальто и на первый взгляд производивший впечатление профессионального революционера из рабочих. Выражение острых, пропитательных глаз говорило о большом уме и сильной воле человека. Лицо его казалось серьезным и повелительным. Слова заставляли невольно подчиняться.

Заговорив со мною, незнакомец засыпал меня вопросами. Как-то сразу захватило обаяние его личности. Все в нем внушало доверие: и острый взгляд, и горячая заинтересованность в том, о чем мы говорили, и неподдельная искренность. Он спросил, в каком районе я работаю, каковы построения рабочих, с которыми я встречаюсь, как они относятся к Государственной думе, как проходит в районе избирательная кампания и т. п. Вдруг мне пришла в голову мысль: «А с кем я говорю?»

Скрывая волнение, я спросила:

— А вы где работаете?

Мой собеседник улыбнулся и уклончиво ответил:

— Здесь же.

Я спросила, будет ли Ленин. Незнакомец ответил:

— Не знаю, — и, поблагодарив меня, заговорил с другими товарищами.

Я встревожилась и мысленно стала себя бранить: «Видишь человека в первый раз, ничего о нем не знаешь и пускаешься в такие откровенные разговоры!»

Между тем время шло. Прибывали новые делегаты. Я встретила товарища Землячку, разговорилась с Верой Слуцкой, с которой работала в одном районе, старалась втянуться в беседу, успокоиться, но безуспешно. Воспоминание о том, что «проговорилась», не давало возможности сосредоточиться ни на чем.

Вдруг в зале произошло какое-то волнение. Тихо, почти шепотом, из уст в уста стало передаваться слово «уходить». О конференции стало известно полиции, и она могла нагрянуть с минуты на минуту.

Почти в полной темноте, гуськом пробирались мы через незнакомый лес к внешне красивому, но недостроенному дому, почти без крыши. Изо всех щелей дул холодный ветер. В нашем распоряжении оказались две смежные комнаты. Делегаты поместились в одной, президиум и трибуна — высокая тумбочка — в другой.

Заседание началось. Председатель объявил, что слово для доклада о III Государственной думе предоставляется товарищу Ленину. Словно живительная струя пронеслась в воздухе.

Я приподнялась в волнении — сейчас увижу Ленина! — затем села на свое место и увидела, как к трибуне подошел товарищ, с которым я так непринужденно беседовала в углу, не зная его имени. Это был Ленин! Владимир Ильич дал ясный анализ социально-политических условий, сложившихся к осени 1907 года. Для чего большевистская партия идет в Думу? — спрашивал Ильич и отвечал: «Только для того, чтобы она в Думе высоко держала знамя с.-д., только для того, чтобы она в Думе вела непримиримую борьбу против контрреволюционеров всех видов и оттенков, начиная с союзников и кончая кадетами. Но ни в коем случае не для того, чтоб она поддерживала «левых» октябристов и кадетов»¹.

Владимир Ильич сделал на конференции еще один доклад — об участии социал-демократов в буржуазной печати².

Помимо двух докладов, Ленин выступал также по вопросу о подготовке к общерусской конференции и по другим вопросам порядка дня конференции.

Неизгладимое впечатление производили выступления Владимира Ильича. Изумляла простота его речи, несокрушимая логика, последовательность, глубочайшая убежденность. Он бросал в аудиторию слова, проникавшие в глубину сознания и чувства. Он говорил, и каждому из нас казалось, что речь обращена именно к нему.

Во время перерыва я подошла к Владимиру Ильичу и призналась, в какой большой тревоге находилась до тех пор, пока

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 135. *Ред.*

² Содержание докладов было в скором времени сообщено в большевистской газете «Пролетарий» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 131—138). *Т. Л.*

не увидела его на трибуне. Когда я поведала ему о причине тревоги, он весело рассмеялся:

— Вот так конспиратор! Как же это вы заговорили с знакомым человеком?

— Я поддалась чувству, я почувствовала в вас своего человека.

— Ай-ай-ай! По-чув-ство-ва-ла! Вам, стало быть, неизвестно, что чувство может обмануть, что нельзя так оценивать человека? — И он, добродушно посмеиваясь, продолжал укорять меня.

* *
*

Весной 1911 года, после тюрьмы и ссылки, я приехала в Париж. Через несколько дней я направилась на улицу Мари-Роз, дом № 4. Здесь в маленькой квартире жил Владимир Ильич Ленин со своей верной подругой жизни и сподвижницей в борьбе Надеждой Константиновной Крупской и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Быт этой маленькой семьи представлял собою загадку для парижских мещан. Крайняя скромность и идеальная чистота. Множество посетителей — и полное отсутствие шума, суеты.

Несмотря на малые размеры, квартира не казалась тесной благодаря царившему в ней образцовому порядку. На простых железных койках были постланы белоснежные покрывала, на некрашенных белых столах аккуратными стопочками лежали книги. Книг было множество. Кухня, уютная, чистенькая, служила столовой и гостиной. Сюда меня и пригласила Надежда Константиновна, которая открыла мне дверь и очень обрадовалась, увидев приехавшую из России большевичку.

Вскоре вернулся из библиотеки Владимир Ильич. Он засыпал меня вопросами о России, настаивал на подробнейшем описании каждой детали.

Ленин обладал непревзойденным даром заставить разговаривать каждого. Поэтому моя робость и смущение, вполне естественные, уже через несколько минут были совершенно побеждены его простотой и горячим интересом ко всему тому, что касалось России. Мне казалось, что мои петербургские новости уже устарели. Однако то, что я могла сообщить о работе петербургской партийной организации в 1908—1909 годах, не только представляло интерес для Владимира Ильича, но даже взволновало его, хотя он лучше нас всех был осведомлен о событиях в России и работе партийных организаций.

Владимир Ильич хотел знать все, вплоть до малейшей детали, если она помогала воссоздать картину партийной работы, вести которую в условиях жестокой столыпинской реакции было

особенно трудно. Он говорил: «Нет лишних подробностей, все они имеют значение» — и просил не опускать ничего.

С большим интересом слушал он о том, как была принята его книга «Материализм и эмпириокритицизм». Сейчас этот труд Ленина всем известен, его изучают миллионы людей. А тогда, когда книга впервые вышла в свет, она произвела на противников впечатлительные взорвавшейся бомбы. Ее появление положило начало широкому продвижению в партийные массы теоретических основ марксизма.

Особенно радовался Ильич тому, что партийный актив большевистского подполья, передовые рабочие, как только появилась книга, принялись с большим рвением изучать ее, и многие из них стали чувствовать себя настолько сильными в этих вопросах, что смело и с успехом выступали против махистов. Я назвала имена Александра Буйко, партийного профессионала, в прошлом рабочего Путиловского завода, большевика Бублеева с Семяниковского судостроительного завода (ныне — имени Ленина), работниц Поли (с фабрики Паля) и Ксюши (с фабрики Торнтон). В спорах на философские темы эти товарищи иной раз доводили интеллигентов-ревизионистов до того, что те, не имея возможности выставить сколько-нибудь серьезные аргументы, пускались на грубый обман. Так, один меньшевистствующий студент Технологического института кричал, будто «сам Ленин» во время революции 1905 года, когда они, кого сейчас «обзывают» махистами, выступали со своими философскими рассуждениями, не спорил-де с ними, а теперь вот выступает против них. В этом месте моего рассказа Владимир Ильич расхохотался и сказал:

— Кто же в разгар революции станет тратить время на споры с отдельными интеллигентами и обращать внимание на их философские выверты?

Далее Ленин стал объяснять мне, почему именно теперь, в полосу политической и идейной реакции, так важна решительная и непримиримая борьба с людьми, отрекшимися от марксизма и стремящимися под «марксистским флагом» протащить идеализм и всяческую поповщину. Нельзя, говорил Владимир Ильич, недооценить опасность заражения верхушки рабочих реакционными идейками, надо разгромить всех, кто ревизует марксистскую теорию. Затем, возвращаясь к услышанному рассказу, с удовлетворением продолжал:

— Вот и доказательство того, что рабочие в состоянии разобрататься в таком сложном вопросе! Они пролетарским чутьем понимают рабовладельческие идеи, преподносимые под видом чистой науки.

Я рассказала, как жила и работала петербургская партийная организация в эти годы, как пробравшиеся в руководящие органы партии провокаторы проваливали отдельные звенья под-

польной организации, как трусы и маловеры бежали из партии. Ленина особенно интересовала борьба питерской организации против ликвидаторов и отзовистов.

Для обеспечения единого фронта за Невской заставой и в других районах города в 1908—1909 годах эту работу возглавляла четверка. Она состояла из двух представителей от большевиков и двух — от меньшевиков-«партийцев» (плекхановцев). В задачи четверки входило: отколоть колеблющихся рабочих от меньшевиков-ликвидаторов, создать единый фронт снизу, бороться за рабочие массы путем использования легальных организаций. Вышибить из этих организаций прочно окопавшихся там меньшевиков-ликвидаторов было одной из важнейших задач четверки. Под лозунгом снятия ликвидаторов с постов мы, большевики, добились их изоляции и превратили эти организации в приводные ремни нелегально работающей партии.

Владимир Ильич внимательно слушал о том, как большевики сумели завоевать в Василеостровском районе правление союза металлистов и на место меньшевиков-ликвидаторов провели большевиков; как петербургский совет безработных добился организации общественных работ, открыл столовые, помогал рабочим материально, организовал политические выступления рабочих. После моего описания, как меньшевики отказались от нашего приглашения принять участие в секционной работе наших рабочих делегаций на съезде народных университетов, как они голосовали вместе с кадетами, Ленин произнес навсегда запомнившиеся мне слова: «Как они низко пали!»

Подготовка созыва Всероссийской (пятой) партийной конференции происходила в это тяжелое для питерской подпольной организации время, время ожесточенной борьбы с ликвидаторами и отзовистами во всех районах Петербурга. В Невском районе было довольно много отзовистов. И все же при выборах на конференцию (декабрь 1908 года) отзовисты получили меньшинство голосов. От большевиков-ленинцев на декабрьскую общероссийскую конференцию был послан делегатом товарищ Буйко.

Мое сообщение о работе Петербургского комитета вызвало одобрительные замечания Ленина. Он сказал, что в тех тяжелых и сложных условиях комитет работал неплохо.

Напомню, что на протяжении всех этих лет питерская организация была одной из ведущих организаций большевистской партии. А большевистская партия, как писал впоследствии Владимир Ильич, «сумела через немного лет продвинуться — в другой форме, по-иному — в цитадель врага и ежедневно «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри. Прошло еще немного лет, и организованная большевизмом пролетарская революция победила»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174—175. Ред.

Закончив рассказ о питерской организации, я спросила Владимира Ильича, слышал ли он о забастовке на сахарном заводе в Тальном.

— Нет, нет, — с живостью отозвался он, — расскажите, и, пожалуйста, поподробней.

В местечке Тальном Уманского уезда Киевской губернии единственным крупным предприятием был сахарный завод с 500 рабочими. Остальные рабочие местечка были портными, сапожниками, столярами, трудившимися в кустарных мастерских мелких хозяйчиков; эксплуатировали их самым нещадным образом.

Нам удалось организовать две стачки. Первыми забастовали почти все рабочие кустарных мастерских. Затем к ним присоединились рабочие сахарного завода. Получилась всеобщая забастовка. Требования рабочих были следующие: улучшение условий труда, повышение заработной платы, сокращение рабочего дня в субботу. После 10 дней борьбы забастовка окончилась нашей победой.

Слушал меня Ленин сидя, но потом встал и начал быстро шагать по комнате.

— Это хорошо, это хорошо, — повторил он несколько раз.

В стачке рабочих даже глухого уголка России Ленин увидел еще одно подтверждение правильности его определения характера этого периода. Как известно, он еще в октябре 1910 года писал, что реакция начала терять свои позиции, что наступила пора нового революционного подъема.

Наша беседа подходила к концу. Прощаясь, Владимир Ильич посмотрел на меня и лукаво заметил: — Так вы говорите, что Париж вас ошеломил? А мне кажется, что вы ошеломили Париж! — И, добродушно посмеиваясь, обратился к Надежде Константиновне: — Посмотри-ка на нашу парижанку!

Так, мимоходом, Владимир Ильич преподал мне урок конспирации. Мой внешний вид, которому я, по неопытности, не придавала значения, был действительно весьма неподходящим для человека, отнюдь не желавшего привлечь к себе внимание царских шпииков, которыми кишел Париж. На мне было длинное, широкое платье с пышными рукавами (а в моде тогда были короткие и узкие платья с короткими рукавами), какая-то допотопная широкополая шляпа и вдобавок длинные косы, о которых парижанки и представления не имели.

Немедленно по приезде я связалась с партийной организацией — парижской секцией большевиков. Наша секция работала в этот период под непосредственным руководством В. И. Ленина.

Вскоре же после моего приезда на одном из заседаний секции состоялись выборы бюро. Ленин присутствовал на этом собрании. Он придавал серьезное значение выборам руководящих

партийных органов. Перед выдвижением кандидатур он взял слово и сказал, что при выборах комитета надо иметь в виду главным образом связь товарищей с практической работой в России, выбирать тех, кто накопил в этой работе опыт, кто знает, чем живет рабочий в России, кто может внести свежую струю в работу секции и не собирается засиживаться в эмиграции.

Ленин руководил всеми нашими действиями, готовил нас в Париже к подпольной работе в России, готовил нас к новой революции, которая, как он всегда утверждал, приведет к победе.

В парижской секции, как и в России, оказались такие люди, которые встали фактически на защиту ликвидаторов и отзовистов. Примиренцы утверждали, будто с ликвидаторами можно бороться, не изгоняя их из партии. А Ленин взял твердый курс на очищение партии от всех и всяческих оппортунистов. Он считал абсолютно необходимым очистить от них и нашу парижскую секцию.

Припоминаю одно из собраний членов секции в помещении библиотеки на улице Гобелен. Обсуждался вопрос о ликвидаторстве и примиренчестве. Ленин, убеждая примиренчески настроенных членов секции, говорил:

— Ликвидаторы хотят ликвидировать партию. Мы же хотим ликвидировать ликвидаторов. Вы стоите за партию или хотите идти с ликвидаторами, против партии? За столыпинский режим, за самодержавие или против них? Либо с партией, либо с ликвидаторами — третьего не дано, золотой середины быть не может. Надо решать не по личным симпатиям, а принципиально.

Такой постановкой вопроса Ленин прижал примиренцев к стенке. В духе этого выступления была составлена и предложенная им резолюция. Предлагая резолюцию, Владимир Ильич воскликнул:

— Вот резолюция, против которой не поднимется ни одна рука! Кто хочет быть с партией и бить самодержавие, тот не может не голосовать за эту резолюцию. Вот на какой основе я предлагаю объединиться. Кто не с нами — тот против партии.

Ленин ставил перед собой ясную цель — расколоть группу примиренцев. И цель была достигнута. Несколько рабочих из этой группы отошли от нее, вернулись на ленинские позиции. И после бурных споров предложенная Лениным резолюция была принята. Упорствующие и неисправимые примиренцы были исключены из состава парижской секции. Ряды секции заметно поределели.

Кое-кого из товарищей смущала резкость и непримиримость Ленина по отношению к оппортунистам. Один из них сказал Ильичу:

— Что же это вы, Владимир Ильич, всех вышибаете из секции? С кем же мы будем работать?

Ленин, улыбнувшись, ответил:

— Путаницы нам не надо, пусть нас сейчас мало, зато мы будем едины в действии, и сознательные рабочие нас поддержат, ибо путь наш правилен.

Надо, однако, сказать, что суровая непримиримость Ленина никогда не оскорбляла. Он всегда угадывал, когда ошибка порождена враждебной мыслью и когда — недостаточным пониманием вопроса. И он терпеливо разъяснял товарищам их ошибки и заблуждения. Он знал, что после таких «проборок» необходимо ободряющее слово как стимул для дальнейшей работы. И он всегда находил это слово, показывал, что сделано хорошо, что заслуживает одобрения. Одно его слово поощрения, сказанное с мягкой улыбкой, окрыляло нас, вливало новые силы.

Ленин был беспощаден к противникам, чуток и внимателен к сторонникам и друзьям. Все его помыслы были устремлены к одной цели: организовать политическую работу в России и создать поколение рабочих руководителей, непреклонных в борьбе, непримиримых к врагам марксизма, ко всякого рода идейным шатающим. Ленин учил нас принципиально, честно относиться к поступкам и делам товарищей. Если человек изменял общему делу, Ленин бесповоротно порывал с ним.

В период пребывания в Париже в 1909—1912 годах, живя мыслью о России, Владимир Ильич внимательно изучал и французское рабочее движение. Он требовал и от нас, членов парижской секции, активного участия в политической жизни Франции. Поэтому члены нашей секции изучали французский язык, историю революционного движения Франции и других западноевропейских стран, посещали собрания рабочих, участвовали в профессиональном движении, поддерживали все политические мероприятия рабочих организаций Парижа. Члены нашей секции — Н. К. Крупская, Инесса Армаид, С. И. Гопнер и другие — вели активную работу среди французских рабочих и работниц.

Наша организация весьма нуждалась в деньгах для печатания литературы. Деньги добывались устройством лекций, рефератов, лотерей, концертных вечеров и т. д. Один такой вечер было поручено организовать мне. Я решила пойти посоветоваться к Надежде Константиновне. Мы припились вместе разрабатывать программу вечера. В разгар нашей беседы в комнату вошел Владимир Ильич. Он послушал нас, улыбнулся нашему спору насчет буфета (вопрос был денежного характера) и сказал:

— План должен быть не только коммерческим, но и идейным. В программу должен быть внесен агитационный элемент. Пригласите Монтегюса. Он вам и публику соберет, и агитацию проведет.

Совет был как нельзя более удачный. Сын коммунара, Монтегюс в течение известного времени был верен революционным традициям семьи. Он легко слагал куплеты, удачно подбирал к ним музыку, а может быть, и сам сочинял ее, выступал со своими песенками в дешевых театрах, а порой и в кабачках рабочих предместий. «Смех убивает», — говорит французская поговорка. Люди, не расстававшиеся с горем и нищетой, находили в искрящихся остроумием куплетах Монтегюса моральный отдых и нечто вроде залога будущей мести сытым эксплуататорам. Владимир Ильич всегда с восторгом слушал Монтегюса.

Наш вечер состоялся в зале дома № 8 по улице Дантона (в Латинском квартале). Этот зал был привычным местом наших встреч. Там Ленин читал свой знаменитый реферат о Льве Толстом. В том же зале, в октябре 1911 года, он читал реферат «Столыпин и революция». Во время концерта, когда Монтегюс пел, Ленин время от времени тихонько подпевал ему.

После окончания концерта Владимир Ильич ушел не сразу. Я увидела его за столиком: он был увлечен жаркой беседой с Монтегюсом, развивал перед ним перспективу грядущей мировой революции. Вокруг них собрались наши товарищи. Никогда я не видела Владимира Ильича столь полным юмора, веселья, оживления.

В. И. ЛЕНИН В ПАРИЖЕ

После основательных «провалов» в Одессе и Екатеринославе в конце лета 1910 года, после бесчисленных попыток продолжать подпольную партийную работу на родине мне пришлось уехать из России. Перехитрив полицию, я получила заграничный паспорт и в сентябре очутилась в Париже.

Не успела я насладиться чувством освобождения от полицейских тисков и «всевидающего ока» царской охранки, как меня уже коснулось чувство растерянности. Вспомнились слышанные еще в России рассказы о невзгодах эмигрантской жизни. Тревожил вопрос: кому я тут нужна, что я буду делать, удастся ли найти заработок?

Париж был в те годы, после поражения революции 1905—1907 годов, одним из крупнейших центров русской политической эмиграции. Сюда съезжались многие революционеры, бежавшие от суда, из тюрьмы, с царской каторги и ссылки. Большинству эмигрантов жилось очень трудно.

В Париже жил в те годы Владимир Ильич Ленин. Я мечтала о встрече с ним, но мне казалось, что Ленину мое посещение не будет интересно, что ничего нового я ему сообщить не смогу.

Эти сомнения рассеял один товарищ, встретивший меня на улице на другой день после моего приезда. Узнав о моих колебаниях, он возмутился: «Как вы не понимаете, Наташа (моя подпольная кличка), что Ильич набрасывается, как голодный на пищу, на каждого свежего человека из России!». И действительно, позже я убедилась, что встречи с людьми, только что приехавшими из России, служили для Ленина одним из источников свежей информации о положении дел на родине. Находясь вдали от родной страны, Ленин идейно и политически руководил нашей подпольной партией в России, прочитывал уйму русских газет и журналов, вел деятельную переписку с товарищами по партии.

От того же товарища, встретившего меня на улице, я узнала адрес, день и час ближайшего заседания парижской группы

большевиков. На этом заседании в небольшой комнате на верхнем этаже кафе я сразу увидела Ленина. Он сидел в углу, склонившись над шахматами. Я узнала его не по портрету, ибо портреты Ленина тогда по условиям конспирации нигде не распространялись. Я узнала его, так как до того видела и слышала его в 1907 году в Финляндии. А раз увидев Ильича, нельзя было не узнать его при новой встрече. Ум, сердце и внимание каждого из нас безраздельно были прикованы к нашему гениальному учителю и вождю, и в нашей памяти навсегда запечатлелось то, что было в нем своеобразного, неповторимого.

На заседании обсуждались сравнительно небольшие текущие вопросы. Ленин взял слово и говорил не больше пяти — восьми минут. С тех пор прошло более 45 лет, и я, к сожалению, не помню этой речи Ильича. Но никогда не забуду, как она коренным образом изменила мое самочувствие. Состояние усталости, физической разбитости совершенно исчезло. Казалось, я вздоровела от тяжелого недомогания.

В конце заседания ко мне подошла Надежда Константиновна Крупская. Тонем дружеского упрека она сказала: «Так это вы та Наташа, которая не хочет к нам прийти! А Ильич поручил мне непременно вас притащить. Приходите к нам завтра, в восемь часов вечера».

В назначенный час я подходила к дому № 4 на улице Мари-Роз. Помню, как я волновалась, еще не зная, что нового о жизни партии я смогу рассказать Ленину.

Меня повели прямо в «приемную», т. е. в маленькую кухню, где у стены против газовой плиты стоял небольшой продолговатый стол, покрытый клеенкой. Эта «приемная» была одновременно и «столовой». За вечерний чай и скромный ужин усадили меня и сели Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее старенькая мать.

Я все еще не знала, с чего начать рассказ. Но уже после первых слов Владимира Ильича, после первых его вопросов пережитое мной за последние месяцы на родине представилось вдруг в новом свете. Я сама почувствовала по-новому интерес к тому, что сообщала Ленину, и прониклась сознанием своей полезности. Причина этой перемены лежала в том напряженном внимании, с которым слушал Владимир Ильич. Редкими, осторожными вопросами, незаметно для меня самой, Ленин не давал мне комкать рассказ, направлял его. Все больше увлекаясь, я сообщила о событиях 1909 и 1910 годов в Одессе, Николаеве и Екатеринославе: о попытке издавать в Одессе печатный орган партии, о налете полиции на типографию, о такой же попытке в Екатеринославе, о работе подпольных кружков, о проникновении в кружки тайных агентов охраны, об арестах, о предстоявшем судебном процессе Одесского комитета большевиков.

В этот вечер я впервые испытала всепокоряющую силу воздействия Ленина на людей. Многие современники Владимира Ильича подчеркивают в своих воспоминаниях его способность слушать. Одним своим вниманием и очень немногими вопросами Ленин ободрял и подымал собеседника. Эта черта Ленина стала одной из лучших традиций большевиков. Умение выслушать служит средством не только лучше познакомиться с тем или иным вопросом. Это умение является лучшим средством изучения людей, лучшей помощью в их воспитании, способствует их морально-политическому подъему и вместе с тем помогает наиболее целесообразному использованию их на работе в партии.

К концу беседы я прониклась сознанием того, что и тут, в эмиграции, я пригожусь для партии. В особенности я ободрилась, когда Владимир Ильич предложил изложить мое сообщение в форме краткой корреспонденции для центрального органа партии — «Социал-демократа», который издавался в Париже и тайно переправлялся в Россию. Корреспонденция мною была написана и напечатана в № 1 «Рабочей газеты».

Во время этой встречи я получила также наглядный пример организованности, которую Ленин соблюдал во всем и повсюду. В самом начале я спросила Ленина, сколько времени он может посвятить беседе со мной; Владимир Ильич ответил: «Времени хватит, а так как мы соединим беседу с чаепитием, то в нашем распоряжении час — полтора». И вот, когда я увлеклась рассказом и забыла о времени, Ленин посмотрел вдруг на часы: очевидно, назначенное время истекло. Я поспешила закончить сообщение. Дослушав меня, Ленин быстро взял со стола недопитый стакан чаю, повторил предложение написать корреспонденцию, дружески простился и ушел в рабочую комнату. Эта комната, которую кто-то в воспоминаниях назвал «кабинетом», меньше всего походила на кабинет. По стенам некрашенные полки с книгами, посреди комнаты продолговатый, тоже некрашенный, стол, покрытый бумагой и заваленный газетами, два-три стареньких самых дешевых стула — вот и весь «кабинет».

Только через много лет, когда было издано Полное собрание сочинений В. И. Ленина, мы узнали по-настоящему, какую титаническую работу, теоретическую, политическую, организационную, проделал Владимир Ильич в те годы. Но уже тогда, в Париже, мы всё знали, что Ленин очень дорожит временем, что у него нельзя зря отнимать ни одной минуты.

И все же Владимир Ильич находил время, когда надо было помочь товарищу в беде. Однажды, возвратившись поздно вечером домой, я застала у себя записку. В ней мне сообщали, что накануне вечером у Ленина говорили о тяжелом положении больного товарища — Курнатовского и что решено перевести его из одной больницы в другую. Меня просили от имени Ленина съездить к моему знакомому, видному французскому хирургу,

просить его устроить этот перевод. Записка заканчивалась словами, что Ленин просит меня сообщить ему время, когда я поеду, а также результат переговоров. Созвопившись с хирургом, я дала знать Владимиру Ильичу, что свидание назначено на завтра, на 12 часов дня. В тот же вечер мне передали новую записку о том, что Ленин хочет поехать со мной и будет у меня к 11 часам утра.

Зная аккуратность Владимира Ильича, я в назначенное время стала прислушиваться к звонкам. Вдруг я услышала какой-то шум на лестнице и поспешила открыть дверь. Оказалось, что это Ленин быстро подымался на шестой этаж, шагая через две ступеньки и напевая какой-то мотив. Ему было в это время 40 лет, он был жизнерадостен, полон сил.

Запомнила я и другую подробность этой встречи. Увидев у меня на стене художественную открытку с копией одной картины передвижников, он пристально разглядывал ее и совсем тихо сказал: «Как хорошо эти картины передвижников передают русскую жизнь...». Именно в связи с этими словами Ленина я сохранила в своем архиве эту открытку. На ней — копия известной картины художника Богданова «Боевые товарищи».

Обменявшись несколькими словами о том, что будет предметом нашей беседы с хирургом, мы поехали в метро на другой конец Парижа. Дорога туда и обратно отняла вместе со свиданием часа два. А чем были для Ленина два часа, понимают только те, кто близко наблюдал его работу.

Чуткий, внимательный и строгий к товарищам, Ленин был одновременно очень строг и требователен к себе самому. Личный пример Ленина, его требовательность и громадное влияние охраняли большевистские кадры за границей от разлагающего влияния эмигрантщины. Вынужденную безработицу, крайнюю материальную нужду большинство наших товарищей выносило мужественно. Члены нашей большевистской организации с энтузиазмом выполняли разнообразные партийные поручения, в том числе и самую мелкую, кропотливую техническую работу. Чтобы раздобыть деньги на издание партийного органа, мы устраивали вечеринки, иногда спектакли. Ленин на вечеринки не ходил, но поощрял их, так как они давали средства для нужд партии. При этом он подчеркивал в беседах с нами, организаторами, что мы несем полную ответственность за то, чтобы развлечения на этих вечеринках носили культурный характер и чтобы не допускалось ничего, что может уронить наше достоинство как членов партии. А когда мы однажды поставили пьесу Горького «Чудаки», то на спектакль пришел и Владимир Ильич.

Помню, как, войдя с улицы в «фойе», я была радостно поражена, увидев среди зрителей Владимира Ильича под руку со старым товарищем по партии Д. Котляренко. Поздоровавшись со мной, Владимир Ильич выразил свою радость и одобрение

по поводу того, что мы поставили пьесу Горького, и сказал, что надо и дальше идти по этому пути соединения культурной работы с добычей средств для партии, хотя ему известно, какие трудности нам пришлось преодолеть для постановки настоящего спектакля.

Не желая обременять эмигрантскую кассу (которая, кстати сказать, часто была пуста), большевики-эмигранты упорно искали работу, брали ее, какова бы она ни была: давали уроки, занимались переводами, перепиской на машинке, перевозкой мебели, мытьем автомобилей. Даже товарищи, имевшие серьезную специальность, жестоко страдали от нужды. Например, семья двух товарищей-врачей, имена которых хорошо известны в нашей стране, жили в крайней нужде. Речь идет о покойных старых большевиках — Н. А. Семашко и М. Ф. Владимирском; последний одно время зарабатывал на хлеб развозкой молока ежедневно с 5 часов утра (русский аттестат врача не признавался во Франции). Для квалифицированных рабочих-большевиков находилась работа, но им нередко мешало незнание французского языка.

Присутствие Ленина в Париже и общение с ним товарищей сыграло огромную роль в сохранении революционного большевистского оптимизма в этих тяжелых условиях. Вот почему так грустно восприняли мы летом 1912 года известие об отъезде Ленина из Парижа, хотя мы были рады, зная, что Ленин переселяется поближе к русской границе.

Своим здоровым морально-политическим состоянием большевистская группа резко отличалась от других эмигрантских групп в Париже. Один видный член эсеровской партии однажды сказал мне: «Почему вы, большевики, отличаетесь от всех? Когда встречаешься с вами, то чувствуешь, что у вас есть какое-то особое внутреннее содержание, особенная сплоченность, свой особый мир».

Да, у нас был особый мир. Это был мир большевистской партии. Мы готовились к новой революции. Несмотря на труднейшие условия революционного подполья, партия в России была уже великой силой, которой принадлежало будущее. «Особый мир» большевиков был ни на один день не прекращавшаяся борьба нашей партии за новую революцию. Уверенность в ее неизбежности и близости отличала большевиков от всех других эмигрантских групп.

* * *

*

Глубокий революционный оптимизм Ленина, его несокрушимая вера в близость новой русской революции произвели на меня неотразимое впечатление уже во время первой нашей беседы, когда еще не было явных признаков нового революционного подъема. Я привела в беседе факты, говорившие о разгуле

контрреволюции и усилении полицейского террора. Ленин видел в этих фактах не силу, а слабость и страх реакции перед активностью рабочих и нашей подпольной партии. Об этом говорили две-три короткие реплики Ленина, которые отразили глубокую его уверенность в неустойчивости и недолговечности победы реакции.

Спустя некоторое время после этой встречи срочно была собрана парижская большевистская партийная организация для обсуждения доклада Ленина о «Рабочей газете», первый номер которой вышел недели две спустя.

Ленин в докладе охарактеризовал общее положение, определив его как тяжелый кризис рабочего движения и социал-демократической партии. Он предостерегал против обывательского толкования причин партийного кризиса, которое давали меньшевики и другие враждебные большевизму элементы, и призывал к изучению классовых корней внутривнутрипартийной борьбы. Ленин бесстрашно смотрел в глаза суровой действительности. Он нарисовал картину распада партийных организаций, подчеркнул, что идейные шатания имеются не только за пределами большевистского лагеря, но и у части большевиков, признал также известную апатию и уныние даже среди части передовых рабочих.

Вместе с тем доклад Ленина был пропитан глубоким революционным оптимизмом, сочетавшимся с реализмом в политике. Две мысли красной нитью проходили через весь доклад: 1) единственный выход из тяжелого положения страны и трудящихся масс — только на революционных, а не на «конституционных» путях, которые проповедовали меньшевики и вообще оппортунисты всех мастей; 2) новым моментом является то, что рабочий класс начал выдвигать из своей среды способных руководителей, которые возьмут в свои руки восстановление единства партии. Ленин считал, что партийный кризис может быть преодолен сплочением всех, кто стоит на базе непримиримой борьбы на два фронта — против ликвидаторов (справа) и против отзовистов (слева). Он выразил удовлетворение тем, что началось сближение большевиков с Плехановым и его сторонниками, которые в то время также считали главной задачей борьбу против ликвидаторов и отзовистов.

Собрание было очень бурным. Двое примиренцев подняли крик о том, будто организация новой газеты большевиками и плехановцами, без участия меньшевиков-ликвидаторов и отзовистов, будет углублять раскол. Они возражали и против разрыва с Троцким в связи с выходом из редакции троцкистской газеты представителя большевиков.

В своем втором выступлении Владимир Ильич еще раз резко осудил беспринципное объединенство, назвав его «примиренческой кашей». Он говорил, что рабочие нас поймут; теперь

нас мало, но нас будет много, если до конца будем защищать свою последовательную марксистскую, революционную позицию.

Собрание пошло за Лениным.

В качестве примера высокой принципиальности и тонкого чувства товарищества Владимира Ильича хочу рассказать историю одного ленинского письма к членам парижской партийной группы большевиков, которое, к сожалению, до сих пор не разыскано.

В период, к которому относятся мои встречи с Лениным в Париже, разрыв с меньшевиками был уже настолько полным, что мы, большевики, перестали ходить на общие собрания с меньшевиками. А между тем наши представители в Заграничном бюро Центрального Комитета вынуждены были вести переговоры с представителями меньшевиков по вопросу о распределении общепартийных денег и другого имущества партии. Уже почти достигнутое соглашение начало срываться из-за того, что меньшевики вдруг выдвинули условием соглашения обещание большевиков принять участие в новой общей дискуссии по вопросу о положении в партии. При этом они настаивали на личном участии Ленина в дискуссии. Желая ускорить соглашение, представители большевиков имели неосторожность дать такое обещание, не согласовав этого с Лениным.

Вопрос был поставлен на срочно созванном собрании парижской группы большевиков. Ленин высказался против какой бы то ни было новой дискуссии с меньшевиками в эмиграции и категорически заявил о своем отказе выступить на таком собрании, мотивируя свою позицию бесполезностью и даже вредностью затеи.

После выступлений сторонников дискуссии Ленин заявил еще раз о своем отказе участвовать в такой дискуссии и скоро ушел.

Его уход вызвал у собравшихся большое смущение. Мы не знали, как быть. Часть собрания разошлась. Оставшиеся решили отправить к Ленину на квартиру двух товарищей для улаживания вопроса.

Узнав от Н. К. Крупской, что Ленин еще не возвращался, товарищи несколько обеспокоились, но, сообразив, что Ленин по своему обыкновению обдумывает сложившееся положение, подолгу гуляя в одиночестве, стали поджидать его на улице Мари-Роз, где он жил. Скоро показался Ленин, стремительной походкой приближавшийся к своей квартире. Он был взволнован. Обрадовавшись неожиданной встрече с товарищами, Владимир Ильич, несмотря на очень поздний час, потащил их к себе на квартиру, где началось обсуждение создавшегося положения. Повторенные Лениным аргументы рассеяли всякие сомнения у товарищей.

Но Ленин не считал вопрос исчерпанным. Он хотел стереть малейшие следы размолвки со значительной частью парижской группы. С этой целью Ленин написал письмо к членам группы с подробным объяснением своей позиции.

Здесь полностью сказалось отношение Ленина к коллективу, к товарищам по партии. Парижская группа хотя и включала в свой состав разного удельного веса активных участников первой русской революции, но представляла собой местную организацию большевиков. Ленин не считал возможным игнорировать настроение даже части этой организации. Он сам составил список товарищей, которым, по его мнению, надо дать его письмо для прочтения.

Я прочтала это письмо два-три раза и на всю жизнь запомнила его содержание чуть ли не дословно.

Письмо начиналось с того, что всякое нарушение дисциплины Ленин считает тягчайшим партийным преступлением и не допускает мысли о невыполнении воли большинства. Вместе с тем он вынужден настаивать на своем, так как больше, чем когда бы то ни было, убежден в своей правоте. Ленин ярко обрисовал историю бесплодных эмигрантских дискуссий в отличие от дискуссий среди рабочих в России: там, особенно на фабриках и заводах, в курилках и других укромных уголках, дискуссии большевиков и меньшевиков внимательно слушают многие беспартийные рабочие. Им дискуссии помогают политически расти, революционизироваться и выбирать позицию. В эмиграции на собраниях, как правило, бывают люди разных лагерей, уже знающие споры наизусть и давно выбравшие свою позицию: здесь никого не переубедишь. Принципиальную же дискуссию мы ведем в партийной печати. Нам нельзя, указывал Владимир Ильич, растрачивать силы на пустую болтовню. Необходимо беречь энергию, накапливать знания, изучать уроки прошлого, готовиться к новому революционному подъему. Революция придет и потребует от нас умения лучше бороться, избегать прежних ошибок.

- Велика была благотворная сила этого лепинского письма! Вопрос, по поводу которого возник инцидент, больше не нуждался в обсуждении. Все мы еще глубже поняли безусловную правоту Ленина и по-новому видели действительность, а также свое место в ней. Под впечатлением этого письма все мы ходили в праздничном настроении.

Уже в декабре 1910 года Ленин писал в связи с летними стачками, а также в связи с демонстрациями по случаю смерти Толстого: «Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»¹.

Ленин с первых дней революции 1905 года и особенно после

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 75. *Ред.*

ее поражения глубоко изучал ее опыт, обобщал ее уроки и свои выводы по важнейшим вопросам излагал в публичных докладах, с которыми объезжал крупные центры во Франции и Швейцарии. Эти доклады, организованные местными организациями большевиков, привлекали многочисленных слушателей из среды всех революционных и оппозиционных партий в эмиграции.

В противовес маловеерам, похоронившим всякую надежду на новую революцию, Ленин убедительно доказывал, что новая революция не только непременно придет, но что она близка. Ни одна из задач, которую рабочие и крестьяне ставили в первой революции, не разрешена: ни вопрос о земле, ни вопрос о 8-часовом рабочем дне, ни вопрос о демократической республике. Следовательно, глубокие причины, вызвавшие первую революцию, не исчезли, они действуют и не могут не привести к новой революции. К ней надо готовиться. При этом, однако, Ленин видел во второй революции не простое повторение первой, а ее дальнейшее развитие в новых, сильно изменившихся условиях.

В эти годы Ленин активно участвовал в международном рабочем движении. Он изучал не только русскую, но и мировую обстановку. Международные революционные отклики на первую русскую революцию и особенно революции в Турции, Персии и Китае привлекли пристальное внимание Ленина и послужили основой для его гениальных выводов о наступлении новой, революционной эпохи. Это ярко отразилось, в частности, в его речи на похоронах Поля и Лауры Лафарг.

Из произведений Ленина и из воспоминаний Н. К. Крупской мы знаем о глубоком уважении Ленина к Лафаргу. Это уважение особенно выделялось на фоне критического отношения Ленина к лидерам французских социалистов. Хотя в довоенный период еще трудно было предвидеть повальный переход лидеров Французской социалистической партии на позиции социал-шовинизма и Ленин еще не клеймил их как изменников, как он это сделал в начале первой мировой войны, но бросалась в глаза отчужденность между Лениным и этими лидерами.

Однажды, по окончании доклада Ленина на собрании в помещении эмигрантской библиотеки (на проспекте Гобелен), я спросила Ленина, встречается ли он с руководителями Французской социалистической партии. Ленин сказал: «Нет. У меня нет с ними общего языка». На вопрос, не участвует ли он в их теоретических дискуссиях, Ленин ответил: «Общественные науки надо изучать в Германии. Во Франции поставлено естествознание».

Самоубийство Поля и Лауры Лафарг, искреннее предсмертное письмо Лафарга¹ произвели глубокое впечатление во всем социалистическом лагере.

¹ Оно было напечатано в одном из декабрьских номеров большевистской газеты «Звезда». С. Г.

Двое или трое товарищей устроили специальную беседу об этом самоубийстве с Лениным и рассказали нам о ней уже после похорон Лафаргов. Владимир Ильич в разговоре с нашими товарищами высказывал такие мысли: социалист принадлежит не себе, а партии. Если он может хотя бы чем-нибудь еще быть полезным рабочему классу, хотя бы написать статью или воззвание, он не имеет права на самоубийство. Ленин сказал при этом, что не надо забывать, что рабочие партии гораздо беднее литературными силами, чем партии буржуазные.

За день до похорон в газете «Юманите» было напечатано объявление о том, что представители партий и организаций, желающие выступить с речами на похоронах Лафаргов, должны накануне заявить об этом редакции «Юманите». Владимир Ильич сам отправился вечером в редакцию «Юманите», но только поздней ночью с большим трудом смог попасть туда и подать заявление, так как на улице перед редакцией собралась большая толпа.

В день похорон десятки тысяч французских пролетариев под красными знаменами двинулись за двумя гробами на кладбище Пер-Лашез. Зал крематория не мог вместить всего народа, и траурный митинг прошел под открытым небом, на площадке перед зданием крематория.

После нескольких ораторов Ленин выступил от имени РСДРП, представителем которой он был в Международном социалистическом бюро. Владимир Ильич произнес речь на французском языке. Эта короткая речь отличалась исключительно глубоким содержанием. Первые его слова, посвященные Лафаргу, отразили уважение российского пролетариата и его авангарда к Лафаргу — одному из самых талантливых и глубоких пропагандистов идей марксизма.

Голос великого революционера, пламенного патриота и интернационалиста звучал в речи Владимира Ильича, когда он говорил, что под знаменем марксистских идей «сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии»¹. Ленин, произнося эти слова, даже заметно выпрямился, и вся его фигура выражала вдохновение и гордость за рабочий класс России.

Будто сказанные вчера, звучат слова Ленина о том, что русская революция «открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 387. *Ред.*

² Там же, с. 388. *Ред.*

Речь Ленина дышала не похоронным упынцем, а бодрым предчувствием великих битв.

Эти исторические бои пришли в обстановке, еще более изменившейся: в разгар первой мировой войны. И начались эти бои второй русской революцией, приход которой Ленин предвосхитил в годы самой мрачной реакции.

В 1910—1912 годах все надежды Ленина, вся его кипучая энергия были устремлены вперед, навстречу второй русской революции как ближайшей цели. В ее победе в феврале 1917 года Ленин увидел только первый шаг. С первого дня этой победы весь его гений, все его исполинские силы устремились вперед, к социалистической революции, которую он возглавил в Октябре, когда его имя уже было на устах рабочих всего мира. И теперь, когда наша великая партия на совершенно новой, могущественной базе, созданной Октябрем, уверенно идет к коммунизму, мы чувствуем и знаем, что с нами Ленин.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 486—496

НА ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Пражская конференция, состоявшаяся в январе 1912 года, по справедливости считается переломным этапом в развитии нашей партии; с этого времени большевистские организации окончательно порвали связь с меньшевиками и объединились в единую большевистскую партию.

Не легко далась эта победа большевикам. Нужно было бороться против меньшевиков-ликвидаторов, стремившихся уничтожить («ликвидировать») нелегальную революционную партию пролетариата и подменить ее легальной, т. е. угодной тогдашнему царскому вешателю Столыпину. Нужно было бороться против ликвидаторов слева — «отзовистов», не понимавших необходимости использования легальных возможностей (трибуны Государственной думы, кооперативов, профсоюзов и т. д.) для организации рабочего класса под руководством нелегальной партии. Наконец, нужно было бороться против «примпренцев» среди большевиков, которые шли на поводу у ликвидаторов. И вся эта борьба большевиков против враждебных течений внутри рабочего движения происходила в условиях жесточайших репрессий, шпионажа и преследований большевиков царскими властями.

Пражская конференция была организована с соблюдением всех правил конспирации. Местом конференции была избрана Прага — тихий, мирный город в Чехии, входившей тогда в Австро-Венгерскую монархию. Париж в то время кишел шпионами, и устраивать там конференцию было рискованно.

Владимир Ильич с величайшей тщательностью обдумывал все детали организации конференции. Он явно волновался: ведь от успеха конференции зависел успех консолидации партии.

Успех конференции решали не заграничные группы, а организации, работавшие в России. О полноте представительства от этих организаций больше всего и беспокоился Владимир Ильич. С какой радостью он ловил каждое известие из России!

Громадную роль в подготовке Пражской конференции в России сыграл Серго Орджоникидзе, под руководством которого работала Российская организационная комиссия по созыву конференции.

Мы, большевики-эмигранты, хорошо знали Серго по партийной школе в Лонжюмо (под Парижем). Среди тогдашних учеников школы резко выделялся худощавый, стройный, красивый грузин Серго; выделялся своей жаждой знаний, своим серьезным отношением к делу. Бывало, ученики школы, впервые видевшие такой всемирно известный город, как Париж, не прочь были иногда заменить занятия интересной экскурсией. Серго всегда резко восставал против такого использования учебного времени. «Партия послала нас для учебы, а не для развлечений», — говорил он. Серго внимательно слушал лекции, активно участвовал в дискуссиях по неясным для учеников вопросам. Он не кончил школы: был послан в Россию для подготовки конференции. Как известно, Серго блестяще справился с возложенной на него задачей, и его доклад о проделанной работе был высоко оценен конференцией.

Трудности созыва Пражской конференции были очень велики. С неимоверными предосторожностями пробирались делегаты из России в Прагу, чтобы не попасться в руки жандармов. Некоторые из них были арестованы в пути — так и не пришлось им участвовать в конференции. Но даже мы, жившие в то время в эмиграции, за границей, ехали на конференцию с большой осторожностью, боясь затащить с собой шпиков из Парижа.

Владимир Ильич категорически запретил всем нам ехать вместе: ехали если не в разных вагонах, то в разных купе. На вокзале в Праге нас встретили чехи и разместили в частных квартирах у рабочих. Местом сбора и местом заседаний конференции был Народный дом. Помню, с какой завистью мы входили в большой зал Народного дома, где чешские рабочие свободно обсуждали свои пужды или отдыхали за газетой с кружкой пива: по сравнению с нелегальной жизнью в царской России жизнь чешских рабочих нам казалась раем.

Но, по указанию Владимира Ильича, мы не должны были останавливаться в этом «раю», чтобы не привлечь к себе внимания нежелательных элементов, а быстро взбирались по лесенке на второй этаж, где происходили заседания конференции. Это была небольшая комната с тремя, помнится, окнами, из которых расстилался красивый вид на старинный патриархальный город с домами, покрытыми черепицей. В одном конце комнаты стоял небольшой длинный стол «для президиума», по бокам — скамьи, перед столом президиума — скамьи и стулья для членов конференции. У боковых скамеек лежали перевязанные веревкой тюки с нелегальной литературой, издававшейся в Париже и доставленной на конференцию.

Я был докладчиком по вопросу о страховании рабочих. Составленный мною еще в Париже проект резолюции был тщательно отредактирован Лениным. Проект резолюции, лишь с небольшими редакционными поправками, был принят конференцией.

Ленин делал доклад о текущем моменте и задачах партии. Это был основной вопрос, который должен был определить лицо конференции, построение и задачи партии. Нечего и говорить, что это был блестящий доклад, настолько сильный и неотразимый, что даже колеблющиеся не могли устоять против аргументации Владимира Ильича, хотя он, по обыкновению, не замазывал разногласий, а, наоборот, вскрывал их во всей остроте.

Ленин писал после конференции Горькому:

«Дорогой А. М.!

В скором времени придем Вам решения конференции. Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами»¹.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 497—499

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 44. Ред.

ВЕЧНО С НАМИ

Наступили дни, предшествующие исторической Пражской конференции. В то время на мою долю выпало огромное счастье: меня избрали делегатом на Всероссийскую конференцию.

Выехать в Прагу было очень сложно. За каждым из нас рыскали по пятам агенты охраны, шли массовые аресты.

...И вот раздвигаются в стороны скалистые горы. За Влтавой на холмах показались Пражский кремль, дворцы, парки, соборы древнего города Праги. Нас встретил связной и отвел в заранее подготовленную гостиницу «Бельведер». Умывшись, покушав, мы расположились за невысоким шахматным столиком: двое играли, двое наблюдали. Неожиданно прозвучал знакомый и родной голос:

— О-о! Белым крышка... Надо ходить ферзем.

Мы вскочили, обступили вошедшего человека.

— Владимир Ильич!

Ленин горячо пожал нам руки и засыпал вопросами о семьях, о заработках, о настроениях рабочих, о том, чего ждут они от конференции. У Ильича была присущая только ему, особая манера слушать и расспрашивать. Он затрагивал только то, что больше всего интересовало в данный момент. Веселый, бодрый, жизнерадостный, он как-то сразу сблизился с нами, будто мы знали его долгие годы. Ленин умел допытываться до самого главного, самого основного. И как нас сразу покорила и пленила эта удивительная ленинская простота и доступность. Мы с Ильичем чувствовали себя совершенно непринужденно, как с самым близким товарищем. Он предупредил, что Прага наводнена австрийскими и русскими шпиками, и советовал быть осторожными, называть друг друга только по кличкам.

Ленин ушел, но через час появился вновь с листочком, исписанным мелким почерком.

— Товарищи, я вас познакомлю с тезисами конференции.

Мы слушали, и нам казалось, будто Ленин объехал всю Россию, побывал на заводах и в крестьянских избах,— так глубоко

отразил он самые заветные нужды и чаяния народа. Некоторое время все молчали. Ленин, сидя на стуле, заложив ногу на ногу, постукивал по столу карандашом и пристально всматривался в наши лица. Кто-то из делегатов робко заметил, что один из пунктов не совсем ясен. Ленин приподнял бровь, быстро пробежал листок глазами.

— А ведь вы правы,— сказал он.— Если вам не нравится, то я вычеркну.

— Ну, что ж,— помолчав, сказал Ильич,— чешские товарищи позаботились о нас, приготовили надежные квартиры у своих людей... Один из делегатов поселится со мной...

Кому выпадет такое счастье? Разгорелись споры. Кто-то предложил бросить жребий. Ильич не вмешивался, а только с хитринкой косил глазами в нашу сторону.

— На мою долю выпало,— сказал один из делегатов.

Ленин взглянул на него, улыбнулся.

— О-о, вы же большой анархист... Не поладим... Со мной пойдет Степан (это была моя новая партийная кличка).

Мы поселились в квартире рабочего-чеха. В маленькой комнате жил он сам с семьей, а в большей расположились мы. Тут стояли две кровати, комод, стулья. Было очень чисто, опрятно. И вот впервые я увидел Ленина в домашней обстановке. Он был удивительно мягок, внимателен и деликатен. Его исключительную заботу ощущали не только я, но и каждый делегат. За короткое время работы конференции Ленин запомнил в лицо всех делегатов, и к каждому у него был свой подход.

Нередко Ильич возвращался домой позже, чем я. Тихо, на цыпочках проходил он через комнату, так же тихо раздевался и ложился спать. В тех случаях, когда приходил раньше, то выпивал стакан чая и съедал бутерброд с сыром и маслом, устраивал 10—15-минутный отдых. В такие моменты он обычно прохаживался взад и вперед по комнате, заложив большие пальцы рук за проймы жилета. Владимир Ильич ценил каждую минуту времени. Как сейчас, звучат у меня в ушах его слова:

— Ну, Степан, вы почитайте, а я поработаю.

И немедленно садился за стол, заваленный журналами, рукописями, газетными вырезками. Читал очень быстро, делал на полях пометки. А как одухотворялось лицо Ленина, когда он брался за перо.

Вернувшись как-то из булочной, я в разговоре между прочим упомянул о том, что какой-то человек фотографировал соседний дом. Ленин сразу отложил бумаги, настороженно встал.

— А где? — резко спросил он и подошел к окну... — Понятно. С сегодняшнего дня, Степан, вы не ходите со мной. Если меня сфотографируют и снимок напечатают в газете, то полбеды.

А вот если на снимок и вы со мной попадете, то будет очень плохо: полиция не даст жизни. В лучшем случае отделаетесь поселением...

Ленин приучился быть бдительным в борьбе с царской полицией. И эти драгоценные качества он воспитывал у товарищей по революционной работе. И в то же время какая бережливость к человеку, какой величайший гуманизм, какая пронизательность!

В короткие минуты отдыха Ленин любил вспоминать далекую матушку-Волгу. Он глубоко тосковал по русской зиме. Однажды он мне сказал:

— Степан, я пройдуся немножечко по воздуху...

Вернулся Ильич очень поздно. На следующий день он начал кашлять. Я предупредил об этом товарища Семашко. После тщательного осмотра тот сказал:

— Владимир Ильич, у вас температура. Вам нельзя идти на конференцию...

— Нет, нет, я пойду,— решительно заявил Ленин.— Вы мне не мешайте!

Вскоре Ильич сознался, что в тот вечер он не удержался, взял на стадионе коньки и с удовольствием покатался в одном пиджаке.

А насколько ласков, внимателен был Ленин к маленькой хозяйской девочке. Он гладил ее по волосам, качал на коленке, шутил, смеялся.

Таким же простым, самым что ни на есть человеческим человеком был Ильич и на заседаниях исторической конференции. Заседания ее проходили в длинном сером доме № 7 на Гибернской улице. Здесь, в помещении Народного дома, тогда находились типография и администрация социал-демократического органа «Право лиду». Конференция проводилась в обстановке тщательной конспирации. Только несколько проверенных людей, обслуживавших делегатов, знали о ее заседаниях, но, однако, и им совершенно не были известны ни имена делегатов, ни характер ее работы. Чтобы попасть в зал заседаний, требовалось миновать двор, загороженный со всех сторон каменными домами.

Пройдя боковую дверь, мы входили в зал заседаний. Обстановка помещения была скромной: несколько простых столов, железная стоячая вешалка, книжный шкаф с бюстом Карла Маркса. На председательском столе, за которым сидел Ильич,— черпильница, пресс-папье...

Заседания начинались в точно назначенное время. Никогда не забудутся горячие, страстные ленинские речи. Он уверенно отстаивал каждое свое слово. Если в чьем-либо выступлении подмечал неверные мысли или отклонения, то немедленно вступал в спор и поправлял. В гуще делегатов он находился также

п в перерывах между заседаниями, подолгу беседовал с ними, расспрашивал обо всем, о каждой мелочи.

Когда начались доклады с мест, Ильич приставил ладонь к уху, чтобы не проронить ни одного слова из выступлений делегатов. Каждого из нас он слушал с неослабевающим вниманием. Помню, когда очередь дошла до меня, то я сильно волновался. В своей речи я подробно остановился на знакомом мне Невском районе. Рассказал, что у нас выпущено несколько гектографированных листовок, посвященных большей частью экономической борьбе, что летом были массовки, или, как мы их называли, «летучки», обсуждавшие конфликты с администрацией, что организовали просветительное общество «Знание — свет». Кто-то попытался меня перебить. Ильич резко бросил:

— Товарищи, дайте Степану закончить!

Особенно страстен, пламенен был Ленин, когда обсуждался вопрос об исключении из рядов партии ликвидаторов. С гневом говорил он о двурушничестве и предательстве Троцкого, высмеивал позицию Плеханова, подчеркивая при этом, что его отношение к большевикам непременно приведет его в ряды ликвидаторов. Критикуя Каутского, доказывал, что центризм опаснее для рабочего движения, чем бернштейнианство: у Каутского оппортунизм прикрыт, затушеван «красивыми» фразами, но в конце концов он обязательно скатится на путь Бернштейна.

С 5 по 17 (с 18 по 30) января 1912 года проходила Пражская партийная конференция. Огромна и неопенима ее роль в истории нашей Коммунистической партии. Именно здесь Ленин и ленинцы полностью размежевались с меньшевиками, сплотили, сцементировали ряды революционных марксистов.

Перед отъездом делегатов из Праги был устроен прощальный вечер. На нем присутствовал и чешский товарищ. Ленин переводил нам реплики, фразы. Когда чешский товарищ в шуточной форме заметил, что, мол, «русские много заседают», в глазах Ленина мгновенно вспыхнули искорки. Он выбросил вперед к говорившему товарищу правую руку с вытянутым большим пальцем:

— Неверно!.. Нет, пет!.. Русские мало говорят, очень мало!.. Но у нас условия еще такие, что мы очень редко собираемся. А у нас столько неотложных вопросов!..

...Ленин вечно с нами. То пламя, которое зажег он, будет всегда гореть в наших сердцах, и никто никогда не сможет его потушить!

В. И. ЛЕНИН В КРАКОВЕ И ПОРОНИНЕ

В 1910 году я отбыл четырехлетний срок каторги и был отправлен на поселение в Балаганский уезд. Оттуда вскоре бежал за границу и поселился в Кракове, недалеко от русской границы. Я немного знал польский язык и мог продолжать прерванные каторгой занятия на медицинском факультете Краковского университета.

Русских политэмигрантов в Кракове в момент моего приезда не было, и я чувствовал себя оторванным от русской политической жизни.

В начале июня 1912 года, вернувшись как-то из клиники, нахожу у себя на столе письмо из Парижа от Людмилы Николаевны Сталь, с которой я переписывался по делам помощи политкаторжанам. В это время я был секретарем Краковского союза помощи политзаключенным, а Людмила Николаевна стояла во главе Парижского комитета интеллектуальной помощи политзаключенным. Л. Н. Сталь сообщила мне, что в Краков переедет вскоре товарищ Ульянов с женой, и просила оказать им на первых порах содействие при устройстве в незнакомом городе.

Встреча была назначена на окружающем центральную часть города бульваре Пляпты, против главного здания университета.

В день приезда Ульяновых я заблаговременно пришел на условленное место и сел на одну из скамеек против красного здания университета. Был солнечный летний день. Кругом играли дети. Из университета небольшими группами выходили студенты. Я с напряжением приглядывался к проходящим, высматривая Ленина, которого никогда не видел, но почему-то представлял себе высоким широкоплечим мужчиной с черной бородой.

Прошло около получаса после условленного времени. Скамейки около меня заполнились. На одну из ближайших села пе-

молодая пара — мужчина в котелке, с небольшой бородкой и скромно одетая женщина. Но я не обратил на них внимания. Начиная нервничать, я нетерпеливо ходил взад и вперед.

Вдруг женщина встала и нерешительно спросила:

— Простите, вы, очевидно, кого-то ждете? Не вы ли Багоцкий?

— Значит, вы Ульяновы! — воскликнул я. — Мы уже давно ждем друг друга, сидя почти рядом.

Все засмеялись и пожали друг другу руки.

Это было началом моего знакомства с Владимиром Ильичем. Он был совсем непохож на создавшееся у меня представление о нем. Передо мной был мужчина среднего роста, со слегка монгольскими чертами лица, с небольшой рыжеватой бородкой. Живой взгляд прищуренных глаз, веселая улыбка и простота обращения сразу располагали к нему.

Ульяновы оставили вещи на вокзале. Нужно было взять их оттуда и подумать о ночлеге на первые дни до нахождения квартиры. Мы двинулись по Плянтам по направлению к вокзалу.

По дороге Владимир Ильич задал мне несколько вопросов, касавшихся моей жизни в Кракове. Затем разговор перешел на общеполитические вопросы краковской жизни, в частности на отношение местных властей к политэмигрантам.

Галиция, входившая в состав Австро-Венгрии, не в пример частям Польши, захваченным Германией и царской Россией, пользовалась относительной политической свободой. Присутствие в Кракове значительного числа польских политэмигрантов и левонастроенной интеллигенции наложило особую печать на общий уклад краковской общественной жизни. Частые доклады на общественно-политические темы в многочисленных клубах и организациях, оживленные беседы и дискуссии в популярных кафе Михалижа, Бизанса и Дробнера вовлекали местную общественность в сферу политических и революционных интересов. Это оказывало влияние на прессу и администрацию. Краковская общественность, мечтавшая о независимости Польши, ненавидела царизм и с симпатией относилась ко всем борцам против самодержавия. В Кракове открыто существовали издательства революционных партий. Здесь, например, выходили органы Социал-демократической партии Польши и Литвы «Пшеглонд» («Обозрение»), «Червоны штандар» («Красное знамя»), более или менее постоянно жил ряд членов центральных комитетов польских революционных партий.

Разговаривая об этом, мы дошли до Флорианской браны — ворот стены, окружавшей когда-то краковскую крепость, и повернули на Флорианскую улицу. В одном из переулков этой улицы находилась студенческая вегетарианская столовая «Здорове». Ульяновы охотно согласились зайти туда и пообедать.

В столовой в это время дня бывало мало народу, и можно было свободно продолжить нашу беседу.

— Как относится местная полиция к политэмигрантам? — спросил Владимир Ильич.

Я ответил, что в этом отношении опасаться печего. Царившая в Кракове атмосфера враждебности к царскому самодержавию делала местные полицейские органы более «предупредительными» к политэмигрантам, чем в каком-либо другом городе Европы.

В качестве примера я привел случай с Крахельской, покушавшейся на убийство варшавского генерал-губернатора Скалона. После неудачного покушения Крахельская бежала в Галицию и поселилась в окрестностях Кракова. Получив ноту царского правительства о выдаче Крахельской, австро-венгерское правительство склонно было удовлетворить это требование. Но краковская общественность быстро нашла выход: Крахельскую «выдали замуж» за польского студента, австрийского гражданина. Брак был фиктивным, однако Крахельская приобрела австрийское гражданство и по австрийским законам не могла быть выдана. Впрочем, для формального удовлетворения претезий царских властей Крахельская была привлечена к суду, который состоялся во Вздовичах (около Кракова). Судебный процесс закончился оправданием Крахельской, и присутствовавшая на суде многочисленная публика встретила приговор овациями.

Владимир Ильич, далее, спросил, не облегчает ли близость границы слежку за живущими в Кракове политэмигрантами со стороны царской охранки.

Конечно, близость границы облегчала слежку за политэмигрантами. В Кракове, несомненно, находились агенты охранки, но они не встречали поддержки и потому были относительно безопасны. Бывали отдельные случаи, когда чиновники краковской полиции даже предупреждали политэмигрантов о слежке за ними.

Впоследствии к Владимиру Ильичу как-то приехал московский рабочий Шумкин, чтобы перевезти нелегальную литературу через границу. Шумкин своей наружностью и ультраконспиративным поведением обратил на себя внимание краковской полиции. Тогда к Владимиру Ильичу пришел полицейский чиновник и спросил, хорошо ли он знает Шумкина и уверен ли в его политической благонадежности. Получив утвердительный ответ, полиция оставила Шумкина в покое. Спустя несколько дней Шумкин благополучно перевез литературу через границу.

Из столовой мы направились к вокзалу. В находившейся поблизости от него гостинице нашлась свободная комната с видом на Плянты, куда мы и перенесли вещи. Условились следующий день отвести на поиски квартиры. Я пришел к Ульяновым рано

утром. Надежда Константиновна еще не была готова, и Владимир Ильич предложил пока пройтись по Плянтам. Он сразу же перешел к особенно интересовавшему его вопросу о возможности нелегальных сношений с Россией, прежде всего об организации нелегального переезда границы товарищами, которые должны будут к нему приезжать.

Подумав, я предложил следующий план. Около Кракова находилась так называемая пограничная зона, распространявшаяся на 30 километров от границы. Согласно договору между австрийским и российским правительствами, живущие в этой зоне лица имели право перехода границы по «полупаскам» — проходным свидетельствам без фотографических карточек. «Полупасками» обычно пользовались крестьяне, приезжавшие с продуктами на базар, и рабочие, проживавшие по одну сторону границы и работавшие на другой стороне. Контроль за местным пограничным движением был очень поверхностным. Можно было использовать мои связи с краковскими рабочими, входившими в Союз помощи политзаключенным, и через них получать «полупаски».

Владимиру Ильичу этот план очень понравился.

Ульяновы хотели устроиться вблизи леса и воды, но попросе и подешевле. Этим условиям отвечало предместье Кракова Звежинец, населенное в основном рабочими. Отсюда недалеко находился Вольский лес и совсем близко была Висла. Туда мы и направились. Квартиры там были довольно примитивными, дома очень запущены. В конце концов нашлась подходящая квартира из двух комнат и кухни в сравнительно хорошо сохранившемся доме. На ней Ульяновы и остановились. Нужно было приобрести обстановку. Надежда Константиновна решила это сделать сама, надеясь на свое знание польского языка, который она слышала в детстве.

Прихожу к ним на третий день. Обстановка уже приобретена и расставлена: две узкие железные кровати, два простых стола, этажерка и несколько стульев, а в кухне — маленький стол и табуретки. Книги и газеты были распакованы и лежали на столах и окнах. Владимир Ильич что-то писал. Надежда Константиновна пригласила меня на первый чай у них.

Не желая мешать работе Владимира Ильича, я не решился повторить свой визит к ним. Но спустя несколько дней Владимир Ильич сам приехал ко мне на велосипеде и предложил совершить прогулку в лес, а заодно по дороге выкупаться.

* *
*

В начале августа я поехал в деревню Макув, расположенную приблизительно в 40 километрах от Кракова, чтобы провести там вторую половину университетских каникул. Перед отъездом

я рассказал Владимиру Ильичу, что Макув находится у подножия Бабьей горы, откуда открывается широкий вид на всю горную цепь Татр. Прощаясь со мной, Владимир Ильич сказал:

— Я приеду к вам, и мы вместе поднимемся на вершину Бабьей горы.

Недели две спустя вижу Владимира Ильича, подходящего к моей квартире. Он приехал в Макув на велосипеде и вошел весь запыленный и усталый, браня скверные галицийские дороги.

На Бабью гору нужно было идти под вечер, чтобы на половине подъема заночевать в туристской хижине, по-местному — в схрониско (убежище). После чая мы расположились на холмике недалеко от моего дома, чтобы Владимир Ильич мог отдохнуть с дороги. Около шести часов вечера поужинали и на велосипедах направились в соседнюю деревню Завоя, расположенную у самого подножия Бабьей горы. Оставив велосипеды в маленьком ресторане, мы направились по отлогой тропинке. Скоро дорога пошла лесом. Стало темнеть. К сожалению, мы оставили на велосипедах фонари. Тропинка шла зигзагами. Желая сократить дорогу, Владимир Ильич предложил идти напрямик наверх. Мы поднимались быстрее, время от времени пересекая тропинку, но вдруг обратили внимание, что тропинка больше не попадает к нам. Решив, что она осталась слева, сворачиваем туда, но тропинки нет. Стали ее искать в разных направлениях. И это не помогло. Не оставалось ничего иного, как идти напрямик вверх. Было уже темно, двигались мы медленно, натываясь по минуте то на кусты, то на пни. Грозил перспектива провести ночь в лесу. Вдруг мелькнул свет. Спешим туда. Увы! Это фосфоризованный свет гниющего дерева. Идем дальше. Опять вдаль что-то светится. Вскоре свет становится более отчетливым. Начинаем различать два освещенных окна. Находим дверь и входим в обширную комнату. Посредине большая плита, на которой весело кипит большой чайник и стоит разная туристская посуда. За столом и на нарах человек десять. На полу лежат развязанные рюкзаки. Мы в схрониско. Поужинав, располагаемся на нарах и, утомленные дорогой, почти немедленно засыпаем, поручив сторожу разбудить нас в четыре часа утра.

Утром сквозь сон слышу голос Владимира Ильича:

— Уже семь часов, а нас не разбудили! Восход солнца прозевали.

Зовем сторожа.

— Посмотрите, панове, в окно, — говорит он с улыбкой, — такой туман, что в двух шагах ничего не видно. Я и подумал, что вам лучше выспаться.

Действительно, шел сильный дождь. Кроме бледно-буроватого тумана, ничего не видно. Идти наверх нет смысла. Расспрашиваем сторожа, есть ли надежда на улучшение погоды. Его

ответ неутешителен: раньше завтрашнего дня нельзя ожидать перемены погоды.

Таким образом, план наш потерпел неудачу. Ждать до следующего дня мы не могли, ибо Владимиру Ильичу нужно было быть вечером в Кракове.

Под проливным дождем спускаемся вниз. Взяв в Завое велосипеды, с большим трудом по размытой дождем дороге едем в Макув. Неудача не обескуражила Владимира Ильича.

— В первый же свободный день я опять приеду, — сказал он, прощаясь.

И действительно, не прошло и двух недель, как Владимир Ильич приехал в Макув (на этот раз по железной дороге). В Завой пошли пешком, а оттуда благополучно добрались до схрониско. Захваченный с собой фонарь очень облегчал нам путь.

Сторож встречает нас, как старых знакомых, и обещает разбудить при всякой погоде. Четыре часа утра. Опять туман, но не такой густой, как в прошлый раз. По словам сторожа, на вершине может быть совершенно ясно.

Идем вверх, ориентируясь по красным знакам на камнях, указывающим дорогу. Вот и вершина, но туман не разошелся. Вид всего на несколько метров. Решили подождать, а пока позавтракать. Спустя полчаса туман начинает редеть, и перед нами открывается великолепная картина. Вдали — освещенная яркими лучами солнца длинная цепь Татр, как бы висящая в воздухе. Ниже все покрыто туманом, как сбитой пеной.

Владимир Ильич сияет:

— Видите, наши усилия не пропали даром!

* *

*

Квартира Ульяновых на Звезжинце оказалась неудобной. Она была далеко от вокзала, куда Владимир Ильич должен был ежедневно ходить для отправки писем (чтобы его статьи в «Правду» не опаздывали, он посылал их всегда с ночным поездом).

Недалеко от вокзала, на улице Любомирского, Ульяковы нашли квартиру в новом доме. Улица была застроена только с одной стороны. Из окон квартиры Ульяновых открывался широкий вид на поля, тянувшиеся вдоль границы.

Скоро квартира приобрела своеобразный уютный вид. Чувствовалась атмосфера интеллектуального труда. На столах и окнах лежали груды книг, газет и рукописей. На первый взгляд казалось, что они небрежно разбросаны. На самом же деле все было разложено по известной Владимиру Ильичу системе: он всегда сразу находил нужную ему книгу или статью.

С переездом Ульяновых на улицу Любомирского мы оказались соседями, встречи наши стали более частыми. Это дало мне

возможность наблюдать повседневную жизнь Владимира Ильича. Если раньше я знал Владимира Ильича как крупного теоретика, то в этот период я понял, какими гениальными организаторскими способностями он обладал. Необыкновенно развитое чувство политической ситуации позволяло ему оценивать политическое положение и настроение масс по мелким, неуловимым для других фактам.

Ульяновы жили чрезвычайно скромно. Литературная работа была главным источником их доходов. Но она была нерегулярна. Цензурные условия в царской России затрудняли печатание там работ В. И. Ленина. От предлагаемой матерью помощи (она получала пенсию за мужа) Владимир Ильич отказывался. Ему неприятно было получать от родных даже небольшие продуктовые посылки, и обыкновенно он уверял их, что «теперь нужды нет...». Только в крайних случаях он временно соглашался на оплату его работы из партийной кассы.

Новый подъем революционного рабочего движения в России способствовал быстрому расширению связей Владимира Ильича с революционными группами в главных промышленных центрах страны. Незначительная сначала переписка с Россией быстро росла и достигла нескольких сот писем в месяц. Переписку вела Надежда Константиновна; ей иногда приходилось засиживаться за письмами до позднего вечера. Только незначительное число писем из России посылалось непосредственно по краковскому адресу Ульяновых. Большинство же писем направлялось в разные страны на адреса политически нейтральных лиц, часто иностранцев, и оттуда пересылалось в Краков. Письма писались иносказательно. Надежда Константиновна умела их расшифровывать. О секретных вопросах писались химическими чернилами между строк внешне совершенно невинного вида письма. Наиболее важные сведения, кроме того, шифровались.

Скоро нашелся удобный способ пересылки писем в Россию, давший возможность избежать строгой цензуры, которой подвергались письма из-за границы. Через местных рабочих, с которыми у меня был контакт, удалось найти несколько надежных крестьян, регулярно приезжавших с российской стороны в Краков на базар. За небольшое вознаграждение, а часто совершенно бесплатно они соглашались перевозить через границу письма и опускать их в русские почтовые ящики, откуда они шли, как внутренняя корреспонденция, без специальной цензуры.

Владимир Ильич работал с раннего утра до позднего вечера, но работа его не утомляла. Чем больше было работы, тем больший подъем и внутреннее удовлетворение он чувствовал. Он распределял свое время так, что у него ежедневно оставался час-два для отдыха. Страстный любитель природы, он эти часы проводил в поездках на велосипеде или прогулках по окрестно-

стям Кракова; когда позволяло время, он совершал дальние туристские экскурсии.

Самым частым спутником Владимира Ильича была Надежда Константиновна. Но по состоянию здоровья она не всегда могла его сопровождать. Не все члены нашей небольшой русской колонии разделяли потребность Владимира Ильича в прогулках за город. Произошло своего рода разделение на «партию». Сторонников экскурсий называли шутя «прогулистами», а сторонников кино — «синемистами». Владимир Ильич был «отчаянным прогулистом», как выразилась Надежда Константиновна в одном из писем к его матери.

Я принадлежал к «партии прогулистов», и потому Владимир Ильич часто заезжал за мной. Но в период подготовки к государственным экзаменам я иногда пытался отлынивать. Владимир Ильич был неумолим и убеждал меня, что потраченное на поездку время я, освежившись, быстро наверстаю. Мы обычно ездили в Вольский лес и в окрестные деревушки. Владимир Ильич внимательно присматривался к жизни местного населения. Он говорил, что польские деревни напоминают русские и ближе ему, чем западноевропейские. Видя бедность польских крестьян, он выражал уверенность, что они скорее, чем западноевропейские крестьяне, воспримут идеи социализма.

Рабочий день Владимира Ильича был строго распределен. Вставал он около 8 часов и при всякой погоде совершал небольшую утреннюю прогулку. После завтрака садился за работу. Около 10 часов приходила первая почта, наиболее интересная, так как в ней находились газеты из России. Содержание их в значительной степени определяло работу данного дня: газеты давали темы для очередных статей в «Правду». К этому времени приходили товарищи. Владимир Ильич обсуждал с ними актуальные вопросы и распределял литературные задания. Письма поступали в распоряжение Надежды Константиновны, которая сейчас же садилась за ответы на наиболее срочные. Владимир Ильич уединялся в свою комнату и в течение ближайших часов был недоступен.

Только в исключительных случаях, когда приезжали товарищи из России, этот порядок нарушался. Беседы с приезжими Владимир Ильич считал наиболее важными.

Около 2 часов был перерыв на обед. Хозяйством занималась Надежда Константиновна. Ее кулинарные способности, при наличии других, более важных функций, не давали особенно хороших результатов. Но Владимир Ильич был непривередлив и ограничивался шутками, вроде того, что ему приходится слишком часто есть «жаркое», имея в виду подгоревшее вареное мясо.

После обеда продолжалась работа. Часов около пяти Владимир Ильич делал перерыв для прогулки за город на велосипеде или пешком. Зимой прогулки заменялись катаньем на коньках.

Кто видел этого юношески бодрого, веселого конькобежца, совершавшего замысловатые фигуры на льду, не подумал бы, что перед ним великий вождь и теоретик революционного пролетариата.

К приходу вечерней почты — около 7 часов — Владимир Ильич возвращался домой и продолжал работу до позднего вечера. К 11 часам ночи — времени отхода скорого поезда в Россию — он сам относил всю корреспонденцию на вокзал, чтобы она скорее попадала в Петербург, в редакцию «Правды».

По вечерам у Ульяновых иногда собиралась небольшая группа товарищей. За чаем вокруг кухонного стола велись оживленные разговоры по текущим вопросам. Владимир Ильич обычно принимал в них живое участие. Он обладал замечательной способностью направлять разговор так, что собеседникам казалось, что они самостоятельно пришли к тому или другому заключению, хотя до этого иной раз думали совершенно иначе. Владимир Ильич незаметно передавал окружающим свой материалистический метод мышления. Его простота, скромность и теплота, товарищеское отношение создавали атмосферу равенства. Он никогда не давал собеседникам почувствовать свое интеллектуальное превосходство.

* *
*

Осенью 1912 года внимание Владимира Ильича было приковано к выборам в IV Государственную думу.

— Выборы должны сыграть организующую роль в сплочении рабочих вокруг основных лозунгов партии, — говорил Владимир Ильич.

Он целиком ушел в связанные с выборами вопросы. Даже во время прогулок Владимир Ильич часто касался этой темы, хотя обычно избегал на прогулках говорить о вопросах, связанных с повседневной работой.

Реакционный закон о выборах в Думу создавал для избирателей-рабочих массу преград. Административная практика делала эти преграды почти непреодолимыми. К куриальной системе выборов и их трехстепенности прибавились аресты передовых рабочих, выступавших на легальных предвыборных собраниях. Сложны были и отношения к меньшевикам-ликвидаторам, социалистам-революционерам, трудовикам, выступавшим с широкоещательными лозунгами.

Владимир Ильич считал, что большевики должны выступать с заостренными лозунгами, отказываясь от каких-либо соглашений с меньшевиками-ликвидаторами, социалистами-революционерами и трудовиками. По его мнению, следовало отбросить всякую погоню за мандатами.

— Все равно, — говорил он, — при нынешнем избирательном законе мы не можем рассчитывать на значительное число депутатских мест для рабочих. Гораздо важнее — число рабочих голосов, поданных за кандидатов большевистской партии. Это покажет силу нашего влияния на пролетариат.

Исход выборов в основном удовлетворил Владимира Ильича. Его радовало то обстоятельство, что за большевиков голосовало более миллиона рабочих, а за меньшевиков-ликвидаторов — всего около двухсот тысяч.

После выборов Владимир Ильич считал необходимым установить контакт с только что избранными в IV Думу депутатами-большевиками.

В конце декабря (по старому стилю) в Кракове состоялось совещание Центрального Комитета с партийными работниками, названное по конспиративным соображениям «Февральским». Кроме Ленина, Сталина и Крупской, в совещании участвовали большевики — депутаты Думы: Петровский, Шагов, Муранов, Бадаев, Малиновский, а также Трояновский, Розмирович и другие.

Большинство депутатов впервые использовали свои депутатские права и приехали с легальными заграничными паспортами. Только товарищ Муранов еще не воспринял своей депутатской неприкосновенности и приехал старым, «надежным» способом, т. е. нелегально перешел границу. Владимир Ильич, узнав об этом, тут же при всех отчитал несколько сконфуженного Муранова:

— Подумайте, что бы было, если бы вы провалились на границе! В какое положение вы поставили бы всю фракцию!

Но по тону и по улыбке Владимира Ильича можно было видеть, что он отлично понимал недоверие Муранова к так называемой депутатской неприкосновенности. Впоследствии, когда началась первая мировая война, это полностью подтвердилось высылкой всей фракции большевиков на поселение в Сибирь.

«Февральское» совещание состоялось на улице Любомирского, в квартире Владимира Ильича. Маленькие комнатки заполнились необычайно большим количеством товарищей.

В центре работ совещания были наиболее серьезные вопросы момента: революционный подъем в России, обострение стачечного движения, тактика думской фракции большевиков, укрепление нелегальных организаций партии, отношение к ликвидаторам, «национальные» организации социал-демократии.

Приезд партийных деятелей из России был большим праздником для Владимира Ильича. Он чувствовал себя в родной стихии, был очень оживлен и весел, в свободное от совещаний время вел продолжительные беседы с каждым из приезжих в отдельности и присматривался к ним. Владимир Ильич обладал

особой способностью короткими вопросами направлять беседу по желаемому ему руслу и выяснять сущность интересующего его вопроса.

По конспиративным соображениям решено было разместить приехавших товарищей по возможности на частных квартирах. Только немногие остановились в гостиницах. Большинство было устроено у местных рабочих. Краковские рабочие в своей массе были настроены интернационалистски и охотно оказывали помощь русским товарищам, чего, кстати, нельзя было сказать о лидерах галицийских социал-демократов.

* *

*

После отъезда товарищей в жизни нашей колонии наступило затишье. Все вошло в прежнюю колею. Возобновились наши вечерние встречи и беседы. Владимир Ильич углубился в повседневную работу. Он внимательно следил за деятельностью думской фракции большевиков и разрабатывал тезисы для выступлений членов фракции. Главное свое внимание он по-прежнему продолжал уделять «Правде».

Бывали моменты, когда обычно жизнерадостный Владимир Ильич становился задумчивым. Он молча ходил по комнате, иногда останавливался у окна и долго смотрел на поля, за которыми шла российская граница. Казаюсь, мысли его стремились перелететь через границу, на родину, в то время для него недоступную.

С наступлением весны участились наши прогулки по окрестностям Кракова. Мы мечтали поехать на несколько дней в Татры, но Владимир Ильич никак не мог выкроить для этого времени. Он очень много работал и по вечерам, когда в кухне собирались остальные члены колонии, оставался в своей комнате.

Здоровье Надежды Константиновны ухудшалось: начались частые сердцебиения, появились и другие симптомы базедовой болезни. Владимир Ильич забеспокоился. Надежда Константиновна не хотела обращаться к врачам. Наконец, общими усилиями удалось уговорить ее, и она пошла к одному из лучших невропатологов Кракова. Тот посоветовал поехать на несколько месяцев в горы.

Долго обсуждался вопрос, куда ехать. В конце концов остановились на находящейся у подножия Высоких Татр деревушке Поронин. В климатическом отношении Поронин подходил для лечения Надежды Константиновны. Там, кроме того, были условия для спокойной работы и то преимущество, что жизнь была дешева.

Владимира Ильича тревожило, не отразится ли переезд в Поронин на сношениях с Петербургом, и он просил меня разузнать все, что касалось почтовых сообщений. Выяснилось, что

пужко было отправлять корреспонденцию всего на несколько часов раньше, чтобы она попадала на тот поезд, с которым Владимир Ильич посылал ее из Кракова. Это вполне его устраивало.

Поронин был фактически предместьем известного курорта Закопане — излюбленного летнего местопребывания польской интеллигенции, студенческой молодежи, политэмигрантов. Из знакомых там жили товарищ Вигилев (впоследствии советский консул в Польше), доктор Бжезинский (бывший народоволец), доктор Длуский (директор туберкулезного санатория), писатель Серошевский, с которым я познакомился в 1905 году в варшавской тюрьме. Днем большинство туристов уходило в горы и Закопане казалось вымершим. Вечером все оживало. Многочисленные кафе заполнялись самой разношерстной публикой. Здесь велись бесконечные дискуссии на политические и литературные темы.

Местное население состояло из так называемых гуралей. Это был своеобразный тип польских горцев. Высокие, худощавые, они носили живописные костюмы из белого корта, расшитого цветными узорами; брюки тесно охватывали ноги, наброшенные на одно плечо «гуньки» из того же материала напоминали гусарские накидки. Многие гуралы были профессиональными проводниками. Свободное от экскурсий время они проводили в кафе в беседах с туристами, оставляя женщинам хозяйственные и полевые работы.

Владимир Ильич неодобрительно смотрел на это «кафейное», как он выражался, братание, деморализовавшее горцев. Сам он не интересовался «кафейной» жизнью и бывал в Закопане только по пути в горы.

Природа Татр отличалась от природы знакомых Владимиру Ильичу швейцарских Альп. Здесь не было переходного травяного пояса, доходящего в Альпах до двух тысяч метров над уровнем моря. Уже на высоте тысячи метров в Татрах начинался неширокий пояс «косоджевины» — низкорослых хвойных деревьев. Затем без перехода проступали совершенно голые скалы. Подъем на вершины бывал местами очень крут и доступен только опытным туристам при помощи вделанных в скалы железных скобок.

Владимир Ильич ценил то, что, в отличие от швейцарских Альп, в Татрах можно было в течение одного-двух дней взобраться на любую вершину. Ни гостиниц, ни фуникулеров, ни киосков с сувенирами, поражающих обычно своей безвкусицей и пошлостью, в Татрах тогда не было. В нескольких долинах были примитивные туристские хижины-схрониско с деревянными нарами и соломенными матрацами, часто даже без сторожей; туристам предоставлялась возможность самостоятельно в них хозяйничать, пользоваться дровами и т. д. Только в долине

озера Морское око было проложено шоссе и имелась единственная в горах гостиница.

Культура швейцарских Альп, где можно было доехать до многих вершин на фуникулере, не прельщала Владимира Ильича. Главную прелесть горных экскурсий он видел в преодолении трудностей подъема и в многообразии впечатлений, которые давал самый процесс подъема в горы.

Ульяновы сняли крестьянскую хату с верандой и мансардой, расположенную на границе между Порониным и соседней деревней Белый Дунаец. Хозяйка дома Тереза Скупень жила в другом домике, поодаль. Нанятый Ульяновыми домик стоял на поляне приблизительно в 200 метрах от шоссе, у подножия небольшого холма. Внизу были две большие комнаты. В одной из них устроили спальню Владимира Ильича и Надежды Константиновны; она же служила рабочей комнатой Владимира Ильича. Во второй комнате поместилась мать Надежды Константиновны Елизавета Васильевна, приехавшая к ним в 1913 году из России¹. Вдоль дома шел узкий балкон, ведущий в обширную кухню, которая была рабочей комнатой Надежды Константиновны и «приемной», где по вечерам часто собиравлись жившие в Поронине товарищи. Наверху впоследствии поселился бежавший из Спбири товарищ Тихомирнов.

Моя квартира находилась недалеко от вокзала, приблизительно в полукилометре от дома Ульяновых. Дальше в сторону Закопане был центр Поронина — почта и лавки. На другой стороне Дунайца поселились другие члены нашей колонии.

В Поронине Владимир Ильич вставал часов в семь и шел обычно купаться в Дунайце. Быстрая горная речка была в общем мелкой, но вблизи дома Скупень мы нашли довольно глубокое место, где можно было даже плавать. Росший на берегу кустарник скрывал купающихся от проезжей дороги.

После завтрака Владимир Ильич садился за работу, которая длилась часов до семи вечера, с небольшим перерывом на обед. Работал Владимир Ильич в своей комнате за большим столом, находившимся между двумя окнами. Иногда в хорошую погоду он шел с работой на лежавший около дома холм, откуда открывался широкий вид на горную цепь Татр.

— Этот вид, — говорил он, — не только не рассеивает внимания, но и помогает сосредоточиться.

Электрического освещения в то время в Поронине не было. Работать при свете маленькой керосиновой лампы было трудно. Поэтому Владимир Ильич старался закончить работу засветло. Часов около семи он отвозил письма на вокзал и совершал затем небольшую прогулку пешком или на велосипеде. Прогулки пеш-

¹ Елизавета Васильевна приехала в Краков вместе с В. И. Ленинским и Н. К. Крупской 9 (22) июня 1912 г. *Ред.*

ком совершались обычно по холмам, тянувшимся вдоль долины, в которой были расположены Поронин, Белый Дунаец и другие деревушки у шоссе, ведущего к уездному центру — городу Новый Тарг. На велосипедах можно было ездить по направлению к Новому Таргу, Закопане или к деревушке Буковина по проселочной дороге, проложенной параллельно горной цепи Татр.

Часто по вечерам мы, небольшая группа товарищей, собрались у Ульяновых. Шли оживленные разговоры на злободневные политические темы. Надежда Константиновна не всегда принимала в них участие: она садилась в стороне и закапчивала текущую корреспонденцию.

Владимир Ильич бывал обычно оживлен, острит и нередко добродушно подшучивал над «бабушкой», Елизаветой Васильевпой, выбирая темы, которые должны были вызвать ее возражения. Отношения между ними были очень трогательные. Владимир Ильич ее уважал и снисходительно относился к некоторым ее слабостям. Елизавета Васильевна гордилась Владимиром Ильичем, но это не мешало ей «пробирать» его за «жизненную непрактичность».

Нередко Владимир Ильич предлагал кому-либо из присутствующих сыграть в шахматы. Играл он очень сосредоточенно, редко оставлял безнаказанными промахи противника. Если дела его принимали угрожающий характер, он становился серьезен, переставал шутить, задумывался и часто находил выход из затруднительного положения. Наблюдавшие со стороны по его улыбке понимали, что он уже вывернулся. При проигрыше он добродушно признавал свое поражение и объяснял, в чем заключалась его основная ошибка, отдавая должное удачной комбинации противника. Я играл слабее Владимира Ильича и испытывал большое удовлетворение, когда мне удавалось выиграть. Большинство из нас было мало знакомо с теориями шахматной игры, и это делало еще разнообразнее и самобытнее наши сражения.

* *

*

Вопреки ожиданиям, горный воздух не вызвал улучшения здоровья Надежды Константиновны. Сердцебиения стали повторяться, усилились другие симптомы базедовой болезни. Она совершенно перестала принимать участие в наших прогулках. Владимир Ильич неоднократно беседовал со мной по этому поводу. В конце концов пришли к заключению, что самое целесообразное — обратиться к известному в то время специалисту по заболеваниям щитовидной железы профессору Кохеру. Для этого нужно было ехать в Швейцарию — в Берн. Владимир Ильич не хотел отпустить Надежду Константиновну одну в такое далекое путешествие и решил сопровождать ее. Это требовало жертвы ценного времени и было затруднительно по материаль-

ным соображениям. Но Владимир Ильич не колебался. Ущерб в работе, наносимый поездкой, он решил наверстать укреплением заграничных партийных секций, посетив их во время поездки. Одновременно он решил прочесть рефераты в Вене и в швейцарских городах, что частично разрешало и материальный вопрос.

Елизавете Васильевне было уже семьдесят лет, и она была довольно беспомощна. Оставлять ее одну Ульяновы не решились. Владимир Ильич просил меня на время их отсутствия переселиться в их квартиру, с чем я, конечно, согласился.

После полутрехмесячного отсутствия Ульяновы вернулись в Поронин, довольные результатами поездки. Состояние здоровья Надежды Константиновны, после сделанной ей операции, значительно улучшилось, сердцебиения прошли, силы окрепли. Несмотря на предписание Кохера беречься на первых порах, она сразу же порывалась поскорее вплотную взяться за работу. Уговоры Владимира Ильича не действовали. Он несколько раз пытался прибегнуть к моему «врачебному» авторитету, но и это помогало ненадолго. В конце концов Надежда Константиновна взбунтовалась, заявила, что совершенно здорова и ей никакие врачебные советы не нужны. Единственный компромисс, на который она пошла, заключался в том, что она согласилась воздержаться от высокогорных экскурсий.

* *
*

Как только позволяла работа, Владимир Ильич выкраивал один-два дня для прогулок в горы. Он был очень выносливым туристом. Я, на десять лет моложе его, иногда с трудом поспевал за ним. А остальные члены нашей поронинской колонии, тяжелые на подъем, отказывались от наиболее трудных экскурсий.

Особенно запомнился мне подъем на Рысы вскоре после возвращения Владимира Ильича из Швейцарии. Небольшой группой в ясное утро мы поехали в Закопане.

Без особых усилий мы дошли до живописной долины Халя Гонсеницова. Посредине ее, в небольшой котловине, окруженной со всех сторон высокими скалами, находился популярный и чаще других посещаемый Чарны став (Черное озеро), а недалеко от него — схрониско, где весь день топилась плита и бурлил в чайнике кипяток.

Мы расположились на скалах около схрониска и вынесли туда чай. Некоторые из наших спутников растянулись с папирозами на камнях. Мы с Владимиром Ильичем, как некурящие, сошли к озеру. Вода его, издали казавшаяся черной от отражавшихся в ней скал, в действительности была чрезвычайно про-

зрачной. Глубоко на дне можно было отчетливо различить отдельные камни и водные растения.

После часового отдыха двинулись к перевалу Заврат. Скоро кончилась тропинка. Нужно было карабкаться по скалам. В наиболее крутых местах в скалы были вделаны железные скобки для облегчения подъема. С их помощью мы и стали осторожно подниматься вверх.

Вид с перевала вознаградил нас за трудности подъема. Оттуда с одной стороны открывался обзор Хали Гонсеницовой и Чарного става, с другой — очаровательной продолговатой долины и дальше извилистой цепи Высоких Татр. В долине, как жемчужины, сверкали пять небольших озер.

— Нам стоило сюда карабкаться! — сказал Владимир Ильич.

Спуск с перевала был сравнительно легким. Скоро мы выбрались на тропинку, которая правильными зигзагами шла полого вниз. В долине мы подошли к первому из пяти озер, освежились его почти ледяной водой и двинулись дальше.

В долине находилось еще одно схрониско. Мы не задержались там, ибо хотелось скорее добраться до цели нашей сегодняшней экскурсии — Морского ока (Морского глаза). Прошли долину. Начался второй, невысокий перевал; к нему вела удобная тропинка. Скоро мы очутились на перевале, откуда открылся вид на еще более интересную долину, в глубине которой, среди скал, виднелось озеро. Оно действительно производило впечатление глаза, глубоко сидящего в орбите.

Утром часть компании, напуганная рассказами о трудностях подъема на Рысы, предпочла вернуться домой, а мы с Владимиром Ильичем решили довести до конца ранее намеченный план.

Подъем оказался не таким трудным, как мы предполагали, но был очень утомителен и однообразен. Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Оглядываясь назад, мы видели постоянно расширяющуюся панораму горных цепей, а внизу — кажущееся совсем маленьким Морское око. Владимир Ильич несколько раз останавливался и старался разобраться в отдельных вершинах, которые отсюда имели совершенно другой вид, чем из Поронина.

Подходили почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути. Связь с массивом Рысы как бы прервалась. В нескольких метрах мы ясно различали тропинку, ведущую на вершину. Но чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому гребню, имевшему вид седла, бока которого спускались почти отвесно в глубокие пропасти. Оглядываясь, Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он двигается и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел.

Мы на вершине. Перед нами широкая горная панорама.

Посидели там около часа, отдохнули, пообедали взятыми с собой продуктами и стали готовиться к спуску.

Опасаясь, как бы осложнение на гребне не повторилось, предлагаю спускаться другой дорогой под предлогом, что там будут новые виды. Владимир Ильич сразу разгадал мой маневр и резко ответил:

— Не следует избегать трудностей! Нужно уметь их преодолевать! — И с этими словами двинулся вниз и скоро благополучно перебрался через гребень.

Без всяких инцидентов мы спустились в долину, удовлетворенные совершенной экскурсией.

* *

*

В конце сентября (по старому стилю) 1913 года в Поронине было особенно оживленно. Там началось совещание Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками.

В Поронине с устройством совещания было гораздо проще, чем в Кракове. Сюда часто наезжали на несколько дней туристы, и на новых лиц никто не обращал внимания. Большинство приехавших товарищей остановилось в пансионе Гута (теперь в этом доме находится Музей В. И. Ленина). Само совещание состоялось в квартире Владимира Ильича, в доме Терезы Скупень. Официально оно было названо «Летним», чтобы ввести в заблуждение царскую охранку. Несмотря на эту предосторожность, охранка получила о совещании самые точные сведения, так как среди участников совещания оказалось два впоследствии разоблаченных провокатора — Малиновский и Лобов.

В конце октября Ульяновы переехали из Поронина в Краков. Поселились они на той же улице Любомирского, что и в прошлом году, но в другом доме. Возобновился прежний образ жизни.

Большим событием в политической жизни Кракова этого периода был состоявшийся 8 (21) марта 1914 года доклад Владимира Ильича, организованный студенческой прогрессивной организацией «Спуйня» («Союз»). Он привлек внимание сторонников различных партийных течений. Обширная зала «Спуйни» была набита до отказа.

Я первый раз видел Владимира Ильича выступающим на большом собрании, и потому это его выступление особенно запечатлелось в моей памяти. Владимир Ильич начал доклад тем же спокойным тоном, каким обычно говорил дома. Не повышая голоса, без каких-либо ораторских приемов, он сразу же ввел слушателей в сущность намеченной темы. Анализируя политико-экономические условия России, он указал на неизбежность развития капитализма и на связанный с этим процессом рост

рабочего движения. Со свойственной ему краткостью и ясностью изложения мыслей он обрисовал роль пролетариата в революционном движении вообще и в частности в российских условиях. Далее Владимир Ильич подчеркнул необходимость согласованной борьбы пролетариата всех национальностей, находящихся под игом самодержавия. Перейдя к национальному вопросу, он развил свою точку зрения на право всех наций на самоопределение вплоть до образования ими национальных государств.

Двухчасовой доклад был выслушан с напряженным вниманием. Для большинства слушателей были совершенно новы его основные положения. Они вызвали многочисленные вопросы, на которые Владимир Ильич кратко и ясно ответил.

Началась оживленная дискуссия, длившаяся три вечера. Основные тезисы Владимира Ильича вызвали возражения как членов так называемой революционной фракции ППС, так и членов Социал-демократии Польши и Литвы.

Вопросы, всплывшие на дискуссии, неоднократно обсуждались затем по вечерам у Ульяновых. Во время этих бесед В. И. Ленин разъяснял мне основные принципы интернационализма рабочего движения, чуждого всякой националистической закваски, давал анализ проявлений национализма в самых разнообразных формах. Особенно резко осуждал он всякое проявление антисемитизма.

— Даже малейший оттенок антисемитизма,— говорил Владимир Ильич,— доказывает реакционность проявившей его группы или отдельного лица.

С другой стороны, он резко осуждал бундовцев за их стремление обособить еврейское рабочее движение от борьбы рабочих других национальностей. Позицию бундовцев он считал вредной не только с точки зрения необходимости единства рабочего движения, но и идеологически.

— Эти тенденции,— говорил он,— надо вымести из рабочего движения, так как они в корне противоречат идее рабочей солидарности.

* *
*

В мае 1914 года вся наша колония опять переехала в Поронин. Владимир Ильич убедился, что там он может работать не хуже, чем в Кракове, и что там удобнее, чем в Кракове, устраивать совещания.

В Поронин к Владимиру Ильичу приезжало довольно много товарищей из России. Оживленный и жизнерадостный, он подолгу бродил с ними по окрестностям Поронина, давая в это время директивы и получая сведения о положении дел на местах.

Шла энергичная подготовка к очередному партийному съезду. Но созвать его не удалось: началась мировая империали-

стическая война. Война не могла не отразиться на нашем положении — российских граждан, находившихся теперь на «вражеской» территории. Над этим никто из нас как-то не задумывался. Мысли были заняты другим.

Связи с Россией порвались. Владимир Ильич молча ходил по комнате, когда я однажды вошел. Товарищи были в сборе. Вдруг он остановился и произнес:

— Необходимо во что бы то ни стало найти новые способы продолжения работы в условиях войны. Прежде всего следует возможно скорее установить связи с Россией через товарищей в Швейцарии и Швеции. Сегодня же напишем им. Нужно во что бы то ни стало добиться восстановления регулярных сношений с Петербургом.

Владимир Ильич ясно предвидел ход событий. Он разъяснял нам:

— Если сравнительно небольшая война с Японией, происходившая на Дальнем Востоке, так всколыхнула массы, то нынешняя война, гораздо более серьезная, к тому же ведущаяся ближе к жизненным центрам России, не может не привести к революции.

Он говорил далее:

— Со времени японской войны в российской армии не произошло никаких изменений. То же безграмотное офицерство, такой же генералитет, такое же интендантство, такой же низкий уровень вооружения. Несмотря на всю свою доблесть и храбрость, русский солдат в такой обстановке много сделать не сможет.

Чувствовалось, что, с одной стороны, война должна была приблизить российскую революцию, а с другой — она, по крайней мере на данный отрезок времени, оторвала Ленина от революционной практики. Несмотря на изменившуюся обстановку, Владимир Ильич продолжал свою теоретическую работу. Он писал статью о К. Марксе для энциклопедического словаря Гранат, разрабатывал материалы по аграрному вопросу, намечал новые работы на темы, навеянные войной.

Два раза в день, к моменту прихода газет, все собирались около почты. Там же обсуждались последние сообщения.

Владимир Ильич не принадлежал к числу оптимистов, предполагавших, что война закончится в течение нескольких недель.

— Война будет очень упорная, — говорил он, — у обеих сторон много военных и людских ресурсов. Капиталисты вынудят свои правительства вести войну до полного истощения одной из сторон.

С особенным вниманием следил Владимир Ильич за сообщениями о настроении рабочих в воюющих странах. С большим нетерпением ожидал он сообщений о заседании немецкого рейхстага, которому предстояло обсудить военный бюджет. На

заседании должна была определиться позиция немецких социал-демократов. Владимир Ильич доверял им больше, чем французским социалистам: ведь немецкие социал-демократы так определенно высказывались против войны на Международном социалистическом конгрессе в Базеле.

Мне навсегда остался памятен день, когда получилось сообщение о единогласном голосовании немецких социал-демократов за военный бюджет, предложенный германским правительством. 5 августа утром я поехал на вокзал к утреннему поезду, с которым в Поронин приходили краковские газеты. В них должно было быть сообщение о бывшем накануне заседании германского рейхстага. Беру газету, читаю: «Военный бюджет принят рейхстагом единогласно». Немедленно еду к Владимиру Ильичу и взволнованно сообщаю ему это известие.

— Не может быть! — воскликнул он. — Вы, вероятно, неправильно поняли польский текст телеграммы.

Показываю ему газету с краткой и не вызывающей сомнений телеграммой. Это его не убеждает. Зовем Надежду Константиновну. К знанию ею польского языка он относился с большим доверием. Надежда Константиновна подтверждает правильность моего перевода.

Владимир Ильич сразу же оценил историческое значение этой измены лидеров немецкой социал-демократии международному рабочему движению.

— Это конец II Интернационала, — произнес он и добавил: — С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом.

Мы не придали значения этой вырвавшейся у него фразе. Потом стало ясно, что уже тогда В. И. Ленин стал вынашивать мысль о III, Коммунистическом, Интернационале.

В течение нескольких дней Владимир Ильич был как-то замкнут. Очевидно, в нем шла большая внутренняя работа. Он понимал, что необходимо предпринять серьезные шаги. Со свойственной ему решимостью в важных, принципиальных вопросах он не поколебался пойти против общепризнанных авторитетов международного социалистического движения и провозгласить революционный призыв к беспощадной борьбе рабочих всех воюющих стран против их правительств, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

* *
*

Находясь в пределах Австро-Венгерской империи, воевавшей с Россией, Владимир Ильич был лишен возможности развернуть работу, направленную к сплочению революционных слоев пролетариата воюющих стран. Следовало переехать в какую-нибудь нейтральную страну, откуда можно было бы сношаться с Рос-

сней и с рабочими организациями других стран. Это было чрезвычайно сложно, так как правительства воюющих стран не выпускали граждан противной стороны.

Неожиданные обстоятельства пришли на помощь Владимиру Ильичу.

Произошла нелепая история. Военный психоз докатился и до захолустной галицийской деревушки Поронин. Подстрекаемые местным ксведзом, крестьяне начали наблюдение за группой «москалей». Какая-то темная крестьянка обнаружила «ужасную вещь»: один из «москалей» ходит на горку и там что-то пишет — очевидно, снимает стратегические планы Поронина. Местный жандарм, к которому обратилась крестьянка, произвел обыск у Владимира Ильича. Ничего подозрительного не обнаружив, кроме непонятных ему цифровых таблиц и старого револьвера, он предложил Владимиру Ильичу поехать вместе с ним на следующий день в соседний город Новый Тарг.

После ухода жандарма Владимир Ильич приезжает ко мне на велосипеде. Ясно, что дело может принять неприятный оборот. Следовало немедленно заручиться поддержкой влиятельных местных граждан, знающих деятельность Владимира Ильича. Стали перебирать подходящих людей и остановились на хорошо знакомом мне директоре большого Закопанского санатория докторе Длуском. Он в свое время принимал участие в польском революционном движении и не мог не знать Владимира Ильича по литературе.

Недолго думая, садимся на велосипеды и едем в санаторий, находившийся в четырех-пяти километрах от Закопане. Длуский принял нас очень любезно. Он был рад случаю познакомиться с Владимиром Ильичем, не колеблясь согласился поручиться за него перед старостой (уездным начальником) Нового Тарга и надеялся быстро уладить дело, если... если оно не передано еще военным властям.

Добравшись благополучно до Поронина, мы распрощались. Владимир Ильич поехал к товарищам, чтобы предупредить их о происшедшем и обсудить дальнейшие шаги, а я направился к писателю Каспровичу заручиться и его поддержкой. История с Владимиром Ильичем очень его взволновала. Он сказал, что, конечно, охотно поговорит со старостой, но к военным инстанциям обращаться не может: жена его русская, притом дочь генерала, и поэтому вся его семья находится под подозрением у военных властей.

На другой день Владимир Ильич поехал в Новый Тарг, где его арестовали, так как дело уже было передано военным властям.

Наши закопанские друзья ничем теперь не могли помочь. Надежда Константиновна и другие товарищи послали ряд телеграмм социалистическим депутатам парламента: в Краков Ма-

реку, во Львов Диаманду, в Вену Виктору Адлеру. Это подействовало. Дней через десять из Вены пришло распоряжение об освобождении Владимира Ильича. В Вене потом ходили слухи о разговоре Адлера с австрийским премьер-министром. Тот задал ему вопрос:

— А вы вполне уверены, что Ленин действительно враг русского царя?

На это Адлер ответил:

— Наверно, более непримиримый, чем вы, ваше превосходительство.

Владимир Ильич получил разрешение поехать в Краков, а оттуда в Вену, где удалось добиться разрешения на выезд в Швейцарию.

Спустя несколько недель и я покинул ставший теперь негостеприимным Поронин и вместе с семьей Ф. Я. Кона поехал в Вену. Там при посредничестве депутатов парламента Элленбогена и Виктора Адлера я также получил разрешение на выезд из Австрии и в декабре приехал в Цюрих.

Владимир Ильич жил в это время в Берне. Он прибыл туда с Надеждой Константиновной 23 августа (5 сентября) 1914 года, а день спустя за городом, в лесу, собралась местная группа большевиков и, заслушав доклад В. И. Ленина, приняла его исторические «Тезисы о войне»¹.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 504—526

---

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 4—7. *Ред.*

ЛЕНИН НАКАНУНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

После Пражской конференции большевиков в январе 1912 года Ленин решил переехать из Парижа в Галицию, в город Краков, расположенный на расстоянии полутора часов езды от русской границы. Необходимо было быть ближе к России, к «Правде», быстрее должна была происходить переписка, быстрее доходить инструкции партийным организациям.

О своем решении Ленин сообщил мне, проживавшему тогда в Кракове, с просьбой выяснить, не угрожает ли ему опасность быть выданным в руки царских жандармов. Австро-Венгрия при деятельном участии Германии усиленно готовилась в то время к войне с Россией. Австрийские власти не были поэтому заинтересованы в облегчении царскому правительству его борьбы с русскими революционерами. Учитывая это, я был уверен, что Ленин может спокойно переехать в Краков. В беседах с местными политическими деятелями, которые выяснили положение у властей, я убедился в своей правоте и написал об этом Ленину.

19 июня (2 июля) 1912 года Ленин приехал в Краков. Прожив день-два в гостинице, он 21 июня (4 июля) поселился по улице Звежинец в доме № 218¹.

Запасшись планом города с окрестностями и русско-польским словарем, Ленин быстро освоился с новой обстановкой. Месяца через полтора после приезда в Краков Ленин как-то, в одной беседе со мной, заговорил об окрестностях города и о крестьянах ближайших деревень. Много говорил об их жизни, навыках, настроениях. Рассказал об их жалобах на чрезмерные налоги, на дороговизну.

Меня поразила его исключительно правильная характеристика краковских крестьян и живое описание окрестностей Кракова.

¹ В. И. Ленин, Н. К. Крупская и Е. В. Крупская приезжают в Краков 9 (22) июня и 11 (24) июня поселяются на ул. Звежинец в доме № 218. *Ред.*

Я сказал:

— Владимир Ильич, вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян?

Ильич шутя ответил:

— Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разъезжаю на велосипеде по окрестностям города и знакомлюсь с крестьянством, а здешние окрестности очень красивы и интересны.

Тут он стал описывать окрестности Кракова и рассказывать о своих беседах с крестьянами.

Я все более изумлялся:

— Помилуйте, как это вы с ними ведете беседы, ведь вы не говорите по-польски?

— А это кто вам сказал? У меня словарь — я уже много польских слов знаю. При помощи словаря я читаю польские газеты. В загородные прогулки беру с собой в помощь словарь. Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу. Говорю по-польски. Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии, — значит, немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жестам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друг друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне, неплохой материал. Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания, не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...

Эти свои «аусфлюги» (прогулки) Ленин делал в свободное от занятий время.

Основная цель Владимира Ильича — связаться теснее с партией в России... Связь скоро была налажена. Краков, летом Поронин стали настоящей ставкой нашей большевистской армии. Сюда постоянно съезжались полководцы отдельных наших частей. Бывали члены нашей думской фракции, представители Центрального и местных комитетов партии, работники профессионального движения, страховых касс и отдельные товарищи. Здесь происходили совещания, конференции. Здесь выковыливались мечи для настоящих и будущих боев против врагов пролетариата.

Живая связь с вождем давала великолепные результаты. Приезжавшие товарищи выясняли животрепещущие вопросы, получали нужные инструкции, обогащали свои познания и возвращались к работе с усиленной энергией и верой. Многие оставались месяц и дольше и пополняли свои теоретические пробелы под руководством вождя.

Штаб работал вовсю. Шли указания, инструкции в организации. Посылались статьи для газет. Обработывались речи для

думских депутатов по принципиальным вопросам. Каждая статья Ленина в «Правде», каждое выступление наших депутатов в Думе, как тараном, били по буржуазно-помещичьей твердыне.

Рабочие массы все более смыкались вокруг большевистского знамени, все больше ощущали свою силу. Выступая организованно, сплоченным фронтом под руководством большевиков, они в своих повседневных стычках со своими противниками, в стачках одерживали победу. Никакие репрессии, никакие уловки охранки не могли удержать нарастающей революционной волны.

В 1914 году настроение рабочих масс во всех промышленных центрах напоминало канун 1905 года. Годы затишья прошли, и рабочие энергично стали наступать на капитал. Чувствовалось, что приближается новая решительная схватка. Кто знает, не был ли бы это последний бой рабочих, если бы не разгорелась разбойническая империалистическая война?

Это настроение должен был признать даже, с позволения сказать, «вождь» Интернационала господин Вандервельде. Он в 1914 году был в Питере, бывал на многих рабочих собраниях, в разных рабочих организациях и не мог не отметить чрезвычайно приподнятого настроения. Такое настроение рабочих немало смутило этого «революционера». Особенно беспокоило его почти исключительное влияние большевиков среди рабочих. Не менее волновались по этому поводу его идейные друзья, наши меньшевики-ликвидаторы, все более терявшие почву под ногами.

Как быть? Как отвлечь рабочих от большевиков? Наши меньшевики думали, думали и додумались. Необходимо заставить большевиков... объединиться с меньшевиками. Пошла работа, и вот II Интернационал созвал конференцию русских организаций на предмет их объединения¹... Меньшевики торжествовали. Высшая власть, Интернационал, заставит Ленина подчиниться.

Ильич взбешен. Работы у него по горло, а тут глупостями приходится заниматься. Он ни на минуту не сомневался, что конференция никаких результатов дать не может. Большевики ни в коем случае не отступят от своей революционной тактики, а этого именно добиваются меньшевики и господин Вандервельде.

Итак, делегацию послать. Но не для того, чтобы сдаваться, а чтобы дать еще одну политическую пощечину меньшевикам. Ильич решил делегацию послать, но ни за что не хотел сам ехать.

Помню, как я его уговаривал лично принять участие в конференции: авторитет его много значит, может повлиять на мень-

---

¹ Речь идет о Брюссельском «объединительном» совещании, прошедшем 3—5 (16—18) июля 1914 г. *Ред.*

шевиков в смысле перемены тактики. Но Ильич смеялся над моей наивностью. «Если бы меньшевики решились пойти за нами,— говорил Ильич,— то нечего им созывать конференцию. Они желают лишь ругать меня перед Интернационалом. Уж этого удовольствия я им не доставлю. Да и времени жалко, лучше заниматься делом, нежели болтовней...»

Вскоре я убедился, как прав был Ильич. Конференция началась. Собираются делегаты. Постепенно появляются и товарищи большевики: Инесса Арманд, Владимирский, Попов и занимают крайнюю левую. Они почти изолированы, но настроение у них бодрое. Я был в делегации польских «розламовцев».

Появляются светила Интернационала: Вандервельде, Гюнсманс, Каутский. Тут и Плеханов, и Роза Люксембург. Все косятся в сторону большевиков: нет еще Ленина, очевидно, запоздал, появится завтра... Вандервельде произносит «горячую» речь в честь революционного российского пролетариата, указывает на приближающиеся решающие моменты и призывает к единству. В единстве—де сила... Большевики его поддерживают, жалуются на недисциплинированность большевиков и торжественно изъявляют готовность подчиниться требованию Интернационала об объединении. В таком же духе говорят почти все... Торжественное настроение портят большевики. Они «дерзнули» поспорить с Вандервельде. *Сила — в правильной революционной классовой тактике, в правильной линии, а не в единстве разных противоречащих линий.* Мы не прочь объединиться с меньшевиками, но при условии, если они безоговорочно признают нашу тактику и подчинятся нашим постановлениям... Подобной «наглости» наши противники не ожидали. «Да вы безответственные работники и не знаете, что говорите! — вопили они.— Где Ленин? Когда он придет? Он должен наконец выслушать обвинения перед лицом Интернационала...»

Трудно себе вообразить физиономии господ из II Интернационала, когда большевистские делегаты спокойно заявили, что Ленин занят и на конференцию прибыть не может. Они же выступают от имени Центрального Комитета большевистской партии.

Была предложена резолюция, пытающаяся смазать существенные разногласия между большевиками и меньшевиками и этим путем дезориентировать рабочих России. Большевистские делегаты заявили, что отказываются принять участие в голосовании подобных резолюций.

«Вождь» II Интернационала Вандервельде пытался запугать стойких представителей большевистской партии. Он, между прочим, сказал:

«...Сознают ли те, которые отказываются голосовать за предложенную резолюцию, свои поступки? Резолюция ничего не говорит. Моральное значение ее — желание объединения. Знают

ли делегаты ЦК, что они делают? Двое судей будут их судить: Венский конгресс¹ и русский пролетариат. Знают ли они, какой будет приговор? Можно голосовать за или против резолюции, но воздержание от голосования обозначает издевательство...»

Вандервельде в одном был прав: большевистские делегаты не прочь были поиздеваться над всей собравшейся компанией оппортунистов. Запугивание «вожди» не возымело должного влияния, и делегаты большевистского ЦК остались выдержанными до конца...

Это была последняя встреча большевиков со II Интернационалом... Вскоре началась война. И вся гниль и наглая измена этого почтенного учреждения стали очевидными для всех честных революционеров.

Вспыхнувшая война, хотя о ее подготовке столько говорилось, сильно подействовала на Ильича. Он осунулся, мало говорил: все думал и думал. Он производил анализ нового положения и делал соответствующие выводы. В его голове зарождались новые планы действия. Война, очевидно, будет затяжной и принесет величайшие бедствия трудящимся всех стран. Буржуазия повсюду при помощи социал-предателей выдвинет лозунг объединения всех сил в стране против общего внешнего врага. Необходимо повсюду разоблачить всю гнусность этого «бургфридена». Необходимо объяснить рабочим во всех воюющих странах настоящее значение происходящей войны. Необходимо убедить их, что они должны бороться против этой войны. *Никакого объединения с буржуазией, а объединение против буржуазии. Не перемирие с буржуазией по поводу войны, а война войне.*

Ильичу все ясно, у него готовы новые планы.

И метался он, как лев в клетке. Находясь в Поронине, в Австрии, в стране воюющей, он не имел возможности работать, действовать. Вскоре он был арестован по нелепому подозрению в шпионаже. Освобожденный после одиннадцатидневного пребывания в тюрьме, Ильич уехал в Швейцарию.

Тут он со свойственной ему железной энергией начал действовать. Восстанавливается связь с Россией. Посылаются точные инструкции и планы работы в новой обстановке. Завязываются отношения с небольшими остатками революционных социал-демократов в других странах, оставшимися верными рабочему классу. Готовится почва для создания нового, III Интернационала. Малое пока количество его приверженцев не смущает Ильича: *главное — качество их.* Ильич всегда придерживался формулы «лучше меньше, да лучше».

---

¹ В 1914 г. должен был собраться в Вене международный социалистический конгресс. Я. Г.

Вскоре, 19 октября (1 ноября) 1914 года, под мощным руководством Ильича возобновляется в Швейцарии Центральный Орган РСДРП «Социал-демократ».

Заявляя, что он пойдет «против течения», «Социал-демократ» сразу начинает беспощадную борьбу с изменниками рабочего класса — социал-шовинистами. Разоблачаются Каутский, Плеханов и другие. Выясняется крах II Интернационала и необходимость создания нового Интернационала.

*Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки
из воспоминаний. М., Партиздат,
1933, с. 8—12*

ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ФРАКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Фракция большевиков была маленьким островком среди массы черносотенцев — зубров реакционнейшей IV Государственной думы. Устами депутатов-большевиков весь рабочий класс России обращался со своими требованиями к царскому правительству и разоблачал кровавый произвол царизма. Наши речи с думской трибуны имели огромное организующе-революционное значение. В условиях жесточайшего полицейского преследования каждого революционного работника наша фракция, обладавшая относительными «легальными» возможностями, естественно, должна была стать центром партийной работы в России. Сюда, во фракцию, сходились все нити партии: с одной стороны, из отдаленнейших районов России, а с другой стороны, из руководящих партийных органов, находившихся за границей. Депутаты-большевики находились в непрерывном общении с рабочими массами, посещали заводы и фабрики, создавали партийные ячейки, организовывали печатание и выпуск литературы и т. д. Состав фракции был целиком рабочий — вся большевистская «шестерка»: Петровский, Муранов, Малиновский (впоследствии оказавшийся провокатором), Самойлов, Шагов и пишущий эти строки были рабочие, непосредственно выбранные в Думу с фабрик и заводов, где до того мы работали.

Владимир Ильич, считая деятельность нашей фракции особенно важной для партии и всего революционного движения, проявил к ней особую заботливость и энергию в руководстве ее работой не только во время сформирования фракции, но и во время самих выборов. С чрезвычайной внимательностью товарищ Ленин присматривается ко всем настроениям в среде рабочих во время выборов, следит за нелегальными избирательными собраниями рабочих, которые мы были вынуждены, скрываясь от полиции, устраивать в лесах «на лоне природы», посылает

свои директивы и указания, направляет избирательную кампанию «Правды» и т. д.

Сразу после выборов, как только рабочие-депутаты съехались в Петербург, Владимир Ильич заботится об организации фракции, интересуется каждым депутатом в отдельности, подытоживает результаты избирательной кампании, выясняет, в какой обстановке происходили выборы, с какими наказами приехали депутаты. Из Кракова присылается специальная анкета для избранных от рабочей курии депутатов. В 19 пунктах этой анкеты — подробные вопросы о степени участия рабочих в выборах, о ходе избирательных собраний, распространении предвыборной литературы, способах составления списков, спорах на собраниях, составе уполномоченных, выступлениях других политических партий, репрессиях во время выборов и т. п. Параллельно с этим в анкете ставились вопросы, которые должны были выяснить ряд моментов партийной работы. Владимир Ильич считал необходимым не ограничиваться одними формальными ответами, а просил, чтобы каждый депутат связно рассказал о своей губернии, описал все, что он видел на выборах. Этим описаниям Ленин придавал большое значение, так как они должны были дать картину настроений рабочего класса...

У нас завязалась с Владимиром Ильичем крепкая связь, которая по мере развития работы фракции все более и более упрочивалась. От Ильича мы получали помощь по всем основным серьезным вопросам нашей думской и внедумской деятельности. Владимир Ильич не только руководил всей фракцией в целом, но и помогал каждому депутату в его работе. Личные указания и письма от Ильича, всегда ставившего вопросы точно и определенно, были для нас неисчерпаемым источником усиления и повышения всей нашей работы.

С точки зрения революционной агитации среди масс думские заседания были использованы нами полностью. Нам иногда казалось, однако, что всего этого недостаточно.

— Ну хорошо, мы со своей стороны устраиваем демонстрации министрам и черносотенцам, когда они появляются на трибуне, — сказал я в разговоре с Владимиром Ильичем, — но этого мало. Рабочие спросят: какие практические предложения делали вы в Думе, где выработанные вами законы?

Владимир Ильич, как обычно рассмеявшись, ответил:

— Никаких законов, облегчающих положение рабочих, черносотенная Дума никогда не примет. Задача рабочего депутата — изо дня в день напоминать с думской трибуны черносотенцам, что рабочий класс силен и могуч, что недалеко тот день, когда вновь подымется революция, которая сметет всю черную сотню вместе с ее министрами и правительством. Конечно, можно выступать и с поправками к бюджету и даже с каким-либо законом, но все эти выступления должны сводиться к одному:

надо клеймить царский строй, показывать весь ужасающий произвол правительства, говорить о бесправии и жесточайшей эксплуатации рабочего класса. Вот это будет действительно то, что должны слышать рабочие от своего депутата.

С конца осени мы в Государственной думе образовали самостоятельную большевистскую фракцию. В газете и в специальных воззваниях, обращенных к рабочему классу России, мы объяснили причину раскола с меньшевиками и призывали рабочие массы поддержать своих депутатов. Во фракцию и в «Правду» начали поступать многочисленные резолюции солидарности с большевиками, в первую очередь из Петербурга, затем из других рабочих центров и, наконец, из самых отдаленных районов России. Рабочие присылали резолюции, в которых выражался протест против действий меньшевиков и приветствовалась наша большевистская фракция.

Когда «шестерка» стала самостоятельной фракцией, перед нами встали задачи еще более ответственные, чем раньше. Наши выступления в Думе стали более частыми и вместе с тем еще более резкими, еще более революционными. Большевистская фракция развернула огромную работу. Усилилась и нелегальная работа фракции.

Владимир Ильич усиленно помогал нам в работе. После наших выступлений по особенно боевым вопросам мы получали от него письма, в которых он либо хвалил за выступление, либо указывал на слабые места. Мы посылали Ильичу различный материал по тем вопросам, которые стояли в порядке думской работы. Владимир Ильич прорабатывал его и нередко присылал обратно в виде тезисов для наших выступлений. По отдельным, особенно важным вопросам Владимир Ильич присылал нам даже готовые тексты речей. К сожалению, по условиям конспирации не удалось сохранить подлинников речей, написанных Лениным. Однако по стенограммам думских заседаний можно почти полностью восстановить эти речи¹.

Весной 1914 года² Ленин поставил вопрос об еще большем усилении работы партии, уделяя внимание главным образом подпольной работе. Владимир Ильич обратился к нам, во фракцию, с указанием, что следует усилить работу подпольных ячеек, создать на фабриках и заводах рабочие группы, чтобы через них скорее передавались бросающиеся сверху лозунги, укрепить партийную дисциплину, которой мы всегда побеждали, и т. п. Для этой цели он предлагал также укрепить центральные руководящие органы партии в России, устроив побег находив-

¹ Часть написанных В. И. Лениным проектов речей (или их планов) для большевиков — депутатов IV Государственной думы сохранилась (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135, 260—277; т. 25, с. 64—72). *Ред.*

² Здесь неточность. Это было осенью 1913 года. *Ред.*

шихся в ссылке товарищей Сталина и Свердлова, и привлечь к работе ряд других товарищей. От Ильича я получил письмо, в котором он сообщал о моем включении в состав Центрального Комитета партии. По работе в ЦК мне была присвоена партийная кличка Петр.

Центром организационной работы в это время Владимир Ильич ставил подготовку к очередному партийному съезду, который был намечен на август 1914 года. Ленин придавал созыву этого съезда огромное значение, считая, что съезд закрепит завоеванные партией позиции и окончательно лишит всякого влияния ликвидаторов, в том числе и думскую меньшевистскую «семерку». Вся подготовительная работа по организации съезда в России падала на нашу думскую фракцию. От Ленина мы получили точный план и подробные указания, каким путем вести подготовку к съезду. Каждый из нас должен был объехать определенный район, где вести организационную и агитационную работу по съезду. Владимир Ильич даже сам распределил районы между депутатами, причем мне был поручен проезд части Поволжья и Кавказа. Подготовка к съезду, конечно, должна была быть строго конспирирована; для этого съезд нужно было «прикрыть» международным социалистическим конгрессом, который тоже должен был состояться в это время.

Владимир Ильич писал нам, что для подготовительной работы к съезду мы должны напрячь все свои силы, отказываясь даже, если это понадобится, на время от части нашей думской деятельности.

Подробные указания продолжали мы получать от Владимира Ильича и по всем текущим вопросам работы фракции. В частности, Владимир Ильич указывал на необходимость возможно шире организовать первомайское выступление, подготовить законопроект о 8-часовом рабочем дне, помочь техническому улучшению рабочей печати и т. д.

Работа по подготовке партийного съезда, развернутая нашей фракцией полным ходом, была, однако, оборвана объявлением войны, лишившей возможности созвать съезд в намеченное время. Вместе с тем объявление войны затруднило и наши сношения с Владимиром Ильичем. Переписка Ильича с нами стала менее регулярной и более редкой. К осени 1914 года царское правительство ликвидировало и всю нашу фракцию, которая после ареста и суда была сослана в Сибирь.

С самого начала и до конца мы работали под руководством Владимира Ильича. Этому руководству мы обязаны тем, что думская большевистская фракция сыграла немаловажную роль в развитии революционного движения в России.

НАШ МУДРЫЙ ВОЖДЬ

С В. И. Лениным я познакомился в конце 1912 года, когда вместе с другими большевиками — депутатами IV Государственной думы участвовал в совещании ЦК партии с партийными работниками в Кракове (совещание, как известно, было из конспиративных соображений названо «Февральским»). Председателем совещания был избран В. И. Ленин.

Мы, рабочие депутаты, были поражены скромностью и простотой Владимира Ильича, на квартире которого работало совещание и где мы также обедали (готовила Н. К. Крупская, помогали ей женщины — участницы совещания). Изумило нас и то, как хорошо знал В. И. Ленин, хотя он долго находился в эмиграции, настроения рабочих России, как внимательно вникал во все вопросы, имеющие отношение к рабочему движению, как глубоко он обобщал отдельные явления, приучая к этому и нас, революционеро-практиков.

Вот характерный пример. После совещания Владимир Ильич беседовал с депутатами Думы, с каждым в отдельности, расспрашивая о работе в их избирательных округах. Беседуя со мной, он интересовался состоянием рабочего движения на юге в 1912 году по сравнению с 1897—1900 годами, когда в Екатеринославе работал Бабушкин. Я отвечал, что тогда сознательные рабочие на заводах насчитывались единицами, а теперь на каждом заводе десятки, а бывает, и сотни сознательных рабочих.

— А как,— спросил Владимир Ильич,— относятся рабочие теперь, после полосы реакции, к требованию демократической республики? Наверно, робеют, побаиваются, ежатся?

Я был изумлен: откуда Ленин знал об этих явлениях? Я подтвердил то, что сказал мне Владимир Ильич. Действительно, когда я на нескольких рабочих собраниях делал доклады, то при словах «надо бороться за демократическую республику» рабочие как-то робели. Ленин объяснил, что это результат годов реакции и репрессий, результат разлагающей работы меньшевиков, которые прививали рабочим боязнь, робость.

Далее я информировал В. И. Ленина о распространении «Правды». Владимир Ильич спросил: а что, если при газете «Правда» выпускать вкладные листки под названием «Донецкий шахтер», «Уральский рабочий»?

Руководя работой большевистской партии, В. И. Ленин в эти годы с предельной ясностью предвидел надвигавшуюся первую мировую войну и прозорливо предсказал неизбежность пролетарской революции. Подтверждением этого могут служить следующие события.

Дело было в мае — июне 1914 года. В Петербург приехал тогда председатель II Интернационала Вандервельде. Прикрываясь разговорами о необходимости установления единства рабочего класса, он хотел «устранить» раскол между большевиками и меньшевиками, подчинить меньшевикам революционное рабочее движение в России.

Легальным центром большевистской партии была тогда партия с «Правдой» большевистская фракция IV Государственной думы. Наряду с «шестеркой» большевистских депутатов, избранных от рабочей курии, в Думе было семь депутатов-меньшевиков, прошедших голосами мелкобуржуазных избирателей. Вандервельде заявил, что в его задачу входит изучить, за какой фракцией идет большинство российского пролетариата. На самом деле он намеревался объединить рабочих депутатов-большевиков с депутатами-меньшевиками и в случае возникновения империалистической войны добиться, чтобы объединенная социал-демократическая фракция голосовала в Думе за поддержку империалистической войны, за военные кредиты.

В. И. Ленин предвидел этот политический ход лидеров II Интернационала. Находясь за границей, он руководил деятельностью большевистской фракции IV Государственной думы. Узнав о приезде Вандервельде в Петербург, В. И. Ленин предложил нам, большевикам-депутатам, принять Вандервельде и показать ему, за кем идет рабочий класс в столице и во всей России. Мне было поручено пригласить Вандервельде в редакцию газеты «Правда». Здесь перед председателем II Интернационала прежде всего выступили депутаты-большевики. Они нарисовали правдивую картину состояния рабочего движения в России. В помещении «Правды» приходили председатели и секретари правлений профессиональных союзов и знакомили Вандервельде с состоянием дел в профсоюзах, с их численностью, средствами и т. д. Представители профсоюзов говорили, что массы рабочих и сами профсоюзы стоят на позиции «Правды», т. е. большевиков.

На объединенном заседании большевиков и меньшевиков — депутатов Государственной думы мы высказались за осуществление единства рабочего движения на основе принципов, излагаемых «Правдой». Мы указали на то, что принципиальные раз-

ногласия с меньшевиками исключают возможность объединения с ними. После этого заседания Вандервельде побывал в правлениях некоторых профсоюзов. Под влиянием фактов он вынужден был признать, что преобладающее влияние в рабочем движении России было у большевиков. Вандервельде уехал ни с чем.

То, что рабочие массы шли за большевиками, показывает такой факт, как выборы делегатов на конгресс II Интернационала, собрат который предполагалось в Вене. Подавляющее большинство мандатов на конгресс получили «правдисты». Меньшевикам-плекхановцам не достался ни один мандат. Они просили у нас, большевиков, хотя бы один мандат для Плеханова. Мы ответили: дадим мандат, если Плеханов будет защищать платформу нашей партии. Вскоре Петербургский комитет и депутаты-большевики поручили мне направиться за границу к Ленину для разрешения ряда важных вопросов партийной работы, в частности для информации его о пребывании Вандервельде в Петербурге. Я повез Ленину материалы о позиции профсоюзов и других массовых организаций рабочих. В. И. Ленин жил тогда в Поронине, где снимал небольшую квартиру в крестьянском домике. На веранде этого домика происходили все наши совещания.

Я сообщил Ленину, как мы встретили Вандервельде. Владимир Ильич одобрил все, что нами было проделано в связи с приездом Вандервельде, и заметил, что я прибыл весьма кстати. Дело в том, что в это время происходило Брюссельское совещание, созванное Бюро II Интернационала, на котором обсуждался вопрос об объединении большевиков с меньшевиками. Меньшевики распространяли слухи, будто и Ленин находился в Брюсселе, но не хотел являться на совещание.

На Брюссельском совещании, прошедшем 16—18 июля (новый стиль) 1914 года, были представлены: ЦК РСДРП (большевики), Организационный комитет (меньшевики), плехановская группа «Единство» и другие. От ЦК большевистской партии на совещании были М. Ф. Владимирский, Инесса Арманд и И. Ф. Попов. Лидеры II Интернационала отнеслись к нашим товарищам крайне неблагоприятно, и наша делегация сообщала Ленину о сложившейся для нее неблагоприятной обстановке.

Под видом «примирения» большевиков с ликвидаторами и установления «мира» в партии лидеры II Интернационала требовали от большевиков прекращения критики соглашательской политики ликвидаторов и объединения с ними. Большевики не шли на уступки меньшевикам и отклоняли попытки оппортунистов II Интернационала вмешиваться во внутреннюю жизнь партии. Ленин из Поронина руководил работой большевистской делегации. Он написал доклад ЦК РСДРП, который был огла-

шен на совещании Инессой Арманд (на французском языке), а также инструктивные указания для представителей ЦК на совещании.

Заслушав мою информацию, Владимир Ильич предложил послать все материалы и газеты, привезенные мною из Петербурга, в помощь нашей делегации в Брюсселе. Так и было сделано. За подписью Ленина и моей была послана телеграмма Международному социалистическому бюро, в которой сообщалось, что почтой им отправляются материалы, связанные с поездкой Вандервельде в Петербург. Копия этой телеграммы была послана нашей делегации. Наши материалы произвели на совещании большое впечатление и сослужили большую службу в деле разоблачения измышлений меньшевиков.

В связи с Брюссельским совещанием Владимир Ильич дал оценку тогдашним событиям, политике лидеров II Интернационала, стремившихся принять решение об объединении большевиков с меньшевиками и этим парализовать влияние большевиков в рабочем движении. В. И. Ленин отмечал, что еще много придется поработать, пока положение в международном рабочем движении изменится и во главе социалистического Интернационала встанут люди, преданные рабочему классу и пролетарской революции. Ленин был глубоко убежден в победе русской и всемирной революции.

В это время в России уже вспыхивали зарницы революции. Волна рабочих забастовок прокатилась по всей России. Мощные стачки происходили в Донбассе. В Петербурге забастовочное движение переросло в открытые столкновения с полицией и казаками. На Выборгской стороне появились баррикады. Волны революции все сильнее подмывали основы царского режима. Высказывая мысль о близкой победе революции, В. И. Ленин предложил мне быстрее закончить работу за границей и возвратиться в Россию, ибо, как говорил Владимир Ильич, депутат-большевик должен быть на своем посту. Нагрузившись нелегальной литературой, я выехал из Пороина в Россию и, приехав в Петербург, еще застал баррикады на Выборгской стороне.

После Октябрьской революции, когда В. И. Ленин стал главой Советского правительства и его имя стало известно миллионам трудящихся во всем мире, он продолжал оставаться скромным, чутким товарищем, с величайшим вниманием относившимся к мнениям других работников. Выработав принципы коллективности руководства партией, Ленин сам следовал им.

Вот яркий пример, рисующий облик В. И. Ленина. 5 апреля 1920 года делегаты IX съезда партии чествовали В. И. Ленина в связи с приближавшимся пятидесятилетием со дня его рождения. После выступления двух ораторов Владимир Ильич сказал, что этого вполне достаточно, и предложил поговорить о насущных вопросах партии и советского строительства. Однако де-

легаты съезда не согласились с этим: они хотели выразить свои чувства, свою горячую любовь к В. И. Ленину. Тогда Владимир Ильич ушел. Это было чрезвычайно характерно для него: он не терпел хвалебных речей по своему адресу. Подошла моя очередь председательствовать на заседании. Мне сказали, что Владимир Ильич вызывает меня к телефону. Он спросил, что происходит на съезде. Я ответил: «Продолжаются выступления о пятидесятилетию Владимира Ильича Ленина». Владимир Ильич настойчиво потребовал от меня, как председателя, прекратить эти выступления. Но сделать это было невозможно.

Владимир Ильич учил нас, коммунистов, скромности, учил тому, что на первом месте должны быть интересы партии и рабочего класса, которым мы служим.

*Воспоминания о В. И. Ленине.
М., Госполитиздат, 1954, с. 93—98*

В 1914 ГОДУ

Возвратившись в Петербург в январе 1914 года, я снова почувствовал себя очень плохо. Лечение во время работы результатов не давало. Узнав об этом, Владимир Ильич вызвал меня в Краков, и во второй половине января 1914 года я выехал туда через Варшаву.

Дом, в котором жил Владимир Ильич, находился на окраине, в восточной части города, на улице Любомирского. Квартира Владимира Ильича состояла из двух небольших комнат; в ней находились две простенькие кровати, два простых деревянных стола и несколько деревянных стульев и табуреток.

Меня радушно встретила Надежда Константиновна Крупская. Она сообщила мне, что Владимир Ильич находится в отъезде и будет только через несколько дней.

Надежда Константиновна, конечно, очень интересовалась всем, что происходило тогда в России, но, слушая мою информацию об этом, часто меня прерывала словами: не спешите, вам много говорить нельзя, вы успеете еще рассказать, будет еще время.

Эту ночь я переночевал в квартире Владимира Ильича, а на следующий день меня перевели на квартиру Александра Антоновича Трояновского.

В ожидании Владимира Ильича я старался хорошо продумать мою информацию, которую я должен был ему сделать о том, что мне было известно о наших партийных делах в России, о работе думской фракции, о газете «Правда» и т. д.

Владимира Ильича до того времени я еще никогда не видел, и предстоявшая первая встреча с вождем нашей партии вызывала у меня некоторую робость. Но когда Владимир Ильич приехал и я с ним встретился, то сразу увидел, что передо мной простой русский человек. Все в нем было просто: и его наружность, и даже костюм, жесты при разговоре, и только глаза Владимира Ильича показались мне какими-то необыкновенными,

в них горел какой-то особый огонек, который порой, казалось, пронизывал меня насквозь.

После того как Владимир Ильич подробно осведомился о состоянии моего здоровья, я приступил было к рассказу о положении наших партийных дел в России, но он, как и Надежда Константиновна, очень скоро меня остановил словами: вам много говорить подряд вредно. Расскажите постепенно, не спеша.

Стремясь ободрить меня, Владимир Ильич говорил: мы постараемся вас вылечить во что бы то ни стало, только не падайте духом.

На другой день Владимир Ильич направил меня через находившегося тогда там товарища С. Ю. Багоцкого к известному в то время в Кракове врачу, доценту университета, доктору Ландау. Осмотрев меня, доктор дал совет поехать на лечение в Швейцарию.

После этого я еще оставался некоторое время в Кракове и имел возможность ежедневно видеть Владимира Ильича и беседовать с ним по ряду интересовавших его и меня вопросов.

Владимир Ильич усиленно занимался партийными делами: много читал, писал и ежедневно вечерами, часов в 11, сам ездил на вокзал для отправки в Россию своей почты (статьи для нашей большевистской печати, речи для депутатов-большевиков, инструктивные указания по партийной работе и другие материалы).

Вскоре я выехал в Швейцарию. Провожая меня на вокзал, Владимир Ильич крепко наказывал, чтобы я писал ему о ходе моего лечения, а находившимся в городе Берне русским эмигрантам-большевикам Владимир Ильич написал, чтобы они как можно скорее и лучше устроили меня на лечение.

В Швейцарии я пробыл довольно долго и часто переписывался с Владимиром Ильичем. В своих письмах Владимир Ильич, справляясь о моем здоровье, советовал поменьше думать о делах и больше заниматься лечением, сообщал иногда о политических новостях. Писем этих у меня было порядочно, но все они погибли во время нашего ареста в Петрограде в ноябре 1914 года (были сожжены нами вместе со многими другими материалами).

К июлю я поправился, окреп и собирался уже возвращаться в Россию, но разразившаяся империалистическая война этому помешала.

Германская и австрийская границы были закрыты, и, прежде чем ехать, нужно было долго выяснять, какие имелись еще пути в Россию. В это время я находился в дачном местечке Лайнген.

Однажды от Владимира Ильича из Австрии была получена мною телеграмма с просьбой выслать некоторую сумму денег, если возможно. Перед этим я получил из Петербурга мое дум-

ское жалование и послал Владимиру Ильичу телеграфом 500 франков. После этого совершенно неожиданно швейцарской полицией были арестованы некоторые имевшие со мной связь русские политэмигранты, а на другой день, когда я находился у одного из них и сидел на крыльчке дачи, появились на велосипедах какие-то невиданные еще мною типы. Время от времени они подъезжали совсем близко к крыльчку и самым бесцеремонным, наглым образом рассматривали меня. Это было очень подозрительно, но я не мог остановиться на мысли, что это были шпики. Такое предположение как-то не вязалось с моим тогдашним представлением о Швейцарии как о самой «демократической» стране.

Неожиданным для меня был и немотивированный арест ряда политэмигрантов. Я не допускал тогда, что в Швейцарии были возможны насилия над личностью граждан и тем более аресты «без объяснения причин».

Но факты оставались фактами. Передо мной были «родные» российские картины произвола и насилия. И авторитет «свободнейшей в мире швейцарской демократии» с этого момента в моих глазах сильно упал.

На другой день арестованные были освобождены, и с этого момента исчезли и следившие за мной шпики. Потом выяснилось, что мы были заподозрены ни больше ни меньше как в шпионаже в пользу России и что поводом для этого послужила моя переписка с Владимиром Ильичем; освобождению арестованных содействовал тогдашний бернский полицмейстер социал-демократ Сграген, объяснивший швейцарской полиции всю нелепость подобного обвинения политэмигрантов.

Дальше выяснилось, что собирались арестовать и меня, но не решились ввиду моего депутатского звания, опасаясь каких-либо «дипломатических осложнений» (им было невдомек, что партия, к которой я принадлежал, была заклятым врагом царизма и что поэтому из-за моего ареста никаких «дипломатических осложнений» получиться не могло).

Позднее стало известно, что Владимир Ильич посылки моей не получил. Ему только было сообщено, что «на его имя имеется почтовое отправление и что ему, как подданному воюющей с Австрией державы, оно выдано быть не может».

Между тем события развивались быстро. Когда вожди социалистических партий воюющих стран изменили социалистическому Интернационалу, среди российской социал-демократии в эмиграции в Швейцарии это вызвало большой переполох, и в ее среде резко определились две диаметрально противоположные позиции. Плеханов, Алексинский и другие заняли оборонческую, шовинистическую позицию, а большевики во главе с Владимиром Ильичем твердо стали на позицию борьбы против войны и против царского правительства.

В это время я был снова в городе Берне, где тогда находился и Владимир Ильич. Он только что приехал сюда из Австрии после освобождения из-под ареста, которому он был подвергнут австрийскими властями, как подданный воюющей с Австрией державы. На следующий день по прибытии в Берн, 24 августа (ст.ст.), Владимир Ильич выступил на собрании местной группы большевиков с докладом об отношении к войне. Собрание происходило в лесу, за городом. Владимир Ильич говорил, что всякие разговоры о защите отечества есть шовинизм и всякая помощь царскому правительству в войне есть прямая измена рабочему классу, что поэтому нам необходимо использовать все военные затруднения царского правительства для самой решительной борьбы с ним; далее он говорил, что нужно во всем мире вести агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую, что рабочим всех воюющих стран необходимо направить оружие против своей буржуазии и своих правительств.

Это было первое выступление Владимира Ильича на тему об отношении нашей партии к начавшейся тогда империалистической войне. Выступление это дало основную тактическую установку нашей партии в этом важном для того времени вопросе, которая легла в основу манифеста Центрального Комитета партии «Война и российская социал-демократия», опубликованного немного позднее в № 33 «Социал-демократа».

Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., Госполитиздат, 1954, с. 260—264

СТРАНИЧКИ ПРОШЛОГО

Первая мировая война застала меня в Женеве. Вокруг Швейцарии гремели пушки.

Владимир Ильич Ленин в то время жил в Галиции, в местечке Поронин. От него долго не было никаких известий. Наконец 24 августа (6 сентября) 1914 года пришла от него открытка из Берна.

Оказалось, что Владимир Ильич был арестован как русский подданный по нелепому подозрению в шпионаже.

6 (19) августа 1914 года Владимир Ильич был освобожден. Затем ему разрешили выехать в Швейцарию.

На другой же день по приезде в Швейцарию Владимир Ильич начал борьбу против империалистической войны и против «националистов нового типа» — социалистов, патриотов буржуазного отечества. В письме из Берна Ленин со всей резкостью охарактеризовал измену вождей социал-демократии: «...от Гааге до Вандервельда и Геда — все сподличали!» И Владимир Ильич спрашивал, есть ли в Женеве русская типография, можно ли издать листок против войны и социал-патриотов.

Замышляя издание листка, Ленин предупредил меня в письме, посланном с оказией, что с объявлением войны хваленая швейцарская демократия сделалась особой. Он писал:

«Есть *все* основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по *первому жесту* послов русского или французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета и т. п.»¹

Поэтому Владимир Ильич советовал всю переписку уничтожать, вести дела со всяческой конспирацией, прибегать в письменных сношениях к «химии», условным обозначениям и т. д. Так, например, предполагаемый к изданию манифест условлено было называть «Развитие капитализма».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 8. Ред.

Чрезвычайная трудность в деле издания нашей литературы состояла в том, что у нас не было своей типографии, точнее говоря, не было своей наборной с русскими шрифтами.

В Женеве существовала маленькая частная наборная с русскими шрифтами, принадлежавшая старому украинскому эмигранту Ляхоцкому, широко известному тогда под кличкой «Кузьма». (К нему приходили письма из России по адресу: «Швейцария. Кузьма».) Если бы не старенький Кузьма с его старыми шрифтами, нам, вероятно, пришлось бы прибегнуть к мимеографу, что и предусматривал Владимир Ильич в одном из своих писем.

Кузьма набирал решительно все что угодно и для кого угодно. Всех заказчиков он добродушно называл «сочинителями» и удовлетворял по возможности каждого. У него на полках была целая коллекция набранных им изданий всех периодов и всех направлений русской эмиграции, начиная с самых ранних.

Работал Кузьма один. А тут как на грех приехала к нему неизвестно откуда взявшаяся жена, не раз упоминаемая в письмах Владимира Ильича Кузьмиха. Эта ворчливая красноносая старуха непрестанно ругала несчастного Кузьму за то, что он связывается с разными «аховыми» заказчиками, вместо того чтобы поступить на постоянную работу в швейцарскую типографию.

«Сочинители» стали для Кузьмихи личными врагами. Особенно ненавидела она нас, большевиков. Выход очередного номера нашей газеты иногда зависел от благорасположения Кузьмихи.

Недаром Владимир Ильич требовал извещений на тему: «бюллетень настроения Кузьмихи и шансы на успех».

Уже начало наших дел с Кузьмой не предвещало ничего хорошего. Вот несколько выдержек из писем Владимира Ильича: «Ужасно затянул дело наборщик!! Обещал манифест к понедельнику, а сегодня пятница. У — жас!

Неужели так всегда будет?»¹

Увы, так было всегда.

В конце концов наши издания стали набираться. Но какая мука была с ними! Владимир Ильич писал:

«Что же это с № 44? Или Кузьмиха повернула решительно против нас? Торопился я с № 44 ужасно, не успел выправить статей, не видал корректур — и вдруг застопорило».

«Неужели наборщик опять «запил»? или опять взял чужую работу?? Теперь дьявольски важно без промедлений выпустить... Ради бога, отвечайте скорее»².

Каждое новое событие, каждая новая подлость социал-пат-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 19. *Ред.*

² Там же, с. 121, 66. *Ред.*

риотов подхлестывали и без того огромную энергию Ленина. Он хотел бы каждый день бросать в массы разоблачающее, будящее, зовущее в бой революционное слово. Владимир Ильич засыпал меня статьями, письмами, записками и телеграммами. Он пускал в ход всю свою богатую «технику письма» — самые «ядовитые» кавычки, самые «убийственные» восклицательные и вопросительные знаки (не скупясь на число их), подчеркивал слова дважды, трижды и до семи раз, употреблял крупные буквы и разрядку. Он требовал, чтобы я прибег к помощи партийной группы:

«Соберите группу Вашу и употребите сообща все меры, чтобы *раз навсегда* наладить правильный выход ЦО»¹.

Но что могла тут поделаться наша группа? Чтобы «умаслить» Кузьму, совали ему авансом с великим трудом сколоченную сумму денег, соглашались уплатить ему за его рабочий день в швейцарской типографии, лишь бы он работал в экстренных случаях на нас...

Наконец-то нам посчастливилось найти русский шрифт у одного швейцарского типографа в Бюмплице, близ Берна, где и стали выпускать часть номеров ЦО.

* *
*

Самым трудным препятствием в деле издания большевистской печати было хроническое безденежье.

В начале войны, когда мы собирались выпустить первый листок, весь наш денежный «фонд», как иронически именовал его Владимир Ильич, состоял из 160 франков (60 рублей). Позднее, в октябре 1915 года, когда уже были восстановлены связи с Россией и наши заграничные группы, по словам Надежды Константиновны, «выворачивались всячески, чтобы достать денег», все же в нашей кассе насчитывалось лишь 257 франков 71 сантим (96 рублей с копейками). При этом еще не было оплачено издание брошюры «Социализм и война» и двойного номера «Социал-демократа». Надежда Константиновна писала с горечью 6 (19) октября 1915 года, что приходится высчитывать каждый грош.

Сам Владимир Ильич с большой виртуозностью «высчитывал гроши». С карандашом в руке Владимир Ильич вычислял, сколько букв самого мелкого шрифта влезет в номер, и очень огорчался, если не весь материал удавалось набрать петитом. Поля оставались крохотные, и сам Владимир Ильич позаботился, чтобы заголовок занял как можно меньше места. Благодаря этим ухищрениям можно было втиснуть в номер до 40 тысяч знаков.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 66. *Ред.*

Скромным приходилось быть Владимиру Ильичу в своих издательских планах, ох каким скромным! Об издании манифеста против войны он писал:

«...издавайте немного (2—3 сотни)... Изданное будем посылать в Париж и в Россию: сотню на границу, двести на Россию»¹.

300 экземпляров нелегального листка! Вот в каких «гомеопатических» дозах предполагалось распространять большевистскую печать! Велика же была ее сила, если от нее так не поздоровилось царизму и российской буржуазии!

Центральный орган предполагалось печатать в... 500 экземплярах!

«Тираж небольшой,— пояснял Владимир Ильич,— ибо при нашем направлении на обывателя рассчитывать нельзя...»²

Весь наш тогдашний Центральный орган укладывался в две странички и стоил 10 сантимов (около 4 копеек). Старались мы изо всех сил сделать его по крайней мере еженедельным. Но отсутствие средств и своей наборной не позволяло нам это сделать. «Социал-демократ» выходил очень нерегулярно, с промежутками от двух дней до пяти месяцев.

По тем же причинам пришлось отказаться и от мысли издавать популярную газету для широких масс, в чем ощущалась острая необходимость и о чем мечтал Владимир Ильич.

Впрочем, тираж «Социал-демократа» значительно превысил пессимистические ожидания Владимира Ильича. № 33 вышел 1 ноября 1914 года. А уже через две недели, пока следующий номер был «еще в чернильнице», Владимир Ильич распорядился напечатать дополнительно тысячу экземпляров № 33. Следующие номера ЦО печатались в количестве не менее 2 тысяч экземпляров.

Немало труда и хлопот стоил Владимиру Ильичу выпуск каждого нашего издания. Но зато как он торжествовал, когда наконец очередной номер ЦО или журнал, брошюра выходили в свет! Спрашивая об изданиях ОК (меньшевистского центра), Бунда, эсеров и других, которые выходили медленно, Владимир Ильич торжествующе прибавлял:

««Коммунист» № 1—2 *вышел*. **ФАКТ**»³. (Семь раз подчеркнуто!)

Но дойдет ли еще наша печать из глухого швейцарского подполья до народных масс России?

14 ноября 1914 года, всего лишь через две недели после выхода первого с начала войны (33-го) номера «Социал-демократа», Владимир Ильич писал мне:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 10—11. *Ред.*

² Там же, с. 11. *Ред.*

³ Там же, с. 143. *Ред.*

«Могу порадовать Вас приятной вестью, что ЦО доставлен в один из пунктов недалеко от границы и будет, видимо, скоро переправлен. Поздравляю!»¹

А в брошюре «Социализм и война», изданной в 1915 году, Владимир Ильич уже мог сообщить о том, что статьи из «Социал-демократа» перепечатываются в Петрограде и рассылаются по России!

Через фронты и проволочные заграждения, через границы и заставы Антанты дошло до масс революционное слово Ильича!

Огонек, 1955, № 17, с. 9

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 28—31. *Ред.*

В. И. ЛЕНИН
В ЦЮРИХСКОЙ СЕКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ
(1913 год — март 1917 года)

Во время своей многолетней эмиграции В. И. Ленин часто выступал в различных городах Европы с докладами и рефератами для русских политических эмигрантов. Не раз он приезжал и в Цюрих.

Каждый его приезд был для цюрихской секции РСДРП(б) чрезвычайным событием. Заранее извещенные о предстоящем реферате или докладе Ленина, все члены секции готовились к встрече с ним. Мы знали, что помимо выступления на собрании русских политических эмигрантов В. И. Ленин будет беседовать с нами в узком кругу большевиков.

Выступления Ленина в Цюрихе всегда вызывали огромный интерес среди довольно обширной политической эмиграции и русского студенчества. Никогда лекции и доклады лидеров других партий не привлекали такой большой аудитории и не вызывали такой активности ее, как выступления Ленина.

Летом 1913 года¹ Ленин выступал в Цюрихе с рефератом по национальному вопросу в большом зале ресторана «Zur Linden». Зал был набит до отказа. В связи с надвигавшейся войной, ростом национализма и шовинизма во всех странах столкновения и споры с меньшевиками-ликвидаторами и бундовцами по национальному вопросу особенно обострились. У меня, как и у многих цюрихских большевиков, не было полной ясности в трудном для нас национальном вопросе. Бундовцы выступали с положением о «культурно-национальной автономии» для национальных меньшинств в России; ППС (Польская социалистическая партия) требовала полного отделения Польши от России, а польские социал-демократы возражали против этого. Наша же позиция в национальном вопросе — право наций на самоопределение — вызывала большие споры, которые особенно обострились в эти годы. Надо было добиться полной ясности в этом вопросе, и я слушала речь Ленина с большим вниманием.

¹ Это было 26 июня (9 июля) 1913 г. *Ред.*

Сложный и запутанный, как мне всегда казалось, национальный вопрос становился в изложении Ленина ясным и понятным. «Нет большего несчастья для нации, как покорить себе другую нацию», — подчеркивал В. И. Ленин. Взволнованно и страстно выступал он против угнетения слабых национальностей и горячо отстаивал право наций на самоопределение, вплоть до отделения.

После этого реферата состоялась встреча и беседа большевиков с В. И. Лениным. Большинство членов цюрихской секции составляли рабочие. Многие из нас были связаны с швейцарскими рабочими длительной совместной работой на заводах и фабриках и входили в швейцарские профсоюзы. Но активного участия в швейцарском рабочем движении мы не принимали. Владимир Ильич очень интересовался настроениями швейцарских рабочих, их заработками и материальным положением, условиями их быта. Узнав, что мы не участвуем в работе Швейцарской социал-демократической партии, Владимир Ильич укорял нас за то, что, работая за станками бок о бок с швейцарскими рабочими, мы стоим в стороне от борьбы, которую они ведут в рядах своей партии. Он указал, что нам следует учесть особенности настоящего момента, что надвигающаяся война безусловно вызовет активное сопротивление сознательной и организованной части пролетариата во всех странах, надо к этому готовиться и помочь швейцарским рабочим занять в борьбе против войны революционную позицию. В. И. Ленин подробно охарактеризовал задачи рабочего движения в Швейцарии и нашу роль в нем. Эта встреча с В. И. Лениным всколыхнула нашу секцию. Каждый из нас как будто ожил для дела, к которому звал нас Ленин. Мы все включились в деятельность местных рабочих организаций.

В конце октября 1914 года В. И. Ленин приехал в Цюрих из Берна читать реферат о войне и отношении к ней революционной социал-демократии. Реферат вызвал чрезвычайный интерес всей цюрихской эмигрантской колонии. В это время в Цюрих и другие города Швейцарии в связи с началом войны съезжались политэмигранты из всех прилегающих к Швейцарии воюющих стран. В Цюрихе жили лидеры меньшевиков и других партий и партийных группировок: П. Б. Аксельрод, Р. А. Абрамович, Валецкий, Ф. Я. Кон, А. С. Мартынов, Л. Д. Троцкий, С. Ю. Семковский.

На реферат В. И. Ленина стремились попасть все, в том числе и случайно заброшенные войной в Цюрих русские обыватели, не имевшие никакого отношения к революционному движению. В афише сообщалось, что после реферата будет прения, поэтому на реферат явились все теоретики и вожди меньшевизма и других политических направлений. Многие из них 28 сентября (11 октября) присутствовали в Лозанне на докладе.

Г. В. Плеханова, который выступил как оборонец, и слышали резкое выступление В. И. Ленина против Плеханова. Зная позицию Ленина в вопросе о войне, они пришли на его реферат в Цюрихе, чтобы выступить против.

Яркая интернационалистическая позиция, занятая В. И. Лениным против империалистической войны, его уничтожающая критика социал-предателей II Интернационала, заостренная особенно против идеолога социал-предательства К. Каутского, большевистские лозунги: превращение империалистической войны в гражданскую войну против господствующих классов, поражение своего правительства в империалистической войне и призыв к созданию III Интернационала — поразили присутствующих, как яркие молнии на черном грозовом небе.

Когда В. И. Ленин окончил доклад, в зале поднялся невероятный шум. Противники рвались к трибуне. Были объявлены прения, которые продолжались до наступления комендантского часа и весь следующий вечер. Первым и ведущим оппонентом выступил Троцкий, который начал свою речь с защиты Каутского. Он нападал на Ленина, назвавшего Каутского предателем дела рабочего класса. Он резко выступил против лозунга: «Поражение своего правительства». Заодно с ним и другие меньшевики, выступавшие в прениях, пугали нас тем, что в случае поражения Россия придет к полному развалу, развитие промышленности остановится, пролетариат погибнет и некому будет совершить революцию против царизма. Они выдвигали лозунг: «Сначала победа, а потом революция».

На другой день после реферата Владимир Ильич пришел к нам на собрание секции большевиков. В товарищеской беседе он снова возвратился к вопросу о необходимости непримиримой борьбы с шовинизмом и оборончеством, терпеливо помогал нам понять лозунг: «Поражение своего правительства». Поражение царизма, говорил он, безусловно, в интересах рабочего класса, это надо разъяснять не только рабочим, надо обращаться к солдатам, призывая их повернуть свое оружие против самодержавия, за дело рабочего класса, за превращение войны империалистической в войну гражданскую. «А не означает ли этот лозунг, что мы будем помогать немцам и способствовать их победе?» — задал кто-то вопрос. В. И. Ленин разъяснил товарищу, что такая же работа должна вестись в Германии, во Франции и во всех других странах, что работу среди войск надо вести упорно, терпеливо, не отступая перед трудностями, и в этом залог победы пролетариата в грядущей гражданской войне во всех странах Европы, как воюющих, так и нейтральных.

— А что говорят рабочие о войне? Каково настроение у них? — спросил Владимир Ильич.

Мы подробно осветили положение на предприятиях, где работали. Я рассказала, что швейные фабрики в Цюрихе расши-

ряются с каждым днем, так как рынки Германии перешли к Швейцарии, что работают там женщины разных национальностей. Среди них много итальянок, немок, француженок, поляк, русских и др. И все они настроены против войны, потому что очень уж тяжело им приходится без мужей, которые призваны на военную службу. В. И. Ленин посоветовал нам покрепче связаться с активными, наиболее сознательными пролетариями, установить с ними личные связи и систематически разъяснять им суть лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую.

— Дайте им понять, что это единственный путь к освобождению трудящихся из того тяжелого положения, в которое вверг их капитализм. Только в этом настоящий выход из войны для трудящихся всех стран,— говорил он.

Выступление В. И. Ленина и беседы с ним помогли нам найти свое место в политической борьбе швейцарских рабочих. Мы стали еще активнее участвовать в деятельности цюрихских рабочих организаций и в движении рабочей молодежи. С началом войны в Швейцарию съехалось много иностранной молодежи, настроенной против войны. Она внесла оживление в работу юношеской организации. Вилли Мюнценберг, возглавлявший молодежное движение в Цюрихе, поддерживал с русскими революционерами тесную связь. Он особенно активно привлекал к работе среди молодежи нас, большевиков. Впоследствии В. Мюнценберг стал активным борцом за идеи Циммервальдской левой¹ и пользовался большим вниманием со стороны В. И. Ленина.

8 февраля 1916 года В. И. Ленин приехал в Цюрих вместе с Н. К. Крупской на более продолжительное время². Мы с мужем были огорчены, когда Владимир Ильич наотрез отказался поселиться у нас.

Владимир Ильич говорил приблизительно следующее:

— Хорошую вы нам предлагаете комнату. Она светлая и уютная. У вас тихо и спокойно. Но нам комната не подходит. Во-первых, нам надо жить поближе к центру, к библиотекам, где мы с Надей будем работать, во-вторых, нам хочется пожить в швейцарской рабочей семье, чтобы поближе увидеть, как живут здесь рабочие. А затем учтите, что у нас большая корреспонденция и почтальону придется по нескольку раз на день подниматься к вам на четвертый этаж. Да и людей к нам много ходит. Беспокойно вам будет.

Надежда Константиновна кивала головой, соглашаясь с до-

---

¹ Международное объединение революционных интернационалистских элементов, созданное В. И. Лениным в 1915 г. на Циммервальдской конференции. *Ред.*

² Изерна в Цюрих В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали 28 или 29 января (10 или 11 февраля) 1916 г. *Ред.*

водами Владимира Ильича, и с сочувствующей улыбкой глядела на меня, видя, как я расстроена их отказом. Я действительно была чрезвычайно огорчена, хотя хорошо понимала неоспоримость этих доводов. Было еще одно обстоятельство, которое Владимир Ильич имел в виду: он прибыл в Швейцарию из Австрии как политический эмигрант, по особому разрешению швейцарского правительства; его переезд из одного кантона в другой был связан со специальным разрешением кантональных властей. Находясь под особым наблюдением швейцарской полиции, Владимир Ильич считал, что ему лучше поселиться в семье швейцарского рабочего, а не у русских политэмигрантов.

Они поселились на Шпигельгассе, 14, в самой старой, средневековой части Цюриха, где узкие, кривые улочки и переулочки густо застроены 2—3-этажными домами, верхние этажи которых нависают над улицами, от чего в них полутемно даже днем. Комната у «Ильичей» была довольно мрачная, хотя и с двумя окнами. Трудно было взбираться по узкой, крутой, с винтовыми поворотами, темной лестнице, которая и днем освещалась тусклой керосиновой лампочкой.

Но зато богатейшая центральная библиотека рядом и тут же, неподалеку, Народный дом с богатым читальным залом, где можно в любое время дня и по вечерам просматривать газеты и журналы на разных языках. На каждом углу этого густонаселенного района были небольшие рестораны, где можно было дешево пообедать и встретиться с нужными людьми. Утром, в обед и вечером улицы заполнялись рабочим людом и кругом раздавался говор на разных языках. Эта среда была по душе Ленину и Крупской. Ленин был очень доволен комнатой и своими хозяевами — семьей сапожного мастера Каммерера.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская собирались пробыть в Цюрихе лишь 2—3 недели, чтобы поработать в библиотеках. Владимир Ильич писал тогда книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма»¹. Он горючил закончить эту работу, зная, как она нужна именно сейчас, в разгар империалистической войны.

Напряженно работая над книгой, Владимир Ильич много времени отдавал собиранию и сплочению международных революционных сил. Он подолгу беседовал с левыми социалистами, прибывавшими в Швейцарию из разных стран, разъясняя им сущность подлинно революционных позиций международного пролетариата. Вспоминаю, как Ленин рассердился, когда узнал, что один рабочий из Голландии, побывавший в большевистской секции, уехал, не повидавшись с ним лично. Ленин с пристрастием расспрашивал секретаря секции М. М. Харитонову об этом рабочем и был очень недоволен, что его не привели к нему для разговора.

---

¹ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 27, с. 299—426. Ред.

Работа над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма» затянулась. В. И. Ленину и Н. К. Крупской понравилось в Цюрихе, и они решили окончательно обосноваться в нем на «постоянное жительство». Большевистская секция, в которой состояло 10—12 человек, обогатилась двумя членами — в нее вступили В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская держались в стороне от русской эмигрантской колонии, представлявшей собой конгломерат различных политических группировок. Они не посещали ни эмигрантского клуба, ни его читальни. Не видели их и на собраниях, на вечеринках и тому подобных мероприятиях, которые проводились в эмигрантском клубе. Но они всегда приходили на собрания большевистской секции, которые проводились не чаще одного раза в месяц.

Был у нас в Цюрихе «кружок самообразования рабочих», в который входили политэмигранты — рабочие из России — независимо от их принадлежности к политической организации. Каждый член этого кружка считался членом Швейцарской социал-демократической партии со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

В описываемый период в кружке было около 30 человек. Все большевики входили в его состав. В кружок вступили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, когда они окончательно обосновались в Цюрихе. В кружке кроме большевиков было несколько меньшевиков, бундовцев, плехановцев, латышских и польских социал-демократов.

Сплоченное и активное ядро кружка состояло из большевиков. Работа в кружке велась преимущественно по политическому просвещению: читались лекции, рефераты, доклады, которые сопровождалось горячими дискуссиями. Владимир Ильич придавал работе в этом кружке серьезное значение. Он выступил с докладом об империализме, иллюстрируя его яркими примерами из области международной экономики и политики и читая отдельные разделы из рукописи «Империализм, как высшая стадия капитализма». Мы все слушали Владимира Ильича как зачарованные. Каждый, кому выпало счастье хоть раз слушать Ленина, знает, как действовали на слушателя его страстные, правдивые, простые, доходчивые слова. Так было и здесь, в этом кружке, где Ленин сидел среди нас, обращаясь к каждому, вглядываясь каждому в глаза, как бы стремясь узнать, дошли ли его слова, поняты ли его идеи.

Слова В. И. Ленина о продажности социал-демократических вождей больше всего взорвали меньшевиков, присутствовавших на этом собрании. Елизавета Петровна Смилович (Димка) яростно набросилась на Ленина, защищая меньшевиков, а Д. Рязанов пришел в такое неистовство, что, стуча кулаками по столу, кричал: «Не быть III Интернационалу без Каутского!».

— Но ведь III Интернационал уже создается, а вы, Рязанов, этого не видите,— с иронической усмешкой отвечал ему Ленин.— В каждой стране уже есть свои Карл Либкнехт и Роза Люксембург, а вы не замечаете роста сил, которые группируются вокруг Циммервальдской левой.

В конце 1916 года В. И. Ленин особенно активно участвовал в швейцарском рабочем движении. Он не только посещал собрания цюрихских рабочих, но и сам все чаще стал выступать на больших собраниях и митингах рабочих и революционной молодежи. В. И. Ленин деятельно участвовал в подготовке и проведении кантональных и общешвейцарских съездов социал-демократической партии. Тогда же он написал свои тезисы «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии»¹, в которых указывал пути борьбы против войны.

Революционное движение среди швейцарских рабочих нарастало. Все чаще и сознательнее становились выступления рабочих масс Швейцарии против войны. С ростом рядов и активности швейцарских сторонников Циммервальдской левой выявлялась необходимость создать организацию, которая бы руководила этим движением. Такая организация вскоре была создана под невинным названием «Кегельклуб». В нее входили Фриц Платтен — секретарь Социал-демократической партии Швейцарии и Нобс — редактор цюрихской газеты «Volksrecht». Активной силой ее была большая руководящая группа из «Союза молодежи» во главе с Вилли Мюнценбергом; из русских политэмигрантов входили В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. Г. Бронский, М. М. Харитонов и еще несколько человек.

Этой организации Ленин придавал большое значение. Он стремился склотить из нее крепкую сплоченную ячейку будущего, III Интернационала.

Наступал январь 1917 года — приближалась годовщина 9 января. Владимир Ильич согласился выступить на митинге молодежи в Народном доме на тему, посвященную революции 1905 года. Выступить на немецком языке для В. И. Ленина не представляло большой трудности — он свободно владел этим языком. Он написал весь текст своего доклада на немецком языке и обратился ко мне с просьбой прослушать его.

Вечером, накануне доклада в Народном доме, Владимир Ильич пришел к нам домой вместе с Надеждой Константиновной. Я успела заранее внимательно просмотреть небольшую стопку листков, формата несколько меньше тетради, исписанных на одной стороне мелким, размашистым, не очень разборчивым почерком Ленина.

— Здравствуйте! Вот и докладчик явился,— смеясь, обратился ко мне Владимир Ильич, когда я открыла им дверь.

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 196—208. Ред.

На ходу он продолжал:

— Что ж, сейчас и начнем. Уже 8 часов, а вам ведь рано вставать на работу.

Не мешкая, мы уселись за стол. Я вернула ему его рукопись. Просмотрев листки, Владимир Ильич снял с цепочки свои большие карманные часы и положил их перед собой на стол. Я села с левой стороны, чтобы было удобнее заглядывать в его текст. Отметив время по часам, Ленин начал читать доклад, стараясь несколько сдерживать свойственный ему быстрый темп речи. Содержание доклада мне было знакомо, но, читая его накануне, я сосредоточила все внимание на языковой стороне дела, на оборотах речи, как и просил меня Владимир Ильич. Теперь я следила за ходом его мысли.

Доклад в большом зале Народного дома 9 (22) января 1917 года был с энтузиазмом встречен огромной аудиторией рабочих и молодежи. Особенное впечатление произвела та часть его речи, в которой Ленин излагал ближайшие перспективы революционного движения в Европе¹.

* *
*

В воспоминаниях о В. И. Ленине Надежда Константиновна Крупская часто говорила о том, как напряженно Ленин работал, как много тратил душевных сил и как временами уставал, как нуждался в отдыхе. Оба они очень любили природу, и Надежда Константиновна старалась создать ему передышку в работе и отдых на лоне природы.

Одним из излюбленных мест, куда они направлялись в часы досуга, был Zurichberg — невысокая лесистая гора за чертой города. На нее можно было подняться по фуникулеру или пешком по пологой извилистой тропе. Изредка, по воскресеньям, мы с мужем присоединялись к ним для совместной прогулки. «Ильичи» обычно подъезжали к нам на трамвае. Отсюда начинался подъем на гору, сначала мимо красивых коттеджей, расположенных по склону горы, а затем по открытой тропе, которая постепенно переходила в узкую извилистую тропинку. С обеих сторон ее тянулись обширные луга, покрытые чудесными душистыми травами и полевыми цветами. Поднимаясь вверх, мы часто останавливались, чтобы глубоко вдохнуть аромат цветов и чистый горный воздух.

Взобравшись на вершину горы, мы обычно заходили в безалкогольный ресторанчик, где утоляли жажду, покупали шоколад и расходились по лесу в разные стороны, чтобы побродить и отдохнуть в тенистых местах. Владимир Ильич и Надежда

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328. Ред.

Константиновна отправлялись в свои излюбленные уголки, и мы старались не нарушать их покоя.

Вспоминую, как Владимир Ильич и Надежда Константиновна пришли к нам в гости, на именины моей дочери, 30 января (12 февраля) 1917 года¹. Девочке исполнилось два года. Мы просили Владимира Ильича и Надежду Константиновну прийти к 4 часам в воскресенье. Наше приглашение было встречено с радостью. Но они запоздали. Давно пришли Марья и Илья Мирингофы, явился и Гриша Усиевич и другие товарищи, а «Ильичей» все не было. Мы гурьбой летели к дверям, как только раздавались шаги на нашей лестнице, и, не ожидая звонка, распахивали их. Видно, что-то непредвиденное задержало Владимира Ильича. Все приуныли. Вдруг раздался резкий звонок. Это они! Бежим вдоль коридора, а за дверями уже слышен веселый смех Владимира Ильича. Распахиваем дверь. Входят улыбающиеся Надежда Константиновна и Владимир Ильич с небольшим пакетом в руке. Оба они явно чем-то очень довольны.

Не выпуская пакета из рук, Владимир Ильич поздоровался со всеми товарищами и начал развязывать веревочку и разворачивать бумагу. Он торопился: ему не терпелось скорей показать свою удачную покупку. Смеясь, он при этом рассказывал:

— В магазине игрушек у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. «Купим вот ту красивую куклу»,— говорит Надя. «Нет, это не пойдет,— отвечаю я,— не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее». Продавец все подавал нам игрушки: были тут и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. «Нет,— говорю я,— все не то». Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шею красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. «Вот,— говорю я Наде,— эту собачку мы и возьмем!» Ну, какова? Нравится?

Владимир Ильич при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам, что мы все пришли в восторг. Надежда Константиновна глядела на Ильича, и лицо ее светилось радостью: Владимир Ильич отдыхал от своего напряженного труда, и именно это радовало ее. Безусловно, это была ее инициатива пойти вместе в магазин игрушек, и как естественно было ее предложение купить для двухлетней девочки куклу! Но предложение не пришлось по душе Ильичу. Ему хотелось найти игрушку, созвучную его настроению. И он остановил выбор на собачке с красной ленточкой. Владимир Ильич принес девочке не только понравившуюся

---

¹ Здесь неточность. Это было 29 января (11 февраля) 1917 г. *Ред.*

ему игрушку, но и радость, которую он испытал от удачной покупки.

А именинницу больше всего занимал весело смеющийся дядя, который смотрел на нее сияющими глазами, протягивал чудесную собачку с бубенцом на шее. Она схватила игрушку обеими ручками и бросилась ко мне.

Владимир Ильич знал, что девочка целую неделю находится в яслях и только по воскресеньям бывает дома, что она разговаривает только на немецком языке. Через несколько минут девочка заливалась радостным смехом, подпрыгивая на коленях Владимира Ильича в такт его песенке на немецком языке.

Когда они наконец устали от «скачек», Владимир Ильич подбежал к двери и спрятался за нее, малышка с визгом понеслась за ним, хватая его за полу пиджака.

Всем нам было весело в этот памятный день, но Владимиру Ильичу игра с ребенком доставила особенно большое удовольствие. Такая радость доступна только людям большой души.

Таким человеком и был Владимир Ильич.

Прошли долгие, долгие годы. Мы сохранили подарок Владимира Ильича и Надежды Константиновны как семейную реликвию. В 1960 году я сдала эту игрушку в Музей революции.

* *

*

Было начало апреля 1917 года. Мучительно переживал В. И. Ленин в последние дни своего изгнания отрыв от родины, где бушевала революция. Кончились наконец муки неизвестности: как вернуться в Россию. Пришло сообщение от Фрица Платтена, что состоялось соглашение о проезде русских политических эмигрантов из Швейцарии в Россию через Германию. В. И. Ленин объявил нам, что надо немедленно готовиться к отъезду. Дел было много. Надо было оповестить все секции большевиков, рассеянные по многим городам Швейцарии, помочь выехать товарищам, у которых не было денег, организовать отъезд, устроить остающиеся семьи. В. И. Ленин придавал большое значение тому, чтобы выехало как можно больше политэмигрантов, и прилагал к этому немало усилий. Перед отъездом в ресторане «Zähringer Hof» в обеденный час была устроена прощальная встреча отъезжающих с остающимися в Швейцарии политэмигрантами. Это было многолюдное, бурное собрание. После выступления В. И. Ленина был прочитан текст подписки участников поездки, в котором они заявляли, что возвращаются на родину, невзирая на угрозу Милюкова предать суду тех, кто поедет в Россию через Германию.

В последний день пребывания в Цюрихе Владимир Ильич вручил мне свою сберегательную книжку, в которой значился остаток вклада в 5 франков и 5 сантимов, с просьбой «реализовать» эти деньги и принять их в уплату членских взносов за

себя и Надежду Константиновну за апрель месяц. «Простите, что обременяю вас этим поручением, но не хватило времени сделать это самому», — с извиняющейся улыбкой сказал Владимир Ильич, пожимая мне руку на прощание.

Я была ошеломлена. В такой волнующий момент В. И. Ленин подумал об уплате членских взносов за апрель месяц. Никто из отъезжающих товарищей не вспомнил об этом. Да и я, как казначей Цюрихской секции большевиков, не напомнила им об этом, так как считала, что еще в апреле они будут в Петрограде.

Сберегательную книжку В. Ульянова я не сдала в банк, решив сохранить ее на память о встречах с Лениным и Крупской в политической эмиграции. Я привезла ее с собой, когда вернулась на родину, и впоследствии сдала в Истпарт. Теперь она хранится в архиве Института марксизма-ленинизма¹.

Через короткое время после отъезда В. И. Ленина и группы политэмигрантов буржуазная печать Швейцарии подняла бешеную клеветническую кампанию против большевиков, и в особенности вокруг имени Ленина. Газеты заполнялись лживыми статьями о том, что Ленин получил от германского правительства 2 миллиона франков, что «бывший эмигрант Ульянов со своими единомышленниками» захватили в Петрограде дворец балерины Кшесинской и роскошествуют в нем.

¹ История сберегательной книжки В. И. Ленина такова: В. И. Ленин и Н. К. Крупская проживали в Швейцарии на несколько особом положении, чем все остальные политические эмигранты, которые могли свободно переезжать из кантона в кантон, из города в город, которым не требовалось для этого специальных разрешений от полицейских властей и внесения на этот случай залогов.

Когда началась империалистическая война, В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали из Австрии и по ходатайству Швейцарской социал-демократической партии получили убежище в Швейцарии с правом жительства в Берне — столице Швейцарии до 12 (25) января 1917 года. Когда В. И. Ленин решил поехать в Цюрих в январе 1916 года, ему потребовалось на это специальное разрешение полицейского управления Цюриха. 5 (18) апреля 1916 года В. И. Ленин в своем заявлении в полицейское управление Цюриха просил разрешить ему пребывание в Цюрихе без специально оформленных документов на время его работы над книгой, чтобы иметь возможность использовать цюрихские библиотеки. Ходатайство было удовлетворено. В конце 1916 года В. И. Ленину снова пришлось обратиться в полицейское управление Цюриха, так как 12 (25) января 1917 года истек срок жительства в Швейцарии. В заявлении от 15 (28) декабря 1916 года он ходатайствует о продлении срока проживания в Цюрихе до 31 декабря 1917 года. При этом он сообщает, что требуемый залог в сумме 100 франков он внес 28 декабря 1916 года в Цюрихский кантональный банк на сберегательную книжку № 611361.

Это и была та сберегательная книжка, которую В. И. Ленин вручил мне перед своим отъездом из Швейцарии. 3 апреля (2 апреля. *Ред.*) 1917 года (по новому стилю) В. И. Ленин изъясил из банка 95 франков, так как готовился к отъезду из Швейцарии в Россию. Книжку же с остатком залога в 5 франков и 5 сантимов он вручил мне для оплаты членских партийных взносов за апрель месяц 1917 года. *Р. Х.*

Тогда-то я решила предъявить сберегательную книжку В. Ульянова в Цюрихский кантональный банк, где хранился вклад в 5 франков и 5 сантимов. Обратилась к главному кассиру и предъявила ему сберегательную книжку В. Ульянова. Движением руки он указал мне на окно рядом, где сидел один из младших клерков банка.

— Прошу обратить внимание на эту сберкнижку. Известен ли вам этот вкладчик? — спросила я главного кассира, вновь протягивая ему сберкнижку. Он взял ее у меня и стал внимательно разглядывать.

— В. Ульянов. Как? Тот самый Ульянов, который жил как политический эмигрант у нас в Цюрихе, а сейчас в России стал таким знаменитым человеком? Ульянов, о котором пишут во всех газетах?! — воскликнул он.

— Да, — ответила я как можно сдержаннее. — Это тот самый В. Ульянов, политический эмигрант, который проживал в старом Цюрихе, на Шпигельгассе, 14, у сапожного мастера Каммерера. Теперь он после долгих лет изгнания вернулся в Россию, чтобы вместе с народом добиться свободы и счастливой жизни для своей родины.

К окну главного кассира подходили один за другим сотрудники банка. Всех заинтересовал «знаменитый вкладчик». Сберегательная книжка стала переходить из рук в руки, все с изумлением разглядывали записи в книжке:

Имя и фамилия — *Владимир Ульянов.*

Год рождения — *1870.*

Место рождения — *Симбирск, Россия.*

Место жительства — *Цюрих I, Шпигельгассе, 14.*

Видно было, что их поражает и незначительность вклада и то, что Ленин жил в старой части Цюриха, где ютилась беднота, исключительно рабочий люд.

— Что же, — обратился ко мне, наконец, главный кассир, возвращая сберкнижку, — можете закрыть счет и молучить этот вклад.

— Нет, благодарю вас, — ответила я. — Не для того я пришла к вам и не для того предъявила сберегательную книжку Ульянова, чтобы получить вклад в 5 франков. Эту сберкнижку я увезу с собой на родину — в Россию, а вклад пусть остается в банке Швейцарии. Не велик вклад, но зато велик его вкладчик. Мне лишь хотелось, чтобы вы узнали об этом. Это — цель моего прихода в банк.

Я попрощалась и пошла к выходу. Оглянувшись, я увидела изумленных клерков; они все еще стояли у окна главного кассира.

КАК РОЖДАЛСЯ «ИМПЕРИАЛИЗМ»¹

Что Ленин — великий вождь, величайший теоретик марксизма после Маркса, об этом нет надобности напоминать, потому что это постоянно присутствует в памяти каждого, как таблица умножения. А вот о том, что Ленин был самым терпеливым человеком на земном шаре, что Ленин умел вести свою политическую линию среди самых ужасных, самых невыносимых условий, ни минуты не теряясь, не выходя из равновесия и не отступая ни на йоту от этой линии,— об этом полезно вспомнить нам, благодаря Ленину работающим в комфортабельнейших условиях, не имея понятия и о сотой доле тех препятствий, какие стояли на его пути, и теряющим равновесие поминутно.

Передо мной пачка швейцарских открыток. Они совсем не старые — последней из них по времени только что минуло десять лет. Меньше года отделяет эту переписку от Октября! Меньше чем через год Ленин был Председателем Совета Народных Комиссаров. А в это время он был, как и все мы, одним из узников империалистской войны и, как полагается арестанту, «подавал» все письма открытками, найдя в этом остроумный способ оштрафовать империалистов. Вы хотите читать все письма всех граждан? Превосходно — читайте! Но за что же я буду платить лишнее и обременять вас лишними трудами по вскрытию конверта? А ленинским бисерным почерком и ленинским изумительным стилем и на открытке можно было написать больше, чем другой напишет на четырех страницах.

Но прежде два слова о поводе этой переписки, чтобы было понятно читателю. Весною 1916 года я получил в Париже письмо от М. Горького, где мне предлагалось организовать силами заграничных литераторов серию брошюр под названием «Ев-

---

¹ Речь идет о работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426). *Ред.*

ропа до и во время войны». Серия должна была дать понятие «самым широким кругам» (читай: рабочим) о том, кто такие наши союзники и наши противники в войне. И понятие о смысле самой этой войны; конечно, об этом в письме, прошедшем военную цензуру, сказано не было, но это было ясно из всего содержания.

Я до сих пор помню, как будто это было вчера, впечатление, произведенное на меня этим письмом. До этого момента я дышал русским воздухом только через вонючую яму, именовавшуюся «патриотической печатью». Патриотические миазмы заглушали все. Изредка приходили письма, унылые, написанные эзоповским языком, косвенно, собственно, подтверждавшие, что весь мир превратился в кучу нечистот. В письмах от товарищей-литераторов и издателей тянулась одна нота: «Ничего печатать нельзя, кроме...». Ну, значит, для нас просто ничего печатать нельзя. И вдруг оказывается, что печатать не только можно вообще, но можно печатать нашу пропагандистскую литературу. Ибо письмо не оставляло тени сомнения, что под заграничными литераторами никак нельзя было разуть ни Плеханова, ни Алексинского, да и обращение ко мне в таком случае было бы верхом нелепости. Нет, писать и печататься пригласили нас, «пораженцев». На этот счет не могло быть, повторяю, тени сомнения. Что-то там, на родине, сдвинулось, что-то пошло... Вместо миазмов первый раз за два года легкие глотали чистый воздух.

Мы живо разобрали конкретные темы — характеристики отдельных стран. А. В. Луначарский должен был писать об Италии, Зиновьев — об Австро-Венгрии, я вместе с тов. Лозовским — о Франции; Англию пытались взвалить на Ф. А. Ротштейна, но он отказался, и брошюру написал Херасков, чуть было не сказал «покойный». Тогда он казался очень стойким большевиком, а теперь сотрудник «Современных записок»... Для Германии в самом письме указывался тов. Ларин, но до него очень трудно оказалось добраться, и мы списались окончательно только перед самой Февральской революцией, которая, конечно, упразднила всю серию. Теперь можно и пужно было писать не о том и не так...

Брошюры, впрочем, вышли (к ним присоединились еще брошюры тов. Павловича о внеевропейских странах) и даже переиздавались потом уже советскими издательствами.

Но сразу встал вопрос об общем введении — о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии, брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что, кроме Ленина, некому ее писать. У меня не сохранилось открытки с согласием Владимира Ильича взять на себя эту работу, возможно, что ее и не было, так как сношения с «Социал-демократом» во время войны я вел через Зиновьева. Как бы то ни было, пер-

вая открытка моей серии, помеченная 8 июня 1916 года, говорит уже об отсрочке. «Я работаю усиленно,— писал Владимир Ильич,— но в силу сложности материала и болезни опаздываю. Очень боюсь, что не успею к этому предельному сроку» (половине июля).

Само собою разумеется, что к предельному сроку Ленин поспел раньше других. Уже открытка от 2 июля извещала, что одновременно с нею идет заказной бандеролью рукопись «Империализма». Перед этим я, очевидно, смутил Ильича письмом, где упоминалось, что издательство, испугавшись собственного размаха, вдруг предложило сократить объем брошюры с пяти листов до трех. «Весь материал, план и большая часть работы были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописных), так что сжать еще раз до 3-х листов было абсолютно невозможно,— писал Ленин.— Ужасно обидно будет, если не издадут! Нельзя ли хоть ходатайствовать тогда о помещении в журнале того же издателя?»¹ «Что касается до имени автора, то я предпочел бы обычный свой псевдоним, конечно. Если неудобно, предлагаю новый: Н. Ленивцын. Хотите, возьмите любой иной. Насчет примечаний очень и очень просил бы оставить их; Вы увидите из № 101, что они для меня сугубо важны²; затем в России читают ведь и студенты etc.: им указания литературы пужны. Я нарочно выбрал архиекономную (в смысле места, *бумаги*) систему. При мелком шрифте 7 страничек рукописных — это каких-нибудь две странички печатных. Очень прошу оставить примечания или ходатайствовать перед издателем об оставлении их. Насчет заглавия: если неудобно данное³, если слово империализм желательно избегать, тогда поставьте: «Основные особенности новейшего капитализма». (Подзаголовок «Популярный очерк» безусловно необходим, ибо ряд важных материй изложен применительно к такому характеру работы.) Первый листочек с перечнем глав, из коих некоторые озаглавлены, может быть, не совсем удобно, с точки зрения строгостей, посылаю для Вас: ежели удобнее и безопаснее, оставьте его у себя, не посылайте дальше». Письмо кончалось постскриптумом: «Изо всех сил применялся к «строгостям»: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»⁴

Я нарочно выписал почти все письмо. Во-первых, из него видно, как много мог написать Ленин на открытке. Во-вторых,

¹ Имеется в виду «Летопись», издававшаяся М. Горьким. *М. П.*

² В 101-м примечании Ленин приводит название брошюры К. Каутского «Sozialismus und Kolonialpolitik», Brl., 1907, и отмечает: «...эта брошюра писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом» (Полн. собр. соч., т. 27, с. 405). *Ред.*

³ То есть «Империализм». Цензура не любила, чтобы его величество фамильярно называли по имени. *М. П.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 245, 256—259. *Ред.*

с какой он предвещающей будущего Председателя Совнаркома тщательностью предусматривал точнейшим образом все деловые мелочи, до бумаги и шрифта включительно. И, в-третьих, в каких условиях приходилось работать величайшему революционеру нашего времени с небольшим за год до его полнейшего торжества. «Походатайствовать перед издателем...» А через год होताем выступал уже сам издатель.

И, конечно, опасения Ленина насчет издателя, точнее, «издательства», ибо Алексей Максимович был, к сожалению, не один, оказались правильными. Именно 101-е примечание и подвело — недаром Ильич о нем так заботился. Если вся брошюра была прототипом знаменитого «Империализма», то примечание было зародышем не менее знаменитой брошюры о «рenegате Каутском». Впервые позиция бывшего идеолога левого крыла германской социал-демократии была здесь, в десятке строк, охарактеризована в прямых и точных выражениях. И, конечно, это делало примечание совершенно неприемлемым для издательства. Тут не в цензуре было дело, — цензура позволила бы ругать немца Каутского сколько душе угодно, а в, с позволения сказать, «общественном мнении», общественном мнении будущей меньшевистской «Новой жизни». Как, величайший теоретик марксизма» никуда не годится?! Как, пацифист Каутский — «рenegат»?! Не забудьте, дорогой читатель, что ведь это в 1927 г. в СССР «пацифист» есть бранное слово, а во время войны в России на всякого, не кричавшего «ура» или хотя бы и кричавшего, но вполголоса и прикрыв рот рукой, смотрели с уважением. Нет. Напечатать этого «приличное» издательство не могло. И через пару месяцев, списавшись с Питером (тогда это требовало не меньше времени), мне пришлось извещать Владимира Ильича, что брошюра пойдет без примечаний, как ни экономно они составлены.

В промежутке оба корреспондента пережили ряд типично «военных» треволнений, когда казалось, что «Империализм» пропал. Французская цензура долго читала рукопись, переписанную несравненно убористым почерком Надежды Константиновны, и я получил бандероль недели три спустя после открытки. Тем временем и туда и оттуда летели открытки и даже телеграммы: где? когда послали? да получили ли, наконец? — Справьтесь на почте и т. д. и т. д. Не могу не привести выдержки из одной открытки этого тревожного периода как образчика Ильичева юмора. «Ужасно грустное известие о пропаже заставило автора известного Вам плехановского по духу произведения прибегнуть к способу Г. З.¹ (ах, эти немцы! ведь они виноваты в пропаже! хоть бы французы победили их!)»². Чита-

¹ Способ посылки рукописи, заклеенной в переплет какой-нибудь французской книги. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 274. *Ред.*

тель догадывается, что «плекхановское по духу произведение» это и есть «Империализм».

И только уже 8 (21) декабря на мое конфузливое извещение о судьбе «примечаний» я получил ответ — более мягкий, чем ожидал. Попеняв мне, что я дал свое, редакторское, согласие на ампутацию («Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямым: *мы*, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать...»), Владимир Ильич заканчивал: «Вы пишете «не вздуете?», т. е. я Вас за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела...

Шутки в сторону, а грустно, черт побери... Ну, я в другом месте посчитаюсь с Каутским»¹.

Я не видел первого русского издания «Империализма», но, кажется, он вышел в цензурированном виде, ибо случилось это уже после Февральской революции и, если не ошибаюсь, даже независимо от «издательства»². Все это было без меня: я вернулся в Россию только в начале сентября 1917 г. И у меня осталось только воспоминание, что однажды в жизни я был редактором Ильича, как видит читатель, не совсем удачно...

*Покровский М. Н. О Ленине.
Сборник статей и воспоминаний.
М., Партиздат, 1933, с. 23—28*

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 344. *Ред.*

² Первое издание брошюры В. И. Ленина вышло в середине 1917 г. без марки издательства «Парус», в котором книга была напечатана. Брошюра подверглась большой цензурной правке. Большевистские элементы, сидевшие в издательстве, удалили из брошюры резкую критику оппортунистических теорий Каутского и русских меньшевиков (Мартова и др.). Ленинское слово «перерастание» (капитализма в капиталистический империализм) заменили словом «превращение», «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») — словами «отсталый характер» и т. д. Подлинный текст брошюры по рукописи Ленина напечатан в Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426. *Ред.*

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Когда грянула Февральская революция, я находился в Стокгольме (Швеция). Многие партийцы, пребывавшие тогда за границей, были в тесном контакте с партией, зорко следили за всем происходившим в России и с радостью отмечали, как все больше поднималась революционная волна среди рабочих и крестьян, в том числе и одетых в солдатские шинели.

Мы чувствовали приближавшуюся бурю. Никто, однако, не предполагал, что она наступит так внезапно и будет столь убийственна для царизма. Вот раздалась первые раскаты. Февраль принес первые сведения о революции. Как всегда в подобных случаях, сведения были неточны, неясны, сбивчивы.

В чьих руках фактически власть? Действительно ли нет больше Николая? Действительно ли не будет больше царей? Кто и как арестовал царских министров? Какие взаимоотношения между Временным правительством и Советом рабочих депутатов?

Не из-за сенсации интересовались мы всеми этими вопросами. Помня уроки революции 1905 года, мы волновались, опасаясь за судьбу новой революции. Партийные органы были загнаны глубоко в подполье, не были достаточно крепки для охвата грянувших событий величайшей важности. Несколько сотен лучших, выдержанных и стойких большевиков томились в ссылке и на каторге и лишь постепенно стали возвращаться в Питер и другие города. Между тем нельзя было сомневаться, что буржуазия приложит все усилия для того, чтобы захватить власть в свои руки и в соответствующий момент заменить царское иго ярмом «либеральным», «республиканским».

Два-три дня спустя после появления первых сведений я получил в Стокгольме (Швеция) телеграмму от тт. Пятакова и Коллонтай, находившихся в Христиании (Норвегия), с просьбой немедленно к ним приехать для обсуждения создавшегося положения. Мы много судили и рядили. Было решено, что они

немедленно поедут в Россию, а я останусь для «связи» с Владимиром Ильичем, проживавшим в Швейцарии. Мы отправили обширную телеграмму Владимиру Ильичу с нашим анализом положения, просили его высказаться и закончили выводом, что считаем его немедленную поездку в Россию необходимой, хотя бы с тем, чтобы временно он жил в Финляндии.

Наша телеграмма была довольно наивна. «Советы» наши были излишни. Вопрос поездки не меньше волновал самого Владимира Ильича. Но как ее осуществить — вот самое главное. Вначале казалось, что Владимиру Ильичу следует ехать, как и всем эмигрантам, через Англию. Ведь дана амнистия, политические дела ликвидированы, эмигранты приезжают свободно, возвращаются каторжане...

То, что казалось ясным для многих, не всегда удовлетворяло Владимира Ильича. В ответ на нашу телеграмму, а также и на подобные телеграммы от товарищей из Петрограда Владимир Ильич 30 марта прислал мне из Цюриха в Стокгольм следующую телеграмму:

«Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов»¹.

Одновременно с этой телеграммой Владимир Ильич прислал мне обширное письмо. Оно является историческим документом, доказывающим всю гениальность и проницательность великого мирового вождя.

Сообщая о высланной телеграмме, он пишет:

«Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму... Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время».

Ленин, доказывавший с самого начала войны, что она является империалистической, беспощадно разоблачавший лгунов во всех воюющих странах, которые пытались доказать, что война есть «оборонительная», пишет далее в письме:

«...Последние известия зарубежных газет все яснее указывают на то, что правительство, при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 418. Ред.

Чхеидзе, надувает и *небезуспешно* надувает рабочих, выдавая империалистскую войну за «оборонительную». По телеграмме СПб, тел. агентства от 30. III. 1917, Чхеидзе вполне дал себя обмануть этому лозунгу, принятому — если верить этому источнику, конечно, вообще ненадежному — и Советом рабочих депутатов. Во всяком случае, если даже это известие не верно, все же *опасность* подобного обмана, несомненно, *громадна*. Все усилия партии должны быть направлены на борьбу с ним. Наша партия опозорила себя бы навсегда, политически убила бы себя, если бы пошла на такой обман».

Его волнует разношерстный состав Петроградского Совета, преобладающее большинство в нем социал-патриотов. Поэтому он дает в письме анализ положения, точные решительные указания:

«...Нет сомнения, что в Питерском Совете рабочих и солдатских депутатов многочисленны и даже, по-видимому, преобладают (1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии, проводящего империализм, т. е. защиту и оправдание грабительской, завоевательной *со стороны России*, войны под прикрытием моря звонких фраз и пустых посулов; (2) сторонники Чхеидзе, колеблющегося безбожно в сторону социал-патриотизма и разделяющего всю пошлость, всю нелепость каутскианства. С *обоими* течениями наша партия обязана бороться самым упорным, самым принципиальным, самым настойчивым, самым беспощадным образом. И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К⁰ или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К⁰»¹.

Не менее блестящи его доводы о войне империалистической, о задачах пролетариата. Здесь так же четко развернута программа по национальному вопросу:

«Война *не* перестала быть империалистской со стороны России и *не может перестать*, пока (1) у власти помещики и капиталисты, представители *класса* буржуазии; (2) пока у власти такие прямые агенты и слуги этой буржуазии, как Керенский и другие социал-патриоты; (3) пока договоры царизма с англо-французскими империалистами остаются в силе (правительство Гучкова — Милюкова *прямо* заявило *за границей* — не знаю, сделало ли оно это в России, — что оно *верно* этим договорам). Договоры эти грабительские, о захвате Галиции, Армении, Константинополя и т. д. и т. п.; (4) пока эти договоры *не* опубликованы и *не* отменены; (5) пока *не* порван весь вообще союз России с англо-французскими буржуазными, империалистскими правительствами; (6) пока государственная власть в России *не*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 419—420. *Ред.*

перешла от империалистской буржуазии (простые обещания и «пацифистские» заявления, сколь бы ни верили им глупенькие Каутский, Чхеидзе и К^о, не превращают буржуазии в не-буржуазию) в руки пролетариата, который один способен, при условии поддержки его беднейшей частью крестьянства, порвать не на словах, а на деле с интересами капитала, с империалистской политикой, порвать с грабежом других стран, освободить угнетенные великороссскими пародами полностью, вывести войска из Армении и Галиции *тотчас* и т. д.; (7) один пролетариат способен, если он избавится от влияния своей национальной буржуазии, внушить истинное доверие пролетариям всех воюющих стран и с ними вступить в переговоры о мире...»

Неоценимым и для нас и для наших братских партий за границей является указание В. И. Ленина о том, как следует сложные политические вопросы истолковывать рабочим:

«Говорить рабочим надо *правду*. Надо говорить, что правительство Гучкова — Милокова и К^о есть империалистское правительство, что рабочие и крестьяне должны *сначала* (теперь ли или после выборов в Учредительное собрание, если с ним не надуют народа, не оттянут выборы до после войны, вопрос о моменте отсюда решать нельзя), сначала должны передать *всю* государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они *вправе* звать к свержению *всех* королей и *всех* буржуазных правительств»¹.

Цитированное письмо Владимира Ильича, равно как знаменитые его «Письма из далека», аккуратно посылались мною в Петроград. Ленин, еще будучи в Швейцарии, не сомневался в возможности захвата пролетариатом власти и уже в первые дни революции указывал партии пути к грядущему Октябрю.

Временное правительство, несомненно, с самого начала революции было озабочено стремлением успокоить разбушевавшиеся волны и фактически ликвидировать революцию. Оно, однако, было захвачено врасплох и, будучи недостаточно крепким, не решалось сразу приступить к репрессиям по отношению к своим заклятым врагам — большевикам. Наши товарищи в Питере не замедлили воспользоваться этим. Начавшаяся телеграфная и почтовая переписка с Лениным, происходившая при моем посредстве через Стокгольм, их не удовлетворяла. Этим путем, недостаточно надежным, нельзя было обо всем говорить. Они поэтому организовали связь с Лениным посредством своего, большевистского «дипломатического курьера», доставлявшего нам материалы непосредственно в Стокгольм.

Первые отголоски Февральской революции привели русских

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 421—423. Ред.

буржуа, пребывавших в разных зарубежных городах, в телячий восторг. Повсюду они ликовали, устраивали бесчисленные банкеты, на которых занимались болтологией и истребляли в изрядном количестве спиртные напитки. Они охотно жертвовали в кассу эмигрантского комитета, созданного для оказания помощи возвращавшимся в Россию политическим эмигрантам.

Такой же комитет был создан и в Стокгольме, в него входили представители всевозможных революционных партий и организаций. Слишком доверять этому комитету я не мог. Мне пришлось от него многое скрывать. Я держал в строжайшей тайне план предполагаемого приезда Ленина, так как не сомневался, что через комитет будет информирован и Милюков. Временное правительство оставило повсюду старых царских послов. Им, естественно, ни капельки нельзя было верить, а наш комитет в Стокгольме находился в большой дружбе с послом...

Но как быть с приездом Владимира Ильича? Его план не так легко было провести. Не так легко было убедить почтенное Временное правительство «помочь» приезду Владимира Ильича, при этом через Германию: что сказала бы на это ее величество Антанты?

Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, буквально томился, и эти муки подсказали ему довольно оригинальный план поездки.

Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что мне выслано важное письмо, получение которого он просит подтвердить по телеграфу. Дня через три получаю по почте книгу из Швейцарии. Я догадался, что в переплете найду письмо Ильича. Так и оказалось. Я нашел маленькую записку Ильича и... его фотографию. В записке было написано приблизительно следующее: ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию.

Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние могло создать подобный план... Да зачем была фотография? Владимира Ильича я знал с 1903 года. Мы весьма часто встречались, а два года подряд до войны жили в одном городе, в Кракове... Однако присланная фотография была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых шведских социал-демократов «*Politiken*», а под ней — передовица, написанная Воровским: «*Вожьд русской революции*»¹...

---

¹ *Politiken*, 1917, 6 апреля. *Ред.*

А пока в швейцарской колонии шли горячие дебаты, можно ли ехать через Германию и на каких условиях. 5 апреля я получаю телеграмму из Питера, в которой сказано:

«Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение».

А на следующий день, 6-го, получил иную телеграмму:

«Не форсируйте приезда Владимира. Избегайте риска».

Когда оказались напрасны все надежды на помощь Временного правительства обеспечить проезд через Англию, швейцарские эмигранты решили приступить к переговорам с германским правительством. Переговоры вел швейцарский товарищ Платтен. Выработанные всей эмигрантской колонией условия были приняты германским правительством.

Условия эти были следующие:

1) Едут все эмигранты, без различия взглядов на войну.

2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения т. Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа.

3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Несмотря на эти условия, меньшевики, хотя и сами их приняли, не решались выехать. Они все ждали благословения на поездку от Совета депутатов.

6 апреля я получаю от Владимира Ильича из Берна следующую телеграмму:

«У нас непонятная задержка. Меньшевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина. Телеграфируйте Народный Дом, Берн.

Ульянов ¹.

Но, не дожидаясь ответа, Владимир Ильич 7 апреля прислал мне следующую срочную телеграмму:

«Завтра уезжает 20 человек. Лицдаген и Стрём ² пусть обязательно ожидают в Треллеборге ³...

Ульянов ⁴.

Перед эмигрантским комитетом я держал эту телеграмму в тайне. Сообщить о поездке Ленина можно уже после того, как он будет в пределах Швеции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 428—429. *Ред.*

² Оба — шведские социал-демократы, члены парламента. Я. Г.

³ Шведский порт, а на другой стороне — германский Засниц. Я. Г.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 431. *Ред.*

Я решил съездить в Мальмё (оттуда час езды до порта Треллеборг).

Весь день, взволнованный, бродил я по Мальмё... «Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?» Мысли эти сильно тревожили меня. Наконец, под вечер едем в Треллеборг с одним местным товарищем. Пароход приближается к берегу... Но какая досада: ни Ильича, ни других нет.

Высчитал ли я плохо день приезда или что-нибудь случилось с ним в пути? Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня.

Едем обратно в Мальмё. Медленно тянется ночь, еще медленнее — следующий день... Опять еду в Треллеборг... Но пароход опять не привозит наших путешественников.

Еду обратно в Мальмё. За ночь придумываю всякие планы для выяснения. Утром звоню по телефону жене в Стокгольм — там никаких сведений. Даю срочную телеграмму в Швейцарию — никакого ответа. Товарища шведа оставляю в Мальмё, где он должен ждать моего телефонного звонка, а сам в третий раз еду в Треллеборг.

На мое предложение дать телеграмму в Засниц начальник станции объясняет, что пароход оттуда ушел уже...

— Нельзя ли дать радио на пароход? — спрашиваю я.

— Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы.

Заметив на станции объявление царского Красного Креста, я разъясняю начальнику, что я командирован Красным Крестом принять партию эмигрантов, а потому прошу запросить капитана, едет ли эта партия, сколько мужчин, женщин и детей, дабы я мог заблаговременно заказать места в вагоне. Мне удалось убедить начальника, и он дает капитану телеграмму:

«Г-н Гапецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей».

Минут через двадцать получается ответ:

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его приготовить билеты».

В телеграмме указывается при этом количество каждого пола.

Я ожил. Начальник не понимает перемены во мне. Первым делом бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальмё о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон в Стокгольм, а также заказать ужин в ближайшем возле вокзала ресторане. Переговорил с женой по телефону и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и тому подобного. Жена, между прочим, сообщает о полученной от Ленина телеграмме из Засница от 12 апреля:

«Мы приезжаем сегодня в 6 часов Треллеборг»¹.

Заказываю билеты до Мальмё и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов. Я прямо в испуге. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь... показать им Ленина.

Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец он причаливает. Постепенно появляются фигуры Владимира Ильича, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей...

Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах. Минуты нельзя терять: через четверть часа идет поезд в Мальмё. Таможенники багажа не осматривают, просят лишь исполнить обещание и показать им вожди революции...

Мы сидим уже в вагоне, и тут я узнаю, в каких условиях они получили мою телеграмму на пароходе.

Дело в том, что шведы во время войны ввели для всех въезжающих в Швецию детальнейшие, скучнейшие анкеты. Владимиру Ильичу преподносят в каюту сию бумажку. Ильич переговорил с товарищами — анкеты уже у всех на руках. Что это означает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы надули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции — и та теперь возьмется... Создается тут же «военный совет». Как быть? Написать ли Ильичу настоящую фамилию или фиктивную? Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них господин Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным и его пришли задержать. Скрывать уже нечего, в море не выскочить. Владимир Ильич называет себя. Тут капитан сообщает текст моей телеграммы...

Мы уже в Мальмё. Товарищ швед ждет нас... Вблизи вокзала заготовлен великолепный ужин. Усталая от четырехдневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские смэргосы (закуски). Один из товарищей замечает: «Теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать...»

Специальный вагон подан. Через 15 минут мы уже катим в Стокгольм. В отдельном купе уселись Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ближайшие товарищи. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивавшейся революции, на форму, которую она должна принять. Он указывал

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 433. *Ред.*

на опасность, угрожавшую со стороны Керенского, хотя последний особенной роли тогда еще не играл. Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношений между партией в России и внешним миром и вообще «на всякий случай». Намечается создание заграничного бюро ЦК партии, в составе тт. Воровского, Радека и меня... Лишь в 4 часа утра удалось нам уговорить Владимира Ильича поспать немножко.

В 8 часов утра, не доезжая до Стокгольма, на какой-то станции в вагон нагрянула целая ватага стокгольмских корреспондентов, получивших телеграфное сообщение от своих коллег из Мальмё о приезде Ленина. Владимир Ильич их не принял. Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы.

В 9 часов¹ мы уже в Стокгольме. На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удается пройти незамеченным.

Весь день Владимир Ильич и минуты не отдохнул. Он и слушать не хотел, чтобы отдохнуть в Стокгольме хотя бы один день. Каждая минута для него дорога. Вот собрание приехавших (они принадлежат к разным партиям: большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, анархисты); составляется и подписывается всеми точный протокол о поездке... Идет организация заграничного бюро. Владимир Ильич оставляет нам детальные инструкции. Он спешит закупить последние новинки-книжки и подбирает еще кое-какие партийные материалы.

Не успели мы оглянуться, как уж надо ехать к поезду. Снова вокзал, сутолока, шум, гам, крик и плач ребят. Владимир Ильич о всех заботится, спрашивает, хорошо ли устроены товарищи, особенно заботится о детях. Поезд двигается... С затаенным дыханием шлем мы великому вождю последние приветствия и думаем: «Он направит революцию на правильные рельсы...»

*Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки
из воспоминаний, с. 53—61*

---

¹ Здесь неточность. В. И. Ленин приезжает в Стокгольм на Центральный вокзал в 10 час. утра. *Ред.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Однажды осенью 1915 года в Женеве русская политическая эмиграция устроила большое собрание, посвященное десятилетию первой (1905 года) революции в России. На это собрание был приглашен проживавший в то время в Берне Владимир Ильич, но он не смог приехать в Женеву. Открыть собрание было поручено мне. Я сказал краткое вступительное слово, которое, выражая ленинский взгляд на то, к чему в конце концов должна привести империалистическая война, закончил, по тогдашним условиям, весьма оптимистично.

— Наконец,— сказал я,— и кошмарная война прорвется где-нибудь, в маленькой ли Португалии или в большой России. Мы пожелаем, чтобы эта «искра», где бы она ни началась, превратилась во всемирный пожар мировой революции...

* *

*

Легко представить себе настроение большевиков-эмигрантов, когда до нас в Швейцарии дошла весть о февральско-мартовской революции в России. Вскоре после этого я от Ильича получил открытку, в которой он писал: «...поздравляю с революцией в России. Ваш оптимизм оправдался так скоро. Я готовлюсь в путь-дорогу, укладываю чемоданы. Что вы делаете?»

В тот же день я отправил ему ответное поздравление и сообщил, что «чемодан у меня уложен с прошлого года», что в любой момент готов с ним ехать в Россию.

Организация нашего возвращения продолжалась немало дней из-за препятствий, которые ставили нам английские империалисты, с одной стороны, а с другой — из-за равнодушного, почти открыто враждебного отношения к нам Временного правительства России и эсеровско-меньшевистского состава Петроградского Совета. Все же возвращение устроилось. Однажды я получил от Ильича телеграфное приглашение прибыть в Берн для отъезда через Германию в Россию. Телеграмма застала меня недалеко от вокзала, поезд скоро отходил, и потому, забыв о «чемодане, уложенном с прошлого года», я уехал к Ильичу без вещей.

К нашему отъезду через Германию большинство эмигрантов относилось отрицательно. Легковерные люди надеялись, что, мол, Антанта сама доставит нас домой. Как же, ведь Россия входит в ее состав! Но Антанта отправила только эмигрантов, стоявших за войну, т. е. оборонцев, которые ей могли быть полезны. Вот почему при помощи тогдашнего секретаря Швейцарской социал-демократической партии Ильич вместе с другими большевиками принялся организовывать экстерриториальный проезд через Германию. В конце концов это удалось, и мы целой группой, многие с семьями и детьми, выехали из Швейцарии.

Мелкобуржуазная Швейцария, где столько лет мы прожили в период эмиграции, на несколько часов задержала нас на своей границе с Германией для осмотра вещей, очевидно опасаясь, чтобы мы не вывезли ее «добра».

По нашему предложению швейцарский социалист-интернационалист заключил с германским правительством соглашение, по которому вагон с тремя десятками эмигрантов должен был экстерриториально пройти через Германию до берега Балтийского моря. Экстерриториальность заключалась в том, что ни мы не должны были выходить из вагона на германскую землю, ни германские власти не должны были входить в наш вагон и вступать в соприкосновение с нами. Это условие нами было полностью соблюдено: до берега моря, где нас ждал зафрахтованный пароход, мы не выходили из вагона, а прибыв в порт, сразу же поднялись на судно.

Правда, в Германии делались попытки встретиться с нами. Особенно старались немецкие «оборонцы» типа Шейдемана и ему подобных. Они навязывались с визитами на разных станциях, где нашему вагону приходилось простаивать. Но мы во главе с Ильичем категорически и наотрез отказывались от этих встреч.

Во время переезда из Германии в Швецию мы с Ильичем почти все время находились на палубе корабля. В пути с капитанского мостика спустился, не помню сейчас, помощник капитана или сам капитан и, подойдя к нам, спросил: «Кто здесь Ульянов?» Мы с Ильичем выразительно переглянулись: можно было ожидать любой неприятности. Тут же Ильич ответил: «Что Вам угодно? Я сам». Тогда моряк передал, что на шведском берегу собрались товарищи из России и передают по радио привет: «До скорой встречи».

Действительно, как только пароход пристал к берегу, нас, как говорится, прямо с парохода приняли в свои объятия ожидавшие товарищи и повели обедать. Пробыли мы здесь около часа и с первым же поездом выехали в столицу Швеции Стокгольм.

В Швеции нас встретили радушно и гостеприимно. Здесь было много эмигрантов из России. Хорошо отнеслись к нам и

местные шведские товарищи. В самом Стокгольме в эту весну 1917 года городским головой был левый социал-демократ, весьма сочувствовавший нам, большевикам, и относившийся к Ильичу с особенным уважением. Вот почему, когда на другой день поезд подошел к Стокгольму, нас тепло встретили и отвезли для отдыха в первоклассную гостиницу. Но отдыхать не пришлось, потому что Ильич спешил в Россию. Он намеревался в тот же день вечером выехать в Финляндию. Нас с Ильичем повезли по магазинам, чтобы одеть попримличнее, ибо сознаюсь, что вид у нас, пребывавших в эмиграции в весьма стесненных обстоятельствах, был не очень презентабельный. После экипировки нас повезли на банкет, в котором участвовали шведские товарищи во главе со стокгольмским мэром. Здесь же мы составили официальный акт, засвидетельствовавший все обстоятельства нашего путешествия, ибо ждали всяких придирок со стороны английских властей, расположившихся на границе у Финляндии. Все наши старые эмигрантские документы и письма мы оставили в Стокгольме у местных старожилов — товарищей эмигрантов из России. Затем Ильич дал телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов о нашем скором приезде в Россию.

Вечером в тот же день мы выехали из Стокгольма и через два дня подъехали к пограничной с Финляндией станции.

Наше неожиданно быстрое появление у порога революции, на границе Финляндии, обеспокоило агентов Антанты. Не скрывая своей злобы, но не решаясь задержать нас, английские жандармы отвели душу на том, что подвергли нас унижительному обыску в отдельных комнатах.

Ильич сохранил полное спокойствие. Заметив разочарование жандармов, когда они, ничего не обнаружив, вынуждены были нас отпустить, Ильич весело расхохотался. Обняв меня, он проговорил:

— Наши испытания, товарищ Миха, окончились. Мы на своей земле, и мы им покажем, — тут он погрозил кулаком, — что мы достойные хозяева будущего.

В пути через Финляндию Ильич устроил оригинальный митинг в поезде, переполненном военными. После выступления Ильича и моего слова о том, кто мы, откуда приехали и что мы им несем на своих знаменах, выступило много солдат с жесточайшей критикой войны. Ильич очень внимательно прислушивался к речам солдат.

В Белоострове Ильича встретили делегации — питерские и сестрорецкие рабочие. Они радостно встречали своего друга, учителя. Вместе с ними мы поехали в Петроград, где на Финляндском вокзале 3 (16) апреля 1917 года Ильича ждала забываемая встреча народа.

ВСТРЕЧА НА СТАНЦИИ БЕЛООСТРОВ

Еще до первой встречи с Владимиром Ильичем в 1905 году я и мои товарищи, петербургские рабочие-большевики, много о нем слышали. Несмотря на то что Ленин был далеко от нас, в эмиграции, мы видели в нем вождя пролетарских масс. Это убеждение мы пронесли через годы реакции и империалистической войны. Понятно, с каким нетерпением мы в 1917 году ожидали возвращения Ильича в освобожденную от самодержавия Россию. Читая в «Правде» ленинские «Письма из далека», мы чувствовали в них пламенную веру в революцию, в рабочих, и очень хотелось, чтобы Ильич был здесь, вместе с нами, чтобы он руководил революцией на месте.

Наконец наступил долгожданный день.

В то время я работал на Сестрорецком заводе. Ильича мы решили встретить на вокзале в Белоострове, первой станции на русской территории. Здесь собрались делегации — около ста сестрорецких рабочих и приехавшая из Петрограда группа партийных работников. Все были в торжественно-приподнятом настроении. Около одиннадцати часов вечера вдаль показались огни паровоза. Трудно передать то чувство волнения, которое охватило всех нас. В страну возвращался великий вождь революции.

Поезд подошел к перрону и остановился. Но в каком вагоне едет Владимир Ильич? Обер-кондуктор указал нам этот вагон. Я попытался заглянуть в окно, но оно было затуманено.

При тусклом свете вокзальных фонарей я не сразу узнал Владимира Ильича, когда он появился на площадке вагона в демисезонном пальто и сером костюме. Но это был он, наш родной Ильич. Не знаю, что со мной тогда было. Охваченный восторгом, я взволнованно закричал:

— Ленин! Ленин!

Мы ринулись к площадке, подхватили Ильича на руки и высоко подняли над головами. Ильич не ожидал такой бурной встречи и взволнованно говорил нам:

— Товарищи, тише, что вы, товарищи!

На руках мы внесли Ильича в здание вокзала. Рабочие тесным кольцом окружили Ильича, чтобы никто из присутствовавшей на перроне посторонней публики не смог пробраться к нашему любимому вождю.

Владимир Ильич был очень взволнован встречей. Кто-то из рабочих стал его приветствовать от имени делегаций. Ильич внимательно слушал каждое слово. Потом он произнес небольшую ответную речь. Я уже не помню всего содержания речи, но помню, что он говорил о дальнейшей борьбе, о необходимости кончать империалистическую бойню. Мы все стояли кругом и радовались, как дети. Каждый почувствовал новый прилив сил и энергии. Ведь Ильич, наш Ильич, испытанный, непоколебимый вождь и учитель партии большевиков, снова был с нами!

Вместе с другими приехавшими из-за границы Владимир Ильич прошел в комнату, где проверялись паспорта. Нас туда не пустили.

Владимир Ильич и сопровождавшие его товарищи пошли затем в вагон. Мы сгрудились около вагона, кричали «ура!», махали шапками. Поезд тронулся. В вагоне запели «Интернационал». Стоявшие на платформе рабочие подхватили песню и пели до тех пор, пока состав не скрылся из виду. Радостные и счастливые, мы возвращались обратно.

На вокзале какая-то группа франтов со звериной злобой говорила о приезде Ленина. Мы насторожились. Каждый из нас еще раз почувствовал великую правоту слов Ленина о предстоящей тяжелой борьбе. Но мы были к борьбе готовы, готовы к тому, чтобы под знаменем Ленина, под его руководством развять в прах всех врагов революции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА В ПЕТРОГРАД В АПРЕЛЕ 1917 ГОДА

3 апреля из эмиграции приехал в Петроград В. И. Ленин. Я находился в числе питерских большевиков, встречавших Владимира Ильича на Финляндском вокзале. Вся площадь у вокзала была занята рабочими, солдатами и матросами. На площади стоял броневик. Все прилегавшие к вокзалу улицы были также полны народа: это шли рабочие демонстрации встречать своего вождя. Настроение было праздничное, приподнятое. Улицы оглашались пением революционных песен. Несмотря на позднее время (была уже глубокая ночь), народ все прибывал. Ночную тьму пронизывали лучи прожекторов, заливавшие ярким светом привокзальную площадь. Над сплошным морем голов в ночной темноте колыхалось множество огней. Это были зажженные факелы, которые несли демонстранты. Всюду виднелись красные знамена и полотнища с надписью: «Привет Ленину». Томительно шли часы ожидания. Поезд задерживался в пути рабочими демонстрациями, выходящими встречать Владимира Ильича. Но вот наконец поезд подошел к перрону. Трудно словами передать ликование, охватившее всех вокруг. Едва Владимир Ильич сошел со ступенек вагона, как его подхватили на руки и понесли сквозь толпу на вокзал.

Спустя некоторое время Владимир Ильич появился на привокзальной площади перед народом у броневика. Владимир Ильич хотел было уже начать говорить, но его подхватили матросы и солдаты и подняли на броневик. Как сейчас вижу перед собой Ильича высоко над толпой, в распахнутом пальто, с торчащей из кармана кепкой, с поднятой рукой. Первыми его словами, обращенными к рабочим, солдатам, матросам, был призыв к борьбе за социалистическую революцию. Эта первая речь Владимира Ильича озарила сознание людей каким-то особо ярким светом.

В сопровождении всей массы народа Владимир Ильич с Финляндского вокзала на броневике направился к дворцу Кше-

синской, где тогда находились Центральный и Петроградский комитеты нашей партии. С балкона Владимир Ильич повторил свою речь перед громадной массой народа, собравшейся перед дворцом. И вновь громко прозвучал ленинский призыв, провозглашавший подъем революции на высшую ступень: «Да здравствует социалистическая революция!»

Помню, тогда враги революции, видевшие в Ленине признанного вождя рабочего класса и потому считавшие его своим самым опасным врагом, всячески старались очернить, оклеветать Владимира Ильича. Кадетская «Речь», эсеровское «Дело народа», вторя самым гнусным выдумкам черносотенцев, возглавили в печати клеветническую кампанию против Ленина. Но этим подлым, трусливым людишкам было невдомек, что нет такой силы в мире, которая могла бы оторвать массы от Ленина и Ленина от масс.

Рабочие и солдаты ответили клеветникам множеством резолюций гневного протеста, а затем, в день приезда Ленина, — демонстрацией солидарности со своим вождем.

Утром¹ 4 апреля Владимир Ильич выступил с докладом о войне и революции на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. На это собрание отправился и я. На лестнице, ведущей на второй этаж, где в большой комнате должно было состояться совещание, я встретился с Владимиром Ильичем. Ленин сразу узнал меня, остановил и забросал вопросами: как перенес ссылку, как здоровье, лечусь ли я и у кого? Как и в 1914 году, в первую встречу в Кракове, Владимир Ильич участливо всматривался в меня своими внимательными пытливыми глазами, как бы ища на моем лице следы перенесенных лишений.

Я ответил Владимиру Ильичу, что перенес ссылку неплохо, чувствую себя удовлетворительно и готов взяться за работу. Но Владимир Ильич, не дав договорить мне, сказал:

— Нет, нет, вам надо еще основательно подлечиться. Мой совет вам: обратитесь к профессорам. Это — специалисты, они всю жизнь учатся своему делу, следят за наукой, у них большая практика. Им, конечно, надо хорошо заплатить, но это пустяки. Они помогут вам наверняка.

Взволнованный и ободренный разговором с Владимиром Ильичем, я вместе с другими товарищами поднялся на второй этаж. Собрание было многолюдным.

Слово предоставили Владимиру Ильичу. Бурной овацией встретили большевики своего вождя. Затаив дыхание, вслушивались мы в каждое слово ленинской речи.

Эта речь Ленина, известная в истории под названием Апрельских тезисов, явилась для нас настоящим откровением. Мы,

---

¹ Здесь неточность, это было около 12 час. дня. *Ред.*

большевики-подпольщики, прошедшие под руководством Ленина прекрасную школу борьбы за дело рабочего класса, и после Февральской революции в основном правильно ориентировались в обстановке: сразу в своем подавляющем большинстве заняли непримиримую позицию в отношении буржуазного Временного правительства и империалистической войны и считали революцию далеко не законченной. Но нам не была ясной конкретная перспектива дальнейшей борьбы.

Владимир Ильич в своем докладе решительно провозгласил переход от первого этапа революции (Февральской буржуазно-демократической) ко второму этапу — к революции социалистической, которая должна дать власть в руки пролетариата и бедняцких слоев крестьянства.

Ленин предложил заменить устаревшее положение марксистской теории, гласившее, что лучшей формой государства переходного к социализму периода является парламентская республика. Он выдвинул тезис о Республике Советов как наиболее совершенной и целесообразной форме политической организации общества при переходе от капитализма к социализму.

Далее Владимир Ильич говорил о гребительском характере продолжавшейся войны, о том, что эту войну нельзя кончить истинно демократическим миром, не свергнув буржуазии. Ленин выдвинул требование: «Никакой поддержки Временному правительству!» — и призвал большевиков к терпеливой, систематической и настойчивой разъяснительной работе в массах.

Во время доклада Ленина к нам на совещание пришли несколько товарищей снизу и попросили Владимира Ильича повторить свой доклад в зале заседаний Думы, где собрались делегаты, приехавшие на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Среди делегатов были большевики и меньшевики. В. И. Ленин согласился. Когда Ленин говорил на этом повом собрании, со стороны меньшевиков слышались громкие реплики, иногда злобные выкрики. Ни на один миг не прерывая нити своего доклада, Владимир Ильич мимоходом парировал выкрики меньшевиков, и меньшевистские крикуны сразу умолкали, блекли, скошенные убийственной ленинской логикой.

Помню, особо злобно меньшевики выкрикивали, когда Ленин говорил о необходимости переименовать нашу партию из социал-демократической в коммунистическую, о том, что социал-демократами себя называют и меньшевики и все западноевропейские социал-шовинисты, опозорившие и загрязнившие это название подлой изменой социализму. Пора сбросить «грязное белье», говорил Владимир Ильич. Когда Ленин кончил свой доклад, с возражением ему выступили меньшевистские лидеры Церетели и Дан. Церетели лицемерно распылился за «единство» и, говоря о своем несогласии со всеми принципиальными поло-

жениями, выдвинутыми Лениным, «не терял надежду», что им, меньшевикам, удастся найти «общий язык» с Владимиром Ильичем. Выступивший затем Дан злопыхательски говорил о своем несогласии с Лениным и заявил, что с Лениным им не по пути, что дороги слишком разошлись.

Оба эти выступления — Церетели и Дана — одно блудливое, лицемерное, другое до цинизма откровенное, лишний раз подтверждали, что путь империалистической буржуазии уже давно стал путем меньшевистской партии.

Все местные партийные организации на своих собраниях и конференциях одобрили тезисы Ленина и положили их в основу своей практической деятельности.

И только отдельные отщепенцы, вроде Каменева, Рыкова, Пятакова, не имевшие никакой поддержки в партии, продолжали говорить о своем «несогласии» с Лениным и тянуть в болото меньшевизма.

Апрельские тезисы Ленина сплотили и организовали большевиков в Питере и на местах для борьбы за дальнейшее развертывание революции.

Самойлов Ф. Н. По следам минувшего, с. 376—379

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. происходила VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), сыгравшая исключительно большую роль в подготовке Великого Октября. В моей памяти ярко сохранились некоторые подробности работы этой исторической конференции.

Перед открытием конференции на предварительном совещании был согласован проект ее порядка дня. Это совещание обратилось с приветствием к Карлу Либкнехту, томившемуся тогда в тюрьме. Когда в зале совещания появился В. И. Ленин, всех нас, делегатов конференции, охватила неописуемая радость. Совещание горячо приветствовало Ленина — вождя нашей партии, вождя революции. Такое приветствие, как и раздавшиеся бурные аплодисменты, было в то время еще новшеством в партийных обычаях.

Настроение было приподнятое и праздничное. Впервые после десятков лет нелегалщины партийная конференция собралась не за границей, не в глухом подполье, а в России, в условиях свободы. Однако травля большевиков со стороны сил контрреволюции заставила нас частично соблюдать конспирацию. Место работы конференции в печати не сообщалось и после первых заседаний было перенесено из дворца Кшесинской в помещение Женского медицинского института, а затем — Высших женских курсов М. А. Лохвицкой-Скалон¹.

Делегаты в большинстве были люди, только что вернувшиеся из ссылки, тюрем, с каторги, из эмиграции, но уже обогащенные опытом первых двух месяцев революции. Встретились товарищи, связанные общей борьбой в годы первой русской революции, но оторванные на много лет друг от друга полицейскими преследованиями. В тот момент, однако, мысли всех были

¹ Здесь неточность. Заседания VII (Апрельской) Всероссийской конференции проходили сначала в здании Женского медицинского института, затем были перенесены в помещение Высших женских курсов, и заключительное заседание было проведено в здании ЦК и ПК РСДРП(б) во дворце Кшесинской. *Ред.*

прикованы не к прошлому, а устремлены вперед, в предчувствии грядущих грандиозных битв.

Порядок дня конференции отражал великие исторические задачи партии в борьбе за завоевание власти рабочим классом, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В повестку дня были включены вопросы величайшего значения: о войне, об отношении к Временному правительству, о Советах, аграрный и национальный вопросы, о положении в Интернационале и другие.

Содержание работ конференции ярко свидетельствовало о роли Ленина как гениального вождя социалистической революции. В эти дни особенно изумляло в Ленине сочетание самого высокого уровня научного подхода к анализу происходящих событий, бесстрашия мысли и мастерства революционного руководителя, свободного от всякого «витания в небесах».

Широчайшие перспективы революции и ее международное значение были раскрыты в коротеньком вступительном слове Ленина при открытии конференции. В. И. Ленин, отметив, что движение и революция российского пролетариата составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, подчеркнул, что «только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи»¹. Речь Ленина, главное содержание которой он развивал и в последующих выступлениях, сразу ориентировала партию на необходимость учета новой мировой обстановки, подчеркивала международные обязанности российского пролетариата, предостерегала партию против механического повторения устаревших лозунгов, а также против национальной ограниченности. Дискуссия на конференции показала, что такие предостережения были как нельзя более своевременными.

Как известно, Апрельским тезисам В. И. Ленина, его плану перехода ко второму этапу революции, к борьбе за ее перерастание в революцию социалистическую на конференции была противопоставлена платформа оппозиции, выставившей содокладчиком Каменева, оппортунизм которого был уже известен партии. Постановка содоклада выплыла на конференции не совсем неожиданно. Незадолго до конференции Каменев выступил против Апрельских тезисов Ленина в «Правде». Мы знали, что дискуссия вокруг тезисов Ленина на Петроградской общегородской партийной конференции закончилась тем, что эта конференция пошла за Лениным. Было также известно, что кое-где в местных организациях встречались выступления против тезисов Ленина. Например, Киевский комитет во главе с Юр. Пятаковым проголосовал против этих тезисов. Это антиленинское решение комитета было отменено общим собранием киевской организации, одобдившим Апрельские тезисы Ленина.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 341. *Ред.*

Спор между Лениным и каменевской оппозицией был спором о жизни и смерти пролетарской революции. Вопрос стоял так: держать ли курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, готовить свержение господства буржуазии и переход власти в руки рабочего класса, то есть в руки Советов, к чему призывал В. И. Ленин, или ограничить задачи партии закреплением буржуазно-демократической революции, исходя из того, что Россия для социалистической революции еще не созрела, — как предлагал Каменев? Верны ли были лозунги Ленина: «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!» или верна была предложенная Каменевым политика давления на Временное правительство и контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов?

Не успела открыться Апрельская конференция, как жизнь ворвалась в дискуссию неожиданными событиями: началом кризиса Временного правительства, массовыми выступлениями рабочих и солдат столицы против печально-известной ноты Милюкова, адресованной правительствам Англии и Франции, о намерениях Временного правительства продолжать войну. Нота Милюкова обнажила империалистическую политику Временного правительства, подтвердила правильность лозунга Ленина «Никакой поддержки Временному правительству!». Группа Каменева, получив этот удар, хотела взять реванш на ошибочной позиции секретаря Петербургского комитета партии Багдатьява, самочинно призвавшего рабочих к немедленному свержению Временного правительства. Центральный Комитет нашей партии принял меры к исправлению этой ошибки, и Каменеву не удалось использовать ее в целях защиты своей позиции.

Ленин, а за ним конференция в борьбе на два фронта — против капитулянтов справа (сторонники Каменева) и против путчистов «слева» (Багдатьяв и др.) обеспечили единственно правильную линию партии на том этапе, выдвинув задачи широкой воспитательной работы в массах под знаменем социалистической революции и борьбы за власть Советов.

Дискуссия на конференции завершилась полной победой ленинской позиции. Оппозиция собирала по каждой резолюции от 7 до 11 голосов, причем в большинстве случаев оппозиция голосовала не против, а воздерживалась. Это подчеркивало колебания в ее рядах и подорванную уверенность в своей правоте.

Активность, работоспособность и энергию Ленина в эти дни трудно себе представить, — он попевал всюду. Ленин — докладчик по важнейшим вопросам повестки дня, участник прений, автор проектов почти всех резолюций конференции. Он руководил работой конференции, участвовал в работе ее комиссий, переходя из одной в другую. Ленин выступил на конференции больше 20 раз. Между 20 и 24 апреля (3 и 7 мая) он ежедневно

помещал в «Правде» от трех до шести статей (или проектов резолюций) на разные темы. Все время в перерывах за ним ходили группами делегаты, желавшие побеседовать с ним. Неизвестно, когда он отдыхал.

Когда конференция только что открылась, для многих было ясно, что Ленин спланирует партию и что никакой оппозиции не удастся совлечь конференцию с ленинского пути. Но пока не было голосования хотя бы по одному вопросу, трудно было определить, насколько сильна оппозиция. И вот итог первого голосования показал, что за оппозицией на конференции идут лишь единицы, что ее удельный вес ничтожен. С этой минуты Ленин явно изменил свое поведение в обращении с представителями оппозиции. Он перестал тратить время на споры в перерывах с отдельными оппозиционерами и продолжал полемику только на заседаниях конференции. Это ярко подчеркивает одну из характерных черт Ленина как реального политика.

В. И. Ленин проявлял громадный интерес к докладам с мест. Эти доклады были сначала поставлены в конец повестки дня, но к ним приступили раньше — во время дискуссии по общим вопросам. В дальнейшем дискуссия чередовалась с докладами с мест. К тому же при обсуждении вопроса об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов уделялось особенно большое внимание деятельности местных Советов. Ленин слушал доклады с мест с напряженным вниманием, пересаживался поближе к очередному оратору и нередко задавал вопросы. Запомнился его вопрос мне. В своем выступлении об отношении к Советам я говорила о нашей борьбе за слияние Советов рабочих депутатов с Советами солдатских депутатов. Борясь за это слияние и придавая ему громадное значение, мы, екатеринославцы, вместе с тем, говорила я, боимся, что после слияния Совет окажется в плену мелкобуржуазной стихии, которая была особенно сильна в Совете солдатских депутатов. Это показал опыт первых дней революции, когда представители армии голосовали против 8-часового рабочего дня. Неожиданно я услышала совсем близко вопрос Ленина: «Почему же боитесь?» И эти его три слова как-то сразу показали мне, в чем я неправа: ведь речь шла не о слиянии разных групп в партии, а о Советах, которые включали представителей разных политических направлений и были ареной нашей борьбы против мелкобуржуазных партий, за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, за ведущую роль рабочего класса в этом союзе.

Доклады с мест дали богатый материал против каменевской оппозиции. Они показали, что местные Советы проявляли революционную инициативу, подчас большую, чем столичные Советы. Во многих промышленных центрах Советы в силу вещей выполняли государственные функции (организация борьбы с голодом, вооружение рабочих, борьба с локаутами посредством

передачи предприятий в руки рабочих, борьба с бандитизмом и т. д.). Эти особенности деятельности местных Советов подтверждали правильность ленинского курса партии на перерастание революции в социалистическую, на переход власти в руки Советов.

В своей речи по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов Ленин сказал, что «материалы, представленные товарищами о деятельности Советов, получились хотя и неполные, но замечательно интересные. Может быть, это самый важный материал из сведений, которые дала конференция, материал, который дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни. Картина полученного располагает нас к оптимистическим выводам»¹. Дальнейшее развитие революции оправдало, как известно, оптимизм Ленина.

Несмотря на крайнюю занятость, В. И. Ленин оставался чутким и внимательным товарищем, каким мы его знали. Появившись на конференции до ее открытия, он, пожимаая руки то тому, то другому, своими вопросами обнаружил, что в курсе дела о том, кто, где и когда был арестован, а также о работе и состоянии здоровья отдельных товарищей.

Запомнилась одна характерная сцена. Войдя в перерыве в помещение столовой, мы увидели огромную очередь делегатов с жестяными кружечками в руках в ожидании горячего чая. Мы заметили, что эта очередь в одном месте пересекается накрест двумя другими очередями. Подойдя ближе, мы обнаружили, что добавочные две очереди образовались по правую и левую руку Ленина: это выстроились делегаты, желавшие лично поговорить с ним. Сам Ленин, с такой же жестяной кружечкой в руках, поворачиваясь то вправо, то влево, беседуя, ждал своей очереди. Мы подошли к Ленину и предложили сесть за столик, куда мы могли принести ему чай и где ему было бы удобнее разговаривать с товарищами. Ленин категорически отказался воспользоваться нашей услугой. Как и всегда, он не хотел выделяться и ставить себя в какое-либо подобие привилегированного положения.

Апрельская конференция 1917 г. была важнейшим событием в жизни нашей партии. Конференция единодушно пошла за В. И. Лениным, заняв ясную и четкую позицию по всем основным вопросам. Решения Апрельской конференции вооружили партию программой подготовки социалистической революции. Делегаты уехали с конференции хорошо подготовленными теоретически и политически. Партия шла навстречу социалистической революции твердой, уверенной поступью.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 377. *Ред.*

НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ

О Владимире Ильиче я впервые услышал от выдающегося революционера-марксиста В. К. Курнатовского, прибывшего в 1900 году в Тифлис после отбытия енисейской ссылки, где он встречался с Лениным, тоже находившимся в ссылке. Много о В. И. Ленине я узнал в 1903 году в Баку от В. А. Шелгунова. Увидел же я Ленина впервые в Петрограде в апреле 1917 года, когда он по приезде в Россию выступал на митинге у Финляндского вокзала с броневика.

Питерский пролетариат, революционно настроенные матросы и солдаты восторженно приветствовали Владимира Ильича Ленина. Он обратился к собравшимся с речью, забыть которую невозможно. Ленин призывал к сплочению трудящихся города и деревни, звал рабочих на бой с вековым врагом — буржуазией и предупреждал, что надо быть готовыми к великим испытаниям.

Второй раз я слушал Владимира Ильича вскоре же, на Обуховском заводе. Соглашатели всех мастей вели усиленную агитацию среди рабочих некоторых цехов этого завода и, в частности, в пушечной мастерской. Они осыпали клеветническими обвинениями большевиков и Ленина, призывая рабочих выйти на улицу и продемонстрировать враждебное отношение к большевизму.

Владимир Ильич приехал на завод, чтобы разоблачить перед рабочими массами предательскую политику меньшевиков и эсеров. В пушечной мастерской он появился раньше назначенного времени.

Еще не закончились работы в дневных сменах — народу вначале было мало.

В одном из углов этого цеха стояла небольшая трибуна с перилами. Около Владимира Ильича собралась группа обуховцев. Он уселся на ступеньках возле трибуны и вынул из кармана пиджака завернутый в газетную бумагу сверточек, в котором

оказался кусок черного хлеба, намазанного маслом. Перекидываясь короткими фразами с собеседниками, Ленин с аппетитом ел хлеб, запивая его принесенным кем-то из наших товарищей стаканом чаю.

Вскоре громадное помещение пушечной мастерской стало наполняться рабочими других цехов, широким потоком хлынувшими в настежь распахнутые двери. Владимир Ильич поднялся на трибуну и только лишь начал говорить, как раздались громкие враждебные крики. За шумом, поднятым группой меньшевиков и эсеров, чтобы помешать выступлению Ленина, ничего нельзя было разобрать.

В. И. Ленин спокойно выжидал, пока улягутся страсти. Меньшевики продолжали яростно шуметь, однако кое-кого из особенно голосистых крикунов рабочие вывели из цеха. Большинство рабочих проявляло все большее нетерпение. Им скорее хотелось услышать Ленина. Крикуны получили предупреждение: «Кто будет мешать, того выбросим на улицу».

Наконец была водворена тишина, и тогда заговорил Владимир Ильич. Его спокойный голос, простые, убедительные и понятные слова произвели на аудиторию неотразимое впечатление.

Выступление В. И. Ленина на Обуховском заводе, считавшемся цитаделью оппортунистов, имело громадное воздействие на массу. Меньшевики и эсеры стали заметно терять свое влияние на обуховцев. Рабочие постепенно стали отходить от соглашателей и все больше и больше слушали большевиков, звавших их на бой с буржуазией.

У ПУТИЛОВСКИХ РАБОЧИХ

День приезда Владимира Ильича в Петроград 3 (16) апреля 1917 года, его встреча с петроградским пролетариатом стали историческими. Надо ли удивляться, что даже теперь, спустя почти сорок лет, я хорошо помню события того дня.

Вечером около двух тысяч путиловцев, развернув знамена, с горящими факелами двинулись к Финляндскому вокзалу. Туда же шли тысячи рабочих других заводов, солдат, матросов; как и мы, они спешили встретить Ленина.

Когда в начале двенадцатого часа Владимир Ильич показался в дверях вокзала, по площади прокатилось громовое «ура». Освещенный лучами двух прожекторов, Ленин поднялся на броневик и, вытянув вперед правую руку, начал говорить. На площади сразу стало тихо. Не буду передавать содержание его речи — ее все знают. Одно только скажу: на меня, как и на всех присутствующих, выступление Ильича подействовало необычайно.

Окруженный народом, броневик с Ильичем медленно двинулся на Петроградскую сторону, к особняку Кшесинской, где тогда помещались Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков.

Немногим больше месяца спустя я снова увидел Ленина: 12 (25) мая он приехал к нам на заводской митинг. Путиловцы только что прогнали с трибуны эсера Чернова. И вот завод облетела весть: «Приехал Ленин!» Огромная площадь перед прокатным цехом (там теперь установлена мемориальная доска) быстро заполнилась народом. Собралось около 25 тысяч человек. Люди сидели даже на крышах цехов.

Слушали Ленина с жадным вниманием, боясь пропустить хоть слово. Время тогда было трудное. Война продолжалась, заводы стояли без топлива, не хватало продовольствия. Мы, рабочие, ждали ясного ответа на многие вопросы. И Владимир Ильич ответил нам. Он доказал, что только власть Советов может прекратить империалистическую бойню, дать народу мир, хлеб,

работу. После выступления Ленина на нашем заводе очень быстро стали таять эсеровские и меньшевистские организации, а большевистская, наоборот, расти.

Временное правительство пало, власть перешла в руки Советов. В конце октября вспыхнул антисоветский мятеж Краснова — Керенского. В. И. Ленин вызвал в Смольный группу путиловцев и попросил ответить, что может дать завод для борьбы с контрреволюцией. Путиловцы сообщили: несколько батарей на бронеплощадках.

В ночь на 29 октября (11 ноября) Ильич приехал на завод проверить, как идет работа. Зайдя в заводской комитет, он в беседе с рабочими убедился, что заказ на вооружение будет выполнен в срок. Затем Владимир Ильич собрался уехать, но рабочие предложили ему поужинать с ними. У нас были печеная картошка и кипяток. Ильич разделил этот скромный ужин с рабочими.

Ни годы, ни события не смогут стереть эти дорогие воспоминания. Ленин был и всегда будет с нами.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 574—575

НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Это было через два месяца после свержения царизма. Я был делегатом I Всероссийского съезда крестьянских депутатов от военных гарнизонов Вятской и Пермской губерний.

Мне, человеку из глухой провинции, не видевшему крупных городов, Петроград показался гигантом. Машины, трамваи, ломовики, пролетки, тележки... Люди, люди без конца... И все куда-то спешат. Вися на подножке трамвая, я доехал до Народного дома, где должен был работать съезд. Сквозь сеть часовых и потоком льющихся взад и вперед по лестницам и коридорам людей я пробрался до комнатки, на двери которой было написано: «Здесь помещается фракция социал-демократов большевиков».

Еще до открытия съезда выяснилась его политическая физиономия. В кулуарах, где бойко продавалась и раздавалась литература, шли схватки. Максималисты и анархисты грызлись с эсерами, трудовики с кадетами. Со всеми спорили большевики; их окружали жадно вслушивавшиеся в спор крестьяне, которым хотелось понять, кто же такие большевики. Большевистские листовки, газеты, брошюры крестьяне разбирали весьма охотно: в их руках всегда можно было увидеть «Правду», «Солдатскую правду», в которой было напечатано «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», написанное В. И. Лениным 7 (20) мая 1917 года и опубликованное за его подписью 11 (24) мая¹.

На съезде немало было делегатов из интеллигенции; среди них преобладали кооператоры и военные, много офицеров.

Господствующее политическое течение — эсеровское, с различными оттенками: правые, левые, центр левый, центр правый. Большевиков на тысячу с лишним делегатов — всего два десятка с небольшим.

Наступило 4 (17) мая — день открытия съезда. С раннего утра места в зале заняты делегатами. В ожидании открытия все

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 43—47. *Ред.*

уткнулись в пахнувшие краской свежие номера газет. В руках каждого делегата — пачка газет различного направления.

Долго пришлось ждать открытия. Заправили съезда появились за столом президиума, пошушукались, а потом исчезли. Но вот съезд открыт. Во главе его президиума, словно вождь клана, — эсер Авксентьев со своей патриаршей бородой. Речь его была тягучей и нудной. Казалось, что на трибуне стоит старообрядческий начетчик.

Большинство делегатов заранее было распропагандировано и подготовлено эсерами к поддержке коалиционного Временного правительства. По простоте душевной делегаты думали, что если есть в правительстве несколько так называемых «социалистов», то власть находится чуть ли не в руках самого крестьянства. Они еще не знали, что эти «социалисты» были в плену у буржуазии. Выступавшим министрам-«социалистам» устраивались овации.

Лидеры эсеров были довольны: в крестьянском съезде они видели противовес Советам рабочих и солдатских депутатов.

Особенно жгучим вопросом на съезде был вопрос о войне. Эсеры высказались за то, чтобы продолжать ее «до победного конца». Крестьянам, особенно солдатам, страшно падоела война. Им по душе были большевистские лозунги: «Долой войну!», «Немедленный мир через головы правительств воюющих держав!» — но кто такие большевики, которых так поносили эсеры, в этом большинство делегатов не разобралось. Да тут еще, как на грех, прибыли и выступили с приветствиями иностранные «социалисты» — Тома, Вандервельде и другие. Говорили они «от имени пролетариата». Они уверяли съезд, будто рабочие и крестьяне Англии, Франции, Бельгии хотят войны для разгрома немцев, чтоб получить затем «вечный мир». И съезд принял предложенную ему эсерами резолюцию о войне «до победного конца».

Особенно остро волновал крестьян вопрос о земле. Эсеры выпустили лучших своих ораторов, и те умоляли крестьян не следовать призывам большевиков о немедленном захвате помещичьих земель, ибо это-де грозит крестьянской междоусобицей, кровопролитием, чем, мол, воспользуется контрреволюция, чтобы вернуть старый режим. Земельные комитеты на местах нужны, спору нет, но они должны быть разбавлены «сведущими людьми» — это прежде всего. Затем они должны взять на учет и под контроль все земли. И только. Ни в коем случае не посягать на помещичью земельную собственность! Придет время, соберется «хозяин земли русской» — Учредительное собрание, и тогда решится вопрос о земле.

Нам, немногочисленной большевистской фракции, приходилось довольно трудно. Не помню, велись ли протоколы заседаний фракции. Да и заседаний-то, как они понимаются, не было.

Собирались, обменивались мнениями на ходу. Члены фракции теоретически были слабо развиты. Между тем от ее поведения на съезде зависело многое. Ленин горячо интересовался работой фракции и несколько раз приходил к нам. Той улыбки, которую я видел у Ленина после октябрьского переворота, тогда у него не было. На лице его лежала печать заботы, деловитости, спешки. Он всегда спешил и просил, чтоб его долго не задерживали.

Однажды фракция пригласила Ленина с просьбой, чтобы он дал ответы на ряд вопросов. Вопросы эти возникли в ходе работ съезда и в связи с «Открытым письмом» Ленину. Все, что нас смущало и что было непонятным, мы кратко сформулировали и изложили на бумаге. Когда пришел В. И. Ленин, ему подали этот вопросник.

— Вы сами читайте мне каждый вопрос отдельно, а я буду отвечать, — сказал он, возвращая листок и оцувившись на стул.

Мы все были радостно удивлены тем, как кратки, понятны, просты были ответы Ленина. В пять минут он покончил с вопросником. Ни одного лишнего слова! Ответил, поднялся, кивнул на прощание головой и удалился. Нам стало стыдно: как это мы не понимали до сих пор таких простых положений? Из-за таких пустяков потревожили вождя!

22 мая (4 июня) В. И. Ленин выступил на съезде от имени нашей фракции с речью по аграрному вопросу. Стоявший в зале шум сразу стих, когда председатель известил, кому предоставляется слово. Откуда-то из-за президиума выдвинулась вперед фигура Владимира Ильича. Из кармана извлечены часы и зажаты в левой руке: чтоб не проговорить ни одной лишней минуты.

Только-только прозвучал мягкой картавостью приятный, сильный, немного гортанный голос Ленина, как с правой стороны зала закричали:

— На каком основании Ленину дается слово? Ведь он не делегат съезда! Не давать ему слова!

В зале поднялся ропот, гул. Председатель разъяснил злопыхателям, что Ленин выступает от имени фракции большевиков, что фракция вправе выставить докладчиком и не делегата.

Шум стих. Ленин продолжал речь.

Вначале с правых скамей слышались реплики. Но потом их не стало слышно. Делегаты, особенно крестьяне, напряженно всматривались в лицо и жесты Ленина. А он расхаживал на возвышении взад и вперед, голос его звучал сильно, его слова, четкие и ясные, были всем понятны.

Кончил Ленин речь — и раздалась дружная овация большинства съезда. Это было неожиданно даже для многих аплодирующих: так их захватила речь Владимира Ильича.

В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

Вернувшись в 1917 году из-за границы в Питер, Владимир Ильич посещал тогда товарища Полетаева, который был знаком с Владимиром Ильичем с 1907 года. Полетаев был членом III Государственной думы и входил во фракцию большевиков.

На квартире Полетаева я встретился и познакомился с Владимиром Ильичем. Это было в начале мая 1917 года, а через два месяца моя скромная квартира на пятом этаже, по 10-й Рождественской, в доме № 17, к моей великой радости, служила в продолжение недели убежищем дорогого Ильича.

Произошло это так.

Я тогда работал на электростанции акционерного Общества 1886 г. на Обводном канале, ныне 1-я ГЭС. Как член завкома, большую часть времени я находился в завкоме электростанции. Все завкомовцы дни и ночи проводили на работе, так как надо было обеспечить бесперебойную работу станции. Мы поэтому не знали ничего достоверного о том, что происходило в Питере.

Часов в пять вечера 5 (18) июля 1917 года, улучив минутку, я решил сходить домой, чтобы узнать от кого-нибудь из близких товарищей последние новости. Дома встретился со своей женой, которая только что вернулась от Полетаева, на квартире у которого она застала В. И. Ленина. Ей сообщили, что для Владимира Ильича необходим безопасный приют. Тогда была предложена моя квартира.

Мы с женой были несказанно рады принять дорогого гостя. Условившись обо всем, я ушел на работу, а жена вернулась к Полетаеву.

Утром 7 (20) июля, вернувшись домой, я встретил Владимира Ильича Ленина.

Владимир Ильич был необычайно спокоен. Узнав, что в квартире есть одна свободная комната, он решил остаться у меня до отъезда в Сестрорецк. Поселился Ильич в маленькой комнатке, выходившей одним окном на соседний двор.

Осмотревшись, Владимир Ильич стал говорить о том, как ему организовать связь с отдельными товарищами и с партийной организацией, чтобы быть в курсе всех развивающихся событий.

В этот же день вернулась из Левашова моя старшая дочь. Она передала Владимиру Ильичу слышанные ею в вагоне Финляндской железной дороги разговоры встревоженных обывателей и агитаторов всех мастей и рангов. Ссылаясь на «хорошо информированные первоисточники», обыватели, перебивая друг друга, рассказывали о «главных виновниках восстания» и «тайных агентах Вильгельма», бежавших не то на миноносце, не то на подводной лодке в Германию. Владимир Ильич смеялся от всей души, слушая эти рассказы.

В занятой им маленькой комнатке Владимир Ильич прожил по 11 (24) июля 1917 года¹. Все это время он много и подолгу думал, писал ободряющие записочки товарищам, успокаивая растерявшихся, подбадривая упавших духом. Владимира Ильича не раз навещал товарищ Сталин. Каждый раз они подолгу советовались.

Обстановка в Питере была чрезвычайно напряженной. Все мы страшно беспокоились о безопасности любимого вождя. Владимир Ильич, по-видимому, угадывал наши мысли. На второй же день после переезда он спросил меня: могу ли я подыскать другое, еще более безопасное убежище. Я ответил: «Если это необходимо — попытаюсь». Владимир Ильич настоятельно подтвердил свою просьбу и добавил, что необходимо достать кое-что из одежды, чтобы можно было изменить внешний вид, если потребуется выйти на улицу. Он попросил также достать план Питера.

Исполняя просьбу Владимира Ильича, я в тот же день направился к близкому мне К. Д. Савченко, который, будучи старшим дворником, в трудные годы свирепой реакции и бешеного разгула царских опричников скрывал у себя или устраивал в безопасных местах многих наших нелегальных товарищей. У него одно время скрывались М. И. Калинин и И. В. Сталин. Иосифа Виссарионовича Савченко устроил в здании Кавалергардского полка, казалось бы в самом «страшном месте», у своего брата Кузьмы, где т. Сталин спокойно отдыхал после побега из ссылки. Савченко снабдил меня необходимыми предметами для маскарада и подготовил место для Ильича.

9 (22) июля утром Владимир Ильич спросил меня, как обстоит дело с комнатой и достал ли я план Питера, чтобы наметить кратчайший путь на случай вынужденного перехода на новую квартиру, а также для того, чтобы определить наиболее выгодное и безопасное направление к Приморскому вокзалу.

¹ В. И. Ленин переехал от С. Я. Аллилуева на станцию Разлив к Н. А. Емельянову в ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля 1917 г. *Ред.*

Плана Питера я еще не достал и потому сказал Владимиру Ильичу, что путь к Приморскому вокзалу я знаю как свои пять пальцев. Владимир Ильич ответил, что он охотно верит мне, но его лично это совершенно не устраивает. Он хочет сам изучить направление, а потому ему нужен план.

После этого Владимир Ильич быстро взял меня за руку выше локтя, крепко сжал ее и, смотря на меня в упор, спросил, могу ли я сегодня же вечером отправиться с ним на новую квартиру и уверен ли я в том, что хозяйка квартиры вполне надежные лица. Я ответил утвердительно и заявил, что могу отвести его хоть сейчас, но считаю эту меру покамест несвоевременной, потому что на улицах Питера опасно. Кроме того, я сообщил, что партийная организация поручила некоторым товарищам как можно скорее найти наиболее безопасное место поближе к Финляндии, чтобы при удобном случае переправить туда Владимира Ильича. Владимир Ильич согласился со мной и больше не возвращался к этому вопросу.

Вечером того же дня я достал план Питера, и мы засели за изучение его.

Пока Ильич жил у меня на квартире, я бывал дома урывками и потому не был свидетелем того, как жил Владимир Ильич и что он делал. Старшая дочь рассказывала, что все эти дни Владимир Ильич много шутил и острил. Большую часть времени он проводил в комнате. Сношения его с внешним миром, с партийной организацией, с товарищами за все время вынужденного его сидения в «бесте» происходили по поручению ЦК нашей партии при посредстве выделенного посланца. Обычно при каждом посещении и после краткой деловой беседы с Владимиром Ильичем посланец получал от него инструкцию-задание и поспешно уходил. Несколько раз наведывались родные и близкие Владимира Ильича, были один или два раза его жена Надежда Константиновна и сестра Мария Ильинична.

Буржуазная печать все усиливала травлю. Кругом шныряли шпики. Положение становилось очень опасным. Ленин вынужден был скрыться в подполье. Мне вместе с И. В. Сталиным пришлось провожать Владимира Ильича на Приморский вокзал, с которого Ленин уехал в Разлив.

Так я близко познакомился с великим революционером, вождем, ученым, с великим человеком.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

В 1917 году я встречала Владимира Ильича на Финляндском вокзале, когда он через Германию и Швецию вернулся в Россию. Осталось в памяти, как он сердился, когда мы в тот вечер во дворце Кшесинской, в помещении «Военки», пели «Марсельезу», и требовал, чтобы пели «Интернационал». Большинство товарищей гимна «Интернационал» не знало, и исполнение его получилось весьма неказистым. Владимир Ильич стыдил нас, что мы умеем петь буржуазно-революционную «Марсельезу», а своего рабочего гимна не знаем. На другой день в Таврическом дворце Ильич выступил с докладом — знаменитыми Апрельскими тезисами. Эти тезисы такие глубокие и вместе с тем простые, что принятие их само собой разумелось как истина, и странно как-то звучали вопросы сомневающихся о том, заявляю ли я себя коммунистом. Правда, в Бюро ЦК были уже получены два письма Владимира Ильича, которые подготавливали нас к этим тезисам, в них излагалась та же программа¹.

Всю весну и до июля месяца почти ежедневно приходилось встречаться с Владимиром Ильичем. Особенно остались у меня в памяти два момента. Первый — это споры в ЦК в отношении одного старого партийца, против которого было выдвинуто обвинение. Помню резкие, жесткие возражения Ильича, который ярко нападал на обвинителей — требовал от них не общих суждений, а точных конкретных фактов. Но фактов не было, были только намеки.

Владимир Ильич указывал, что слишком легко решается вопрос о чести человека, старого товарища, что нельзя так необдуманно набрасывать тень на заслуженного работника, и в конце концов добился своего: обвинение было признано недостаточным, а товарищ реабилитирован.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11—33. *Ред.*

Второй эпизод — это пребывание Владимира Ильича у меня на квартире в конце июня, когда ему небезопасно было остаться у себя в квартире на Широкой. Так прост и скромн был Владимир Ильич, так старался доставить возможно меньше хлопот. Но, очевидно, его пребывание у меня не прошло незамеченным, ибо при обыске в квартире моих родителей 7 июля 1917 года юнкера сказали уполномоченному по дому, присутствовавшему при обыске, что пришли делать обыск у «секретаря Ленина», и ожидали, по-видимому, найти у меня по меньшей мере бомбы.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы, с. 224—225

В ПОСЛЕДНЕМ ПОДПОЛЬЕ

О том, что Ленин едет из Финляндии в Россию, сестрорецкие рабочие узнали 2(15) апреля¹. 3(16) мы добились, чтобы в наше распоряжение дали несколько железнодорожных платформ. На них мы и отправились на станцию Белоостров встречать Владимира Ильича. Встречать Ленина приехала также делегация петроградских рабочих.

Пассажирский поезд медленно подошел к станции. На площадках стояли люди. Мало кто знал Ленина в лицо, но, когда он вышел из вагона, его сразу узнали.

Загремело «ура!». Вверх полетели фуражки. В толпе слышалось: «Ильич! Наш Ильич!»

В помещение станции Владимира Ильича внесли на руках. Там он выступил с речью. Говорил он коротко, ясными словами о том, что после свержения царя у власти осталась буржуазия и что рабочим нужно взять власть в свои руки.

Снова загремело «ура!».

Поезд ушел. Я тогда и думать не мог, что вскоре близко встречу с Владимиром Ильичем и даже некоторое время буду жить с ним рядом.

После июльских дней Ленин был объявлен Временным правительством вне закона. Большие деньги обещал Керенский за его выдачу. В эти дни Владимир Ильич вынужден был скрываться у рабочих. На квартире, где прежде он жил, несколько раз производились тщательные обыски.

Оставаться в Петрограде Владимиру Ильичу с каждым днем становилось все опаснее и опаснее. ЦК партии решил укрыть Ленина в более надежном месте, нужно было сберечь Владимира Ильича во что бы то ни стало.

Я жил в отдельном домике на станции Разлив. Ко мне приехал доверенный ЦК, которого я хорошо знал по Сестрорецкому заводу. Он сказал:

— Товарищ Емельянов, Центральным Комитетом тебе поручено укрыть Ленина.

¹ О предстоящем приезде В. И. Ленина в Петроград, в Сестрорецкий райком партии сообщили В. И. Зоф и Л. Н. Сталь 3 (16) апреля. *Ред.*

— Очень рад, — ответил я. И сейчас же меня охватило тревожное чувство ответственности: сберечь Ленина! Я сказал:

— Скрою, но сейчас еще не знаю как!

— Хорошенько об этом подумай.

Он уехал. Я начал советоваться с женой. Она тоже была членом партии. Скрывать Владимира Ильича в доме — опасно. Кругом дачники. Почти одновременно нам пришла мысль: жители Разлива часто нанмали финнов косить сено за озером. Мы и решили под видом нанятого косаря поселить Ленина в шалаше за озером.

Назавтра приехал доверенный ЦК. Я доложил ему свой план.

— Ловко придумано! — согласился он.

Вскоре он снова был у меня и сообщил, что ЦК одобрил мое предложение. Возник вопрос, как безопаснее перевезти Ленина из Петрограда в Разлив.

— Лучше всего поездом, который идет в два часа ночи, — предложил я. — На нем обычно едет разношерстная, загулявшая допоздна публика. Его так и зовут — «пьяный поезд». На нем безопаснее всего.

Договорились и о других подробностях. Вечером 11 (24) июля¹ я поехал в Петроград. Тогда в Петрограде конечная станция Приморской железной дороги была в Новой Деревне. Я заранее купил три билета. В зале ожидания и на перроне было много дезертиров, они могли навлечь облаву. Я решил провести Ленина через товарные ворота. Нужно было пробираться под товарным составом, стоящим на рельсах, но зато этот путь к поезду был самый безопасный.

В условленное время я встретил В. И. Ленина и сопровождавших его И. В. Сталина и С. Я. Аллилуева у Большой Невки.

Владимир Ильич шепнул мне:

— Идите вперед, показывайте дорогу.

Выбранным заранее путем я привел их к поезду. Товарищи одними глазами попрощались с Лениным, и вскоре поезд тронулся. Владимир Ильич сел на подножку вагона.

— Ведь так можно упасть.

— Я парочно сел, — ответил он. — В случае чего — соскочу!

Мой дом — в пяти минутах ходьбы от станции Разлив. По дороге Владимир Ильич спросил, как зовут мою жену.

— Надежда Кондратьевна.

Вот и дом. Вошли. Ленин поздоровался с женой и сказал:

— Надежда Кондратьевна, прошу вас никому обо мне не говорить. Абсолютно никому! И не защищайте меня в разговорах и не спорьте обо мне...

Жена уверила Ленина, что она знает правила конспирации и дети тоже знают. Ленин спросил, сколько у меня детей.

¹ Это было в ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля 1917 г. *Ред.*

— Семеро.

Он узнал, как кого зовут, и познакомился с ними.

Из кухни на сеновал вела лесенка. На сеновале я поставил стол, стул. Постель Владимиру Ильичу устроили прямо на душистом сене. Там Ленину жить даже нравилось, но обстановка был тревожной. Дачники, да и соседи — народ любопытный. А на случай, как говорит пословица, немного надо! Нужно было торопиться перевозить Владимира Ильича за озеро, но для этого требовалось заарендовать сенокосный участок, построить шалаш, перевезти туда все необходимое — одним словом, подготовиться так, чтобы и комар носа не подточил. На это у меня ушло несколько дней. К Ленину приезжали члены ЦК. В первый раз жена (я был за озером) не хотела допустить их к Ленину, она не знала в лицо двух приехавших товарищей. Но потом установили пароль.

Когда все за озером было готово, Владимира Ильича на лодке переправили через озеро и поселили в шалаше. Довольно неказистое сооружение из веток, покрытых сеном, оно стояло на том месте, где теперь установлен гранитный памятник Ленину «Шалаш». Художники иногда рисуют Владимира Ильича сидящим на пне возле шалаша. На самом деле было несколько не так. Ленину для работы рядом с шалашом, в густом кустарнике, я расчистил небольшую площадку, напоминавшую собой беседку из живого кустарника. Пня там не было. Стоял чурбан, служивший табуреткой. Возле шалаша была устроена кухня, на кольях висел котелок.

Донимали комары, особенно ночью. Укрыться от них было невозможно. Но с этим приходилось мириться. Пищу и газеты на лодке привозили жена или сын. Газет Владимир Ильич получал много: все, какие только выпускались тогда. Чтобы не вызвать подозрений покупкой большого их количества, между сыновьями было распределено, кому какие газеты доставать.

Помню, в газетах встречались заметки, описывающие, каким образом Ленин скрылся за границу: фигурировали и подводные лодки и аэропланы. Верным было только одно: водой, но не на подводной лодке, а на простой, двухвесельной был совершен его переезд. Читая подобные заметки, Владимир Ильич от души смеялся и называл буржуазных писак «гороховыми шутами».

Ленин очень много работал — читал, писал. К нему часто приезжали товарищи. Два раза был Сталин, несколько раз бывал Орджоникидзе. Навещали Владимира Ильича Дзержинский и Свердлов. Скромный шалаш на берегу Разлива был подлинным штабом революции.

Время шло. Подступала осень. Все чаще и чаще стали поливать дожди.

Постепенно становилось все холоднее и холоднее. Жена привезла из дому почти всю теплую одежду, но и это почти не спасало нас от холода и сырости. Да и слухи стали распространяться разные: Ленин под видом слесаря скрывается на Сестрорецком заводе, Ленин укрылся в Курорте и т. п.

Пора было искать для Владимира Ильича новое место, более надежное и безопасное. ЦК решил переправить Ленина в Финляндию.

Рабочие Сестрорецкого завода, жившие в Райволе, имели пропуска для переезда границы. Как работающий по изобретательству, депутат Совета и староста, я мог входить в кабинет начальника завода Дмитриевского. На столе у него я заметил пропуска за его подписью. Пришел пораньше. Караульный был мне хорошо знаком. Со стола начальника я взял пять пропусков и принес их Ленину. Он выбрал один, с фамилией Иванов. Владимира Ильича загримировали, надели на голову парик. Приехал Д. И. Лещенко и сфотографировал его. Знакомый гравер искусно дорисовал на фотографии печать¹.

Дали пропуск Ленину. Он смотрел-смотрел — не подкопашься.

— Да, хорошо! Молодцы!

Теперь оставалось лесом добраться до Финляндской железной дороги, затем поездом доставить Владимира Ильича в Петроград, а оттуда под видом кочегара переправить в Финляндию. Это было поручено сделать финским большевикам.

В день отъезда Владимира Ильича в Петроград мы поджидали товарища из ЦК. За кустами показался человек.

— Кто там идет? — спросил Владимир Ильич.

— Сосед.

— Зачем?

— Да, наверное, вас нанимать косить. Уж очень хороший стог сена у вас.

Подошел сосед, поздоровался.

— Это кто косил у тебя?

— Да финн.

— По-русски говорит?

— Нет.

— А пойдет ли он поработать ко мне?

— Нет, и не зови.

— Жалко. Я сам хвораю, а сын не может работать. Надо искать косаря...

¹ В хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС рукописи воспоминаний Н. А. Емельянова «Ильич в Раздвиге» этот факт освещен иначе. «По совету Ильича,— вспоминал Николай Александрович,— я пошел знакомого рабочего-слесаря, который в военном комиссариате разносил еду арестованным. После долгих уговоров он вскрыл стол своего начальника и вытащил печать. Мы поставили ее на фотографию. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам и инструкциям». *Ред.*

Сосед ушел. Владимир Ильич встал и с обычной шутливостью сказал:

— Спасибо, Николай Александрович, что меня в батраки не отдал!

Вечером Владимир Ильич, я и приехавшие за ним товарищи через лес пешком пошли к Финляндской железной дороге. Было темно. Вышли мы к станции Дибуны, сели на скамейку. Ленин, строго соблюдавший правила конспирации, и здесь был верен себе. Он тотчас встал и сказал:

— Всем сидеть на скамейке нельзя. Двоим надо спрятаться в кусты.

Эта предосторожность оказалась далеко не излишней. Только Ленин с товарищем Рахья успели скрыться, как из помещения станции вышел человек с пашкой на боку. Осмотрев перрон, он направился к нам:

— Ваши документы?

У товарища оказалось удостоверение служащего Финляндской железной дороги.

— А у тебя есть удостоверение? — спросил он у меня.

— Только рабочий номер Сестрорецкого завода.

— А зачем ты здесь так поздно?

— А разве нельзя?

Я уже сообразил, что это офицер контрразведки, и понял, какая опасность грозит Ленину. «Моя вина, моя оплошность, что заранее не осмотрел станцию», — подумал я и решил любыми средствами отвлечь внимание офицера от поезда, который пойдет на Петроград.

— Иди за мной! — скомандовал офицер.

— А зачем мне идти?

— Иди! — он взял меня за руку.

В комнате было много штатских и гимназистов, вооруженных винтовками.

Офицер сел за стол. Я тоже уселся, небрежно развалясь.

— Говори, кто ты?

— Да я рабочий Сестрорецкого завода.

— Рабочий? А ведешь себя как! Встать! Обыскать его!

Мне в пути Ленин дал депутатский билет одного товарища-петроградца для передачи ему. Билет этот я выбросить не успел.

— Да ты большевик!

— Билет этот не мой. Я работаю и живу в Сестрорецке.

— Загадка... Сколько лет на заводе работаешь?

— Сорок лет.

— Тогда все начальство должен знать. Говори по фамилиям.

Я перечислил всех, даже чиновников, а стрелка на часах ползет медленно. Решил уже ударить офицера, чтобы вызвать скандал, заварить кашу и выиграть время. Но случай выручил меня.

Вдруг офицер спросил:

— А кто старший врач завода?

— Гречин. Ох и взяточник он!

Офицер вскочил разъяренный.

— Как ты смеешь, негодяй, оскорблять моего дядю!

Подожел поезд. Офицеру доложили об этом. Но он ни на что не обращал внимания. Сел, стал писать и в мою сторону прошипел: «Я тебя расстреляю!»

Приоткрылась дверь, и в щели я узнал лицо товарища. Значит, Владимир Ильич, вероятно, уже в поезде.

Пока офицер писал, подошел второй поезд, идущий из Петрограда. Под дулом револьвера меня вывели на перрон и заперли в вагон. На ходу я решил не прыгать. Надеюсь, что товарищи в Сестрорецке меня выручат.

В Белоострове в вагон зашел унтер-офицер Смирнов — хороший мой знакомый. Он входил в состав нашего Сестрорецкого Совета.

— Ты как, товарищ Емельянов, попал сюда?

— Ваше начальство арестовало.

Он открыл дверь вагона:

— Беги!

Домой я пробрался потихоньку и сразу же лег спать. Я очень устал от всего. Разбудил меня крик. Вижу, моя жена плачет: «Что наделали, что наделали!»

Оказалось, пришла наша связная. Она не видела, что я сплю, и сказала обо мне:

— Его арестовали, но он, кажется, ушел.

Жена, подумав, что речь идет о Ленине, не выдержала и начала причитать. Я вскочил с кровати — и все разъяснилось.

Потом пришло радостное известие: Ленин благополучно перебрался в Финляндию!

Вскоре к нам в Разлив приехала Надежда Константиновна. Ей необходимо было увидеть Владимира Ильича, а для этого надо было достать пропуск через границу в Финляндию. Знакомый мне писарь в Райволе изготовил такой пропуск, дал его на подпись старшине и скрепил печатью. Надежда Константиновна тоже благополучно переехала границу как сестрорецкая работница, уроженка Райволя Агафья Атаманова¹.

*Ленинградская правда, 1955,
20 апреля, с. 3*

¹ В рукописи «Ильич в Разливе» обстоятельства получения пропуска для Н. К. Крупской изложены следующим образом: «Пропуска для тех, кто не работал на заводе, но жил в Райволе, выдавал волостной староста. Надежда Кондратьевна взялась у него достать пропуск через его жену, с которой была знакома. Пропуск выправлен на имя моей тетки Агафьи Атамановой, кстати сказать, за месяц перед тем умершей в Райволе. Надежда Кондратьевна объяснила старосте, что пропуск нашей теньке нужен по семейным делам». *Ред.*

ИЛЬИЧ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В дни 3—4 (16—17) июля 1917 г. была сделана первая серьезная попытка покончить с властью коалиционного правительства Керенского — Терещенко — Чернова — Церетели. Попытка не удалась, и началась бешеная травля нашей партии и наших вождей. Тов. Ленин был объявлен германским шпионом, и одновременно правительство отдало приказ об его аресте.

Юнкера рыщут повсюду — ищут Ленина, но его уже нет на квартире. Разговоры: «удрал к Вильгельму», «найдешь ты его, как бы не так».

Таврический дворец. Здесь только и говорят о вчерашнем дне, о нашем выступлении, о том, что у нас в организации не все обстоит благополучно. Так говорят левые с.-р., так говорят даже некоторые довольно видные большевики. В рабочих районах минутное смущение, но оно живо проходит. Среди павловцев и измайловцев довольно ясно слышны голоса: «Подвели, мы не знали, что большевики — германские шпионы». Ленина ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. «Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами». «Вождю партии брошено тяжкое обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию». Так рассуждали очень многие видные большевики.

Вместе со Сталиным спешим к Ильичу. Там уже Зиновьев, Н. К. Крупская, Ногин и В. Яковлева. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать арестовать себя. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Таково было мнение значительной части московских товарищей. Владимир Ильич со свойственной ему ясностью доказал, что никакого гласного суда не будет. Сталин решительно против явки к властям. «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге», — говорит он. Ильич, по всему видно, тоже против, но немного смущает его Ногин. Как раз в это

время заходит Е. Стасова и сообщает о вновь пущенном по Таврическому дворцу слухе, что Ленин якобы по документам архива департамента полиции провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он тоном, не допускающим возражения, заявил, что надо ему сесть в тюрьму.

Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом президиума ВЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться гарантий от него, что Ильич не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш) или же если он будет посажен в «Кресты», то добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и будет назначен гласный суд. В случае утвердительного ответа Анисимова под вечер Ильича везут в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей преступной глупости суждено было совершиться.

Анисимов на Петропавловку не согласился. Что касается гарантий в «Крестах», заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал абсолютных гарантий (чего, конечно, никто не мог дать), пригрозив, что в случае чего-либо перебьём всех их. Анисимов был рабочий Донбасса. Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: «Мы вам Ильича не дадим». Ногин тоже согласился с этим.

Спешу обратно и при выходе встречаю тов. Луначарского, поручившего мне передать Ленину, чтобы он ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции находится власть только формально, фактически она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним.

Я передал Ильичу и Сталину, находившемуся у него, разговор с Анисимовым, мнение т. Луначарского и прибавил, что Анисимов не знает, в чьих руках будет завтра он сам. Решили, что никаких разговоров дальше не может быть. Ильич вместе с т. Зофом (ныне военным комиссаром флота) и с одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышли из города.

Через несколько дней Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны, информировать Ленина, а с другой — получить от него директивы. Мне был дан адрес т. Емельянова, жившего недалеко от Сестрорецка, и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывание Владимира Ильича.

Прибыл я на станцию ночью. Побродив немного, я нашел дом, в котором жил т. Емельянов. Самого т. Емельянова не ока-

залось дома, и жена его послала своего 9—10-летнего сына проводить меня. Мы пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Я решил, что т. Ленин живет на какой-нибудь даче. Вдруг мы остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул по имени кого-то. Вышел какой-то человек. Он оказался отцом этого мальчика. Поздоровался с ним. Объяснил ему, в чем дело, и т. д. Думаю, дальше поведет к Ленину.

В этот момент подходит ко мне человек, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит: «Что, т. Серго, не узнаете?» Оказалось, что это тов. Ленин. Я восторженно пожал ему руку... Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними черным хлебом и селедкой. Больше у них ничего не было.

После этого «ужина» беседу перенесли в «апартаменты» Ленина и Зиновьева. Таковыми являлся стог сена, на который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я рассказывал, что делалось в городе в их отсутствие, каково настроение среди рабочих, солдат, что делается в нашей организации, в Петроградском Совете, в меньшевистском ЦИК и т. д.

Владимир Ильич, выслушав меня и задав ряд вопросов, сказал:

— Большевистские советы дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы.

Все это я слушал с напряженным вниманием, впечатление было опешелюющее. Нас только что расколотили, а он предсказывает месяца через два победоносное восстание.

Когда я передал Ильичу слова одного товарища, что не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин, он совершенно серьезно ответил: «Да, это так будет».

Далее Ильич дал ряд директив, как вести работу, как сейчас же создать наряду с легальным ЦК нелегальную ячейку того же ЦК, наряду с легальным печатным органом — нелегальную типографию, чтобы договаривать в нелегальных листках то, что не дадут говорить в легальной прессе.

Разговор был прерван, так как я от усталости незаметно уснул. Утром вместо 6 часов я проснулся в 11. К этому времени Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Я взял их, попрощался и ушел.

Вскоре мне еще раз пришлось съездить к Ильичу: возил к нему тов. Шотмана, который устроил переезд Владимира Ильича в Финляндию, и больше Владимира Ильича я не видел до 24 октября (6 ноября), когда он впервые открыто появился в актовом зале Смольного¹.

Когда я вошел в зал, Владимир Ильич заканчивал свою речь на заседании Петроградского Совета возгласом:

«Да здравствует всемирная социалистическая революция!»
Зал буквально ревел от восторга.

В вечерних газетах появилось сообщение, что Ленин переселился в Смольный и сам начинает руководить восстанием.

Да, газетчики не ошиблись.

Ленин организацию Октябрьского восстания взял в свои железные руки и довел его до победоносного конца.

Правда, 1924, 28 марта, с. 4

---

¹ В актовом зале Смольного В. И. Ленин выступил с докладом на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. *Ред.*

ЛЕНИН В ПОДПОЛЬЕ (июль — октябрь 1917 года)

Летом 1917 г., когда правительство Керенского после четырех месяцев своего господства убедилось в своей близкой гибели, вся его ненависть обрушилась на великого вождя рабочих и крестьян — Владимира Ильича Ленина, с первого же дня по приезде в Россию после Февральской революции призывавшего к свержению буржуазно-меньшевистского правительства и всего капиталистического строя.

Цепляясь за власть, буржуазия и ее прихвостни — меньшевики и эсеры думали найти свое спасение в гибели Ленина. Просто арестовать его или убить они боялись, ибо чувствовали, что тогда им несдобровать, так как огромное большинство рабочих и солдат уже тогда беззаветно шло за своим вождем. Нужен был другой способ, чтобы избавиться от Ленина. Для этого был применен старый, испытанный буржуазный способ — клевета.

Когда рабочие и солдаты, изверившись наконец в соглашательском правительстве, видя его двойственную, вредную для широких масс политику, вышли 3 (16) июля с оружием в руках на улицу с требованием прекратить войну, передать землю крестьянам, фабрики и заводы рабочим, т. е. выступили с теми лозунгами, которые Ленин бросал в широкие массы с первых дней своего приезда, — этот момент буржуазия сочла наиболее для себя подходящим, чтобы нанести удар нарастающей пролетарской революции.

Для выполнения этого гнусного дела был выбран «бывший человек» — бывший представитель петербургских рабочих во II Государственной думе Г. Алексинский. Этот прохвост совместно с министром юстиции «социалистом» Переверзевым и с одним русским шпионом составили документ, в котором было сказано, что Ленин является германским шпионом. Это обвинение показалось настолько диким, нелепым, что даже тогдашний меньшевистский ВЦИК запретил газетам печатать этот «документ». Но когда одна уличная черносотенная газетка

вопреки запрещению все же напечатала его, то и другие «солидные» газеты не удержались и последовали ее примеру.

Нужно отдать справедливость буржуазии — момент она выбрала удачный. Трехдневная стрельба на улицах Питера взвинтила всем нервы до последней степени, благодаря чему эта дикая, совершенно невероятная при нормальных условиях клевета нашла себе благоприятную почву. Поверили ей не только обыватели, но и часть измученных, не разбирающихся в политике солдат.

Этим воспользовалась буржуазия и совместно с эсерами и меньшевиками пошла в наступление против революционных рабочих и солдат. Офицерство и юнкера выступили открыто и в первую очередь разгромили нашу типографию и редакцию газеты «Правда». Недалеко от типографии «Правды» был убит рабочий Воинов, вышедший оттуда с листовкой.

В воздухе чувствовалась близость погрома. Называться в эти дни большевиком открыто значило обречь себя на растерзание толпы озверевших обывателей. Партийные комитеты в городе были разгромлены, многие товарищи были арестованы, пошли слухи о возможности их расстрела.

Центральный Комитет нашей партии, учитывая положение, командировал ряд партийных работников в провинцию, чтобы там разъяснить смысл происшедших событий. Я, между прочим, был командирован в Финляндию, в гор. Гельсингфорс. Гнусная клевета успела докатиться и сюда. Офицерство и чиновничество Балтийского флота пытались распространить ее среди матросов, но не имели успеха. Когда я выступил перед 12-тысячной массой моряков на Сенатской площади с докладом об июльских событиях, из задних рядов послышались крики: «Долой! Немецкий шпион!»... Но подавляющая масса собрания заглушила эти крики возгласами: «Да здравствуют большевики! Ура!..»

Вернувшись числа 10 (23) или 12 (25) июля в Питер, я встретил в Таврическом дворце нескольких членов Центрального Комитета партии, в том числе Орджоникидзе, который передал мне постановление ЦК о том, чтобы я переправил Ленина и Зиновьева в безопасное место.

До этого момента я, как и многие другие партийные работники, не знал, где находились Ленин и Зиновьев, хотя все с беспокойством спрашивали об этом друг друга, тем более что мы знали об аресте Каменева, Троцкого, Раскольниковца, Луначарского, Коллонтай и многих других.

Получив столь ответственное поручение, я в тот же день поехал по указанному адресу. Орджоникидзе направил меня к Зофу (ныне комиссар Военного флота республики) ¹. Зоф свел меня с молодым рабочим, который должен был меня проводить

---

¹ Воспоминания написаны в 1924 г. *Ред.*

на квартиру, где скрывались Ленин и Зиновьев. Под вечер мы отправились с молодым товарищем в Новую Деревню, где сели на сестрорецкий поезд. Уже смеркалось, когда мы приехали на станцию Разлив около Сестрорецка. Недалеко от станции, на одной из глухих улиц, среди дач, заселенных петербургскими дачниками, указал он мне домик Емельянова — сестрорецкого рабочего, и мы расстались. Это был одноэтажный домишко с тремя окнами, выходящими на улицу.

Войдя туда и сообщив хозяйке пароль, я спросил Константина Петровича (так назывался по имевшемуся у него чужому паспорту Ленин). Я сел и огляделся. Домик состоял всего из двух комнат, битком набитых ребятишками. Хозяйка — мать семерых детей — знала, что Константин Петрович — Ленин, и, несмотря на огромный риск, которому она подвергалась, укрывая Ленина и Зиновьева, не выражала ни малейшего волнения и на мой вопрос, как их здоровье, весело сообщила, что оба чувствуют себя превосходно и что Владимир Ильич на одно лишь жалуется, что газеты приходят неаккуратно.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Владимира Ильича и Зиновьева ради их безопасности пришлось переселить в лес, так как тут их могли бы встретить шпики, которые, по ее сведениям, шныряют кругом. Так как мне нужно было видеть Владимира Ильича в тот же день во что бы то ни стало, то хозяйка позвала своего сынишку и предложила ему отвести меня. Несмотря на поздний час (было около 11 часов вечера), мальчик лет 12—13 с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега залива, мы спустили на воду лодку и, я на веслах, мальчик на руле, поплыли среди зарослей при лунном свете к месту жительства Ленина.

После путешествия около получаса по заливу и десятиминутной ходьбы среди болотного кустарника мы подошли к огромному стогу сена, сложенному на прогалине.

После данного мальчиком сигнала к нам вышли два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал закутаные в зимние пальто фигуры, в которых я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. После горячих приветствий мы усадились у стога сена, и меня засыпали вопросами.

Перед тем как ехать к Ленину, я зашел в Петербургский комитет партии большевиков, в то время помещавшийся на Выборгской стороне; там шла беседа о дальнейшем развитии революции, и Лашевич, между прочим, сказал: «Вот посмотрите, Ленин в сентябре будет премьер-министром!»

Сидя у стога и сообщая Ленину петербургские новости, я передал ему и слова Лашевича, на что Ленин очень спокойно ответил: «В этом ничего нет удивительного». От такого ответа я, признаться, немного опешил и поглядел на него с изумлением. Заметив мое удивление, Владимир Ильич стал обстоятельно мне

объяснять, как будет развиваться русская революция. Я очень сожалею, что не записал тогда всего, что говорил он о судьбах революции. Но теперь я вспоминаю беседу на берегу залива у стога сена и убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, Владимир Ильич предвидел еще тогда...

Вспоминается забавный случай с напечатанной наспех брошюрой Ленина «К лозунгам». Отвезя в город для напечатания рукопись, я через несколько дней вез к нему готовую брошюру, которую, сидя в вагоне, прочел. В ней, в одном месте, я нашел такую фразу: «В России в настоящее время нет ни одной партии, которая последовательно защищала бы интересы рабочего класса» (цитирую на память.— А. Ш.). Когда я приехал к Владимиру Ильичу и, показав ему это место, спросил: «А как же большевистская партия?» — он сначала схватился за голову, потом рассмеялся и сказал: «Ну, в следующем издании исправим».

Долго мы беседовали, сидя у стога сена, в мой первый приезд. Но, несмотря на июль месяц, ночные болотистые испарения давали себя знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода. Спать легли мы в стоге, где заботливая рука Емельянова устроила нечто вроде спальни. Я долго не мог уснуть от холода, несмотря на то что лежал покрытый зимним пальто.

После этого я в продолжение двух с лишним недель через день-два приезжал к ним из Питера, носил провизию, газеты и пр., организуя в это же время надежное убежище для более продолжительного и приличного существования. Кроме меня, насколько мне известно, провизию, белье и проч. возила из города только А. Н. Токарева — петербургская работница.

При первой же встрече было принято решение переехать в Финляндию, где с помощью финских товарищей мы рассчитывали устроиться более или менее безопасно и удобно. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, которая в то время охранялась с необычайной тщательностью.

Несмотря на то что со времени перехода Ленина на нелегальное положение прошло около месяца, газеты продолжали травлю с неослабевающей энергией, и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеною у рта требовали ареста Ленина и Зиновьева во что бы то ни стало. Не только контрразведка и уголовные сыщики Керенского были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка Треф, были мобилизованы для поимки неуловимых Ленина и Зиновьева. Наряду с охранниками и собаками в поисках Ленина принимали участие сотни добровольных сыщиков из среды буржуазных обывателей. Однажды в газетах появилась заметка,

что 50 офицеров «ударного батальона» поклялись или найти Ленина, или умереть.

Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работой VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда покойный Я. М. Свердлов, председательствовавший на съезде, ставя на голосование написанные рукою В. И. Ленина резолюции, имел неосторожность сообщить, что, хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, он невидимо участвует и даже руководит его работой, все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина. За делегатами съезда была усилена слежка, и мне, как делегату съезда, пришлось быть очень осмотрительным и обставлять свои поездки в Сестрорецк чрезвычайными мерами предосторожности, чтобы не навести шпиков на след.

Вместе с тем надо было торопиться с переездом в Финляндию, так как дальнейшее пребывание на болоте становилось опасным. Появлявшиеся время от времени вблизи убежища охотники могли случайно наткнуться на скрывающихся; сидеть же целые дни внутри шалаша и выходить только ночью становилось невыносимым. Общая же обстановка и атмосфера, созданные в городе арестами, газетной травлей и зловещими слухами, были таковы, что рассчитывать на убежище у прежде сочувствовавшей революции интеллигенции, имевшей удобные квартиры, не приходилось. Большинство активных, испытанных партийных работников было или арестовано, или разъехалось по постановлению ЦК партии в провинцию. За теми же товарищами, которые остались в Питере на свободе, была установлена тщательная слежка. В выборе людей, помощь которых была необходима, квартиры, способа переезда и проч. надо было быть чрезвычайно осторожным, ибо малейшая неосмотрительность могла повести к аресту, а в то время арест для Ленина был равносильен убийству его озверевшими агентами Керенского. Все это чрезвычайно затрудняло мою задачу и задерживало переезд.

Проектов перехода через границу было несколько. Каждый проект подвергался тщательному обсуждению и проверке. В конце концов было решено перейти финляндскую границу под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на финляндской территории и для перехода через границу пользовались упрощенными паспортами). Емельянову было поручено достать такие паспорта у своих товарищей по заводу. Паспорта были получены; оставалось только переменить на них фотографические карточки. Неожиданное затруднение встретилось при розысках парика для Ленина. Охранка Керенского,

озабоченная поимкой Ленина и Зиновьева, запретила парикмахерским прокат и продажу париков кому бы то ни было без предъявления удостоверения личности. Во избежание каких-либо недоразумений я заручился удостоверением театрального кружка финляндских железнодорожников Выборгской стороны и таким образом беспрепятственно получил два парика в парикмахерской на Бассейной улице.

Ленин в парике без усов и бороды был почти неузнаваем. Приехавший с фотоаппаратом Лещенко сфотографировал Ленина в его «нелегальном виде».

Прежде чем переправиться через границу, мне было поручено проверить, насколько тщательно пограничники просматривают документы. С этой целью мне пришлось раздобыть для себя через генеральный штаб Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу туда и обратно, каковое мне, как финляндскому гражданину, было выдано без особых затруднений. Для большей верности я решил взять себе помощника. В качестве такового я пригласил беззаветно преданного революции Эйно Рахья, рабочего-финна, впоследствии знаменитого комиссара финской Красной гвардии. Он хлопотал себе такое же удостоверение в штабе, и мы отправились «проверять границу». Перейдя пешком в нескольких местах границу — от Белоострова на юг до Сестрорецка, мы убедились, что этот способ ненадежен, так как при каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши физиономии с наклеенными на удостоверениях фотографическими карточками. При докладе Ленину и Зиновьеву о результатах рекогносцировки этот способ перехода был отклонен и остановились наконец на предложенном мною и Рахья.

План, выработанный нами на всякий случай еще до «проверки границы», заключался в следующем: Ленин поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара, а т. Зиновьев останется в Петрограде, где для него уже приготовлена комната в Лесном, недалеко от станции Удельная Финляндской железной дороги в квартире айвазовского рабочего Эмиля Кальске.

Было решено перебраться сначала с болота на квартиру Кальске, там перепочевать и оттуда пойти вечером на станцию Удельная, где Ленин сядет на паровоз, а мы с Рахья в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции Терюки, где в нескольких верстах от станции была приготовлена надежная квартира. Машинист Г. Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства. И когда я ему рассказал, какому большому подвергается он риску, он с истинно финским хладнокровием только улыбался и уверял, что «все пойдет очень хорошо».

Когда все было подготовлено, мы с Рахья поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывезти Ленина и Зиновьева с болота. Емельянов с сыном был уже у стога и укладывал в лодку накопившиеся за три недели пребывания в стогу газеты, пальто, одеяла и проч.

Согласно нашему плану, мы с Рахья предлагали добраться до квартиры Кальске таким путем: по Сестрорецкой железной дороге до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе или полотну Финляндской железной дороги до квартиры (около шести верст). Емельянов предложил другой путь: пройти пешком до станции Левашево, а оттуда поездом по Финляндской железной дороге проехать до станции Удельная (от станции Удельная до квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив «за» и «против», большинством было принято предложение Емельянова.

Наконец вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро, побрели вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской железной дороге. Идти нужно было верст 10—12. Было около девяти с половиной часов вечера, уже смеркалось. Шли гуськом, молча, Емельянов впереди, как знающий дорогу. По выходе на проселочную дорогу стало веселей, дорога пошла хорошая, навстречу — ни души. Следом за Емельяновым свернули с дороги на тропинку. В одном месте из-за темноты сбились с дороги: наткнулись на речку, которую перешли вброд, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрали на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились. В полной темноте, ощупью, руководимые Емельяновым, который утешал нас тем, что он здесь первый раз заблудился, мы двигались вперед.

Наконец где-то прогудел паровозный гудок, Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. Съели так. Минут через 10—15 вернулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ станции, кажется, Левашево. Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу, ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трекверстку, почему предварительно не изучили дороги и проч. За «разведку» тоже досталось: почему «кажется», а не точно узнали, какая станция? Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции. Станция оказалась не Левашево, а Дибуны, находящаяся всего в 7 верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу мы могли каждую минуту нарваться на

разведку пограничной стражи и быть арестованными как подозрительные лица, ибо не будут же порядочные люди шляться в час ночи в стороне от жилых мест около границы. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 час. 30 мин. ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав Рахью на станцию проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил Ленину, Зиновьеву и Рахье уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то дал ответ, который, по-видимому, юнкера не удовлетворил, так как после фапастических объяснений Емельянова он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетого, по-видимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли поезда, идущего в Петроград, что я ему тоже очень вежливо подтвердил. Затем он молодежато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой арестованного Емельянова. Не успел я очухаться, как подошел поезд. «Как же мне быть?» — думал я и решил остаться, чтобы завтра, проведя остаток ночи и день в лесу, увести их в Удельную. Только я успел прийти к этому решению, как передо мной появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: «Это последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?» Мне ничего больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, до того ошеломлен, что выскочил из поезда не на станции Удельная, где я должен был сойти, чтобы предупредить Кальске о случившемся, а на станции Озерки, т. е. не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Около трех часов утра я добрался до Кальске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и хотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как меня реалист чуть не штыком подсаживал в вагон. Они сели вместе со мною в поезд, и так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до станции Удельная; пока я плелся от Озерков, они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел.

Теперь предстояло как можно скорей предупредить жену

Емельянова об аресте ее мужа (на утро, впрочем, его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывания в Разливе Ленина и Зиновьева. Так как времени терять было нельзя, я, кое-как перекусив, пошел к Полуян, знавшей квартиру Емельянова. Был уже шестой час, когда я доплелся до ее квартиры. Рассказав, что надо сделать, я поспешил на Выборгскую сторону к машинисту Ялава, который должен был отвезти Ленина в Финляндию.

Наступил вечер. Оставив Зиновьева на квартире Кальске, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем мы у перрона прихода поезда. Наконец подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста, жмем Владимиру Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ленин, бритый, в парике, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, он берет полено за поленом и бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом, сердце екает. Поезд подходит к Белоострову, предстоит двадцатиминутная остановка и тщательная проверка документов, а иногда и обыск. Поезд едва остановился, как находчивый Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту за станцию... набирать воду. Мы чуть не аплодируем. И пока жандармы проверяли документы, Ялава «набирал воду». Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории. Мы с Рахья спешим к паровозу, радостно жмем руку Владимиру Ильичу. У станции Териоки приготовлены лошади, а в четырнадцати верстах — квартира.

Я оставляю Владимира Ильича на попечение Рахья и со следующим же поездом еду в Гельсингфорс приготовить квартиру и дальнейший переезд по железной дороге до Гельсингфорса. Посланные на другой день¹ из Гельсингфорса в Териоки два товарища-финна доставили Ленина в небольшой городок Лахти, в 130 верстах от Гельсингфорса. При помощи депутата финляндского сейма устраиваю дальнейшую переправу и наконец встречаю Владимира Ильича в Гельсингфорсе на квартире... гельсингфорского полицмейстера.

В то время, еще при буржуазном правительстве, социал-демократы при коммунальных выборах, получив большинство голосов, назначили полицмейстером социал-демократа Густава Ровио. Это мой старый друг, петербургский рабочий, ныне финский коммунист, назначенный впоследствии при красном правительстве начальником милиции гор. Гельсингфорса. Более надежной квартиры нельзя было придумать.

---

¹ По свидетельству Л. П. Парвайнен, жены Э. Рахья, В. И. Ленин прожил у ее отца в деревне Ялкала несколько дней. *Ред.*

После водворения Владимира Ильича в столь надежном месте я считал свою миссию выполненной и по приезде в Петроград получил от ЦК командировку на Урал. По возвращении с Урала я застал Владимира Ильича уже в Выборге, а затем в конце сентября в Петрограде¹. С сентября до 24 октября (6 ноября) Владимир Ильич непосредственно руководил подготовкой Октябрьской революции.

И когда наконец было решено взять в руки рабочих государственную власть, Владимир Ильич 24 октября (6 ноября) переехал из Лесного в Смольный. А на другой день, 25 октября (7 ноября) 1917 г., Владимир Ильич легализовался вновь, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

*Шотман А. Ленин в подполье. Л.,
Госиздат, 1924*

---

¹ К сожалению, нет документов, прямо подтверждающих точную дату приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград. Воспоминания современников Владимира Ильича по этому вопросу противоречивы. Некоторые из них утверждают, что Владимир Ильич прибыл в Петроград в конце сентября, и даже называют дни прибытия — 22 или 29 сентября (5 или 12 октября), другие считают, что Ленин приехал 7 (20) октября. Разные точки зрения существуют и в настоящее время. Документальными источниками по этому вопросу являются протоколы ЦК РСДРП(б) от 3 (16) и 10 (23) октября. Поэтому предполагается, что В. И. Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября 1917 г. *Ред.*

«КОЧЕГАР» ПАРОВОЗА № 293

После июльских событий 1917 года контрреволюция в России, как известно, перешла в наступление. Ленин вынужден был вновь уйти в подполье.

В конце августа, когда ночи были уже холодными, заявились ко мне вечером товарищи. Посидели, потолковали, а потом спросили:

— Ну, как, старый конспиратор, возьмешься переправить через реку одного старичка? Предупреждаем, что работа будет ответственная и опасная. Сможешь ли?

Я, конечно, согласился, и мы тут же разработали до мельчайших подробностей план переправы Ильича через границу.

22 августа (4 сентября) 1917 года¹ из Петрограда по расписанию вышел дачный поезд № 71. Он держал путь на Райволу. Паровоз был подан вовремя; на нем стоял номер 293. На подходе к станции Удельной, что в десяти верстах от Петрограда, я стал внимательно всматриваться в темноту, как вдруг увидел среднего роста коренастого человека, быстро идущего к паровозу. Человек был в кепке, в старой «тройке» — обычной одежде питерского рабочего, с гладко выбритым лицом. Он подбежал к машине, не говоря ни слова, цепко схватился за поручни и вскарабкался в паровозную будку.

Ленин — а это был он — приветливо поздоровался и снял пальто. Он попытался было пошутить с моим помощником, но, увидев, что тот ни слова не понимает по-русски, весело рассмеялся, а затем, вскочив в тендер, дружелюбно хлопнул помощника по плечу и этим дал знать, что тот может спокойно сидеть на своем месте и курить. А что касается дров, то... Ильич, легко взобравшись на дровяной штабель, с необычайной споровкой и ловкостью начал аккуратно укладывать дрова в клетку.

---

¹ Это было не позднее 6 (19) августа 1917 г. *Ред.*

Ильича нужно было довести до станции Териоки. На границе — в Белоострове — всегда проходила тщательная проверка документов всех едущих пассажиров. Проверить документы могли и у паровозной бригады.

Поезд стоял в Белоострове 20 минут. Здесь полагалось набирать воду. Колонка находилась в стороне. Прибыв на станцию, я заметил, что по платформе в этот раз сновало особенно много полицейских и юнкеров. Я быстро отцепил паровоз от состава, отъехал к колонке и простоял там с таким расчетом, чтобы подойти обратно к поезду к самому отправлению.

Как только раздался третий звонок, я прицепил паровоз к составу, дал резкий свисток и поехал. А через несколько минут мы были уже по ту сторону границы, в Финляндии. Владимир Ильич стал оживленно беседовать со мной. Он расспрашивал о настроении финских рабочих, о событиях в Финляндии, говорил о перспективах финляндской революции.

На станции Териоки, на пятидесятом километре от русской границы, Ленин сошел с поезда. Перед тем как сойти, Ильич дружески пожал мне руку. На платформе Ильич еще раз приветливо махнул рукой в сторону паровоза и вместе со встретившими его товарищами отправился в деревню Ялкала, где и прожил до переезда в Гельсингфорс.

7 (20) октября 1917 года¹ я вновь вез Владимира Ильича Ленина. На этот раз из Финляндии в Петроград. Сел он ко мне на паровоз на станции Райвола.

Затем, уже в годы Советской власти, я навещал Ленина в Москве, в Кремле, и всегда встречал с его стороны теплый и сердечный прием.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 613—614

---

¹ О дате приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград см. подстрочное примечание на с. 430 настоящего тома. *Ред.*

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬЧЕ

В сентябре 1917 года настроение в Петрограде было уже напряженное. Рабочие начали выступать смело. Активность масс выросла. Чувствовалось приближение серьезных событий.

Я получил через Надежду Константиновну записку от Владимира Ильича из г. Выборга, где он проживал в квартире т. Латукка (финна), с предложением прибыть к нему и устроить ему безопасный путь в Петроград.

Мною было все выполнено, и мы с Владимиром Ильичем благополучно прибыли в Петроград.

Квартира, где он поместился, была найдена Надеждой Константиновной, с ведома Владимира Ильича, в доме служащего трамвайного парка у станции Лаиской, на Выборгском шоссе. Хозяева квартиры были мне неизвестны. Из конспиративных же соображений я, конечно, не спрашивался, кто они. Для меня было вполне достаточно, что Владимир Ильич их знает. Видел несколько раз уже совершенно седую женщину, которая на данный мною условный стук открывала дверь и на мой вопрос, дома ли Константин Петрович (Владимир Ильич), пропускала меня в квартиру.

Впоследствии я был уже настолько занят, что совершенно забыл справиться, кто были люди, давшие Владимиру Ильичу приют при переезде его из Финляндии в Петроград.

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу. Писал несметное количество статей в «Правду», принимал некоторых товарищей и чаще всего имел беседы с т. Сталиным. Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК. Помню собрание в Лесном, в доме районной думы, 16(29) октября при участии, кроме членов ЦК, еще многих ответственных товарищей. На этих собраниях Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

Я на все эти собрания сопровождал его в качестве «телохранителя», «конвоира».

События назревали особенно быстро, и 23 октября (по старому стилю) я отнес письмо Владимира Ильича, предназначенное для распространения по районам. В Выборгском районе письмо передал Жене Егоровой, которая перепечатала его на машинке и разослала по районам¹.

Мне приходилось особенно тяжело, так как все данные Владимиром Ильичем поручения из-за плохих средств передвижения очень трудно подчас было выполнить, а выполнить было надо, иначе Владимир Ильич пробирал меня хотя и вежливо, но внушительно.

По его заданию я посещал заводы и собрания, на них знакомился с настроением рабочих, приносил ему копии принятых резолюций. Посещал казармы с той же целью, а вечером Владимир Ильич меня расспрашивал подробно обо всем мною виденном и слышанном.

Наконец 24 октября (6 ноября) я получил сведения, что правительство Керенского намеревается развести все мосты по р. Неве. По городу были усилены патрули, мосты охранялись отрядами солдат.

Решил ехать к Владимиру Ильичу на квартиру.

Прибыв к нему, доложил о надвигающихся событиях, о том, что если войскам Керенского удастся развести мосты, то в одиночку каждый район будет разбит. Только на Выборгской стороне власть фактически была в руках Красной гвардии, которая хотя и не особенно хорошо, но все же была вооружена и достаточно спаянна. Имелся даже руководящий штаб. Владимир Ильич выслушал меня и заявил: «Да, сегодня должно начаться». Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал.

Вдруг он заявил мне, что необходимо найти т. Сталина, и как можно скорее. На это я ему заявил, что это невозможно, так как я не уверен в том, что можно будет застать его в редакции «Правды». Возможно, что он в Смольном. Идти в Смольный и обратно — надо потратить несколько часов, так как, по всей вероятности, трамваи уже не ходят. Придется идти пешком. По моим расчетам, раньше полуночи т. Сталин не сможет прибыть.

Выслушав мои соображения, Владимир Ильич заявил: «Тогда пойдем мы в Смольный». Я его стал отговаривать от

---

¹ В этом письме Владимир Ильич настаивал на решительных со стороны партии действиях, говоря: «Промедление в выступлении смерти подобно». Подлинник этого письма остался у меня, но во время моего пребывания в Финляндии затерялся. Э. Р. (По-видимому, автор здесь ошибся в дате и речь идет о последнем перед взятием власти письме Владимира Ильича членам ЦК от 24 октября (6 ноября) 1917 г. (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 435—436). *Ред.*)

этого плана, доказывая всячески, какой большой опасности он себя подвергает, если кто-нибудь его узнает. Не понимал я тогда, что совершаю преступление по отношению к революции, отговаривая Владимира Ильича ехать в Смольный.

Владимир Ильич с моими доводами не согласился и категорически заявил: «Едем в Смольный».

Для безопасности решили все-таки замаскироваться. В меру возможности переменяли на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной повязкой, на голову папилили завалывшуюся кепку. У меня было в кармане припасено на всякий случай два пропуска в Смольный. Пропуска были очень грубо подделаны: резинкой подчищены бывшие надписи и взамен их написаны несуществовавшие фамилии членов Петроградского Совета, причем чернила расплылись, так что явно бросалась в глаза подделка. Все-таки за неимением лучшего решено было обратиться с имеющимися липовыми пропусками.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы вышли из дома и пошли по направлению к Сампсоньевскому проспекту.

Миновать через 10 нас у самой остановки нагнал трамвай, шедший в парк. Трамвай был почти пустой. Мы взобрались на заднюю площадку прицепного вагона и благополучно доехали до угла Боткинской улицы, где трамвай сворачивал для дальнейшего следования в парк. Пошли пешком. У Литейного моста на Выборгской стороне на охране стояли красногвардейцы в порядочном количестве. Прошли охрану. Нас никто ни о чем не спросил. Дойдя до середины моста, мы заметили на другом конце его солдат Керенского. Это была также охрана, требовавшая у прохожих пропуска. Пропусков, конечно, у нас не было.

Солдат окружили рабочие и вели с ними оживленный спор. Владимир Ильич, заметив рабочих, которых не пускали через мост, все-таки решил попытаться пройти. Подошли к группе спорящих. Оказалось, солдаты требуют пропуска, а у большинства, так же как и у нас, таковых не было. По словам солдат, пропусками нужно было запастись в штабе. Рабочие были возмущены и отчаянно ругали солдат. Мы воспользовались спором и прошмыгнули мимо часовых на Литейный проспект, потом свернули на Шпалерную и направились к Смольному.

Мы прошли уже порядочное расстояние по Шпалерной, когда навстречу показались два верховых юнкера. Поравнявшись с нами, они скомандовали: «Стой! Пропуска!» Я шепнул Владимиру Ильичу: «Идите, я с ними сам разделаюсь». У меня в кармане было два револьвера. В грубой форме я вступил с ними в пререкания, заявляя, что никому не известно о том, что введены пропуска, а потому и мы, дескать, не могли таковых своевременно получить. В это время Владимир Ильич потихоньку отделился от нас. Юнкера угрожали мне нагайками и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей

вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали.

Я догнал успешшего уже отойти на порядочное расстояние Владимира Ильича, и с ним вместе мы пошли дальше:

Подожли к Смольному. У дверей его толпились люди. И вот тут выясняется, что пропуска членов Петроградского Совета, бывшие ранее по цвету белыми, перемены на красные. Это препятствие было уже похуже, к тому же в ожидающей толпе не было никого из наших товарищей. Толпа ожидающих возмущалась невозможностью пройти в Смольный. Я же возмущался больше всех и громче всех, негодуя, размахивал в воздухе своими «липовыми» пропусками и кричал, как это меня, полноправного члена Петроградского Совета, не пропускают. Я кричал впереди находившимся товарищам, чтобы они не обращали внимания на контроль и проходили, а в самом Смольном мы разберемся. По примеру карманников я устроил давку. В результате контролеры были буквально отброшены. Мы вошли в Смольный, прошли во второй этаж. В конце коридора, у окна, рядом с актовым залом, Владимир Ильич остановился, послав меня искать т. Сталина. Я его разыскал, и вместе мы вернулись к Владимиру Ильичу.

Так как разговаривать в коридоре было неудобно, мы прошли в комнату рядом с актовым залом. В комнате посредине находился стол, по сторонам стола — стулья. Владимир Ильич уселся на стул в конце стола, лицом к дверям зала; т. Сталин и я — слева от него. Тов. Сталин информировал Владимира Ильича о совершившихся событиях.

Во время разговора из актового зала, где проходило заседание Совета, вошли в нашу комнату три человека — сливки меньшевиков, лидеры их партии Дан и Либер, а с ними, кажется, Гоц (эсер). Один из них (кто именно — не помню) из пальто, висевшего здесь, вынул сверток, приглашая прибывших с ним субъектов закусить, так как у него, по его заявлению, есть булка с маслом, колбаса и сыр. Ведя разговор между собою, они совершенно не обращали на нас внимания. Взятый из кармана пальто сверток разложили на противоположном конце стола, за которым сидел Владимир Ильич. Развертывавший пакет поднял голову и тут только узнал Владимира Ильича, несмотря на его повязку. Страшно смутился, поспешно собрал свою снедь, и все трое, как настеганные, вышли в актовый зал. Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал.

Мы тоже вышли, отправившись в одну из комнат Смольного, куда к нам вскоре пришло много товарищей из руководящего ядра партии, приступив без лишних слов к делу — обсуждению создавшегося положения.

В это время в городе шел бой. Отлично слышна была ружейно-пулеметная пальба.

В актовом зале заседание было закончено: меньшевики तोпились к выходу, сознавая, что их карта бита.

Около полуночи было назначено заседание Петроградского Совета¹. Члены Петроградского Совета не расходились. Заседание началось речью председателя, который при абсолютнейшей тишине объявил: «Власть Керенского свергнута. Часть министров арестована. Оставшиеся не арестованными будут в скором времени арестованы». Слова эти были встречены аплодисментами.

После этой речи председательствующий заявил: «Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину». Что произошло в зале от взрыва восторга и энтузиазма присутствующих — я описать не могу. Во всяком случае, ружейно-пулеметной стрельбы слышно не было, ее заглушали аплодисменты, которые длились несколько минут, пока не дали наконец возможность говорить Владимиру Ильичу.

По окончании заседания направились в нижний этаж. Там собрались, кроме Владимира Ильича, тт. Сталин, Ногин, Милютин и др., а следом за ними и я — во исполнение своих обязанностей охраняющего Владимира Ильича.

Все расселись на стульях за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери, в уголочке, поджав колени к подбородку.

Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как назваться: министры — это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название «комиссары», «народные комиссары». Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности.

Все это время я сидел в углу и слушал.

Мое дело было закончено, и я оказался «безработным».

Ленин в первые месяцы Советской власти. Сборник статей и воспоминаний. М., Партиздат, 1933, с. 33—38

¹ Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (экстренное) открылось 25 октября (7 ноября) в 2 часа 35 мин. дня. *Ред.*

КАК ЛЕНИН СКРЫВАЛСЯ У ГЕЛЬСИНГФОРССКОГО «ПОЛИЦМЕЙСТЕРА»

Приехал Шотман и говорит с самым таинственным видом:

— ЦК партии поручил мне организовать переезд и подыскать квартиру для Ленина и Зиновьева здесь, в Финляндии.

— Сюда приезжала одна девица по этому делу, и я с ней уже сговорился, — заметил я с своей стороны.

— Она неправильно сделала, мне поручено устроить товарищей здесь, в Гельсингфорсе, но чтобы об этом никто не знал. Ты не имеешь права никому об этом сообщать, — сказал мне Шотман.

— Хорошо. Я готов помочь, чем могу. Само собой понятно, что от меня никто не узнает, — ответил я.

Так как Шотман очень торопился с перевозкой Ленина, то мы решили, что он привезет Ленина прямо ко мне на квартиру, а потом уже подыщем для него более подходящую квартиру.

В начале апреля 1917 года рабочие организации выбрали меня начальником милиции Гельсингфорса. Позже я был утвержден генерал-губернатором и сенатом с соблюдением всех параграфов законов «старшим помощником гельсингфорского полицмейстера», а полицмейстером — некий поручик фон Шрадер. Но ввиду обострившейся классовой борьбы Шрадер не выдержал атаки буржуазии и ее прессы, облипавшей ежедневно грязью милицию, состоявшую почти поголовно из рабочих социал-демократов, и ушел. Таким образом, я оставался врид начальника милиции до самой рабочей революции в январе 1918 г.

У меня была квартира (одна комната и кухня) на Хагнеской площади (дом 1, кв. 22). Так как ко мне никто не приходил, а моя жена в то время была в деревне, то мы и нашли самым удобным и безопасным сначала поселить Ленина у меня. Шотман даже пошутил:

— Приеду в Питер, скажу нашим, что поместил Ленина у гельсингфорского полицмейстера. Вот уж, наверное, будут удивляться и смеяться, когда узнают. И я убежден, что ни один

черт из агентов Керенского и не подумает заглянуть в твою квартиру.

Мы условились с Шотманом, что он сначала привезет Ленина в город Лахти и оттуда позвонит по телефону мне в Гельсингфорс в управление милиции. Из Лахти они поедут к депутату Вийку на квартиру, так как он жил не в самом городе Гельсингфорсе, а в дачной местности, у станции Мальм. Когда все было обдумано и взвешено, Шотман уехал, довольный и радостный.

Через пару дней у меня зазвонил телефон. Шотман сообщил из города Лахти, что «все благополучно. Завтра вечером буду у тебя».

На следующий день мне звонил Вийк и просил вечером назначить свидание, так как меня хочет видеть один товарищ. Я назначил в 11 часов вечера на тротуаре у Хагнесского рынка.

Заблаговременно я вышел в условленное место и стал ждать. Через несколько минут ко мне подошли два человека, разговаривая по-французски. Один из них был Вийк, и я с ним поздоровался.

— Товарищ Ровио? — спросил меня спокойно по-русски, подавая мне руку, второй товарищ. Это был Ленин, которого я впервые здесь увидел. Я ответил утвердительно и пожал его руку. Мы направились на мою квартиру. Это было в конце июля или в первых числах августа — точно не помню¹. Осмотревшись предварительно кругом и не заметив ни души на улице, мы взобрались на пятый этаж в мою квартиру.

Я чувствовал некоторое легкое возбуждение, став вдруг квартирохозяином Ленина. Конечно, я не мог и подозревать в то время, что через четыре месяца Ленин будет руководителем великой державы, но, читая ежедневно русские буржуазные и соглашательские газеты и видя, какое внимание уделяется в них «шпионажу» Ленина, я понимал вполне конспирацию Шотмана и не мог не чувствовать легкого напряжения. Тем более что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дело с контрразведкой Керенского, а иногда и с финляндским генерал-губернатором октябристом М. М. Стаховичем.

Я заварил чай и предложил его своему «квартиранту». Вийк ушел. Ленин стал расспрашивать, как получать русские газеты. Я объяснил, что вернее всего можно получать их по приходе поезда из Петрограда на вокзале ежедневно часов в 6—7 вечера.

— Вам придется ходить каждый день на вокзал и брать мне все русские газеты. Потом вам надо будет наладить переправку писем по своей почте, мы не можем доверяться официальной почте, — стал мне давать распоряжения Ленин.

Все это я обещал выполнить точно. Сообщил Ленину, что у

---

¹ Это было 10 (23) августа 1917 г. *Ред.*

меня есть вполне надежный товарищ, железнодорожный почтальон в вагоне, который курсирует между Гельсингфорсом и Питером, и при помощи его я смогу наладить нелегальную почту, лишь только получу указание, куда письма в Питере должны доставляться.

Когда Ленин узнал все необходимое для его работы, он мне сказал, чтобы я лег спать, а он еще сядет за работу. И, несмотря на то что было уже поздно и он только что поселился в новой квартире, Ленин преспокойно сел за стол, взял русские газеты и стал их просматривать и писать. Не знаю, сколько времени он писал, потому что я заснул. Утром я встал часов в девять и посмотрел на стол. Тут лежала тетрадь с заголовком «Государство и революция». Ленин еще спал, а я пошел на службу. Когда я днем, часа в четыре, пришел домой, Ленин говорит мне:

— Я просмотрел ваш книжный шкаф. У вас много хороших книг, мне они как раз нужны.

Потом он просил меня купить для него яиц, масла и пр. Я предложил приносить обеды из столовой кооператива, куда я обыкновенно ходил обедать, но он категорически отказался, объясняя, что на газовой плите он сумеет вскипятить воду для чая и сварить яиц, а больше — что ж, для него того вполне достаточно.

— Мне главное — газеты. Вот газеты не прозевайте, — сказал он мне.

Я пошел на вокзал и принес кипу газет. У нас так и наладилось: по вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки в Питер. Днем он сам себе готовил пищу.

Прожил у меня Ленин недели полторы; тогда Вийк нашел для него другую квартиру — у т. Усениуса. Поздно вечером мы перевезли его туда. Но через несколько дней мне пришлось опять поселить Ленина у себя, так как тот товарищ, в квартире которого он поселился, неожиданно вернулся и пребывание там Ленина стало невозможным.

Когда Ленин прожил вновь у меня с неделю, мы нашли новую квартиру у Теле в бездетной семье рабочего Б.¹ Я не хочу называть настоящей фамилии товарища, потому что он был после подавления финской революции арестован и приговорен к расстрелу и я до сих пор не знаю, расстреляли его или нет. Товарищ этот дал в распоряжение Ленина комнату, его жена приготавливала кушанье и вообще всячески заботилась обо всех удобствах Ленина. Ленин был весьма доволен своей квартирой и квартирохозяевами.

---

¹ В. И. Ленин жил у машиниста Артура Блумквиста. *Ред.*

Я приезжал к нему каждый вечер, привозил газеты и брал письма для отсылки и был переводчиком между Лениным и квартирохозяевами, которые очень сожалели, что не могут непосредственно объясниться с Лениным. Ленин также сожалел, что не владеет ни финским, ни шведским языком, и добавил, что теперь уже поздно для него изучать финский язык. На этой квартире Ленин прожил все остальное время своего пребывания в Гельсингфорсе, приблизительно месяц или больше, до конца сентября или начала октября, когда он переехал в Выборг¹.

Вспомнив теперь, после пяти лет, подробности работы и жизни Ленина в подполье в Гельсингфорсе, многое я уже позабыл. В памяти остались лишь отрывочные, наиболее яркие картины и эпизоды из повседневных наших встреч.

Ленин жил среди финского рабочего класса как раз в тот момент, когда рабочие организации постановили пригласить его на свой праздник. Дело в том, что в последнее воскресенье августа всюду в Финляндии устраивается рабочими организациями традиционный праздник труда, чистый сбор с коего поступает в кассу Центральной организации профсоюзов Финляндии.

И вот в Гельсингфорсе комиссия, устраивающая праздник, постановила еще до июльских дней пригласить Ленина в качестве оратора на этот праздник. Мне было поручено составить и послать с этой целью приглашительное письмо Ленину. Я письмо написал, но не успел его послать, как уже Ленин очутился у меня «квартирантом». Однажды я показал письмо Владимиру Ильичу и рассказал, что это за праздник. Ленин улыбнулся и сказал:

— Мне придется теперь воздержаться от речей. Правда, праздник недалеко, но оставим это до другого раза.

«Финансовый» вопрос требовал разрешения. Не в том смысле, что у Владимира Ильича не было денег, но, к несчастью, у него деньги были русские. Ввиду непрерывного падения курса русских денег, в то время как курс финской марки не так быстро падал, и ввиду, кроме этого, валютной спекуляции русскими деньгами, банки в Гельсингфорсе меняли русские деньги только по десять марок одному лицу. У меня же в день на одни газеты больше расходовалось денег. Сам я не мог менять достаточного количества денег, и неудобно было в качестве начальника милиции ежедневно менять русские деньги, потому что всех меняльщиков считали спекулянтами и вся пресса вела против них кампанию.

Как быть? Как объяснить обилие русских денег у меня? Я обратился к своим товарищам в управлении и объяснил, что

¹ В. И. Ленин приехал в Выборг 23 или 24 сентября (6 или 7 октября) 1917 г. *Ред.*

у меня есть от партии секретное поручение и мне нужно менять русские деньги на финские, для чего мне нужна их помощь. «После я вам объясню, и ваши имена будут занесены по этому случаю в историю», — пошутил я в заключение. Таким образом я смог пятерых товарищей сразу послать менять деньги, и «финансовый кризис» Владимира Ильича был благополучно разрешен.

Знал ли кто о пребывании Владимира Ильича в Гельсингфорсе? Из русских товарищей, проживавших в Финляндии, знал лишь Смилга. Когда Ленин поселился у меня, он попросил привести к нему Смилгу. Я ходил к Смилге и привел его к себе на квартиру. Владимир Ильич стал у него расспрашивать о настроении моряков, гарнизона, о газете, типографии и прочем. Из финских товарищей знали лишь некоторые члены ЦК, как Маннер, Куусинен, так как я им сообщил и устроил свидание с Владимиром Ильичем. Маннер был в то время тальманом (или председателем) сейма, и в один прекрасный день мы на извозчике поехали с Владимиром Ильичем к нему на квартиру. Беседа велась частью на немецком, частью на русском языке, и я уже забыл содержание ее, помню лишь, что вопрос шел об антимилитаризме, по поводу чего Владимир Ильич заметил, что антимилитаризм — болезнь, присущая маленьким странам, что весьма понятно, так как бремя милитаризма для маленьких стран непосильно. Но с точки зрения классовой борьбы антимилитаризм — неправильная позиция, рабочие должны идти в армию, обучаться военному делу и завоевывать армию в свои руки, ибо без армии революция невозможна.

Товарищ Куусинен имел свидание с Лениным как раз перед отъездом его в Выборг. Разговор шел исключительно на немецком языке, и поэтому я, как не понимающий этого языка, забыл все, что мне про этот разговор было рассказано.

Шотман приезжал несколько раз. Он дал мне адреса, куда должны были доставляться письма, и вообще организовал почту в Питере. Вот раз он приезжает, кажется после корниловских дней, и говорит мне:

— Знаешь, через четыре месяца Владимир Ильич будет у нас премьер-министром, — и стал объяснять и доказывать свою правоту.

Когда мы пришли к Ильичу, он и говорит:

— Владимир Ильич, через четыре месяца вам придется составлять кабинет, вы будете премьером.

Владимир Ильич стал у него расспрашивать подробнейшим образом про все.

Не помню, Шотман ли или Смилга рассказывал про пресловутое Демократическое совещание и называл его болотом. Владимир Ильич назвал работу совещания болтовней и сказал, что надо бы взять солдат, окружить Александринку и аресто-

вать целиком это гнилое болото: достаточно уже наболтали. И спрашивает, хитро усмехаясь, нельзя ли это как-нибудь печатно сделать?

Один раз приезжала к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна¹. Ленин нарисовал план, как к нему можно пройти, и послал это в письме к Надежде Константиновне. И вот по этому плану Надежда Константиновна приехала в Гельсингфорс и разыскала квартиру Владимира Ильича.

По мере обострения классовой борьбы и по мере усиления влияния нашей партии Владимиру Ильичу становилось невтерпеж в Гельсингфорсе. Ближе к событиям, ближе к Питеру. В один прекрасный день Владимир Ильич объявил мне, что он хочет ехать в Выборг и я должен достать ему парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

Я приступил к выполнению задания. Отыскал в газетах объявление театрального парикмахера и позвонил к нему относительно парика, как можно заказать таковой. Он объяснил, что надо прийти лично, он снимет мерку и изготовит какой угодно.

На следующий день, рано утром, мы пошли, стараясь идти по безлюдным улицам, на Владимирскую улицу. Вошли в парикмахерскую. Парикмахер оказался старым петербуржцем, работал там в Мариинском театре и был специалистом своего дела. Он рассказывал нам, как он «обмолаживал» князей, графов, генералов и прочих аристократов и аристократок. На вопрос Владимира Ильича, когда парик будет готов, он объяснил, что не раньше двух недель, потому что это очень кропотливая работа. Вот тебе и на. А Владимир Ильич предполагал через пару дней уехать.

— Может, у вас готовые есть? — спросил Владимир Ильич. Парикмахер снял мерку с головы Владимира Ильича и спросил, какого цвета пужен парик. Владимир Ильич сказал, что парик должен быть с сединой, примерно так, чтобы он был похож на шестидесятилетнего. Бедняга парикмахер чуть не упал в обморок от удивления.

— Что вы? Вы еще такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем же вы берете такой парик? Да у вас седина-то еще не выступила. — Парикмахер стал самым красноречивым образом убеждать Владимира Ильича не брать себе преждевременной старости. Несмотря на все возражения Владимира Ильича, он долго убеждал не брать седого парика.

— Да вам-то не все ли равно, какой парик я возьму? — сказал Владимир Ильич.

---

¹ Н. К. Крупская приезжала к В. И. Ленину в Гельсингфорс два раза.
Ред.

— Нет, я хочу, чтобы вы сохранили свой молодой вид,— начал опять убеждать парикмахер.

Владимир Ильич стал рассматривать шкафы и, заметив там седой парик, попросил парикмахера испробовать. С укоризной взял парикмахер парик и стал примерять. Парик оказался почти подходящим, нужно было чуть-чуть распороть и перешить. Парикмахер обещал сделать к завтрашнему утру. На следующий день мы пришли снова, парик был готов. Примерили и окончательно пригнали к голове Владимира Ильича. Парикмахер дал указания, как его носить, и мы расплатились и распрощались. Я думаю, что парикмахер и по сей день удивляется Владимиру Ильичу и, наверно, рассказывает своим посетителям о чуде, которое мог сойти за молодого человека, по упорно хотел выглядеть стариком...

Когда я на следующий день зашел к Владимиру Ильичу, он рассказал мне, что учится ходить в парике. Надел парик и спрашивает:

— Ну как, заметно, что у меня парик?

Я осмотрел тщательно и говорю:

— Кто не знает, не заметит.

Потом я достал через своих товарищей краску для бровей и финский паспорт и предоставил все это Владимиру Ильичу. Квартиру в Выборге я просил подыскать депутата Хуттунена. Когда все было приготовлено и палажено, я распрощался с Владимиром Ильичем и его повезли в Выборг, а оттуда через некоторое время — в Питер. Нелегальная жизнь кончилась...

Описывая подробно один из самых замечательных моментов жизни Владимира Ильича, нельзя не попытаться охарактеризовать его личность. Общеизвестна старая истина, что характер человека наилучше выявляется в критической обстановке. Каков был Владимир Ильич в самую гнусную эпоху в послепольские дни керешчины?

Удивительное самообладание и хладнокровие. Приехал прямо с дороги, где всегда можно было ожидать ареста, и сразу сел за письменный стол за работу. Именно в Гельсингфорсе Владимир Ильич закончил свою книгу «Государство и революция».

За все время пребывания в Гельсингфорсе я не заметил во Владимире Ильиче ни малейшей нервности. Всегда он был в хорошем настроении. Когда слышал какую-нибудь забавную вещь, смеялся от души.

Работал Владимир Ильич регулярно и усидчиво. Когда работа выполнена, тогда можно пойти и прогуляться. Иногда вечером в темноте мы выходили на улицу и совершали прогулки по городу. Когда к Владимиру Ильичу приехала Надежда Константиновна, он мне сказал:

— Завтра вы не приходите ко мне, я приду за газетами к вам на квартиру.

И действительно, на следующий день Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной пришли через большой парк из Теле на Хагнесскую площадь, на мою квартиру.

Я заметил, что Владимир Ильич при всех обстоятельствах сохраняет трезвую оценку событий. Воля у него не железная (это, пожалуй, будет мягко сказано), а стальная. Уж он своего добьется. Когда я не выполнял вовремя данных заданий, Владимир Ильич укорял меня:

— Что же вы? Почему не сделали? — И как я ни оправдывался, он настаивал на своем, пока все не было сделано, как он хотел.

Что касается личных нужд и потребностей, то Владимир Ильич отличался необычайной скромностью. Даже враги не могут ничего не только сказать, но и придумать на этот счет.

Как личность, Владимир Ильич — человек в высшей степени симпатичный, обаятельный. Это революционер с головы до пят.

*О Ленине. Сборник воспоминаний.
Кн. 1. Предисл. и ред. Н. Л. Ме-
щерякова. 2-е изд. М., 1925,
с. 111—119*

ИЛЬИЧ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА

После июльских событий Выборгский комитет партии наметил использовать мою квартиру для партийных целей.

Квартира эта помещалась на Выборгской стороне, почти у самого Лесного (угол Большого Сампсоньевского и Сердобольской, 92/1, квартира 41), и находилась в последнем этаже дома; окна ее выходили в сад соседнего дома, так что в смысле изолированности квартиры была очень удобна.

Примерно в августе было окончательно решено, что квартиру я должна предоставить для партии и на это время мне нужно было освободиться от семьи. О таком решении я сказала своей сестре, которая и увезла моих детей к моим родителям в Уфимскую губернию.

К концу сентября¹ Владимир Ильич приехал из Финляндии прямо ко мне. Помню, это было в пятницу, около восьми часов вечера. Приехал он со станции Удельной, расположенной верстах в четырех от нашего дома. Вслед за Владимиром Ильичем пришла и Надежда Константиновна. Ильич прошел в приготовленную для него комнату, закусывал вечером у себя в комнате, и только лишь наутро, за чайным столом, состоялось наше знакомство. Была и Надежда Константиновна. Помню, вышел Владимир Ильич, забыв надеть парик, и с первого же дня показался настоящим Ильичем, и как он ни учил меня каждое утро называть его новым именем (было у него тогда удостоверение с карточкой сестрорецкого рабочего), я всегда забывала, а Ильич забывал надевать свой парик, хотя условились, что за мной остается твердое и настойчивое напоминание о парике. Последний, кстати сказать, так мешал Ильичу, что если он и надевал парик, то все время его поправлял или спрашивал, хорошо ли он его надел.

---

¹ О дате приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград см. подстрочное примечание на с. 430 настоящего тома. *Ред.*

С париком дело настолько обстояло неблагоприятно, что когда Ильич ушел 24 октября (6 ноября) в Смольный и в комнате 100 (кажется, я не ошибаюсь) стал раздеваться, то, снимая шляпу, снял и парик и вместе со шляпой засунул его в карман пальто, и когда с разных концов раздались голоса: «Ильич! Ильич!», он тогда только сообразил и пощупал свою голову, но было уже поздно. На этом и закончилась конспирация Ильича с париком.

Вначале Ильич не выходил из квартиры даже и погулять и отклонил мое предложение выходить по вечерам на балкон (в третьей комнате нашей квартиры был небольшой балкон). На балконе он был только раз, на второй день своего приезда. Когда мы остались вдвоем, он попросил меня показать ему всю квартиру, чтобы ориентироваться на случай, если придется воспользоваться окном, а не дверью для ухода из квартиры.

Вначале я даже не поняла, что этим хотел сказать Ильич. Показываю квартиру. Когда пришли в третью комнату и я указала на балкон, смотрю, Ильич радостно улыбнулся и сказал:

— Прекрасно, теперь можно точно определить, как идет водосточная труба, близко ли от моей комнаты, — на случай, если придется по ней спускаться.

Зашел на балкон, просчитал окна и сказал:

— Комната выбрана правильно, удачно. Второе окно в столовой закрывать не нужно, так же как и балкон. А вот сегодня вечером возьмите молоток, спуститесь во двор и вот из этого забора (он указал на забор, который отделял двор нашего дома от соседнего) отбейте две доски как раз против водосточной трубы, как будет вам сподручно, от верхней или от нижней слуги. Это надо сделать на случай, если нельзя будет выйти из дома обычным путем.

Как правило, Владимир Ильич просматривал решительно все газеты, какие только выходили тогда в Петрограде. На моей обязанности лежало еще до ухода на работу, к восьми часам, приобрести все газеты, и этим делом я должна была заниматься с семи часов утра. Зачастую всех газет в Лесном купить было нельзя, надо было ехать в город, да и там еще разыскивать, и приходилось иногда доставку газет заканчивать уже после утреннего завтрака, который был всегда в половине девятого утра.

Владимир Ильич так быстро по газетам ориентировался в общественной жизни, что уже следил четко за ходом событий и был крайне недоволен, когда почему-либо не удавалось приобрести ту или иную газету, и с вечера обыкновенно предупреждал меня о моих долгах по газетам, давая мне шпаргалочку с номерами недоставленных газет.

Помню, как-то он мне дал задание достать все вышедшие номера «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», что мною, конечно, было выполнено. Не помню, сколько

этих номеров я достала, но что-то очень много, словом, внушительный материал для изучения. Два дня Владимир Ильич занимался очень долго, даже по ночам, а потом наутро как-то и говорит:

— Ну, кажется, насквозь всех эсеров изучил, осталось сегодня читать только наказ их мужичков.

А когда я вернулась домой перед обедом (мы всегда обедали в пять часов вечера), то увидела, что все газеты уже были разложены на столе в столовой, а он, увидев меня, радостно говорит, ударяя рукой (вижу, у него в руках номер «Крестьянских известий») по газете:

— Шутка сказать, наказ подписан 242 депутатами с мест. Мы его положим в основу закона о земле и посмотрим, как левые эсеры задумают отколоться.

Показывает мне номер, в разных местах расчерканный синим карандашом.

Еще несколько дней много и долго говорил Ильич об этом примерном наказе 242 крестьянских депутатов.

В первые же дни после 25 октября (7 ноября) — помнится мне, что это было 26 октября (8 ноября), — Владимиру Ильичу понадобился этот номер «Известий» уже в Смольном, когда II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов прибыл в Смольный. Владимир Ильич спешно поручил доставить ему этот номер из моей квартиры. Меня долго разыскивали и не могли найти, и поручение это взялась выполнить Мария Ильинична. У Владимира Ильича оставался ключ от квартиры, которым Мария Ильинична и воспользовалась, но не нашла пужного номера в той массе газет и журналов, которые были в комнате Владимира Ильича, а уже часов в одиннадцать вечера, когда меня разыскали, мы с Марией Ильиничной поехали за этим номером и привезли его Владимиру Ильичу. Это был № 88 «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 августа 1917 года.

День 24 октября (6 ноября). Часам к четырем, сидя на одной из своих служб — в издательстве Девриена, на Васильевском острове, узнаю, что разведен Николаевский мост. Я немедленно оставила работу и прежде всего пошла с 4-й линии к Николаевскому мосту убедиться, разведен ли мост, что и подтвердилось. Тогда я направилась на Петроградскую сторону, прошла здесь спокойно, попала к Сампсоньевскому мосту, но он оказался занят красногвардейцами Выборгской стороны, и пройти было невозможно. Тогда я направилась через Гренадерский мост на Выборгскую сторону, чтобы попасть как можно скорее домой. Предварительно решила зайти в Выборгский комитет и получить информацию о происходящих событиях.

В комитете удалось получить лишь очень смутные сведения, о которых я рассказала Владимиру Ильичу. Выслушав меня,

он ушел к себе в комнату и через некоторое время вышел ко мне с письмом в руках. Он направил меня немедленно в комитет проверить, сведены ли мосты, вручил мне письмо и просил передать его только через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя. Необходимо пойти на вооруженное выступление, и сегодня он должен быть в Смольном.

Около восьми часов вечера я вернулась и сообщила, как сказали мне в комитете, что мосты сведены, что разводить их пришлось потому, что вздумал «пошалить» женский «батальон смерти». Он тут же опять послал меня с запиской к Надежде Константиновне. Вскоре я принесла от нее ответ, который его не удовлетворил.

Снова он меня направил с запиской к Надежде Константиновне и сказал, что если к одиннадцати часам я не вернусь, то он поступит так, как считает нужным.

Получила в Выборгском комитете снова отрицательный ответ и, взяв уже извозчика, торопилась попасть к одиннадцати часам. Приехала раньше минут на десять, но Владимира Ильича уже не застала в квартире. Вначале я даже растерялась, попав в неосвещенную квартиру. Зажгла огонь, осмотрела квартиру — раскрыты все двери во всех комнатах, на столе в столовой оставлен незаконченный ужин и третий чистый прибор, на котором я уже потом разглядела узенькую длинную записочку, в которой было написано: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свиданья. *Ильич*».

Увидав подпись — не конспиративную подпись Владимира Ильича, а его лаконическое «Ильич», я как-то совершенно успокоилась, никакой боязни за Ильича у меня не стало. Я просто сказала себе: Ильич знает, что делает. Но все же решила направиться вслед за Ильичем в Смольный. Здесь я увидела его в тот момент, когда он снимал с себя пальто и шляпу вместе с париком.

Часам к пяти утра я добралась обратно к себе на квартиру и только что поела, в первый раз за весь день, и улеглась в постель, как раздался условный звонок — короткий, два раза. В первый момент у меня блеснула мысль: не может быть, чтобы это был Ильич! Кто же это тогда? Вышла спросить и забыла захватить ключ от двери. Это оказалась Надежда Константиновна, которой я через дверь сообщила, что Владимир Ильич уже давно в Смольном. Она не стала заходить и отправилась обратно в Выборгский комитет.

В. И. ЛЕНИН В 1917 ГОДУ

(Отрывок из воспоминаний)

...Как только Владимир Ильич после июльских дней ушел в подполье, он сейчас же постарался дать себе во всем отчет и стал писать нам о том, чтобы мы учитывали урок, который вытекал из июльского выступления пролетариата, и готовились к решительному восстанию. Мы в июле потерпели поражение потому, что у нас еще не созрела организация для того, чтобы мы могли победить. Поэтому теперь надо употреблять все усилия, чтобы как следует подготовить партию и рабочий класс к восстанию, чтобы твердо и решительно стать на путь восстания и довести это дело до конца. Этот лозунг Владимир Ильич бросил сейчас же после июльских дней.

После этого прошло достаточно времени и было много событий, прежде чем рабочий класс увидел, что Владимир Ильич был прав.

Что же произошло за это время?

В результате июльских событий рабочий класс был обезоружен, Красная гвардия загнана в подполье. Революционные полки были расформированы. У рабочего класса стали отбирать его завоевания. Хозяева начали увольнять мало-мальски революционно настроенных рабочих и настраивать одну часть рабочих против другой. Буржуазия всячески пыталась внести разложение в ряды рабочего класса и в то же время старалась сплотить свои ряды, чтобы повести решительное наступление против пролетариата. В своем стремлении задушить революцию она способна была вернуться к монархизму. Все это Владимир Ильич видел и обо всем нас предупреждал. Он говорил, что после июльских дней буржуазия круто повернет вправо, и, как всегда, был прав.

Чернов с Керенским внесли предложение об объявлении большевистской партии вне закона. За кулисами разного рода совещаний шла деятельная подготовка к разгрому революционных организаций. Поднимала голову контрреволюция. Подго-

товлялась военная диктатура. Подбирались генералы, которые во главе с Корпиловым, «верным и испытаннейшим русским человеком», и с Калединым должны были пойти против революционного Питера.

Таким образом, подготовка к решительному разгрому революции шла с двух сторон.

Начался корниловский мятеж, в подготовке которого деятельное участие приняло коалиционное правительство. Победа корниловского восстания означала бы уничтожение Советов, войну до победного конца, ликвидацию солдатских комитетов и в конечном итоге гибель революции.

Выступление Корнилова, а следовательно, и всей буржуазии открыло рабочим глаза. Они увидели, что большевики поднимают все силы революции против Корнилова, чтобы не дать генералам-мятежникам осуществить военную диктатуру. Только теперь рабочий класс окончательно убедился, что большевики были правы, когда говорили, что у пролетариата с буржуазией разные дороги.

Владимир Ильич указывал, что для большевистской партии наступило время самой деятельной организационной работы для подготовки вооруженного восстания. Буржуазия показала свою контрреволюционную сущность. Теперь наша партия, говорил он, приобретает все большее и большее влияние на рабочий класс. Во время перевыборов Московского и Петроградского Советов большевики получили в них определенное большинство.

Это является самым верным доказательством того, писал Ленин из подполья, что рабочий класс стал вполне понимать лозунги большевиков и что теперь настал момент для восстания. Если мы теперь опоздаем, то погубим революцию, потому что буржуазия может пойти на сговор с немцами, чтобы подавить революцию.

С середины сентября Владимир Ильич требует усилить подготовку к восстанию. Несмотря на все опасности, в начале октября¹ он перебирается из Финляндии в Петроград и принимает личное участие в подготовке восстания. Поселившись на Выборгской стороне, он организует нелегальные совещания с ответственными партийцами и работниками Военной организации большевиков. На этих совещаниях он вновь поставил вопрос о восстании и объявил решительную борьбу тем, кто пытался помешать этому.

Он обращается к пролетариату с призывом: «Готовьтесь к восстанию!» Пишет письмо к партийным конференциям и совещаниям, в котором также четко и ясно ставит вопрос о восста-

---

¹ О дате приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград см. подстрочное примечание на с. 430 настоящего тома. *Ред.*

нии. Ленин обращает большое внимание на Красную гвардию, заботится о ее вооружении.

Владимир Ильич выдвигает программу восстания и как гениальнейший стратег разрабатывает его план, осуществлением которого он руководил в качестве главнокомандующего. В первую очередь, говорит он, надо занять все мосты, Центральную телефонную станцию, водопровод, вокзалы, телеграф. Военная организация, которая все время руководила военным делом партии, должна проводить восстание и создать такой орган, который бы признавала вся масса; так был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, который совместно с военными организациями большевиков и «левых» эсеров должен был непосредственно руководить восстанием.

Владимир Ильич требовал от нас самых решительных действий. 23 октября (5 ноября) мы послали во все полки своих комиссаров, которым эти полки должны были подчиняться. Тем самым руководство петроградским гарнизоном фактически перешло в наши руки, в руки рабочих и крестьян.

Владимир Ильич придавал очень большое значение захвату цитаделей буржуазии в свои руки и аресту Временного правительства, так как он хорошо понимал, что если бы не удалось овладеть опорными базами буржуазии, то это чрезвычайно затянуло бы борьбу, а если бы не было арестовано Временное правительство, то члены его, рассеявшись по всей России, стали бы поднимать восстания против власти Советов.

Еще когда буржуазия устраивала всякого рода демократические совещания и августовский мятеж¹, Владимир Ильич считал необходимым созыв съезда Советов, чтобы противопоставить его буржуазной организации. Еще решительнее он настаивал на этом после того, как большевики одержали блестящую победу на выборах в Петроградский и Московский Советы. Владимир Ильич предлагал созвать II съезд Советов 20 октября (2 ноября), а восстание провести до съезда. Некоторые говорили, что, когда съезд соберется и выявит свою волю, быть может, не будет надобности прибегать к восстанию².

Владимир Ильич уничтожающе смеялся над ними.

— Где же видно, чтобы власть отдавали без бою, — говорил он, — власть всегда берется с бою. Она не передается от одного класса другому какими-нибудь декларациями, и никакие декларации эту власть не защитят.

¹ Имется в виду так называемое «демократическое совещание», происходившее в Петрограде 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 г., и августовский (корниловский) мятеж, начавшийся 25 августа (7 сентября) 1917 г. *Ред.*

² По вопросу о сроках восстания против В. И. Ленина выступил Троцкий, предлагавший приурочить восстание к съезду Советов; Каменев и Зиновьев высказались против вооруженного восстания, предпочитал «парламентские» пути развития. *Ред.*

Он требовал, чтобы восстание было организовано независимо от того, когда соберется съезд Советов.

— Мсмент теперь благоприятствует этому,— говорил он,— и, следовательно, надо спешить. Как только восстание будет произведено, II съезду Советов будет легче работать.

В это время Керенский со своим правительством уже вел переговоры с немцами о том, чтобы отдать им Петроград, вывести оттуда революционный гарнизон, тем самым ослабить революцию изнутри и уничтожить ее завоевания на фронте.

Владимир Ильич чрезвычайно нас торопил с началом восстания и затем, уже после начала восстания, настойчиво требовал самого энергичного и широкого его развертывания, быстрейшего занятия всех ключевых позиций города.

24 октября (6 ноября) ночью Ленин прибыл в Смольный и взял в свои руки все нити по руководству восстанием. Он то и дело посылал к нам курьеров с записками, на которых было написано два-три слова: «Взята ли центральная телефонная станция и телеграф?», «Захвачены ли мосты и вокзалы?» и т. д. На словах и в записках он настаивал на том, чтобы мы проверяли все свои распоряжения. Он спрашивал, действительно ли надежный человек находится в таком-то пункте, такая-то улица имеет исходное положение. Занята ли она?

Особенно большое значение придавал Владимир Ильич взятию Зимнего дворца, где находилось контрреволюционное Временное правительство.

Зимний мы рассчитывали захватить утром 25 октября (7 ноября). Но оказались непредвиденные задержки: то войска двигались слишком медленно, то опаздывали матросы из Кропихинского и т. п.

Задержка во взятии Зимнего дворца чрезвычайно волновала В. И. Ленина и весь Смольный.

Начиная с 11 часов утра и до 11 вечера Владимир Ильич буквально засыпал нас всех записками. Он писал, что мы разрушаем всякие планы; съезд открывается, а у нас еще не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Он грозил всех нас расстрелять за промедление. Он требовал, чтобы скорее был взят Зимний и арестованы министры, чтобы об этом доложить съезду Советов.

...Зимний оставался последней вражеской заставой на пути к власти трудящихся.

Мне рассказывали потом, что Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятия Зимнего, не вышел на открытие съезда. Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев в клетке.

Однако Временное правительство, несмотря на два наших ультиматума, упорно не желало капитулировать. Тогда выстрел

с «Авроры» возвестил начало общего штурма. Под залпы батарей Петропавловской крепости нашим цепям удалось подойти вплотную к Зимнему, открыть сильный огонь и ворваться во дворец.

...Вот солдаты, матросы и красногвардейцы подбегают к двери, у которой на карауле стоят застывшие от ужаса, скованные долгом юнкера.

— Здесь Временное правительство!

— Долой! — кричат штурмующие и врываются в комнату. Во главе их В. А. Антонов-Овсеенко.

— Именем Военно-революционного комитета Петроградского Совета объявляю Временное правительство низвергнутым, — декретирует он. — Вы арестованы! — обращается В. А. Антонов-Овсеенко к перепуганным насмерть министрам, которых затем, под ругань солдат, вывели на площадь и отправили в Петропавловскую крепость.

Об этом было доложено Ленину. Владимир Ильич молча выслушал сообщение о том, что Временное правительство арестовано и находится в крепости, и сейчас же отправился в свою комнату в Смольном. Сел на стул и, положив на колени книгу, стал писать декрет о земле.

Все были охвачены волнением по поводу взятия власти, а Владимир Ильич уже думал о завтрашнем дне: если завтра утром не будет декрета, то следующий шаг не будет сделан. В таком виде я и застал его, когда приехал в Смольный расставлять караулы. Это было в два часа ночи.

ПИСЬМО ЛЕНИНА В ЦК ПАРТИИ

О приезде Владимира Ильича из Выборга в Питер я узнала только тогда, когда Владимир Ильич присутствовал на заседании Центрального Комитета партии. Каждый день утром члены ЦК перед тем, как идти в Смольный, заходили в секретариат ЦК и делились своими впечатлениями. Конечно, они рассказывали и о Владимире Ильиче.

Известно, что в сентябре Владимир Ильич через Марию Ильиничну прислал в ЦК партии письмо¹, которое было потом изъято из широкого распространения Центральным Комитетом. Мария Ильинична принесла его мне перепечатанным в десяти экземплярах и передала просьбу Владимира Ильича, чтобы я вручила письмо всем членам ЦК. Члены ЦК, направляясь в Смольный, как я уже говорила, заходили в секретариат, где я и передавала им это письмо. Когда я вручила письмо А. С. Бубнову, он, прочитав его, сказал, что я должна уничтожить все экземпляры письма.

— На каком основании? — спросила я.

— Я говорю как член ЦК, — заявил он.

— Этот документ прислан членом Центрального Комитета, почему я должна вас слушаться?

Бубнов сказал, что ЦК постановит, чтобы это письмо было уничтожено. На это я ответила так:

— Вот когда будет постановление Центрального Комитета, я ему подчинюсь, а вам подчиняться не буду.

И продолжала передавать экземпляры членам ЦК. В то же время я подумала: может быть, действительно будет постановление ЦК и этот документ придется уничтожить. И три экземпляра письма Владимира Ильича я направила в наш секретный архив. Говорю об этом, чтобы работники Института марксизма-ленинизма знали, что существовал, кроме общего архива, сек-

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239—241. Ред.

ретный архив ЦК, который хранился в железном чемодане, вне секретариата, и в нем были документы Центрального Комитета. Во втором чемодане, хранившемся также вне секретариата, находилась нелегальная библиотека.

В момент наступления Корнилова на Петроград я передала секретный архив ЦК партии приехавшему из Екатеринбурга товарищу, с тем чтобы он взял его к себе, так как полагала, что там он будет в безопасности. Но на Урале началось наступление Колчака, этому товарищу пришлось оба чемодана закопать в землю. Надо сказать, что до сих пор эти чемоданы не разысканы и неизвестно, где они находятся.

О Владимире Ильиче Ленине Воспоминания. 1900—1922 годы, с. 225

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Если меня спросят: какой был самый великий, самый памятный час в моей жизни, я, не колеблясь, отвечу: час, в который была провозглашена власть Советов.

Никогда не забыть и ни с чем не сравнить нашей светлой и гордой радости, когда мы услышали с трибуны II съезда Советов в Смольном простые и величавые слова исторического решения:

«Вся власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Не забыть Владимира Ильича Ленина в тот великий час! Он провозгласил знаменитые первые декреты Советской власти — о мире, о земле. Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать.

Удивительна, незабываема была эта сосредоточенная и вдохновенная задумчивость Владимира Ильича за столом президиума первого советского законодательного собрания, когда большевики в первые же часы власти пачинали социалистическое строительство, строительство нового мира.

...Владимир Ильич прибыл в Смольный в ночь на 25 октября (7 ноября). Он прибыл из подполья, из Лесного, где по решению партии скрывался от ищек Керенского.

На следующий день Ленин открыто направился на заседание Петросвета.

Некоторые товарищи пытались удержать Ленина, не допустить его до опасности открытого появления в Совете. Кто это пережил, тот не забудет тех минут напряженнейшего опасения за Ильича.

Но время подполья миновало. Ленин не слушал предостережений. Он даже не возражал нам. Он спешил в Белый зал, где заседал Совет.

Ленин лучше нас знал настроение пролетарских масс города

и деревни, лучше знал фронтовиков, он знал, что его ждут, ждут его решающего выступления.

И вот Ленин в дверях зала.

По залу пронесся шелест голосов: «Ленин!». И восторженные овации депутатов долго не давали ему говорить.

Доклад Владимира Ильича был необычайной силы. Он словно электризовал волю депутатов Совета.

Возвращаясь из зала заседаний, Ильич говорил нам с ласковой усмешкой:

— Вот видите, как депутаты отозвались. А вы еще сомневались. — И он укоризненно качал головой, лукаво косясь в сторону своих ретивых телохранителей. Ленин взял в свои руки непосредственное руководство восстанием.

Помню комнату в Смольном окнами на Неву. Вечер. Темный, октябрьский. С Невы порывами дул шквальный ветер. В комнате тускло светила электрическая лампочка над небольшим квадратным столом. А за столом собрались члены ЦК, избранные на VI съезде партии. Кто-то принес несколько стаканов горячего чая.

Ленин здесь. Ленин был среди нас. Это давало нам бодрость и уверенность в победе. Ленин спокоен. Ленин тверд. И такая ясность и сила была в его приказах, в его действиях, какая бывает у очень опытного капитана в шторм. А шторм был невиданный — шторм величайшей социалистической революции...

Вскоре мы услышали залп «Авроры».

На мою долю выпало счастье и великая честь работать с Лениным в первом Советском правительстве в качестве народного комиссара госпризрения.

Совет Народных Комиссаров в первые недели своего существования собирался в Смольном, в третьем этаже, в угловой комнате, которая называлась «кабинетом Ленина».

Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая, и даже более чем деловая, недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова, секретаря СНК, который вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!..

Приведу один случай: он ярко характеризует быт членов Совнаркома и самого Ленина в те горячие дни.

Это случилось вскоре после закрытия II съезда Советов. Шведские товарищи из Стокгольма прислали Владимиру Ильичу и мне по старой памяти (я во время политической эмиграции работала в Швеции) несколько голов голландского сыра.

Подарок был исключительно своевременный. Помнится, однажды, во время митинга после выступления и яростного политического спора с эсерами у меня сделалось головокружение.

— Вы больны, товарищ Коллонтай? — спросил один из красногвардейцев, поддерживая меня.

— Нет, скорее, пожалуй, голодна.

Красногвардеец предложил мне тогда рубль — «купить хлеба», а когда я отказалась, узнал мой адрес, принес хлеб домой и скромно ушел, оставшись неизвестным.

Вот потому-то я, признаюсь, порадовалась возможности угостить сыром Ильича. Глава правительства тоже недоедал наравне с нами.

Перед заседанием СНК я показала круглые красные головы сыра Ильичу. Он забеспокоился, первая его забота была о нас:

— Надо поделить на всех. И Горбунова не забудьте. Пожалуйста, займитесь этим вы.

Ленин ушел в кабинет, а я разложила газеты на столе в смежной проходной комнате, достала нож и стала делить сыр на ужин товарищам.

Мое присутствие, однако, потребовалось на заседании Совета Народных Комиссаров. Я оставила нож и сыр на столе и ушла. Заседание затянулось, как обычно в те дни, до поздней ночи. И я забыла про сыр. Когда же я вернулась, его на месте не оказалось. Нож и газеты, а сыра — ни крошки... За день караульные у дверей сменились много раз. Разделенный на порции и оставленный в этой комнате сыр был принят караульными за паек. И не было ничего удивительного, что в течение дня он был роздан товарищам.

Я вернулась в кабинет к Владимиру Ильичу, он вместе с Горбуновым правил протокол (Ленин всегда так делал: этой исключительной тщательности и точности в работе мы учились у него повседневно).

— Что случилось? — спросил Владимир Ильич. Я рассказала. Он от души рассмеялся.

— А что, сыр был вкусный? — спросил он, искренне смеясь. — Вы так и не попробовали его? Вот это жалко. Но, думаю, беда невелика: не мы, так другие поедят.

Глаза Ильича сияли теплой, ласковой улыбкой: ну что ж, говорил этот незабываемый ленинский взгляд, не наркомов, так бойцов или рабочих угостили сыром, поужинали — и славно!

И Ленин вернулся к чтению протокола, к текущим делам Председателя Совета Народных Комиссаров.

Великий человек продолжал свою титаническую работу по становлению первого в мире Советского государства, работу, которая бессмертной страницей вошла в историю человечества.

ЛЕНИН В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

(Несколько воспоминаний)

В этой заметке я хочу записать некоторые воспоминания, рисующие Владимира Ильича в октябрьские дни.

Непосредственно перед переворотом я встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся из Финляндии. Ленин торопил с восстанием, с исключительным вниманием занимался вопросом о соотношении сил в тогдашнем Петрограде и вопросами технической подготовки восстания. 10 (23) октября Ленин впервые появился на заседании Центрального Комитета нашей партии (в квартире Суханова). 16 (29) октября он присутствовал на заседании Центрального Комитета с рядом приглашенных товарищей в Лесном. Эти два заседания были решающими в том смысле, что они окончательно решили вопрос о восстании. В Смольном Владимир Ильич появился в ночь на 25 октября (7 ноября). В эту ночь весь Центральный Комитет, Ленин в том числе, ночевал в комнате № 14 в Смольном на полу и на стульях. Владимир Ильич очень торопил со взятием Зимнего и основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступления. Утром 26 октября (8 ноября) он первый раз присутствовал на заседании Военно-революционного комитета.

После переворота мы, члены Центрального Комитета, ежедневно, иногда по несколько раз, встречались с Лениным в Смольном в эти незабываемые дни, когда через Смольный бурно и стремительно катилась громадная революционная волна рабочих, матросов и солдат, а под Петроградом гремели пушки и уже шли авангардные бои, растянувшиеся затем на целых три года ожесточеннейшей гражданской войны.

Ленин тогда был воплощением великой воли этих масс — победить во что бы то ни стало. На заседаниях Центрального Комитета он громил колеблющихся, беспощадно отбрасывая их в сторону. В своем кабинете, как вождь восстания, он спокойно учитывал складывающиеся обстоятельства и твердо направлял

дело к победе. В минуты кратковременного отдыха, прогуливаясь по коридору, он оживленно беседовал с товарищами, крепко закидывая руки за спину.

Владимир Ильич в эти дни великого переворота был оживлен, весел, светился весь изнутри каким-то особенным светом, был непоколебим, уверен и тверд.

Из партийных эпизодов того времени я считаю нужным остановиться на одном, а именно на последнем моменте в определении октябрьской линии Центрального Комитета партии, бывшем одновременно и последним этапом в борьбе с выступившими против Октябрьской революции Зиновьевым и Каменевым. После 25—26 октября (7—8 ноября) Викжель начал свою соглашательскую канитель, пытаясь запутать в нее и нас, большевиков.

В № 2 «Бюллетеня ЦК (большевиков)» об этом моменте мы читаем следующее: «Всероссийский союз железнодорожников предъявил требование создать коалиционное социалистическое министерство; в случае отказа враждующих сторон выполнить это требование железнодорожники угрожают всеобщей забастовкой. Образована согласительная комиссия, в которую вошли представители ЦИК, ЦК всех партий, Комитет спасения революции, Союз железнодорожников, Союз почтово-телеграфных служащих». В этой «согласительной комиссии» шли бесконечные разговоры об образовании «социалистического правительства из всех советских партий», продолжавшиеся в течение 30—31 октября и 1 ноября.

Ильичу надоела эта пустяковая канитель, и он твердо решил поставить точку над всеми колебаниями. 2 (15) ноября ЦК принимает предложенную Лениным резолюцию, в которой он резко клеймит политику уступок «ультиматам и угрозам меньшинства Советов» и приглашает «всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства»¹. Но малoverы, оппортунисты и скептики не вняли голосу Центрального Комитета партии и продолжали попытки вести свою оппортунистическую, помогающую меньшевикам соглашательскую линию. Тогда Ленин 3 (16) ноября составил текст заявления в Центральный Комитет, где резко критиковалась политика соглашательства и бесконечных колебаний. Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета, знакомил их с текстом заявления и предлагал подписать его. Под заявлением подписалось большинство членов Центрального Комитета. На ближайшем заседании ЦК, если не ошибаюсь 4 (17) ноября, оно было оглашено.

Это заявление обвиняло представителей меньшинства в том, что они «вели и ведут политику, явно направленную против

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 45, 46. *Ред.*

основной линии нашей партии и деморализующую наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность».

Далее заявление обвиняет тогдашнюю оппозицию в том, что она «намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции». И, будучи глубоко уверенным в том, что партия единодушно поддержит свой Центральный Комитет, большинство членов Центрального Комитета в своем заявлении писало:

«...партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет и быть не может»¹.

В ответ на это оппозиция не нашла ничего лучшего, как снять с себя звание членов ЦК, и здесь Зиновьев и Каменев, подписавшие заявление о выходе из Центрального Комитета, уже после Октябрьского переворота проделали то же самое, что они сделали до Октября, выступив открыто перед лицом классового врага против решения Центрального Комитета нашей партии о вооруженном восстании от 10 (23) октября того же года.

В октябрьские дни Ленин твердой рукой вел массы к победе, и одновременно он прибегал к самым чрезвычайным мерам против оппортунистов и дезорганизаторов в интересах единства партии и победы революции.

Ленин в первые месяцы Советской власти. Сборник статей и воспоминаний, с. 44—46

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 47, 48. *Ред.*

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ У ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ

В 1917 году я работал на Путиловском заводе (ныне Кировском) в Петрограде и состоял в заводском отряде Красной гвардии.

Накануне Октябрьской революции командование Красной гвардии направило нашу путиловскую пулеметную дружину в Смольный. Там нам довелось быть свидетелями и участниками великих исторических событий.

У ворот Смольного и во дворе было уже много красногвардейцев и революционных солдат и матросов. Тут же приказали разгрузиться и нам и занять посты. Расставив и замаскировав пулеметы, мы пошли в здание Смольного и поместились на втором этаже в небольшой комнате, где уже находилось несколько красногвардейцев из других районов. Никакой мебели в этой комнате не было. Одиноко висел на стене телефон. Красногвардейцы из других районов, свободные от дежурства, устраивались на отдых кто как умел, на голом полу, держа винтовки в руках.

В Смольный в это время съезжались со всех концов делегаты II Всероссийского съезда Советов. Особой революционностью отличались делегаты съезда — солдаты, прибывшие с фронта. Все они проклинали войну и требовали мира. Никаких помещений для них подготовлено не было, и они располагались в комнатах вместе с нами, прямо на полу. Мы с ними делились продуктами, которые захватили из дому, показали, как пройти в столовую.

На второй день нам, кроме дежурства у пулеметов, поручили проверить пропуски в Смольный.

Накануне 25 октября (7 ноября) Смольный был полон людьми — делегатами съезда, красногвардейцами, революционными солдатами и матросами; он гудел, как огромный улей.

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) в Смольный прибыл Владимир Ильич Ленин. Он поместился на втором этаже, в

побольшой комнате. Нашей путиловской пулеметной боевой дружине оказали высокую честь: поручили охрану великого вождя революции.

Обстановка в это время в Смольном была очень напряженная. Большевики и эсеры распускали самые невероятные провокационные слухи, рассчитанные на деморализацию красногвардейцев и революционных солдат. Пытались запугать нас, уверяли, что Керенский для разгрома Смольного бросает 50 батальонов георгиевских кавалеров и 40 офицерских батальонов. Но красногвардейцы были не из пугливых. Нас закаляла в революционной борьбе партия большевиков, и мы были всегда готовы встретить вылазку буржуазии во всеоружии. Смольный ошетинился штыками, пулеметами и орудиями.

Днем 25 октября (7 ноября) в Актовом зале происходило заседание Петроградского Совета. Мы слышали гул голосов. Не зная, в чем дело, схватили винтовки и бросились в коридор. Но тревога была напрасной: это участники заседания восторженно приветствовали появившегося на трибуне Владимира Ильича Ленина.

Нам тоже удалось прослушать часть его речи о необходимости перехода всей власти в руки рабочих и крестьян — о власти Советов. Эту историческую речь Владимира Ильича нам прослушать до конца не пришлось, так как нас вызвали на боевые посты.

К 25 октября (7 ноября) съехались все делегаты II съезда Советов. Вскоре после открытия съезда в коридоре раздались крики, шум. Мы, находясь недалеко от зала заседаний, сразу же схватили свои винтовки и выбежали в коридор. Оказалось, что кучка меньшевиков и других приспешников буржуазии подняла шум на съезде, но, встретив дружный отпор делегатов, она вынуждена была отступить. Выкрикивая злобные ругательства, эти агенты контрреволюции покидали зал заседаний. А весь съезд провожал их возмущенными возгласами: «Вон отсюда! Долой предателей!»

В штаб Октябрьской революции непрерывно шли донесения: такой-то завод выслал на штурм Зимнего дворца столько-то вооруженных красногвардейцев; крейсер «Аврора» дал по Зимнему залу; Зимний взят; Временное правительство арестовано...

В эту историческую ночь в Смольном никто не спал. Только на заре он притих.

В 11 часов утра 26 октября (8 ноября) дежурный по караулу Смольного разбудил меня и сказал, что меня вызывает Владимир Ильич на доклад. Я никак верить не хотел этому, думал, что дежурный смеется надо мной. Но он заявил:

— Ведь ты вчера вечером и всю ночь держал связь с Нарвским районом, вот и иди, докладывай...

Когда я убедился, что дежурный не шутит, меня охватило несказанное волнение: сумею ли рассказать о том, что знал?

Думал, думал и придумал: вместо доклада сделаю рапорт — наизусть его выучу и отрапортую. И тут же начал зубрить. Когда мне показалось, что выучил, пошел к Ильичу. У дверей в комнату Ильича стояли наши красногвардейцы. Они знали о вызове и сразу же пропустили меня.

Когда я вошел в комнату, Ильич сидел за небольшим столом и что-то писал. Моего прихода он не заметил. Подойдя к его столу, я взял под козырек и слегка стукнул каблуком. Ильич, услышав этот стук, поднял голову и взглянул на меня. Я уже совсем приготовился произносить слова заученного мною рапорта, но Владимир Ильич, видя, что я стою навывтяжку, с рукой под козырек, быстро поднялся со стула и замахал обеими руками, произнося при этом:

— Что вы, что вы, бросьте! Садитесь и расскажите.

Когда Владимир Ильич усадил меня на стул против себя, весь мой заранее подготовленный рапорт вылетел из головы, я просто стал рассказывать Ильичу о том, что знал и видел, о настроении путиловских рабочих. Ленин слушал и продолжал что-то писать. Я замолк, подумав, что мешаю ему. Тогда Ильич поднял голову и сказал:

— Продолжайте, продолжайте, я слушаю вас.

Я рассказывал о настроениях рабочих, об их взглядах на Советскую власть. В. И. Ленин стал задавать мне вопросы. Помню такой вопрос: «А как женщины, довольны Советской властью?».

Позднее я узнал, что В. И. Ленин вызывал связных красногвардейцев и из других районов, расспрашивал их о настроениях рабочих, об их нуждах.

Этих событий мне никогда не забыть! Я всю жизнь буду помнить, как в первые дни Советской власти рассказывал в Смольном великому Ленину о жизни и настроениях рабочих Путиловского завода.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 1, с. 621—623

СМОЛЬНЫЙ В ВЕЛИКУЮ НОЧЬ

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех его комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет. Несколько девушек, совершенно измученные, тем не менее героически справляются с невероятным натиском приходящих за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или иным мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях; и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовой голос революции.

Заседание II съезда Советов началось в Белом зале Смольного вечером. Настроение собравшихся — праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то что идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносятся известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю — никакой паники, я говорю о большевиках и об огромном большинстве съезда, стоявшем на их точке зрения. Наоборот, объаты паникой злобные, смущенные, нервные правые «социалистические» элементы.

Когда заседание наконец открывается, настроение съезда выясняется вполне. Речи большевиков принимаются с бурным

восторгом. С горячим восхищением выслушиваются молодцы-матросы, явившиеся рассказать правду о боях, идущих вокруг Зимнего дворца, которые кончились, как известно, потерей нескольких человек убитыми с нашей стороны.

Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение о том, что Советская власть проникла наконец в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы! Между тем меньшевик поручик Кучин, игравший большую роль в армейской организации того времени, выйдя на трибуну, грозил нам немедленно привести в Петроград солдат своего фронта. Он читал резолюции против Советской власти от имени 1-й, 2-й, 3-й и так далее до 12-й, включая особую, армий и закончил прямыми угрозами по адресу осмелившегося пойти на «такую авантюру» Петрограда.

Это никого не пугает. Никого не пугает также заявление, что все крестьянское море развернется перед нами и поглотит нас.

Владимир Ильич чувствует себя, словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, о мире и о земле, которые когда-то делаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатухе Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснилось вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить.

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости приступали к поручаемому делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иных, конечно, — не только из зрителей, но и из участников переворота, — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Ленин с изумительным равновесием душевным вмастривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АДОРАТСКИЙ Владимир Викторович (1878—1945) — ученый-марксист, академик. В революционное движение вступил в 1900 г. Член Коммунистической партии с 1904 г. В 1905 г. был арестован и выслан в Астраханскую губернию. В 1906—1908 гг. и с 1911 по 1917 г. находился за границей, где неоднократно выполнял поручения В. И. Ленина. После Октябрьской революции — заместитель заведующего Центральным архивным управлением, заместитель директора Института Ленина, директор Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), директор Института философии Академии наук СССР. В последние годы своей жизни — главный редактор ИМЭЛ. Автор ряда научных работ по вопросам истории марксизма; под его редакцией вышло 15 томов первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Принимал деятельное участие в подготовке и в издании Сочинений В. И. Ленина.

АЛЕКСЕЕВ Николай Александрович (1873—1972) — активный участник революционного движения, член Коммунистической партии. Весной 1897 г. вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В начале 1898 г. был арестован и выслан на 4 года в Вятскую губернию (г. Слободск), откуда в 1899 г. бежал за границу. С 1900 по 1905 г. жил в Лондоне, был членом «Союза русских социал-демократов за границей», затем — «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». После II съезда РСДРП — представитель большевиков в Лондоне. После Октябрьской социалистической революции работал в советских и партийных органах. В последние годы жизни — персональный пенсионер.

АЛЛИЛУЕВ Сергей Яковлевич (1866—1945) — рабочий-революционер, член Коммунистической партии с 1896 г. Вел активную революционную и партийную работу в Закавказье, Москве и Петербурге. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В июле 1917 г. в его квартире в Петрограде скрывался В. И. Ленин. В первые месяцы Советской власти участвовал в создании и налаживании работы ряда промышленных предприятий. В годы гражданской войны вел подпольную партийную работу на Украине и в Крыму. В последующее время находился на хозяйственной работе в Москве и Ленинграде.

АНДРЕЕВА Мария Федоровна (1868—1953) — известная русская актриса, общественная деятельница, жена и помощник А. М. Горького, член

Коммунистической партии с 1904 г., участница революции 1905 г. Выполняла ряд партийных поручений, получая их непосредственно от В. И. Ленина. Оказывала финансовую поддержку партии. По возвращении в 1912 г. нелегально в Россию была арестована, находилась под судом, затем под негласным надзором полиции. После Октябрьской социалистической революции активно участвовала в общественной жизни страны. В 1931—1948 гг. была директором московского Дома ученых.

АФАНАСЬЕВ Александр Михайлович (1869—1953) — бывший рабочий Сестрорецкого оружейного завода, член Коммунистической партии с 1905 г. Активный участник первой русской революции, в 1905 г. был членом Сестрорецкого комитета РСДРП, состоял в боевой дружке, участвовал в демонстрациях и забастовках в Петербурге и Сестрорецке. С 1907 по 1911 г. находился на нелегальном положении. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Октябрьской социалистической революции был на ответственной партийной и советской работе. В последние годы жизни — персональный пенсионер.

БАБУШКИН Иван Васильевич (1873—1906) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. Работая слесарем на Семяниновском заводе в Петербурге, он был в числе передовых, революционно настроенных рабочих. В 1894 г. занимался в рабочем марксистском кружке, которым руководил В. И. Ленин. В 1895 г. — активный член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Позже принимал деятельное участие в организации марксистской газеты «Искра», один из ее агентов и корреспондентов. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылке. В 1905 г. входил в состав Иркутского и Читинского комитетов РСДРП и руководил там подготовкой вооруженного восстания. В январе 1906 г. без суда и следствия был расстрелян царской карательной экспедицией на станции Слюдянка, когда с группой товарищей вез из Читы оружие для иркутских рабочих. О гибели И. В. Бабушкина стало известно лишь в 1910 г. В. И. Ленин высоко ценил Бабушкина, он назвал его «народным героем», «гордостью партии». Книга «Воспоминания» была написана И. В. Бабушкиным в 1902 г. в Лондоне.

БАГОЦКИЙ Сергей Юстипович (1879—1953) — активный участник революционного движения, по профессии врач. В 1900—1904 гг. участвовал в студенческом и рабочем движении в Петербурге и Киеве, неоднократно подвергался репрессиям. В 1910 г. вступил в СДКПНЛ. В 1912—1917 гг. в Кракове и Поронине, затем в Швейцарии выполнял ряд поручений В. И. Ленина. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 гг. — представитель советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. С 1937 г. работал консультантом в исполкоме Красного Креста в Москве. В 1950—1951 гг. — старший научный редактор медицинского отдела Большой Советской Энциклопедии.

БАДАЕВ Алексей Егорович (1883—1951) — рабочий, активный участник революционного движения, член Коммунистической партии с 1904 г. Депутат IV Государственной думы от рабочих Петербургской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. В ноябре 1914 г. за революционную деятельность, направленную против империалистической войны, Бадаев вместе с другими депутатами-большевиками был арестован и в 1915 г. сослан на поселение в Туруханский край. После Октябрьской со-

пацилистической революции — на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе.

БЕЛОСТОЦКИЙ Иван Степанович (1882—1968) — член Коммунистической партии с 1904 г. За революционную работу неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах. В 1911 г. был направлен на учебу в организованную В. И. Лениным партийную школу в Лопжюмо под Парижем. Активный участник Октябрьской социалистической революции, член Лысьвенского Совета. В 1919—1929 гг. — заведующий Екатеринбургским, а затем Уральским областным отделом здравоохранения. В 1930—1934 гг. работал на строительстве Челябинского тракторного завода, а затем на руководящей хозяйственной работе.

БОБРОВСКАЯ (ЗЕЛИКСОН) Цецилия Самойловна (1876—1960) — профессиональный революционер, один из старейших деятелей Коммунистической партии, членом которой она состояла с 1898 г. Была агентом «Искры», вела партийную подпольную работу в Твери, Тифлисе, Баку, Москве, Костроме и в других городах; неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. Участница революционных событий 1905 и 1917 гг. в Москве. После Октябрьской социалистической революции вела большую партийную и литературную работу в Москве и Ленинграде; была одним из руководящих работников Истпарта. В 1928—1940 гг. работала в Коминтерне; с 1940 г. — в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

БУБНОВ Андрей Сергеевич (1883—1940) — видный партийный и государственный деятель; член Коммунистической партии с 1903 г.; партийную работу вел в Иваново-Вознесенске, Москве, Петербурге и в других городах; подвергался репрессиям царского правительства. Принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции, входил в Петроградский военно-революционный комитет и Военно-революционный центр по руководству вооруженным восстанием, созданный ЦК партии. С 1918 г. был на ответственной партийной, советской и военной работе. Входил в антипартийную группу «левых коммунистов». Был членом Советского правительства Украины и ЦК КП(б)У, членом реввоенсоветов Украинского фронта, Северо-Кавказского военного округа. В 1920—1921 гг. входил в оппортунистическую группу «демократического централизма». В 1923 г. подписал троцкистское заявление 46-ти; потом принял участие в борьбе против троцкизма. С 1924 г. — начальник Политического управления РККА и член Реввоенсовета СССР, в 1925 г. — секретарь ЦК РКП(б). С 1929 по 1937 г. — парком просвещения РСФСР. Неоднократно избирался членом и кандидатом в члены ЦК партии.

ВАСИЛЬЕВ Василий Васильевич (род. в 1900 г.) — рабочий, член КПСС с 1932 г. С 1914 по 1916 г. работал на Путиловском заводе и был уволен за участие в забастовке. После Февральской революции 1917 г. снова поступил на завод, был организатором Союза молодежи Нарвско-Петергофского района. Во время Октябрьской социалистической революции участвовал в штурме Зимнего. С декабря 1917 г. — на Южном фронте. В 1918 г. вернулся на завод. Весной 1919 г. добровольцем вступил в Красную Армию, был контужен и вновь вернулся на завод.

ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН Михаил Иванович (1876—1937) — активный деятель революционного подполья, член Коммунистической партии с 1898 г. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам и стал профессиональ-

ным революционером. В 1905 г. эмигрировал за границу, в Женеву, где встретился с В. И. Лениным. Сотрудничал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий». Активный участник революции 1905—1907 гг. Летом 1905 г. по поручению ЦК был направлен в Одессу для связи с экипажем восставшего броненосца «Потемкин». Позже — член МК РСДРП, один из организаторов и руководителей Московского Совета и Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. Неоднократно подвергался репрессиям. В 1917 г. был одним из руководителей вооруженного восстания в Саратове, председатель Саратовского комитета РСДРП(б). С 1919 г. — на ответственной партийной и государственной работе.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881—1969) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии с 1903 г., партийную работу вел в Луганске, Петербурге, Баку, Царицыне. В 1917 г. — председатель Луганского Совета рабочих депутатов. Активный участник Октябрьской революции. В 1918—1919 гг. — командующий Царицынским фронтом, зам. командующего и член Военного совета Южного фронта, командующий 10-й армией. В декабре 1918 г. — нарком внутренних дел Украины, затем командующий войсками Харьковского военного округа, командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. На VIII съезде РКП(б) примыкал к «военной оппозиции». В 1919—1921 гг. — член РВС и один из организаторов 1-й Конной армии. В 1921—1925 гг. — командующий Северо-Кавказским военным округом, а затем — Московским военным округом. С 1925 г. — нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. В 1934—1940 гг. — нарком обороны СССР. С 1940 г. — зам. Председателя Совнаркома СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. С 1946 г. — зам. председателя Совета Министров СССР. С 1953 до мая 1960 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1921 по октябрь 1961 г. — член ЦК партии, в 1926—1952 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б), а затем Президиума ЦК КПСС; был членом Президиума Верховного Совета СССР.

ГАНЕЦКИЙ (ФЮРСТЕНБЕРГ) Яков Станиславович (1879—1937) — видный деятель польского и русского революционного движения, член Коммунистической партии с 1896 г. Участник ряда съездов Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, а также II, IV и V съездов РСДРП. На V съезде РСДРП был избран членом ЦК партии. Во время мировой империалистической войны стоял на интернационалистских позициях. Вел активную переписку с В. И. Лениным по вопросам партийной работы. В 1917 г. — член Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). После Октябрьской социалистической революции — на ответственной советской работе. С 1935 г. — директор Государственного Музея революции СССР.

ГАНШИН Алексей Александрович (1869—1940) — инженер-технолог, один из зачинателей социал-демократического движения в Москве, входил в первую московскую социал-демократическую организацию «Центральный рабочий союз». Участвовал в издании нелегальной литературы. Им были напечатаны на гектографе первая и вторая (не полностью) части книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В связи с провалом «Центрального рабочего союза» в июне 1895 г. был арестован и выслан на 3 года в Вятскую губернию. После Октябрьской социалистической революции был на хозяйственной работе.

ГОЛУБЕВА Мария Петровна (1861—1936) — участница революционного движения с 80-х гг., вначале придерживалась народнических взглядов. В 1891 г. была выслана под гласный надзор полиции в Самару, где познакомилась с В. И. Лениным. Член Коммунистической партии с 1901 г. После II съезда партии — большевик. После Октябрьской социалистической революции работала в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, в Наркомюсте, в Петроградской ЧК, в 1920—1928 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б).

ГОПНЕР Серафима Ильичична (1880—1966) — член Коммунистической партии с 1903 г.; вела революционную работу в Одессе, Екатеринославе, Николаеве. Активный участник трех революций; неоднократно подвергалась арестам. С 1910 по 1916 г. находилась в эмиграции, входила в парижскую секцию большевиков, работала под непосредственным руководством В. И. Ленина. После Февральской революции вела ответственную партийную работу, участник VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. В 1918—1929 гг. — на партийной и советской работе на Украине и в Москве. В 1928—1938 гг. — член ЦК КП(б)У. В 1929—1938 гг. — на работе в секретариате Коминтерна. Делегат всех конгрессов Коминтерна, кандидат в члены ИККИ. В последние годы жизни — старший научный сотрудник и член Ученого совета Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ГОРЬКИЙ Алексей Максимович (ПЕШКОВ А. М.) (1868—1936) — великий пролетарский писатель, основоположник социалистического реализма, родоначальник советской литературы.

ДАУГЕ Павел Георгиевич (1869—1946) — один из основателей Латвийской социал-демократической рабочей партии, историк, публицист, доктор медицины. В революционном движении принимал участие с конца 80-х гг., после II съезда РСДРП — большевик. В 1905—1907 гг. — член лекторской группы МК РСДРП. В 1907—1912 гг. занимался издательской деятельностью; издательство Дауге выпустило в свет на русском языке «Письма И. Ф. Беккера, И. Дидгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» с предисловием В. И. Ленина. После Октябрьской социалистической революции — нарком просвещения Латвии (1917—1918), член коллегии Наркомздрава (1918—1931), в 1945—1946 гг. работал в Институте истории партии при ЦК КП Латвии.

ЕМЕЛЬЯНОВ Николай Александрович (1871—1958) — член Коммунистической партии с 1904 г.; рабочий, активный участник революционного движения. В 1905 г., работая на Сестрорецком оружейном заводе, организовал заводскую боевую дружину, участвовал в транспортировке литературы из Финляндии. Осенью 1905 г. познакомился с В. И. Лениным. В декабре 1905 г. был арестован и сослан в Новгород на пять лет. После Февральской революции — депутат Петроградского Совета. В июле — августе 1917 г. у него в Разливе скрывался В. И. Ленин. Активный участник Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. — на военной работе. В 1919 г. был избран председателем исполкома Сестрорецкого Совета. В 1921 г. участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. В последующие годы находился на хозяйственной работе.

ЕРЕМЕЕВ Иван Федорович (род. в 1895 г.) — в революционном движении вступил в 1914 г. в Красноярске, будучи рабочим-молодогойцем.

С 1916 г. — в царской армии, участвовал в революционных выступлениях солдат. В дни Февральской революции вместе с другими солдатами маршевой роты 2-го пулеметного полка выступил на помощь рабочим Петрограда. После Февральской революции работал на Путиловском заводе, где вступил в Красную гвардию. В июне 1917 г. вступил в члены Коммунистической партии. Организовал пулеметную дружину рабочих Путиловского завода, которая охраняла Смольный. С 1918 по 1953 г. — на военной и хозяйственной работе, участник Великой Отечественной войны. С 1953 г. — персональный пенсионер.

ЗЕМЛЯЧКА Розалия Самойловна (1876—1947) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционное движение вступила в 1893 г., по возвращении в 1896 г. из-за границы входила в Киевский комитет РСДРП. С 1901 г. — агент «Искры», вела работу в Одессе и Екатеринославе. На II съезде РСДРП — искровец большинства. После съезда была кооптирована в ЦК от большевиков, активно участвовала в борьбе с меньшевиками. В августе 1904 г. принимала участие в совещании 22 большевиков в Женеве, была избрана в Бюро комитетов большинства. Работала секретарем петербургской партийной организации и была ее делегатом на III съезде партии. В Октябре 1917 г. принимала участие в руководстве вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района г. Москвы. После Октябрьской социалистической революции находилась на ответственной партийной и советской работе.

КАРПИНСКИЙ Вячеслав Алексеевич (1880—1965) — один из старейших деятелей Коммунистической партии Советского Союза, видный партийный литератор-пропагандист. Член Коммунистической партии с 1898 г., неоднократно подвергался арестам. В 1904 г. эмигрировал за границу, в Женеву, где познакомился с В. И. Лениным. С тех пор непрерывно работал в зарубежных организациях партии, участвовал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», заведовал библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве. В 1914—1917 гг. сотрудничал в Центральном органе партии — газете «Социал-демократ», вел работу по изданию и распространению большевистской литературы. В декабре 1917 г. вернулся в Россию; был на ответственной советской и партийной работе. Доктор экономических наук.

КНЯЗЕВ Владимир Александрович (1871—1925) — член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», портовый рабочий Петербурга. С 1894 г. вместе с другими передовыми рабочими под руководством В. И. Ленина участвовал в организации рабочих кружков. На его квартире проходили занятия кружка, которым руководил В. И. Ленин. В 1896 г. был арестован и выслан на 3 года в Вятскую губернию. Впоследствии отошел от политической деятельности.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952) — профессиональный революционер, в социал-демократическом движении с 90-х гг.; участвовала в первой русской революции. В 1906—1915 гг. примыкала к меньшевикам; член Коммунистической партии с 1915 г. С начала мировой империалистической войны заняла революционно-интернационалистскую позицию. Находилась в Скандинавских странах, а затем в США, выполняла поручения В. И. Ленина по сплочению левых интернационалистских элементов социал-демократии. После Февральской революции 1917 г. вернулась в Россию, была членом исполкома Петроградского Совета, ве-

ла работу среди матросов и солдат; подвергалась репрессиям Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции находилась на ответственной государственной, партийной и дипломатической работе. Во время дискуссии о профсоюзах (1920—1921) — активный участник антипартийной группы «рабочая оппозиция».

КРЖИЖАНОВСКИЙ Глеб Максимилианович (1872—1959) — старейший деятель Коммунистической партии, соратник В. И. Ленина; известный советский ученый, инженер-энергетик. В революционное движение вступил в 1893 г.; вместе с В. И. Лениным был одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 г. был арестован и сослан на 3 года в Сибирь (Минусинский округ). После возвращения из ссылки в 1901 г. поселился в Самаре, где при его ближайшем участии был организован искровский центр. Осенью 1902 г. Кржижановский вошел в состав Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП; на съезде он заочно избирается в состав ЦК. Деятельное участие принимал в революции 1905—1907 гг. После победы Октябрьской социалистической революции работал над восстановлением и развитием энергетического хозяйства Москвы. В 1920 г. по поручению Ленина Кржижановский возглавлял Комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 гг. руководил Госпланом, с 1929 по 1939 г. — вице-президент Академии наук СССР, бессменный директор созданного им Энергетического института Академии наук СССР, автор ряда научных трудов в области энергетики.

КУЧКИН Андрей Павлович (1888—1973) — член Коммунистической партии с 1912 г., активный участник революционного движения на Урале, в 1914—1915 гг. вел подпольную революционную работу в армии, был арестован и сослан в Вятку. После Февральской революции — один из организаторов Совета рабочих и солдатских депутатов и большевистской организации в Вятке; был делегатом I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, входил в большевистскую фракцию съезда. После Октябрьской социалистической революции — на советской и партийной работе в Казани и Уфе и политработник в двух армиях Восточного фронта. Делегат X и XI съездов РКП(б). В 1934—1940 гг. — на руководящей работе в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и в Институте истории Академии наук. Доктор исторических наук, автор ряда работ по истории партии, Октябрьской революции и гражданской войны.

ЛЕНГНИК Фридрих Вильгельмович (1873—1936) — профессиональный революционер, большевик. В социал-демократическом движении принимал участие с 1893 г.; в 1896 г. был арестован по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1898 г. сослан на 3 года в Восточную Сибирь. В конце августа — начале сентября 1899 г. вместе с шестнадцатью другими социал-демократами подписал написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Средо» «экономистов». Вернувшись из ссылки, вошел в организацию «Искры»; был членом ОК по созыву II съезда РСДРП. На съезде заочно был избран в ЦК и Совет партии. В 1903—1904 гг. активно участвовал в борьбе с меньшевиками за границы. В феврале 1904 г. вернулся в Россию, но вскоре был арестован по делу Северного бюро ЦК партии. После Октябрьской социалистической революции — на ответственной работе в ВСНХ, РКИ и Наркомвнешторге.

ЛЕПЕШИНСКИЙ Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — видный деятель Коммунистической партии. К социал-демократическому движе-

нию примкнул в начале 90-х гг. В 1890 г. за участие в студенческом движении был арестован и выслан из Петербурга. В 1895 г. снова арестован и в 1897 г. сослан в Сибирь. В ссылке Лепешинский познакомился и сблизился с В. И. Лениным, стал одним из его близких друзей и учеников. По окончании ссылки (1900) поселился в Пскове, принимал деятельное участие в организации распространения «Искры». В 1902 г. был арестован и опять сослан в Сибирь. В 1903 г. бежал за границу, в Швейцарию, где под руководством Ленина принимал участие в подготовке III съезда РСДРП. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. После победы Октябрьской социалистической революции Лепешинский работал в Наркомпросе, был одним из организаторов Истпарта, затем директором Исторического музея и Музея революции.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) — профессиональный революционер, видный советский государственный деятель. В революционное движение вступил в начале 90-х гг. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», а затем «Новая жизнь». В годы реакции отходил от марксизма, участвовал в антипартийной группе «Вперед», выступал с требованием соединения марксизма с религией. Во время мировой империалистической войны стоял на позициях интернационализма. По возвращении в Россию в 1917 г. Луначарский вступил в группу межрайонцев, в составе которой на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции до 1929 г. — нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. С 1930 г. — академик. В августе 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании. Публицист, драматург, автор ряда работ по вопросам искусства и литературы.

ЛЮДВИНСКАЯ Татьяна Федоровна (1887—1976) — активный участник революционного движения, член Коммунистической партии с 1903 г., бывшая работница-трикотажница. В 1905 г. была членом Одесского комитета РСДРП. Неоднократно подвергалась репрессиям. В 1907—1910 гг. вела партийную и профсоюзную работу в Петербурге. В мае 1911 г. эмигрировала за границу, была членом комитета и секретарем парижской секции большевиков. После Февральской революции — на руководящей партийной работе в Богородске (ныне Ногинск) и Москве. В Октябрьские дни 1917 г. — член Военно-революционного комитета Сузевско-Марьинского района в Москве, один из организаторов Красной гвардии. После Октябрьской социалистической революции была на ответственной партийной работе в Москве и Ярославле. Делегат VIII, X и XIV съездов партии. В последние годы жизни — персональный пенсионер.

МЕЩЕРЯКОВ Николай Леонидович (1865—1942) — социал-демократ, искровец, после II съезда РСДРП — большевик. В революционном движении — с 1885 г. В 1901 г. вступил в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». В 1902 г. работал в Москве представителем «Искры», но вскоре был арестован и выслан на 4 года в Якутскую область; из ссылки освобожден революцией 1905—1907 гг. После Октябрьской социалистической революции вел редакторскую работу в ряде партийных и советских органов печати. С 1927 по 1938 г. — главный редактор Малой Советской Энциклопедии и заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии.

МИЦКЕВИЧ Сергей Иванович (1869—1944) — член партии с 1893 г.; по профессии врач. Один из организаторов Московского рабочего союза.

В 1894 г. был арестован и в 1897 г. сослан в Якутскую область. После возвращения из ссылки вел подпольную партийную работу в Твери, Москве, Илжнем Новгороде, Саратове. Сотрудничал в большевистских газетах. Активный участник трех революций в России. В годы гражданской войны работал в санитарных частях ряда фронтов. С 1921 г.— на профсоюзной работе. В 1924—1934 гг. был директором Государственного Музея революции. Позднее занимался литературной деятельностью.

ОЛЬМИНСКИЙ Михаил Степанович (1863—1933) — один из старейших деятелей революционного движения в России; профессиональный революционер, литератор. В революционное движение вступил в начале 80-х гг., примыкал к народничеству. В 1898 г. вступил в РСДРП, с 1903 г.— большевик. Был членом редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В 1911—1914 гг. принимал ближайшее участие в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». После Февральской революции работал в МК партии, был членом редакции газеты «Социал-демократ». Активный участник Октябрьской социалистической революции. Позднее заведовал испартоотделом ЦК РКП(б), был редактором журнала «Пролетарская революция», членом дирекции Института В. И. Ленина.

ОНУФРИЕВ Евгений Петрович (1884—1967) — член Коммунистической партии с 1904 г. Организовал большевистскую группу на Обуховском заводе. Был членом Невского районного и Петербургского комитетов РСДРП. В 1905 г. участвовал в создании боевых дружин Обуховского подрайона. Делегат VI (Пражской) партийной конференции. Подвергался арестам и тюремным заключениям, был в ссылке. После Февральской революции 1917 г.— один из организаторов Красной гвардии в Обуховском подрайоне. В 1918 г. работал в Петроградской чрезвычайной комиссии следователем по политическим делам, затем на партийной и хозяйственной работе.

ОРДЖОНИКИДЗЕ Григорий Константинович (1886—1937) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии с 1903 г., большевик. Революционную работу вел в Западной Грузии, Абхазии, Баку. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке. В 1912 г. на VI (Пражской) партийной конференции был избран членом ЦК РСДРП. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. работал по организации революционной власти в Якутии. В июне 1917 г.— член исполнительного комиссии Петербургского комитета РСДРП(б). Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После Октябрьской социалистической революции — чрезвычайный комиссар Украины, а затем Юга России. В годы гражданской войны — член Реввоенсовета 16-й и 14-й армий и Кавказского фронта. В 1920—1921 гг.— один из организаторов борьбы за Советскую власть в Азербайджане, Армении и Грузии. В 1921—1926 гг.— председатель Кавказского бюро ЦК, а затем секретарь Закавказского краевого комитета партии, одновременно — член Реввоенсовета СССР. С 1926 г.— председатель ЦКК ВКП(б) и народный комиссар РКИ СССР. С 1930 г.— председатель ВСНХ СССР, а с 1932 г.— нарком тяжелой промышленности СССР. С 1927 г.— член ЦК партии, с 1926 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с 1930 г.— член Политбюро ЦК ВКП(б).

ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович (1878—1958) — один из старейших участников революционного движения в России. Член партии с

1897 г., большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. В ноябре 1914 г. был арестован вместе с другими депутатами-большевиками и сослан в 1915 г. на поселение в Туруханский край. Будучи в ссылке, продолжал революционную работу. После Октябрьской социалистической революции — на ответственной партийной и государственной работе.

ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич (1880—1948) — видный деятель революционного движения в России, один из организаторов Красной Армии, член Коммунистической партии с 1901 г. Вел подпольную революционную работу на Украине, в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, Баку, Петербурге и в других городах. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. В 1912—1914 гг. участвовал в работе большевистских газет «Звезда» и «Правда». В период от Февраля до Октября 1917 г. — член Петербургского комитета РСДРП(б) и Петроградского Совета, один из руководителей Военной организации при Петербургском комитете и ЦК партии, редактор «Солдатской правды». Делегат VI съезда партии. В Октябрьские дни — председатель Петроградского военно-революционного комитета. В период гражданской войны и иностранной военной интервенции — на ответственной военной работе. На XIII, XIV и XV съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б). Последние годы жизни — персональный пенсионер, вел пропагандистскую и литературную работу.

ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич (1868—1932) — член Коммунистической партии с 1905 г., большевик, видный историк. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг., был членом Московского комитета партии. На V (Лондонском) съезде РСДРП избран кандидатом в члены ЦК. С 1908 по 1917 г. жил в эмиграции. В годы реакции примыкал к отзовистам и ультиматистам, а затем — к антипартийной группе «Вперед», с которой порвал в 1911 г. В годы мировой империалистической войны стоял на интернационалистских позициях. В 1917 г. принимал участие в вооруженном восстании в Москве, был членом Замоскворецкого революционного штаба. После Октябрьской социалистической революции — на ответственной государственной и научной работе. С 1929 г. — академик.

РАХЬЯ Эйно Абрамович (1885—1936) — член партии с 1903 г. В 1905—1907 гг. работал в Петербурге на Финляндской железной дороге; принимал активное участие в революционном движении. В 1908—1910 гг. — секретарь, а затем председатель русского отделения Социал-демократической партии Финляндии. В 1911—1917 гг. работал на заводе Серебрякова, за Невской заставой. После июльских дней 1917 г. принимал активное участие в конспиративной переправе В. И. Ленина в Финляндию и затем, в октябре, обратно в Россию. В 1918 г. командовал отрядами Красной гвардии во время пролетарской революции в Финляндии. В 1919 г. — командир воинских соединений на Северо-Западном фронте.

РОВИО Густав Семенович (1887—1938) — член партии с 1905 г.; по профессии токарь. За участие в революционном движении в 1907 и 1910 гг. арестовывался и высылался сначала в Вологду, а затем в Тверь, но оба раза из ссылки бежал. С конца 1910 г. жил и работал в Финляндии. Был членом Социал-демократической партии Финляндии; с 1913 по 1915 г. — секретарь ЦК Союза социал-демократической молодежи Финляндии. В апреле 1917 г. в связи с революционными событиями был

выдвигнут рабочими организациями на должность начальника милиции Гельсингфорса. В августе — сентябре 1917 г. в его квартире жил В. И. Ленин, скрываясь от преследований буржуазного Временного правительства. Ровио был одним из активных участников рабочей революции 1918 г. в Финляндии. Позднее находился на ответственной партийной работе в СССР.

САМОЙЛОВ Федор Никитич (1882—1952) — большевик, по профессии рабочий-текстильщик. Член Коммунистической партии с 1903 г. Партийную работу вел в Иваново-Вознесенске. Депутат IV Государственной думы от рабочих Владимирской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. В 1914 г. находился на лечении в Швейцарии, по возвращении в Петроград привез тезисы В. И. Ленина о войне. В ноябре 1914 г. за революционную деятельность, направленную против империалистической войны, вместе с другими депутатами-большевиками был арестован и в 1915 г. сослан на поселение в Туруханский край. После Февральской революции возвратился в Иваново-Вознесенск. После Октябрьской социалистической революции был на ответственной партийной и советской работе.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874—1949) — член Коммунистической партии с 1893 г., большевик, по профессии врач. В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде, был арестован, после освобождения эмигрировал за границу; работал в парижской секции РСДРП; являлся секретарем и казначеем Заграничного бюро ЦК РСДРП. Принимал участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. В 1918—1930 гг. — народный комиссар здравоохранения РСФСР. Действительный член Академии медицинских наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. В 1947—1949 гг. — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР.

СИЛЬВИН Михаил Александрович (1874—1955) — социал-демократ, в революционном движении принимал участие с 1891 г.: входил в центральную группу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестован и в 1898 г. сослан в Восточную Сибирь на 3 года. Все эти годы поддерживал регулярную связь с Лениным. В конце августа — начале сентября 1899 г. Сильвин вместе с шестнадцатью другими социал-демократами подписал составленный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Средо» «экономистов». Был агентом «Искры»; в 1902 г. арестован и сослан в Иркутскую губернию, из ссылки бежал за границу. В 1904 г. кооптирован в ЦК РСДРП, в конце 1904 г. перешел к меньшевикам, но вскоре вернулся к большевикам и сотрудничал в ряде большевистских газет. В 1908 г. от политической деятельности отошел и из партии выбыл. После Октябрьской социалистической революции работал в Наркомпросе РСФСР, а затем в торгпредстве, с 1931 г. — на педагогической работе.

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — один из видных деятелей российского и международного революционного рабочего движения, Коммунистической партии и Советского государства. В РСДРП вступил в 1898 г.; после II съезда партии — большевик. Вел партийную работу в Тифлисе, Батуме, Баку, Петербурге. В январе 1912 г. был введен в состав ЦК, избранного на VI (Пражской) конференции РСДРП; принимал участие в редактировании большевистской газеты

«Правда». В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции входил в созданный Центральным Комитетом партии Военно-революционный центр по подготовке восстания. На II Всероссийском съезде Советов был избран в Совет Народных Комиссаров, где возглавил Народный комиссариат по делам национальностей. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны состоял членом Реввоенсовета республики и находился на ряде фронтов. В 1922 г. был избран Генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Сталин сыграл крупную роль в осуществлении ленинского плана индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства, в борьбе за построение социализма, за независимость Советской страны, за укрепление мира; ему принадлежит большая заслуга в идейной борьбе с врагами ленинизма — троцкистами, правыми оппортунистами и буржуазными националистами. С 1941 г. Сталин — Председатель Совета Народных Комиссаров, а затем Совета Министров СССР. В годы Великой Отечественной войны (1941—1945) возглавил Государственный Комитет Обороны, был также наркомом обороны и Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

Находясь на важнейших партийных и государственных постах, Сталин допустил грубые нарушения ленинских принципов коллективного руководства и норм партийной жизни, нарушение социалистической законности, необоснованные массовые репрессии против видных государственных, политических и военных деятелей Советского Союза и других честных советских людей.

Партия решительно осудила чуждый марксизму-ленинизму культ личности Сталина и покончила с его последствиями, одобрила работу ЦК по восстановлению и развитию ленинских принципов руководства и норм партийной жизни во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, приняла меры для предотвращения подобных ошибок и извращений в будущем.

СТАСОВА Елена Дмитриевна (1873—1966) — старейший деятель революционного движения. Член Коммунистической партии с 1898 г. До 1905 г. вела подпольную революционную работу в Петербурге, Киеве, Минске, Орле, Смоленске, Вильно и Москве; была секретарем Петербургского комитета партии, секретарем Северного бюро ЦК. За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке в Сибирь. С февраля 1917 до марта 1920 г. — секретарь ЦК партии. В 1920—1921 гг. находилась на ответственной партийной работе в Петрограде, а затем в Баку. В 1921—1938 гг. работала в Комитетне, МОПР и ЦКК; участвовала (1934) в создании Всемирного антивоенного и антифашистского женского комитета. С 1938 по 1946 г. — редактор журнала «Интернациональная литература». С 1946 г. — персональный пенсионер, вела большую общественно-политическую работу.

ФОТИЕВА Лидия Александровна (1881—1975) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1904—1905 гг. работала в русской большевистской группе за границей; помогала Н. К. Крупской в ведении переписки с подпольными организациями в России. Участница первой русской революции 1905—1907 гг. и Октябрьской социалистической революции. С 1918 г. — секретарь Совпаркома и СТО и одновременно секретарь В. И. Ленина. В 1933—1936 гг. работала в системе Главдзержо Наркомтяжпрома. С 1939 по 1956 г. — научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина, позднее — персональный пенсионер.

ФОФАНОВА Маргарита Васильевна (1883—1976) — член Коммунистической партии с апреля 1917 г., участница революционного движения

с 1902 г. В 1903 г. была арестована и отбывала тюремное заключение. С конца 1904 г. вела революционную работу в Архангельске, Симферополе, Уфе, Петербурге и в других городах. После Февральской революции — депутат Петроградского Совета, выполняла поручения Выборгского райкома партии. В ее квартире на Выборгской стороне скрывался во время своего последнего подполья В. И. Ленин. После Октябрьской социалистической революции была на советской, а затем на хозяйственной работе. С 1933 г. — персональный пенсионер.

ХАРИТОНОВА Раиса Борисовна (1886—1968) — член Коммунистической партии с 1905 г. Участница революции 1905 г. в Николаеве. В августе 1906 г. была арестована, в 1907 г. эмигрировала за границу (Германия, Швейцария), работала швейей на фабриках, активно участвовала в рабочем движении, была членом цюрихской секции большевиков. В январе 1918 г. вернулась в Петроград и до 1926 г. работала в органах народного образования, была членом Петроградского, а затем Свердловского и Саратовского горсоветов. В последующие годы, вплоть до 1950 г., работала по народному образованию и на преподавательской работе. Автор ряда работ и статей по школьным вопросам.

ЦХАКАЯ Михаил Григорьевич (1865—1950) — в революционное движение вступил в 1880 г. Член Коммунистической партии с 1898 г., партийную работу вел на Кавказе, в Харькове и Екатеринославе. Был одним из руководителей Кавказского союзного комитета РСДРП, делегат III съезда партии. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг.; неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. С 1907 по март 1917 г. находился в эмиграции, активно участвовал в работе женецкой секции РСДРП. В 1917—1920 гг. — член Тифлисского комитета партии. После победы Советской власти в Грузии в 1921 г. — на руководящей советской и партийной работе.

ШЕЛГУНОВ Василий Андреевич (1867—1939) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. В революционное движение вступил в 1886 г.; с 1892 г. вел пропаганду марксизма в рабочих кружках Петербурга; являлся одним из организаторов и деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого был арестован и сослан. После ссылки работал в Екатеринославе, Баку, Тифлисе и Петрограде. В 1910 г. участвовал в создании газеты «Звезда», а позднее — газеты «Правда». Неоднократно подвергался арестам и ссылкам, в результате чего лишился зрения. После Октябрьской социалистической революции жил в Москве, принимал участие в работе московской партийной организации.

ШОТМАН Александр Васильевич (1880—1937) — профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1899 г. Активно участвовал в революции 1905—1907 гг. в Петербурге и Одессе. В 1911—1912 гг. входил в состав Гельсингфорского комитета Социал-демократической партии Финляндии. На совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Порошине (1913) был введен в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. В ноябре 1913 г. арестован в Екатеринославе и сослан в Нарымский край. В Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. принимал участие в Томске, с июня 1917 г. — член Петроградского окружного комитета партии; в августе того же года по заданию ЦК партии организовал переезд В. И. Ленина из Разлива в Финляндию. Принимал активное участие в Октябрьской социа-

листической революции. В 1923—1924 гг. — председатель ЦИК Карельской АССР, в 1926—1937 гг. работал в ВСНХ и уполномоченным Президиума ВЦИК. На XIII, XIV, XV и XVI съездах партии избирался в члены ЦКК.

ЭССЕН Мария Моисеевна (1872—1956) — социал-демократ, искровец, после II съезда РСДРП — большевик. К революционному движению примкнула в начале 90-х гг., работала в рабочих кружках Екатеринослава, Екатеринбургa, Киева; в 1902 г. работала в Петербургском комитете; в конце 1903 г. кооптирована в ЦК. В 1906 г. была членом Московского комитета, в период реакции отошла от революционной деятельности. После Февральской революции 1917 г. примкнула к интернационалистам. В 1920 г. вступила в Коммунистическую партию; была на партийной работе в Грузии. В 1925 г. переехала в Москву и работала в Государственном издательстве, в Истпарте, в Институте Ленина, в Коммунистическом институте журналистики.

ЯЛАВА Гуго Эрикович (1874—1950) — машинист Финляндской железной дороги; активный участник революционных событий в депо Финляндской железной дороги в 1905 г., возглавлял стачечный комитет. После поражения первой русской революции переправлял на паровозе через границу революционеров и нелегальную литературу. В 1917 г., будучи машинистом паровоза № 293, дважды нелегально переправлял В. И. Ленина через границу: из Разлива в Финляндию и из Финляндии в Петроград. После Октябрьской социалистической революции был машинистом-инструктором, работал в аппарате ЦИК Карельской АССР, а затем инспектором в управлении Свердловской железной дороги. Член Коммунистической партии с 1925 г.

ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (1878—1943) — видный деятель Коммунистической партии, известный историк и публицист, академик. Член партии с 1898 г. Активный участник первой русской революции, вел партийную работу среди рабочих Петербурга, Твери, Нижнего Новгорода, Киева, Ярославля, Одессы, Тулы, Москвы. Один из активнейших работников по созданию военно-боевой организации партии; руководитель московской военной организации, редактор газеты «Казарма». Участник Таммерфорской конференции, а также IV и V съездов РСДРП. Подвергался репрессиям царского правительства. Был одним из руководителей вооруженного восстания 1917 г. и уполномочен Советской власти в Москве. С 1918 по 1943 г. — на ответственной партийной и советской работе: член ЦК партии, секретарь ЦКК, член редколлегии газеты «Правда», журнала «Большевик», член ЦИК СССР. Автор ряда трудов по истории партии и революционного движения в России.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамович Р. А. 360
 Абсолют *см.* Стасова Е. Д.
 Авенариус Рихард 138
 Авксентьев Н. Д. 404
 Адлер Виктор 334
 Адоратская С. М. 178, 180
 Адоратский В. В. 178, 180, 181
 Аксельрод П. Б. 15, 23, 60, 73, 74,
 75, 76, 77, 85, 89, 107, 126, 128,
 138, 243, 360
 Акулипа Ивановна *см.* Кашири-
 на А. И.
 Александров И. (Макар) 99, 100
 Алексей Максимович *см.* Горь-
 кий Максим
 Алексинский Г. А. 136, 272, 352,
 372, 421
 Аллилуев С. Я. 412
 Аллилуева А. С. 407, 408
 Аллилуева О. Е. 406
 Андреев Л. Н. 266
 Андреева М. Ф. 228, 249, 254, 270
 Андрей *см.* Свердлов Я. М.
 Анисимов 418
 Анна Ильинична *см.* Ульянова-
 Елизарова А. И.
 Антонов-Овсеенко В. А. 454
 Армацц И. Ф. 293, 338, 347, 348
 Аронсон 9, 141
 Астафьев 40
 Атаманова А. *см.* Крупская Н. К.
 Афанасьев Ф. А. 37
 Афанасьева С. Н. 149

Б

Б. *см.* Блумквист Артур
 «Бабушка» *см.* Брешко-Брешков-
 ская Е. К.

Бабушкин И. В. 49, 345
 Багдатыев С. Я. 396
 Багоцкий С. Ю. 314, 351
 Бадаев А. Е. (Петр) 322, 341, 344
 Базаров В. А. 202, 203, 229, 253
 Байрон Джордж Ноэл Гордон
 116, 117
 Бакунин М. А. 58
 Балмашев С. В. 84, 88
 Барон *см.* Эссен Э. Э.
 Бауман Н. Э. (Грач) 87, 99, 102,
 134, 136, 210, 211, 213
 Бебель Август 104, 171, 177, 179,
 182, 227, 228, 243, 249
 Бедекер Карл 174
 Бедный Демьян (Придворов
 Е. А.) 273
 Беккер Иоганн Филипп 137, 138
 Беленин *см.* Шляпников А. Г.
 Бельтов *см.* Плеханов Г. В.
 Беляков А. А. 32
 Бер 155
 Бер Макс 86
 Берамже Пьер Жан 113
 Бердяев 56
 Берштейн Эдуард 182, 312
 Бетховен Людвиг ван 148, 268
 Бжезинский 324
 Бизанс 314
 Бизе Жорж 112
 Бильрот Теодор 10
 Блумквист Артур (Б.) 440
 Блюменфельд И. С. 73
 Бобровская (Зеликсон) Ц. С.
 (Харитопова) 103—104
 Бобровский В. С. (Ефрем) 99, 102
 Богданов А. (Малиповский А. А.,
 Рядовой) 108, 119, 152, 153, 163,
 175, 187, 198, 205, 227, 229, 250,
 253, 254
 Богданов И. П. 298
 Богданова Н. Б. 235

Бодровы 38

- Бонч-Бруевич В. Д. 135, 144, 152, 153, 154, 156, 178, 184, 231
 Бонч-Бруевич В. М. *см.* Величкина В. М.
 Брага Газтано 149
 Бранденбургский Я. Н. 184
 Брешко-Брешковская Е. К. («Бабушка») 245
 Бронский М. Г. 365
 Бублеев М. И. 289
 Бубнов А. С. 455
 Буйко А. М. 285, 289, 290
 Бур *см.* Эссен А. М.
 Буренин Н. Е. 245
 Бухарин Н. И. 92, 93, 262
 Бычков *см.* Лепешинский П. Н.

В

- В. В. *см.* Воронцов В. П.
 Вайганд (Weigand) 179
 Вакулечук Г. Н. 194, 195
 Валецкий (Горвиц) М. Г. 360
 Вандервельде Эмиль 111, 337, 338, 339, 346, 347, 348, 354, 404
 Ванеев А. А. (Минин) 12, 17, 37, 44, 46, 47, 49, 51, 61, 62, 65
 Ванеевы 68
 Варский Адольф (Варшавский А. С.) 87
 Васильев-Южин М. И. (Южин, Конкин М. А.) 190, 193
 Величкина (Бонч-Бруевич) В. М. 144, 152, 184
 Верлен Поль 141
 Вигдорчик П. 255
 Вигилев Б. Д. 324
 Вийк Карл Харальд 439, 440
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) 407, 417
 Вильямс 86
 Винокуров А. Н. 57, 60
 Винокурова П. И. 60
 Витте С. Ю. 26
 Виттен В. Ю. 32
 Владимирский М. Ф. 299, 338, 347
 Водовозов В. В. 33
 Воинов *см.* Луначарский А. В.
 Воинов И. А. 422
 Волховский Ф. 86
 Вольный Иван (Владимиров И. Е.) 265
 Воровский В. В. (Шварц) 108, 152, 153, 155, 163, 184, 198, 202, 203, 205, 245, 251, 380, 384
 Воронцов В. П. (В. В.) 44, 55, 56, 62

Г

- Г. В. (Георгий Валентинович) *см.* Плеханов Г. В.
 Г. З. *см.* Зиновьев Г. Е.
 Гаазе Гуго 354
 Галерка *см.* Ольминский М. С.
 Гальперин Л. Е. (Коняга) 81
 Ганецкая Г. А. 382
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. 93, 382, 384
 Ганшин А. А. 47, 58, 59, 62
 Гапон Г. А. 197
 Гауптман Гергард 54
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 66
 Гед Жюль 130, 354
 Гейне Генрих 113
 Гёте Иоганн Вольфганг 91, 92
 Гетье Ф. А. 278, 279
 Гиль С. К. 250
 Гильфердинг Рудольф 178
 Гоголь Н. В. 72
 Голиков 194
 Голубева М. П. 56
 Гольденберг И. П. 93
 Гопнер С. И. (Наташа) 293, 295, 296
 Горбунов П. П. 458, 459
 Горький Максим (Пешков А. М.) 125, 143, 198, 225, 226, 227, 228, 229, 238, 252, 269, 298, 299, 308, 371, 373, 374
 Гоц А. Р. 436
 Гранат А. Н. и И. Н. 331
 Грач *см.* Бауман Н. Э.
 Гречин 416
 Грешнова К. М. 278
 Григорьев М. Г. 53, 56
 Гурвич Ф. И. *см.* Дан Ф. И.
 Гусаров Ф. В. 107
 Гусев С. И. 80, 112, 148, 149, 152, 154
 Гуцул *см.* Запорожец П. К.
 Гучков А. И. 378, 379
 Гюисманс Камиль 338

Д

- Давыдов П. М. 56
 Дан (Гурвич) Ф. И. 72, 73, 76, 143, 151, 170, 214, 227, 246, 247, 392, 393, 436
 Даниельсон Н. Ф. (Н.—он) 31
 Дантон Жорж Жак 195
 Дарвин Чарлз Роберт 86
 Даргомыжский А. С. 112, 148

Даркшевич Л. О. 283
Дауге П. Г. 138
Дебс Юджин Виктор 244
Дейч Л. Г. 87, 243
Дементьев Е. М. 54
Деникин А. И. 239
Дербаршдакер С. Ю. *см.* Фотиева Л. А.
Десницкий В. А. (Строев) 227, 251, 268
Держипский Ф. Э. 216, 265, 270, 413
Диаманд Гермац 334
Диккепс Чарлз 178
Димка *см.* Смидович-Лемап И. Г.
Дицген Иосиф 137, 138
Длуский Казимир 324, 333
Дмитриев П. Д. 41
Дмитриевский 414
Дмитрий Ильич *см.* Ульянов Д. И.
Добровейп И. А. 268
Добровольский 87
Долгов Н. С. 30
Дробнер 314
Дубровинский И. Ф. (Ишпокетий) 81
Дурново И. Н. 51
Духошин Н. Н. 132, 133
Дюрер Альбрехт 268
Дядеька (Дяд—ка) *см.* Книпович Л. М.

Е

Егор *см.* Егоров И. И.
Егоров Н. И. (Егор) 113
Егорова Е. Н. 434
Елизаров М. Т. 32, 54
Елизарова А. И. *см.* Ульянова-Елизарова А. И.
Елизаровы 32, 57
Емельянов Н. А. 411, 412, 415, 416, 418, 419, 423, 424, 425, 427, 428, 429
Емельянова Н. К. 412, 413, 414, 416, 419, 423, 428, 429
Епукидзе А. С. 94
Ефрем *см.* Бобровский В. С.

Ж

Житловский Х. И. 245
Жорес Жан 111, 157, 254
Жорж *см.* Плеханов Г. В.
Жорж *см.* Усиевич Г. А.
Жуковский В. А. 151

З

Загорский *см.* Крохмаль В. Н.
Загоскин Н. П. 173
Зайцевский 62
Залеская 56
Запорожец П. К. (Гуцул) 12, 17, 39, 42, 47, 48, 49, 51, 61, 65
Засулич В. И. 15, 23, 84, 85, 87, 90, 92, 107
Зверь, Зверка *см.* Эссен М. М.
Земляника *см.* Старков В. В.
Землячка (Залкшид) Р. С. 107, 187, 287
Зингер Пауль 227, 228, 243
Зиповьев Б. 51
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (Г. З.) 237, 372, 374, 417, 419, 422, 423, 424, 426, 427, 428, 429, 438, 461, 462
Зорге Ф. А. 137
Зоф В. И. 418, 422

И

И. *см.* Игнатъев А. М.
Иванов *см.* Ленин В. И.
Игнатъев А. М. (И.) 271
Ильин А. П. 40
Ильин В. *см.* Ленин В. И.
Ильип Ф. Ф. 145, 184, 193
Ильины 152
Ильичи *см.* Ленин В. И. и Крупская Н. К.
Инбер 155
Иоффе А. А. 180
Исув И. А. 186

Й

Йо 85
Йонг 86

К

К. *см.* Карпинский В. А.
Каблуков Н. А. 57
Каледин А. М. 451
Калишин В. *см.* Карпинский В. А.
Калинин М. И. 407
Калмыкова А. М. 219
Кальске Эмиль 426, 427, 428, 429
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 183, 237, 269, 393, 395, 396, 422, 461, 462

- Каммерер Т. 363, 370
 Камо *см.* Тер-Петросян С. А.
 Кант Иммануил 63
 Каплан Ф. 277, 283
 Карамышев П. 51
 Карпинский В. А. (К., Калинин В.) 152, 168, 170
 Карцов *см.* Ленин В. И.
 Каррик И. 219
 Каррьер Эжень 141
 Касаткина В. 149
 Каспрович Ян 333
 Катя *см.* Крупская Н. К.
 Каутская Луиза 227
 Каутский Карл 68, 130, 135, 176, 178, 179, 227, 243, 312, 338, 340, 361, 364, 374, 375, 379
 Каширина А. И. (Акулина Ивановна) 228
 Квелч Гарри 84
 Кейзер И. И. 36
 Керенский А. Ф. 70, 132, 133, 377, 378, 384, 402, 411, 417, 421, 424, 425, 426, 434, 435, 437, 439, 450, 453, 457, 464
 Книпович Л. М. (Дяденька, Дяд—ка) 122—123, 156
 Кнуньянц Е. (Лиза) 152
 Кнуньянц Б. М. (Радиц, Рубен) 184, 198, 210, 211
 Князев В. А. 40
 Коллонтай А. М. 270, 376, 422, 459
 Колчак А. В. 239, 240, 456
 Кон Ф. Я. 334, 360
 Конкин М. А. *см.* Васильев-Южиг М. И.
 Константин Петрович *см.* Лепин В. И.
 Коняга-Гальперин *см.* Гальперин Л. Е.
 Корнилов Л. Г. 451, 456
 Костычев С. И. 258
 Костя 34
 Котляренко Д. М. 298
 Кохер Теодор 326, 327
 Крамольников Г. Н. 174
 Красиков П. А. (Петр Апащич, Шпилька) 72, 134, 148, 149, 152, 154, 155, 160, 161
 Красин Г. Б. 12, 36, 44, 45, 49, 61
 Красин Л. Б. 81, 107, 119, 244
 Краснов П. Н. 402
 Красноперов И. М. 32
 Красноперовы 32
 Краснуха В. И. 87
 Крахельская 315
 Кремер А. И. 87
 Кржижановская *см.* Невзорова З. П.
 Кржижановские 71
 Кржижановский Г. М. (Суслик) 36, 37, 44, 47, 51, 61, 65, 69, 107
 Кривенко С. Н. 47, 62
 Кропоткин П. А. 86, 281
 Крохмаль В. Н. (Загорский) 87, 230, 231
 Крочкин-Федоров 41
 Крупская Е. В. 85, 100, 102, 114, 115, 117, 118, 147, 148, 211, 288, 296, 325, 326, 327
 Крупская Н. К. (Атаманова А., Катя, Нади, Надежда Константиновна) 12, 14, 49, 66, 76, 80, 84, 85, 86, 88, 90, 92, 93, 95, 99, 100, 102, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 122, 125, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 152, 153, 157, 160, 165, 175, 185, 207, 208, 210, 211, 212, 215, 229, 231, 238, 251, 280, 282, 285, 288, 291, 293, 296, 301, 303, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 329, 330, 332, 333, 334, 345, 350, 351, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 374, 383, 408, 416, 417, 433, 443, 444, 445, 446, 449
 Крыленко Н. В. 132, 133
 Крылов 40
 Ксюша 289
 Кузьма *см.* Ляхощкий К.
 Кузьма *см.* Савченко Кузьма
 Кузьмина Н. К. *см.* Медведева К. П.
 Кузьмиха (жена Ляхощкого К.) 355
 Курпатовский В. К. 68, 297, 399
 Курц *см.* Лепгник Ф. В.
 Кускова Е. Д. 21, 22, 70
 Куусинен О. В. 442
 Кучин Г. 467
 Кушеский П. Е. 56
 Кшесинская 369, 390—391, 394, 401, 409

Л

- Лавров П. Л. 12, 58
 Ладьяжников И. П. 229, 243, 244
 Лазарев П. П. 277
 Лацдау 351
 Ларин Ю. (Лурье М. А.) 372
 Лассаль Фердинанд 271
 Латукка Юкка 433
 Лафарг Лаура 303
 Лафарг Поль 303, 304
 Лафарги 304
 Лашевич М. М. 423

- Лейтейзен Г. Д. (Линдов) 88
 Леклер Антон 138
 Леман И. Г. см. Смидович-Леман И. Г.
 Леман М. Н. 87
 Ленгник Ф. В. (Курц) 68, 73, 74, 107, 134, 136, 138, 210, 211
 Ленивцын Н. см. Ленин В. И.
 Ленин Н. см. Ленин В. И.
 * Лепин В. И. (Иванов, В. Ильин, Карпов, Константин Петрович, Н. Ленивцын, Н. Лепин, Николай Петрович, Рихтер Яков, Старик) 13, 14, 15, 19, 39, 40, 41, 42, 65, 84, 101, 120, 152, 200, 237, 373, 414, 423, 433
 Лепешинская О. Б. 65, 67, 68, 71, 145
 Лепешинские 66, 148, 152, 158
 Лепешинский П. Н. (Бычков, Олин) 73, 77, 78, 135, 145, 149, 151, 153, 159, 172, 173
 Лещенко Д. И. 231, 414, 426
 Либбер (Гольдман) М. И. 227, 436
 Либкнехт Вильгельм 69
 Либкнехт Карл 227, 365, 394
 Ливанов А. И. 32
 Линдов см. Лейтейзен Г. Д.
 Линдхаген Карл 381
 Литвинов М. М. (Папаша) 99, 102, 177
 Лобов А. И. 329
 Лозовский (Дридзо) С. А. 372
 Лоренц-Метнер 255
 Лохвицкая-Скалон М. А. 394
 Лукашевич А. М. 32
 Луначарская А. А. 157—158
 Луначарские 157, 184
 Луначарский А. В. (Воинов) 108, 152, 153, 156, 157, 163, 164, 165, 229, 238, 253, 254, 372, 418, 422
 Любич см. Саммер И. А.
 Люксембург Роза 227, 247, 248, 338, 365
 Лядов (Мандельштам) М. Н. 60, 76, 103, 135, 144, 152, 153
 Лядовы 152
 Ляховский Я. М. 15, 38
 Ляхоцкий К. (Кузьма) 355, 356
- М
- Макар см. Александров И.
 Маклаков В. А. 274
 Малиниц 152
- Малиновский Р. В. 272, 322, 329, 341
 Малченко А. Л. 12, 44, 59, 61, 62
 Мандельштам Л. П. 145
 Маннер Куллерво 442
 Марек Зигмунд 333—334
 Мария Александровна см. Ульянова М. А.
 Мария Ильишична см. Ульянова М. И.
 Маркс Карл 8, 11, 12, 13, 31, 32, 34, 45, 54, 56, 63, 69, 75, 137, 138, 177, 181, 182, 183, 207, 246, 311, 331, 371
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О., Юлий Осипович) 15, 23, 24, 50, 51, 65, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 84, 85, 87, 90, 92, 108, 120, 126, 128, 143, 151, 156, 170, 189, 227, 237, 247, 270
 Мартынов (Пикер) А. С. 186, 201, 238, 360
 Маслеников А. Н. 58, 60, 61, 62
 Маслеников В. Н. 47, 58, 60, 61, 62
 Маслениковы 60, 61, 62
 Матюшенко А. Н. 194
 Мах Эрст 138
 Маяковский В. В. 273
 Мгеладзе В. Д. (Триадзе) 227
 Медведева К. П. (Кузьмина Н. К., Нада) 213
 Медвежонок см. Ульянова М. И.
 Менжишская В. Р. 285
 Меринг Франц 255
 Меркулов Н. Е. 48, 49
 Миллюков П. Н. 87, 368, 377, 378, 379, 380, 396
 Милютин В. П. 437
 Минин см. Ванесев А. А.
 Минский 198, 199
 Мирипоф И. 367
 Мирипоф М. 367
 Миха см. Цхакая М. Г.
 Михайлов 88
 Михайловский Н. К. 12, 46, 61, 62, 219
 Михалик 314
 Мицкевич С. И. 58, 61, 62
 Моббс (Mobbs) 175
 Могилянский М. М. 59
 Моисеенко П. А. 49
 Моптегос Б. Г. 293, 294
 Муранов М. К. 322, 341
 Мюнценберг Вильгельм 362, 365
 Мякотин В. А. 219

* Здесь указаны страницы, где упоминаются персоналии или партийные клички В. И. Ленина. *Ред.*

Н

Н. 174, 175, 178
 Н. *см.* Шелгунов В. А.
 NN 74
 Н.— он *см.* Даниельсон Н. Ф.
 Надя *см.* Медведева К. П.
 Надя, Надежда Константиновна
см. Крупская Н. К.
 Названов М. К. 12, 61
 Наташа *см.* Гопнер С. И.
 Невзорова (Кржижановская)
 З. П. 12, 13, 71
 Невзорова С. П. 12
 Невский В. И. 94
 Некрасов Н. А. 20, 91, 92, 113, 115
 Николай Александрович *см.*
 Емельянов Н. А.
 Николай II (Романов) 38, 157, 376
 Николай Петрович *см.* Лещин
 В. И.
 Ниляндер 40
 Нина *см.* Эссен М. М.
 Нобс Эрнст 365
 Ногин В. П. 417, 418, 437
 Норинский К. М. 36
 Носков В. А. 107
 Ньютон Исаак 224

О

Окулич 54
 Олигер Н. 255
 Олин *см.* Лепешинский П. Н.
 Ольминский М. С. (Галерка) 66,
 76, 77, 108, 112, 152, 153, 163,
 164, 173, 184
 Онуфриев Е. П. (Степан) 310,
 311, 312
 Орджоникидзе Г. К. (Серго) 307,
 413, 419, 422

П

Павлов Д. 249
 Павлович (Вельтман М. Л.) 372
 Папин Н. Н. 68
 Панина С. В. 27, 176, 200
 Паннекук Антони 180
 Папаша *см.* Литвинов М. М.
 Парвус (Гельфанд) А. Л. 90, 244,
 245
 Первухин 153
 Первухины 152
 Переверзев П. Н. 421
 Петр *см.* Бадаев А. Е.
 Петр Ананьич *см.* Красиков П. А.

Петровский А. А. 258
 Петровский Г. И. 322, 341
 Пешкова Е. П. 268
 Писарев Д. И. 149
 Платтен Фридрих (Фриц) 365,
 368, 381
 Плеханов Г. В. (Бельтов, Г. В., Ге-
 оргий Валентинович, Жорж)
 15, 23, 24, 58, 71, 73, 74, 75, 76,
 85, 87, 89, 91, 99, 108, 109, 110,
 111, 113, 114, 126, 128, 130, 135,
 162, 170, 173, 184, 186, 201, 203,
 212, 227, 238, 242, 243, 246, 249,
 253, 255, 256, 274, 282, 300, 312,
 338, 340, 347, 352, 361, 372
 Пожарский *см.* Сильвин М. А.
 Полетаев Н. Г. 406
 Полуян 429
 Поля 289
 Попов Е. 285
 Попов И. Ф. 338, 347
 Постоловский Д. С. 198
 Потресов А. Н. 23, 85, 151, 221
 Прокопович С. Н. 70
 Прокофьев С. И. 60
 Пушкин А. С. 92
 Пятаков Г. Л. (Юрий) 376, 393,
 395
 Пятницкий К. П. 225, 244

Р

Радек К. Б. 384
 Радин *см.* Кнунянц Б. М.
 Радченко С. И. 12, 18, 36, 44, 46,
 49, 51, 61
 Разин С. Т. 112
 Рансом Артур 202
 Раскольников Ф. Ф. 422
 Рафф Иозеф 149
 Рахья Э. А. 415, 426, 427, 428, 429
 Редмонд Джон 88
 Реймент (Раймонд) 86
 Рейнгардт 173
 Рейнгардт 179
 Репин И. Е. 76
 Ривлин Р. 155
 Рихтер Якоб *см.* Ленин В. И.
 Робертс 88
 Робеспьер Максимильен 174
 Ровио Г. С. 429, 439
 Розанов А. С. 57
 Розмирович Е. Ф. 322
 Роллан Ромен 168
 Романова А. И. 32, 33
 Романовы 259
 Ротштейн Ф. А. 86, 87, 372
 Рубен *см.* Кнунянц Б. М.

Рубинштейн А. Г. 148
Румянцев П. П. 202
Рутенберг 197
Рыков А. И. 237, 393
Рядовой *см.* Богданов А.
Рязанов (Гольдендах) Д. Б. 364,
365

С

С. 262
Савченко Кузьма 407
Савченко К. Д. 407
Салтыков-Щедрин М. Е. 12, 113
Саммер И. А. (Любич) 236
Самойлов Ф. Н. 341
Сапезко В. М. 87
Свердлов Я. М. (Андрей) 180, 344,
413, 425
Сграген 352
Сегал 88
Семашко Н. А. 299, 341
Семковский С. Ю. 360
Серго *см.* Орджоникидзе Г. К.
Серошевский Вацлав 324
Серрати Джачинто 216
Сильвин М. А. (Пожарский) 12,
37, 47, 59
Сильвины 68
Сипягин Д. С. 84, 89
Скалоз 315
Скворцов П. Н. 53, 56
Скляренок А. П. 32
Скороходов П. А. 267
Скупень Тереза 325, 329
Слущкая В. К. 179, 287
Смидович П. Г. 87, 134
Смидович Е. П. (Димка) 364
Смидович-Леман И. Г. (Димка)
87, 156
Смилга И. Т. 442
Смирнов 416
Сократ 9, 141, 261
Спадаро Джованни 255
Спонти Е. И. (Учитель жизни)
54, 60
Сталин И. В. 81, 322, 344, 407, 408,
412, 413, 417, 418, 419, 433, 434,
436, 437
Сталь Л. Н. 313
Станкевич В. Б. 169
Старик *см.* Ленин В. И.
Старков В. В. (Земляника) 12, 19,
36, 37, 38, 39, 44, 47, 49, 51, 61,
65, 69
Старкова (Кржижановская) А. М.
65
Старковы 71

Стасова Е. Д. (Абсолют) 134, 211,
215, 218, 418
Стахович М. М. 439
Стеклов В. А. 258
Степан *см.* Онуфриев Е. П.
Столыпин П. А. 294, 306
Стрём Фредрик 381
Стросев *см.* Десницкий В. А.
Струве П. Б. 15, 160, 219, 221
Суслик *см.* Кржижановский Г. М.
Суханов (Гиммер Н. Н.) 460

Т

Тарасевич А. П. 87
Тахтарев К. М. 38, 85, 87
Теккерей Уильям 178
Теодорович И. А. 93
Теплов А. Л. 86
Терещенко М. И. 417
Тер-Петросян С. А. (Камо) 275
Тихомирнов В. А. 325
Ткачев П. Н. 58
Токарева А. Н. 424
Толстой Л. Н. 9, 268, 294, 302
Тома Альбер 404
Томский М. П. 246, 247
Триадзе *см.* Мгеладзе В. Д.
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 76,
77, 120, 121, 271, 300, 312, 360,
361, 422
Трояновский А. А. 322, 350

У

Ульянов А. И. 13, 30, 56, 116
Ульяшов В. И. *см.* Ленин В. И.
Ульянов Д. И. 54, 116
Ульянова М. А. 30, 31, 115, 116,
216, 320
Ульянова М. И. (Медвежонок) 31,
32, 54, 116, 149, 150, 155, 156,
159, 160, 215, 280, 408, 448, 455
Ульянова О. И. 116
Ульянова-Елизарова А. И. 31, 32,
53, 54, 55, 57, 58, 62, 70, 71, 90,
115, 116
Ульяновы 30, 31, 32, 33, 115
Ульяновы *см.* Ленин В. И. и
Крупская Н. К.
Унтерман Эрнст 137
Уральский Фома 243
Усещус 440
Усевич Г. А. (Жорж) 208, 367
Уэллс Герберт Джордж 228

Ф

Федосеев Н. Е. 53
 Ферри Энрико 255
 Ферсман А. Е. 258
 Филатов В. В. 155, 160, 161
 Фишер М. А. 36
 Фотнева Л. А. (Дербариндикер
 С. Ю.) 161
 Фунтиков С. И. 38

Х

Халатов А. Б. 272
 Харитонов М. М. 363, 365
 Харитонова *см.* Бобровская (Зелликсон) Ц. С.
 Херасков 372
 Хилквит Морис 244
 Ходоровский И. И. 181
 Хрусталеv (Хрусталеv-Носарь)
 Г. С. 121
 Хутгунен Эверт 444

Ц

Цедербаум С. О. 204
 Цедербаум Ю. О. *см.* Мартов Л.
 Церетели И. Г. 392, 393, 417
 Цеткин Клара 104
 Цхакая М. Г. (Мпха) 208, 209,
 387
 Цюрупа А. Д. 215, 216, 217
 Цявловский М. А. 91

Ч

Ч. 265
 Чайковский Н. В. 86, 245
 Чайковский П. И. 112, 148
 Чекеруль-Куш Н. К. 205
 Чекунов И. А. 276, 277
 Черкезов 86
 Чернов В. М. 121, 401, 417, 450
 Чернышевский Н. Г. 31, 113
 Чичерин Г. В. 278
 Чугаев Л. А. 258
 Чухнин Г. П. 195
 Чучков 82
 Чхеидзе Н. С. 378, 379, 381

Ш

Шагов Н. Р. 322, 341
 Шалаянин Ф. И. 254
 Шварц *см.* Воровский В. В.
 Шевелина Н. 155
 Шейдеман Филипп 386
 Шекспир Уильям 117, 175
 Шелгунов В. А. (Н.) 34, 36, 48,
 49, 399
 Шендриков И. 186, 187
 Шёнланк Бруно 36
 Шиллер 63
 Шиллер 88
 Шляпников А. Г. (Беленин) 381
 Шопенгауэр Артур 63, 254
 Шотман А. В. 420, 438, 439, 442
 Шоу Джордж Бернард 228
 Шпилька *см.* Красиков П. А.
 Шрадер 438
 Штернберг П. К. 235
 Штрассер Иосиф 180
 Шумкин В. Г. 315

Щ

Щедрин *см.* Салтыков-Щедрин
 М. Е.

Э

Эллепбоген 334
 Энгельс Фридрих 11, 51, 63, 69,
 137, 138, 181, 182, 183, 207
 Эссен А. М. (Бур) 156
 Эссен М. М. (Зверь, Зверка, Ни-
 на) 113, 135, 154
 Эссен Э. Э. (Бароп) 156

Ю

Южаков С. Н. 47, 62, 219
 Южип *см.* Васильев-Южин М. И.
 Юлий Осипович *см.* Мартов Л.
 Юм Давид 63
 Юрий *см.* Пятаков Г. Л.

Я

Яковлева В. 417
 Якубова А. А. 12, 49, 85, 87
 Якубовская М. Е. 56
 Ялава Г. Э. 426, 429
 Ярославский Е. М. 194

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1891 год

Голубева М. П. 30—32, 33

1892 год

Голубева М. П. 32—33

1893 год

Кржижановский Г. М. 10, 12—14
Бабушкин И. В. 34
Шелгунов В. А. 36—37
Сильвин М. А. 44—45, 52
Мицкевич С. И. 53—55
Гапшин А. А. 62

1894 год

Кржижановский Г. М. 14—15
Бабушкин И. В. 34—35
Шелгунов В. А. 36—37
Князев В. А. 39—43
Сильвин М. А. 44—47, 49
Мицкевич С. И. 55—60
Гапшин А. А. 61—62

1895 год

Кржижановский Г. М. 15—17
Шелгунов В. А. 37—38
Князев В. А. 39—43
Сильвин М. А. 45—51
Мицкевич С. И. 60
Семашко Н. А. 274—275

1896 год

Кржижановский Г. М. 18—19
Шелгунов В. А. 38
Сильвин М. А. 52
Эссен М. М. 115

1897 год

Кржижановский Г. М. 20—21
Лепешинский П. Н. 65, 67

1898 год

Кржижановский Г. М. 19, 20—
22
Ленгник Ф. В. 63—64
Лепешинский П. Н. 65, 66—69

1899 год

Кржижановский Г. М. 20—22
Ленгник Ф. В. 63—64
Лепешинский П. Н. 66—69, 70—
71

1900 год

Кржижановский Г. М. 22
Лепешинский П. Н. 71

1901 год

Землячка Р. С. 79
Мещеряков Н. Л. 90

1902 год

Алексеев Н. А. 84—89
 Мещеряков Н. Л. 90—92
 Эссен М. М. 105—107

1903 год

Кржижановский Г. М. 22—25
 Землячка Р. С. 79—81
 Алексеев Н. А. 85—89
 Мещеряков Н. Л. 93
 Бобровская (Зеликсон) Ц. С. 98—
 101
 Эссен М. М. 107—108, 115—116,
 122
 Сталин И. В. 126—127

1904 год

Кржижановский Г. М. 24—25
 Лепешинский П. Н. 67, 71—78
 Землячка Р. С. 81
 Бобровская (Зеликсон) Ц. С.
 102—104
 Эссен М. М. 107—109, 110—118,
 122
 Дауге П. Г. 134—136
 Луначарский А. В. 140—141, 143
 Фотиева Л. А. 144—155
 Карпинский В. А. 162—164
 Адоратский В. В. 172, 173
 Ольминский М. С. 221—222

1905 год

Кржижановский Г. М. 25—29
 Эссен М. М. 118—122
 Сталин И. В. 127—128
 Дауге П. Г. 136
 Фотиева Л. А. 156—161
 Карпинский В. А. 164—166, 167—
 168
 Адоратский В. В. 172—174
 Васильев-Южин М. И. 184—196
 Луначарский А. В. 197—205
 Цхакая М. Г. 206—207
 Стасова Е. Д. 210—213
 Ольминский М. С. 221—222
 Андреева М. Ф. 225—226
 Гопнер С. И. 302—303

1906 год

Кржижановский Г. М. 27—28
 Землячка Р. С. 81
 Мещеряков Н. Л. 94—95
 Эссен М. М. 123—124
 Сталин И. В. 128—129
 Адоратский В. В. 175—176
 Луначарский А. В. 200, 204—205
 Стасова Е. Д. 213—214
 Ворошилов К. Е. 230—233
 Ярославский Е. М. 234—236
 Белостоцкий И. С. 237

1907 год

Сталин И. В. 129
 Дауге П. Г. 136—139
 Андреева М. Ф. 226—228
 Горький А. М. 242—243, 246—249
 Людвинская Т. Ф. 285—288
 Гопнер С. И. 296

1908 год

Карпинский В. А. 165
 Адоратский В. В. 175—176
 Цхакая М. Г. 207—208
 Ольминский М. С. 220—221
 Андреева М. Ф. 228—229
 Горький А. М. 249—250, 252—255
 Семашко Н. А. 275—276

1909 год

Землячка Р. С. 81—82
 Сталин И. В. 130
 Гопнер С. И. 303

1910 год

Сталин И. В. 130
 Андреева М. Ф. 229
 Горький А. М. 252—255
 Семашко Н. А. 281—282
 Гопнер С. И. 295—302

1911 год

Эссен М. М. 124—125
 Сталин И. В. 130
 Адоратский В. В. 174—175, 176—
 178

Белостокский И. С. 237—238
Горький А. М. 251—252
Семашко Н. А. 279—280
Людвинская Т. Ф. 288—294
Гопнер С. И. 303—305

1912 год

Эссен М. М. 125
Карпинский В. А. 169—171
Адоратский В. В. 178—180
Ольминский М. С. 222
Семашко Н. А. 306—308
Опундрев Е. П. 309—312
Багоцкий С. Ю. 313—323
Ганецкий Я. С. 335—336
Бадаев А. Е. 341—342
Петровский Г. И. 345—346

1913 год

Адоратский В. В. 182
Багоцкий С. Ю. 323—329
Ганецкий Я. С. 336—337
Бадаев А. Е. 342—343
Харитонова Р. Б. 359—360

1914 год

Сталин И. В. 130
Карпинский В. А. 169—170
Адоратский В. В. 180
Багоцкий С. Ю. 329—334
Ганецкий Я. С. 337—340
Бадаев А. Е. 343—344
Петровский Г. И. 346—348
Самойлов Ф. Н. 350—353, 391
Карпинский В. А. 354—355, 357—
358
Харитонова Р. Б. 360—362

1915 год

Сталин И. В. 130
Карпинский В. А. 166—167, 168—
169, 355—357, 358
Цхакая М. Г. 385

1916 год

Сталин И. В. 130
Цхакая М. Г. 208—209
Харитонова Р. Б. 362—365, 366—
367
Покровский М. Н. 371—375

1917 год

Лепешинский П. Н. 70
Сталин И. В. 130, 132—133
Карпинский В. А. 168
Стасова Е. Д. 215
Ольминский М. С. 222, 223—224
Белостокский И. С. 238—239
Горький А. М. 257—258
Харитонова Р. Б. 365—366, 367—
370
Ганецкий Я. С. 376—384
Цхакая М. Г. 385—387
Афанасьев А. М. 388—389
Самойлов Ф. Н. 390—393
Гопнер С. И. 394—398
Аллилуев С. Я. 399—400
Васильев В. В. 401—402
Кучкин А. П. 403—405
Аллилуев С. Я. 406—408
Стасова Е. Д. 409—410
Емельяпов Н. А. 411—416
Орджоникидзе Г. К. 417—420
Шотман А. В. 421—430
Ялава Г. Э. 431—432
Рахья Э. А. 433—437
Ровно Г. С. 438—445
Фофанова М. В. 446—449
Подвойский Н. И. 450—454
Стасова Е. Д. 455—456
Коллонтай А. М. 457—459
Бубнов А. С. 460—462
Еремеев И. Ф. 463—465
Луначарский А. В. 466—467

1918 год

Землячка Р. С. 82—83
Мещеряков Н. Л. 97
Адоратский В. В. 180
Стасова Е. Д. 214—216
Горький А. М. 249—250, 261—262
Семашко Н. А. 277, 283

1919 год

Мещеряков Н. Л. 95
Стасова Е. Д. 215—216, 217—219
Белостокский И. С. 239—240
Горький А. М. 262—268

1920 год

Мещеряков Н. Л. 95—96
Адоратский В. В. 181—182
Стасова Е. Д. 215—219
Белостокский И. С. 240

Горький А. М. 268—269
Семашко Н. А. 282
Петровский Г. И. 348—349

1921 год

Лепешинский П. Н. 66
Адоратский В. В. 182
Горький А. М. 269—272
Семашко Н. А. 276—277, 278—279

1922 год

Мещеряков Н. Л. 92, 93—94
Адоратский В. В. 183

Горький А. М. 272—273
Семашко Н. А. 277—278

1923 год

Луначарский А. В. 141—142
Семашко Н. А. 280, 283—284

1924 год

Эссеп М. М. 125
Семашко Н. А. 284

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Г. М. Кржижановский.</i> О Владимире Ильиче	7
В тюрьме и ссылке	17
Период «Искры»	22
Первая революция	25
<i>М. П. Голубева.</i> Моя первая встреча с Владимиром Ильичем	30
<i>И. В. Бабушкин.</i> Из воспоминаний	34
<i>В. А. Шелгунов.</i> Владимир Ильич в Петербурге	36
<i>В. А. Князев.</i> Николай Петрович	39
<i>М. А. Сильвин.</i> В дни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	44
<i>С. И. Мицкевич.</i> В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов	53
<i>А. А. Ганшин.</i> Как были изданы статьи В. И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»	61
<i>Ф. В. Ленгник.</i> Письма В. И. Ленина по вопросам философии, писанные мне в 1898—1899 годах	63
<i>П. Н. Лепешинский.</i> На рубеже двух веков	65
<i>Р. С. Землячка.</i> Об Ильиче	79
<i>Н. А. Алексеев.</i> В. И. Ленин в Лондоне (1902—1903 годы)	84
<i>Н. Л. Мещеряков.</i> Из воспоминаний о Ленине (Отрывки)	90
<i>Ц. С. Бобровская (Зеликсон).</i> Страницы из революционного прошлого	98
<i>М. М. Эссен.</i> Встречи с Лениным	105
<i>И. В. Сталин.</i> О Ленине. Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года	126
Горный орел	—
Скромность :	127
Сила логики	128
Без хныканья	—
Без кичливости	129
Принципиальность	—
Вера в массы	131
Гений революции	—
<i>П. Г. Дауге.</i> Мои воспоминания о Ленине	134
<i>А. В. Луначарский.</i> Из встреч с Владимиром Ильичем в эмиграции	140
<i>Л. А. Фотиева.</i> Встречи с В. И. Лениным в Женеве и Париже	144
<i>В. А. Карпинский.</i> Ленин как редактор	162

<i>В. В. Адоратский.</i> За восемнадцать лет	172
I	—
II	175
III	178
IV	180
V	181
<i>М. И. Васильев-Южин.</i> В огне первой революции	184
Жизнь в Женеве. Знакомство с тов. Лениным	—
Восстание на броненосце «Потемкин». Мое возвращение в Россию	190
<i>А. В. Луначарский.</i> Из воспоминаний о Ленине в 1905 году	197
<i>М. Г. Цхакая.</i> Встречи с Лениным	206
<i>Е. Д. Стасова.</i> Учитель и друг	210
<i>М. С. Ольминский.</i> Товарищ Ленин	220
<i>М. Ф. Андреева.</i> Ленин и Горький	225
<i>К. Е. Ворошилов.</i> Моя первая встреча с Владимиром Ильичем	230
<i>Е. М. Ярославский.</i> Владимир Ильич руководит боевой работой партии (Страничка из истории военных и боевых организаций нашей партии)	234
<i>И. С. Белостоцкий.</i> Великий учитель	237
<i>А. М. Горький.</i> В. И. Ленин	241
<i>Н. А. Семашко.</i> Незабываемый образ	274
<i>Т. Ф. Людвинская.</i> В Териоках и в Париже	285
<i>С. И. Гопнер.</i> В. И. Ленин в Париже	295
<i>Н. А. Семашко.</i> На Пражской конференции	306
<i>Е. П. Онуфриев.</i> Вечно с нами	309
<i>С. Ю. Багоцкий.</i> В. И. Ленин в Кракове и Порошине	313
<i>Я. С. Ганецкий.</i> Ленин накануне империалистической войны	335
<i>А. Е. Бадаев.</i> Ленин и большевистская фракция Государственной думы	341
<i>Г. И. Петровский.</i> Наш мудрый вождь	345
<i>Ф. Н. Самойлов.</i> В 1914 году	350
<i>В. А. Карпинский.</i> Странички прошлого	354
<i>Р. Б. Харитонова.</i> В. И. Ленин в Цюрихской секции большевиков (1913 год — март 1917 года)	359
<i>М. Н. Покровский.</i> Как рождался «Империализм»	371
<i>Я. С. Ганецкий.</i> От Февраля к Октябрю	376
<i>М. Г. Цхакая.</i> Возвращение на родину	385
<i>А. М. Афанасьев.</i> Встреча на станции Белоостров	388
<i>Ф. Н. Самойлов.</i> Возвращение В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года	390
<i>С. И. Гопнер.</i> Незабываемые дни	394
<i>С. Я. Аллилуев.</i> На Обуховском заводе	399
<i>В. В. Васильев.</i> У путиловских рабочих	401
<i>А. П. Кучкин.</i> На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов	403
<i>С. Я. Аллилуев.</i> В июльские дни 1917 года	406
<i>Е. Д. Стасова.</i> Из воспоминаний об Ильиче	409
<i>Н. А. Емельянов.</i> В последнем подполье	411
<i>Г. К. Орджоникидзе.</i> Ильич в июльские дни	417

<i>А. В. Шотман.</i> Ленин в подполье (Июль — октябрь 1917 года) . . .	421
<i>Г. Э. Ялава.</i> «Кочегар» паровоза № 293	431
<i>Э. А. Рагья.</i> Мои воспоминания о Владимире Ильиче	433
<i>Г. С. Ровио.</i> Как Ленин скрывался у гельсингфорского «полицейстера»	438
<i>М. В. Фофанова.</i> Ильич перед Октябрем 1917 года	446
<i>Н. И. Подвойский.</i> В. И. Ленин в 1917 году (Отрывок из воспоминаний)	450
<i>Е. Д. Стасова.</i> Письмо Ленина в ЦК партии	455
<i>А. М. Коллонгай.</i> Ленин в Смольном	457
<i>А. С. Бубинов.</i> Ленин в октябрьские дни (Несколько воспоминаний)	460
<i>И. Ф. Еремеев.</i> Красногвардейцы у Ленина в Смольном	463
<i>А. В. Луначарский.</i> Смольный в великую ночь	466
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	468
Указатель имен	482
Хронологический указатель	490

**Воспоминания
о Владимире Ильиче
ЛЕНИНЕ**

В 5-ти т.

Т. 2.

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрузов*

Редактор *В. Г. Букатова*

Младший редактор *Д. В. Калько*

Художник *С. Д. Алексеев*

Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 2107

Сдано в набор 05.10.78. Подписано в печать 19.03.79. А00327. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 32,13. Учетно-изд. л. 31,55. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз.
Заказ № 3773. Цена 1 р. 30 к., в суперобложке 1 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16,